

И. В. ЦВЕТАЕВ —
Ю. С. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА / 1897—1912

100 ЛЕТ
Государственному музею изобразительных искусств
имени А.С.Пушкина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

Из фондов Отдела рукописей

И.В.ЦВЕТАЕВ —
Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА
1897 — 1912

ТОМ 3
1904 — 1905

Москва
Издательство «Красная площадь»
2010

УДК 7.072.2(47+57) Цветаев И.В.(044)
ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01
П27

Печатается по решению Ученого совета ГМИИ им. А.С.Пушкина
Председатель Ученого совета – директор Музея И.А.Антонова

Публикация писем – М.Б.Аксененко, А.Н.Баранов,
при техническом участии А.В.Маршак

Комментарии М.Б.Аксененко, А.Н.Баранова

Цифровая съемка С.Г.Шевченко, А.Ф.Кудрявицкого
Сканирование А.Н.Каск

Художники Л.В.Денисенко, Р.В.Черниевский

На фронтисписе: фрагмент скульптурного фриза Л.Армбрустера на внешней
колоннаде Музея изящных искусств

П27 **И.В.Цветаев – Ю.С.Нечаев-Мальцов. Переписка. 1897–1912. Т. 3. –**
М.: Издательство «Красная площадь», 2010. – 460 с., 64 с. ил.
ISBN 978-5-91521-028-7

Имя профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) прочно связано с основанным им в Москве Музеем изящных искусств (ныне – ГМИИ им. А.С.Пушкина). Посвятив делу его создания более 20 лет, Цветаев оставил потомкам не только сам Музей, но и свой уникальный опыт, запечатленный в письмах. Многолетняя переписка Цветаева с Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым (1834–1913), крупным промышленником, благотворителем и основным жертвователем на создание Музея, – важный памятник русской культуры рубежа XIX – XX столетий. Книга богато иллюстрирована и снабжена научным комментарием. Она адресована всем, кто интересуется прошлым России, историей отечественной культуры и гуманитарного образования.

Издание сохранившейся переписки предполагается в 4 томах:
том 1 (1897–1902), том 2 (1902–1903), том 3 (1904–1905), том 4 (1906–1908; 1911–1912).
Первый том вышел в 2008 г., второй – в 2010-м.

ББК 85.103(2)1д Цветаев И.В.01

ISBN 978-5-91521-028-7(т. 3)
ISBN 978-5-91521-001-0

© ГМИИ им. А.С.Пушкина, 2010 г.
© М.Б.Аксененко, А.Н.Баранов, вводный текст, комментарий,
составление приложений, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От публикаторов

10

ПЕРЕПИСКА / 1904 - 1905

		1904	Текст	Комм.
534.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>5 января</i>	18	291
535.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>8 января</i>	18	291
536.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>11 января</i>	19	292
537.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>4 февраля</i>	21	297
538.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>10 февраля</i>	23	298
539.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	<i>16 февраля</i>	25	299
540.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>29 февраля</i>	25	299
541.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>2 марта</i>	27	300
542.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>10 марта</i>	29	303
543.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	<i>12 марта</i>	30	304
544.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>17 марта</i>	30	304
545.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	<i>19 марта</i>	32	306
546.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>28 марта</i>	32	306
547.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>9–11 апреля</i>	34	306
548.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>14–15 апреля</i>	40	310
549.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>18–19 апреля</i>	42	312
550.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	<i>24 апреля</i>	43	313
551.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>25 апреля</i>	44	313
552.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	<i>26 апреля</i>	45	314
553.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>27 апреля</i>	46	314
554.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>4 мая</i>	47	314
555.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>5–6 мая</i>	48	316
556.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>9 мая</i>	56	320
557.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>10 мая</i>	60	324
558.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>11 мая</i>	60	324
559.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>12 мая</i>	64	325
560.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>13 мая</i>	67	326
561.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>14 мая</i>	69	327
562.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>15 мая</i>	69	327
563.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>16–17 мая</i>	72	328
564.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>19 мая</i>	74	329
565.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>20 мая</i>	76	330
566.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>22 мая</i>	78	331
567.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>23 мая</i>	80	331
568.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	<i>24 мая</i>	80	331

			Текст	Комм.
569.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 мая	81	331
570.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 мая	85	332
571.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29–30 мая	86	332
572.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 мая	89	333
573.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 мая	91	334
574.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 июня	93	334
575.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	3 июня	96	334
576.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 июня	96	334
577.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 июня	99	334
578.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 июня	101	334
579.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 июня	103	335
580.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 июня	103	335
581.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 июня	106	336
582.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июня	108	337
583.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	21 июня	109	338
584.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 июня	111	339
585.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июня	114	339
586.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 июля	116	340
587.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 июля	118	341
588.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 июля	121	343
589.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23–24 июля	125	344
590.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 июля	132	347
591.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 июля	135	347
592.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 июля	135	348
593.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 июля	140	348
594.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 августа	141	348
595.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 августа	144	349
596.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 августа	145	349
597.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 августа	147	350
598.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 августа	148	350
599.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 августа	152	351
600.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22–23 августа	154	351
601.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 августа	157	352
602.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 августа	160	352
603.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	2 сентября	162	352
604.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 сентября	163	353
605.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 сентября	163	355
606.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 сентября	165	355
607.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 сентября	168	357
608.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 сентября	169	357
609.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 сентября	171	357
610.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 сентября	171	357

			Текст	Комм.
611.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16–22 сентября	174	359
612.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 октября	177	360
613.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 октября	179	361
614.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 октября	180	362
615.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 октября	181	362
616.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	23 октября	181	362
617.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 октября	182	364
618.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	1 ноября	184	364
619.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 ноября	184	364
620.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	9 ноября	185	365
621.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	9 ноября	185	365
622.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	10 ноября	185	365
623.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 ноября	186	365
624.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 ноября	186	365
625.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 ноября	187	365
626.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	21 ноября	188	365
627.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 ноября	188	365
628.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 декабря	189	366
629.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 декабря	190	366
630.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 декабря	191	366

1905

631.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 января	193	367
632.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 января	194	367
633.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	4 января	195	368
634.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 января	195	368
635.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 января	198	369
636.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 января	198	369
637.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 января	199	370
638.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	26 января	200	370
639.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 января	201	370
640.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	28 января	202	371
641.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	28 января	202	371
642.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	31 января	203	371
643.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 февраля	204	371
644.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 февраля	205	372
645.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 февраля	206	372
646.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 февраля	207	372
647.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 февраля	207	373
648.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 февраля	208	373
649.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 марта	209	375
650.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 марта	211	376

			Текст	Комм.
651.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	7 марта	211	376
652.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 марта	213	376
653.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 марта	215	377
654.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 марта	216	377
655.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 апреля	217	377
656.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 апреля	217	377
657.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 апреля	219	377
658.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	29 апреля	220	378
659.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 мая	220	378
660.	НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ.	6 мая	222	379
661.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 мая	222	379
662.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 мая	222	380
663.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 мая	224	381
664.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	11 июня	225	381
665.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 июня	228	382
666.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 июня	231	383
667.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июня	233	383
668.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	18 июня	234	384
669.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 июня	234	384
670.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	24 июня	236	385
671.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	25 июня	239	388
672.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	27 июня	242	388
673.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	30 июня	244	388
674.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	8 июля	246	388
675.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	13 июля	248	389
676.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	17 июля	251	389
677.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 июля	253	390
678.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	26 июля	254	390
679.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 августа	257	391
680.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	16 августа	259	391
681.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	22 августа	260	391
682.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	1 сентября	262	392
683.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	5 сентября	264	392
684.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	6 сентября	267	393
685.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 сентября	267	394
686.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	23 сентября	269	394
687.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	14 октября	271	395
688.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	19 октября	274	396
689.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	4 ноября	277	397
690.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	12 ноября	279	397
691.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	15 ноября	280	399
692.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ.	20 ноября	280	399

		Текст	Комм.
693.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. 11 декабря	282	400
694.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. 11 декабря	283	400
695.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. 12 декабря	284	400
696.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. 19 декабря	285	402
697.	ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ. 30 декабря	286	402

КОММЕНТАРИИ

Принятые условные сокращения	290
------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

[ПОСЕЩЕНИЕ СТРОЯЩЕГОСЯ МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ]	404
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Пожар в Музее изящных искусств. Дневник происшествия	406
--	-----

Указатель документов	426
----------------------	-----

Предметно-тематический указатель	427
----------------------------------	-----

Проектирование, строительство и оборудование Музея изящных искусств	427
--	-----

Художественные произведения, археологические памятники	430
--	-----

Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели	433
---	-----

Организации, общества и общественно значимые мероприятия	437
--	-----

Указатель имен	441
----------------	-----

Список иллюстраций	451
--------------------	-----

Summary	455
---------	-----

От публикаторов

Настоящим томом продолжается публикация переписки основателя Музея изящных искусств при Московском университете профессора Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913) с товарищем председателя Комитета по устройству Музея и основным жертвователем на его сооружение и комплектование, промышленником и придворным Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцовым (1834–1913). В том включены письма за 1904–1905 гг. Это время связано в российской истории с событиями русско-японской войны и первой русской революции, и для Музея оно стало началом тяжелых испытаний.

Распространявшаяся в рабочей среде под влиянием революционной агитации агрессивность затронула и русских рабочих, занятых на строительстве Музея. В феврале 1904 г. один из уволенных «за дурное поведение» мраморщиков в отместку изуродовал только что установленную на место мраморную капитель полуколонны бокового фасада. Капители эти изготовлялись как точные копии капителей Эрехтейона и были украшены тонким орнаментом. Чтобы заменить испорченное, пришлось добывать на Урале мраморный блок соответствующих размеров и начинать работу заново. Кроме того, потребовалось разобрать вышележащий карниз.

В конце 1904 – начале 1905 г. последовали наиболее трагические для Музея события.

В ночь с 19 на 20 декабря 1904 г. в одном из залов первого этажа, где хранились ящики со слепками, возник пожар, уничтоживший значительную часть собранного с начала 1890-х гг. Поскольку это помещение было недоступно для посторонних, в качестве наиболее вероятной причины несчастья предполагали поджог¹. Убыток, причиненный художественным коллекциям, был оценен в 40 тыс. руб., ущерб, нанесенный зданию, составил 16 тыс. 700 руб. (подробнее см. Приложение II в настоящем томе). Если в ноябре 1904 г. в отчетной речи Цветаев высказывал надежду на открытие

Музея в 1907 г., то после пожара эти сроки отодвинулись на неопределенное время.

4 февраля 1905 г. на территории Кремля террористом был убит председатель Комитета по устройству Музея великий князь Сергей Александрович, чье активное участие и заинтересованность в деле созидания Музея во многом предопределили общественный резонанс цветаевского начинания. Отныне все дела Комитета вплоть до открытия Музея предстояло вести его заместителю, Ю.С.Нечаеву-Мальцову. Новый председатель Комитета, великий князь Петр Николаевич, появится лишь в конце декабря 1913 г., когда ни Цветаева, ни Нечаева-Мальцова уже не будет в живых.

Непрочность политической ситуации в России отозвалась и на контрактах за границей. В июне 1905 г. Цветаев, приехав во Фрейбург, нашел, что исполнение заказанного им год назад приостановлено, так как у подрядчиков, из-за неудачной для России войны и начавшейся революции, возникло сомнение в платежеспособности заказчика. Слепки со скульптур Фрейбургского собора, которые Цветаев считал очень желательными в экспозиции зала Средних веков, для Музея так и не были сделаны.

Материальное обеспечение Музея, зависевшее в основном от пожертвований и никогда не отличавшееся стабильностью, еще в 1904 г. пришло в упадок. Расход по возведению здания превысил к концу 1904 г. 1 млн. 54 тыс. руб., не считая расходов по приобретению памятников искусства и книг, и все собранные ранее средства были исчерпаны. Время для создания музеев было неблагоприятное – забастовки разоряли предпринимателей, и новых жертвователей на учебно-просветительское учреждение найти было невозможно. Впервые встал вопрос о дальнейшей судьбе строящегося Музея. Положение спас Нечаев-Мальцов, распорядившийся не замедлять строительные работы, оплачивать которые теперь предстояло исключительно из его личных капиталов. По его настоянию в отчетах Комитета поступление этих средств указывалось с формулировкой «от лица, пожелавшего остаться неизвестным».

В российских университетах расширялась волна студенческих беспорядков, которые привели к временному закрытию университетов. 12 января 1905 г. Московский университет не смог отпраздновать свой 150-летний юбилей. Часть преподавателей учебных заведений оказались на стороне бастующих. В письмах Цветаева 1905 г. упоминаются активные пропагандисты революционных идей из числа недавних выпускников историко-филологического факультета Московского университета, возможно даже его бывших слушателей.

Насколько близко, сами того не подозревая, соприкасались в реальной жизни герои публикуемой переписки и те, кто работал на уничтожение

существовавшего общественного порядка, свидетельствует следующее. Нечаев-Мальцов, как видно из переписки, во время своих приездов в Москву останавливался в респектабельной гостинице «Славянский базар» на Никольской ул., недалеко от Кремля. За несколько дней до его очередного приезда, 2 – 4 февраля 1905 г., в этой же гостинице террористка-эсерка готовила бомбы для планировавшегося покушения на великого князя Сергея Александровича.

Забастовки, проходившие в стране, осенью 1905 г. захватили также и рабочих, занятых на строительстве Музея.

Вопреки всем неблагоприятным для созидания художественного учреждения тенденциям времени Музей продолжал строиться и экспонаты прибывали в Москву. Стройку посещали: 20 мая 1904 г. – министр народного просвещения В.Г.Глазов, 14 июля того же года – великий князь Сергей Александрович, в конце сентября 1905 г. в Музее побывала его вдова, великая княгиня Елизавета Федоровна.

Для подбора экспонатов Цветаев в течение трех командировок в 1904 – 1905 гг. посетил музеи, соборы и муляжные мастерские в 27 городах, среди которых: Берлин, Ахен, Париж, Амьен, Шартр, Бурж, Дижон, Реймс, Страсбург, Штутгарт, Нюрнберг, Бамберг, Наумбург, Мюнхен, Дрезден, Лейпциг, Гильдесгейм, Фрейберг, Кёльн, Фрейбург, Лондон, Базель, Лозанна, Женева, Вена, Ульм, Аугсбург.

Если начиная с 1890-х гг. собрание Музея пополнялось слепками с античной скульптуры, то в 1904 – 1905 гг. основное количество вновь поступившего составили памятники эпохи итальянского Возрождения, слепки с которых были заказаны Цветаевым в 1902 – 1903 гг. Именно в это время был в основном сформирован состав экспозиции двух залов, из которых один был посвящен искусству XV, а другой – XVI века, главным образом – творчеству Микеланджело. Работы итальянских мастеров предшествующего периода, предназначавшиеся для зала Средних веков, также были представлены в поступлениях 1904 г.

Главной целью командировок Цветаева 1904 – 1905 гг. явилось изучение на месте и отбор для копирования памятников романского и готического периодов в странах Северной Европы.

Планировавшийся еще в 1896 г. раздел экспозиции, посвященный европейскому Средневековью (см. условия архитектурного конкурса в Приложении к т. 1), был теперь дополнен памятниками древнехристианского искусства V – VI вв. из Равенны и охватывал период около тысячи лет. Он давал абсолютно новые для российских зрителей эстетические впечатления. Античное искусство в общих чертах было известно культурной части буду-

щих посетителей Музея, поскольку оно, пусть и в самой краткой форме, входило в учебные программы гимназий и изучалось в высших учебных заведениях на гуманитарных факультетах, художественные же достоинства средневекового искусства еще и в начале XX в. были понятны в России далеко не всем. Формирование этой части музейной коллекции приобретало поэтому особенно важное образовательное значение.

Знакомясь с искусством североевропейских стран, Цветаев от Средневековья перешел к памятникам XV – XVI вв., которые принято относить к искусству Северного Возрождения. Этот совершенно новый в программе Музея раздел экспозиции в дальнейшем было решено разместить в зале, примыкавшем к Христианскому дворику, где ранее намеревались устроить Антикварий.

Другой задачей было комплектование раздела Древней Передней Азии, которому отводился один зал в экспозиции московского Музея. Произведения для этого зала подбирались в Британском музее – барельефы дворца царя Ашшурнасирпала II (IX в. до н.э.), в Лувре – крылатые быки, стела Хаммурапи, гигантская капитель из Персеполя.

По античному разделу Цветаев в 1904 – 1905 гг. заказал лишь отдельные памятники, необходимые для завершенности коллекции, среди них из Британского музея для периода высокой классики – скульптуры фигейского храма Аполлона, а также произведения греческих скульпторов, созданные на территории Малой Азии в V – IV вв. до н.э.: ликийские скульптуры, главные изваяния Галикарнасского мавзолея и архитектурный фрагмент храма в Эфесе – база колонны, украшенная рельефными изображениями.

Предметом особенной заботы Цветаева было получение дорогостоящего слепка с юго-восточного угла Парфенона из парижской Школы изящных искусств.

Слепок представлял собой научную реконструкцию части Парфенона в его реальном масштабе с восстановлением разрушенных частей памятника. Он был важен Цветаеву по двум причинам: во-первых, давал представление об истинных пропорциях этого всемирно известного сооружения; во-вторых, Музей по своему учебно-просветительскому назначению должен был знакомить зрителя с основными архитектурными ордерами, и представить их было удобней на самых известных, классических образцах. Ионический ордер демонстрировался в архитектуре самого Музея: при проектировании внешней колоннады Музея за образец были взяты в увеличенном масштабе пропорции колонн восточного портика Эрехтейона, рисунок капителей, как указывалось выше, в точности повторял древний памятник. Коринфский ордер был представлен слепком памятника

Лисикрата. Угол Парфенона рассматривался как лучший пример дорического ордера.

Столь крупный слепок потребовал углубления пола Греческого дворика до уровня цокольного этажа, в связи с чем первоначальный проект зала претерпел принципиальную переработку. Дворик получил трехуровневые обзорные террасы, соединенные лестницами. Такое решение, увеличив общую кубатуру зала, придало его облику своеобразие и позволило избежать впечатления тесноты пространства при установке в нем слепков крупных архитектурных фрагментов.

В то время, как Цветаев делал заказы, пытаясь представить себе размещение того или иного предмета в будущей экспозиции Музея, из Москвы шли тревожные вести. И.В.Дмитриев, письмоводитель Румянцевского музея, одновременно ведший делопроизводство Комитета по устройству Музея изящных искусств, аккуратно сообщал Цветаеву все подробности музейной жизни. 4 июля 1905 г. он писал: «Народ у нас в Москве сильно берут на войну. Товарищ, который только хотел переехать ко мне на дачу, в ночь до отъезда своего ко мне был взят на действительную военную службу. Мой писарь [Матвеев. – *Публ.*], который переписывал Ваши письма в книгу, также три дня тому назад взят на войну. Везде стоит плач. Всю ночь двигаются толпы запасных, которых отправляют в разные города. В Румянцевском музее взято до 15 человек. Семьи их и жены оставлены в квартирах [казенных квартирах музея. – *Публ.*]. Ночью слышится плач.

Все вокзалы, как стемнеет, переполнены отправляющимися запасными, и там стоит душу раздирающий крик»².

28 июля 1905 г. Дмитриев сообщал о размещении ящиков с гипсами, поступающими в Музей из-за границы: «Переноску ящиков я еще не начинал, во-первых, потому, что кладовая еще не готова, а во-вторых, поджидаю момента, когда народ будет потише. Брать людей с улицы я сейчас боюсь, ибо у каждого из них ножи за голенищем и до того злы, что малейшее слово не по ним – сейчас и нож в живот. Плохое время, очень плохое. Что-то скажет нам заседание в Америке о мире [речь идет о заключении мира с Японией. – *Публ.*]. Но заранее чувствуется, что если будет заключен мир на плохой почве для России, то пойдет резня, а если не заключат мира, то тоже будет не легче»³.

К концу 1905 г. здание Музея было возведено, стены облицованы мрамором, а в задней части оштукатурены; окна застеклены. Музей наконец получил свой главный фасад с его мраморными колоннадами и двумя скульптурными фризами. В залах предстоял еще значительный объем отделочных работ. Параллельно здание наполнялось экспонатами, пока хранившимися

в ящиках. В апреле 1904 г. из тесного помещения в здании Университета были перенесены коллекция античных ваз и библиотека Кабинета изящных искусств и размещены в так называемой квартире хранителя, находящейся в задней, предназначавшейся для проживания персонала части Музея. Здесь была предусмотрена возможность проведения занятий со студентами по материалам Кабинета – в университетских отчетах начиная с 1904 г. указывалось, что Кабинет открыт ежедневно от 10 часов утра до 4 часов дня и что помещается он в новом здании Музея. Таким образом, Музей еще задолго до открытия начал выполнять свои функции научно-просветительского учреждения.

* * *

Большинство из вошедших в настоящий том цветаевских писем известны лишь в рукописных, им самим заказанных копиях. Все они приводятся без какого-либо отбора и купюр. Повторы в письмах связаны с тем, что, не имея ответа от Нечаева-Мальцова, Цветаев не мог быть уверен в получении им его писем.

По автографам публикуются: письма Нечаева-Мальцова и письма Цветаева 537, 538, 540, 542, 544 – 546, 591 (середина письма); письма 581, 582 и начало 583-го дошли до нас в авторской копии.

Номера книг и листов копий в комментариях не указываются, вместо этого приводится номер, под которым соответствующее письмо числится в описи ОР ГМИИ. Автографы отмечены специально. При публикации восстановлена хронологическая последовательность, иногда по недосмотру нарушенная переписчиками. Эти случаи оговариваются в комментариях. В едином хронологическом порядке с письмами Цветаева помещены немногие имеющиеся телеграммы и письма Нечаева-Мальцова.

Перед текстом каждого письма или телеграммы справа курсивом публикаторами проставлены дата и место написания, иногда установленные косвенным путем; слева воспроизводится дата в авторском написании. Все курсивные даты даны по старому стилю. По старому же стилю выдержаны и даты в комментариях, в том числе применительно к зарубежным событиям до 1918 г.

Публикуемые тексты приведены в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением тех архаических написаний, которые могут отражать реальное произношение соответствующих слов автором («счастье», «рукою» и т.п.). Иностранные имена и названия даются – за исключением букв, упраздненных орфографической реформой 1918 г., – в принятом в то время написании, например «Джиованни»; написание же, утвердившееся в наши дни, используется в примечаниях. Старое

написание «Микель-Анджело» всюду заменено фонетически тождественной современной формой «Микеланджело» (читается с мягким «л»).

В письмах, печатающихся по копии, разбивка на абзацы принадлежит публикаторам. Сохранена существовавшая в цветаевское время традиция написания с заглавной буквы титулов царствующих особ и названий высших государственных учреждений Российской империи.

Ошибки переписчиков в тех случаях, когда правильное чтение не подлежит сомнению, исправлены без оговорок; оставленные пробелы по возможности восполнены. Сокращенно написанные слова приводятся полностью – за исключением общепонятных или ясных из контекста. Дополнения публикаторов в тексте писем даны в квадратных скобках.

Подстрочные переводы иноязычных слов и выражений принадлежат публикаторам. В подстрочных примечаниях объясняются, кроме того, малоупотребительные в настоящее время слова, а также цитаты.

Документы, публикуемые или цитируемые в комментарии, воспроизводятся по тем же принципам, что и письма; необходимые краткие пояснения вставлены прямо в текст в квадратных скобках. Купюры внутри цитаты обозначаются многоточием в угловых скобках: <... >

В тех случаях (а их большинство), когда в комментарии не указано место хранения публикуемого или цитируемого документа, подразумевается, что он находится в ОР ГМИИ.

Ряд имен и фактов, упоминаемых в текстах, уже комментировались в предыдущих томах. Для удобства читателей минимальные сведения о них приводятся и в данном томе с пометой «См. подробнее т. 1, т. 2».

В Указателе имен полужирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения.

Публикаторы приносят благодарность заведующей Отделом визуальной информации ГМИИ им. А.С.Пушкина Е.А.Зиничевой и сотруднице Научной библиотеки Музея М.И.Ивановой за помощь в поиске иллюстративного материала по произведениям искусства для настоящего тома; И.С.Иезбере (г. Москва) за предоставленную возможность публикации фотографии его прапрадеда К.Ф.Иезберы, а также старшему научному сотруднику ГМИИ им. А.С.Пушкина А.А.Савинову за копию фотографии его предка, В.А.Александрова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К сожалению, окончательные выводы следствия нам не известны.

² ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 905. Публикуется впервые.

³ Там же, ед. хр. 907. Публикуется впервые.

ПЕРЕПИСКА
1904 – 1905

1904

534. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса¹, 5 января 1904 г.

5 января 1904, Таруса

Получены мною две депеши, одна от кн[язя] М.М.Голицына с извещением, что Великий Князь Владимир Александрович приглашает меня прибыть к нему для доклада о постройке нового читального зала в Румянцевском музее, и другая от министра народного просвещения с разрешением мне служебного приезда в Петербург². Кн. Голицын просит только известить его заблаговременно телеграммой о приезде; это я и сделал ныне, сообщивши ему, что служебные обстоятельства позволяют мне выехать из Москвы 15 числа и что, побывавши у него по приезде, я буду ожидать приглашения Его Высочества.

Придется пробыть в Петербурге около недели. Тем временем возвратится из Рима Роман Иванович³.

Здесь я отдохнул и теперь отправляюсь в Москву с запасом сил. Будьте счастливы.

535. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 января

8 января 1904, Москва

Из тарусских моих писем Вы, вероятно, заключили, что я телеграммы Вашей, посланной, если только не ошибаюсь, в день Нового года, не получил. Так оно и вышло на деле. Каким-то образом вышло, что я нашел ее у себя на столе в кучке карточек, писем и разных торговых анонсов. Текст ее перевран: слов ее «спишите мне о Вашей статье» разгадать я не могу. Тут что-то телеграф, за новогодним недосугом, напутал¹.

Жуковский² капризничает и очень неумно. Принявши на себя роль адвоката Синаева от Ваших ему будто бы обид, он попал в очень щекотливое нравственное положение. Синаев втерся в доверие к нему и сделал его сообщником подозрения, что Залеман сворует сюжет проекта верхнего фриза у него, Синаева³. С этого целого [с этой целью?] он оставил у Жуковского свой рисунок, Ж., по своей доброте и недостатку осмотрительности, принял рисунок на хранение и... остался с носом. Проект Залемана оказался на 1000 верст от синаевского по самой теме, не говоря об исполнении.

Жуковский, ознакомившись с залемановским проектом, пришел в сильный восторг, написал мне по этому поводу письмо, восхваляя именно зале-

мановскую идею и задатки исполнения и заявив, что Синаеву теперь нечего обижаться, если Комитет изберет работу Залемана. Это письмо послал он мне чуть не накануне заседания Комитета 20 июля 1902 г.⁴, по случаю своего отъезда в Петербург. Я, при обсуждении проектов, прочел это письмо в заседании, и так как голос Павла Васильевича относительно и Синаева, и Залемана имел, в таких исключительных обстоятельствах, особое значение при самом решении дела в пользу последнего, то я занес письмо его в протокол – в подлинных выражениях. Протокол заседания был читан и утвержден Комитетом уже по отъезде моем за границу и хранится теперь в делах Комитета⁵. Все – в порядке, бумаги я нарочно просмотрел, получивши перед поездкою в Тарусу очень странное письмо от Жуковского⁶. Он, должно быть, только теперь сообразил, какую некрасивую роль заставил его сыграть относительно талантливого Залемана Синаев. Будь Залеман менее скромн, он мог бы наговорить очень неприятных слов этим двоим участникам засады, устроенной против его авторской честности. Какое, в сущности, право имеют Синаев и Жуковский ожидать плагиата со стороны Залемана?

Жуковского я в любезной форме приглашу заехать ко мне в Румянцевский музей. Идти мне к нему не подобает после его неумного письма. Сам напутал, попал в некрасивое положение, да еще капризничает. Это не товарищески; члены Комитета все равны.

536. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 января

11 января 1904, Москва

Недаром суббота означает день покоя, успокоения, мира душевного и телесного*. Вчера, в субботу, два дела для меня закончились миром и успокоением лиц, эти дела поднявших.

Сначала напала на меня графиня Толстая, жена Льва Николаевича, с упреками в непочтении к славе и авторитету ее мужа, в недостатке деликатности к ней, охранительнице этой славы, в непонимании задач музея, который должен считать за честь служить сохранению рукописей гр[афа] Толстого, т[ак] к[ак] каждый листок их примется всяким иностранным музеем, а Британским в особенности, с величайшим почтением¹. Она же очень оскорблена, привезла поэтому артельщика** взять свои сундучки с рукописями

* Речь идет о значении слова «шаббат», или «шабаш» (*древнеевр.*), от которого происходит русское «суббота».

** Член какой-либо артели; в московском словоупотреблении обычно – грузчик (*устар.*).

мужа и передаст их куда-нибудь в другое учреждение для хранения; она де никак не ожидала к себе и графу такого отношения с моей стороны, привыкши к деликатности и доброте моих предшественников, Дашкова и Вевитинова², и т.д. и т.д.

С графиней мы виделись в первый раз в жизни; я о ней лишь слышал как о женщине энергичной, опытной в управлении имением и денежными делами по изданию сочинений Л[ьва] Н[иколаевича]; слышал также анекдоты насчет ее горячности и уменя в таком состоянии говорить бестактные вещи. Покойный Мейн³ посещал в молодости семью Берс, знал и ее и ее брата, бывшего орловского вице-губернатора, ныне служащего в одном из Поляковских здешних банков⁴. Когда лилось на меня это горячее красноречие графини, я хранил молчание и думал: «Вот тебе и вновь пожалованный тайный советник!⁵ такой распекательной элоквенции* я не слышал и в малых чинах, а теперь, на вершине титулярной славы, барыня ругает тебя, как жалкого своего писаря»; озирался я по сторонам директорского кабинета, перед дверью которого, входя с бумагами, крестятся и причитают – «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его»** – музейские чины; озирался я, спрашивая себя, «да не заснул ли я на директорском кресле от многочисленности спешных дел»; так нет: графиня сидит передо мною и отчитывает в речи, негодующей и страстной.

Я дал ей договорить до конца, пока она, не встречая с моей стороны ни слова в ответ, не умолкла и сама. Тогда я сказал ей, что я не принимаю ни одного из ее обвинений ни на счет музея, ни на счет свой: сундучки ее хранятся свято вот уже 10 лет, никто их и с места не трогал, не вскрывал, и остаются они ею же самой запертыми; а если мы попросили ее по этому делу, то единственно потому, что будет производиться ремонт по случаю новой системы отопления и в том помещении, где находится ее собственность; мы пригласили ее для совместного обсуждения вопроса, где на будущий строительный сезон укрыть эти сундучки так, чтобы их не могли коснуться чужие руки и чтобы не преградить к ним доступа для нее самой во время ее посещений для новых вкладов. Вот и все. «Так зачем же, Иван Владимирович (!), не сказали мне этого с самого начала, не остановили меня, а все молчали, как немой? Я Бог знает что вам, по горячности своей, наговорила тут», – затараторила очень зарумянившаяся посетительница. «А я хотел посмотреть, какая вы бываете, графиня, в сердцах; мне покойный тесть мой А.Д.Мейн говаривал, что вы ужасно сердиты...»

* Элоквенция – речь, красноречие (*лат.*).

** Начало 131-го псалма. В Синодальном переводе: «Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его».

И гнева графини как не бывало, пошли мы в рукописное отделение, где хранятся ее сундучки, выбрали для них новое место в одной нише, над шкафами; она отослала артельщика – и мы расстались в наилучшем настроении⁶. Я проводил графиню до передней и подавал ей шаль. На прощанье просил ее не думать, что преемником Дашкову и Веневитинову посадили в Румянцевский музей какого-то злого барбоса.

Так же мирно окончилась и беседа с Жуковским, приехавшим вслед за ней. И началась она, впрочем, тихо и даже в минорном тоне. Приехал Павел Васильевич со страдальческим, измятым лицом: он болен сердцем, не может подниматься по лестницам и настроен грустно насчет своей долговечности и сил. Начал он с извинения за письмо, написанное им в «болезненном состоянии» и не по адресу: «Зачем я написал его вам? – сказал он. – Ведь мне следовало писать Юрию Степановичу; это я сообразил после и должен был поэтому писать длинное и сердечное письмо и ему; вот и его ответ мне». Тут он показал мне Ваше большое письмо и прочел его⁷. Третье письмо он написал графу Воронцову-Дашкову, прося его склонить Вас дать что-нибудь за переделку 1-го проекта Синаеву, «человеку очень бедному», у которого родные живут где-то в деревне⁸. Синаев так надоел ему, что он не называет его иначе как «этот жиденок». Ведь вот что значит назойливый характер этого несомненно даровитого художника. Он так надоел своим приставаньем к Поленову⁹, что тот отдал приказ прислуге сказывать при его появлении, что нет барина дома. И он после того все ездил и ездил... Жуковский очень сильно хохотал, добравшись при чтении письма до «мамонографических»¹⁰ наклонностей. Он того убеждения, что Синаев-Бернштейн испортил свое «право» на вознаграждение в скромном размере сам своим бесцеремонным приставаньем.

Поленов был вчера вечером у меня, он подсчитал стоимость экспедиции в Грецию¹¹. Сам он сделает путешествие на свой счет, для 4-х [четверых] же участников он, по собственному опыту, просил бы по 20 фр[анков] на день на месяц (1/2 [половина, т.е. середина] апреля – 1/2 мая), след[овательно], по 600 фр. [ок. 240 руб.] на человека. Что-то уже больно дешево: как уложить в эту сумму и проезд² четверо художников пропутешествуют месяц по отдаленной Греции меньше чем за 1000 руб. (!)¹².

537. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 февраля 04

4 февраля 1904, Москва

Глубокопочтимый Юрий Степанович.

Ваше Об[щест]во иконописи обратилось ко мне¹ с просьбой о разрешении воспроизвести для его целей строгий образ Спасителя из римских

катакомб Св[в]. Петра и Маркеллина². Желая от души Вашему Об[щест]ву успехов в его хороших стремлениях, я высылаю ныне с секретарем Румянцевского музея Готье³ ящик с двумя листами этого изображения – на Ваше имя. Юрий Владимирович Готье лично доставит Вам этот ящик утром, часов около 11, в пятницу этой недели. Сам я переслать в Об[щест]во эти редчайшие, за исключением поясного образа, сделанного Рейманом⁴ в копии с нашего, единственные листы не решаюсь. Вы же, как член Об[щест]ва и Тов[арищ] Авг[устейшего] Председателя Комитета Музея Александра III в Москве, это можете сделать легко⁵. Вы же примете меры к тому, чтобы копия фотографии была снята, может быть, у Вас в доме. Мне говорили, что еще не решено, как воспроизвести это изображение, фототипией или в красках.

Вчера я был у Р[омана] И[ванови]ча и нашел его в очень возбужденном состоянии: глаза его горели, он не мог сидеть на месте, а все бегал по комнате. Его беспокоивает цифра неизбежных расходов, требующихся для окончания Музея. Она выросла у него до 400 000 руб.; но он надеется свести ее на 350 000. В эти дни он всецело занят только этим вопросом. Не зная, где урезать, он пришел к странному предположению сделать лестницу из Христианского дворика во 2-й этаж – бетонную и обложить ее *деревом*⁶. Когда он мне это сказал, то мне показалось, да не болен ли он? Строить колоссальное несгораемое здание – и вдруг деревянную лестницу, идущую поблизости и параллельно дивному мраморному входу.

К Вашему приезду на 2-й неделе он сделает все физически возможные сокращения и приготовит окончательную смету трех строительных лет 1904 – 1906⁷.

Верхний этаж Румянцевского музея пошел под центральный склад вещей, собираемых, заготавливаемых и отправляемых на войну Вел[икой] Кн[ягин]ей Елисаветой Феодоровной⁸. Великая Княгиня проявляет необычайную энергию. Ездит каждый день, остается здесь по несколько часов, приготовила закрытый уголок для своего письменного стола и для своего «походного» завтрака. Мы, музейцы, отдали помещение, убрав нижние ряды картин; там кипит дамская работа, весь женский *beau monde** теперь у нас, но мы после молебствия⁹ туда не показываемся. Наше учреждение живет своею жизнью; такт не должен позволять чинам музея мозолить собою глаза случайным гостям. Будьте благополучны.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ.

* Бомонд, высший свет (*фр.*).

538. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 10 февраля 04

10 февраля 1904, Таруса

Глубокочтимый Юрий Степанович.

В такие дни, которые я должен проводить в Москве, я вынужден писать Вам вдали от нее, из городка, куда я до сих пор уезжал только в вакации или для окончания какого-нибудь очень спешного письменного дела вроде годовичных отчетов по Комитету или Актовой речи¹. На этот раз, в такую неурочную пору, угнали меня сюда головокружения с невралгическими внезапными болями в руках, спине, ногах. На днях, идя по улице, я почувствовал, как заколебалась подо мною земля; продолжалось это несколько секунд, но затем вскоре появилось то же состояние и опять на короткий момент. Пришлось сесть на извозчика и осторожно доехать домой, следя за собою. Сейчас же послал я к профессору нервных болезней Роту². На другой день он осмотрел меня, выслушал сердце – и посоветовал беречь себя, начавши обливания двумя ведрами воды каждое утро, прием пилюль, *cascara-sagrada*³ и стараясь как можно больше ходить на свежем воздухе. Прежде же всего я получил совет прекратить занятия и уехать, если можно, в деревню. Не имея таковой, я отправился в Тарусу к врачу, моему двоюродному брату⁴, у которого и обрел полную тишину, теплое и светлое помещение и врачебные советы. Погода тут чудесная, сейчас, наприм[ер], в окне моего мезонина стоит багровый диск подымающегося солнца, в воздухе чувствуется мороз; широкая дорога соседнего леса, ведущая в Калугу, отлично накатана – и я вчера сделал семь верст по ней пешком без всякого труда.

Что опять встрянуло нервы, я понять не могу; ведь не напряжение же в течение 18-дневного пребывания моего в Петербурге, как думают мои родные. В этом напряжении я испытывал только одни приятные и радостные впечатления и ни одного тяжелого. Я виделся со многими высокопоставленными лицами, но это не било меня неприятно по нервам ничуть. Мне самому 57 лет, многое на своем веку я видел и в России, и за границей; у меня есть такое одеяние, магическому действию которого Вы имеете обычай приписывать подъем большого количества и смелости и гордости во мне⁵; наконец, мне присвоили такой большой чин, что, проставляя его в «росписных книгах» по разным высоким передним, я видел его силу и на раззолоченных порфириносных швейцарах, и в быстрой присылке ко мне на Караванную⁶ курьеров с карточками высоких господ или пригласительными

записочками. Нет, не в высокопоставленных сановниках разных ведомств порча моей нервной машины.

Напротив, эта поездка в Петербург наделила меня такими дорогими для меня воспоминаниями, которых я никогда не забуду. Как живым и ярким светом озаренные стоят передо мною минуты бесед со мною Государя⁷ и Великого Князя Владимира. Обе эти беседы дороги для меня как видные моменты, когда я был так счастлив исполнить перед Его Величеством мой долг относительно Вас, Юрий Степанович. Не располагая никакими иными средствами доказать Вам и обожающим, сказал бы я! если бы не истрепалось это слово, Вас Сестрам Вашим силу моей, постоянной и глубоко сознаваемой мною, признательности; не имея в своем слабом распоряжении никаких других средств для этого, кроме свободы никого и ничего не боящихся языка и пера, я счастлив был первым вопросом Государя о делах Музея Александра III. Вызванный как этим общим вопросом, так и осведомлением Его Величества о времени окончания здания и о сроке предполагаемого открытия Музея, я воспользовался этим, иначе редким, случаем представить пред Государем и в присутствии других доклад о Вашей руководящей роли, о Вашем кровном, но еще не оцененном значении в этом предприятии, ставшем историческим и на весь художественный мир известным. Я смело доложил Государю и об уральском, норвежском белых мраморах, и о монолитах Южной Венгрии, и о цветной мраморной лестнице и обшивке ее стен, и о гранитном сердобольском цоколе, и о начавшейся отделке других помещений Музея, обязанных Вашему великодушию⁸. Когда Его Величеству было угодно спросить, как идет приобретение памятников искусств и много ли их будет к открытию Музея, я был рад и счастлив в кратких чертах набросать картинку приобретений наших на всем пространстве от Венеции до Неаполя в Италии и в Мюнхене с Нюрнбергом в Южной Германии. Когда я доложил, что итальянский и немецкий Ренессанс будут представлены у нас лишь наравне с очень немногими музеями мира, Государь, подавая руку, сказал: «На какую же вы сумму закупили столько вещей? И это при помощи Юрия Степановича? Вы счастливы, что получили такого помощника». В данный момент я был счастлив тем, что мне судьба послала такой неожиданный случай достаточно полного и смелого доклада Государю о Вашем командующем положении в деле созидания Музея. Этим я исполнил и долг гражданина перед Его Величеством, засвидетельствовавши пред ним совершаемый Вами великий, исключительный просветительный подвиг, и долг признательности к Вам. Я счастлив тем, что в столь подробной и категорической форме Государю ни один подданный об *этом* деле Вашего

великодушия и Вашей щедрости до этого, незабвенного для меня, 28 января не говорил.

Своим нравственным приобретением я считаю и последнюю беседу со мною Вел[икого] Кн[язя] Владимира Александровича 30 января, когда он в 1/2-часовой аудиенции подал мне повод выставить пред ним Вашу двоякую роль в деле Музея Александра III – как руководителя работ, потребовавших от Вас и новых изучений, и затрат чуть не всего Вашего свободного времени, и глубочайшего интереса с проникновением во все, даже мелкие, подробности всякого рода, так и жертвователя миллионных сумм на осуществление предприятия. Сначала говорили мы стоя, потом Вел[икий] Князь предложил сесть и курить, он стал слушать с особым вниманием, и, когда я окончил, он выразился: «Благодарение Господу, что в России находятся такие люди, как Нечаев-Мальцов; это большое счастье». Эти почти в одинаковой форме вылившиеся у Государя и Вел[икого] Кн[язя] Владимира суждения служат для меня доказательством одинакового впечатления относительно Вас и Вашей роли в Музее. Я счастлив, что мог способствовать укреплению в них такого мнения. После представления записки в Академию художеств⁹, после постоянных бесед с Вел[иким] Кн[язем] Сергеем Александровичем мне не доставало только этого. Теперь же «исполнен долг, завещанный от Бога»* и сердца благодарного. С моими головкружениями доживу ли я до окончания Музея, как знать; но пока Музей будет иметь Вас на нынешнем Вашем посту, его славный конец – вне сомнений. Да хранит Вас Господь!

Преданный Вам И.ЦВЕТАЕВ.

539. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

16 февраля 1904, Петербург

Завтра вторник буду Славянский базар¹

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

540. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 февраля 1904

29 февраля 1904, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Мы все тут в большом горе. Один из русских рабочих Листа¹, тесавших мрамор, за дурное поведение был рассчитан. Спустя некоторое время по его уходе заметили, что капитель полуколонны бокового фасада, стоящей

* Слова Пимена-летописца в трагедии Пушкина «Борис Годунов».

уже на месте, старательно лишена молотком всех своих украшений. Капитель эта доделывалась на месте, в особой деревянной будочке: пользуясь этим прикрытием, еще не снятым, злодей незаметно для других, вероятно, в обеденное время, испортил непоправимо вещь, потребовавшую столько труда, времени и денег. Теперь приходится добывать камень и начинать вырубку капители и шейки колонны снова, не говоря о том, что необходимо разбирать вышележащий карниз.

Был у меня одесский скульптор и литейщик из бронзы Эдуардс², предварительно приславший фотографии нескольких своих изваяний в мраморе. Я и ранее читал о нем как о художнике очень талантливом; то же впечатление производят и его фотографии. Манер обращения он прекрасных – деликатен без заискивания и угодливости, держится с достоинством, но без заносчивости.

Он приехал предложить свои услуги по изготовлению каких-либо украшений для Музея. Я послал его к Р[оману] И[ванови]чу, который как раз теперь занят составлением сметы на бронзы. После того я не видал его; вероятно, Р[оман] И[ванови]ч пока не мог сказать ему ничего положительного: лишь Ваш ближайший приезд мог бы выяснить этот вопрос.

На стройке обработка мрамора идет весьма деятельно. Как ни придешь, всё новые и новые кубы вталкивают в мастерские. Леса для установки колонн по фасаду возводятся. Принялся энергически Лист и за облицовку 4 столбов лестницы³; в Египетском зале лежит на полу масса отполированных плит темно-розового мрамора, который постепенно и переносится на верхнюю площадку лестницы. Надобно думать, что к концу Поста⁴ все 4 столба покроются мрамором.

Более усиленным ходом идут работы и в Центральном зале, по утверждению Вами модели капителей. Аксеро из Италии еще не возвращался; в Риме он виделся с Рейманом и ездил с ним по катакомбам для составления себе представления о потолках крипт, о форме кубиковолов, о характере коридоров⁵. Вследствие этого некоторые частности плана, составленного Р. И-м в последнюю поездку в Рим, изменены. По его словам⁶, это дело устройства образца катакомбы можно исполнить проще.

Пришедшие скульптуры из Равенны на днях досмотрены таможенным ведомством. В числе гипсов прибыли и 2 капители колонн из алтаря церкви S. Vitale*, составляющие отличительную особенность равеннской архитектуры VI в. Они украшены изображением креста и, если мне не изменит память, крылатого животного⁷. Поверхность ее [т.е. капители] покрыта

* Сан Витале (*ит.*).

эмалью и тронута по местам золотом. Наши гипсы расписаны эмалевыми красками. Впоследствии в равеннском отделе эти капители будут очень заметны. Слепки в Равенне исполняются проф[ессором] местной Academia di Belle Arti* г[осподином] Massarenti, человеком до скрупулезности требовательным к себе. И исполнение слепков, и упаковка особенно тщательные. Massarenti просил высказать ему взгляд на исполнение данного ему поручения⁸, без чего он не решался продолжать слепки других вещей V и VI вв. Я написал ему о превосходном качестве его работ и упаковки. Равеннский уголок у нас будет при мозаиках⁹ особенно интересен.

Так мы и живем без мин[ист]ра нар[одного] пр[освещения]!¹⁰ Оскудел наш мир и аристократический, и ученый: ни тот, ни другой не могут дать авторитетного кандидата на этот пост.

Будьте здоровы.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ.

Какое страшное несчастье у Аничкова!¹¹ Сын его был образцовой энергии, многообещающий студент-технолог.

541. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 марта 04

2 марта 1904, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

Художник Фармаковский из Одессы, приславший свои эскизы для Погребального кабинета Музея, просит меня походить за него перед Вами о поручении ему съездить в Афины, чтобы написать там Керамик¹. Просит он в форме очень скромной и деликатной, как была скромна и его цена в 50 руб. за квадрат[атный] арш[ин] [0,505 кв. м] исполнения картин, когда другие поставили своим условием 100 руб. за такую же меру живописи пейзажа, 200 руб. пейзажа с фигурами и 300 руб. собственной композиции. О таких суммах этот ученик дюссельдорфской школы и не знает. Я уверен, что и на поездку в Афины и окрестности он попросит Вашей помощи в минимальной мере. Ему хочется поехать ранней весной, чтобы уловить нежный колорит воздуха и раннюю зелень и чтобы закончить работу до жаров.

Я размышлял об Элевсинской дороге² и до сих пор не нашел мотивов изображения ее в Погребальном кабинете. Вами высказана была мысль, что так как древние хоронили своих покойников при дорогах, то надгробные памятники могли быть и по Элевсинскому пути от Афин. Но древние

* Академия изящных искусств (ит.).

устраивали некрополи при дорогах всегда *вблизи* городов, прямо за городскими воротами. Вспомним Керамик в Афинах, улицу гробниц в Помпеях³, кладбище по Аппиевой дороге⁴ вблизи Рима. Чтобы предположить гробницы и надгробные памятники по всей Элевсинской дороге, я боюсь, что у нас нет на это оснований. Сближение Элевсина и Элизима⁵ только кажущееся, в действительности же ни этимологически, ни реально между ними нет ничего общего.

Так как кроме Афинского некрополя трудно указать что-нибудь подходящее к характеру этого помещения, то не разрешите ли написать на одной стене вид улицы гробниц Помпей? Эта улица сохранилась очень хорошо; уцелевшие памятники представляют прекрасные и разнообразные формы. А если прибавить к этому несколько кипарисов⁶, то картина может быть чудесная. Тогда Фармаковскому, с Вашего позволения, можно было бы посоветовать съездить в Южную Италию и там на месте написать этюд этой картины.

Если бы Вы мне разрешили, я мог бы спросить его, какую сумму необходимо получить ему в помощь для этого путешествия. Недель в 5 он его сделает – и воротится с законченными этюдами. Мое убеждение таково, что его желание будет очень деликатно. Он, конечно, поедет, как студент, как скромных средств художник. Его включать в общество, организуемое Поленовым, едва ли нужно. Он сделает свое дело сам по себе и за сумму меньшую, хотя и Поленов не допускает и мысли о каком-либо роскошестве.

Р[оман] И[ванови]ч занят вопросом о Катакомбе. С Рейманом и Аксерио они сговорились писать картины крипт и коридоров – в Риме на гипсовых досках в натуральную величину оригиналов. Позднее эти доски будут вставлены в Музее на свои места, спайки между ними заделаны, и товарищ Реймана, если не сам Рейман в летнее время, зарисует их – и таким образом получится полная иллюзия. На месте Рейман и его помощник дадут гипсовым плитам и окраску нынешнего состояния катакомб. Как Вам представляется этот план? Мне кажется, что это будет очень практично. В ближайшее воскресенье Р[оман] И[ванови]ч придет ко мне в Университет сделать подбор будущих картин нашей Катакомбы.

Будьте благополучны. Мой низкий поклон Софье Степановне и Анне Степановне⁷.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ.

P.S. Я ныне подаю в Факультет просьбу о заграничной командировке с 1-го мая – для работ в Берлине, Кёльне, Париже и швейцарских музеях.

542. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 марта 04

10 марта 1904, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

На днях я слышал сожаление, что вырубка фриза Залемана производится в Одессе, так как перевозка мраморов, кроме большой стоимости, представит большие опасности для них самих. Боятся, как бы не пострадала их целостность в таком длинном пути. Представит, говорят, затруднения и их упаковка: как их класть в ящики, на ребро или плашмя? Больше гарантии, говорят, представляет первое положение, если сделать дно ящиков широкое и придать форму ящикам пирамидальную. Нужны при этом подпоры с боков внутри ящиков; но такие бруски не погубили бы рельефов? Говорят, что в свое время Мормоне¹, как молодой скульптор, охотно переехал бы для Вашего заказа в Москву. Тогда и пересылка оригиналов Залемана шла бы скорее и обошлась бы дешевле. В Вашу ближайшую побывку сюда надобно обсудить, как надежнее устроить переправу этого серьезного и капризного груза.

Приближение отправки помпейских бронз из Неаполя² заставляет меня усерднейше просить Вашего совета в следующем вопросе. На первую мою справку о стоимости груза морским путем до Петербурга из Неаполя мне ответили как-то неумело; из этого видно, что провоз будет дороже, чем везут фрукты или хлеб на этом расстоянии. Необходимо, чтобы Sabatino De Angelis* устроил провоз не дороже зерна и других медленно движущихся товаров.

Нет ли у Вас знакомой большой транспортной конторы в Петербурге, которая подсчитала бы стоимость 300 пудов наших бронз? Тогда бы с этим указанием в руках я повел переписку с Sabatino De Angelis и наказал ему приложить все старания к самой медленной и потому самой дешевой доставке, при условии страховки груза в 40 000 франков.

Бумага о моей командировке за границу с 1 мая из Университета пошла; не залежится она и у попечителя³, так что к 20-м числам сего месяца она будет уже в мин[истерст]ве. Вопрос об этом деле не встретил затруднения, так как выпускной экзамен я произведу еще в апреле и денег на командировку я не прошу.

Пока намечаю для собирания скульптур Берлин, Дрезден, где повидаю Армбрустера и его для нас работы⁴, Кёльн, Париж, Дижон. Разрешите мне, Юрий Степанович, составить список нужных для первого времени изваяний,

* Сабатино де Анджелис (*ит.*).

которые придется заказать сроком на два ближайших года. Мне представляется, что весь заказ в этих местах не превысит 10 – 12 т[ыс.] руб. И мы к открытию будем иметь, по крайней мере, первостепенные вещи все. С Вашим незабвенным для Музея и Университета именем⁵ они войдут в учреждение, поставивши коллекции последнего на лучшую ногу с самых первых моментов его существования. Статую Colleone Верроккио, стоящую 4000 марок [ок. 1840 руб.], как сообщил мне Трей⁶, недавно получивший ее из Берлина, я думаю заказать там же. Стоимость ее в Риме (форма ее есть в Мин[истерст]ве народ[ного] просв[ещения]) – 4000 франков⁷ [ок. 1600 руб.]; но зато провоз оттуда будет дороже более чем вдвое. Эта дивная конная статуя сильно украсит наш Стекланный дворик. Ради такого памятника можно поступиться на время другими изваяниями.

Так наше мин[истерст]во и живет без министра? Здесь говорили о кандидатуре нашего губернатора Кристи⁸, и все удивлялись ее неожиданности. Кристи никогда и ничем своего интереса к народному просвещению не проявлял. Не такой он уже и аристократ, чтобы своими связями в правящих сферах он мог отстаивать нужды нашего бедствующего ведомства. Какое ныне серенькое время! Нет сильных личностей ни в бюрократии, ни в нашей знати, ни в учебном мире. Целые 1½ месяца Государь не может найти подходящего мин[ист]ра нар[одного] просвещения.

Клейн и я ждем Вас сюда.

Преданный И.ЦВЕТАЕВ.

543. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

12 марта 1904, Петербург

Завтра суббота буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

544. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 марта 1904

17 марта 1904, Москва

Глубокочтимый Юрий Степанович.

В телеграмме всего не напишешь; к тому же содержание телеграммы в маленьком городке узнается другими раньше адресата и начинаются разговоры. Поэтому я написал врачу Добротворскому¹ в Тарусу письмо и просил его ответить депешей. Письмо послано заказным. Ныне телеграмма получается мною.

Зная, однако, что и в случае полного выздоровления ему нельзя оставить Тарусу навсегда, не простившись с земством, которому он служил 22 года

и которое его так высоко ценит, я сочту своим долгом рекомендовать, на время, для заведывания зданием и хранения вещей Вашего учреждения безусловно надежного чиновника Румянцевского музея, того самого Дмитриева², который служит в нашем Комитете письмоводителем. Это – аккуратный молодой человек; за его верную службу он пользуется квартиркой в музее; на время он с женою (детей у них нет), с Вашего разрешения, переехал бы в Богдельню; он же, при содействии нашего музея³, подыщет и надежных дворников. Чтобы успокоить Вас, я могу послать на первое время своего дворника, очень верного и совершенно трезвого человека, которому мы доверяли весь дом на все время пребывания за границей⁴. Сам же себе я возьму на этот срок надежного солдатика из Румянцевского музея. По чину, месту и белым пьедесталам⁵ мне полагается курьер, которого я, однако, не держу при себе: делать ему нечего, только станет баловаться с женской прислугой.

После заседания Комитета⁶ я представляю Вам, если позволите, Дмитриева, и, в случае Вашего согласия, Р[оман] И[ванови]ч укажет ему его главные обязанности.

Я вполне уверен, что Добротворский на 1800 руб. пойдет с радостью: он сроднялся с мыслью и о жалованьи в 1200 руб., как ни трудно на это содержать дочь в Петербурге, не говоря о сыне-студенте и другой дочери, оканчивающей 8-й класс в тульской гимназии⁷. Но теперь он в этой сумме уложится с своими расходами, получавши около 2500 руб. всего в Тарусе. Считаю долгом повторить, что Вы в этом замечательно хорошем и симпатичном человеке и хорошем практическом враче найдете Вам и учреждению Вашему вполне подходящее лицо.

Я произвел расследование ставок разных заграничных экспортных контор, пересылающих нам клади через Гергарда и Гея, и нашел, что эти последние позволяли ставить своим корреспондентам цифры слишком высокие и притом разные за 100 kilos* из одного и того же города, напри[м]ер из Рима. Да и сами они жарят за провоз от таможни до Колымажного двора⁸ гораздо дороже других.

Чтобы положить этому конец и выйти из зависимости от заграничных комиссионеров, я, по совету Листа, вошел в переговоры со старою комиссионерскою фирмою «Кузницкий и К^о», которая доставила нам кладь за весьма умеренную цену и предложила на будущее время относительно разных городов Западной Европы совсем иные, лучшие для нас, цены, и притом с доставкой прямо на стройку, без уплаты нами московских расходов.

Преданный Вам И.ЦВЕТАЕВ.

* килограммов.

545. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

19 марта 1904, Москва

Ваше превосходительство
милостивый государь

Иван Владимирович.

Имею честь просить Вас сообщить мне имя и отчество господина Доброторворского; это для чего-то понадобилось кн. Трубецкому¹.

Вашего превосходительства покорнейший слуга Нечаев-Мальцов
19 марта 1904

546. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 марта 04. Таруса

28 марта 1904, Таруса

Глубокопочтимый Юрий Степанович.

Примите мое сердечное приветствие с Светлым Праздником вместе с наилучшими пожеланиями для Вас и Вашей семьи, образцово и редкомерно для нашего времени тесной по братским чувствам, всех Вас связующим. Мне приходилось жить в Петербурге, Варшаве, Киеве¹, прежде чем переселиться в Москву, быт которой я наблюдаю уже 27 лет, – и везде я встречал более дурных, чем хороших, родственных чувств в интеллигентных семьях. Скольких ссор, непримиримой вражды и даже публичных судбищ я был свидетелем между братьями и сестрами в разных местах России! И вот на этом-то грустном и мрачном фоне, семь лет назад, вдруг предстала предо мною картина нежно-любовных отношений Ваших к Сестрам и Брату² и, *vice versa*^{*}, таких же чудных по своей свежести чувств со стороны их к Вам. Служба общему делу и Ваша, глубоко ценимая мною, доброта поставили меня к Вам в близкие отношения, – и я уже 8-й год имею счастье наблюдать высокопоучительную картину братской любви и братских попечений каждого члена Вашей семьи. Да хранит Вас всех Господь в одинаковой мере на Вашу общую радость!

Окончил я половину экзаменов на Высших женских курсах³. Экзаменовались более 100 человек, и как отлично отвечало огромное большинство из них! Что бы ни говорили жизненные староверы и стародумы против девиц, наполняющих наши высшие школы разных наименований, огромное большинство их работает много, с увлечением и приобретает значительное количество научных познаний. Бездельничанье немногих не

* наоборот (*лат.*).

должно бросать тени на массу, и грехи десятков не должны быть относимы к сотням и тысячам благородных тружениц. Говорят, что студентки неблагонадежны в политическом отношении, что они быстро поддаются всяким дурным внушениям и всяческой подпольной пропаганде. В семье не без урода, особенно в семье многотысячной: это во-1-х. А затем – где та большая среда, где бы политическая пропаганда не находила себе обильной пищи? Где то большое высшее мужское учебное заведение, которого ворота для новых учений были бы наглухо закрыты? Везде есть десятки, а в больших учреждениях, может быть, и сотни горячих голов, готовых в свои студенческие годы переделать весь мир. Но из-за этих крикунов и юных Брутов, после нередко превращающихся в служебных овечек, не закрывать же высшие учебные заведения и не применять же ко всем без разбора каких-либо жестоких репрессий. Виновных и вредных индивидуумов пусть власти удаляют или налагают на них иные меры наказания; но масса студенток и студентов должна пользоваться покровительством правительства и сочувствием нашего общества. Это наши дети, это надежда и будущность России. Будущее, конечно, несет новые жизненные задачи и новые формы жизни – этим новым потребностям и станут служить эти массы нынешних медичек, педагогичек и разных иных курсисток. Много болезней и горя излечат они в народной среде, много света прольют они в школах, на всех благородных поприщах явятся они полезными деятелями.

19 февраля 1861 года положило начало новой жизни: нынешние массы студенток и студентов являются отпрысками этого нового посева, это – колосья новой нивы. Они являются логическим следствием освободительного эдикта Александра II⁴. Себедовлеющая жизнь старого дворянства стала для молодого поколения невозможной, – и вот его сыновья и дочери потянулись к свету высшего знания, за ними пошла туда же и молодежь служилого и духовного сословий, дети купеческой и более простой среды. Все это обильно наполняет ныне аудитории высших школ. И этого течения уже ничем не остановить. Мудрость правительства должна быть направлена только на то, чтобы молодежь более училась, подготавливая себя к серьезным задачам жизни.

Будьте здоровы.

Преданный Вам И.ЦВЕТАЕВ.

547. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 апреля

9 – 11 апреля 1904, Москва

Только что послал я Вам письмо из Тарусы, как пришла в пакете с другими письмами и бумагами Ваша депеша с коротеньким адресом¹. Этот адрес был так лаконичен, что телеграфисты, привыкшие читать другие обозначения моей особы, сочли, что эта депеша относится не ко мне, потому что, перечисливши все мои титулы до тайного советника включительно, Вы не нашли нужным указать в этом адресе ни семейного моего положения, ни того, сколько я жалованья получаю, какой гонорар я со слушателей 4 курса классического отделения загребая каждый семестр, а также ничего не сказали о моих приметах и вообще приятной ли я наружности и какой у меня голос, не опасен ли мой нрав в пьяном состоянии. Без таких необходимых сведений для каждого порядочного телеграфного адреса Ваша депеша проплутала по Москве, Московской, Тульской и Калужской губерниям и настигла меня, когда Вас уже не было в России. Вот что Вы наделали, поспекуившись на несколько пяточков в депеше.

В Тарусу мы попали в самую грязь, за которой последовал и разлив Оки, когда мы были отрезаны от почты и газет. Дороги сделались невозможными – и я с детьми² вынужден был ожидать первого парохода из Калуги. Действительно, с первым рейсом мы и поплыли, но неудачно. На полустанке «Ока»³ не оказалось ни поезда, ни извозчиков. Простонародье, которого было до 1000 человек, зашагало по рельсам, а мы, благородные, остались на пароходе ожидать утреннего поезда. Попили чаю, побродили по берегу, сходили в Серпухов, опять попили чаю на пароходе и улеглись в ожидании 3-часового поезда; но не тут-то было: припожаловала компания офицеров из Серпухова «обновлять» пароход; прив[езши] с собою вин, она в рубке начала петь и пить под гитару. Пение скоро превратилось в орание пьянствующих людей; в дамской каюте поднялся протест и плач детей. Я решился попытаться положить конец этому безобразию, творившемуся в 12 часов ночи. Но как урезонить пьяных? Спрятал я в дальний карман свой чин и, приняв зрак* скромного и страждущего человека, поднялся в рубку и умиленно начал просить господ офицеров петь потише ввиду плача детей и беспокойства дам, уже легших спать, а также во внимание к полуночному времени. «А вы капитан парохода?» – последовал вопрос со стороны молоденького, совсем безусого, должно быть недавно выпущенного офицера с гитарой в руках. «Да, я – капитан», – ответил я, потупив очи. К мо-

* Вид, облик (*церк.-слав.*).

ему удивлению, старший между ними согласился, что неловко оставаться им тут долее – и сейчас же компания поднялась и сошла с парохода. Общая благодарность обеих кают была наградою мне за дипломатический такт.

10 апреля

Я возгордился одержанной победой и этими признаниями, кои из сладких дамских и девичьих уст ко мне лились, – и был тут же судьбою покаран. Победоносцем отправившись в один темный покой, я с размаху ударился о край рамы иллюминатора, поднятой к потолку, и ударился так, что стекло лопнуло и вылетело, а я увидел целый сноп искр в собственных глазах и почувствовал жгущую боль во лбу. В каюте увидели кровь и рану; аптечки ни при себе, ни на пароходе не оказалось; пришлось ограничиться компрессами. Так и не довелось поспать до поезда. Поезд пришел, но никого из нас не взял, будучи переполнен. Вынуждены были мы дожидаться на тесном и грязном полустанке *bis*'а*. В Москве в аптеке мне указали лечить рану свинцовою мазью и не бередить ничем ее в течение 3 – 4 дней. Пришлось поэтому высидеть это время дома. Но вчера я вышел и виделся с Листом.

Он сообщил мне, что прибывают 16 человек итальянцев-каменщиков для установки колонн по главному фасаду и для кладки стены за центральным портиком. Поэтому он просит Клейна об уборке гранита, лежащего на пути к этой работе. Обнимают мрамором два другие столба на лестнице; дымчатый мрамор⁴ для стен за колоннами лестницы в Венгрии выломан и посылается в Москву. Мраморные работы и у русских рабочих и у итальянцев идут полным ходом, оттого и явилась возможность вызвать новую партию каменщиков из Италии. Вероятно, Р[оман] И[ванович] твердит Листу, что к осени надо снимать леса, а потому как-то дипломатически последний вчера выспрашивал меня, готовы ли будут к осени скульптурные фризы. Я должен был сказать, что Вы торопите исполнителей этих заказов и в Дрездене и в Одессе, что за этим и поехали Вы туда снова.

По возвращении из Тарусы я нашел Вашу телеграмму из Вильны. Сейчас же написал я Клейну⁵, чтобы он телеграфировал Вам в Дрезден относительно счета Мормоне и писал Вам письмо в Одессу, по адресу последнего. Ныне увижусь с Р[оманом] И[вановичем] на стройке и узнаю новости, если такие есть.

Пока вот что мне приходит в голову. Цеймерн спрашивает чрез невесту⁶ о времени, когда бы он мог приехать ко мне с визитом так, чтобы застать

* Зд.: второго (от *лат.* *bis*, «дважды»).

меня дома. Пока, за рубцом на челе моем, я откладываю это на несколько дней, в то же время исполняя его просьбу устроить его венчание (9-го мая, в день своих именин; этот подарок поднесла ему невеста) в церкви Румянцевского музея. От невесты его я знаю, что Ц[еймерн] – любитель искусств, что он заплатил «большие деньги» за подлинного (?) Донателло⁷. Во внимание к такой любви я предложил невесте уполномочить меня купить за счет четы Цеймернов в Лувре 4 статуи: 1) Нику Самофракийскую и 2) Палладу Веллетри (это, как помните, самые большие статуи)⁸ от его высокопревосходительства и пару Венер: 1) Venus d'Arles⁹ и 2) Venus Genetrix* (думают, копия с алкаменовской «Афродиты в садах»)¹⁰ – от ее высокопревосходительства. Посмотрю, что из этой пропозиции выйдет; но если Ц. захочет ближе подойти к Музею при любви к скульптуре, то, может быть, Вы его проведете в Комитет. Приглашают меня быть поручителем и даже шафером (я не знал, что шаферами бывают и женатые) невесты; но меня тогда уже не будет в Москве, хотя я и вынужден выехать позднее, чем предполагал. К 5-му мая выяснится вопрос, будет ли переведен сын в IV класс без экзамена по русской орфографии, в которой он ужасно слаб. Мне приходится следить за ним, чтобы он не плоховал в эти критические минуты. Я репетирую с ним уроки и держу его в руках в эту ясную и теплую погоду, которая так манит его на двор и за ворота. Надеюсь, однако, 4-го выехать, чтобы 7-го быть в Берлине. Уклоняюсь я от свадьбы и по экономической причине. В Николин день¹¹ кареты будут из-за множества свадеб неимоверно дороги; нужен букет цветов, приличный званию, чай направо и налево. Смотришь, руб. 50 и вылетит; а это такая сумма, на которую я доеду до Берлина и проживу там нужное мне время.

До границы я повезу тайное советничество во 2 кл[ассе]; на границе сдам его в таможду на хранение до моего возвращения в дорогое отечество, а там пересяду, на положении Herr Dr'a** в подобающий ему 3 класс, в Германии всегда чистый и приличный. Путешествие потом буду делать в масштабе Herr Dr'a: 1½ – 2 марки за комнату, 1 – 1½ марки за обед, в таком роде мелкие рас[ход]ы. И как легко без Exzellenz'a*** и прочих титулярных обузов. Это напоминает молодость, когда я впервые жил и в Германии и в Италии. Как легко работалось в то время, как быстро работали ноги. Не знаю, каким темпом пойдет работа в музеях ровно через 30 лет после первой поездки доцентом Варшавского университета, но ноги уже не носят мою корпулен-

* Венера Прародительница (лат.).

** господина д[окто]ра (нем.).

*** превосходительства (нем.).

цию по-прежнему. Бывало, мыкаешься целый день – и ничего, а теперь начинают ныть они, от колен до ступней.

Ухожу на стройку.

Был на Колымажном и застал там Р[омана] И[ванови]ча в минорном настроении. Три его клиента, в том числе Жиро и Мерилиз¹², отложили, за трудными временами, постройки, с которых он должен был иметь порядочный заработок. Между тем мастерская с налаженными многими годами архитекторами, чертежниками, инженерами стоит ему 13 500 руб. в год. Теперь ему приходится распустить более дорогостоящий персонал, а этого он боится, опасаясь после не воротить их к себе. Находясь в затруднительном обстоятельстве, он просит меня ходатайствовать пред Комитетом о выдаче ему архитектурского гонорара в заработанной им мере. Это – первый случай с 1897 года, что Р[оман] И[ванови]ч заговорил со мною о своих денежных делах и возбудил вопрос о своем гонораре за постройку Музея. Я ответил ему, что денежные вопросы всего нашего дела далеки от меня, что я нарочно от этой статьи уклонялся, будучи необыкновенно слабым в счете и не имевши в собственных руках, за всю мою жизнь, одновременно и 1000 руб., а потому это дело его я обещал доложить Вам, посоветовавши приготовить подробную выписку из документов Комитета сумм, им полученных, и тех, кои он считает за Музеем. Прежде чем обратиться с прямым ходатайством об этом, он отправился вчера в Петербург, чтобы обсудить предложенное ему здесь какое-то «место»; если-де оно подойдет ему, то он получит вознаграждения 7000 руб. в год, тогда он вывернется и вопрос о гонораре поднимать не будет. Воротится он через два дня, во вторник¹³.

11 апреля

Положение по стройке таково. Итальянцы работают с образцовой энергией, материала для колоннады¹⁴ наготовлено столько, что и Р[оман] И[ванови]ч и И.И.Рерберг¹⁵, этот скептик и в обещаниях очень осторожный, ждут приезда 16 человек итальянцев для установки готовых частей на место. Прибудут они завтра, в понедельник. Содержание их Листом исчислено в 50 руб. день, а потому они должны приступить к работам немедленно. К Вашему приезду сюда, ожидаемому нами в последних числах этого месяца, надобно будет думать, не только сделаны будут подготовительные работы, но несколько баз уже получают свое жизненное место. Лист утверждает, что колоннада к осени встанет вся.

Русские рабочие после Пасхи только еще собираются.

Прибыл мастер от Фролова для сборки и помещения венецианской мозаики. Вчера я попросил его разложить по полу зала мозаические плиты в порядке, указанном в описании собора Св. Марка. Это описание выслал нам Онганья. Там помещены и латинские надписи, сопровождающие мозаические картины. По этим данным легко установить порядок плит. Только у нас они будут, вероятно, в одну ленту вытянуты, тогда как в капелле Св. Зенона они идут в несколько отдельных рядов по потолку¹⁶. Был вчера разговор о способе прикрепления мозаик к стене: Р[оман] И[ванович] стоял за скрепление цементом, но мастер Фролова высказал опасение, ссылаясь уже на бывший опыт у него, что цемент при высыхании выпрет мозаику. Тогда решили пустить в дело железные крючья и на них опереть тяжесть всего мозаического поля. Роман Иванович нашел нужным углубить мозаику в стену на всю толщину ее постели. Придется, таким образом, сбить штукатурку и выдолбить углубление во всю длину зала.

Слухи об изготовлении колоннады зимою в теплушках проникли в общество, оттого то и дело получаешь просьбы о разрешении посмотреть на обработку мрамора. Были две большие партии курсисток*, они-то и распустили слух по городу. На завтрашний день есть просьба от одного семейства из здешнего Окружного суда показать мраморные работы. Капители колонн, с их чудными по орнаментации шейками, являются настоящими ювелирными изделиями. На высоте они несомненно проиграют в эффекте, так как прозрачность воздуха Москвы совсем не та, что в Афинах, давших нам образцы этих колонн¹⁷; к тому же наши колонны и выше, как протяжением, так особенно их положением на массивном цоколе; нельзя упускать из вида и нашей северной, почти поголовной близорукости. Все это помешает нам и потомкам нашим вполне оценить чистоту работы этих капителей; не было ли бы целесообразно перед поднятием их на место разрешить желающим москвичам посмотреть их на земле? Их для этой цели можно бы выложить в линию вместе¹⁸. Такое детальное обозрение было бы поучительно для воспитанников учебных заведений: тогда они ближе ознакомились бы и с всей прелестью этих художественных созданий и с тою работою, которая на них положена. А то привыкшие к штукатурке и белым штукатурным колоннам москвичи, по неведению, будут и на этих, трудно нам доставшихся, мраморных красавиц смотреть так же легкомысленно, как и на те дешевые колонны.

Может быть, в тех же целях более основательного ознакомления и более сильного наслаждения эстетического, следовало бы сделать сначала на пло-

* То есть студенток Высших женских курсов.

щади, в двух палатках, выставку и тех мраморных скульптурных фризов, ради которых Вы два раза скакали в Дрезден и Одессу. Особенно верхний фриз на огромной высоте и издали потеряет много в своем значении. Надобно поэтому дать, кому придется быть в Москве этой осенью, возможность увидеть эти два высокохудожественные создания вблизи. Таких мраморных скульптурных лент Россия давно не видала; Парфенонской процессии она еще не имела; я не знаю ничего равного и залеманскому фризу. Отчего бы не показать образованным людям эти перлы скульптуры вблизи?¹⁹ Разумеется, это обозрение должно быть бесплатным, как обозревают теперь все, бывающие в нашей строительной конторе, копии равенских мозаик.

Кстати о них. Из Равенны я получил известие от наших копиистов, гг. Azzagoni и Zampriga²⁰, что картина Феодоры из S. Vitale уже готова и что им недостает только последних мазков настоящим золотом по фону и в одеждах императрицы и ее свиты. При помощи Васнецова найден иконописец, который «створил» листовое золото двух видов, одно бледно-светлого, 92 пробы, другое – красноватого цвета. Сами мы сняли копию с одной мозаики Румянцевского музея, раскрасил этот иконописец золотом фон и приложил не только костяной инструментик, которым он натирал наложенное на бумагу золото, чтобы из матового сделать его глянцево-блестящим, но и кисточки, которые он употреблял при накладывании золота²¹. Художники разных стран поймут друг друга, говоря таким образом на одном, им общем языке. Я написал, посплавши им золото, чтобы они посылали ящик с этой копией большою скоростью – вес пустой. Ящик они делают для свертка. Чуть ли не 16 фр[анков] мы заплатили за пересылку прежних копий. Хотелось бы увидеть Феодору до отъезда за границу. Ведь это – первая копия, исполненная во всю величину, с таким старанием и мастерством, с самого VI века.

Наживши свободу от лекций на Женских курсах и в Университете (вчера Вы позавидовали бы моему гонорару, за весеннее полугодие выданному мне, угадайте его размеры? Вы, по свойственной Вам склонности к *medisance**, способны умалить его недостойным образом: вообразите, 9 руб. с копейками. Собственно, было заработано 10 руб., но 2% отсчитывает себе казначей за ведение дела по университетскому профессорскому гонорару), подготавливаю к обозрению памятников скульптуры и зодчества сначала в Берлине и Кёльне. В этих двух городах отливают скульптуры соборов Страсбургского, Наумбургского и Бамбергского и придают статуям, вырубленным из песчаника, приятнее белого гипса действующие на глаз

* злословие (*фр.*).

Sandsteintönungen*. В свой черед я буду просить разрешения приобрести статуи по 2 – 3 из каждого собора. И по фотографиям и по гипсам Берлинского музея эти изваяния для своего времени импозантны. Они у нас займут стенку в Средневековом зале. Неужели нет форм с порталов Кёльнского собора? В Кёльне существует самый крупный формовщик на всю Германию, August Gerber²². Он нам прислал каталог своего обширного ателье; но именно кёльнских-то памятников у него и нет.

Где Вы в настоящее время? Клейн предполагает, что Вы уже – в Одессе, но вернее будет послать это письмо в Петербург. Отдыхайте после дороги.

548. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 апреля

14 – 15 апреля 1904, Москва

Приехал сюда во второй раз В.А.Фролов для исправления венецианских мозаик и для укрепления их в стене Средневекового зала. Какой это знающий мозаическое дело, скромный, деликатный, симпатичный молодой человек. Он находит, что постель мозаики на их фабрике делается более прочно; в середину ее они вставляют металлическую решетку, которая не позволяет цементу при высыхании выпирать мозаику. Слабость постели, состоящей из гипса и цемента, трудно соединяющихся, была причиной того, что в дороге некоторые плиты сильно пострадали. Одну из них приходится почти наполовину перекладывать, т.е. перебирать вновь. Хорошо, что квадратики не высыпались из своих мест; их приходится лишь вынимать и укреплять снова. Сначала у Р[омана] И[ванови]ча была мысль употребить эту обширную мозаическую композицию для украшения зала; оттого он думал 12 плит разделить пополам и дать им места как *pendant'am*** на двух длинных стенах. Но мне казалось более целесообразным занять ими одну стену целиком. Это будет действовать сильнее на входящего из Римского зала; этого требует и исторический порядок, так как узкая стена, налево от входа, будет занята равеннскими мозаиками, венецианские же явятся, таким образом, их историческим продолжением. Оставить всю противоположную стену свободной нужно и ради обещанной Поленовым картины из видов Палестины для этого древнехристианского зала (разумеется, если Вы того пожелаете) и для высоких архитектурно-скульптурных гипсов. Быть может, придется прикреплять здесь люнету какого-либо готического портала и т.д.

* тонá песчаника (нем.).

** пандан, парный предмет (фр.).

Ром[ан] И[ванови]ч согласился – и мы вчера же разобрались в порядке жития св. Марка, изображенного на этих мозаиках. Онганья выслал нам старинное описание церкви S. Marco*, где эти мозаики капеллы Св. Зенона перечислены, а надписи на них с их большими условными сокращениями напечатаны полностью. Первым звеном в этом ряде плит оказалась та, где представлен св. Марк пишущим Евангелие, последним же – где изображено его погребение.

15 апреля

Фролов дает все нужные указания, завтра при себе поднимет 2 – 3 плиты на место и потом уедет. Так как на потолке капеллы Зенона мозаики размещены в несколько рядов, то высота плит неодинакова; недостающие сотки** сажени Фролов обещал доделать из золотого фона. Нераздельное целое составляют обычно 3 плиты, так что все они делятся на 2 равные части, по 6 плит в каждой. Условия места заставляют поставить небольшое декоративное пятно между ними¹. Его обещал сделать Фролов.

Какая у Вас твердая память! Бог знает, когда Вы были в Клермоне, а портал его Eglise Notre-Dame du Port² как один из самых древних во Франции Вы вспомнили совершенно en passant***, когда я в последнем заседании Комитета³ докладывал о намерении быть в Дижоне ради его Puits Moïse⁴. Этот портал со статуями пророков Исаии и Иоанна Крестителя – XI в. Он отлит, и форма его существует в Trocadéro⁵, цена его 1500 фр[анков].

Я понемногу подготавливаю к путешествию и намечаю города, где мне надобно быть. Давно я мечтал о статуях Христа западного портала Амьенского собора («Beau Dieu d' Amiens» **** XIII в.) и знаменитой Богоматери («Vierge Dorée» ***** XIII – нач. XIV) оттуда же, с портала южного трансепта; как я рад, что и их можно получить из Trocadéro, первую за 450 фр., вторую за 250 фр.⁶ Правду Вы говорили, утешая меня, [когда я боялся,] что нам нечего будет поставить по Средневековой скульптуре, и указывая на Францию. К 1900 г. Trocadéro значительно увеличил число слепков и форм. Увеличение идет постоянно.

Где Вы теперь и когда будете в Петербурге? Мне придется быть у нового мин[ист]ра раньше отъезда за границу. Сначала поедет Лихунчан

* Сан Марко (ит.).

** сотые доли (разг.).

*** походя, между прочим (фр.).

**** «Добрый Бог из Амьена» (фр.).

***** «Золоченая Богоматерь» (фр.).

рекомендовать Моск[овский] учебн[ый] округ, а я – бить челом от музеев после него⁷.

549. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 апреля

18 – 19 апреля 1904, Москва

Как-то давно, когда приобретение памятников пластики для нашего Музея было от нас, по состоянию стройки здания, еще далеко, Вы предвидели, что для эпохи Средних веков нам понадобятся бронзовые двери собора в Новгороде, и тогда же Вы высказали предположение, что они должны иметь немецкое происхождение. Теперь, готовясь к поездке в Германию для ознакомления и выбора скульптур, я нашел указание, что эти двери были исполнены в Магдебурге¹. Это же происхождение имеют и бронзовые двери в Гнезненском соборе, в[озле] Познани, (Гнезно)², исполненные позднее новгородских. Каким бы образом можно было получить слепок с этих последних? В Новгороде я не бывал и потому не знаю, возможно ли там найти гипсовщика, который мог бы хорошо снять не только рельеф, но и надпись с именами Riquinus* как мастера и архиепископа Вихмана Магдебургского. Если бы там формовщика, что весьма вероятно, не оказалось, не пошлет ли, по Вашей просьбе, Академия художеств своего специалиста отлить эти двери? В Германии я, может быть, достану хотя одну створку самых древних немецких бронзовых дверей с чрезвычайно смешными скульптурными украшениями, именно собора в Hildesheim'e** – XI в., а может быть, и несколько изображений с дверей Аугсбургского собора³. Иметь после того новгородские двери, как Вы высказали, для нас было бы очень важно. Не будет ли Вам или мне случая побывать в Новгороде, надобно осмотреть этот памятник. Мне не приходилось встречать его изображения⁴. Надобно думать, что об них говорилось с возможною полнотою в нашей археологической литературе; надо навести справку у наших специалистов. Спрошу у Айналова или Кондакова⁵.

19 апреля

В моих пособиях нашел указание, что в Нюрнберге у формовщика Германского музея Rotermundt***, уже отливающего для нас Sebaldisgrab****

* Риквин (лат.).

** Гильдесгейме (нем.).

*** Ротермундта (нем.).

**** гробницу Зебальда (нем.).

Петра Фишера⁶, можно получить слепок с бронзовых дверей Аугсбургского собора за 400 марок. Но нам достаточно, как я сказал выше, лишь нескольких сцен – и мы их получим за десятки этих монет. Не могу припомнить, посланы ли Вам, после одного нашего разговора, атласы Seemann's, Kunstgeschichte in Bildern⁷. Это самое новое из иллюстрированных изданий; рисунки, за редкими исключениями, очень хороши. Разные части его составлены лучшими немецкими специалистами. Подбирая материал для характеристики западного ваяния Средних веков, я справляюсь с этими авторитетными таблицами. Из немецких образцов наметил лучшие статуи соборов Наумбургского, Бамбергского и Страсбургского: это аллегии Ветхого и Нового Заветов, статуи основателей соборов и некоторые изображения Богоматери и апостолов. Всего №№ 12, стоимость каждой из них не превышает 250 марок, но некоторые и значительно дешевле.

Появление баз и нижних [частей] колонн главного фасада на своих местах возбуждает в городе любопытство насчет времени окончания колоннады, которая будет так сильно красить всю стройку, даже и при закрывающих ее теперь густых лесах. Вчера знакомые просили меня провести их по стройке. Колино⁸ показывал нам мастерские мраморщиков. С приездом новых 16 человек теперь работа идет так скоро, что Р[оман] И[ванович] уже ворчит на начинающуюся нерадивость в исполнении линий. Он имел серьезный разговор с Колино, чтобы он не давал воли рабочим, не торопил их, грозя в противном случае забраковать целые колонны, даже когда они будут поставлены на места. Колино жалуется на чрезмерную мягкость и хрупкость норвежского мрамора, который, по его мнению, гораздо хуже уральского.

Видели ли Вы нового министра? Какое впечатление производит он обращением? В телеграмме ко мне⁹ он говорит, что музеи близки его сердцу. А Толстой говорит, что музей – роскошь для России¹⁰.

550. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

24 апреля 1904, Петербург

Благодарю¹ желаю благополучия и чинов буду на днях

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

551. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 апреля

25 апреля 1904, Москва

В дни наших военных несчастий и колоссальных потерь народного благосостояния, в дни горя и ожесточенной по Москве (да и по Москве ли одной?) критики действий наших министров с Витте во главе, несколько лет назад создавших вопрос на Дальнем Востоке и увлекших молодого Государа в китайско-японскую распрю и на захват, хотя бы и дипломатическим оружием Порт-Артура, добытого себе японцами кровью, и на постройку железной дороги по китайской территории¹, дороги, которую потом пришлось оберегать военной силой; в дни общих нападков на нашу дипломатию, которая не изучает, чрез своих агентов различных наименований, совершаемого в чужих странах, а обыкновенно бездельничает, ведя там светскую жизнь в высшем обществе, – в эти дни уныния, разочарований и зловещего подъема подпольной пропаганды, разбрасывающей повсюду листки с хулою на правительство, будемте продолжать стойко наше дело мира, которым и живет всякая страна как естественной, нормальной стихией. Мы, деятели мира и его благословений, должны в это время общих тревог, горя и опасений усугубить свои силы на поддержку каждый своей маленькой части. Было бы печально, если бы под грохот далеких орудий и мы бессмысленно сложили руки, ожидая, что-то будет... Что бы ни предстояло людям военным и нашей дипломатии, мы не должны ни на шаг отступать от нашего прямого, постоянного, повседневного дела. Только тогда Россия не пострадает вконец, если всякого рода мирный пахарь не оставит своего плуга и не отдастся бездействию в военные дни.

В этом убеждении я, читая лишь телеграммы* и намеренно избегая передовиц газет, последние дни употребляю, главным образом, на составление маршрута предстоящих мне собраний по Германии и Франции. Так как придется начать с первой из них, то пришлось проштудировать прекрасную и по изложению и по собранному материалу книгу Bode. Geschichte der Deutschen Sculptur** и, в связи с этим, наметить ряд мест и городов, где нужно быть раньше всего. Поездка по Германии делится у меня на два периода: в мае по северной ее половине и в августе по ее югу. Теперь я буду в Берлине для его музеев и королевской Gypsabgüßerei***, отливающей, кроме

* то есть телеграфные сообщения в газетах (уст.).

** Боде. История немецкой скульптуры (нем.).

*** гипсолитейной мастерской (нем.).

многого другого, также скульптуры Бамбергского и Страсбургского соборов, и в Дрездене для Альбертинума и бесед с милым Треем. Оттуда поеду во Фрейберг, Лейпциг (университ[етский] археологич[еский] музей), Вексельбург (деревянное распятие XIII в., отливаемое в Мюнхене)², Наумбург (собор), Гильдесгейм (бронзовые двери в соборе XI в.), Кёльн и Ахен. В Кёльне у меня приятель – формовщик и содержатель главного на всю Германию ателье гипсовых отливов August Gerber. Он для нас изготовил недавно присланную группу Ниобы и ее детей (Флоренция)³ и несколько бюстов в мраморовидном подражании. Он превосходно окрашивает гипсы под бронзу. Только у него отливаются статуи Наумбургского собора и окрашиваются в цвет песчаника (Sandstein), что придает им более мягкий, теплый тон сравнительно с белым гипсом, очень скучным в большой массе. От него, может быть, нам придется после выписки мастера для сбора и починки гипсов при расстановке по залам. Вот какой план на май. Возможно, что придется попутно побывать и в других местах; но это главные пункты.

Как красиво размещаются в стене Ваши мозаики из Св. Марка. Какое это воистину монументальное украшение для Средневекового зала, принявшего теперь как бы церковный характер.

Получил я депешу с Вашими пожеланиями дальнейших многих чинов. Благодарю за пожелания: я не знаю, куда сдать на хранение в течение заграничной поездки, дабы не порочить его достоинство 3-м классом жел[езных] дорог и обиталищами под Dach'ами* бесклассных гостиниц и настоящий чин мой, не дающий Вам, по свойственному Вашему Превосходительству завидующему глазу, спать спокойно. Каждому свой удел: вот Вы весь зашит золотыми разводами и 6 пар у Вас белых колонн, а моего чина, как придворному чину, Вам не иметь никогда¹. Вы и изволите завидовать и трунить из этого непохвального чувства. Тем не менее я не злопамятен: сердечно желаю Вас видеть здесь до моего отъезда – осталось уже 9 дней. Будьте здоровы и жалуйте сюда.

552. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

26 апреля 1904, Петербург

Завтра вторник буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

* крышами (нем.).

553. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 апреля

27 апреля 1904, Москва

Как я рад, что мне приходится увидеть Вас до отъезда. Вчера от Велик[ого] Князя по телефону мне передали, что Государь разрешил мою командировку с 1 мая по 1 сентября. Как быстро делаются дела, вчиняемые* Вел[иким] Кн[яз]ем. Университетское представление пошло в Петербург давным-давно и до сих пор скрывается в департаментских улусах**, а бумага, подписанная Его Выс[очеств]ом не более 10 дней назад, побывала у мин[ист]ра и, очевидно, попала в ближайший же доклад Государю. 2-го собираюсь выехать. Списки главнейших скульптур, подлежащих осмотру в Германии и Франции, составил. Другие встретятся попутно, но многое, конечно, отпадет из того, что представляется нужным и интересным по фотографиям и каталогам. Сколько раз в Италии приходилось разочаровываться при виде подлинника в представлении, составленном заранее. Непосредственный осмотр оригиналов особенно важен для определения частей реставрированных. Нередко у скульптур приставлены целые головы. Такие реставрации являются всегда рискованными – и их лучше обходить.

Ныне у нас перевозка и переноска на руках книг и вещей из университетского Кабинета изящных искусств в Музей, пока в квартиру хранителя¹. Слава Богу, мы дожили до возможности уже располагаться с предметами в жилом помещении. А какую бурю злобы, противодействий и низменных наветов пережили мы в эти месяцы в 1898 году!² С тех пор Музей стал твердо ногою на этой, тогда спорной, земле. Враги ее отдачи под наше предприятие замолкли, все более и более обрисовывающееся в своих грандиозных формах сооружение возбуждает теперь общие симпатии, и сами прежние и нынешние думцы*** рукоплещут успехам этого красавца, вздымающегося на Кольмажном дворе. А этих восторженных симпатий будет еще больше к осени, когда начинающая занимать свое место белоснежная колоннада глав[ного] фасада встанет во весь свой рост. Теперь нижние барабаны колонн уже красуются по бокам центрального портика.

Приехал из Италии Степанов³, чтобы писать вид Венеции на месте, в самой зале Возрождения. Он привез с собою и картину памятника Colleone для одного из медальонов того зала, и вчера было велико удивление, когда он увидел, что высота медальонов значительно меньше продольных картин.

* вчинять – устраивать (уст.).

** закоулках (диалектн., В.И.Даль). Не смешивать с «улусом» как названием селений и волостей у сибирских народностей.

*** Зд.: депутаты городской Думы.

А он, не получивши на этот счет никаких указаний от своего милейшего маэстро П.В.Жуковского, написал эту картину как раз в вышину соседней продольной картины. Так и виден тут милый мечтатель Павел Васильевич. Привез Степанов и некоторые вещи для лестничной клетки.

Довольны ли Вы путешествием в Дрезден и Одессу?

554. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Берлин 4 мая

4 мая 1904, Берлин

Как мне жаль, что я вынужден был выехать из Москвы за несколько часов до Вашего возвращения с Гуся¹. Я нарочно заходил в «Славянский базар» в надежде Вас встретить хотя на короткое время, но там мне сказали, что если Вы в тот день и приедете из Владимира, то разве ночью. А меня угнали в путь в минувшую субботу² два неожиданные известия, одно из Лозанны – о распадении пансиона, в котором живут и учатся наши девочки³, и о необходимости взять их оттуда и устроить на будущий год в другом месте, и другое из Берлина – о закрытии до октября месяца отделения скульптуры Ренессанса и гипсовых слепков здешних музеев по случаю перенесения их в новый Kaiser Friedrich Museum⁴. Если еще первое дело могло устроиться недели через 2–3, с накоплением тепла в Швейцарии, и женою⁵, то берлинские коллекции я должен был увидеть до закрытия, иначе моя поездка туда теряла на $\frac{2}{3}$ свое значение.

Я выехал в субботу скорым поездом, в Варшаве оставался лишь 5 часов, а ныне, во вторник, в 6 часов утра был уже здесь, на Alexander Platz⁶ в Grand Hôtel'e*. Соснувши малую толику, я напился в первой кофейне кофе и к 10 часам был в Lustgarten'e⁷, ожидая вместе с другими открытия Старого музея. Едва забили часы на колокольне соседнего собора, как двери распахнулись перед нами и наша толпа рассыпалась по зданию, кто куда. Меня занимал вопрос о Ренессансе, его я задал прислуге этого отделения и узнал неутешительную весть, что ныне оно открыто в последний раз и что с завтрашнего дня начинается общая переноска предметов в новый музей. Утешение тут оставалось одно, что главные изваяния я мог, после близкого ознакомления с ними летом 1899 г.⁸, осмотреть ныне и наметить к приобретению слепки с неизбежных вещей; чего же не успею сделать до завтра, то с возвращением Бодэ⁹ из Италии я, наверное, получу возможность посещения и закрытого еще Фридрихова музея, ибо я не далее как на этих днях исполнил просьбу Бодэ насчет снятия фотографии с портрета Рембрандта, писанного

* Гранд-отеле (фр.).

им самим¹⁰ и принадлежащего кн[язю] Гагарину¹¹ в Москве. Гагарин оказался живущим в Риме, я написал ему туда – и получил разрешение найти в его доме (на Новинск[ом] бульваре) этот портрет и снять в величину, по моему желанию. Боде издает все портреты, писанные и гравированные Рембрандтом, это полотно ему оказалось неизбежным; достать хорошую фотографию он очень просил, – исполнение его поручения пришлось теперь очень кстати. Судя по письмам, это человек очень милый, мне сдается, что он и введет меня в новое здание частным образом и позволит продолжить осмотр отделения, хотя оно и будет с завтрашнего дня закрыто официально для других.

Запасшись интересовавшими меня сведениями, я направился к скульптурам, которые меня так сильно увлекали 5 лет тому назад. Я тихонько, шаг за шагом, останавливаясь перед каждым изображением, обошел к 2 часам эти залы – и, увы, не испытал и половины того очарования, какое эти изваяния производили до моего последнего пребывания в Италии¹², когда столько времени провел я возле величайших созданий главных корифеев этой эпохи. После того, что я видел во Флоренции, во всей Тоскане и в Риме, эта коллекция, созданная неутомимой энергией Боде, должна быть названной весьма значительной по числу для всякого музея, кроме Bargello¹³ во Флоренции, и весьма любопытной по изобилию раскрашенных рельефов и бюстов разных лиц того времени; но и только. Все это решительно меркнет перед тем, что хранит Италия и что мы постепенно приобретаем в слепках оттуда. Из этого музея должно быть получено весьма немногое, главн[ым] обр[азом] по части образцов расписанных изваяний, бывших в такой моде в XV в., вероятно, как продолжение цветной скульптуры Средних веков. Но исключительно отсюда мы можем получить слепки с некоторых работ Донателло в Падуе. Их отлили в свое время только для Берлинского музея – и только он один теперь изготавливает почти все бронзовые изваяния этого мастера в Santo* (ц. Св. Антония) Падуи. Тогда же немецкие формовщики отлили и статуи Дживованни Пизано в падуанской капелле Madonna dell' Arena**¹⁴.

555. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 мая

5 мая 1904, Берлин – 6 мая 1904, Ахен

Что вчера был последний день пользования для публики отделением Возрождения, видно было по снованию молодых чиновников музея и по тем

* Санто, *букв.*: святой (*ит.*).

** Мадонна дель Арена (*ит.*).

указаниям, которые они давали Aufseher'am* насчет нынешнего дня: что переносить на руках, что укладывать и как укладывать в ящики. Да, здешние, именно немецкие, Aufseher'a совсем не то, что прислуга наших, русских, а также gardiens** парижских музеев. Aufseher'ы отлично знают предметы, порученные их ведению, и людей, которые приходят к ним для занятий. Я забыл, где стоял один аналой (pulpito) работы Никколо Пизано, и потому спросил, где мне искать его, не назвав при этом имени Пизано. Aufseher очень вежливо спросил меня, какого Пизано, Никколо или Джованни¹, этот pulpito мне нужен, так как в отделении есть однородные предметы того и другого. Я должен был очень поклониться за это знание дела, знание, прямо невозможное ни в Эрмитаже, ни в Музее Александра III² в Петербурге, где оплачивают служителей конечно несравненно [лучше], чем в Москве, где в картинные и другие художественные галереи принимают прежних дворников. Давши мне указание, Aufseher спросил меня, как движется московский Музей, много ли мы купили гипсовых отливов и почему я давно не был у них. Оказывается, что он меня помнит с 1899 года, когда [я] в его отделении бывал часто и разговаривал с ним. Так ведь перед его глазами за эти дни и годы прошла Негг Др'ов необозримая масса. Нет, далеко нашим музеям до таких надсмотрщиков. А кто он по своей профессии? Столяр, стекольщик, маляр, гипсовщик. У Трея в Дрездене вся прислуга Альбертинума из ремесленников, оттого у него даже тумбы под статуи и бюсты делаются дома, дома же и окрашивают их «под гранит».

Здесь я должен был остановиться потому, что пора было идти в кофейню и оттуда в музей, к Боде. Провел я там отличный день, хотя и вынес немного разочарований. Переноска предметов в Friedrichs Museum, как оказалось, началась уже давно; так, совершенно пусто помещение Средних веков, искусство которых, вместе с древнехристианским и ренессансным в отделах древностей, архитектурных деталей и скульптуры находит также себе подобающую обстановку в новом музее. Как и следовало ожидать, Боде, человек около 50 лет, оказался очень любезным собеседником. Чтобы наговориться вдоволь, я дорогою надумался воспользоваться итальянским языком как наиболее мне сподручным; Боде то и дело ездит по Италии, вылавливая предметы искусств в захудалых монастырях, местечках и селах, а равно и у обедневших патрициев. Он и говорит по-итальянски совсем свободно. Он выводил меня по новому зданию, широко задуманному, обширному и практичному. Работа идет пока еще черная: штукатурят стены,

* смотритель (нем.).

** смотрители, букв.: сторожа (фр.).

настилают полы, ведут лепные работы. Всюду известка, грязь, отворенные окна и сильные, при ветре нынешнего утра, сквозняки. Когда я подходил к Старому музею, с лестницы спускались 4 служителя, несшие на носилках несколько скульптур Возрождения в новое здание. Их сопровождал вчерашний мой Aufscher с рельефною Мадонной Антонио Росселлино³ под мышкой... Так на прошлой неделе, переулками между Университетом и нашим Музеем, тянулась колонна служителей Румянцевского музея с греческими вазами в руках⁴, возбуждая расспросы и любопытство в прохожих. Переселялся таким образом университетский Кабинет изящных искусств в наше новое здание.

Боде выуживает иногда превосходные вещи; так у них оказался превосходный запрестольный образ Андреа дела Роббиа из местечка недалеко от Пизы⁵... За последние 5 лет, пока я не был здесь, он навез из Италии очень много вещей. У них оказалась из Равенны целая апсида мозаическая⁶, купленная, впрочем, давно в одной из захудалых ее церковок. Этого уже нет ни в одном музее мира. Ее купил еще Вильгельм⁷, дед нынешнего императора. Держали ее, за неимением места в музее, в «магазинах»*, как оказывается теперь, заключавших чрезвычайно много антикварного и художественного материала. Все это сейчас переносится и складывается на пол одной большой и оконченной залы. Архитектура представляется в разных периодах подлинными колоннами и карнизами всех стилей. Султан им подарил большие вещи для мавританского периода⁸. Немцы привлекли к науке даже турку; это сделали их дипломаты, круг которых у них пополняется не чадами только немногих и очевидно вырождающихся аристократических фамилий, [не так,] как наши свистуны и светские нередко болтушки по гостиным образуют замкнутый дипломатический корпус. У немцев Нибур был послом в Риме⁹, да и аристократы их окружают на дипломатических постах себя учеными, как это мы видим в том же Риме теперь или в Афинах. А наша дипломатическая молодежь свищет, гуляет, болтает вздор по столичным гостиным и даже не готовится серьезно к своему прямому делу, ради которого получает жалованье и посылается Государем в чужие земли. Попавши туда, не учится, не наблюдает, не ставит на должную высоту знания страны свое правительство. Это наше истинное несчастье, что люди, все достоинство которых заключается в безукоризненном французском языке, после не имеют ни сведений, ни мужества решиться оповещать Государя о том, что может грозить, в свой час, нашему народу и государству. Эти пустозвоны являются виновниками больших бедствий нашей страны. До науки ли таким субъектам?

* складах (уст.).

Новоприобретенный образ Андреа дела Роббиа, фигурирующий как характерное произведение этого мастера в недавнем труде Реймона La Sculpture Florentine*¹⁰, Боде обещал отлить в гипсе и, расписанный эмалевыми красками, прислать нам. Он при этом обещал всякую помощь в деле средневековой скульптуры с соборов Бамбергского и Страсбургского, когда, после объезда Германии, я дам ему сведения, какие статуи нам будут нужны.

От Боде я пошел осматривать наружность Friedrichs Museum'a. Здесь меня постигло большое разочарование. Место его пришлось как раз в углу Museum Insel'я**; боковые стороны его недоступны из-за воды; с одной стороны предположено построить мост, и тут, вероятно, будет выведен подобающий фасад, потому что главный фасад с его надписью, сделанной прекрасными бронзовыми буквами:

KAISER
WILHELM II
DEM
ANDENKEN
KAISER FRIEDRICHS***,

буквально упирается в полотно городской железной дороги. Только вставши между стенками, на которых покоится это полотно, можно было прочитывать эту историческую надпись. Более печального места для этого Andenken еще нигде никогда не избирали. Было бы естественнее поместить эту надпись над входом в музей, со стороны будущего моста. Я спросил Боде о причине этого непонятного факта, он сказал, что все его протесты против прямо недостойного места Фридриховского музея оказались напрасны. Его постройки на задворках всех остальных музеев, Старого, Национальной галереи и даже Пергамского. С трех сторон он будет окружен водой, а с главного фасада – полотно железной дороги, приходящееся в уровень с полом 2-го этажа, с его преградой для света и вечным свистом и дымом непрестанно снующих поездов. Более беспокойного места не получал никакой музей в мире. Несчастье, преследовавшее благороднейшего Фридриха при жизни, не покидает его и по смерти.

Из Friedrichs Museum я пробрался в собрание ассирийской скульптуры. Оно также вынесено из главного здания и в[реме]нно помещено в кирпичном не то сарае, не то корпусе, там, где и гипсы олимпийских скульптур.

* Флорентийская скульптура (*фр.*).

** Музейный остров (*нем.*).

*** Император Вильгельм II в память императора Фридриха (*нем.*).

Собрание невелико, но экземпляры превосходные; лучшие из них отлиты в гипсе; я наметил несколько плит к приобретению. Цены их от 2 марок до 130 марок, смотря по величине. Выбрал я самые лучшие¹¹.

Еще вчера я осмотрел Пергамский музей. Низ его уже в 1899 г. был готов, там уже стояли на местах архитектурные детали как из Пергама, так и из других городов Малой Азии. Но верх тогда только отстраивался – и я среди строительного материала не мог себе представить, как архитектор и археологи уместят там Большой алтарь¹². Теперь все скульптуры основания на своих местах и, при всей своей фрагментальности, производят сильное впечатление. Но платформу с самим жертвенником вынуждены были сократить или, точнее, выпустить совсем, потому что задняя колоннада теперь совсем близко к зрителю, почти на первом плане. Я выбрал фигуры, кроме Афины, у нас существующей уже, Зевса, Гекаты, Артемиды и Нерее с Океаном. Это займет у нас целую стену в собственном зале. Платить за гипсовые отливы будет Шехтель¹³. Из отделения классического здешнего музея у нас главное есть, так что теперь придется взять очень немного. При таких обстоятельствах оставаться здесь дольше не имело оснований, хотя всякое посещение Берлинского музея, управляемого первостепенными специалистами, приносит пользу, каждый раз наводя на новые соображения и давая уроки для будущего.

Побывал я в Gypsabgüßerei, повидался со старым ее форматором, моим прежним знакомым. От него я узнал, что в последнее время стали приобретать не исключительно белые отливы, а с некоторой патинировкой, чтобы предохранить их от быстрого загрязнения сажей, летящей от печных приборов. Так загублено все колоссальное собрание гипсов Берлинского музея, где сажа набилась в волосы, в глаза, в складки платья. Это не та желтоватая патина, которая ложится и на гипсах и на мраморах от времени, а просто черная, в данном случае противная, сажа, от которой изображения приобретают отталкивающую силу. Хорошо, если слепки сделаны с бронз, тогда зачернившиеся гипсы бронзируют, достигая при этом большого искусства, до иллюзии. В непоправимом положении оказываются отливы с мраморов.

Я сказал, что в Берлинском музее так много поучительного. Сначала я не понимал, почему там в кассетонах потолки колоннады, прилегающей с 2 сторон к Национальной галерее, сквозные и покрыты стеклом. Ныне я сообразил, что это сделали с целью доставить больше света в первый этаж, где помещается у них Египетский отдел¹⁴. Не придется ли то же сделать и нам по главному фасаду, если кровля портика будет загораживать свет в зал Египетский с одной стороны и в Антикварий с другой¹⁵.

Вы как-то высказались против капеллообразного деления поперечными, подвижными стенами или щитами некоторых зал. Но, Ю[рий] С[тепанович], по крайней мере в Ассирийском и в первом зале Возрождения нам не обойтись без этого приема. Низкие рельефы Ассирии будут совсем не видны, если их разместить по стене против окон¹⁶. Тогда потеряется весь эффект ассирийской скульптуры, барельефной почти исключительно. Это свойство очень плоского рельефа и заставило ученых Берлинского музея разместить плиты на щитах, поставленных перпендикулярно или даже, для большего светового эффекта, несколько вкось в отношении окон. Ассирийский зал наш находится в 1 этаже. Первый из зал Возрождения освещается сверху; но он так велик и материал его так разнообразен, что придется расчленить его по главным школам. А это легче достигается при системе щитов¹⁷, которые дают такое хорошее место рельефам. Статуи занимают тогда стены. В каждом таком отделении можно будет держаться эстетического принципа, симметрии и пр. Особую капеллочку надо будет выделить для цветных скульптур Возрождения. Их у нас будет несколько образцов. Щиты делаются и в новом Фридриховском музее. Их сколачивают из простых тесин, они довольно толсты; после их обтягивают материей.

Здесь кончаю. Пора ехать в Кёльн. Там я должен условиться [с Гербером] относительно нескольких античных и средневековых вещей. Он приобрел славу бронзированием гипсов и окрашиванием их под дерево, если оригиналы деревянные. Он имитирует гипсы и под мрамор; но эту работу его я ставлю невысоко. Это превосходно делают в Париже, такая имитация там требует много времени и обходится, судя по опыту с головой Венеры Милосской, сделанному мною лет 10 назад, очень дорого.

Дальнейшие работы мне придется вести сначала во Франции, оставивши города Средней и Южной Германии до августа. Не ныне, так завтра придет в Париж жена; я должен поспешить туда. Ознакомившись со всем, что придется приобретать в Париже, в трех его местах, в Лувре, Трокадеро и в Ecole des Beaux Arts*, я поеду по намеченным городам Франции, а жена должна будет заняться вопросом о помещении девочек в другой пансион на будущий год, который будет для заграничного пребывания их и жены последним.

Я буду рекомендовать знакомым здешний Grand Hôtel¹⁸: тихий, приличный и в IV этаже комнаты по 2 марки в сутки. Есть подъемная машина. Портые и его мальчик – очень услужливы. Я привез корзину с черным хлебом

* Школа изящных искусств (фр.).

и карамелями, которых просили дети, и не знал, что с нею делать. Они живо обернули корзину в бумагу, написали 2 декларации и отослали в Лозанну. Только им цена за посылку в 1 марку 40 [пфеннигов] показалась schauderhaft* дорогой... А когда я дал мальчику 1/2 марки за хлопоты, то он пришел в истинный восторг. Каждый раз после он вертелся в подъезде с новыми усами, так что это было уже стеснительно.

Ахен 19 мая (н.ст.)

Рано утром я приехал в Кёльн. Прошедши с вокзала в собор, я только здесь нашел разъяснение загадки, почему эта самая большая из всех готических кафедралей Германии церковь не играет никакой роли в истории немецкой скульптуры. Занимаясь периодом с XII по XVI в., я не встретил до сих пор даже имени Кёльнского собора¹⁹ в движении религиозной пластики. Ставши перед главным фасадом и всмотревшись в почерневшие изображения порталов, я должен был убедиться, что это скульптуры совершенно новые, лишь размещение их – по установившемуся издавна шаблону. Справка о времени окончания этого собора, начатого в XIII ст[олетии], сказала мне, что декоративные изваяния главного фасада принадлежат лишь XIX в. Поискал я внутри особо чтимых статуй, но группа Богородицы с Младенцем, окруженная колоссальным сооружением из живых цветов всех красок, цветов, расположенных так артистически, блистала своим самоновейшим происхождением. Ее кричащие краски, лоснящаяся поверхность и тип изображений свидетельствуют об усердии современных или очень недавних кёльнцев, которые сносили свои лепты и служили своим искусством для этого изваяния. На площади возле собора находится выставка и магазин скульптур ателье Августа Гербера. Дом и мастерские его в новой части, на одной из чудно обстраивающихся окраин. Телефоном его вызвали ко мне. Пока он должен был приехать, я снова вошел в собор насмотреться величественных красот архитектурных и налюбоваться живописью его цветных окон. Расцветивание стекол картинами продолжается до сих пор; до сих пор отдельные общества и цехи избирают по окну для этих украшений. Но несомненно, что это искусство идет по наклонной плоскости вниз. Картины окон для оконченной хоральной части бесконечно эффектнее окон, украшенных в последние времена на продольных стенах по мере движения их к выходу.

Приехал Гербер и повел меня прежде всего в соседний Wallraf-Richartz-Museum²⁰, названный так по имени его основателя и дарителя городу.

* жутко (нем.).

Главное его значение в картинной галерее и, особенно, в собрании произведений живописи кельнской школы, для меня же важно было снова побывать здесь (впервые был я в этом музее в 1895 году²¹) для отделения гипсовых слепков скульптуры античной и других эпох. Слепки здесь окрашены мастерской рукой Гербера под цвет оригиналов. До иллюзии хороши бронзы и имитации под дерево. Знаменитая Нюрнбергская Мадонна²² окрашена под дерево так артистически, что можно было держать пари, будто видишь настоящее деревянное изображение, а не имитированное в гипсе.

Гербер уже доставил нам всю группу Ниобы и ее детей и статую так назыв[аемой] *Nestia Giustiniani*²³, оригинал которой приписывается предшественнику Фидия Каламиду²⁴. Теперь я избрал 4 статуи Наумбургского собора, две мужских и две женских, супружеские четы основателей его²⁵. Их отливают только Гербер, нарочно съездивший и снявший их на месте. Цена их от 220 до 240 марок за экземпляр. Из скульптур нюрнбергской школы он сделает известного *Gänsemännchen*²⁶ с нюрнбергского фонтана (40 мар[ок]) и 2 статуи Иоанна и Марии²⁷, окрашенные под дерево (55 мар.). Из эпохи итальянского Возрождения: Микеланджело – группу Богоматери с Младенцем в *Vrugge*²⁸ (260 м[арок]), Бенvenuto Челлини – маленькую группу «Персей и Медуза»²⁹ (50 м.). Первое изваяние отлива-ется только у него, вторую вещь я дал ему ради бронзовой окраски. Из греческой скульптуры: «Копьеносец» Поликлета (350 мар.), «Апоксиомен» Лисиппа³⁰ (300 мар.), так назыв[аемый] *Idolino*³¹ (180 мар.), ради их мастерской бронзирования, которую я нашел в здешнем музее. Кроме того, две первые статуи будут сделаны без тех подпор в виде стволов дерева, которые были необходимы в мраморных копиях. В этой форме слепки получают характер, более близкий к оригиналам в смысле легкости и естественности позы. Оттого-то в немецких университетах в музеях ставят рядом эти восстановления с римскими копиями греческих бронзовых изваяний в мраморе.

Кроме собора и музея смотреть в Кельне для наших целей нечего. Поэтому Гербер повез меня к себе. Судя по двум домам, недавно выстроенным и обставленным прекрасно, это человек, должно быть, богатый, но состояние его основано, конечно, не на гипсах же, хотя ателье его большое; но товар этот неходкий и цен небольших. Много ли, напр[имер], продашь групп Ниобы или поликлетовских Дорифоров? Мы обошли его мастерские, осмотрели выставку наилучших вещей, погуляли по его молодому саду и позавтракали яичницей-глазуньей, ветчиной и сыром с кофе, выпили бутылочку рейнвейну. Он проводил меня на вокзал.

Отсюда я переехал в Ахен, древний собор которого мне давно хотелось видеть. Оставив вещи на вокзале, я прошел к собору и здесь в древней части¹² его встретил повторение плана и конструкции равеннской церкви S. Vitale. Только здесь исполнение грубее, общий вид очень тяжелый, как в копии, сделанной недаровитою рукою. S. Vitale сравнительно со здешним созданием Карла Великого настоящий Kleinod*, даже в нынешнем состоянии уничтожения ее внутреннего убранства. Хоральная часть собора уже готического стиля, стены ее прорезаны длиннейшими окнами с очень красивыми цветными стеклами. Старая церковь разрушается; потолки растресканы, штукатурка во многих опасных местах отбита. Собираются пожертвования на реставрацию. К собору прилегает дивной сохранности готический Kloster**, не только обитаемый, но и прекрасно содержимый. Сад его полон зелени и цветов; с галерей открывается на него волшебный вид через разноцветные стекла окон. Я приехал сюда только ради собора, его архитектуры и его исторических реликвий. В ризницах хранится много интересных предметов, достойных изучения. Но, занимаясь пока собиранием лишь памятников монументальной скульптуры, я по принципу и здесь должен был воздержаться от приобретения копий с разной церковной утвари и произведений чеканного искусства или резьбы по слоновой кости. Если Бог пошлет веку по окончании Музея, этим займусь систематически, может быть, и сам; сделают это, во всяком случае, другие. Нам надобно иметь в виду лишь главное, большое.

Походивши по очень благоустроенному, чистому, нарядному городу со множеством красивых зданий, переполненных всякими товарами магазинов, то и дело снующими трамваями, с тремя железнодорожными вокзалами, я возвратился на вокзал и здесь, доставши ящичек с письменными принадлежностями, пишу эти строки. Наш комитетский превосходный по аккуратности письмоводитель Дмитриев (Ив[ан] Владимирович) снабдил меня всем нужным в дорогу для корреспонденции и записей – и теперь я с этим ящичком могу быть во всеоружии в любом café. Вот и сейчас пишу я в ресторане вокзала. Скоро полночь. Через 1/2 часа я выезжаю в Париж. Будьте здоровы.

556. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Париж 22 мая

9 мая 1904, Париж

Сюда я благополучно приехал утром 20-го числа [н.ст.] и в одном маленьком отельчике (Hôtel d'Isly) на углу rue Jacob и rue Bonaparte***, на левом

* перл, драгоценность (нем.).

** монастырь (нем.).

*** Отель Или... ул. Жакоб... ул. Бонапарт (фр.).

берегу Сены, нашел жену с кофеем и чаем, ждавшими моего внимания. Этот старый квартал с его Ecole des Beaux Arts, Институтом¹, множеством книжных и художественных магазинов, такими книгоиздательными фирмами, как фирмы Didot, Leroux и даже F.A.Brockhaus², такими фотографическими заведениями, как Giraudon³, рассылающее свои листы по всему ученому и художественному миру, и с этим оживлением, которое придает этому углу Парижа юношество Ecole des Beaux Arts, мы очень любим. Отсюда близко и до Лувра, и до музея Cluny⁴, и до Notre Dame*, а до Trocadéro на парходике менее 10 минут плавания. Здесь мы с женою жили осенью 1895 г.; к той же хозяйке, в ее архаический отель, приехала жена и теперь, прибывши сюда раньше меня. У нас комната в первом (по нашему втором) этаже в три окна, светлая, угловая. Взяли мы ее на месяц за 55 фр[анк][ов]. Питаемся на boulevard S. Michel** в том же ресторане, что и в прошлый приезд, платя за завтрак и за обед по 1 фр[анку] 25 сант[имов] и 20 сант. гарсону. Дают нам за эту уйму денег суп, мясное блюдо, легюме*** или рыбу и сладкое, теперь, по сезону, обыкновенно землянику или вишни; что бутылка красного или белого вина ставится при этом в тот же счет, это разумеется само собою. В Италии считают куски съеденного хлеба, а тут кладут перед нами такие увесистые батоны, что иному из них подобало бы быть или дубинкой Петра Великого или булавою Геркулеса.

Еще раз я должен принести Вам и сестрам Вашим сердечнейшую признательность за совет поместить мою больную в Нерви; пребывание в этой теплице в течение двух зим принесло ей несомненную пользу. Легкое зарубцевалось, она окрепла с виду и по самочувствию могла бы считаться совсем здоровой, если бы разделаться с ожерельем гланд, считаемых туберкулезными. Эта статья пока не поддается никаким экспериментам – ни подкожному впрыскиванию йода, ни втиранию мазей, ничему. Не помогут ли швейцарские врачи, с которыми будет она советоваться отныне? Уезжая из Италии, жена получила совет продолжать держание комнаты и сон при открытом окне, как это было в Нерви со дня прибытия туда и до самого отъезда. Привычка сделала то, что она преспокойно спит, когда от бегающих дилижансов и вообще очень сильной езды с 6 час. утра и далеко за полночь шум в нашей угловой комнате совершенно тот же, что и на улице. В Италии продолжают утверждать, что лечиться слабогрудым можно только воздухом, питанием, сном и хорошим настроением. В Париже, кроме хорошего настроения, нам нельзя иметь другого. Тепло, погода чудесная, весна в полном

* Собор Богоматери (*фр.*, буквально: «наша Госпожа», «Владычица наша»).

** бульвар Сен Мишель (*фр.*).

*** овощное (*фр.* légumes).

цвету деревьев и кустарников, а цветами, в данный момент пионами, завалены каждый перекресток и целые площади. С 6 час. утра и до 11 вечера я на ногах, но утомления пока никакого.

Побывавши в Notre Dame и наметивши люнету с изображением Богоматери с Младенцем XII в. на правом портале главного фасада⁵ для наших собраний, отливаемую в Trosadéro (400 фр.), свои ознакомления я начал с Лувра⁶ и именно с его антиков, как части, и по прежним моим занятиям здесь в 1888, 89⁷ и 95 гг., и из археологической литературы мне близкой. Старых знакомцев я нашел всех на их прежних местах. Не переменяла своего места ни одна статуя, ни один рельеф. И порядки в Лувре все те же: полное отсутствие хранителей в галереях и благоразумное удаление их от назойливых расспросов публики, те же в треуголках разгуливающие и по-прежнему совершенно непричастные никакому музейскому знанию *gardiens*, то же держание античных мраморов в большой пыли и грязи, то же отсутствие научных изданий и научно-административных работ у здешних археологов, за исключением E. Pottier⁸, числящихся в списке луврских чиновников. Какую разительную перемену встречаешь тут после берлинских музеев, где большие научные и административные труды кипят, где всесветно прославленные ученые, как Боде и Кекуле⁹, подают пример своей неустанной энергией младшим чинам, их ученикам и подручным. Там целая библиотека самых разнообразных археологических изданий по всем отделам: и по Египту, и по классическому миру, и по эпохе Возрождения и т.д. А здесь от хранителя классической древности – отделения по скульптуре – ученый мир насилу-насилу дождался даже не описательного, а краткого каталога – перечня предметов, выставленных в галереях. Конечно, за последнее полу-столетие появлялись каталоги по разным отделам Лувра; большинство их – «*catalogues sommaires**», простые списки предметов без объяснений¹⁰. Лень современной администрации по отделу древней скульптуры доходила до того, что она перепечатывала только обложку и выходной лист у старого каталога, напечатанного еще при Наполеоне III¹¹, без всяких изменений, хотя те описания далеко не исчерпывали всё накопившегося материала. Здешние хранители являются сов[ерше]нными антиподами и берлинских, и лондонских. Те на службе в музеях с утра и до их закрытия, здешние же собираются после завтрака, на часик-другой, да и то проходят в отдаленное бюро, невидимые для публики. Уже много-много лет обещан Catal[ogue] *raisonné*** греко-римской скульптуры г. Ravaisson¹², но его и до сих пор нет.

* краткие каталоги (фр.).

** Каталог с объяснениями (фр.).

Зато свобода входа и выхода, хотя по 3 – 4 раза в день, для посетителей драгоценна. Если у вас нет зонтика или палки, вы проходите в интересующее вас отделение словно к себе. Вы ходите и работаете там, никем не вспомоществуемые, но зато и никем не стесняемые. Поработаешь тут с утра до завтрака, сходишь на *boulev[ard] S. Michel* позавтракать, а там воротиться опять сюда, где двери не запираются в летнее время до 5 часов.

До сих пор из греко-римских скульптур я отметил к приобретению: 1) столбообразную Геру Самосскую¹³ (100 фр.), 2) Марса, т[ак] наз[ываемого] *Achille Borghèse*¹⁴ (170 фр.), 3) Аталанту, т[ак] н[азываемую] *Diane de Gabies*¹⁵ (160 фр.), 4) т[ак] н[азываемого] *Gladiateur Borghèse*¹⁶ (200 фр.), 5) знаменитую Палладу Велетри (500 фр.), 6) Венеру Арльскую (160 фр.), 7) *Venus Genetrix* (160 фр.), 8) Викторию Самофракийскую без носа корабля (600 фр.), 9) Диану Версальскую¹⁷ (300 фр.), 10) Силена с маленьким Дионисом¹⁸ (200 фр.), 11) Борцов флорентинского музея¹⁹ (180 фр.); из рельефов: 1) некоторые куски из храма в Ассосе²⁰, 2) архаический барельеф с о. Фазоса²¹ (150 фр.) и нек[оторые] друг[ие].

Из ассирийских древностей есть крылатый лев из Нимруда²² (450 фр.), но он, сравнительно с тут же стоящими крылатыми быками²³, мал и, по своей исключительности, не характерен. Здесь есть 4 чудеснейшие быка с величавыми формами. Гипсов с них не продают, но для нас могли бы луврские власти отлить их. Вы давно высказывали мысль в свой черед возбудить вопрос об этом, полагая, что Ассирийский зал без таких оригинальных созданий вавилоно-ассирийской пластики был бы у нас не характерен. На днях я пойду в самое ателье мулажей и, спросивши о цене этих специальных отливов, немедленно напишу Вам. Только, глубокочтимый Ю[рий] С[тепанович], в счет отпущенной мне Комитетом на нынешнюю поездку суммы стоимость крылатых быков не ставьте, так как я в своем докладе Комитету о приобретениях настоящего лета об ассирийских скульптурах и не заикался. Я от Вас же самих слышал план о покупке этого отдела наших собраний – в последнюю очередь и главным образом в Лондоне²⁴. Если я заговорил о быках Лувра теперь, то потому, что Британский музей, видя разрушение своих экземпляров, отказывается делать отливы с них, а старые формы, бывшие прежде у музейского скульптора Бруччиани²⁵ и остававшиеся продолжительное время без заказов, уничтожены. Не ставьте мне в счет той же суммы и интереснейшую древнеперсидскую капитель, одну из 36, украшавших колонны тронной залы Артаксеркса Мнемона²⁶ (конца V ст[олетия] до Р. Хр.). Отлив ее создаст новое, ни в одном музее Европы не существующее, украшение нашего ассирийско-персидского отделения. Так как этот зал в честь Великой Княгини Елизаветы Феодоровны строится Протопоповым С.А.²⁷, то стоимость этой

капители и двух быков вместе с фотографиями их я покажу ему и попрошу его уполномочить меня приобрести эти великолепные предметы.

В Берлине я видел свежий отлив стелы с законами Гаммураби²⁸, наделавшими столько шума в богословской литературе Европы, так что своим письмом к профессору Деличу вмешался в спор об этих *Bibel und Babel** и император Вильгельм II²⁹. Оригинал из черного камня находится в Лувре. Немцы получили слепок в дар от здешнего правительства; почему бы не получить таким же способом как эту стелу, так и другие более важные отливки и нашему Музею Александра III. Хотя бы такой толк для нас был от этой *Alliance Franco-russe*³⁰. Перед отъездом моим Велик[ий] Кн[язь] подписал рескрипт нашему здешнему послу Нелидову³¹ об испрошении у французского Министерства нар[одного] просвещ[ения] разрешения сделать слепки с угла Парфенона³² в *École des Beaux Arts*, с *Puits de Moïse* Кло Слютера в Дижоне и портала готического собора в Бурже³³. Вместе с этим Вел[икии] Князь благодарил Нелидова за подарки, им сделанные в Риме. Интересно теперь, как отнесется к этому дипломатическому шагу нашего Комитета здешнее министерство. На его месте не грех бы подарить нашему Музею все эти три слепка. На днях я пойду к Нелидову и узнаю, что он сделал по этому вопросу и можно ли бы помечтать о даровом получении величавого угла Парфенона с тремя его колоннами и крепидомой³⁴. Этот угол, в гипсе существующий лишь здесь и нигде не воспроизведенный, явился бы перлом нашего Стеклянного двораика.

557. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 мая, Amiens

10 мая 1904, Амьен

Примите мой сердечный привет из этого города. Пишу в *Café* у самого подножия знаменитого Собора. Вид его воистину величественный. Для нашего собрания наметил три его прославленные статуи: «*le Beau Dieu*», «*la Vierge Dorée*» и одного ангела с кадилом¹. Все изваяния с фасадов Собора. Будьте благополучны. Возвращаюсь в Париж.

558. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 мая

11 мая 1904, Париж

Клейн в последнее время не раз высказывал мысль о затруднении, которое для него представляет проект обработки Ассирийского зала. Ассирий-

* Библия и Вавилон (нем.).

ское искусство было до сих пор далеко от него; декорация карнизов этого помещения теперь была бы ему очень тяжела¹. Возлагать на него непосильное бремя было бы с нашей стороны жестоко. Конечно, можно будет ему подобрать детали орнаментации по главным изданиям памятников вавилоно-ассирийского искусства, как Ботты, Лейарда² и др.; но компоновать картину убранства все-таки пришлось бы Р[оману] И[ванови]чу. Не будет ли проще повторить нам в этом зале убранство соответственного зала Лувра? Здешняя орнаментация создана учеными и художниками, перед которыми нам грешным не стыдно снять шапку. Они для карнизов утилизировали самые характерные мотивы из всего открытого в раскопках материала. Иного не выдумаем мы; лучше поэтому сохранить силы и время для других, более полезных работ. Как это сделать? Можно было бы заказать хорошие фотографии здешних карнизов и зарисовку части их красками, главным образом синей и желтой. Разрисованы карнизы весьма просто, без светотеней. Такой заказ можно сделать Управлению Лувра; оно имеет своего фотографа, найдет и рисовальщика. Вся комиссия* будет стоять, может быть, 100 – 150 фр[анков], а такой авторитетный образец очень облегчил бы задачу Клейна³. Я, на всякий случай, спрошу, сколько будет стоить фотография здешнего зала en question**.

Вчера, по случаю Духова дня и понедельника, все музеи Парижа были заперты. В Троицын день⁴ мы с женою вечером нагулялись в Bois de Boulogne***, так что самое интересное место загородных развлечений здешнего населения нам уже стало известно. Поэтому я за лучшее счел использовать время на поездку в Amiens. Этот город отстоит на 3 часа железнодорожного пути; я мог побывать там и воротиться в один день. Рано утром дилижанс домчал меня до Gare du Nord****, а к ужину, часам к 10, я был уже дома. Главною или, точнее, единственную целью поездки был знаменитый собор с его скульптурами и готической архитектурой. Кроме этого захватывающего сооружения, я почти ничего и не видал в этом городе. Собор гордо высится над всем городом, сохраняя чрезвычайно богатое убранство своих фасадов почти в полной чистоте на протяжении всех 700 с лишком лет. Тогда как в революционные бури 1793 г. многие кафедралы Франции потеряли большую часть драгоценных скульптурных украшений, Амьенский собор сохранил и своего Le Beau Dieu и свою La Vierge Dorée на своих фасадах,

* заказ, поручение (от *лат.* commissio).

** о котором речь (*фр.*).

*** Булонский лес (*фр.*).

**** Северный вокзал (*фр.*).

вместе со всем скульптурным их окружением, этих ангелов, апостолов и т.д. Оттого амьенские изваяния XIII в. теперь считаются образцовыми, тогда как даже скульптуры здешней⁵ Notre Dame не имеют характера аутентичности, сильно поврежденные в революции и после реставрированные в существенных частях. Должны были приставлять новые головы к обезображенным пьяными толпами изваяниям на фасадах кафедралей Руана, Бордо и других городов.

Ввиду этого обстоятельства я решил побывать еще лишь в Шартре, Реймсе и Бурже, где соборы также уцелели от святотатственной руки, как и Амьенский. В истории готики приводится в качестве особо характерного образчика скульптуры XIII в. Ангел с кадиллом с северной двери главного фасада. Его постанова и улыбка, свойственная готическому искусству, признаются особо замечательными. Этого Ангела я, так же как и вышеназванные статуи, нашел в полной сохранности. Два первые изваяния существуют в отливах ателье Trocadéro (Le Beau Dieu (7 m 46 × 1 m 05) вместе с архитектурой, ему принадлежащей: покрытие, столб и постамент, 1500 фр., La Vierge Dorée в такой же обстановке – 1200 фр.), но формы Ангела нет. Единственный отлив имеется лишь в галерее Трокадеро. Я спросил, за сколько могло бы управление этого музея сделать слепок для нас. Обещали ответить мне на днях. Таким образом, Амьенский собор у нас будет представлен его решительными перлами. Больше нам отсюда ничего не нужно.

Ныне я познакомился с Средневековым отделом скульптуры Trocadéro. Подбор материала собственно Франции здесь превосходный и единственный в мире, равно как и по следующим эпохам развития пластики в этой стране. Поэтому и следовало бы назвать этот музей – Музеем французской скульптуры, но не Musée de Sculpture Comparée*, как гордо он именует себя теперь. В отделе Средних веков и времен позднейших другие страны у них совершенно отсутствуют, даже от ближайшего Франции и долго ей принадлежавшего Страсбургского собора⁶ образцов у них мало и бесконечно меньше, чем отливается их теперь в Берлине. Что же касается греческой и римской скульптуры, а равно и ваяний Древнего Востока, то материал здесь так ограничен, что это не дает права на столь пышное название. Это имя так же не выражает содержания учреждения, как и наименование нашего Музея, справедливо заставляющее других думать, что в нем будет и картинная галерея. Но отдел французской скульптуры здесь подобран мастерски,

* Музей сравнительной скульптуры (фр.).

и расположен материал в вокзалоподобном крыле здания и красиво и удобно для изучения. Скульптуры и архитектурные детали размещены по векам; большие и импозантные порталы соборов делят скучное помещение на целый ряд своих зал – со своим особым назначением. При такой системе предметы, здесь выставленные, обозреваются легко, так как в каждом отделении и глаз и внимание сосредоточены на ограниченном и однородном количестве лучших образцов избранной эпохи.

На первый раз я остановился только на материале XI–XIII ст[олетий], познакомился с ателье слепков, с его шефом, г. Pouzadoux⁷, и хранителем и секретарем музея, г. Roussel'em⁸. Директором музея состоит г. Enlart⁹, которого ныне не было и с которым обещали меня свести в другой раз. И главный формовщик, и секретарь музея оказались людьми очень любезными. Оба они водили меня по учреждению и показали те предметы, слепки с которых возможны по существующим формам. Форм сохранилось у них очень немного; остальное, в предположении, что по такой специальности спроса со стороны других музеев не будет, своевременно уничтожилось. А в последние годы сам Trocadéro питается случаями заказов, делаемых американцами. Колоссальные музеи Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии и др[угих] городов ослепляют грандиозностью своих требований здешние ателье скульпторов и формовщиков. Один Бостонский музей в последние годы уплатил управлению Trocadéro за исполнение его поручений более 300 000 фр. Устраивая свои колоссальные собрания, американцы делают заказы с памятников, которые раньше в Trocadéro представлены не были, управление при этом отливает экземпляр и для себя. У нас французская и немецкая скульптуры Средних веков и Возрождения должны занять немного места, а потому я ограничиваюсь лишь самым главным, лишь существенным, без чего нашему на исторической почве организуемому Музею обойтись невозможно. Но, для того чтобы сделать выбор, надобно осмотреть многое.

Первое посещение Trocadéro убедило меня в крайнем разрушении портала Клермонской церкви Notre Dame du Port. Как древнейший церковный портал Франции, он в слепке стоит недалеко от входной двери; его я увидел в первые же минуты. Этот памятник зодчества и ваяния XI в. не имеет почти ни одной уцелевшей головы, да и остальное все очень выветрилось и имеет искаленный вид. Мысль о приобретении слепка с него приходится совершенно оставить, сберегая 1500 фр., сумму стоимости гипсового отлива по случайно в амбарах Trocadéro сохранившимся формам, на другие, более интересные копии; небольшая часть этих денег могла бы идти на слепки двух изукрашенных лицевыми изображениями капителей этой же церкви¹⁰. Внутри храма колонны и капители сохранились, и потому отливки

с них вышли в коллекции Trocadéro прекрасно. В качестве древнейших французских образцов я бы избрал два экземпляра сих капителей. При таком состоянии портала Notre Dame du Port мне ехать в Clermont-Ferrand не придется.

559. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

12 мая 1904, Париж

Директор музея скульптур г. Enlart принял меня очень мило и откровенно указал на те затруднения, с которыми мы неминуемо встретимся в деле приобретения слепка Puits de Moïse в Дижоне. Дижонцы славятся на всю Францию особо ревнивым отношением к местным памятникам искусств, а это обстоятельство очень важно, так как Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения] не может дать разрешения на снятие копии без согласия на то дижонских археологов и общества охранения тамошних памятников. Анлар говорит, что поднимется между министерствами просвещения и внутр[енних] дел длинная переписка, когда наш посол Нелидов возбудит, по письму Вел[икого] Кн[язя], этот вопрос; потратится много времени на обмен любезностями и уверениями «сделать все зависящее», прикрывающий желание свалить дело на другую, следующую по порядку, инстанцию. В высших кругах все будет двигаться гладко и чинно, бумаг испишут много, пока местный археолог не доложит общест[ву] охранения старины о невозможности поручиться за сохранность оригинала ввиду такого-то и такого-то его состояния. После этого отрицательный отзыв пойдет по восходящей линии к мин[истру] нар[одного] просвещ[ения], а от министра к Нелидову. По мнению Анлара, вопрос этот запутается тем сильнее, что именно Puits de Moïse пострадал от неумелости формовщика, делавшего несколько лет тому назад слепок для Trocadéro, когда был отломан им кусок одной ажурной решетки на его карнизе. И для здешней коллекции слепок вышел слаб, и отношения к дижонским властям у этого музея испорчены. А и теперь, если бы поднят был вопрос, Мин-во нар. просвещ. должно было бы послать в Дижон формовщика из Trocadéro. Местных сил в Дижоне для получения слепка нет.

До сих пор я не мог выбрать ни одного скульптурного тимпана¹ из французских готических порталов, так как в Trocadéro форм нет для этого ни одной. Да если бы и сохранились они, то ни с Руанского, ни с Бордосского Анлар брать слепков не советует в силу их очень большой реставрации. Если-де так неразборчивы в подборе памятников американцы, то это потому, что они ищут, главным образом, общих эффектов для своих огромных музейских сооружений. Они отливают из гипса целые порталы со всею архитектурой для

пышности картины. Анлар указывает в числе готических наиболее для XIII в. характерных тимпанов на один из порталов собора в Бурже. Действительно, картина ада из сцены Страшного суда этого тимпана приводится как [один из] наилучших, наиболее ярких образцов. Анлар предлагает сделать отлив этого памятника в складчину с Trocadéro. Эта скульптурная работа сохранилась в целостности и не подвергалась реставрированию. В течение года Анлар обещал выяснить стоимость этого снимка*.

У нас, к сожалению, не будет совсем ни одного покрытия⁷ готических порталов, я не говорю уже о их изукрашенных статуями боках. Такой портал, разумеется, в одну дверь, обошелся бы дорого. Для немецкого романского стиля у нас будет Goldene Pforte Фрейбергского собора³, но для французской и вообще для всего периода готики цельного портала не будет. На прощание я просил г. Анлара написать мне заглавия тех сочинений по истории французской пластики, которые считаются у них образцовыми. На это он мне сознался, что труда, по научному значению равного Bode, Geschichte der deutsch[en] Sculpture, у них для отечественной скульптуры нет: 1) книга Gonse, La sculpture française** имеет своим сюжетом XIV–XVIII ст[олетия], но не полную историю предмета; 2) [труд] Courajou et Maron, Catalogue raisonné du Musée de Sculpture Comparée*** остался, за смертью первого ученого, неоконченным; 3) A. de Baudot, La sculpture française**** недостаточно серьезна. Гораздо большего Анлар ждет от имеющего появиться в скором времени труда André Michel, Histoire générale de l'art des temps chrétiens (Librairie Armand Collin)***** , который будет заключать в себе обработку лекций автора, читаемых им, по званию хранителя, в Лувре. Кроме того, Анлар мне посоветовал познакомиться с недавно напечатанным трактатом Robert de Lasteyrie, Études sur la sculpture française du XIIme s. Le portail royal de Chartres (Melanges Piot. Academie des Inscriptions 1903); Koechlin, Etude sur la sculpture flamande aux XIII et XIVme siècles (в Gazette de Beaux Arts 1903 – 1904); Vitry, Michel Colombe; Koechlin et J. Marquet de Vasselot. La Sculpture Troyenne au XVI siècle*****.

* То есть слепка.

** Гонз. Французская скульптура (фр.).

*** Куражу и Марон. Объяснительный каталог Музея сравнительной скульптуры (фр.).

**** А. де Бодо. Французская скульптура (фр.).

***** Андре Мишель. Общая история искусства христианского времени (Библиотека Армана Коллена) (фр.).

***** Робер де Ластейри. Этюды по французской скульптуре XII в. Королевский портал Шартра (Сборники Пио. Академия надписей, 1903); Кёшлен. Этюд о фламандской скульптуре XIII и XIV вв. (Журнал изящных искусств, 1903–1904); Витри. Мишель Коломб; Кёшлен и Ж.Марке де Вассело. Скульптура Труа в XVI веке (фр.).

Не только насыщенный, но и отягченный такою библиографией, я очень сердечно благодарил ученого директора за эти указания. Он прошелся со мною по галерее и указывал на те главные образцы, которые, и при нашем размере французской скульптуры, иметь нужно. Ближе ознакомился я ныне с образцами порталов Шартрского собора ввиду намеченной туда поездки.

Проведши утро в Trocadéro, я после завтрака сходил в La Sainte Chapelle². Это – апофеоз церковной декоративной росписи и игры красок оконной живописи. Даже и теперь, когда эта Sainte Chapelle лишена всякого характера религиозного, когда тут и прислуга, и публика расхаживает в шляпах и разговаривают громче, чем в любом музее, какое-то невольное смущение и чувство великости этого, профанированного теперь, места охватывает с первого же момента в этой таинственной мгле. Затканные в виде ковра многоцветной живописью окна созданы для того, чтобы не пропускать сюда уличного света; немного дает его для глубины верхней церкви и открытая дверь, выходящая на крытую галерею. Для меня были особенно нужны две статуи пророков, стоящих у пилястр продольных стен церкви. Расписанные яркими красками сами, прилегая к раскрашенным столбам и имея своим фоном расписанные стены, в этом полумраке, искомые две фигуры долго не давались мне, пока, начавши от двери, я не нашел их самыми близкими к алтарю. Они и по месту первые среди всех других. Одна из этих статуй приводится во всех главных руководствах по истории скульптуры XIII в. Раскрашенные, они, конечно, недоступны для копирования в желатине или гипсе, и потому, когда накануне моего отъезда из Москвы Романов просил меня добыть хотя одну статую пророков из Sainte Chapelle Парижа, я отказался от такой миссии. И просить об этом здесь было бы верхом неделекатности. И каково же было мое удивление, когда я еще вчера увидел обе эти статуи в гипсовых отливках Trocadéro! Очевидно, организаторы музея в свое время улучили возможность снять копии с них; окраска, весьма вероятно, поновлявшаяся на своем длинном веку не раз, была реставрирована после такого испытания. Первым же моим делом было сказать: сохранились ли с них в музее формы? Ответ последовал, к сожалению, отрицательный; но *mouleur** музея, г. Pouzadoux, обещал мне испросить разрешение сделать снимки с этих гипсов. Этой возможности заполучить такие интересные образцы я очень рад, лишь бы только не отказали в позволении. Завтра собираюсь идти в соседнюю с нами Ecole des Beaux Arts.

* формовщик (*фр.*).

560. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 мая

13 мая 1904, Париж

Об Ecole des Beaux Arts¹ от 1895 г. у меня осталось весьма неприятное воспоминание, так как для жены, чтобы посмотреть галерею здешних гипсов, потребовали, ни меньше, ни больше, как разрешения самого министра нар[одного] просвещ[ения]. Из вестибюля дверь в галерею была открыта, гипсы были в двух шагах от нас – и жену не пустили через порог, указывая, что ученики Школы могут оскорбить своими нескромными замечаниями вошедшую к ним даму. Я после такого неожиданного мотива вошел в их чудный Cour Vitrée* и встретил лишь двух живописцев, копировавших гипсы, и никак не мог понять смысла отказа. Жена так и не могла сопровождать меня по этой галерее. Не такой прием мы встречали тогда в немецких Kunst-Academien** : там нас вводили даже на уроки, по залам и галереям, тогда там были и профессора и ученики – и нигде появление там дамы не возбуждало кентаврских поползновений. Жена, помня тогдашний афронт, ныне идти туда отказалась – и была права, потому что и я-то проник в галерею не прямо, а чрез канцелярию Школы и главного mouleur'a. Художественные собрания открыты для публики только по воскресеньям, а в остальные дни посетитель может войти в здание только при наличности свободного служителя, который должен сопровождать его. Когда я подошел к открытым дверям Cour Vitrée, такого служителя в вестибюле не оказалось, а два надзирателя, разгуливавшие тут и спокойно болтавшие между собою, не захотели разрешить мне переступить порог. Делать было нечего; они были в своем праве. Я нашел высшую, чем они, инстанцию и достиг своего. Mouleur Школы провел меня и по отдаленным коридорам, где часто даже в порядочной тьме хранятся гипсовые отливки, показал мне залу заседаний Совета с знаменитой полукруглой картиной (История Искусств) Поль Делароша². Раньше я не бывал в их Ancienne Chapelle***, превращенной в музей христианской скульптуры. И помещение замечательное, и собрание слепков очень большое, хотя, как во всех художественных школах, дурно, грязно содержимое. Здесь, сверх ожидания, я встретил 1 статую пророка из Sainte Chapelle, из числа тех, о которых я писал раньше, и притом отлитую прежде последовавшей затем реставрации ее³, и 2 статуи с Шартрского собора⁴, которых нет и в Trocadéro. Но что меня привело в решительный восторг, так

* Остекленный дворик (фр.).

** Академиях искусств (нем.).

*** Старая капелла (фр.).

это разрешение давно занимавшего [меня] нижеследующего вопроса. Слышавши от Трея, что его Albertinum сделал очень печальное поползновение с приобретением отсюда Микеланджеловых гробниц Медичей и «Моисея»⁵, вышедших весьма неудачно, и лично знакомый с очень плохим качеством этих изваяний Albertinum'a, я удивлялся, почему здешняя Ecole des Beaux Arts, рассылающая свои гипсы во все страны, не приобретет новых форм с этих прославленных произведений, особенно имея свою Academie Française de Rome*, и как ей не стыдно поставлять в музеи и в академии художеств слепки, за которые ее по достоинству ругают. Потому я и искал в прошлом году и во Флоренции и в Риме возможности получить слепки с этих предметов по самым оригиналам. С Лелли во Флоренции мы уговорились в цене 5000 фр[анков] за 4 медичейские статуи, причем отливка верхней части самих гробниц должна была быть оплачена особо, и это стоило бы до 1000 фр., так что самое малое обе гробницы стоили бы нам 6000 фр. Что касается до «Моисея», то после переговоров со всеми известными формовщиками Рима наименьшую цену в 2500 фр. объявил мне Piernovelli**. Оставалось на ближайшее лето, когда нет иностранцев в Италии, испросить разрешение у Мин[истерст]ва нар[одного] просвещения на эти слепки. Такая бумага и послана Вел[иким] Кн[язем] в Рим, как об этих памятниках, так и о нескольких других важнейших предметах, наприм[ер] о кафедре Никколо Пизано Пизанского Баптистерия⁶. Теперь такие траты совсем нам не нужны. Новый mouleur здешней École des Beaux Arts лишь два месяца назад получил новую форму «Моисея», сделанную скульпторами Academie Française de Rome – и мы можем получить совершеннейший слепок этой статуи за... угадайте, за сколько. Держу большое пари, что не отгадаете: за 800 фр. 4 статуи названных гробниц: Ночь, Утренняя заря и пр. – все за 2200 фр. Таким образом, вся стоимость будет 3000 фр., а с установленной в недавнее время Мин[истерств]ом народн[ого] просвещ[ения] скидкой в 25% с гипсовых отливов, продаваемых этим ателье, эта сумма падает до 2250 фр.⁷ Статуи сидячих Медичей этих памятников мы получили уже в прошлом году от Лелли, сделанные по свежим формам. Я забыл выше заметить, что и формы медичейских гробниц в здешней École теперь также отличные. Как я рад этому сбережению в 6250 фр. Им мы покроем приобретение других видных памятников скульптуры каких угодно веков. Только Вы, Юрий Степанович, не ставьте мне эту сберегаемую сумму в счет суммы в 12 000 руб., отпущенной мне Комитетом на покупки нынешней поездки⁸. Это уже мое счастье –

* Французская академия в Риме (фр.).

** Пьерновелли (ит.).

и эти 6250 фр. пойдут на другие приобретения. Я их, впрочем, готов принести Вам на уплату дивного угла Парфенона (крепидома, приходящаяся своей верхней частью, стилобатом, мне как раз в переносицу, 3 колонны и угол антаблемента – все в натуральную величину), гордо, гордо поднимающегося над целым лесом статуй, расположенных вокруг него в здешнем Cour Vitrée. Какой возвышающий характер будет сообщать эта величавая прелесть нашему Музею.

561. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 мая

14 мая 1904, Шартр

Примите мой сердечный привет от подножия чудного собора Шартра¹. Ознакомившись с тем, что можно приобрести из скульптур Шартрского собора, мы с женой приехали сюда. Здешний собор много меньше Амьенского, но зато он поражает единством плана и сохранностью украшений. Еду в Реймс².

562. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 мая

15 мая 1904, Париж (?)

Побывавши в Амьене, я должен был вчера познакомиться с Шартрским собором. Если до Амьена от Парижа лишь 3 часа с поездом-омнибус* и два с экспрессом, то до Шартра мы ехали всего 1½ часа. Поезд несся по местности и очень красивой и прекрасно обработанной. Леса, сады, поля, сильно засаженные деревьями, масса фольварков**, разбросанных по тучным полям и лугам, красивой панорамой проносились перед нами, так что мы с женою и не почувствовали, как быстро пролетело время этого короткого переезда. Амьен и Шартр – это два полюса по своему характеру. Первый представляет собою город богатый, значительный по населению, с большою торговлей и фабриками, выделяющими бархат. На больших улицах движение электрических трамваев, зеркальные стекла магазинов, сильное движение нарядной публики, большое количество кофеен и ресторанов. Город получил особое оживление к вечеру по случаю Духова дня. А Шартр словно застыл в своем средневековом виде: таких узких улиц, по которым никоим образом не могли бы разехаться два экипажа, и таких переулков, по которым ходят только пешком, таких домов в 3 – 4 окна по фасаду, обыкновенно

* пригородный поезд (фр.).

** сельская усадьба, хутор (польск.).

в 2 и редко в 3 этажа, с остроконечными кровлями и окном под самым коньком – немного уже осталось и в Германии. Населения всего 23 тысячи, и оно какое-то тихое, бесшумное. В старой части города, в одной из узких улиц, мы поражены были тем, как привезенное сено с улицы подавалось на вилах в широкое окно, приходившееся над входом в дом. А когда мы, окончивши первое ознакомление с собором, решили пообедать часа в 3, то долго не могли найти еды, так как время обеда уже миновало, а до ужина было еще далеко. Наконец, в одном ресторане предложили покормить нас, если мы согласимся дать, за 2 фр[анка] с человека, покормили хорошо и красного вина, лучшего, чем в Париже, дали нам в ту же плату по целой бутылке вместо одной, получаемой нами здесь (правда же плата 1 фр[анк] 15 сант[имов] за завтрак и 1 фр[анк] 25 сант[имов] за обед). А когда мы девушке, прислуживавшей нам, дали 4 су [20 сантимов]¹, она очень благодарила и пожелала нам счастливого пути.

Характерную особенность города составляет расположение его во внутренней, обрамленной теперь бульварами на месте прежнего вала и стен, части на двух планах, верхнем и нижнем. Сообщение между этими частями, кроме колесных дорог, идущих зигзагами, облегчается прямыми каменными лестницами. Эти лестницы с прилегающими к ним домами старинного средневекового вида также переносят воображение в далекую, давно минувшую даль времен. Всем этим мы налюбовались, идя по узким и извилистым, в полдень пустым, улицам к собору, бывшему исключительной целью нашего сюда приезда, или разыскивая другие древние церкви после первого осмотра собора. La cathédrale de Chartres* считается одной из наиболее законченных готических церквей целой Франции, и пользуется она наибольшей популярностью в парижском населении – последнее благодаря, конечно, и близости, позволяющей сделать поездку сюда в один день и провести в Шартре значительнейшую часть этого дня. Собор Амьенский задуман был [широко] и долго строился и пышно украшался снаружи и внутри, но остался неоконченным с северной стороны, теперь заслоненной епископским садом; его массивные колокольни не достроены и даже не приведены в соответствие одна с другою. А в Шартре все завершено, его колокольни, доведенные, хотя и в разные века, до шпицев, считаются классическими. Существует даже поговорка: «Если бы колокольню Шартра присоединить к нефу Амьена и к хору Бовэ (Beauvais), то вышла бы la plus belle cathédrale du monde**». Его боковые порталы поразительны по размерам и характеру

* Шартрский собор, кафедральная церковь (фр.).

** самая красивая соборная церковь в мире (фр.).

своих пышных скульптурных украшений. Они превосходят главный портал. Этой роскоши внешнего убранства соответствует и богатство украшений внутренних: многоцветная живопись окон готовилась в местных мастерских, славившихся на всю Францию, и пользуется она репутацией образцовой для всего периода готики, а колоссальная площадь стены, огибающей хор, является каким-то морем мраморной скульптуры эпохи Ренессанса с XVI в. и времен последующих до XVIII включительно. Тут не знаешь, чему более удивляться, тонкости ли обработки архитектурной обстановки, архитектурного окружения каждой отдельной группы или этому поражающему разнообразию скульптур, выраженных в 40 с лишком группах больших и в бесконечном числе меньшего размера. Не только виденные мною соборы и церкви здесь и в Амьене, но, судя по литературным указаниям, и все другие церкви Франции не представляют на этом *pourtour du chœur** или на этой *clôture du chœur*** такой более не повторявшейся в церковном строительстве мраморной роскоши.

Но не эти, трудно за раз обозримые, статуи были предметом моего главного интереса. Не XVI ст[олетие] и тем менее времена последующие привлекательны для меня в настоящей моей миссии. Я искал своих образцов на фасадах собора в этих созданиях ваяния XII и XIII вв., устоявших во всех несчастьях его многострадальной судьбы в разные времена; их не уничтожили ни пожары, ни пьяные бури революции 1793 г., когда при неистовствах толпы и криках безумной радости на площади перед главным порталом сожгли древнейшую статую Богоматери, по благочестивому преданию восходившую будто бы еще ко временам друидическим²... когда внутренность собора служила местом пляски под звуки военной музыки.

Из Шартра у нас будут: 1) тимпан главного портала с изображением «Христа во Славе»; 2) один столб с изображением двух святых (выс[ота] 5,47 метра; 1800 фр[анков]) с того же западного портала у правой двери; 3) статуя св. Модесты с того же портала (300 фр.); 4) два апокалипсические старца (50 фр.) отсюда же³. Все это будет отлито в Тросадéго, только св. Модеста найдена мною в Ecole des Beaux Arts и будет сделана в этом учреждении. Цену за тимпан означить не могу, потому что раньше придется получить разрешение управления музея Тросадéго на право воспользоваться их гипсом для отлива формы. На днях я должен получить и разрешение и смету на это.

* обход хора, алтарной части (*фр.*).

** ограда хора (*фр.*).

XII и XIII вв. французской скульптуры будут у нас выражены очень хорошими образцами. Не хватает нам доселе покрытия тимпана (vousure du tympan*) с его обыкновенно 3 жгутами (? cordons⁴) разнообразных фигур. Тогда была бы готика представлена совсем полно.

563. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 мая

16 – 17 мая 1904, Париж

Жена говорит, что если бы оставить меня в Париже на полгода, то все равно я не видал бы ничего кроме Тrocadéro, Лувра, музея Ecole des B. Arts и 2 – 3 старинных церквей, и потому она удивляется «узости и односторонности ученых людей». Выслушивая эти упреки, может быть и справедливые в устах дамских, я ухожу с утра по одному из этих направлений, отложивши другое до послеобеденного времени (музеи открыты летом до 5 часов). Ныне я продолжал блуждания по Лувру, и здесь на лестнице, где стоит Виктория или, точнее, Ника Самофракийская (отлив ее с носом корабля 1200 фр[анков]), я, к удивлению своему, встретил целую галерею слепков со скульптур, найденных французами в Дельфах¹. Вы видели их оригиналы на месте², я же не бывал в Греции с 1889 г.; за этот период времени так появилось там много нового. Эти дельфийские статуи, архитектурные фрагменты, рельефы и реставрация портика сокровищницы кндян в натуральную величину были для меня настоящим откровением. Я долго оставался среди этого материала, так близко передающего далекие отсюда подлинники, особенно при этой мастерской патинировке гипсов под цвет старых мраморов и бронз. Под этим впечатлением я навел справку в ателье мулажей о том, возможно ли некоторые слепки из данной коллекции получить и нам. «Разрешение, – ответили мне, – на это зависит от бывшего директора Французской школы в Афинах, г. Nomolle³; всего он не даст до опубликования в специальном труде; но против некоторых скульптур он наверное иметь ничего не будет». Мне бы очень хотелось получить: 1) одного архаического «Аполлона»⁴, 2) одну из кариатид сокровищницы кндян⁵, 3) знаменитого ауригу⁶, 4) Диадумена Поликлета⁷ и 5) атлета, по-видимому, Лисипповой школы⁸. Все эти греческие изваяния, а не римские копии греческих образцов, как громадная масса известных нам произведений греческой пластики, чрезвычайно интересны; их, кроме ауриги, пока нет в других музеях Европы.

Двигаясь далее от этих слепков, я в одной из ближайших зал 2-го этажа попал на знаменитый Tresor de Bosco Reale⁹, найденный возле Помпей и ловко,

* арка свода тимпана (фр.).

прежде чем для Италии определилась его научная ценность и успели ассигновать нужную сумму на вознаграждение находки, купленный Ротшильдами для подарка его Лувру. Это собрание серебряных вещей высокохудожественной формы (предметы домашнего быта, всякого рода столовое серебро) решительно оставляет соответствующую коллекцию помпейского домашнего серебра [Неаполитанского музея] в тени. Таких чудесных блюд с бюстами внутри и такого изобилия разных столовых вещей там совсем нет. Теперь мне понятно, почему и парламент, и Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения], и публика так жестоко обрушились на директора этого музея De Petra¹⁰ за то, что он недостаточно энергично отнесся к этой находке, заподозрив тут сначала даже возможность фальсификации: так удивительно свежи эти дивные вещи. Болезненный и начинающий стареть De Petra вынужден был, как этим, так и другими обвинениями в недостатке служебной энергии, оставить свой пост, ограничившись одною профессурой в университете. Приобретение этого серебряного клада совершилось в половине минувшего десятилетия, вскоре после моего последнего приезда сюда. Тогда этих вещей здесь еще не было. Копий с него, подобных коллекциям микенских золотых и серебряных вещей, не существует. А если бы управление Лувра заготовило их из белого металла, музеи покупали бы их на расхват. Я подберу здесь литературу по этому предмету и фотографии, чтобы поделиться сообщением о нем с другими¹¹. Эта тема особенно близка моему сердцу, так как она связана с несчастьем моего друга и учителя по осским надписям De Petra, которому посвящено мое большое издание *Sylloge inscriptionum Ossarum* (2 части, Petropoli – Lipsiae* 1879 г.).

Ныне снова прошел я отделение греческой и римской скульптуры Лувра, проверяя список ранее намеченных к приобретению слепков. Прежние каталоги муляжей не годятся и по их неполноте, и по ценам, там выставленным; последние почему-то в большинстве несколько повышены: так, на прим[ер], «Марс-Ахилл» Боргезе 190 фр[анков] вместо 170, Паллада Velletri 550 вм[есто] 500, Venus Genetrix 180 вм[есто] 160, Диана Версальская 350 фр. вм[есто] 300 и т.д. Но, с другой стороны, будет 10% скидка с заказа.

30 мая

Ныне я познакомился с главным *mouleur*'ом Лувра, г. Arrondelle¹², давно стоящим во главе литейного ателье. Это человек уже старый, но живой и веселый; за толщиной он не повел меня по галереям сам, а рекомендовал

* Сборник осских надписей... Петербург – Лейпциг (*лат.*).

мне своего сына, также скульптора и формовщика, к которому после перейдет, вероятно, и все учреждение. Мы вместе осмотрели дельфийские скульптуры. Задержки с позволением главнейших между ними, по его словам, не будет, так как г. Nomolle стал теперь директором Лувра вм[есто] вышедшего в отставку Каемрфен'а¹³. Из фриза сокровищницы кидян я не думаю приобретать ничего, так он разрушен. Археологическое значение он, конечно, имеет, но столь фрагментальные скульптуры в наших залах выставлять пока едва ли следует. Не отбить бы этим охоту в публике посещать Музей. Для такого испорченного материала на лекциях для студентов достаточно фотографий. Я указал моему проводнику вышеназванные изваяния; он записал их и хотел дня через два доставить мне обозначение цен их отливов: до сих пор их стоимость не опубликована.

От обоих Арронделлей я узнал, что знаменитая капитель колонны из дворца Артаксеркса Мнемона отлита в гипсе и что приобрести ее можно. Она и здесь, при этом богатстве Ассиро-Персидского отделения, производит импозантное впечатление формой, с ее бычачьими колоссальными головами, исключительно оригинальной, и своими поражающими размерами. Если эта капитель занимает теперь всю высоту зала, то каких же размеров были целые колонны с такими капителями?

Арронделли мне сообщили, что, хотя готовых форм ассирийских быков в Лувре и нет, но что по нашей просьбе управление музея сделать таковые им разрешит. Я спросил, не нужно ли послать наше ходатайство об этом дипломатическим путем, но они не сочли это нужным; достаточно-де написать в их ателье письмо, а затем они уже сами примут меры к получению соответствующего разрешения. Хорошо, кабы так! Но я что-то плохо верю этой их уверенности после того, как быки Британского музея сделались недоступными для копирования в желатине или гипсе. Если же позволение будет получено и эти чудесные быки приедут в Москву, Ассирийско-Персидский зал у нас будет один из лучших в мире [среди] музеев нашего характера. На днях постараюсь узнать цену таких двух слепков с патинировкой – и отпишу Вам.

Скоро ли Вы в деревню?

564. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1-го июня

19 мая 1904, Париж

Всем бы жить в Париже хорошо, но молоко здесь из рук вон плохо. Нам к кофею подают в отеле какую-то тепленькую композицию белого молокообразного вида, от которой отдает лишь слабым молочным запахом. Жена

подозревает, что это смесь воды и гипсовой пыли из ателье соседней Ecole des Beaux Arts, и думает, что хозяйка, видя внимание к нашему № [номеру] со стороны формовщиков этой Школы, Лувра и Трокадеро, пришла к решению угощать нас гипсовой похлебкой, чтобы еще больше нравиться мне таким вниманием к моей специальности. Да и горланят тут пьяные после полуночи без всякого стыда. А привычка жены спать с открытым окном, вынесенная из Нерви, была причиной такой сцены нынешней ночью. Проходила толпа молодежи, очевидно, из этого окружающего нас художественного школьного мира. Шумела она и галдела на всю улицу; увидевши совершенно необычное для Парижа в ночное время открытое окно, она остановилась перед нашим отелем. Один из гуляк предложил себя как пьедестал другому, тот должен был встать ему на плечи и быть запевалой. Сказано – сделано: один вскарабкался на другого, и крикливое, пьяно-нестройное пение началось. Выкрикивалось при этом в рефрен имя какой-то Seraphine*. Но серенада неожиданно прекратилась, так как маэстро свалился со своего зыбкого основания; хор поднял свист, смех, улюлюкание и удалился. Если бы живая лестница увеличилась еще одним охотником, то последний мог бы держаться за перила нашего окна и проникнуть в нашу комнату, по крайней мере, взорами.

Был я у А.И.Нелидова. Он уже снесся с мин[ист]ром нар[одного] просвещ[ения] насчет облегчения в получении нашим Музеем гипсовых слепков с более важных и интересных памятников. Получил он и ответ, по обычаю очень ласковый, предоставляющий всякие льготы для копирования оригиналов; только, к моему прискорбию, и слабого намека в этой бумаге нет на желание наших аллеатов** хотя бы что-ниб[удь] подарить Музею Александра III в Москве. Только и толку от этой alliance***, что французы построили здесь чудесный металлический мост через Сену и, прикрепив к нему наш государственный герб, назвали его именем Alexandre III¹.

Ныне, бродя по Ancienne Chapelle в Ecole des Beaux Arts, я встретил бюст Петра I и голову лошади с памятника этого государя в Петербурге, присланные Школе в дар Велик[им] Кн[язем] Владимиром Александровичем, и мне сделалось досадно за нашу тороватость и за неделикатность французского Мин[истерст]ва нар[одного] просвещ[ения]. А может быть, и Нелидов не умел дать мысли о таких ничтожных для здешнего учреждения подарках, как угол Парфенона, Puits de Moïse в Дижоне или 2 ассирийские

* Серафины (фр.).

** союзников (лат.).

*** союз (фр.).

крылатые быка Лувра. Эти три дивные по своим формам предметы решительно недоступны назначенному мне на этот раз бюджету по их высокой, назначенной мулёрами, конечно, с большою для себя пользой, цене; а для мин[истерст]ва те же состоящие при музеях формовщики сделают слепки за маленькую сравнительно цену. Не навести ли мне справку самому, как бы это достигнуть? И Нелидов мог бы замолвить за нас словечко только лично и лишь вскользь, в шутиливом тоне; не писать же было ему об этом в официальной бумаге! Пойду я знакомиться с новым директором Лувра Номол'ем и – чем я рискую? – спрошу его, как и где повести эту механику насчет дарового обогащения нашего Музея. Я уверен, обратиться французы за чем-нибудь подобным в Эрмитаж, наши чины не уснули бы до тех пор, пока не отослали бы им непременно дара, чего бы он учреждению ни стоил. Право, попробовать следует. Есть тут и еще кое-кто, кого нужно спросить, откуда и как начать. Мне так хочется иметь названные вещи, грандиозные по размерам и чудесные по формам, представляемым ими. Угол Парфенона в натуральную величину, с тремя колоннами, антаблементом* и трехступенной крепидомой оценен здешней Es[ole] d[es] V[eaux] Arts в сумме от 22 000 до 25 000 фр[анков]; Puits de Moïse, с командировкою формовщиков в Дижон из Trocadéro, – в 20 000 фр. Я при своих 12 000 руб. и подумать об этих вещах не смею. На днях я подведу итог намеченных к приобретению более дешевых вещей – и, раз деньги будут на исходе, положу узду в руки жены, чтобы она надела ее на мои дальнейшие желания. Она то и дело твердит: «Ей**», смотри – не зарвись; 12 т[ысяч] р[ублей] не Бог знает какая сумма; ты, мне сдастся, уже переходишь ее». Схожу еще раз в отделения Средневековья и Возрождения Лувра.

565. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

2 июня

20 мая 1904, Париж

Как я люблю выходить на нашу rue Vopararte в утреннюю пору, когда молодые художники стремительно бегут с папками под мышкой в их Школу. Сколько тут оживления, веселости, шутиливых переключиваний этих живых, симпатичных по виду молодых людей. Наша улица – место умственного труда и высоких интересов по преимуществу, с ее книжными, фотографическими, эстампными магазинами, с соседством этой Es[ole] d[es] V[eaux] Arts и старого, куполом венчаемого Института. Есть что-то поднимающее, что-то

* антаблементом (от *фр.* entablement); Цветаев дает этот термин в его исконном произношении.

** право же, истинно (*церк.-слав.*).

дающее энергию, молодящее в приятной, сладостной обстановке. И ног под собою не чувствуешь, когда перебегаешь эту славную улицу, Quai Voltaire и Pont des Arts* к Лувру. А этот Лувр с его целым рядом разнообразных и одна другой богаче, импозантнее коллекций! Тут все часы коротки, и выходишь, всегда не окончивши, не доделавши, всегда с желанием снова возвратиться сюда. Такова уже сила произведений искусства, обозреваемых непосредственно, в самых оригиналах: от них веет каким-то не то посвящением зрителя в неведомые чувства и ощущения, не то каким-то сладким насыщением. Копии, как Trocadéro, Ec[ole] d[es] B[eaux] Arts, нашего Музея, внушают желание созерцания оригиналов, они, просветляя неясные наши представления, продвигают любознательность, усиливают интенсивность стремлений, но не дают полного удовлетворения, не успокаивают. Последнее создается только оригиналами, только тем, дальше чего идти уже некуда.

Был я ныне в Лувре для окончательного выбора вещей по Средневековью и Возрождению и XVII в. Осматривал я их перед этим много раз, желая проверить свои впечатления. Водил и жену в качестве просвещенной публики нашего будущего Музея. Кроме капители XI в. и мелких по размерам предметов, но интересных по форме, XIII и XIV вв. (от 10 до 25 фр[анков]), из XIV в. я избрал две надгробные статуи, мужскую и женскую, считаемые характерными выразителями скульптуры в этом, весьма распространенном в ту эпоху, роде (190 фр.) и одно уже весьма замечательное по выразительности надгробие из XVI в. – статую адмирала Chabot¹ (та же цена). Все эти произведения – французской школы.

От корифея пластики XV в. Michel Colombe² у нас будут один бюст с надгробного памятника Нантского собора (15 фр.) и чудесный большой рельеф «Поражение св. Георгием дракона» (360 фр.), избранный и на этих днях внесенный в свою коллекцию по этому времени и администрацией Trocadéro.

Представителями XVI в. во французской скульптуре были Jean Goujon и Germain Pilon³. Из произведений первого я наметил Deposition du Christ^{**}, очень эффектный барельеф (90 фр.) и бюст Henri^{***} II (35 фр.), от второго мы будем иметь два бюста Henri II и III (та же цена), а из более крупных его вещей отливаются в Лувре «Les trois Grâces»⁴, несущие урну с сердцем Henri II, и Vierge assise en Mater Dolorosa^{****}, прежде бывшая в здешней,

* набережную Вольтера... мост Искусств (фр.).

** Положение Христа во гроб (фр.).

*** Анри, Генрих (фр.).

**** Сидящая Пресвятая Дева в виде Матери скорбящей (фр., лат.).

т.е. парижской, Sainte Chapelle (первая скульптура 300 фр., последняя 250 фр.). Которую из них для характеристики этого мастера приобрести, мне нужно посоветоваться с Вами, рассмотревши эти изображения по фотографиям.

Этим и можно ограничиться по отделу французской пластики, представляемому Лувром. Главная сила этого искусства Франции – в церквах XII и XIII ст[олетий]. Лучше, насколько позволяют средства, приобрести побольше характерных вещей из этого времени. Вождями скульптуры в XV и XVI вв. в мире были итальянцы, которые у нас будут выражены и полно и чудеснейшими вещами. Один Микеланджело как будет импонировать и студентам, и публике! Сколько у нас будет и произведений Делла Роббиа!

Познакомился я с книгоиздательской фирмой Leroux, комиссионером Мин[истерст]ва нар[одного] пр[освещения]. Вы раз поручили мне доставить Вам заглавия 2–3 важнейших трудов по французской пластике. Я просил Leroux найти мне общее сочинение De Beaudot: La Sculpture Française и Viollet le Duc: Dictionnaire d'Archéologie*. Он нашел их оба в отличных переплетах, оба великолепные издания стоят по 250 фр. Разрешите ли мне поручить послать их Вам для Вашей личной библиотеки? После и я бы попользовался у Вас этими изданиями. Напишите мне Ваше решение в Лозанну (Poste-restante**).

На днях поедем в S. Denis*** и затем в Реймс. Жена тянет, кроме того, в Версаль.

566. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 июня

22 мая 1904, Париж

Собираю счета предметов, намеченных для нашего Музея. Прислали их из Ecole des Beaux Arts, из Trocadéro и пока неполный счет из Лувра. Цены первого и последнего учреждения обыкновенны; они одинаковы с итальянскими и немного выше немецких. Образчики их я обозначал уже раньше. В Es[cole] d[es] B[eaux] Arts даже за слепки, нарочно делаемые для нас, именно с трех статуй, 2 мужских и 1 женской (из Chartres и Sainte Chapelle здесь), цена объявлена очень сходная, именно 1000 фр. за все вместе и с патинировкою под песчаник. О слепках с микеланджеловских статуй и групп я уже писал Вам. С этим ателье и с соответственным учреждением Лувра иметь

* Виолле-ле-Дюк. Словарь археологии (фр.).

** до востребования (фр.).

*** Сен-Дени (фр.).

дело приятно. Лувр даже за новые, еще никому не доставляемые копии скульптур из Дельф, составляющих теперь предмет общего любопытства в музейских и археологических кругах, не назначил особо высоких цен, взимая 180 – 190 фр. за статую. Интересно будет узнать, что бы [он] пожелал за 2 ассирийских быка, отливать которые он должен будет для нас. Цена, конечно, будет в общем высока; но все же будем знать, что платим за огромную и превосходную, ни в каком музее не имеющуюся в таких слепках вещь. Но чем объяснить прямо несуразные цены слепков ателье Trocadéro, я не знаю. Цены эти высоки до досадного. Две небольшие статуи XII в., сделанные скорее горельефом – по 100 фр.; две статуи с портала Шартрского собора (XII в.) по 360 фр.; но они чрезвычайно интересны с колоннами, к которым они прислонены, а это стоит 1800 фр.; le Beau Dieu и la Vierge Dorée d'Amiens – 450 и 250 фр.; но эти изображения чрезвычайно важны в архитектурном окружении, а это возвышает цены первого изваяния до 1500 фр., а второго до 1200 фр. И это цены за слепки, делаемые по готовым формам. Единственно, чем можно объяснить это необычайное явление, разве крайняя редкость требований таких образчиков французской средневековой пластики. Германские музеи собирают слепки только со своих национальных памятников, об Италии и говорить нечего, туда не пошло из Trocadéro, вероятно, ни одного слепка; в Англию – только в Дублин, где создается при Академии художеств музей гипсовых копий на очень широкую ногу, да в Южно-Кенсингтонский музей в Лондоне¹. Единственными заказчиками Trocadéro являются, конечно, американские музеи, но и их ведь немного; чрезвычайно богатые, они платят все, что им не заявят, чего бы это ни стоило; и этим, конечно, разжигают корыстолюбие своих поставщиков. Эти цены Trocadéro прямо невыносимы, когда ателье должно бывает что-ниб[удь] отливать по имеющимся в музее гипсам, но не по готовым уже формам. Классический для французской готики Ангел с камильницей Амьенского собора, приводимый во всех руководствах по средневековой пластике, иметь которого будет для нас гордостью и наслаждением, объявлен в сумме 1800 фр.: это – ни на что не похоже. Цена ему 400 фр., как взял бы формовщик Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts или формовщики Лувра или Берлина. Если еще до некоторой степени объяснишь дороговизну вещей, существующих в формах и редко требуемых в продаже, то почему ателье Trocadéro ценит так невозможно высоко свой труд приготовления слепка с гипса, находящегося в этом музее и не вызывающего никаких дорогих подмостей и никаких других особых расходов? Рабочие ведь в той же цене, что и у других формовщиков, у хозяев мастерских того же Лувра и той же Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts.

567. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5-го июня

23 мая 1904, Париж

Мы нынешний день провели в Версале¹. Три раза в моей жизни я был там – и при виде этого бесподобного сада, обозреть который с какого-либо одного пункта глаз не в состоянии, и при обходе этого моря зал и комнат в колоссальном дворце с его грандиозными живописными полотнами, представляющими историю Франции, с его зеркальными залами, с роскошью отделки, какую мог создать французский гений, – при виде всего этого одна и та же мысль приходила мне: «Все это величие искусства могло явиться миру только при монархии, при сосредоточении силы, власти и материальных средств в одном человеке для данного времени; никакой иной государственный строй не в состоянии был бы дать столько полета художественной фантазии и такого широкого осуществления ее идеалов, ее видений, грёз и чар». Без монархии невозможны ни Версали, ни Лувры, ни Ватиканы. И Фидий не был бы такою величественною в истории искусства [фигурою], и Парфенон не явился бы во всей своей славе без величавой, командовавшей личности Перикла. Монархиями созидались искусства Востока, монархи были главными покровителями науки и искусств в век эллинистический, в Пергаме, Антиохии, Александрии; грандиозными сооружениями и процветанием других искусств обязан был Рим своим императорам, равно как и Византия. Без королей и королев Средних веков не появилось [бы] ни романских, ни готических соборов и церквей, сосредоточивавших на себе жизнь и силу в ту пору всех изобразительных искусств. Никакая республика, никакое усиление социал-демократических учений и проведение их в жизнь народов не создадут другого собора Св. Петра миру. Людям масс, людям физического труда будет в грядущие времена жить на свете лучше с иным распорядком прав и иным распределением материального обеспечения. Это несомненно. Но блеск, высота искусства в будущем от этого уклада жизни, наверное, пострадает².

568. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Reims, 6-го июня.

24 мая 1904, Реймс

Как я рад приветствовать Вас в виду этого славного памятника готики! Радуюсь я и найдя здесь возможность иметь 3 статуи за 1300 фр., тогда как в Trocadéro жарят 1200 за одну (!). Будьте благополучны.

569. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 июня

25 мая 1904, Париж

Вчера я послал Вам картолинку* из Реймса с видом его колосса-собора. В 8 часов утра я выехал из Парижа, а в 10 часов неугомонный express, в течение двух часов не остановившийся ни на одной станции, нас выбросил в Реймсе.

Жена с вечера собиралась сопровождать меня, но, когда утром ей пришлось проснуться в 6 часов, чтобы собраться, выпить кофе в первом бар'e** и потом поспеть на gare de l'Est***, находящуюся от нашей квартиры далеко, нашла, что все готические соборы похожи один на другой и что после парижских церквей и Шартрского собора она ничего нового в Реймсе не увидит. Мне некогда было вести речи на эту тему; я поскорее добежал до бар'a, перекусил прямо у стойки и на первом империале¹ от S. Germain des Près², находящегося по соседству с нами, доехал до вокзала еще за целый час до отхода поезда, так что вдоволь нагулялся по ближайшим улицам.

Здесь есть отличное обыкновение даже к express'am пристегивать 2–3 вагона 3-го класса; вагоны – новой коридорной системы³, чистые, со скамьями или хорошо выкрашенными или обитыми по подушке матовой клеенкой. Таким образом за дешевую плату мчишься с головокружительной быстротой, не теряя лишнего времени на передвижения. Такие смешанные экспрессы ходят по всем направлениям из Парижа по утрам и из ближних городов приходят к ночи.

Реймс – большой (свыше 100 т[ысяч] жителей), богатый и очень на вид приятный город. Новая часть, за бульварами, разбита здесь с широтою, мною нигде не встречавшеюся. Искусство французов разбивать сады, парки, бульвары сказалось тут в полном блеске. Внутреннее кольцо сохранило свою средневековую физиономию в узких и очень кривых, под всякими углами извивающихся улицах. Уцелели здесь и очень низкие торговые ряды; переполнены они всякими товарами и весьма живописно: рядом и шелковая материя, и портные, и колбасные, и buvettes****, и рестораны, и серебряные и золотые вещи, и всего в каждом магазине много. Судя по справкам, которые приходилось наводить, население любезнее и вежливее, чем в Париже, где, по крайней мере, служилый люд на железн[ых] дорогах, конках, на трамваях обыкновенно груб даже и с женщинами, не только с иностранцами, но и со своими.

* открытку (от *ит. cartolina*).** бар (*англ.*).*** Восточная станция (*фр.*).**** буфеты, закусовые (*фр.*).

Над старым городом высится собор в такой степени, что куда бы ни пойти, вы отовсюду его видите перед собою⁴. Из разных концов города я прямо шел на эти громадные колокольни. Жена была права, оставшись дома. Она не нашла бы для себя в этом городе ничего особо интересного; но причина ее правоты только в том, что два фасада его, главный и северный, закрыты лесами, а южный, недостроенный в свое время, застроен зданиями и садом местного архиепископского монастыря. Уже давно, как оказалось, здесь идет реставрация изветшавших стен, архитектурных и скульптурных украшений этого сооружения. На главном фасаде свободен от лесов только левый портал, а центральный и правый совсем скрылись за сплошной сетью брёвен, досок, канатов и железа. Увы, при таких обстоятельствах я увидел не много. К счастью, знаменитый Ангел левого портала на главном фасаде смеялся своею милою улыбкой все время совсем близко от меня. Я налюбовался им вдоволь и теперь буду знать оригинал нашей будущей копии⁵. Он уже конца XIII в. и потому изящнее своего коллеги в Амьене. Оба они считаются перлами французской готики. Но относительно других порталов я не был счастлив: как я ни поднимался «на дыпочки», как ни приседал, чтобы рассмотреть ту или иную статую, это удавалось плохо: больно густы эти леса и слишком толсты их бревна. Пробрался я было за барьер, но меня сейчас выпроводили оттуда, указывая на опасность хождения под этим сооружением. С трудом нашел я еще две статуи, пользующиеся особой известностью⁶ и существующие в отливе в Trocadéro. Форм их там нет, а попросить сделать слепок с этих гипсов – это значит платить такие же непосильные для данного мне бюджета деньги. Иметь эти три статуи надобно, раз выпала доля нашему Музею впервые для России представить образцы французской готики XII – XIV ст[олетий]. Зная дороговизну ателье Trocadéro, я, однако, с грустью смотрел на эти изваяния как на недоступные, когда за одного амьенского Ангела там вынуждают нас платить 1800 фр[анков]. Пока я ходил под дивными сводами, внутри собора, почти заново вычищенного и реставрированного, с цветными, умеренной окраски, стеклами, недавно только заменившими выбитые в революцию 1793 г. старинные живописные стекла; пока я рассматривал внутренние украшения главного портала, мне пришло на мысль спросить сакристана*, проходившего мимо меня, о том, нет ли в Реймсе какого-либо формовщика, продающего копии с этих изваяний. Возможность существования такого магазина в столь большом, живом и посещаемом иностранцами городе представилась мне здесь весьма вероятной. Сакристан мне ответил, что мулёр в Реймсе есть,

* ризничий, пономарь (*лат.*).

и очень хороший, и ателье-де его в двух шагах от собора. Он дал мне указание, как найти его. Через 10 минут я уже рассматривал изделия этой мастерской, в том числе и некоторые небольшие вещи XIII в. из собора. К сожалению, не было у этого формовщика ни одной статуи. Я спросил, почему он не сделал до сих пор слепков с вещей, пользующихся всемирной известностью, которые бы пошли непременно за границу. Формовщик отлично знает лучшие статуи фасада, но отливов не имеет, потому что право делать и продавать слепки с старинных церквей монополизировано ателье Grosadéро и его хозяином г. Rouzadouх, который не допускает никакой конкуренции и ставит непомерно высокие цены. Это объяснило для меня происхождение факта с необыкновенной дороговизной слепков Grosadéро, факта, раньше для меня оставшегося непонятным. Из рассказов и жалоб реймского скульптора стало далее видным, что у г. Rouzadouх есть связи в Мин[истерств]е нар[одного] просвещения и что он там пользуется привилегированным положением... Отсюда притеснения им своих провинциальных коллег и отнимание им у них работ и хлеба, отсюда и эти волнующие кровь 4-кратно высокие цены за свои, правда, очень хорошие изделия.

Так как и слепки здешнего формовщика прекрасны, то я спросил его, сколько он взял бы с нас за 3 статуи с главного фасада, если бы ему добыть разрешение из мин[истерств]а и заказать их. Г-н Vertozzi⁷ (итальянец, уже не говорящий по-итальянски) пошел со мною на место, осмотрел положение статуй, вымерял высоту своих, нужных для работ, подмостей (существующие леса для этого не пригодны) и определил цену за все три статуи – в 1300 фр., по 400 фр. за 2 ст[атуи] и 500 фр. за третью, более богатую складками в платье и представляющую большие технические трудности. Таким образом, если бы получить для этого скульптора разрешение, то три реймские статуи стоили бы нам меньше одной амьенской у г. Rouzadouх.

Я взял здесь несколько мелких предметов (капители колонн, рельефы, кронштейны с кариатидами, бюсты некоторых статуй, всего 25 вещей на 300 фр.) и распростился, обещав похлопотать в мин[истерств]е о разрешении. Нелидов посоветовал мне осмотреть во Франции все, что найдется нужного для нас, и после доставить ему список вещей, относительно которых понадобится его ходатайство.

Из других церквей Реймса славится своею древностью и историческими воспоминаниями церковь Св. Ремигия (St. Remi)⁸. На единственном сохранившем древний вид южном фасаде скульптуры в 1793 г. обезображены до неузнаваемости: головы сбиты, уцелевшие лишены лиц, статуи без рук, с отбитыми ногами. Разрушение пьяных от крови и злобы негодяев революции сказалось здесь во всей силе. В новые времена появились целые фасады

и колокольни, внутри украшения гл[авным] обр[азом] позднейшего происхождения. По случаю местного праздника вся внутренность застлана была и по колоннам, и по столбам, и на стенах красными и золотыми покрывалами. В этом кричащем пурпуре пряталось то немногое, что уцелело от древности.

Что касается до скульптурных украшений собора, то едва ли найдется другая кафедра во Франции, превосходящая его по числу. Это море скульптуры, поразительное даже и под плотную сеть лесов, покрывающих фасады. Статуи и колоссальны по размерам и пристроены в таких местах, где их нет в других соборах. При таких заказах, таком спросе на изваяния в XII и XIV вв. во Франции, можно понять, почему французская пластика развивалась в эту эпоху лучше, чем в Италии и Германии, и почему именно французские скульпторы подготовили возрождение этого искусства и для Италии. Лучшие изваяния XIII в. во Франции прямо чудесны по форме и духу; главные образцы их будут представлены в нашем Средневековом зале.

Как в Амьене, так и в Реймсе существует большое и славящееся достоинством своих произведений фотографическое ателье⁹. Хозяин его оказался человеком образованным и энтузиастом местных древностей. У него превосходный подбор по собору; в свое время он мог бы доставить нам коллекцию фотографий всех лучших вещей. У него есть и очень большого размера фасад, который пришелся бы для зала. Фотографии главных соборов и нам придется выставить подле слепков, как это очень прекрасно сделано в Тросадéго. У реймского фотографа такой большой фасад продается за 100 фр. 5–6 таких больших фотографий (Амьен, Шартр, Реймс, Париж, Бурж, Страсбург) уже сами по себе украсили бы соответственный зал Музея¹⁰.

Бывши в Реймсе, не попробовать шампанского невозможно¹¹, а потому я возвратился к ночи в Париж с бутылочкой в боковом кармане пальто. Боже мой, какие безумные состояния переживает Россия за это вино, так дешевое на месте! Даже в Париже платят за высокую марку Moët et Chandon¹² 5 фр[анков] 50 сант[имов]. Интересно знать, что стоит она в русских больших ресторанах, когда в Италии мои знакомые платили за бутылку этой марки 18 лир. Дешевизна шампанского в Реймсе служит причиной того, с каким вниманием при въезде в Париж с этой стороны осматривают всякого сборщика острои*, обшаривая и выщупывая каждый мешок, каждый ручной сак.

* городская ввозная пошлина (*фр.*).

570. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 июня

26 мая 1904, Париж

Необыкновенная дороговизна слепков, изготовляемых в Trocadéro, и жалобы моего реймского формовщика заставили меня навести справки о собственнике этого ателье, г. Pouzadoux, у мулёров Лувра и Ecole des Beaux Arts: тот и другой отнесли к своему брату по оружию весьма недоброжелательно, указывая на особые связи в Мин[истерст]ве народн[ого] просвещ[ения], которое, обязавши оба эти учреждения делать скидку 25% одно и 20% другое с предметов, опубликованных в их каталогах, освободило от этого распоряжения ателье Trocadéro. Тот и другой единогласно признали цены этого учреждения непонятно высокими, которые держатся только благодаря монополии. Мне захотелось узнать, сколько бы взял за отлив на месте, в Дижоне, с Puits de Moïse Слютера формовщик Es[ole] d[es] V[eaux] Arts. Он на другой же день отправился в Trocadéro осмотреть размер и характер памятника по выставленному там слепку; ныне там же были его два главные помощника, – и теперь он меня известил, что работа и жизнь в Дижоне, с перевозкою туда и материала, возвышают цену отлива для нас до... 10 000 фр[анков]. Таким образом, это выходит вдвое дешевле цифры, назначенной г. Pouzadoux (20 000 фр.) Памятник очень больших размеров, одних статуй в нем 6: Моисей, Давид, Иеремия и т.д. и несколько фигур ангелов. Главному мулёру Es[ole] d[es] V[eaux] Arts исполнить этот заказ мин[истерст]во позволит. Весьма возможно, что этот отлив исполнил бы формовщик Реймса и за более дешёвую цену; но ему, как частному лицу, не получить разрешения на работу над «историческим памятником» другого города. Ещё сделать слепок с реймских статуй ему, может быть, и позволят по нашему ходатайству, но не более того. Иначе же его же можно было бы уполномочить снять и Ангела с кадьльницей в Амьене, потому что он сделал бы его за половину цены, требуемой в Trocadéro.

Ныне доставил свою смету и формовщик Лувра, г. Arrondelle, по вопросу о 2 крылатых быках Ассирии и колоссальной древнеперсидской капители с двумя бычачьими головами. Быки в специальном отливе для нас, делом впервые, по получении на то особого разрешения луврских властей, поставлены по 1500 фр. каждый или в 3000 фр. оба. Древнеперсидская капитель, занимающая высоту целого зала, в 1200 фр. Это – цифры сравнительно невысокие ввиду чрезвычайного значения и объема памятников. Сообщая их Вам, Юрий Степанович, и Комитету, в последнем заседании которого высказано было желание приобретения Puits de Moïse (приобретение же ассирийских быков или древнеперсидской характерной капители издавна

считалось для соответственного отделения Музея необходимым), я прошу Ваших указаний, так как ни один из этих 4 предметов на имеющиеся средства в 12 000 руб. куплен быть не может. Заказы других изваяний в Берлине, Кёльне и здесь в Лувре, Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts и в Trocadéro совсем съедят без остатка эту сумму. Само собою разумеется, и быки, и капители, и Puits de Moïse легко могут быть исполнены в будущем году, но не ныне.

Ныне в Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts мне сообщили, что здешнее Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения] прислало сюда запрос о стоимости слепка с угла Парфенона, принадлежащего ее музею. Был призываем по этому случаю ее главный мулёр, г. Sadaune¹, для обсуждения. Поставлена цена от 22 000 до 25 000 фр. Уже не намерено ли мин[истерст]во подарить нам этот колоссальный и импозантный [слепок]. Иначе зачем ему спрашивать о цене и извещать начальство Школы о желании Музея Александра III иметь этот предмет? Вот были бы они умники, если бы надумали сделать это хорошее дело. Завтра я сделаю визит директору ведомства изящных искусств, г. Henri Marcel², и распишусь у министра.

571. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 июня

29 – 30 мая 1904, Париж

В нашем обществе принято жаловаться на формализм и недоступность лиц бюрократии наших министерств. А посмотрели бы эти жалующиеся на бюрократические порядки республиканского Парижа. Третьего дня я собирался «сделать визит» директору департамента изящных искусств; но не больно-то сделаешь визит этой персоне. Вчера мне сказали в библиотеке Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts, что он принимает только по пятницам, от 3 до 5-ти. Ныне я пошел к Palais Royal¹, возле которого находится, на rue de Valois*, этот департамент, и прибыл к месту в 20 мин. 4-го. В маленькой комнате сидели дежурный чиновник в форменном фраке и служитель; первый тотчас же сообщил мне, что запись представляющихся директору уже закончена, так как явилось 20 человек, больше какого числа он принять не в состоянии, а потому мне-де остается или прибыть сюда на будущей неделе или переговорить с секретарем директора. Не рассчитывая оставаться в Париже до следующей пятницы, я попросил записать мое имя на другом листе и решил посмотреть здешние обычаи. Как ни богаты образованием жители Запада, но шинельных они устраивать не умеют. Это я видел в Ватикане у кардинала Рамполлы², когда приходившие складывали свои палки, зонтики и

* Улица Валуа (фр.).

пальто прямо на круглый стол первого, роскошно отделанного зала, выходящего на лестницу. Это я встретил и здесь: первая комната, вместо того, чтобы служить шинельной, обращена в канцелярию дежурного чиновника, а публика с мокрыми зонтиками (день нынче дождливый), в пальто и шляпах через эту канцелярию проходила в большой и необыкновенно пышный и богато меблированный зал. Здесь, не снимая пальто, она усаживалась и ждала вызова по очереди к директору или секретарю; вызываемые, с зонтиками и в пальто, после входили к тому и другому. Только кто поделикатнее складывал свой зонтик, палку и шляпу на стуле (вызолоченном и с красной плюшевой подушкой) у двери директорского кабинета. Один из элементов государственного девиза, *égalité** соблюдался тут со всею строгостью; вызывали в порядке записи: оттого молодой художник и молоденькая барышня при мне побывали у директора раньше знаменитого Perrot¹, академика и сенатора. Перро я видал в 1889 г. не раз в заседаниях Института; тогда он был уже с сильной проседью, теперь он был бел, как лунь, но держится прямо, ходит бодро, румянец у него, как говорится, во всю щеку. Ученые французы умеют и много работать, добывая себе всемогущую известность или славу, и долго жить, и сохранять свежесть сил, при бодром виде, до глубокой старости. Сколько таких бодрых, живых и сильных 70-летних старцев в одном здешнем Институте! Зависит это кроме живучести галльской и еврейской рас (между здешними учеными много евреев) и от строго размеренной жизни: попасть в дом ученого Франции в неуказанный час было бы уже потому бесполезно, что консьерж не пустит такого посетителя дальше двери дома и ни под каким видом не согласится доложить о приходе не вовремя. При этом ученые обыкновенно назначают на приемы знакомых и по делам часы в конце дня, работая почти исключительно в дневное время, при естественном освещении и с силами, освеженными сном. Перед поздним обедом они гуляют, а после не диво увидеть и крупнейших деятелей науки и в театре, и в гостях. Воздержанность в пище и вине, при постоянном хорошем питании, тут играет, конечно, также немало важную роль. Как все это не похоже на нашу жизнь!

12 июня

В свой черед меня чиновник громко вызвал, искалечив мою фамилию в «Звэтэф»! Секретарь помещается в маленькой, узкой, имеющей вид коридора, с окном во всю стену комнате. Это – молодой человек, лет около 30,

* равенство (*фр.*).

одет он в серый пиджак, как у нас в министерстве не ходят и начинающие, не видящие высоких начальников, чиновники. Принял он меня очень любезно и рассказал, что по бумаге к ним из Мин[истерст]ва иностр[анных] дел о моем приезде с задачей собирания гипсовых отливов для Музея Александра III в Москве написаны ими отношения в главные музеи Парижа. Такую бумагу их я видел в управлении Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts, где говорилось, что создаваемый Musée de Sculpture Comparée находится под особенным patronage du Tzar*, о чем написал здешнему правительству, очевидно, наш посол. О сношениях моих с Лувром, Трокадеро и Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts департамент изящн[ых] искусств уже извещает с заверениями, что доставлена будет нам toute la facilité possible** в получении слепков в этих учреждениях. Только относительно музея Школы они просят терпения, так как там возможно будет делать отливы лишь в каникулы, когда это не будет мешать копированию учеников по гипсам. Меня интересовал единственно вопрос об угле Парфенона, о котором, равно как о Puits de Moïse в Дижоне и тимпане со сценой Страшного суда на портале собора в Бурже, писал, по бумаге Вел[икого] Кн[яз]я, им Нелидов. Но мой собеседник, очевидно, ничего не знает о сокровенном моем желании получить этот слепок в дар нашему Музею. Тогда я повел сам речь о том, что их мулёры получают от нас заказы на целых два года, что денег мы им выплатим много, так много, что при этом не исполнится одно большое наше желание – иметь слепок с угла Парфенона, оцененный в сумме от 22 до 25 т[ысяч] франков. Любезный секретарь из моей боссюэтовски[†] изящной речи понял смысл густого румянца, залившего мне лицо и от ораторского напряжения, и от деликатности вопроса, и обещал переговорить об этом со своим директором: может-де мин[истерст]во и могло бы взять долю расхода по заготовлению такого отлива на себя, хотя вопрос этот и нелегок: бюджет их департамента очень ограничен и строго распределен, так что категории на подарки иностранным государствам в их росписи расходов не существует; но директор, вероятно, будет-де говорить по этому делу с мин[ист]ром народ[ного] просвещения – и если потребуется мое свидание с тем или другим, он меня известит. При этом мы условились, что эта démarche*** – моя личная, что наше правительство и не подумало бы просить об этом их министерство. «Ну, это само собой разумеется; вопросы такого рода всегда идут частным образом», – сказал он. После я сообщил ему о намерении моем передать копирование Puits de Moïse и тимпан Буржского собора формовщику Ec[ole] d[es] V[eaux]

* покровительством Царя (фр.).

** вся возможная легкость (фр.).

*** Эд.: инициатива, заявление (фр.).

Arts как более дешевому при большой опытности; секретарь заверил меня, что препятствий к этому, а равно и к поручению работы в Реймсе тамошнему формовщику г. Bertozzi, со стороны их департамента не будет, лишь бы пришла о том моя к ним письменная просьба.

На прощанье я заверил моего собеседника, что он ныне будет спать отлично после моего французского языка, который для него был нов и должен был вызвать с его стороны большое напряжение. Тут любезный француз начал заверять меня, что совсем напротив, ему легко было беседовать со мною, что я говорю правильно, ясно и чуть ли даже не красноречиво, что вот он очутился бы в ужасном положении, когда бы ему пришлось говорить по-немецки или по-русски, а с таким-де знанием французского языка я могу путешествовать по Франции повсюду легко. Эта легкость та же самая, с какою барахтается в воде человек, одиноко тонущий и не умеющий плавать. Помощи тогда ожидать неоткуда, пускаются в оборот все члены и все силы. Так и тут: и валаамова ослица возговорит⁵ по-французски, когда нет иного исхода. Все грамматические правила Ноэля и Шапсаля и все слова лексикона Рейфа⁶ так и полезут гуртом в голову и на язык.

После такой аттестации моему французскому языку я, через 30 лет ежедневных упражнений на манер Демосфена⁷, перейду на службу в Мин[истерст]во иностран[ных] дел, чтобы ораторствовать на международных конгрессах. Ныне пойду расписаться и оставить письмо у мин[ист]ра нар[одного] просвещ[ения].

572. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 июня

30 мая 1904, Париж

Познакомился я с г. Nomolle, новым директором Лувра. Это ученый лет 50 – 55, маленького роста и владеющий одним глазом, очень простой и милый в обращении. Он только что приехал из Афин, передавши управление Ecole Française d'Athènes* г-ну Holleaux¹. Омоль обнаружил полную готовность служить нашему Музею всем, чем богат Лувр, не только в галереях, но и в «магазинах», находящихся в специальном заведовании хранителя. Я поблагодарил его, сказавши, что в выставочных залах находится все желательное для нас. Спросил я его насчет 2-х ассирийских крылатых быков, возможно ли было бы их снять в желатине или гипсе, и, ввиду важности этих памятников, не нужна ли об этом просьба нашего посла. Насколько

* Французская школа в Афинах (фр.).

он помнит, ответил он, сохранность оригиналов позволяет снятие отливки; он посоветуется об этом с хранителем отделения и с начальником ателье слепков – и, в случае их согласия, не нужно будет никакого иного ходатайства: отливки будут сделаны. Не знаю, как отнесется к этому делу хранитель отделения азиатских древностей, г. Heuzeu², которого я никак не могу найти в Лувре; но заведующий ателье слепков уже осматривал оригиналы и нашел их в полной исправности. Цену он, как я писал раньше, определил по 1500 фр. за быка.

Просил я Омолля познакомить меня с уставом и положением о штатах парижских и вообще министерских музеев. Одной книги на этот счет не оказалось; он обещал собрать рассеянный материал и прислать мне на квартиру. Ныне целый пакет с брошюрами этого рода подала мне хозяйка нашего отеля, сказавши, что его приносил курьер из Лувра. Это очень любезно с его стороны. Почитал я эти официальные данные; они очень интересны. Жизнь и быт западноевропейских музеев, содержащихся на государственный счет, у нас неизвестны. Может быть, бесполезно было бы собрать документы об этом в Германии, Австрии и Италии – и на основании этого составить систематический обзор вопроса и поместить его в «Журнале Мин[истерства] нар[одного] просвещения»³.

Возобновил знакомство и с хранителем классического отделения, академиком Héron de Villefosse⁴. Это один из лучших эпитафистов и знатоков римской древности в целой Франции. 15 лет назад он был сед, как лунь, но и теперь у него румянец во всю щеку, держится он прямо, глаза живые, тон речи бодрый! Это – истинно французский ученый старик молодого вида. Его я нашел в Лувре в отделении хранительских кабинетов и «магазинов». Отделение это помещается под самой кровлей, ведет к нему узенькая постоянно извивающаяся лестница, особенно неудобная для людей старых в администрации музеев; но о подъемной машине для них и для публики никто здесь и не думает. Кабинет для каждого хранителя очень большой; стены их прямо установлены сверху донизу книгами, так что каждый из них имеет у себя под рукою целую специальную библиотеку – необходимое пособие для их ученых работ, составляемых ими в этих же кабинетах, и для курса лекций, которые читаются хранителями ежегодно в Ecole du Louvre⁵. Хорошо работать при таких условиях. Рядом с большим кабинетом находится склад предметов, не выставленных в залах. Мне нужно было видеть De Villefosse для получения разрешения на слепки с некоторых изваяний, найденных в Дельфах, так как и это право, прежде принадлежавшее Омоллю, перешло теперь к нему. Он не только не сделал затруднений, но и сказал, что стоило мне обратиться прямо к Арронделлю в ателье слепков – и наш заказ

будет исполнен. Но тот же Аррондель мне посоветовал для таких новых вещей в их практике попросить позволения де Вильфосса. Я это сделал и был награжден двумя его брошюрами. Никак не могу я заставить на месте хранителя египетских древностей г. Pierret⁶. Поднимался я к нему на эту чердачную вышку, совсем позабывши мою «генеральскую» важность, несколько раз; но все получал в ответ от сторожа: «Aujourd'hui il n'est pas venu*». А хочется мне повидать его, чтобы получить разрешение снять копию со статуи быка Aris'a⁷. Раз у нас будут и лошади, и коровы, и быки, и кабаны, и собаки разных национальностей, как же не быть у нас и Aris'у? Насчет его особы я консультировал с Арронделем, вместе с ним мы и осмотрели его. Стоить он будет 350 фр[анков], не дороже простого деревенского быка, а сколько он доставит удовольствия нашим гимназистам. Московские гимназистки в одном знакомом мне поместье Сапожковского уезда⁸ прозвали Аписом своего любимого теленка – быка, которого и прислуга звала Лаписом.

573. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13 июня

31 мая 1904, Париж

Был ныне в Мин[истерст]ве нар[одного] просвещ[ения], чтобы спросить там список штатов и программ здешних средних учебных заведений гуманитарного характера. Интересно ознакомиться с тем, чему и сколько времени здесь учат в так назыв[аемых] у нас гимназиях; любопытно познакомиться с положением учительского персонала, как вознаграждает учителей государство; получают ли они жалование по своему классу или и здесь введена поурочная плата, как это откуда-то заимствовано при гр[афе] Толстом¹ у нас. Обещали мне собрать и доставить все законоположения на этот счет, а равно сообщить главнейшие данные относительно правительственного вознаграждения профессоров высших учебных заведений.

Формовщик Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts г. Sadaune собирал на совет главных своих мастеров относительно стоимости Puits de Moïse Слютера. Совещание их происходило в Grosadéro, в виду слепка с этого памятника. Так как нового отлива с него получить нельзя, а готовой формы с него нет и новый слепок мог бы быть сделан только в Дижоне, то и дорогой г. Pouzadoux, объявивший цену в 20 000 фр. и г. Sadaune, поставивший за ту же работу 10 000 фр[анков], должны были бы делать форму только там. На совещании коллеги последнего видоизменили условия, сказавши, что стоимость нашего

* Сегодня он не пришел (фр.).

отлива определится в размере от 8 до 10 т[ысяч] фр. Можно, таким образом, сторговаться с Садоном на 8-ми тысяч[ах] франков. Я ныне видел его в ателье и на его решение сказал, что я напишу Вам, побывавши в конце этой недели в Дижоне сам и осмотревши оригинал. Он же предлагает свои услуги для снятия отлива со Страшного суда на тимпане собора в Бурже, заявляя наперед, что он возьмет, для начатия сношений с нами и с другими нашими университетами и художественными школами, решительно дешевле всякого парижского формовщика. В Бурже своего мулёра нет. Я буду в этом городе еще раньше Дижона, отправляясь из Парижа прямо туда. До сих пор я не мог выбрать ни одного покрытия тимпана (voussure du tympan) для готического портала. Перед отъездом в Бурж, собор которого считается в скульптуре классическим для французской готики XIII в. и в тимпанах порталов более сохранившимся, я еще раз побываю у директора Trocadéro г. Анлара и спрошу его мнения насчет аутентичности этой voussure (как она называется у нас? сень?). Тогда, б[ыть] м[ожет], ее же бы снять вместе с тимпаном. С этим бы и закончились наши собрания по скульптуре средневековой Франции. Тогда у нас будут всё классические вещи этого характера – и каждая из них въедет в Россию впервые. Некоторые из них будут только в копиях Trocadéro или Es. d. V. Arts и у нас, хотя лично я и не придаю последнему обстоятельству никакого значения: были бы в нашем Музее лучшие образцы для поучения грядущих поколений; в этом главная наша задача, а совсем не в наполнении Музея диковинными предметами, каких нет у других. Пусть и другие, будут ли это русские или иностранцы, имеют лучшие инструменты просвещения, от этого будет только лучше в мире.

Вы, Юрий Степанович, как-то интересовались осским языком. Познания в этом языке самнитов очень распространились в последнее время в Париже, так что уже издается на нем здесь газета². И вот что я вычитал в этом новом органе французской печати. Сказание о том, как один московский тайный советник по Парижу без сапогов ходил. Приехал из Москвы в Париж один тайный советник, настолько легковесный, что в его чемодане не оказалось запасной пары сапог. Напрасно дочь³, снаряжавшая отца в дальний путь, говорила ему, как-де ехать без этой предосторожности; тайный советник был из ученых, чемодан свой набил каталогами да путеводителями, а сапогов других, как на собственной персоне, так и не взял. Очутившись в Париже, он предался такому хождению на протяжении от Института в Vois de Boulogne и от Notre Dame до Trocadéro или от S. Germain des Prés до Монмартра, не считая натирания полов превосходительными подошвами в музеях и церквах. Ходил он так ретиво, что через две недели по-

чувствовал, как его пятки приблизились к каменной мостовой парижских улиц. Не желая страдать и не имея намерения усложнять свой багаж в дальнейшем путешествии по Европе, он решил к 6 час. вечера воротиться домой и просидеть до утра за тихими занятиями, пока гарсон отеля не принесет его сапоги с об[нов]енными каблуками. Сказано – сделано. Сидит тайный советник[ик] дома в просторных новеньких туфлях, купленных у Львова¹ на Тверской за 1 р. 25 к. и, обложившись каталогами и прейскурантами, пишет письма в свое отечество. Все шло хорошо, но вот пробило 8 час., время его обеда. Первоначальной его думой было послать жену обедать одну и попросить ее, чтобы она принесла ему материала для холодного ужина; но по мере того, как двигался 9-й час, желание пойти в ресторан и съесть настоящий обед-ужин с вином становилось выше всякого благоразумия. Эту заботу скоро заметила его жена – и, как дочь Евы, подала ему совет пойти на бульвар Saint Michel, не имея сапог. Сначала эта мысль показалась ему женски-неосновательной, но потом... потом он по наущению жены натянул на туфли черные чулки дамского рода, всунул свои потемневшие ноги в резиновые калоши и зашагал по улицам Парижа, изображая из себя в нижней своей части как бы особу духовного сана. Париж – город большой, сюда мог приехать патер особенного ордена, у которого вместо башмаков с светлыми пряжками полагаются резиновые калоши. Так прошел тайный советник из Москвы rue Bonaparte, площадь S. Germain des Prés, boulevard Saint Germain и часть бульвара S. Michel. Везде он шагал спокойно и уверенно; только против больших cafés с сильными полосами огненного света, падавшего на мостовую, в ногах его чувствовалась некоторая слабость, когда в сердце его явилось опасение, а ну как резина, обладающая особою способностью растяжения, свалится с чулков как раз, где светло и публики праздной и до даровых зрелищ столь жадной так много. Ему при этом казалось, что эта беда уже начинается, что вот-вот калоша и ее хозяин окажутся в раздоре и разлуке. Но то был обман чувства. Благополучно окончилась трапеза под сенью кустарников ресторана, благополучно проследовало и обратное шествие прежними местами на rue Bonaparte, в Hôtel d'Isly.

574. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 июня

2 июня 1904, Париж

Жена была в музее манекенов Grévin¹ – и в восторге от двух его отделов: семейной сцены Наполеонов в Malmaison² и... римских катакомб. Привыкши

к созерцанию плохих по исполнению «кукол» этнографической секции Румянцевского музея, я как-то изверился в достоинстве фигур из папье-маше и из воска и потому не особенно делил восторги жены от виденного ею. Но она так серьезно говорила о катакомбах, что я уступил ее советам, и она повела меня на бульв[ар] Montmartre*, где помещается музей Grévin. Она была совершенно права. Сцены из жизни первых христиан катакомб: «Проповедь ап[остола] Петра», «Причащение», «Погребение», «Крещение», «Бракосочетание» и панорама травли христиан зверями на арене цирка производят серьезное настроение. Это нововведение достойно посещения всякого и [особенно?] питомцев учебного заведения. Убранство катакомб надгробными [аркосолиями**] колоннами, нишами, надписями сделано, очевидно, под руководством ученых специалистов. Нельзя того же сказать о росписи стен, она имеет лишь отдаленное отношение к оригиналам, – но она и стояла здесь очевидно на втором-третьем планах. Хорошо передан характер туфовой почвы римских катакомб. Эту последнюю сторону не мешало бы посмотреть и Р[оману] И[вановичу] перед тем, как отделять ему стены катакомб в нашем Музее. Характер здешних коридоров строг, он говорит об особом месте, ими изображаемом.

Собираю последние сведения о стоимости предметов, намеченных для приобретения. Как Вы совершенно верно заметили в последнем заседании Комитета, ко времени окончательной редакции списка заказов число раньше избранных предметов становится все меньше; многое занявшее место в прежних записях теперь вычеркивается, остается же только самое главное, наиболее славное, без чего соответственные залы [представить] было бы трудно, во всяком случае, было бы бедно, скупо, неэффектно³.

Как ни высоки оказались, сверх ожидания и по сравнению с соответственными учреждениями Германии, Италии, Англии, цены слепков в ателье Trocadéro, все же эти траты, досадные теперь по их необъяснимости, – очень, очень малая доля колоссальных расходов, требуемых зданием, которое создается для этих слепков и только слепков. Статься может, 4 – 5 т[ысяч] фр[анков] лишних, о которых не думалось прежде, унесет Средневековые Франции, зато у нас будут лучшие, знаменитые вещи по скульптуре соборов Амьена, Реймса, Шартра, Sainte Chapelle Парижа, собора Буржа. Эти образцы, занимающие почетное место в исторических обозрениях средневекового искусства, Россия и Москва в своих пределах увидит впервые. Это обстоятельство да послужит мне оправданием, если такой

* Монмартр (фр.).

** нишами с арочным завершением (лат.).

перерасход к осени состоится. Я говорю об этой цифре как о возможном перерасходе на приобретения только этой категории. Отливы скульптур на сборах Германии и Австрии, я говорю уверенно, никаких сюрпризов Комитету и Вам не представляют. Там лучшие вещи отлиты и цены слепков опубликованы, цены очень низкие.

Мы с секретарем дирекции изящных искусств условились, что он мне напишет, если после его доклада директору этого ведомства Мин[истерст]ва народн[ого] просвещ[ения] о моем затруднении заказать отлив угла Парфенона, реставрированного* в Ec[ole] d[es] B[eaux] Arts, вследствие высокой цены (от 22 до 25 т. франк.) и о моем желании обсудить эту, слишком высокую оценку, – директор, г. Henri Marcel, войдет в мое затруднение и пожелает меня видеть. Пока нет об этом ни слуху, ни духу. Должно быть, г. Marcel внимательным быть к нашей нужде не желает. Доклад его секретаря должен был состояться в тот же день, по окончании приема. Это молчание говорит скорее об отрицательном отношении его к нашему Музею, чем о его доброжелательстве. Кто его ведает, каких политических убеждений этот администратор нынешнего дня. Персонал в здешних министерствах так часто меняется, что не диво встретить в нем и лица на высоких постах, прямо враждебные России, не смотря на alliance, трескуче рекламируемую в некоторой группе здешних газет. Уже то знаменательно, что директор департамента, узнавши, что я, пришедший к нему в его приемный день и час, не мог быть им принят не по моей вине и что я приходил к нему не по личному делу, до сих пор не пожелал меня видеть хотя бы из простой вежливости к посланцу, о котором была в его руках дипломатическая переписка. Как высоко держат себя, как недоступны (я пришел 21-м в день приема – и мое имя чиновник отказался поставить в список представлявшихся в тот день, потому что на 20-м запись была закрыта) здесь господа директора департаментов Мин[истерст]ва нар[одного] просвещ[ения]! У нас достать директора во всяком мин[истерст]ве ничего не стоит, а тут такая чиновная особа принимает только раз в неделю, да и то после завтрака, а придешь к ней 21-м, так о тебе и не доложат, будь ты распертайным советником и «разных российских, иностранных и иных орденов разных степеней кавалером». Вот тебе и égalité, и fraternité французов, в этом видна только liberté** высоких чиновников обставлять свою особу нимбом канцелярского величия, хотя бы на срок скоропостижно и часто кончающихся тут министерств.

* Зд. в старом значении слова: представленного в реконструкции.

** равенство... братство... свобода (фр.).

575. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

16 июня, Bourges

3 июня 1904, Бурж

В этот город послали меня парижские ученые, чтобы ознакомиться со Страшным судом центрального портала здешнего собора¹. Этот тимпан советуют они приобрести для Музея. Я пришлю Вам большую фотографию, чтобы обсудить вопрос этого заказа. Я раньше писал Вам о желании заказать не только тимпан, но и его окружение (la voussure). Теперь на месте я вижу, что было бы достаточно для нас лишь первого к тимпану жгута с изображениями ангелов. Другие жгуты порядочно выветрились – не говоря о большом размере этой сени. В слепках у нас был бы лишь жгут, непосредственно прилегающий к картине Страшного суда; остальное можно будет изобразить в хорошей и большой фотографии. Я нашел формовщика в Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts в Париже, который несравненно дешевле привилегированного формовщика Trosadégo. Он охотно приедет сюда и снимет тимпан для нас. Я сравнил цены того и другого; скульптор Ec[ole] d[es] V[eaux] Arts берет менее половины последнего. За Puits de Moïse в Дижоне он желает 8000 фр[анков] вм[есто] 20 000 фр. формовщика в Trosadégo. Я попрошу его сюда приехать (19 фр. туда и обратно) и сделать последнюю смету тимпана. Следующая весточка будет из Дижона.

576. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 июня

4 июня 1904, Париж

Из Буржа я послал Вам картолинку и фотографию с изображением его собора. Бурж тише и безжизненнее Шартра, самого скромного из других виденных мною городов Франции. Он не имеет печати довлеющего себе, хорошо обеспеченного города даже за линией бульваров, обыкновенно приходящихся на месте прежних стен. Его интерес и достопримечательности для приезжего только в соборе, в его фасадах, поражающих и своими грандиозными размерами на стороне входа, нигде более во Франции не встречающимися, и такой жизненностью скульптурных картин, которые главный тимпан этого сооружения ставят как лучший образец французского резца за всю эпоху готики. Главный фасад представляет 5 входов вместо 3-х порталов других соборов. Все порталы, включая сюда и боковые, были как бы затканы скульптурными изображениями, статуями и рельефами разных высот. Тогда как по боковым сторонам порта-

лов в других храмах той эпохи обыкновенно статуи занимают одну линию, заполняя собою пространство между цоколем портала и его аркою, в Бурже здесь были две линии круглых статуй, каждая в своей нише и под балдахином или арочкой тонкой резьбы. Говорю – были два яруса, потому что теперь видны только ниши, почти без статуй, разбитых, изуродованных и стащенных с их мест еще раньше Революции 1793 г.: в XVI в. протестантами. Вооружившись против «идолопоклонства», они разрушили и изуродовали только статуи апостолов и святых, но не тронули тимпанов и арок главного фасада, в том числе уцелел и Страшный суд центрального портала, ставший после в истории искусств лучшим перлом эпохи. На великое счастье науки не тронула фасадов собора и Революция, после которой вместо прежних 16 приходских церквей (*églises paroissiales*) осталось поныне только 3. Исключительною задачей поездки в Бурж служило для меня выяснение вопроса о размерах фронтона центрального портика с его аркою. Ее скульптуры, вытянутые на 6 жгутах, отличаются полною сохранностью – и после разговора моего с директором Trocadéro г. Анларом, засвидетельствовавшим отсутствие каких бы то ни было поновлений на фасадах этого собора, но не определившим мне точно размеров даже тимпана, я носился с мечтою о том, нельзя ли нам будет иметь отлив Страшного суда и со скульптурами арки. Эту мечту я носил в себе ввиду отсутствия у нас образцов готического портала.

Но ознакомление с памятником на месте убедило меня в невозможности исполнения этой мечты – по причине слишком больших размеров и соответственной большой стоимости такого отлива. В копеечку обойдется и один тимпан с первым, ближайшим к нему жгутом из херувимов и серафимов, даже если будет исполнять его и самый дешевый по ценам формовщик ателье Ec[ole] d[es] B[eaux] Arts, г. Sadaune. Нелепый по запросу формовщик Trocadéro г. Pouzadoux определил цену одного только тимпана, без названного жгута, как я уже писал, в 8000 фр[анков]. Садон возьмет за ту же работу на месте в Бурже, конечно, меньше, но все же переселение с рабочими, которые во время поездок для исполнения заказов Ecole des Beaux Arts получают вместо 10 фр. в день 15 фр. и стоимость квартиры и питания, заставит и его назначить почтенную цифру. Не разрешая этого крупного вопроса без Вашего указания, я просил ныне г. Садона съездить в Бурж и на месте сообразить стоимость этого заказа. Как [только] это он сделает, представит мне предварительно смету – и я немедленно отпишу Вам. Не разрешите ли сделать отлив 2-х первых жгутов для большего эффекта и самое

большее 3-х жгутов – с ангелами во 2-м и с патриархами, пророками и апостолами, начиная с 3-го ряда? Целое верхней половины этого замечательного портала могла бы представлять хорошая фотография, помещенная в Музее рядом с отливом.

Буду ждать Ваших указаний в Лозанне, куда мы направимся из Дижона и где пробудем до окончания девочками их учебного года, следовательно, около 3-х недель. На этой станции надеюсь отдохнуть от передвижений и беспокойной жизни. Там, где так тихо и все мирно работают и столько молодежи всех национальностей учится, соберу воедино разбросанные материалы и, может быть, начну очерки по жизни и быту французских государственных музеев.

Собрал я также любопытные сведения в Мин[истерств]е нар[одного] просвещения о средней школе во Франции. Перечитывая ее уставы и программы, нельзя не убедиться в том, как строго она национальна: центр всего учения здесь в своем языке и своей отечественной литературе и истории. Далее идут латинский язык в гуманитарной школе и математика, география и всеобщая история в несравненно скупее нашего определенных размерах. Тогда как наши гимназисты и гимназистки мучатся над генеалогией французских королей и над хронологией важных и незначительных событий французской истории всяких эпох, мучатся до того, что после они спутывают Францисков и Генрихов и Карлов, перенося их на немецкие престолы и обратно, и в конце концов получают одно отвращение к всеобщей истории, французское Мин[истерств]во нар[одного] просвещения узаконяет познания своих учеников из русской истории до самого по-нашему IV класса включительно лишь в пределах кратких сведений о народах славянских, наряду с венграми и турками – под общей рубрикой *L'Europe orientale à la fin du XVe siècle**. Ни о какой России до того ученикам здесь ничего не сообщают. В V кл[ассе] рассказывают им под рубрикой *L'Empire russe* ни больше, ни меньше как о... *Pierre le Grand* и *Catherine II***.

Вот Вам и вся русская история до VI класса; в VI классе, выдающем уже окончательные свидетельства для лиц, не желающих получить, путем прохождения особого трехгодичного курса, титул *bachelier****, никаких иных подробностей о нашей, более чем 1000-летней, жизни наши аллеаты, переходя прямо к XIX веку: *La Russie – le Gouvernement + l'émancipation des*

* Восточная Европа в конце XV века (*фр.*).

** русская империя... Петре Великом... Екатерине II (*фр.*).

*** бакалавр (*фр.*).

serfs*, – своим гимназистам не преподают. Этому, при нашей непонятной любви ко всяким Генрихам, Максимилианам, Францискам, Карлам и чужим войнам, можно бы не поверить; но документы, законы Франции у меня сейчас под рукою и перед глазами. Классы VI, VII и VIII (2, 1 и classe de Philosophie** по их счислению) доставляют степень baccalauréat***. Посмотрим, что проходится в самое последнее время в этих высших классах гимназии (Liceés et Colléges de Garçons****): в VI классе [под] рубрикою Europe orientale au XVII siècle – краткое обозрение Австрии, Венгрии и Турции, Швеции, Польши и России; в VII кл. Наполеон и Россия, в VIII кл. (Philosophie): Крымская война, Польша, реформы Александра II, русские на Дальнем Востоке, в связи с Китаем и Японией наших дней. Не правда ли, при такой несложной программе по русской истории французские гимназисты не забывают себе голов ни нашими собственными именами, ни хронологией столь немногих событий? Эпизодический характер и скупость в выборе тем проходят у французов красной нитью и в отношении других народов. Та же экономия видна и в географии, составляющей истинную муку своей безрассудно-обильной номенклатурой у нас. Зато своя история и своя география у французов проходится на протяжении всех классов. География не преподается только в классе философии.

577. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 июня

4 июня 1904, Париж

Ныне я познакомился с секретарем отделения департамента по высшему образованию, г. Laurent¹. Это – человек, очень осведомленный в деле факультетов Франции, умный, судя по замечаниям, им сделанным о состоянии высшего образования в его отечестве, и реально любезный, а не faiseur***** трескучих фраз сладкого характера. Узнавши о моем желании иметь печатные данные по французским «университетам», он сейчас пошел в кладовую департамента, чтобы собрать там нужный материал, оставив меня в кабинете одного. Но какие тесные и бедные помещения в здешнем Мин[истерст]ве нар[одного] просвещ[ения]! Здание его находится на rue Grenelle*****, недалеко от нашего посольства (наше посольство

* Россия – образ правления + освобождение крепостных (фр.).

** класс философии (фр.).

*** степень бакалавра (фр.).

**** мужские лицеи и коллэжи (фр.).

***** производитель (фр.).

***** улица Гренель (фр.).

под № 79, а здешн[ее] Мин[истерство] нар[одного] просв[ещения] на другой стороне под № 110). Я был в отделениях среднего и высшего образования, видел и секцию низших школ: лестницы узкие, вьющиеся, деревянные. Приемная плохенькая, комнаты, которые едва ли метутся каждый день: в секции высшего образования песок и грязь в этой передней, где я застал несколько, по-видимому, профессоров, ожидавших приема, лежали на дорожке линолеума довольно-таки толсто. Обои очень дешевые, старые, пыльные и вздувшиеся большими пузырями. Товарищи мои по приемной, люди пожилые и почтенного вида, ожидали очереди не [для] свидания, очевидно, с г. Laurent'ом, потому что едва я успел послать карточку, как был принят к нему. Соседняя комната оказалась архивом, далее узенький-узенький и совсем темный коридорчик с лесенкой, приведшей меня в кабинет секретаря этого отделения. Кабинет – совсем маленькая клетушка, в которой нет возможности размять ноги после долгого сидения. Г-н Лоран вышел мне навстречу: отворивши дверь, он осветил темную лесенку, по которой я должен был идти к нему. Любая частная контора помещается несравненно лучше департамента просвещения Франции. Парадные комнаты только у директора и у министра, живущего в этом же здании; но лаборатория* министерства прямо убога. Подождать мне пришлось порядочно, и вследствие этого я наблюдал достаточно эту бедненькую, узкую и низкую комнатку мезонина. Оказалось, что г. Лоран, не найдя нужной книги в кладовой, послал за нею в книжный магазин министерства, а тем временем подобрал листы одного обозрения, еще только печатаемого, еще не вышедшего в свет. Он вручил мне такую толстую книжицу in 4°** и потом целый ворох отдельных листов того же формата, что, когда я принес это домой, жена так и ахнула, не зная, куда она такую махину уложит. Не убедил я ее нимало уверениями, что тут заключаются драгоценные данные по высшему образованию Франции, что таких авторитетных сведений иначе ниоткуда не получишь. Еще с книжками и листами по средней школе она помирилась ради их маленького формата, но эта «машина» не дает ей покоя. Она торопит отъездом, а т[ут]-де натаскал книг из Лувра, из министерства, начнешь теперь выуживать «драгоценные данные» из истории Trocadéro, Ecole des Beaux Arts, музея Cluny, Notre Dame, Sainte Chapelle, Национальной библиотеки... а укладывай все это я.

* рабочее пространство (от *лат.*).

** ин кварта (*лат.*), т.е. обычного, среднего для книги формата.

578. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 июня

5 июня 1904, Париж

Какую красивую бумагу директор департамента изящных искусств г. Henri Marcel послал нашему послу Нелидову в ответ на его ходатайство, по письму Вел[икого] Кн[яз]я к нему, о помощи мне в деле изучения и копирования памятников скульптуры во Франции. И чем же все содействие этого департамента кончилось? Да ровно ничем; написали бумагу красивым слогом – и делу конец. Мне не помогли даже в борьбе с жадностью формовщиков; мало того, г. Marcel утвердил цену за угол Парфенона музея Es[cole] d[es] V[eaux] Arts в сумме 25 000 фр[анков] – в письме ко мне¹ выразив при этом сожаление, что l' Administration des Beaux Arts* не может оказать никакого concours pécuniaire pour cette opération dont le prix s'élevait à la somme de 25 000 francs**. Управление министерства даже не потрудились при этом проверить цифру, поставленную их же формовщиком, не занялось вопросом о том, нет ли возможности сделать этот гипсовый отлив дешевле 25 т[ыс.] фр. и ни на сантим меньше: «хочешь – покупай; не можешь – из нашей лавки проваливай». Вот это воистину правительственное отношение к нужде научного учреждения имени Александра III со стороны союзной державы! Бесконечно порядочнее поступили в подобном деле турки: константинопольский музей, когда тот же Нелидов пожелал нам подарить 2 пергамские слепка, слепки отлил и никаких ни за них, ни за упаковку ящичков денег не взял². Вопрос об этом угле Парфенона тем стыднее для г. Henri Marcel, что даже при маленькой внимательности к бумаге Нелидова, где по письму Вел[икого] Кн[яз]я именно об этом угле и о портале собора в Бурже особенно говорилось, дело могло бы устроиться, ко взаимному удовольствию, за цену гораздо меньшую той, которую я здесь, чужанин и один в поле воин, помогаемый только французским красноречием, в конце концов достиг. Видя, что ждать помощи неоткуда, и бывая в соседней с нашей квартирой галерее Ecole des Beaux Arts каждый день, я обдумывал способы получения этого угла за возможно меньшую цену. Тем временем я сблизился с формовщиком этой Школы г. Sadaune, оказавшимся хорошим, покладистым малым. Его собственная мастерская на соседней rue Visconti***, туда я захожу тоже очень часто. С ним и его associé**** по этой мастерской мы начали

* Администрация изящных искусств (фр.).

** денежного содействия в этой операции, цена которой составляет сумму в 25 000 франков (фр.).

*** улица Висконти (фр.).

**** компаньоном (фр.).

обсуждать это дело, причем я наотрез сказал им, что о 25 т. фр. Комитет нашего Музея и рассуждать не станет, совсем отказавшись от этого угла. Два три раза мы компанией ходили в Cour Vitrée Школы, осматривали этот угол со всех сторон, измеряли и делили его на части трудные и легкие для отливки. В этом обсуждении тут, на месте, принимали участие и старшие gardiens этого отделения Школы, и более опытные рабочие из скульптурной мастерской этой Школы. Вот это изучение дела, эту предварительную оценку «cette opération» и должен был вчинить письмом к дир[ектору] Школы г. Henri Marcel. Административное изучение вопроса привело бы к возможности уменьшить утвержденную и откровенно засвидетельствованную г. Марселем цену, может быть, более чем на 50%. Но г. Henri Marcel отнесся к делу чиновнически формально, за это ему вместо благодарности – высунутый язык. Результат наших общих совещаний выразился в следующих решениях:

1) Можно сделать отливы фронтона (угол архитрава, триглифного фриза без метопа, которые у нас есть³ и мы их можем вставить в готовые отверстия, и угол симы с гейзоном и частью тимпана⁴), одной колонны и верхней ступени основания – с тем, чтобы: а) сделать 2 нижние ступени этой крепидомы в Москве из дерева и оштукатурить их или выкрасить белилами и б) по готовой дорической колонне отлить у нас же три совершенно одинаковые для этого угла колонны. Такая мера спасла бы расходы по упаковке 2 колонн и 2 ступеней крепидомы и по провозу их до Москвы. Отливка остальных частей обошлась бы около 8000 фр. Надо будет спросить, сколько бы взял Гладков⁵ за отливку колонн. 2) Просить наш Комитет снестись с Брюссельским и Мексиканским музеями⁶, раньше наводившими справки о стоимости отлива этого же угла Парфенона, но остановившимися перед расходом 25 000 фр., который им был объявлен. Теперь главный расход по возведению лесов и по изготовлению формы одной колонны, карниза и трехступенного основания был бы поделен на три части, и тогда полный экземпляр отлива обошелся бы около 10 000 фр. Когда вопрос после этих совещаний спустился в район 8000 – 10 000 фр., я обещал написать Вам и спросить Вашего совета. Когда приобретете покой в деревне, то будьте добры или написать или телеграфировать мне Ваши указания, которого из этих двух путей мне держаться⁷. В принципе надо решить этот вопрос теперь, потому что установка высоких лесов и работа над изготовлением формы угла могут производиться только в течение каникулярного времени, когда Школа и ее Cour Vitrée закрыты. Я, как только устроюсь в Лозанне, напишу Клейну просьбу запросить Гладкова, что он возьмет за отливку дорических, весьма простых по их формам, колонн, по высланному ему отсюда образцу. P[оман] И[ванови]ч может, по литературным данным, определить Гладкову высоту и объем колонны сейчас же. Здесь закан-

чиваю до Лозанны. У жены все уложено, ждет только моего портфельчика с письменными принадлежностями. Она торопит и сердится. Что делать! La force majeure* сильнее нас. Едем с экспрессом в Дижон, а после в Лозанну.

579. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Дижон 18 июня

5 июня 1904, Дижон

Посылаю Вам с сердечным приветом три моих портрета: средний представляет меня в момент моих надежд и расчетов на получение от французского мин[истерст]ва угла Парфенона в реконструкции Es[ole] d[es] B[eaux] Arts в качестве дара Музею Александра III. Насколько оказалось основательно это чаяние щедрости со стороны наших аллеатов, все усилия которых направлены только к возможности продавать России свои изделия за высокую цену, показывают два другие мои изображения!... «Мы-де с удовольствием оказали бы содействие Музею, обещающему быть славным в целой Европе, если бы наша палата депутатов ассигновала нам на это особые суммы, но мы на это не имеем кредита. Вот если бы русский посол возбудил об этом дело в мин[истерст]ве перед нашим Президентом Лубэ², то, конечно, не могло бы быть сомнения в благоприятном исходе»... Это речи и мысли не людей, расположенных к России и Музею русского Императора, сделавшего их страну нашей союзницей. Если бы они хотели быть вежливыми, они сами должны были бы обдумать форму и способ оказать дружественное содействие новому и единственному в России Музею, а не ждать чуть не «просьбы о подарке» со стороны русского посла. И я в своей démarche указал только на крайнюю дороговизну (до 25 000 фр[анков]) вышеназванного слепка, давая понять необходимость или скидки с этой цены или новой оценки, если не полную уместность подарка. Департамент изящ[ных] иск[усств] не сделал ничего, даже того, чего я после сам достиг на этих днях. Напишу об этом Вам из Лозанны. Здесь я убедился в антагонизме между дижонскими властями и Мин[истерст]вом нар[одного] просв[ещения]. Разрешения на копию они не дадут. Будьте благополучны.

580. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Лозанна, Grancy Villa**. 23 июня

10 июня 1904, Лозанна

За эти дни мы побывали в Дижоне, исходили его, перебрались сюда и устроились на месяц времени здесь. Из Дижона я вынес убеждение, что сделать

* форс-мажор, чрезвычайное обстоятельство (фр.).

** вилла Гранси (фр.).

гипсовый отлив с Puits de Moïse Кло Слютера нам местные власти не дозволит. Дижонцы, видные граждане и любители археологии и искусства, как нам передавал директор клиники душевнобольных г. Garnier*, в ведении которого теперь находится этот Puits (прежде здесь был обширный по размерам с дивным садом возле города монастырь des Chartreux¹; здесь в былые времена выделялся чудесный ликер²; давно это владение отдано под дом сумасшедших³), не могут забыть, что Мин[истерст]во народн[ого] просвещ[ения], невзирая на решительный отказ дижонских авторитетов, приказало сделать слепок для Trocadéro несколько лет тому назад, и не могут простить порчи, причиненной в наиболее деликатной части (под подножиями статуй пророков) неумелостью или неосторожностью парижского формовщика. После такого казуса и при ревнивом оберегании дижонцев всего, касающегося славы и истории их города, о новом слепке, по мнению г. Garnier, не может быть и речи.

Этот Puits есть колодезь в собственном смысле: из воды его поднимается многогранный каменный столб, служивший опорой всего памятника. В полном виде памятник представлял собою группу Распятия с Мариею и Иоанном по сторонам, покоившегося на мраморном, высокой художественной работы основании. Группа Распятия исчезла неизвестно куда, в Революцию ли, в другие ли какие времена при народных возмущениях; но 6 статуй ветхозаветных пророков, украшающих стены этого основания, и горельефы ангелов над ними остались целы и почти каждый из них поразительной индивидуальности. При первом взгляде на этих Давида, Моисея, Исаию, Даниила, Захарию и Иеремию так и хочется сказать: это всё еврейские типы, и каждый своего личного характера и положения. Моисей, действующий на зрителя прежде всего колоссальной бороною, – не самая лучшая вещь между этими статуями. Сохранилось в Дижоне предание, что Слютер, фламандец по происхождению, вызванный в Дижон герцогом Бургундским Филиппом Смелым (Philippe le Hardi)⁴, чтобы сделать эти статуи пророков, нарочно поселился в еврейском квартале Дижона, в его ghetto**, и там выискал все или некоторые из этих замечательных своею индивидуальностью типов. Если вспомнить, что это произведение еще XIV в. (между 1387 – 1396 гг.), то смело можно сказать, что такого дивного Исаии, как этот характернейший старик, Италия не имела не только в этом, но и в XV ст[олетии], как во флорентийской школе ни стояло высоко тогда искусство ваяния и как ни удивительно велики были здесь имена в этой области. Этот Исаия – решитель-

* Гарнье (фр.).

** гетто (фр.).

ный перл портрета для какой угодно эпохи. Иметь хотя бы 3 статуи этого Puits без окружения было бы для нас истинным счастьем. Надобно подумать о том, нельзя ли получить их по слепку в Trocadéro. Директор его г. Анлар высказался отрицательно относительно слепка с их экземпляра в целом; но статуи – самая прочная часть памятника, порчи им свой же формовщик, г. Rouzadouх, не сделает. Драгоценный Rouzadouх захочет взять порядочно и за эти 3 статуи; но это будет бесконечно дешевле всего памятника даже в оценке Садона (8 – 10 т[ыс.] фр[анков]) при работе в Дижоне. Попробую написать отсюда Анлару об этом и его ответ своевременно сообщу Вам⁵.

В Дижоне мы ночевали, и потому я ознакомился достаточно и с дижонским музеем, считающимся самым лучшим между городскими музеями Франции, и с дворцом Бургундских герцогов⁶, с более древними церквями. Вечер закончили в народном театре. Главная сила музея по отделу скульптуры – в гробницах Бургундских герцогов Филиппа Смелого, Иоанна Бесстрашного (Jean sans Peur) и его жены Маргариты Баварской, со статуями этих лиц наверху⁷. Первый памятник – работы того же Claux Sluter. Украшенный живописью и позолотою, он послужил и конструкцией и орнаментацией образцом для последнего. Ни тот, ни другой в слепках не существуют; только знаменитые статуэтки плачущих монахов первого памятника распространены по музеям и художественным школам Франции в виде образцов. Фотографические изображения трех из них я приобрел в Дижоне и, не нашедши в Дижоне вовремя почтовой марки, послал их Вам отсюда. Эту серию статуэток я заказал за пустяки еще в Париже, в Ecole d[es] V[eaux] Arts⁸. Дижонские церкви – собор (St. Bénigne*), ц[ерковь] Св. Михаила и Notre Dame, вследствие сильной реставрации новейших времен, после много [мною] виденных перлов французской готики XII – XIV ст[олетий] уже не представили ничего, что бы запечатлелось в памяти⁹. Для нашего Музея, назначение которого представлять главные вершины искусства в разные эпохи, эти храмы не могли бы дать ничего замечательного.

Поселились мы в Лозанне рядом с пансионом детей, в местности Montpiond** между собственно Лозанной и Ouchy¹⁰, в районе садов, недалеко от озера, в отель-пансионе «английской складки». Безукоризненная чистота, 2 комнаты, отличное питание за 11 фр[анков] 50 сант[имов] в день (по 5 фр. 75 с. с человека). Очень хорошо. Будьте здоровы. Мой привет Вашим сестрам.

* Сен Бенинь (фр.).

** Мон-Рион (фр.).

581. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 июня (н.ст.)

16 июня 1904, Лозанна

После тревожной жизни во Франции я успел здесь, в этой дивной тишине Лозанны, отдохнуть, привести в порядок сделанные записи и составить окончательные списки заказов парижским ателье. Написал Р[оману] И[ванови]чу, чтобы он снесся с Гладковым насчет стоимости отлива 2-х или 3-х колонн Парфенона по образцу, который будет ему выслан из Парижа; но ни на этот вопрос и ни на какие другие вопросы и просьбы ответа я, разумеется, не получил¹. Не знаю, придется отлить 2 или 3 колонны, потому что это будет зависеть от того, загрязнится ли образец во время отливки двух первых колонн или нет. Одни формовщики умеют это делать аккуратно, другие – нет.

Швейцария может быть полезна нашему Музею только собором в Базеле²: некоторые его статуи пользуются большою известностью, они приняты в Trocadéro, что считается уже большою честью, и приводятся в качестве характерных образцов своей эпохи в специальных сочинениях. Мне в Париже говорили, что в Базеле есть хороший формовщик и что помощь в таком вопросе можно будет иметь у администрации тамошнего музея, как все администрации музеев в мире, милой, любезной и услужливой.

Лозанна, при всей ее гордости своим собором, даст нам только 2 *heurtoir*'а* на главных дверях³. Эти бронзовые *heurtoir*'ы (как их назвать по-русски? Дверные молотки, дверные била? У нас, по крайней мере, в известных мне частях России, этого [обычая]⁴ стуком дверных колец давать знать, чтобы отворили, нет. Прибор этот встречается уже в бронзах Помпей, и 2 экземпляра с масками, если не изменяет мне теперь память, придут скоро со всем транспортом геркулано-помпейских бронз от De Angelis из Неаполя в Москву) здесь вышли лучше, чем [где]-либо в мире, поэтому, как мне говорили здесь, их отливали два раза, один для Trocadéro и другой для Южно-Кенсингтонского музея. 1-й экземпляр я видел в Trocadéro на почетном месте, и он показался мне настолько характерным, что я тогда же записал его себе на память. Такие чудесные, резко очерченные морды этих *heurtoir*'ов! Здесь меня, для приобретения слепков с них, познакомил проф[ессор] А.А.Герцен, сын Александра Ивановича⁵, со скульптором г. Lugeon⁶, ведущим скульптурное обновление собора. Для этого Герцены устроили вечерний чай и пригласили еще и одного специалиста по архитектуре, человека, очень начитанного в истории искусств. От них я узнал, что причина по-

* дверной молоток (*фр.*).

стройки заново главного портала собора со всею его скульптурою (которая не внушает доверия, как бы г. Lugeon ни старался приблизиться к прежней орнаментации и к целому ряду статуй, здесь стоявших) заключается в легкомыслии и недостатке аккуратности в действиях комиссии, ведавшей делами собора. Вместо того чтобы произвести лишь починку скульптуры и даже стен, комиссия решила скульптуры все снять, стены разобрать и возвести заново всю работу. На местах скульптуры стояли бы, починенные, еще века; а когда их потревожили при снятии и переноске, плохой камень, изветшавший и выветрившийся, растрескался и начал осыпаться. Тогда решили... сделать и скульптуру всю новую. Lugeon заготовил слепки со всего, что можно было отлить, и теперь, по этим данным, выводит и сложные скульптурные ггуты (cordons) свода, и горельефы, и рубит статуи. Работы много, он старается оставаться, по возможности, верным эпохе, но этот фасад все равно пропал для истории подлинника. К счастью, лучше уцелел южный портик собора, очень интересный в архитектурном отношении и сохраняющий свои скульптуры. Но, интересные сами по себе, они не такого кардинального значения, чтобы быть принятыми в наш Музей.

Мы говорили о *heurtoir*'ах. Lugeon, как только я произнес это слово, громко засмеялся и, обратившись к хозяевам и гостям, сказал: «Удивительное дело, об этих 2 предметах нашего собора шлют запросы иностранцы, они их знают как вещь, единственную в своем роде, а спросите кого угодно в Лозанне, окажется, что он их и не видывал и о них не слыхивал». Я спросил, какие шаги нужно сделать, чтобы получить разрешение на слепок. Он взял мою визитную карточку и обещал выпросить у здешних властей мне право на это. Окрасить под бронзу он отказался, не имея здесь специалистов. А как это делают в Париже! В ателье Лувра г. Arrondelle показывал мне чудесные образцы. Так как эти 2 вещи небольшие, то белые гипсы я попрошу г. Lugeon'a переслать в Лувр: там их окрасят так искусно, что и не отличишь от настоящей старой бронзы.

Как хорошо тут живется! Город, существующий главным образом иностранцами, доставляет им все удобства. Масса пансионеров и отелей, и даже недорогие из них обставлены высоким комфортом. За 5 фр[анков] 75 сант[имов] или за 11 фр. 50 сант. с нас обоих дают нам 2 комнаты с электрическим освещением, паркетными полами, хорошей мебелировкой, 1-й завтрак (кофе, чай, шоколад, хлеб, масло, мед – всего так много, а меду стоят целые янтарные чаши), 2-й завтрак (английский, густой, прямо на доннышке тарелки суп, часто рыбу или что-либо из ветчинно-колбасных продуктов, мясное блюдо с 2-мя легюмами, сыр + масло, сладкое или фрукты) и обед в том же количестве блюд с прибавлением птицы. Безупречная чистота и блеск

сервировки, порядок женской прислуги – с дочерьми хозяйки пансиона впереди. Так как большинство жильцов англичане, то эти последние бойко говорят по-английски с теми, кому французский язык неизвестен. Кончилась трапеза, девицы снимают свои круглые фартуки – и разгуливают, как настоящие барышни, которым наклоняешься в пояс. Пансионное дело здесь, очевидно, наследственно: от родителей оно переходит к детям, оттого дети и приучаются вести его и на свой страх. На днях содержательница нашего пансиона уедет на некоторое время в горы отдохнуть, и все дело останется на руках двух дочерей, девушек 18 – 22 лет. Со 2-й половины июля, по их словам, начнется появление в Лозанне американцев целыми караванами: тогда-де мы должны работать все вместе; американцы такие-де смешные и требовательные, что приходится хлопотать с ними очень много; это-де время и очень веселое, потому что «американцы и американки такие странные»; но зато и тяжелое. Сейчас больше живут родители, поджидающие окончания учения детей в здешних пансионах. Каникулы начнутся с 10 июля. Мы сидим тут на том же положении. Как только девочек наших отпустят, мы двинемся в Шварцвальд, во Фрейбург (Freiburg im Breisgau), где и проведут жена и дети время до будущего лета. Девочек с осени поместим для немецкого яз[ыка] в пансион. Я оттуда съезжу прежде всего в Базель и в Страсбург.

На свободе продолжаю ознакомление с уставами французской средней школы, недавно реформированной. Есть тут стороны, очень полезные для наших школ, для нашего министерства. Напишу для занимающихся там делом реформы наших гимназий и реальных училищ статью⁷. Но так как не все мне в этих уставах понятно, побываю на том берегу Женевского озера, в савойских городах, повидая директоров и учителей тамошних лицеев и коллежей и побеседую с ними. Тогда дело будет для меня яснее и ближе.

582. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 июня

17 июня 1904, Лозанна

В одном из парижских писем я спрашивал Вас, Юрий Степанович, не угодно ли будет Вам, чтобы я поручил книгоиздательской фирме Ernest Leroux послать для Вашей библиотеки классическое сочинение Viollet le Duc, Dictionnaire d' Archéologie или общее соч[инение] De Baudot, La Sculpture Française. Ныне эта фирма извещает меня, что она отправила оба эти труда вместе с некоторыми другими книгами, избранными у них мною для нашей музейской библиотеки, в Москву, по адресу Musée Alexandre III. Счет Leroux я пошлю нашему письмоводителю Дмитриеву – для представления в Комитет, когда Вам будет угодно собрать его. Дмитриев – молодой чинов-

ник, очень аккуратный и весьма предан делам Комитета. А теперь, летом, он является единственным *représentant** всего Комитета, с его высокими председателями, учеными секретарями и подсекретарями, которые все до единого разъехались кто куда. Ящики из Италии всё приходят и приходят. Приемщиком их на Колымажном является один Дмитриев. Он ставит свои метки на них, он вскрывает их вместе с таможенным чиновником и составляет акт приема. Когда в последнее время Р[оман] И[ванови]ч возбудил было вопрос о подъеме ящиков во 2-й этаж, в Римский зал, Д[митриев] – опасаясь взять такое важное дело на свою ответственность и не зная, каждый ли из очередных ящиков должен идти наверх, – настоял, чтобы под кладовую, на ближайший год, отвели или Аудиторию и[ли] Библиотеку. Остановились на последнем помещении, и теперь Д. с помощью Рерберга, выложившего предварительный пол в Библиотеке, ставит туда как новые получения, так и ящики, заполнившие вестибюль Аудитории – мастерской итальянцев¹. Так как, по уставу таможни, наши клади без вскрытия могут оставаться только 14 дней, по истечении которых таможня обязана вскрыть их сама, даже без нашего уполномоченного, и так как для получения клади в эти 14 дней требуется бумага за подписью секретаря Комитета или ректора Университета, то ввиду пребывания первого «на стране далече»**, а второго где[-то] в Рузском уезде², из которого он является летом только раз в неделю, Д[митриев] как-то ухитряется получать ящики на Колымажный невскрытыми, пока беспрепятственно. А приходят всё большие клади.

На днях я получил официальное извещение дирекции Берлинского музея, что, пользуясь затишьем в делах, отлили они для нас конную статую *Colleone* раньше, чем предполагали, и что уже приступили к отливке *Toro Farnese*³. Пишут, что готовы послать первый слепок в Москву. И хорошо сделал Дмитриев, что выпросил для ящиков нижнее помещение: в свое время потихоньку я разберусь в них, и разнесут их тогда прямо по соответственным залам.

Надобно будет, в свой черед, выхлопотать Дмитриеву за его энергию и опытность подобающую награду.

583. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4-го июля

21 июня 1904, Лозанна

Вчера я провел весь день в Женеве. Этого города я прежде не видал и очень рад тому: на старческие годы остались, таким образом, новые впечатления. Не видал я и Роны, поэтому вчера я первым делом прошел все мосты

* представителем (*фр.*).

** Аллюзия на слова из евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15:13).

ее, чтобы налюбоваться ее темно-бирюзовыми водами. Такого цвета не имеет ни одна из виденных мною до сих пор рек: Рейн должен в этом отношении снять шапку перед Роной и низко поклониться ей. Два раза гуляя по Quai du Montblanc¹, стараясь рассмотреть его белую вершину; в 1-й раз, в утреннем тумане, это было безуспешно, но к вечеру снежная колоссальная шапка встала передо мною. В бинокль я отлично рассмотрел даже углубления.

Обедню стоял в нашей златоглавой церкви² – и пожалел там нашего священника: такой он худой, бледный, болезненный, а человек сравнительно еще молодой. Его страдальческий вид был причиной, что я его не пошел навесить после обедни. Ему необходим был чай да покой, а не беседа с гостями.

Любовался на чудное, тенистое, тихое место тамошнего университета. Умные люди заседали в городском совете Женевы, когда решался вопрос о месте для университета, публичной библиотеки и для нескольких музеев. Лучшего употребления для прежних своих bastions* они не могли сделать, постановивши отдать это теперь тенистое, блещущее на солнце густою зеленью место под это седалище науки и просвещения³. Эти члены городского совета не были похожи на Московскую думу 1897 – 98 гг., которая все жилы напрягала к тому, чтобы не дать площади Колымажного двора под Музей изящных искусств, желая в своем упрямом неразумии застроить площадь возле Храма Спасителя Промышленным училищем с его химическими и даже мыловаренными лабораториями и фабриками. Князь Вл. Мих. Голицын стоял во главе этих крикунов, голосивших: «не желаем, не хотим, значит, ненужный нам музей и не получит этого места»⁴. К этому сонму неумных горланов пристала, Бог ее знает с какой стати, разве по родству с Голицыным, и почтенная во всем остальном Ек.П.Ермолова, открыто в своей гостиной в приемный день заявлявшая: «Напрасно университетские стараются, земли им под музей не дадут». А как все вышло не по ихнему, как настало 17 августа 1898 года, так на закладку Музея, чтобы видеть царскую фамилию и блеск церемонии, Ек.П. не только явилась сама, но и выпросила разрешение привезти с собою женское учебное заведение, находящееся в ее ведении как попечительницы. Sic transit ira** этой, в данном деле, малопочтенной, хотя и высококавалерственной дамы и сестры знаменитого брата⁵.

Это ярое пустозвонство московских думцев той поры припомнилось мне вчера, в университетском чудном саду Женевы. Несмотря на воскре-

* укрепления, бастионы (фр.).

** Так проходит гнев (лат.).

сенье, разные музеи университета были открыты для публики. Последней, впрочем, почти совсем не было, а в Археологическом музее я ходил совершенно один, пока не увидел старичка-консерватора*, мирно спавшего в уголке, в своем кресле. Время было послеобеденное, в помещении тихо, и в этот, очень жаркий, день прохладно – и ученый кустод уснул. Музей самого разнообразного характера: и предметы быта и искусства швейцарского. Особенно интересны рукописи и автографы знаменитых деятелей гуманизма, между ними особенно много Кальвина⁶ и его сподвижников, находящиеся, вместе с портретами швейцарских и женевских знаменитостей, в особом зале (Salle Ami Lullin⁷). Для наших собраний в Женеве нет, однако, ничего нужного. Был я и в соборе, испытавшем на себе столько переделок и особенно пострадавшем от реставрации в XVIII в.⁸ Теперь это какой-то конгломерат разных стилей. День был прекрасный, я бродил по городу до последнего парохода, отходившего в Лозанну. Озеро было восхитительно переливами красок, публика нарядная и празднично настроенная. В этой дивной обстановке я вспомнил Вашу семью и, чтобы возбудить воспоминание о женевской глади голубых вод (простите последнюю нескладицу) во всех Вас, посылаю Вашим сестрам эту карточку⁹ с видом и надписями городов и селений по берегам этого озера. Не могу припомнить, чтобы за последние годы Вы в летние месяцы ездили в Швейцарию. Когда Вы все здесь живали, таких карточек для почтового ведомства не печатали. Но ныне

«Weit mehr, als Briefe uns verkünden,
Kann man auf Ansichtskarten finden.
Die Ansichtskarte beherrscht heute das Feld...»**

584. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 июля

23 июня 1904, Лозанна

Чтобы выяснить некоторые пункты касательно действующих законоположений и практики французских lycées et collèges, я побывал вчера на том берегу озера, в двух соседних городах Верхней Савойи, в Evian и Thonon¹. Мне в Лозанне сказали, что достаточно побывать в одном первом городе, чтобы ознакомиться со школьными порядками; но на деле оказалось, что

* хранитель (*устар.*).

** «Намного больше, чем письмо нам скажет,

Открытка с видами покажет.

Открытка ныне верх взяла...» (Перев. с нем. А.Н.Баранова).

в Evian'e духовная семинария, а не collège и не lycées нужного мне типа. Выпил я стакан здешних минеральных вод, осмотрел здешний casino и два здания минеральных источников – и, потерявши свой пароход и не желая ждать дольше другого, пошел в Thonon пешком. Переход пустой: всего 10 километров. Его я сделал, в 1 ч. и 40 мин., по чудной дороге, пролегающей по берегу озера, между садов и обширных виноградников. Это парадиз какой-то. Дорога гладкая, каждый километр отмечается колонными столбиками 10 раз, так что вы постоянно видите, какую сотню километров вы проходите в данную минуту. В тихий, ярко-солнечный день озеро развертывалось предо мною голубым зеркалом. Чтобы приблизиться к парадизу в возможной ныне степени, я от полуденной жары снял с себя сюртук и шагал en manches de chemise* по благодатной савойской земле. В полуденную пору не было ни спутников, ни встречников, пока из-за одного поворота не предстал предо мною совершенно неожиданно мохнатый Михаил Иванович со своим вожатым. То, что выведено уже давно в варварской России, продолжает практиковаться среди бела дня по городам и селениям Франции. Савояры² вели бедное животное в Evian кувыряться и проделывать разные фокусы пред многочисленными гостями, съезжающимися на этот известный во Франции и, говорят, особенно посещаемый парижанами курорт. Жалкий metier**, жалки эти савояры, не делает чести и публике, поддерживающей это, истязанием добываемое, искусство неповоротливого и любящего покой лесного зверя. Вожак предложил было мне показать мудрость их медведя в такое время, когда я, духовной жаждою томим***, ноги пыльны, мокро тело, и уже раскрыта грудь****, совершал шествие до нужного мне директора гимназии. Это было какою-то насмешкою судьбы, – я поблагодарил, снял шляпу перед этой троицей и прибавил шагу в своем стремлении... тем более, что место было совсем глухое и на горизонте ни души, а у меня вооружения – один зонтик.

Thonon – главный город департамента, коллеж его – с полным составом классов и учительского персонала. Здание коллежа, заключающее в себе и первоначальную школу для мальчиков, большое. Пришел я в обеденный перерыв занятий и потому должен был подождать, пока директор кончит трапезу, и тем временем любовался на игры и возню учеников, воротившихся после обеда. Мальчики во всех странах одинаковы: им, как вода рыбе,

* в одной рубашке (фр.).

** промысел, ремесло (фр.).

*** Начало стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» (1826).

**** Цветаев перефразирует строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Школьник» (1856): «Ноги босы, грязно тело, И едва прикрыта грудь...»

нужны беготня, взаимные колотушки, прыганье, скаканье через спину товарища, много смеха и веселой вздорной болтовни. Двор гимназии усыпан мелким камнем, дающим при этой возне школьников много пыли. Хорошего в этом большом дворе – крытая галерея, достаточно широкая, чтобы гулять здесь в дурную погоду. Чистоты в здании нет, и вся внутренность его бедная; лесенка, по которой я шел в «директорский кабинет», узенькая, деревянная, или некрашенная или давно потерявшая окраску. У нас бы полиция не потерпела такой лестницы в гимназии на «черном ходу». «Директорский кабинет» – маленькая, узкая, в одно окно комната, скверно меблированная; у нас гимназический письмоводитель имеет лучшую канцелярию. Здесь директор принимает учителей, родителей, тут он занимается канцелярскими делами. Директор оказался очень милым и словоохотливым собеседником. Вопросы для него у меня были записаны заранее, и решение их я получил скоро.

Наш разговор перешел к вознаграждению учительского труда – и ответ здесь получился неутешительный. И в республиканской Франции отношение к учителям средних и низших школ высокомерное, несправедливое. Оклады за 18 недельных уроков идут, правда, повышаясь, соответственно количеству лет службы; но они начинаются с 1100 фр[анков] в подготовительных классах и не превышают цифры 5700 фр. для учителей старших и по службе и имеющих к тому же ученое звание *agrég[é]*³, выше которого для педагогического мира Франции хода нет. Этот оклад последний для преподавателей высшего разряда, для преподавателей 2-й категории эта высшая цифра 4800 фр., 3-й категории – 4000 фр. и т.д. И далеко не все учителя могут попасть в 1-ю категорию даже к последним годам службы. Пенсия дается через 25 лет – в половине высшего оклада, какой получался на службе. Вдова имеет половину пенсии мужа. Если это пенсия 2000 фр., то вдова имеет лишь 1000 фр. А есть ведь оклады и пенсии и гораздо меньшего размера. «Если, – говорил мне г. Granier*, директор (во Франции называется *principal** du collège*) коллежа, – молодой учитель получает 1500 фр., то женатый не найдет квартиры дешевле 600 фр. в год, – и что же ему останется на все остальное? Оттого наши учителя по большей части неженаты».

Я спросил его, почему при реформе средних школ, произведенной лишь в 1902 году, оклады учителей остались без существенных улучшений. Директор объяснил, что виной того старый взгляд на учителей и учительский

* Гранье (фр.).

** Принципал, главный (фр.).

труд, унаследованный от времен преобладания аристократии, когда учитель в барских домах был чем-то вроде старшего лакея. На новый вопрос мой, как же при нынешних *égalité* и *fraternité* в республике могло удержаться это несправедливое отношение государственных властей к преподавательскому сословию, он с грустью сказал мне: «Много нового вошло в нашу жизнь с республикою, но люди богатые, знатные и властные нескоро соглашаются давать больше за труд тем, кому платили мало прежде, и уважать их больше, чем это они делали раньше». На этом беседа наша кончилась; я поблагодарил любезного начальника гимназии – и побежал скорее на первый пароход, чтобы воротиться к 7 часам, времени обеда, в Лозанну. Погода все эти дни и недели и во Франции и здесь стоит чудная; переезд по озеру был дивный.

На днях мы с женою собираемся поехать озером в Territet, чтобы оттуда через Glion по горной жел[езной] дороге подняться на Rochers de Naye* (2335 метров)⁴. Спустившись и посадив жену на пароход, я пешком пройду Villeneuve, Chillon, Montreux, Clarens и Vevey**⁵. Эти места и этот берег, говорят, райские: как хорошо было оставить новые, свежие впечатления на настоящие годы!.. Жена была там еще девушкой вместе с отцом; впечатления от этих мест у нее настолько свежи и так жизнерадостны, что она не хочет являться туда в другой раз, чтобы не испортить этих светлых воспоминаний.

585. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 июля

24 июня 1904, Лозанна

Sabatino De Angelis, изготовивший нам коллекцию воспроизведений геркулано-помпейских бронз, настолько доволен исполнением этого заказа, что сделал публичную выставку всех предметов, предназначенных для Музея Александра III в Москве, и пригласил главных неаполитанских археологов и знатоков искусства посетить эту выставку, чтобы потом они могли дать письменный отзыв о достоинстве его работы. Выставка назначена в Galeria del Prinsipe***, находящейся против Неаполитанского Национального музея¹. Я, с своей стороны, написал ему, чтобы в число этих экспертов и даже во главу их были поставлены проф[ессор] тамошнего университета и бывший директор названного музея Giulio de Petra и профессор того же университета и руководитель помпейских раскопок Antonio

*Террите... Глэн... Роше-де-Нэ (*фр.*).

** Вильнёв, Шильон, Монтрё, Кларанс... Веве (*фр.*).

*** Галерея Принца (*ит.*).

Sogliano², оба наиболее известные знатоки Помпей и их художественных сокровищ. Их обоих я знаю и почитаю вот уже 30 лет, познакомившись с ними еще в первое пребывание мое в Неаполе. Они оба судьи в этом деле строгие – и потому их отзыв о достоинстве вещей, изготовленных для нашего Музея, будет иметь значение высшего авторитета. То обстоятельство, что De Angelis решился выставить наши предметы напоказ в такой сезон, когда путешественников иностранцев в Неаполе так много, а между ними много и немецких профессоров и ученых³, уже одно это является доказательством большой удовлетворительности исполнения. По окончании выставки и по получении отзыва специалистов De Angelis должен будет спросить Вас, каким путем, водою или сушей, посылать ему эту кладь. С водяным путем явилось для Angelis какое-то затруднение, так как за одну барку, которая должна доставить громоздкие вещи на пароход, с него мореходная компания назначила 450 фр[анков]. Он написал об этом нашему комиссионеру Кузницкому и К°. Кузницкий находит эту трату совершенно непроизводительной и высказывается за доставку всей клади по железной дороге, раз мы все заказы наши получаем из Рима исключительно этим путем. Я чрез Дмитриева дал знать ему, чтобы он попросил Ваших указаний на сей счет. Дмитриев пишет мне, что наши копиисты в Равенне, Azzaroni и Zampiga, прислали картину «Выход императрицы Феодоры в храм», и говорит, что Р[оман] И[ванович] и Рерберг в восторге от исполнения и искусства, с которым ими утилизировано посланное из Москвы «творёное» золото. Эффект-де и фона и золотых украшений на одеждах Феодоры и ее дам получился чудный. Перед этим золотым блеском, очень умно наведенным, прежние 2, сделанные ими же картины, не имеющие золота, побледнели⁴. Придется или покрыть их золотом в Москве (такой аккуратный художник у меня есть на примете – в Румянцевском музее) или отослать их для этого исполнения в Равенну⁵. Если бы возможно было исполнить это у нас, конечно, было бы надежнее: а то мало ли что может случиться в дороге. Azzaroni и Zampiga засели теперь за «Выход Юстиниана». К ноябрю кончат и его. Тогда останется только чудесная люнета «Добрый Пастырь» в мавзолее Галлы Плакидии. Какие это будут дивные «пятна» на стенах Средневекового зала! При венецианской колоссальной ленте мозаик и при этих картинах Средневековый зал будет прямо величествен, и исключительно христианский характер его будет особенно много и сильно говорить сердцу и воображению посетителей. Дмитриев же извещает, что работы по мрамору главного фасада идут успешно и что уже стоит на своем месте целиком поставленная первая колонна⁶. Когда я уезжал, Фишер обещал сделать снимок колоннады, когда она поднимется на некоторую

высоту⁷. Теперь это сделать было бы время: картина будет очень красивая. На днях я послал Фишеру открытое письмо с напоминанием об этом.

Каково лето у Вас, в Ряз[анской] губ[ернии]⁸? Из Тарусы и Москвы идут горькие жалобы на очень сырую и холодную погоду. Будьте благополучны.

586. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Langackern bei Freiburg im Baden*, 20-го июля

7 июля 1904, Лангакерн

Эти дни я не писал Вам, потому что они прошли у меня в переезде, сборах и устройстве семьи на лето. Я, кажется, говорил, что на будущую зиму мы выбрали для моей больной и для девочек Freiburg im Breisgau¹ как город университетский, благоустроенный, с хорошими школами и мягкого, хотя и совершенно зимнего, с морозами и снегом, климата. Во Фрейбурге у меня есть знакомства в профессорской среде; одну теперешнюю Frau [des] geheimen Hofrathes и ord[entlichen] Professors [der] klassischen Philologie** в 1875 году в Бонне, тогда 10 – 11-летнюю девочку, я угощал конфетами в доме ее отца, моего учителя по италийской диалектологии, ныне первого латиниста Германии, проф[ессора] Бюхелера². К ней обратился я за помощью по устройству в незнакомом мне месте. Конфеты, так давно съеденные, были вспомнаны: теперь видная, полная дама, мать 19-летнего сына, познакомила меня со своим мужем, который лет на 8 моложе меня, но совершенно седым. На другой же день по приезде нашем во Фрейбург эта семья повела нас в окрестности, тенистые, зеленые, приятные, и угостила нас прекрасным Abendessen*** с баварским пивом и бутылкою Moselwein'a**** в конце трапезы. Профессор обещал свести меня в университетскую библиотеку, чтобы я мог пользоваться книгами, живя в Шварцвальде. Устроились мы в часе езды на трамвае и ходьбы по лесной горной дороге от Фрейбурга, в деревушке Langackern. Хозяева нашего Gasthaus***** – простые трудолюбивые люди; они сами готовят пищу и сами прислуживают пансионерам и сторонним гостям. Гостиница – недавно отстроенное на месте сгоревшего здания, деревянное, безукоризненно чистое, удобно расположенное и большими навесами защищенное с солнечных сторон. Окружена она фруктовыми садами, а обедаем мы своею семьею под тенью большого сливового дерева. При доме полное сельское хозяйство зажиточного земле-

* Лангакерн возле Фрейбурга в Бадене (нем.).

** госпожу тайную советницу... жену ординарного профессора классической филологии (нем.).

*** ужинном (нем.).

**** мозельское вино, мозельвейн (нем.).

***** гостиница (нем.).

владельца (у него 14 морг[енов] пахотной и луговой земли и 4 морг[ена] леса: морг[ен] = 400 кв. метров³). Кругом черный хвойный лес по горам, очень напоминающим своею формою и флорой Урал около Златоуста. Наша деревушка стоит на возвышенности в 635 метров над морем. Куда ни поди, чудные лесные прогулки с дорогами и тропинками, усеянными скамьями и столбиками с подробными указателями ближайших и более отдаленных селений, так что и малолетний не заблудится.

Стол прекрасный; три трапезы в день: 1) до 10 кофе (какао, чай), молоко, хлеб, мед, масло; 2) около 1 часа: отличные *weisse Suppen*^{*}, жаркое с целым набором овощей, отличные *Milchspeisen*^{**} с вишнями и другими вареньями и сладкое, как сейчас – ванильное мороженое, или вчера – сладкий, решетчатый пирог с фруктами; 3) в 8 ч.: *Kalter'aufschnitt*^{***} из ветчины, колбас и салата. И приготовление и продукты прекрасные, сервировка блестящая. Всего подается столько, что приходится отсылать назад. В доме все движется тихо, повсюду полный порядок. И что же мы платим за все это? У нас 2 хороших, светлых, чисто содержимых комнаты: за них и за питание по 3 марки или по 3 фр[анка] 75 сант[имов] в день с человека. Нас четверо⁴, и я плачу 12 марок в сутки. Это такая дешевизна при имеющемся здесь комфорте, комфорте, лучше которого и желать не приходится, какой и через 100 лет, с этой наличностью чистоты и всяческих удобств, не найдешь в России. Да, великое благо старая, веками выработанная культура. Вот хотя бы этот наш хозяин: он сам себя называет Вауер'ом^{****}, образование он получил только в соседней церковной, сельской школе, а как высоки его взгляды на чистоту и комфорт его дома! Полы в коридорах еще не крашены, а они так белы, столы в ресторане, не знающие краски, прямо блещут белизной; постели, постельное и умывальное белье – все это хотя и не тонко, чище чистого; окна вымыты – и ни одного (нарочно смотрю сию минуту на окно, у которого пишу) пятнышка от мух. Господи, каким антиподом, каким ужасным, грязным адом представляются при этом «Гостиницы и Трактиры» наших губернских и уездных городов, не говоря уже о том, что в этом роде преподносят наши села и деревни на больших дорогах. Нет, нет и 1000 раз нет, не «исторические», выдуманые рептильными^{*****} газетами, стремления к океану, не постройка Дальних⁵, с пропитыми и растащенными инженерами, бесстыдным ведомством, миллионами у народа взятых рублей, не политика

* «белые», мучные и крупяные супы (нем.).

** молочные блюда (нем.).

*** холодная закуска (нем.).

**** крестьянином (нем.).

***** подобострастными, букв. пресмыкающимися (лат.).

захвата чужих земель нам нужны, а благоустройство внутри, прежде в центре и потом постепенно двигаясь к окраинам. Вот наша действительно историческая, настоящая, а не хищническая, хорошими словами несколько лет завравшихся и завравшихся министров прикрываемая задача. Исполняя ее, Россия не теряла бы теперь кормильцев стольких обездоленных семей, не подвергалась бы предстоящему ей надолго обнищанию материальному и невозможности долгое, долгое время подняться своим просвещением умственно и нравственно.

587. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 июля

8 июля 1904, Лангахерн

На пути из Лозанны во Фрейбург я остановился на 5 час. в Базеле, чтобы посмотреть на собор и старые части города. Собор представляет странную смесь форм византийских и готических. Скульптур на главном фасаде мало; известностью пользуются Георгий Победоносец с драконом¹ и олицетворение мира* в виде женщины, искушаемой Сатаной, изображенным в царственной форме². Вот изображение этих 3 скульптур. Что ни говори об увлечении иллюстрированными открытыми письмами, но эта форма очень удобная и по дешевизне, и по размерам, и, при удачном исполнении, по отчетливости. Словами другому не скажешь того, что может дать такая картинка, драгоценна она и для собственных припоминаний. И Георгий Победоносец, и эта прельщенная дама мне были известны по слепкам Трокадеро в Париже. Первый из них для нашего зала очень велик, да и в Стеклянном дворе я затруднился бы указать ему место, так как там и без того свободных стен будет мало. Господь с ним, обойдемся и без этого громоздкого изваяния. Прельщенную же даму, которой «и хочется, и колется», преобрести бы я очень хотел, особенно если форма в Базеле сохранилась, как мне говорил формовщик Трокадеро. Тогда стоимость ее была бы очень незначительная. Только берет меня вот какое сомнение: ни эта изломанная поза, ни широкая улыбка дамы непонятны были мне в Трокадеро, при отсутствии ее обольстителя. Только вместе, рядом поставленные, эти фигуры составят понятное каждому целое. Не разрешите ли Вы заказать слепок и с этого «Князя мира»**. Статуи – обыкновенного человеческого роста, и слепок не стоил бы очень дорого. На днях я съезжу в Базель ознакомиться как с этим вопросом, так и с тамошним музеем, имеющим видное имя³. Там на-

* Зд.: мирской, светской жизни (в противоположность церковной).

** Одно из евангельских наименований Сатаны («князь мира сего», Ин. 12:31).

ходится и голова со статуи, равной Аполлону Бельведерскому, считаемая лучшей копией, чем этот последний. Эта голова⁴ отливается у Гербера в Кёльне, кажется, за 20 марок, – и я ее уже заказал.

Ныне получил я так давно ожидаемое мною письмо Р[омана] И[вановича]⁵. От него я узнал, что Вы уже видели равненскую копию «Выхода Федоры в храм» и вполне одобрили ее. Значит, «творёное» золото, посланное туда из Москвы, употреблено с пользою. Эффект фона и золотых украшений на одеждах картины, говорят, совершенно другой. Р[оман] И[ванович] пишет, что уже на $\frac{3}{4}$ ствол колоннада главного фасада поставлена, а одна колонна получила и свою изящную капитель. Не знаю, получил ли Фишер мое открытое письмо, в котором я просил его сделать фотографию с колоннады еще до ее окончания, в момент ее созидания. Двигаются-де и штукатурные работы в Антикварии, Библиотеке, Читальне.

Каковы известия наших газет о войне? Здешняя, т.е. заграничная, печать, без различия национальностей, переполнена известиями о наших постоянных неудачах, о нашей неготовности, о том, что русский солдат хуже японского, о несравнимых превосходствах японских генералов, о вражде Алексея с Куропаткиным⁶, о неуместности держания первого с такими полномочиями, о необходимости для японцев скорее повалить Порт-Артур⁷ и т.д. В большей части газет Италии, Швейцарии, Франции и Германии (английск[их] газет я не вижу) громко звучит враждебная нам основная нота. А немцы, недовольные предстоящим сокращением их экспорта в Россию вследствие нашего разорения, твердят уже о том, что надо возможно улучшать свои отношения к Японии, которая-де станет забирать у них избытки всевозможных производств. И это пишется в газетах, наиболее читаемых народной массой, пишется в тоне, нам прямо недружелюбном. Да и во Франции только официозы толкуют военные наши неудачи с тоном сожаления, а независимая печать, поле которой несравненно шире, смеется над нами и радуется всякой большой и малой нашей неудаче. Вчера южногерманская печать уже толковала о предстоящем Куропаткину с его главной армией «втором Седане⁸» ввиду облегающего и все суживающегося японского кольца, из которого-де ему не выдти. А падение-де Порт-Артура в руки японцев – дело, решенное военными авторитетами не только Европы и Америки, но и очевидное для военных властей в Петербурге; для этого-де и выдуманно пущенное «Новым временем»⁹ известие о гибели 30 000 японцев при атаке на Порт-Артур 11 или 12 июля. Этот-де совершенно невероятный слух пущен в оборот по России, чтобы показать после падения Порт-Артура, что эта победа японцам стоила недешево. После с большим удовольствием немецкие газеты печатали официальное со стороны Японии

опровержение нашей похвальной «победе» над этими 30 000 врагов в один день. Я не любитель газетной прессы, не каждый день и газету читаю; в Париже не каждый день платил обычный су за газету, равно как и в Лозанне; во французских провинциальных городах и здесь пробежишь 1-й попавшийся [листок] в ресторане за трапезой, но и при таком отношении к заграничной периодической печати совершенно ясно, что, кроме, м[ожет] б[ыть], официальных, строго правительственных сфер, у России нет друзей между народностями Европы и что у нас здесь недоброжелателей в массах более, чем людей, нам симпатизирующих. Отношение к России тут лишь одной линией* выше, чем к Турции или Персии. Евреи, армяне, финляндцы представляются здесь национальностями, поедаемыми и истребляемыми Россией. Оттого насильственная смерть Бобрикова или вызов в Петербург отца убийцы и нескольких прикосновенных к делу профессоров Гельсингфорского университета и отправление последних в Новгород возбудили только обидные для нас комментарии¹⁰. По газетным столбцам разгуливал на днях рассказ о крупной ссоре гр[афа] Н.П.Игнатъева с мин[ист]ром внутренних дел¹¹ по поводу обыска и взятия под стражу вышеназванных лиц. Фраза гр. Игнатъева: «Лучше бы показывать большую силу японцам, чем хватать престарелых сенаторов и безоружных ученых», – облетела здешние газеты.

Пресса очень занята пребыванием в Берлине С.Ю.Витте, о возврате ему прежнего авторитета в наших государственных делах говорят немцы. Он-де прибыл для заключения нового заграничного займа из 5% годовых. Его фотографии снимают на улицах; я видел в какой-то иллюстрации его идущим под руку с одним из здешних государственных людей, имя которого я теперь забыл. Тот шагает в цилиндре и белом жилете, а С[ергей] Ю[льевич] – в котелке и визитке. Прославляют газеты его дальновидный политический ум: он-де в свое время высказывался в министерском совете перед Государем о нецелесообразности получения Порт-Артура и завладения Маньчжурией. Теперь-де после постигших нас поражений вспомнили о нем – и посылка его в Берлин с финансовой миссией является первым признаком возвращения его к утраченной им власти.

Когда Вы будете в Москве? Р[оман] И[ванович] жалуется на неплатеж кн[язем] Юсуповым¹² пожертвованных денег. Написать бы ему от имени Комитета, сообщив ему, что Римский зал, им и княгиней избранный, уже выстроен. А то Р[оман] И[ванович] очень грустит, не имея этих 26 т[ыс.] руб. в распоряжении Строительной комиссии, которой они были ассигнованы

* Линия – русская мера длины (1 линия = 2,54 мм).

в последнем заседании Комитета. Очень вероятно, что Вы в ближайший приезд соберете Комитет, как это ни трудно сделать в летнюю пору и при отсутствии даже помощников секретаря (Мсерианц¹³ в Италии, Трескин¹⁴ очень болен и пьет где-то кумыс, Романов¹⁵ собирает материал для магистерской диссертации в петербургских государственных и частных художественных коллекциях). Если Комитет будет иметь заседание, будьте милостивы при обсуждении уплат поставить на очередь долг в 40 000 фр[анков] фирме Сабатино де Анжелис в Неаполе за геркулано-помпейские бронзы. Вещи фирмою сделаны, и из них устроена ею публичная выставка в доказательство высокого достоинства отливов. Фирма спрашивает, каким путем, морем или по железной дороге, посылать эту кладь. Я просил нашего комиссионера Кузницкого обсудить хорошенько с De Angelis этот вопрос и испросить Ваших указаний.

588. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 июля

9 июля 1904, Лангакерн

За эту ночь пришло известие газет о раздражении Англии на нас за «захват» ее парохода «Malacca» и о резком протесте английского посла по этому поводу в Петербурге¹. Каждый человек рассматривает явление жизни с точки зрения собственных интересов, всегда думая сознательно, сам того не замечая, «а что из этого выйдет для меня, для нас, для наших?». Грешен был и я этим, прочитавши об этом осложнении. Не замутились бы наши отношения к Англии еще более, не возникла бы ловля англичанами кораблей, идущих к нашим портам. Не надежнее ли будет поэтому получить наши неаполитанские бронзы железнодорожным путем, через Италию и Австрию? Несколько лет тому назад гипсы Неаполитанского музея (Ercole Farnese² и др.) были получены нами этим путем. И Кузницкий зимою писал, что, если неаполитанские экспортеры требуют 450 фр[анков] за какую-то барку для доставки клади на корабль и если при этом необходимо будет платить железнодорожный провоз от Либавы³ или Петербурга, проще было бы отдать поручение о посылке прямо по железной дороге. Тем или иным путем кладь прибывает в Москву раньше, чем соберется осеннее заседание Комитета; придет она в Ваше и мое отсутствие. Будьте добры, в теперешнем заседании провести постановление об отчислении из общих сумм кредита в 40 т[ыс.] фр. на уплату фирме Sabatino De Angelis в Неаполе по прибытии и освидетельствовании клади. Освидетельствование произведут, в присутствии чиновника московской таможни, Р[оман] И[ванови]ч и письмоводитель Комитета Дмитриев по препроводительному списку вещей в каждом ящике.

Постановления Комитета об авансах на уплаты идущих кладей бывали в нашей практике. Так, еще в первой половине минувшей зимы Комитет ассигновал 5000 фр. авансом для уплаты фирме Giuseppe De Ricco⁴ в Сиене за ее работы. Доставка их задержалась до текущего лета, и только несколько дней тому назад послан ей из Москвы чрез Мин[истерст]во финансов наш долг. Так же точно могли бы быть ассигнованы авансом и эти 40 т. фр. для уплаты в Неаполь. Наш Музей так славится быстротою уплаты своих долгов заграничных и внутренних. Фирма Sabatino De Angelis уже окрестила себя поставщиком Museo di Belle Arti di Alessandro III in Mosca* наравне с главнейшими музеями Европы и Америки. Эта будет самая крупная и последняя посылка из Италии. Остаются – кафедра Никколо Пизано в Пизе (5000 фр.), кантория Донателло, исполняемая с золотой инкрустацией у Бонди во Флоренции (9000 фр.), и кое-что по мелочи в Равенне и Флоренции⁵. Дорогие изваяния медичейских гробниц и «Моисей» Микеланджело исполняются в парижской Ecole des Beaux Arts по новым формам за ранее мною отписанную Вам необычайно дешевую плату.

Выражается ли чем-либо определенной деятельностью нового министра нар[одного] просвещения? Министерство Зенгера болело бесцветностью, лишенной всякого определенного характера. Увлеченному и даровитому латинисту-профессору было, очевидно, больно разрушить классическую систему гимназий, ему жаль было греческого языка – и при этом он был бессилен противостоять воле Государя и общему желанию об исключении этого предмета из числа обязательных и о сокращении программы латинского языка. Зенгер колебался, тянул до того, что одни стали утверждать его неспособность к высшей административной деятельности, другие начали подозревать в нем некрасивое желание возможно** посидеть на министерском посту, чтобы быть переведенным с министерским окладом в Государственный Совет. Задача реформирования гимназий в желательном для страны направлении была во всяком случае не делом энтузиаста классика, не находящего лучшего наслаждения высшего, духовного порядка, как переводить Пушкина, Мицкевича, Виктора Гюго, Данта и др[угих] поэтов... на латинский язык. Пушкин, который в садах Лицея с увлечением читал (верно, по-французски) Апулея, а Цицерона не читал***, наверно не понял бы зенгеровских перифраз****. Его положение было трагическим. Гораздо было легче проводить исключение греческого языка Боголепову и Звереву⁶,

* Музея изящных искусств Александра III в Москве (*ит.*).

** *Зд.*: по возможности; возможно долее.

*** Цветаев подразумевает соответствующие слова из 1-й строфы 8-й главы «Евгения Онегина».

**** перифраза (*εφεξ.* «иносказание, окольная речь») – *зд.* в значении «переложение».

этому предмету в гимназиях не обучавшимся. И не унеси злой рок Николая Павловича из нашей среды так рано и так неожиданно, эти два определенных и сильные характера провели бы реформу в примирительном духе, и теперь учителя были бы обеспечены не теми жалкими 20%, которые совершенно непрактично выпросил у Государя Зенгер, ибо что значат эти 20% для учителя, получающего 750 – 900 руб. в год. На эту прибавку не наймешь даже в провинции скромной квартирki. А между тем эти 20%, раз прибавлены, теперь много десятилетий не дадут Министерству нар[одного] просвещ[ения] и пикнуть о повышении преподавательских окладов. Следует ли прибавлять, что угнетаемый материальной нуждой учитель будет преподавать плохо по всякой программе, самой мудрой и самой легкой. Нельзя же требовать геройства и добродетелей аскета от каждого учителя в течение 30 – 40 лет его службы душою и телом государству.

Вижусь я здесь с профессорами филологами, старыми и молодыми. И то, что я слышал лет 8 назад в Бонне от современного вождя греческой и особенно римской филологии, проф[ессора] Бюхелера, говорят мне специалисты этих предметов и тут: интерес к этим наукам все слабеет и падает, даже в Германии. Общество требует иного образования для своих детей в средних школах, с правом доступа в университеты без древних языков. И вот уже 2 года, как ученики реальных гимназий с крошечкой лат[инского] яз[ыка] (по 2 ч. в неделю на каждое отделение), изучаемого лишь в последних трех классах, принимаются на все факультеты и даже на филологическое отделение, с обязательством после⁷ сдать экзамен из начатков греческого языка. А на физико-математический и медицинский факультеты совсем без латинского языка, с обязательством для медиков сдать после испытание из начатков латинск[ого] яз[ыка]. Sic mutantur tempora*, а с ними и взгляды и требования человеческие в самых важных, коренных, основных вопросах жизни. Бывало, в немецких университетах считалась для доктора историко-филологического отделения обязательною диссертация на латинском языке. Ныне и в Германии и во Франции исчезает и этот обычай, потому что прежний порядок выродился до фабрикации латинской оболочки этих диссертаций особого рода мастерами латыни. Еще в 1875/76 акад[емическом] году я знавал в Бонне еврея из Гамбурга, который облатынивал молодым докторантам их немецкие рукописи. А так как было нужно и защищать диссертации, говоря по-латыни, то в ближайшие к диспуту дни он же приготавливал возражения и ответы на них. Возражения разбирались оппонентами из студентов старших курсов или докторантов (профессора в Бонне

* Так меняются времена (лат.).

ограничивались иногда только латинским напутствием диспутанту, но в прения не вступали), а ответы заучивались автором диссертации. Накануне вся эта компания фальшивых латинистов сходилась вместе и устраивала репетиции завтрашнего представления. Все это знали, и профессора, и студенты, все благодушно над этим смеялись. Так при мне подготавливался диспут нынешнего видного боннского археолога – профессора Loeschke⁸, человека очень даровитого, друга и товарища по изданию микенских древностей проф[ессора] Фуртвенглера⁹. Тот еврей ему перевел диссертацию, обучил его ответам и, если не ошибаюсь, сам возражал ему на диспуте. Вечером того же дня я был на обильном Doctorschmaus⁸*, где в присутствии профессоров, пировавших с нами, и рассказана была с добродушным смехом вся эта история приготовления латинской комедии... Всем было весело, все хохотали. Теперь и эта комедия считается ненужной, так как диссертации представляются на отечественном языке. Латино-греческое отделение в университете здесь самое малолюдное, тогда как отделения германской или романской филологии все растут. Сравнительно многочисленны и исторические секции философских фак[ультет]ов. Таким образом умаление классических студий идет постепенно по всей линии, в средней школе и университетах. Ничто не вечно на земле, tout passe, tout casse**.

Я спрашивал у московских приятелей, какое впечатление произвел в нашем Унив[ерсите]те ген[ерал] Глазов в бытность свою среди профессоров. Ответ получился неопределенный; очевидно, было слишком мало времени для взаимного знакомства. Это совсем не то, что было при первых визитах в Московский университет Ванновского и Зенгера. На всех нас Петр Семеныч¹⁰ произвел впечатление старого администратора, которому никакие государственные почести уже не новы. Он говорил как власть имущий, как ее с давнего времени имевший, как человек большого нравственного и служебного авторитета и близкий нам. Милый Григорий Эдуардович, которого лет 10 – 12 назад мы произвели в доктора римской словесности¹¹, речь приготовил, выучил и на половине... забыл. Последовала заметная пауза, молодой министр побледнел, заворочал по сторонам своими большими и красивыми глазами при общем ожидании продолжения. Вспомнил, что стояло на бумажке раньше, но кончил аллокуцию*** как-то сконфуженно, поскорее призвав на нас Божие благословение. Стоявший подле меня проф[ессор] Миллер, директор Лазаревского института¹², после сказал мне: «Нет веры в долговечность такого министра; дела он не сделает; уже

* докторском пире (нем.).

** все проходит, все прекращается (фр.).

*** обращение (лат.).

если он перед своим братом так сконфузился, то как он будет импонировать* в Государственном Совете и среди других министров?» Предсказание его сбылось раньше, чем, м[ожет] б[ыть], он сам думал. Встречались ли Вы раньше с ген[ералом] Глазовым?

589. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Langackern bei Freiburg i[m] B[reisgau]. 5-го августа 23 – 24 июля 1904, Лангакерн

Как я рад был узнать из присланной мне моим братом, варшавским профессором¹, газеты «Моск[овские] ведом[ости]» о посещении стройки Музея Вел[иким] Кн[язем]². Описание этого осмотра работ сделано, за исключением некоторых неверных технических терминов о картинах художника Степанова, по-видимому, точно, и потому я получил достаточно точное представление. Рад я этому непосредственному ознакомлению Его Выс[очест]ва с тем, что уже сделано и чего, каких Ваших трудов, забот и трат, это стоило до сих пор и чего будет стоить в ближайшие годы, я рад – в виду предстоящего осенью серьезного разговора с нашим Президентом. Этой радости есть еще и другое, не столь альтруистическое основание: приезд Вел[икого] Кн[язя] доказал правоту моих ожиданий, которые я высказывал Вам столько раз и столько раз получал от Вас решительные сомнения. Вы говорили, что Вел[икий] Кн[язь] прибудет на стройку, только когда здание будет окончено, незадолго перед открытием. История теперь доказала, что Вы были неправы. Я готов был держать пари, что выйдет по-моему, а не по-Вашему. Вы проиграли и теперь должны поплатиться за это. Известие о 13 июля³ пришло сюда, когда я занимался историей Фрейбургского собора и знакомился с его скульптурами, принадлежащими XIII в.⁴ Вот в этом круге скульптур Вы и изберите уплату проигрыша.

Здесь в главном портале, по стенам его, красуется ряд 38 статуй из ветхозаветного и новозаветного циклов, а равно тут же в этом числе олицетворения 7 свободных искусств – Грамматика, Диалектика, Риторика, Геометрия, Музыка, Живопись и Медицина⁵ – в виде 7 женских образов с соответственными атрибутами. Залиты скульптурными изваяниями и тимпан и арка этого богатого портала. Все это было выкрашено в разные цвета в XIII в., после, на прежнем основании, это подновлялось наложением золота и красок: так было в XVI в., так это сделано в 80-х годах прошлого столетия по следам прежней раскраски. Цвета в XIII в. наложены были сильно, также и в XVI в.; в новейшее время побоялись слишком сильных красок, сделали это

* производить впечатление, нравиться (нем.).

гораздо умереннее – и теперь здешний Münster-Bau-Verein*, ведающий реставрацией собора (и в Германии и во Франции эти величественные сооружения теперь одновременно разрушаются и неизбежно требуют обновления), подвергается со стороны знатоков истории искусства справедливому порицанию. Солнце, пыль и атмосферные осадки скоро доказали недостаточность сделанной полихромии. Я тут познакомился с некоторыми членами этого Verein'a, в том числе и с архитектором собора, о котором буду говорить ниже; г. Kempf⁶ мне и сказал о заслуженном порицании за лишнюю скромность.

Когда я ходил по этому порталу и рассматривал расписанные фигуры, я был уверен, что с этих статуй слепков нет и сделать их нельзя благодаря этой полихромии. Спрашивал профессора классической археологии Пухштейна⁷, но он весь ушел в свой мир и не дал никаких сведений; выразил только сомнение, что эти слепки были бы когда-либо сделаны. Спросил я об этом в семье проф[ессора] греческой филологии Гензе⁸, но ответ был тот же: «не слышал, не знаю». Проф[ессора] Ксаверия Крауса⁹, большого авторитета в истории христианского искусства и красоты здешнего университета, уже нет в живых; его прежнего ассистента и заместителя, проф[ессора] Кюнстле¹⁰, нет в городе. Когда этот ученый путь был исхожен бесплодно, помог делу простой случай. Проходя по одной из главных улиц Фрейбурга, я встретил большой магазин с изваяниями религиозного характера, назначенными для церковного и частного поклонения. Я вошел с намерением спросить, нет ли там какого-либо изваяния, отвечающего статуе собора. Этого не оказалось, вещи были все новые, ходовые; но мастер, тут же занимавшийся раскрашиванием гипсов, посоветовал мне пойти к собору и найти там бюро Münster-Bau-Verein'a: там-де только и можно было бы узнать, были ли когда-ниб[удь] делаемы отливки со скульптур Мюнстера.

Пошел я туда, но оказалось время обеденное, когда в Германии все правительственные и частные учреждения, канцелярии и конторы пустуют. В канцелярии сидел только сторож, но этот служитель оказался полезнее, в данном случае, ученых авторитетов. Состоя при Verein'e, очевидно, много лет, он сказал мне, что несколько статуй с главного портала, лет 15 тому назад, было снято гипсом и что формы их находятся на заводе цементных и штукатурных работ Брендингер и К⁰¹¹ и что некоторые отливки есть у них, в Verein'e, в одном из его складов. Но все-де это мне скажет лучше всех главный архитектор, который придет в бюро через час.

* Строительное общество собора (нем.).

Известия эти были настолько радостные, что я отправился позавтракать тут же, в тени собора. Дали за 25 пфеннигов ein Viertel* прекрасного белого местного вина и за 20 большой «belegter Brötchen»** с отличной ветчиной. Поблагодарушествовал я тут малую толику, смотря на боковой фасад величественного Мюнстера, и после походил по порталу, имеющему совсем иную форму, чем французские кафедралы. Он закрыт спереди, очень глубоко и имеет вид четырехугольной нашей паперти. Стены его украшены статуями и готическими полуколоннами и арками. Три каменные ступени-лавки кругом служили местами сидения старейшин города во время судебных процессов в Средние века. Все это очень оригинально и по архитектурной форме и по богатой полихромии, в церковном портале встречающейся для меня в 1-й раз во всей Западной Европе. Рассматривая эти наивные изваяния XIII в., я желал угадать, какие из них могли заинтересовать специалистов при выборе их для отлива в слепках.

Архитектор Мюнстера г. Кетрф оказался очень любезным человеком, он не поставил никаких затруднений к приобретению существующих отливов и указал мне как формовщика, так и живописца, работавшего в соборе при реставрации росписи портала и внутренних изваяний и архитектурных частей внутри здания. Повел он меня в склады Verein'a и рекомендовал несколько готических, украшенных скульптурой кронштейнов и 2 – 3 бюста с различных частей собора. Отлитыми оказались некоторые из аллегорий «Свободных Искусств» и из «Мудрых и Неразумных Дев»¹².

На другой день я отсюда, из этой нашей скромной гостиницы, переговорил по телефону с конторкою завода Бренцингера о цене каждой статуи и о времени, когда бы я мог посмотреть модели. Цена определена по 25 марок за статую, установлен был и час, когда я мог бы найти в бюро и самого владельца завода. Когда я услышал в телефон: «Fünf und zwanzig Mark für jede Statue»***, я не поверил своим ушам; думая, что это, вероятно, Hundert Fünf und zwanzig Mark****, я переспросил и опять услышал совершенно ясно ту же самую сумму.

6 августа

Это меня заинтересовало еще более, потому что в Париже, в Трокадеро, менее 125 – 150 фр[анков] никак не взяли бы за отливы тождественной величины. Ныне я отправился во Фрейбург, был на заводе, видел и модели,

* четверть (нем.); зд.: 0,25 литра.

** бутерброд (нем.).

*** «Двадцать пять марок за каждую статую» (нем.).

**** сто двадцать пять марок (нем.).

и г. Брендингера, богатого коммерсанта и заводчика, человека, как все баденцы, мягких, любезных форм в обращении. Формы статуй оказались очень свежие, потому что за все эти годы раза два делались лишь с той или другой статуи отливки. Цена действительно 25 марок; для раскраски по оригиналам г. Брендингер рекомендовал того же живописца, который работал в соборе, и сейчас же дал он мне мальчика, чтобы найти этого художника. Дома мы его не застали, и я условился с домашними о времени, когда его можно будет найти в его мастерской.

Ныне я еще раз повидался с архитектором Кемфом, желая узнать, нельзя ли было бы получить эти статуи также и с архитектурными окружениями – с полуколонками, готическими арочками очень интересной формы и остроконечными балдахинами над каждой статуей. Полуколонки сделать, по словам Кемфа, ничего не стоит, так как капители существуют у них в отливках и новый слепок с них не превысил бы 15 марок за экз., ствол же и базы очень простой, гладкой формы – и отлив их не представил бы ни затруднений, ни особых издержек. Труднее дело обстоит с арками, раскрашенными и вызолоченными. Если разрешить слепок с них – золото отойдет – и возобновление его, а равно и окраски пришлось бы отнести на наш счет. За лучшее он поэтому полагает ограничиться архитектурною обстановкою лишь для 2 статуй – и для них балдахины и арочки вырезать из дерева. У них при соборе есть-де отличный резчик, человек скромный, работающий за очень небольшую цену. Исполнит-де он эту небольшую работу и по большим, детальным, имеющимся в бюро Verein'a, фотографиям и по самим оригиналам. Любезный Кемф вызвался проводить меня в его мастерскую, чтобы сейчас же установить и цену такой работы. Его мы не застали. Бедно помещающаяся и очень скудно обставленная мастерская была в полном ходу: человек 8 рабочих энергически вырезывали Мадонн, Распятия, рельефные картины религиозного характера. Видел я тут и работы ажурные, очень тонкие. Исполняется для города Neuschadt* в Шварцвальде очень большой и тонкой работы алтарь. Нам сказали, что мастер «сейчас» воротится; мы потолкались между рабочими добрых полчаса, пересмотрели большой альбом более замечательных, художественных, этим скульптором сконпонованных и исполненных работ и все-таки не дождалась его. Кемф оставил тут принесенную большую фотографию и сказал, что зайдет ныне к вечеру опять.

Мы воротились к собору; видя такую любезность архитектора, человека очень занятого (я застал его в чертежной за работой, без пиджака и жи-

* Нейштадт (нем.).

лета) и тратящего свое время для нас, я пригласил его выпить стакан вина в тот же ему близкий ресторанчик, где я завтракал 3-го дня. За полулитром того же легкого и вкусного белого вина мы проболтали с полчаса, беседуя о нашем Музее. На днях я получу смету работ резчика от него. Окраска статуи, по его мнению, будет стоить по 10 марок за штуку, если золотые полосы заменять фольгой, и несколько дороже, если употребить настоящее золото. Если для равенских мозаик мы употребляли золото, то его здесь пойдет сущий пустяк.

Дорога от Фрейбурга до нашей горной деревушки идет чудным хвойным лесом. Тропа для пешеходов широкая, гладкая, почти постоянно в тени. Передки скамейки в местах с величавыми видами на горы и на далеко лежащую в глубине долину. Передки горные ручьи с водоемами. Идти по такой чудной дороге не утомительно, хотя она и поднимается все время вверх. У водоемов и напьешься чистой и холодной воды, смочишь голову и снова в путь. Лето здесь почти неизменно солнечное и ясное, даже слишком солнечное и сухое, так что сельские хозяева желали бы целой недели дождя. Хлеб яровой поспел скорее, чем бы следовало; теперь его уже убрали с полей. Луга желтеют от засухи и в этом году не дадут трав к осени. Но в лесистом и богатом горными источниками Шварцвальде это не так страшно чувствительно, как в других местах Германии. Эльба в Саксонии обмелела, каналы Шпрэ – сохнут. И не далее как ныне газеты перепечатали известие *Fürstenwaldische Zeitung*'а*, что в обмелевшем и почти высохшем *Spreewald-Kanäle* при деревушке *Trebatsch*** дети нашли большой камень с надписью 1417 года: «Wenn Ihr diesen Stein wiedersehen werdet, so werdet Ihr weinen; so flach das Wasser im Jahr 1417»***.

Плоды в этом году мелки и не сочны.

Я чрезвычайно рад отдыху именно в Шварцвальде, которого я доселе не знал и который так удивительно сохранил свои старинные формы жизни. Самая горная природа здесь такая милая, ласкающая глаз, симпатичная. Горы Швейцарии слишком сильно действуют на нервы, и потому там наступает скоро утомление. Здесь самая высокая гора *Feldberg***** не поднимается на 1495 метров; голых скал совсем нет, все глубоко зелено от хвои горных вершин и скатов и, до самых последних дней, изумрудной зелени долин. Такие ландшафты не подавляют нервную энергию, а, напротив, держат нервы лишь в приятном настроении. Тут не нагуляешься, не налюбуйешься.

* «Фюрстенвальдской газеты» (нем.).

** Шпрэвальдском канале... Требач (нем.).

*** «Когда вы снова увидите этот камень, то заплачете: так низко стояла вода в год 1417-й» (нем.).

**** Фельдберг (нем.).

Чрезвычайно симпатично и население. Оно религиозно, трезво, неутомимо трудолюбиво, чрезвычайно вежливо и в своих формах держится старинных образцов. В полуденную пору и при закате солнца в крестьянских домах слышишь неизменно общее речитативное произношение молитв; по дорогам – большие распятия, ценные по материалу и работе, обычно с надписью, высеченной в камне, о супругах, соорудивших эти изображения. По воскресеньям сельские церкви полны как мужчинами, так и женщинами. Все тут грамотны, все поют и читают в церквях по книге. Население безусловно трезво, так как до сих пор мы не видали ни одного пьяного мужчины, не говорю уже о женщинах. Пиво потребляется только как освежающее средство, да и то его и в ресторации нашей гостиницы и в других сельских ресторациях несравненно больше пьют горожане и наш брат интеллигент всякого рода. А как мило проводятся тут воскресные дни! Работы прекращаются, утром все в церкви, после соседи перехаживают друг к другу, сидят под большими навесами своих домов и мирно толкуют, иногда у такой группы в 3 – 4 человека газета и общее чтение. Труд и умеренная жизнь создали такое благосостояние Шварцвальда, что лучшего и желать не нужно: какие тут чудесные рослые, сильные, породистые лошади; как много у каждого крестьянина тучных и крупных коров, свиней, птицы. Огороды полны всевозможных салатов, овощей и самых пышных, никакой материальной выгоды не приносящих цветов. У каждого свой фруктовый сад, фруктовыми деревьями обсажены дороги – и никакой путник не сорвет спелого плода, висящего над самой головой. Весьма часты пчельники, ведомые по системе, у нас только любителями эксплуатируемой на выставках. А здесь это практикует самый простой крестьянин, и о наших доисторических колодах никто не имеет и понятия. Обхождение наблюдается особенно вежливое: при встрече в лесу, в поле, на дороге крестьянин и крестьянка непременно скажут друг другу и незнакомцу из города: «Guten Tag!»* Мужчина снимет при этом шляпу. Спросишь ли о чем – несмотря на твои ошибки, крестьянин постарается понять и все тебе в вежливой форме укажет и расскажет. К сожалению, диалект тут такой, что и $\frac{9}{10}$ не поймешь. В выговоре слышатся больше гласные, а из них *a* произносится как *o*, *o* русск[ое] = у и т.д. Похлопаешь от такой речи глазами, поднимешь шляпу и поспешишь, широко улыбаясь, произнести: «Danke, danke Ihnen»**. Мне думается, что расселение отдельными хозяйствами и отсутствие частых деревень способствует благорожению здешнего крестьянина: нет таких точек соприкосновения

* «Добрый день!» (нем.).

** «Спасибо, спасибо вам» (нем.).

и столкновения, как это мы видим в наших деревнях, где бабы из-за кур, детей, белья и по самым пустым поводам то и дело ссорятся, бранятся, сквернословят, где мужские сквернословия и дикие ссоры составляют ежедневное явление, может быть, именно вследствие этой непосредственной близости домов и хозяйств. У нас соседи непременно надоедают, наскучивают до боли друг другу – отсюда и грубость нравов, ужасные формы обхождения. Здесь соседи разделены полями, лугами, лесом. Свидания и возможность побеседовать тут редки и потому в праздники так желательны. В остальные же дни каждый занят своим хозяйством и живет исключительно в своей семье. Для переходов в соседние экономии нет ни охоты, ни времени.

Веду понемногу очерк реформы среднего образования во Франции. Многое в новых программах и уставах очень хорошо и достойно подражания; но есть вещи, прямо фальшиво изображенные, отзывающиеся уже незнанием дела или желанием пустить пыль в глаза. Я разумею здесь постановку предмета, в котором [мы] особенно слабы, именно постановку новых языков, *langues vivantes**. Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения] предоставляет гимназистам свободу выбирать их между немецким, английским, итальянским, испанским... и русским по своему желанию или желанию родителей. Написало оно по этому поводу подробнейшую программу, как учить им, как научать хорошему произношению и акцентуации. А цель оно поставило ни меньше, ни больше, как научить говорить и писать на этих языках, не говоря об умении свободно читать иностранную литературу. Да я готов держать с Вами большое пари, что в учащем персонале и в министерских канцеляриях не найдется и одного на пятерых, умеющего говорить на иностранном языке. Когда я, в сущности говорящий по-французски и по-немецки одними ошибками, извинялся перед французскими профессорами, министерскими высокими чинами и лицами, поставленными во главе важных государственных учреждений, за свою несуразную болтовню, они все высказывали сожаление, что никто из них на другом языке не мог бы объясняться нисколько. И если принять во внимание, как часто меняются министерства во Франции и как попадают в министры и на крупные места Мин[истерст]ва нар[одного] просвещ[ения] лица из низших классов населения, не имевшие случая научиться в юности, и притом очень ранней (когда только и может быть приобретаемо настоящее, легкое, свободное умение говорить на чужом языке), практике иностранной речи, – то окажется наверно, что без своего родного языка в Париже многие очень на самых

* живых языков (*фр.*).

больших высях бюрократических не смогут и пикнуть ни по-каковски. То же нужно сказать и о директорах гимназий, и об остальном педагогическом персонале. И при таком-то положении дела – эта широкая свобода в выборе языков гимназистами и требование от них научиться «parler et écrire»* на этом широком поле! Прежде всего в провинциальных гимназиях некому будет учить этим 5 языкам, а если бы особою силою воли и набрать кадр англичан, немцев, итальянцев, испанцев и русских учителей, даже по одному человеку на гимназию, то $\frac{3}{5}$ из них пришлось бы сидеть без учеников.

Сейчас телефонировали с завода Брендингера: спрашивают, какой высоты должен быть для нашего Музея ствол полуколонки, о коих я написал Вам, Юрий Степанович, выше. Давеча я не мог им определить ее; после, бывши в соборе, я вымерял, и оказывается, что собственно ствол ок[оло] 2 арш[ин] [142,24 см], основание немного менее $\frac{1}{2}$ арш. [35,56 см], так что с готовыми для отливки капителями целая полуколонка легко поместится под статуей в нашем Средневековом зале. Хотят к вечеру телефонировать мне цену такой полуколонки. Вероятно, будет она очень небольшая. Интереснее будет получить сведения от живописца и резчика. Тогда определится точно вся стоимость «фрейбургского», расцвеченного красками и золотом, «уголка». Для нас раскраски не должно быть яркой, а как бы ослабленной временем, и золоту естественнее быть матовым, как бы потускневшим. Как своеобразен будет наш Средневековый зал с его яркими мозаиками, реймановскими картонами, скульптурами цвета песчаника и полихромным фрейбургским уголком!¹³

590. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 августа

25 июля 1904, Лангакерн

Если в Москве я ничего не говорил Вам о скульптурах Фрейбурга, то это было только потому, что раскраска и позолота их лишали меня надежды иметь слепки с этих замечательных изваяний. Немецкие знатоки отечественного искусства ценят скульптуры главного портала чрезвычайно высоко. Schnaase¹, автор Gesch[ichte] der bildenden Künste^{**}, говорит, что они «an Schönheitsgefühl, Schwüing und zarten Grazie alle anderen Bildwerke der deutschen Gotik übertreffen»^{***}. Современный величайший авторитет в ис-

* «говорить и писать» (фр.).

** Шназе... Истории изобразительных искусств (нем.).

*** «превосходят все другие произведения немецкой готики чувством красоты, воодушевлением и нежной грацией» (нем.).

тории немецкой скульптуры W. Bode в своей *Gesch[ichte] der deutschen Plastik*, вообще скупой на гравюры и умеренный в характеристиках, отзывается об этих изваяниях с величайшей похвалой, а Мудрых и Неразумных Дев он ставит выше страсбургских, пользующихся такою общею известностью; изображениям их с балдахинами, базами и готическими арками он дал 2 страницы. Он считает их прекрасным воплощением двух ваяний в искусстве: кончающего свою роль романского и начинающего распространяться по Германии готического искусства. Раз счастливый случай доставляет возможность иметь эти 7 редчайших изваяний, позвольте мне их приобрести.

Отсюда мой путь будет раньше всего в Страсбург. Там я был осенью 1895 года, был и в соборе, являющемся теперь главною целью моего туда пелеринажа*; но тогда я всецело занят был античным искусством и устройством университетских музеев по антикам в Западной Европе; в Страсбург я ездил только для университетского музея этого рода, лучшего между всеми подобными учреждениями Германии, обязанного Адольфу Михаэлису². Теперь поеду исключительно для скульптур фасада собора, для его олицетворений Синагоги и Христианской Церкви, этих интереснейших статуй романской части этого сооружения, для 1 Мудрой и 1 Неразумной Девы и для 2 статуй Апостолов с правого портала главного фасада из эпохи готической, отмеченной здесь сильнейшим влиянием французского искусства как в архитектуре, так и в скульптуре фасадов³.

Так как несколько мастеров нюрнбергской школы разрешены были Комитетом и Вами к приобретению и часть их уже исполнена (Sebaldugrab** – Петра Фишера, некоторые горельефы Veit Stoss'a*** и Адама Крафта), то главные этапы мои теперь будут в Бамберге, в Наумбурге и в Дрездене. В Нюрнберге остановлюсь только на один день, чтобы посмотреть «Нюрнбергскую Мадонну» и некоторые другие изваяния, исполняемые у Роттермундта⁴. В Бамбергском соборе пользуются у историков славой горельефное изображение беседы Апостола и Пророка и статуи Евы, императора Генриха II и его супруги Кунигунды и св. Анны по одному толкованию, Сивиллы – по другому, а также группа Благовещения. На месте яснее будет определить, какие из этих образцов романской скульптуры XIII в. были бы желательны для нашего Музея⁵. Наумбург знаменит целой серией княжеских статуй, мужских и женских, бывших основателей и благотворителей собора

* паломничества (*фр.*).

** гробница [св.] Зсбальда (*нем.*).

*** Фейта Штосса (*нем.*).

(XIII в.). Одну из них, статую молодой княгини-вдовы⁶, Боде ставит на такую высоту по благородству, красоте, выразительности и богатству художественных мотивов, до которой и позднее не поднималась немецкая скульптура, а в Италии в XV в., по этому отзыву, даже Jacopo della Quercia* не выполнил бы с таким блеском подобную задачу. В самом Наумбурге, конечно, формовщика для этого отлива не отыщется, но у меня есть надежда, хотя и слабая, найти форму этой статуи в Берлине. Если моя догадка насчет этого по одному глухому обозначению музейского каталога оправдается, то эту прелесть мы получим за 150 марок. Одну супружескую чету из этой серии, украшающую собою хоральную часть собора, считаемую лучшей среди других статуй, отлил, как я писал Вам раньше, формовщик Гербер в Кёльне, так что ее получим оттуда.

Чем более я знакомлюсь с ценами слепков, изготавливаемых в Германии, тем менее понятными мне становятся бессмысленно высокие цены за средневековые отливы Трокадеро. И оригиналы одного и того же времени, и в размерах не Бог знает какая разница, и сохранность и положение оригиналов одинаковы, и достоинства отливов равны, и труд в Париже несколько не дороже, чем в Берлине или Мюнхене, а различие цен огромное. Берлинский музей отлил лучшие изваяния Бамберга и Страсбурга и назначил за них цены от 100 до 150 мар[ок]. А нелепый формовщик Трокадеро ставит сотни и тысячи франков. И так как он явился в данном случае монополистом, то на него нет управы ниоткуда. Удивляться нужно, как не обратит на это внимание дирекция музея, на которую сетования должны падать раньше всего. Я уже писал Вам из Парижа, что там же в Ecole des Beaux Arts и в Лувре цены за слепки обычные. Благодаря добросовестной оценке изваяния немецкой скульптуры мы, таким образом, приобретем за весьма скромную сумму. Но как ни малы цены гипсовых отливов в Германии, все же цена в 25 марок за здешние, т.е. статуи Фрейбургского собора, до сих пор остается для меня сюрпризом. Ведь каждая из них немного меньше натуре; это ведь не маленькие статуэттки, за которые в Трокадеро взяли бы 25 фр[анков]. Одно разве может служить к объяснению: модели этих отливов только место занимают на заводе Бренцингера, хотя и в сарае, на чердаке, под самой крышей, не принося ничего. Но ведь другой на месте Бренцингера воспользовался бы этим случаем и запросил бы, что хотел. Может быть, его удержали от этого отношения его к Münster-Bau-Verein, от которого зависело дать разрешение на указанные отливы.

* Якопо дела Кверча (*ит.*).

591. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 авг.

29 июля 1904, Страсбург

Посылаю Вам, Юрий Степанович, сердечный привет из этого города; в тени его чудного собора я сижу теперь и пишу Вам эти немногие строки. Продолжая путешествие по средневековым кафедралям, я не мог обойти Страсбурга, собор которого является одним из самых ярких подражаний кафедралям Северной Франции, хотя строитель его, Erwin v[on] Steinbach¹, и был чистым немцем, но, очевидно, он хорошо исходил Сев[ерную] Францию и увлечен был ее величественными образцами. Посылаю Вам плохенькие изображения здешних знаменитых статуй Церкви торжествующей и Синагоги, роль которой кончилась и потому опечаленной. Обе эти дивные статуи XIII в. у нас будут. Отольет их нам Берлинский музей.

Низко, сердечно, увлеченно кланяюсь Вам, дорогой Юрий Степанович, за великодушное назначение 25 т[ыс]. р[уб]. в месяц на строительные работы текущ[его] года. Р[оман] И[ванови]ч, писавший прежде мне в таком минорном настроении о том, что средства Комитета иссякли, а строить приходится еще так много, неузнаваем во вчера полученном письме²; он радуется, ликует и славит имя Ваше за эту новую щедрость.

Пошли Вам Господь довести это дело до конца – на пользу отечественного просвещения и к увековечению имени Вашего в отдаленных родах.

Сколько раз меня в разных странах и лица разных общественных положений спрашивали, не отразится ли застоём работ на Музее разорительная война; при этом вопросе я всегда вспоминал Ваш образ видимый и внутренний, и всегда совершенно, от сердца отвечал отрицательно, успокаивая собеседников. Письмо Р[омана] И[ванови]ча только подтвердило мои чаяния и мою уверенность. Сколько раз мне говорили в Москве, как мы рискуем, не имея никаких Ваших авансов и письменных документов. Я сам себе при этом говорил: «Они не знают Ю[рия] С[тепановича], они судят по себе о возможности бросить большое историческое дело, т[ак] к[а]к оно становится дорогим». Да благословит Вас Господь!!

592. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Страсбург 12 августа

30 июля 1904, Страсбург

Вчера я отсюда спешно написал Вам, Юрий Степанович, несколько строк на картолинках с изображениями здешнего собора и его 2 знаменитых изваяний XIII в., Церкви и Синагоги. Оба эти олицетворения христианства и иудейства, известные мне раньше по фотографиям, ответили моим

ожиданиям: они величавы по концепции и изящны в своих девственных, целомудренных формах. Только Церковь заключает в лице чересчур сильно выраженное сознание своей победы. Она смотрит на Синагогу как на пораженного врага, как на соперницу, которая уничтожена. Если бы отнять у нее крест, то можно было подумать, что это ревнивая царица наказывает презрительным взглядом ненавистную подругу мужа. Этого впечатления мне фотографии не давали; оно получилось только здесь, когда я стоял на ступенях южного, бокового портика. И к чему таить? Эта черта в лице торжествующей свою победу Церкви как-то больно резанула мне сердце; хотелось бы здесь менее человеческого реализма. Он делает то, что у зрителя складывается здесь симпатия, сострадание в сторону побежденной, которая, сломавши копье, бессильно опустила голову. Что тут заставило художника придать такое выражение статуе, сильная ли вражда Средневековья к евреям или желание резче представить в человечески, в женственно-реальной форме победу одной религии другою, сказать трудно, так далеко от нас XIII в[ек] с его многосложною символикой. Во всяком случае – это, мало сказать, изящные статуи, они и величественны, невольно покаявая внимание зрителя и вызывая его удивление при соображении, что это произведения Средневековья, которые мы привыкли считать в искусстве живописи и скульптуры – бессильными. Нет, лучшие изваяния этого XIII в. во Франции и в Германии настолько в действительности величественны, что прежнее отношение к этой эпохе как времени бездушия и условности в искусстве должно быть оставлено. Эти 2 женские фигуры или Апостолы Sainte Chapelle Парижа способны вызвать и почтение и восторги своим высоким характером.

Южный портал принадлежит трансепту собора, который вместе с хором выстроены были раньше нефов, еще в XIII в. и в романском стиле, тогда как главный фасад и нефы принадлежат XIV в. и исполнены уже в готическом. Но уже на южном портале существует произведение скульптуры переходного времени: это прилагаемое здесь в картолинке Успение Божьей Матери. Здесь форма люнеты и листовое украшение ее еще романские, но чрезмерное заполнение рельефного поля фигурами очень изогнутыми и с очень сильными изображениями их горя – принадлежность готического характера. По общему впечатлению красоты мне бы очень хотелось приобрести гипсовый отлив этой люнеты. Стоит она в Берлине 250 мар[ок]; величина ее 1,39 × 2,08 см¹. Как велик контраст этой люнеты ее pendant'у, Коронованию Богородицы, деланному или ранее Успения, а если одновременно, то художником старшего поколения, работавшим по прежним образцам. Тут и заполнено поле очень слабо, и фигуры, особенно средние, церемонно-безжизненны. Тут несомненна традиция византийско-романская. Прилагаю

здесь и эту карточку для Вашего сопоставления; приобретать этот рельеф едва ли следует, да он и обошелся бы дорого, ибо его пришлось бы отливать исключительно для нас.

Северный портал нам дать ничего не может: так испорчены его скульптуры. Но как тонка его ажурная архитектурная декорация!

Главный фасад залит изваяниями всякого рода – статуями, статуэтками, группами, рельефами. Он сразу напоминает и архитектурным распределением частей и этим изобилием скульптур фасады севернофранцузских кафедралей. И в действительности это – дитя французского влияния, французской готики, зародившейся и расцветшей так пышно раньше немецкой. Три портала по количеству скульптур не уступают самым богатым в этом отношении французским образцам. Вместе с французскими церквями и Страсбургский собор пострадал от злодеев революции 1793 г., когда сотни изваяний у него были разбиты и сброшены со своих мест. Оттого большинство скульптур главного фасада теперь новые: новы тимпаны с их сложными композициями, новы скульптурные пояса арок и т.д. Каким-то, однако, чудом уцелело большинство статуй, украшающих бока этих порталов. Они остаются и доселе почти такими, какими их поставили здесь в XIV в. Центральная дверь окружена изваяниями Пророков, левая имеет по обеим сторонам аллегорические фигуры Добродетелей, подпирающих ногами и вонзающих копыя в головы Пороков; к правой двери ведут два ряда Мудрых и Неразумных Дев. Все эти изваяния, однако, после виденных на этих местах в Амьене и Реймсе, не производят столь же сильного впечатления.

Лица Мудрых Дев безжизненны и бессильны для выражения их радости при виде стоящего перед ними Жениха-Христа; Неразумные, страдая тем же недостатком экспрессии в лице, делают неприятные гримасы. Исключение из них составляет веселая девушка, помещенная художником рядом с искусителем, «Князем мира сего», который старается, подавая ей яблоко, увлечь ее для своих ласк и делает это с видимым успехом; эта дева не только не предается печали вместе со своими соседками, но и выронила уже свой пустой светильник из рук, теперь лежащий у ее ног, и, умильно улыбаясь своему интересному кавалеру, уже правой рукой раскрыла пройму рубашки настолько, что ее полная правая грудь должна ясно сверкать пред его очами. Я раньше послал Вам карточку базельского сатаны в этом положении. Интересно, что постановка этой фигуры – та же самая, что и в Страсбурге, и здесь, и там очевидно воспроизведен один канонический образец этого *Frauenverführer'a**. Любопытно, что здешний и фрейбургский черт этой

* соблазнителя женщин (нем.).

сцены очень походят один на другого. Что мудреного? При близости этих городов влияние одного собора на другой так естественно. Возможны заимствования художниками отдельных фигур. Надо будет сравнить хорошие фотографии, чтобы определить степень сходства этих фигур, разделенных в своем возникновении несколькими, хотя, м[ожет] б[ыть], и немногими, десятилетиями.

Многие статуи главного фасада отличаются изломанностью поз, что действует неприятно при безжизненности лиц. Раньше я собирался просить Вас и Комитет о приобретении 2 статуй из круга Дев; теперь, повидавши их здесь, на месте, я пока воздержусь от этого. Лучше иметь в Музее меньше образцов, но пусть зато они будут характерны, а мимо здешних пройдем, не обратив на них должного внимания, и, во всяком случае, сейчас же забудешь. Из этой евангельской притчи у нас будут две из Фрейбурга, которые Боде ставит чрезвычайно высоко; кроме того, не добудем ли мы им компанию из Магдебурга; в тамошнем соборе есть эти Девы из конца XIII в., стоящие несравненно выше здешних². Они прелестны по позе, драпировке и выражению противоположных чувств – в рисунках книги Боде. Препоясанные в талии, они этою чертою и благородством позы напоминают здешних Церковь и Синагогу, также принадлежащих исходу романского периода, как статуи Магдебурга принадлежат к началу готики.

Что касается Апостолов центральной двери, то я предложил бы 2 статуи, наиболее характерные (130 – 140 мар[ок]). Другие или безжизненны, или манерны. Еще большей манерностью отличаются статуи Добродетелей, поражающих насмерть Пороки: одна из них побивает врага, держа копьё в левой руке и взявши древко крайне неестественно; другая чрезвычайно некрасиво изогнулась, почему-то держа древко уже очень низко. Может быть, и ограничиться 4 статуями для здешнего собора³

В Берлине нет формы «Искусителя», но она есть здесь, в коллекции гипсов, принадлежащей Münster-Bau-Amt*, который занимается реставрационными работами собора. Я познакомился с одним из архитекторов, г. Horst⁴. Он показал мне 2 склада слепков и моделей со скульптур фасадов и с некоторых изваяний, находящихся внутри. Можно бы этого «Искусителя» взять отсюда, а искушаемую – из Базеля или отсюда же. Только если уже иметь, то обоих, чтобы не делать ошибки администрации Трокадеро, выставившей одну женскую фигуру (базельскую) этой группы, вследствие чего публика останавливается перед нею в недоумении, не понимая этой странной ее позы.

* строительному отделу управления собора (нем.).

Побывал я здесь в университете. Что это за прекрасное здание! Укрепившись в Страсбурге, немцы прежде многого другого соорудили это импозантное здание, какого у них нет нигде внутри империи. Выстроено оно в стиле Ренессанса; в центре его крытый цветными стеклами двор, окруженный колоннадой. Все прочно, стильно, красиво¹. И какая простота у этих немцев! Теперь вакации, никого в университете нет, кроме портье да разве какого-нибудь ревнителя науки из молодых в кабинетах и лабораториях, на свободе ведущего задуманную работу. Я обратился к портье с просьбой показать мне музей слепков по скульптуре или, как в Германии называют, Archäologischer Museum. Он пальцем указал, где мне войти, перелезши низенькую железную решетку, отделяющую музей от общего коридора. Я так и сделал: перешагнул эту неважную преграду и после спокойно, совершенно один ходил по этому тщательно и опять богаче, чем во внутренних немецких университетских городах, составленному собранию, подобного которому Франция не имеет и до сих пор. Тут систематорская сила немцев сказывается во всем блеске. По характеру это главн[ым] образ[ом] археологический музей; оттого тут много фрагментов, много материала, для большой публики непонятного. Это – отличная ученая и учебная лаборатория, из которой у Михаэлиса выходят ученые исследователи и профессора по классической археологии. Материал, за исключением бедно обставленного Востока и нескольких случайных вещей по итальянскому Ренессансу, греческий и, в меньшей степени, римский. Некоторые отделы особенно богаты, потому что сам Михаэлис занимался этими вопросами и писал о них. Нам в такой мере специализировать соответственные залы нет оснований: археологическим материалом их захламоштишь и отобьешь охоту у публики посещать Музей. Для нас нужны, главным образом, вещи первостепенные и сильнее действующие на зрителей. Очень углубляться в архаический ли период искусства, в мелкие ли вопросы других эпох – нам рано.

Сейчас льет сильный дождь, которого и здесь, и в Швейцарии так долго ждали. Не знаю, как я доберусь ныне к ночи в свою горную деревушку около Фрейбурга. Если и там такой же беспросветный ливень, то пускаться поздно вечером в лес, да еще при моей близорукости, будет безрассудно. От Фрейбурга мы живем в пяти с чем-то километрах. Поезд придет отсюда в 10-м часу. Будь ведро, тогда по колесному ярко-белому пути можно легко пройти и ночью, но после дождя земля, конечно, почернеет – и идти в темную ночь жутко. Придется переночевать во Фрейбурге, а завтра придду, когда мои соннули еще и не встанут.

Следующая весточка Вам будет из Базеля, где я должен побывать раньше других городов, хочется мне там выяснить для себя вопрос насчет сатаны и его жертвы.

593. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Langgackern bei Freiburg, 13 августа

31 июля 1904, Лангакерн

Нынешние газеты принесли радостное известие о рождении у нас наследника, Алексея Николаевича¹. Слава Богу, столько лет ожидавшееся во всей России событие совершилось. Велика будет теперь радость по всем городам и селам, но с каким неописуемым восторгом и какими празднествами оно было бы встречено при иных, не столь горестных для нас обстоятельствах. Не будь этой ужасной войны, причиняющей нам столько горя и потерь, это был бы праздникам праздник. Сейчас же это получит значение утешения Государю и России в их общем испытании.

Здесь газеты задаются вопросом, почему наследник назван Алексеем. Припоминают Алексея Михайловича с его Уложением², как бы указывая на то, что императору Алексею суждено дать России новое в духе новой истории Уложение государств[енного] строя. Что же? Все движется в мире вперед и все в мире переходит – и в сфере государственных форм ни одна в истории не жила вечно. Эволюция – неизбежный рок и для правительственных форм. Только бы не переходили от одной формы к новой быстрыми скачками и не перефасонивали существующее прямо «по самому новейшему» образцу, компилируя законоположения по западноевропейским формам без разбора. Один из старых депутатов итальянского парламента мне давно говорил в Риме: «Вы, русские, моложе нас, других европейцев, вы должны выработать какую-нибудь свою форму народного представительства, но не повторять наших парламентов: нас заняли [заели?] две ужасные силы – парламентаризм и журнализм». Он же указывал на возможность реформировать наш Государственный Совет введением туда представителей от губерний, которые бы знали главные нужды своего края и бестрепетно являлись живыми ходатаями за них. Будущее покажет, и Бог поможет тому, что быть должно рано или поздно.

Как приятно и трогательно видеть в Германии крепкую связь образованных классов с правительством страны! Этой розни, этого нытья о новых порядках, о недостатке свободы слова для выражения мыслей и желаний, этой боязни полиции, тайной и явной, этого боязливого запираения дверей, как бы кто чего не подслушал и не донес, может быть, и очень превравши дело, тут нет и в помине только потому, что печать свободна, что не обсуждаются тут спокойно и открыто лишь государственные преступления в смысле их приготовлений, а все остальное, служащее к улучшению жизни, материальной и моральной, целого ли государства или его отдельных областей, является законной темой обсуждения в семей-

стве и общественных кружках. Эффекты практического применения правительственных распоряжений и мероприятий тут подлежат общей оценке и общей критике. Оттого здесь нет тех ужасных политических убийств, которыми Россия удивляет так часто в последние годы цивилизованный мир.

Ах, как много злобы накопилось против России в этом западном мире! С каким нескрываемым злорадством печатается и комментируется всякая наша новая неудача, всякое новое поражение на войне! Как ясны желания полного нашего поражения и позора! Чтобы тешить читателей, создаются даже ложные известия о нашей слабости не только численной, но стратегической, о нашем плохом вооружении, о грубости наших офицеров с солдатами, и о пьянстве и беспутстве даже на войне гвардейских, блестящих офицеров, обогащающих своим мотовством греков, левантинцев* и китайцев, поставщиков и факторов**. А злодейское убийство Плеве³? Каким потоком грязи и всяких обвинений встретила это гнусное дело западная пресса! И эти обвинения были не по адресу убийц. Я жил за границей в 1876 г., в турецкую войну, был в той же Германии; но тогда отношение к России в прессе и обществе было иное. Я не говорю про теперешнюю итальянскую прессу: туда хотя не заглядывай – там злоба и хохот над нами, по цинизму поразительный.

Мы тут в деревенской гостинице пьем молоко и чудесную воду горного ключа; жене предписано пиво; я его не пью, боясь утучнения, которого мне советуют избегать. Но ныне, прочитавши телеграмму о рождении наследника, мы попросили хозяина вынуть из подполья самого лучшего вина. Он достал какое-то янтарного цвета баденское вино – и мы выпили целые $\frac{1}{2}$ литра; да здравствует новорожденный! Буду писать теперь из Базеля.

594. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

18 августа

5 августа 1904, Лангакерн

В свое время я писал Вам об искусителе фасада собора в Базеле и об его жертве. Теперь вопрос об этой группе в значительной степени выяснился после поездки моей в Страсбург. Там эта чета статуй не только существует на фасаде Münster'a, но и поставлена она в связь с Неразумными Девами евангельской притчи. В собрании гипсовых отливов Münsterbauamt'a я

* Эд.: выходцев с Ближнего Востока (от фр. Levant, восток).

** торговых агентов (от англ.).

нашел модели этой интересной композиции и попросил написать мне сюда цену этих двух слепков. Аккуратный молодой архитектор г. Horst обещал на днях же меня известить – и ныне я получил официальное обозначение стоимости этих статуй, по 125 марок за каждую¹. Цена, как везде в Германии, небольшая. Эта группа пользуется известностью в ученой литературе. И раз в нашем Музее будет страсбургский искуситель, то базельского и не надо – он был бы только повторением. Из Базеля следует приобрести лишь прельщаемую, замечательную по ее оригинальной позе восхищения. Если модель ее готова, то цена не может быть высокой. Тогда у нас можно бы образовать группу из 3 лиц: искусителя и двух его жертв. Любопытно, что я получил от Романова просьбу², когда буду в Страсбурге, наметить к приобретению именно эту чету. Выяснился вопрос об окраске 7 статуй главного портала Фрейбургского собора. Живописец Schilling*, работавший над теми же изваяниями в этой церкви и известный как kirchenmaler** во всем Баденском герцогстве, письмом³ известил меня, что он с Южно-Кенсингтонского музея получил за эти статуи 400 марок и что собор, где он имел работы на очень продолжительное время, ему платил по 40 марок со статуи. При свидании в его мастерской, где он старательно расписывал запрестольную большую, резанную на дереве композицию, мы пообсудили предложенную им сумму в 400 марок, и во внимание к скромному и почтенному виду художника, словам которого невольно веришь, я должен был остановиться на цифре 45 м[арок] за статую, при условии употребления им лишь настоящего золота. Скинул он 85 мар[ок]. Сроку он желает иметь всю зиму; спешить нам некуда, мы могли бы дать ему и две зимы. Условие, чтобы краски не были слишком ярки, он обещает выполнить.

Боже, какое тяжелое испытание перед рождением Цесаревича доставили нам горестные потери 10-го числа⁴ на Востоке! Попытка нашего флота уйти от действия японского огня с кораблей и сухопутных батарей – от Порт-Артура во Владивосток, к Скрыдлову⁵, кончились его почти полным рассеянием: одни корабли должны были искать приюта в нейтральных немецких и китайских гаванях, где их обезоружили и сделали непригодными на время войны, «Цесаревич» лежит в чужой гавани израненный, адмирал Виттгёф поплатился жизнью, рассеченный гранатой на мелкие куски, некоторые суда воротились в Порт-Артур; но какая участь их ждет теперь?⁶ Их, бедных, или покрошат, или они в последний час взо-

* Шиллинг (нем.).

** церковный живописец (нем.).

рвут себя сами. До сих пор не видно, достигли ли какие-либо суда Владивостока. Там также потеряли мы «Рюрика»⁷. Какой длинный ряд наших поражений и пока ни одного крупного победоносного деяния, которое бы подняло дух наших бедных солдат и остальной России! Все же думается, что оная пора, счастливая для нас, наступит; но как дорого дадутся теперешними нашими несчастиями эти будущие успехи. Да и какие будущие триумфы возвратят нам стольких убитых и раненых, и что вознаградит нас за страшные потери материального свойства? Чувствуют ли свою вину те из наших пустопорожних «дипломатов», которые в эти годы систематического, зрело обдуманного и с колоссальным напряжением воли и государственных средств проведенного японцами приготовления к войне с Россией и только Россией, были в Японии и Китае нашими представителями и такого в глаза бьющего явления не заметили или не имели мужества, со всею силою долга верноподданных, делать частые донесения Государю? Это они должны были исполнить даже в обход своего министра, если бы он того не пожелал. А они вместо того только чаи распивали да в любезностях рассыпались перед женами и дочерьми высших сановников, которые готовили нам гибель, отгачивая против нас мечи и отливая ядра в таком изобилии. И не только наши японские представители, но и бывшие в Китае должны были знать о таком колоссальном движении. Или японцы были так хитры, а мы, русские, в Токио, Порт-Артуре и Владивостоке так слепы и беспечны? Что мы были беспечны, об этом красноречивее Цицерона говорит факт развеселого именинного пирога у знаменитой с тех пор Марии Ивановны, супруги тогдашнего главы Порт-Артура – в день первого нападения японцев⁸. Наши несчастья и потери так велики, что противный тон немецких газет, до этого бедствия злорадный, заметно стих. А английский «Standard»*, получаемый нашей гостиницей после одной английской семьи, как бы сочувствует тому, что по цензурным нашим условиям Россия не узнает всей величины нашего поражения и наших потерь.

Беда, говорят, не приходит одна. В России ныне и лето скверное; кроме жалоб на холод и непрерывные дожди, замедлившие снятие жатв и уничтожившие фрукты, я ничего не слышу из губерний Смоленской, Калужской, Московской, Владимирской.

А здесь, в южном Шварцвальде, – все благословения мира и чудесного лета, постоянно светлого и яркого. Прошли тут дожди – и луга опять зазеленели, воротилась и надежда на повторный сбор сена. Сейчас пишу

* «Знамя» (англ.), название газеты.

я в саду, под старой, громадных размеров липой, считающей будто бы 350 лет своего существования. Под нею всегда тень – и мы тут проводим все время. Вокруг ее толстого ствола обведена широкая скамья и установлено несколько столов. Эта липа и соседний, минутах в 5 – 7 отсюда, вяз, живущий будто бы 400 лет, пользуются известностью на всю округу, они известны во Фрейбурге, под их тень приходят отсюда отдохнуть, выпить молока, вина и пива. Но на свете нет полного счастья нигде: при всех благах чудной погоды, увлекательного ландшафта, тихой, сытной и дешевой жизни, и мы тут знаем мучения... – от комаров по ночам. Соседние хвойные леса шлют их нам целые тучи. Из-за них я ныне не мог спать до рассвета, только когда через наши жалюзи начали проникать белые полосы, я заснул и уже не мог встать в 6 час[ов], когда я должен был отправиться во Фрейбург к ближайшему поезду, отходящему в Базель. Придется ехать завтра. А ныне с женою пойдем в город искать для нее пансиона на осень и зиму. Это не так легко, потому что пансионатов здесь немного, а жене нужно жить недалеко от пансионата девочек, которых она каждый день должна будет учить по-русски и музыке.

595. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 августа

6 августа 1904, Базель

Посылаю Вам низкий поклон из Базеля, куда приехал во 2-й раз для выяснения дела о статуях сатаны и прельщаемой им жертвы. Но опять неудачно: единственное лицо, могущее помочь мне, Dr. Holzach¹, директор избраженного здесь «Исторического музея» – в отъезде. Музеем правят только кустод да швейцар – единственные власти, сидящие на месте. Удивительные шатуны эти директора музеев во всем свете... Несчастлив я тут и со скульптором, который мог бы сделать для нас слепок: он болен и увезен родными в деревню. Советуют снестись письменно и с директором и с ним. Придется сделать это. Больше отсюда получить нам нечего, кроме еще штейнгойзеровской головы Аполлона² (= Апол[лона] Бельведер[ско-го]). Как только выяснится дело устройства моей семьи во Фрейбурге на осень и зиму, двинусь в дальнейший путь: Штутгарт – Нюрнберг, Бамберг, Наумбург, Магдебург, Вексельбург³, Дрезден и Берлин. Будьте благополучны.

596. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

21 августа

8 августа 1904, Лангакерн

Из Базеля я послал Вам в Сторожево *une carte postale** с изображением прежней церкви ордена *Barfüssiger***, превращенной теперь в *Historisches Museum****. Здесь меня прежде всего поинтересовали гипсовые отливки *Verführter'a* и *die verführte Welt*****, а равно и конная статуя св. Мартина – с фасада собора¹. Так как никого из администрации в музее не было, то единственным собеседником моим явился кустод. Он сообщил мне, что два первые слепка сделаны в то же время, когда и находящиеся в Трокадеро в Париже (там я видел только одну – прельщаемую или прельщенную), статуя же св. Мартина отлита позднее местным скульптором, г. Нуп². Состояние гипсов прекрасное, так что новый слепок мог бы быть исполнен и совершенно отчетливо и без вреда для них. Я хотел повидать скульптора, чтобы обсудить с ним этот вопрос, но он оказался очень больным; родные до него никого не пускают. Директором Исторического музея состоит *Dr. Holzach*, который должен возвратиться из отпуска через несколько дней. Я написал ему просьбу обсудить это дело с этим ли скульптором, после его выздоровления, или с другим, если такой имеется в Базеле, и известить меня о стоимости слепка. В Страсбурге подобный отлив оценен необыкновенно дешево, в 125 марок.

Занимает теперь меня следующий вопрос. Все цены по фрейбургским скульптурам и их архитектурному окружению определились в таком размере: 1) отливки статуй – 25 мар[ок] за экземпляр или за все 7 – 175 м[арок]; 2) роспись их специалистом, работавшим над реставрацией живописи в здешнем соборе, г. *Schilling'ом*, по 45 мар[ок] за стат[ую], или 315 м[арок] за все; 3) отлив колонок с базами и капителями из цемента по 40 мар[ок] за экз[емпляр]; 4) резьба из дерева 2 готических арочек (вимбергов³) весьма характерной по разнообразию мотивов и тонкой работы – 300 мар[ок] за экз[емпляр], или 600 мар[ок] за обе; 5) резьба из дерева 3 готических балдахинов, покрывающих статуи, – по 200 мар[ок] за экз[емпляр], или 600 м[арок] за все. Ввиду стоимости резных работ я предложил бы ограничиться в нашем Музее следующей композицией этого «фрейбургского уголка»: сделать только 2 арки с небольшими «походами» к их соседкам, чтобы таким образом могли поместиться в них 3 статуи⁴, которые получают и свои балдахины;

* почтовая карточка (*фр.*).** босоногих, т.е. францисканцев (*нем.*).*** исторический музей (*нем.*).**** соблазнитель... соблазненный мир (*нем.*).

это будет центр картины, по бокам же поместятся по 2 статуи на кронштейнах, без арок и балдахинов. Колонок при этом пришлось бы сделать только 5, т.е. на 120 мар[ок] – и весь заказ равнялся бы 1811 мар[кам]. Для наглядности предполагаемой мною композиции помещаю здесь следующий рисунок⁵. Здесь отделены 7 фигур, равняющихся числу приобретаемых нами; из них 3 центральные будут стоять между арок, которые будут вырезаны из дерева, как намечено чернилом, и под отмеченными здесь балдахинами. Остальные 4 статуи, по 2 по каждой стороне, поместятся на кронштейнах и без балдахинов. Конечно, картина была бы несравненно цельнее и эффектнее, если бы воспроизвести весь такой уголок целиком, с 6 арками и 7 балдахинами, но тогда заказ поднялся бы до 3795 мар[ок] (7 колонок – 280 м[арок], 6 арок – 1800 м[арок], 7 балдахинов – 1400 мар[ок], роспись статуй – 315 мар[ок]). А на такой расход без Вашего разрешения я не смею. Лишь зная близко оригинал и видевши гипсовые отливки статуй и превосходные работы по росписи и резьбе по дереву авторитетных здесь художников гг. Schilling и Detlinger⁶, могу пред Вами засвидетельствовать высокое достоинство этого воспроизведения скульптур и архитектурных деталей XIII в. и предвижу тот серьезный эффект, который будет производить фрейбургский разноцветный уголок в нашем Средневековом зале, с его церковным характером по преимуществу или даже исключительно церковным. Если бы на эту разницу в 1984 марки Вы меня уполномочили, будьте добры прислать мне восточку письмом или депешей. Тогда ввиду увеличения заказа резчик Detlinger, может быть, кое-что и скостил бы. На всякий случай повторю адрес для писем и телеграмм: Freiburg im Breisgau, Post restante. Но возможны ли с Вашей станции депеши за границу?

С нетерпением жду каждый день 4 часов, времени прихода сюда почты с письмами и газетами. В эти дни высокого героизма защиты Порт-Артура нельзя оставаться спокойным и нельзя не питать презрения к заграничной прессе, которая видимо рукоплещет всякой удаче японцев и старается умалить значение всякого русского благоприятного шага. Печатая то жирным шрифтом, то разрядкой факт яростного нападения на Порт-Артур, немецкие газеты (у меня их 3 под рукой, все из Южной Германии) тут же, строчкой ниже, с оговоркой, обычным шрифтом отмечают геройское отбивание этой осады нашим гарнизоном. И немецкие газеты и английский «Standard» осудили отрицательный ответ ген[ерала] Стесселя⁷ на предложение капитуляции Порт-Артура, считая [продолжение] бесполезной резни безрассудством и выставляя на вид гуманность японского императора, по приказу которого было-де сделано это предложение. Как хочется всем тут на Западе нашего полного поражения, нашего разгромления, какого ни Россия, ни

остальной мир не видели в нашей новой истории! Заключительные слова последнего приказа Стесселя: «С нами Бог, разумеете, языцы!»* подали повод к ироническому припоминанию слов Наполеона, что бог битв всегда на стороне сильнейших, и [утверждениям], что, несмотря на этот вызов со стороны русского генерала, победа под Порт-Артуром достанется все-таки язычникам-японцам. И «Standard», и немецкие газеты вышеуказанное языцы перевели словом «язычники»!

Где Вы в эти дни? Думаю, что предстоящее крещение Наследника вызвало уже Вас в Петербург. Дай Бог Новорожденному неизменно доброго здоровья, и чтобы этот великий акт в его жизни ознаменован был с высоты престольскими милостями, которые увеличили бы в значительном раз- мере число наших народных школ и возвысили бы уровень существующих, чтобы поднято было значение учителя школ низших и средних, ибо в учителях великая сила страны⁸. Необходимо для блага России такое положение учителей, чтобы этот класс был почтенным в государстве, а не какими-то париями среди других сословий проходили бы эти ныне беззащитные труженики народного образования. Деревенский учитель, деревенский врач и деревенский священник – вот те великие факторы народного просвещения и процветания, о которых надобно позаботиться государству, и серьезно, и не откладывая дела в долгий ящик. Надобно возвысить и материально и морально учителей наших средних школ; без этого лучшие умственные силы станут обегать педагогическую деятельность, а с бездаровитыми людьми дело школы не пойдет, сколько ни пиши циркуляров, сколько ни перефасонивай программ. Дело не в бездушной бумаге, а в живом человеческом уме и отзывчивом сердце. Не будет их, то не помогут никакие канцелярские починки. Здесь нужны особое попечение Государя и серьезные мероприятия⁹.

597. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 августа

12 августа 1904, Лангакерн

Чтобы по возможности понизить плату за балдахины статуй Фрейбургского собора, я вчера провел в главном портале много времени, подробно рассматривая их орнаментацию. Собственно, распадается она на 2 категории, ясные для глаза уже на первых порах. И вследствие этого, самое малое, приходится вырезать из дерева 2 экземпляра, так как обе разновидности встречаются в числе 7 занимающих нас женских статуй (2 евангельские

* понимайте это, народы! (церк.-слав.).

Девы, мудрая и неразумная, и 5 из 7 средневековых муз): 2 статуи находятся под балдахином одной формы в подробностях, и 5 – другой. При таком положении дела у меня явилась мысль отлить повторения – из гипса по тем деревянным моделям, которые вырежет скульптор Schilling¹. Поэтому из собора я отправился на цементный завод Бренцингера, где отливаются статуи, опросить, чего могли бы стоить эти отливки. Контора обязалась на этих же днях послать в собор специалиста хорошенько осмотреть форму балдахинов и по ним высчитать количество времени и труда, потребных для изготовления 2 форм, и, смотря по результату, известить меня на этой неделе. Думаю, что при этой комбинации балдахины нам обойдутся значительно дешевле резьбы их из дерева. К сожалению, этот прием понижения цены совершенно невозможен в отношении готических арок, так как здесь царит вся сила беспокойной фантазии в орнаментации, и потому ни одна арка не походит на другую и в этих двух длинных рядах, тянущихся по стенам портала, нет между ними повторений: каждая арочка делана *an und für sich**. Их нам нужно будет 6 – и единственный способ воспроизведения их для нашего Музея – резьба. Определить высоту статуй на глаз в портале собора было трудно. Вчера у Бренцингера, осматривая модели, мы измерили их в сантиметрах, и оказалось, что статуи – в $\frac{3}{4}$ натуры.

598. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 августа

14 августа 1904, Лангакерн

Немало было хлопот с устройством детей и жены на зиму во Фрейбург. Нужно было поместить в такой близости, чтобы девочки ходили каждый день к матери одни, без провожатого, давать которого пансионеры обычно стесняются**. На пансионате естественно было остановиться – первом в городе, и это затрудняло подыскивание подходящего пансиона для жены. И нашли было один, очень комфортабельный, считающийся тут первоклассным и совсем недорогой по цене (5 мар[ок] за хорошенькую комнату и 3 трапезы), но оказалось, что между ним и пансионатом пролегает бойко действующий трамвай, и жена, боясь за неосторожность девочек, решительно отказалась от этого помещения. Оказался почти рядом с пансионатом прекрасно меблированный и имеющий отличный ресторан дом сестер ордена *S. Vincent de Paul*¹, изгнанного из Франции: и комнаты прекрасные, и место хорошее, и стол при высшей плате 4 марки за весь пансион в сутки, сла-

* сама по себе (нем.).

** Зд.: затрудняются, не могут.

вящийся на весь Фрейбург; но жену как-то стеснили белые головные уборы заправляющих сестер и назначение этого учреждения, главным образом, для служащих в магазинах, школах, конторах, на железн[ых] дорогах одиноких женщин и девушек. Мы два раза были в этом доме – и сильно дивились организаторскому таланту этих монахинь: в центре города стоит у них 4-этажный, богатый дом, одна половина которого отдана под квартиры и дорогие магазины, а другая под это учреждение, пансион-ресторан специального и общего назначения. В пансионе и в ресторане все движется у них как по маслу: разные цены дают возможность и жить здесь многим женщинам разного материального положения, и иметь меню трапез по своему кошельку. И все это чисто, прилично; учреждение преследует и благородную цель нравственной и материальной поддержки тех, кому без этого жилось бы по бедности трудно. На что подобное способны были бы наши женские монастыри? А католические не пропадут, сколько их не гони г. Combes² с архиепископской братией из пределов Франции. В католических мужских и женских конгрегациях живет большая умственная и материальная сила; у наших же монастырей есть и деньги, и уголья земельные, и хорошие здания; но личный состав на 9/10 – великое умственное и нравственное убожество, решительно (о мужских монастырях) ни к чему не способное, кроме как есть, спать, безучастно отбывать церковные службы и бездействовать. Глубочайшим невежеством несет от этих мнихов*, чуждых всякому чтению и изучению, пришедших в эти стены ради дарового сытного стола, тепла и легкой доли ничегонеделания. Несравненно лучше наши женские монастыри, в наибольшем числе своих насельниц** являющиеся приютом для девушек, обездоленных в жизни. Эти занимаются рукоделием, ведут монастырское хозяйство; но большинство монахов, особенно городских и богатых монастырей – нравственное и умственное – брр...

Уклонившись от монастырского пансиона, жена поместилась в совсем маленьком учреждении в 2 минутах ходьбы от детей по одному и тому же тенистому тротуару. Дома один от другого так близко, что сады их почти сходятся. Хозяйка, желая отрекомендовать достоинство своего «дома», горделиво заявила нам, что у нее живут давно и «старые профессора». И едва она это проговорила, как проследовал мимо нас такой ученый и такой старей-старый экземпляр, что даже я, выдавший виды, невольно подивился необыкновенной серьезности этого седого-седого скрюченного мужа с большим белым, распутившимся по его груди галстуком. Он так стремительно

* монахов (церк.-слав.).

** обитательниц (устар.).

вылетел из своей кельи, что чуть не повалился, споткнувшись о мои ноги. Мы при этом пассаже очень улыбнулись, раскланялись, извинились, причем я забыл все немецкие слова от сюрприза. Ну, если жена ушла от монашеского режима католической конгрегации, то попала в киновию* перезаслуженных немецких профессоров. Первым ограничением, наложенным на жену, было ей не подходить к пьянино вскоре после обеда, так как в это время пансионеры ложатся соснуть. Ну, это еще невелика жертва! И спят-де господа профессора совсем недолго.

Итак, вопрос с помещением жены и детей теперь предрешен в смысле весьма удовлетворительном. Плата первого в городе пансионата для девочек невысокая – 1300 марок в год с персоны, а с нас за 10 м[есяцев] взяли 1060 мар[ок], плата пансионата жены – 4½ марки в сутки. Местность прекрасная: улицы чистые, тихие и положительно теперь тонущие в зелени тенистых аллей. Но вот неудобство. Сейчас – вакаци, пансионат закрыт и содержательница его живет эти месяцы в Швейцарии. Откроется он только 15 сентября; лишь в виде любезности нам разрешили представить девочек 14-го утром, чтобы я в тот же день мог отправиться в обратный путь. Оставить жену, которой иногда так нездоровится, что она не выходит целый день из дома, одну с детьми здесь, в лесу, я не могу. К тому же на это время падает заготовление девочкам целого приданого из белья, платьев и верхней одежды разных сезонов; меня то и дело посылают в город за покупками. Я должен ввести детей в пансионат сам, и только тогда я в состоянии покинуть Фрейбург. При таких домашних обстоятельствах я завтра буду писать в Мин[истерст]во нар[одного] просвещ[ения] о продлении мне отпуска до 21-го числа н[аш]его сентября. За это время я успею побывать в остающихся в моем маршруте немецких городах для обозрения их средневековых кафедралей и необходимых памятников искусств. Сюда я выписываю описания соборов Бамберга и Наумбурга, чтобы проштудировать их и потом знать, что и где искать, туда приехавши. Все, что необходимо, из книги Бодe *Gesch[ichte] d[er] deutsche Sculpture* как по ваянию этих городов, так и Нюренберга, я извлек и записал. В Нюренберге я останавлиюсь не на один день, как я ранее думал, а на три. В Наумбурге я должен разыскать Dr. Kirchner³, учителя Вел[икого] Кн[яз]я Сергея Ал[ександрови]ча, просившего меня при моем отъезде из Москвы повидать его и отписать ему, как я найду его. Это, должно быть, человек старый, потому что в отроческие годы Вел[икого] Кн[яз]я он был директором *Annen Schule*⁴ в Петербурге.

* общежительный монастырь (*рег.*).

Получил я письмо⁵ из Сиены от скульптора Giuseppe de Ricco, исполнившего для нас несколько отливов по местным оригиналам эпохи Возрождения в прошлом году и теперь с разрешения итальянского правительства, вследствие письма Вел[икого] Кн[язя] Сергея к итальянскому министру нар[одного] просвещ[ения], приступившего к копии пизанской кафедры Никколо Пизано. Из Сиены он переселяется в Пизу с целой компанией подмастерьев. В ноябре наш отлив будет готов⁶. Это явится редчайшим в мире экземпляром. Из публичных музеев есть слепок только в Лондоне, в Южно-Кенсингтонском музее. Придется поставить его в заднем конце Средневекового зала и притом так, чтобы знаменитые рельефы, окружающие балюстраду кафедры, могли быть видны со всех сторон. Несколько лет назад я высказывал Вам опасение, что нам нечего будет поставить в большой по размерам Средневековый зал; но дошел до того свой черед изучения и изыскания – и теперь этот зал будет одним из самых богатых, интересных и ярких между остальными. С этим памятником мы достигли исполнения самых гордых надежд и мечтаний.

Никколо Пизано как отец Возрождения итальянской пластики и Микеланджело как завершитель этого периода у нас будут представлены с редкою полнотою.

Весной из Парижа я писал Вам о появлении в Ec[ole] d[es] Beaux Arts только что сделанных во Флоренции и Риме новых форм медичейских гробниц и «Моисея». На днях г. Sadaune, le Chef du Moulage* этой Школы написал мне⁷, что все эти вещи он уже отлил за те самые неимоверно низкие цены, назначенные Школой, о коих я в ту пору писал Вам. Весь Микеланджело достается нам за плату, которая меньше назначавшейся итальянскими формовщиками только за одно из его больших произведений. А мы будем иметь в том числе и большую группу Богоматери с Младенцем из капеллы Медичисов во Флоренции⁸, которую я видел в отливке только в Ecole des Beaux Arts, где она занимает центральное положение в кругу остальных скульптур Микеланджело. В нашем Музее эти отливки займут чуть не половину 2-го зала, отданного Возрождению.

Наш комитетский письмоводитель Дмитриев пишет, что ящики с отливами приходят каждую неделю и что он ради приема их из таможни, ради освидетельствования их чиновниками того учреждения и из-за трудной расстановки ящиков для провизорного** хранения, а равно из-за очень большой переписки по делам Комитета не брал установленного для чинов

* глава гипсолитейной мастерской (фр.).

** временного, предварительного.

Румянцевского музея летнего отпуска⁹. Пришлось ему и руководить перестановкою ящиков с этими громоздкими кладами из одного помещения в другое. Теперь, на время, ему дали Аудиторию; но так как к зиме она опять потребуется для мраморных работ, то он просит себе под эти ящики Читальню и Библиотеку. На месте придется решить, куда передвигать эти клады. Для новых присылок Рерберг указывает подвальный этаж, но нужно будет предварительно обследовать, не сыра ли пока, до топки, эта часть здания. Если бы настлать полы в залах Средневековом и 2 залах Возрождения, тогда большое количество соответственных по содержанию ящиков можно было бы поднять сюда.

599. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 августа

16 августа 1904, Лангакерн

Никакая работа не идет на ум в эти дни геройского мужества наших портартурцев. Живешь только ожиданием почты. Умели немцы устроить, что письма, посылки и газеты разносятся каждый день по деревням, а в селениях и по хуторам вблизи городов и 2 раза в день. Деревенские почтальоны живут у себя дома, и один из них отбывает свой черед до обеда, другой – вечером. Наш ближайший Postbote* встает в 4 часа, пьет дома свой кофе и пускается в обход ящиков околотка; в 6 часов часто слышу я его шаги около нашей гостиницы у нашего ящика; в 10 ч[асов] аккуратно он уже принесит нам почту с ближайшей почтовой станции. И смотреть на такого почтальона приятно: он доволен своей долей; хорошо оплачиваемый (65 марок в месяц и квартирные с обмундировочными деньгами), он в деревне имеет свой дом, 4 хорошей породы коровы, хозяйство. Это не тот сострадание вызывающий пролетарий, каким является русский письмоносец и почтальон, возящий почту: бледный, недоедающий, человек вечной нужды и горя. В Страсбурге я шел порядочный конец с Briefträger'ом**: тот щегольски одет, получает он один из высших окладов – 115 мар[ок] в месяц, квартирные и обмундировочные деньги. Он, конечно, семьянин, и квартира его такой опрятности и комфорта, которых достигнут московские и петербургские почтальоны и телеграфисты разве в очень отдаленное время.

Что-то принесут нынешние депеши? Звание генерал-адъютанта, пожалованное Стесселю, произвело свое впечатление и во враждебной и злорадной к нам Западной Европе. Даже в этих южногерманских, японофильст-

* почтальон (нем.).

** письмоносец (нем.).

вующих, а пуще скалящих на наш счет зубы газетах появились строки удивления перед мужеством защиты Порт-Артура и отвагой распоряжений Стесселя. Еще недавно они высокомерно подготавливали публику к сенсационной вести о нашем поражении, считая открыто падение крепости на этих днях делом «в военных, компетентных сферах» решенным. Но падение под ее укреплениями очень многих тысяч японцев и дух защиты сначала понизили надменность тона газетных оракулов, а в последних №№ начали проскальзывать замечания, что, мол, по приходящим с Востока и возбуждающим доверие известиям, возможно отдаление катастрофы месяца на два.

Виделся я во Фрейбурге с одним профессором университета, человеком серьезным, спокойно следящим за войною и к России благожелательным: состояние нашего Кронштадтского флота и тамошнего управления представляется ему достойным сожаления. Там-де так заметна слабость организации всего дела, что вот уже сколько месяцев Балтийский флот толчется на одном месте и не может выслать эскадры на выручку Порт-Артура. «Тут у вас большая ахиллесова пята, – говорил он, – эти сборы: вот-вот пойдем – возбуждают уверенность, что там уже очень многое и очень важное не готово; если бы вовремя пришла подмога из Кронштадта, ваша Тихоокеанская эскадра не была бы перетоплена и рассеяна, как теперь».

Наше лето, по-видимому, окончилось. За теплыми и светлыми месяцами последовали ветры и дожди. Туманы стоят день и ночь, и в Шварцвальде они настолько густы, что не видно даже ближайших холмов, долин и гор. В такую погоду ходить некуда. Хорошо еще, что места в нашей, совершенно в эту пору пустой, гостинице много. Мне пора бы ехать и в другие города Германии и в Москву; но дела по устройству семьи на зиму не позволяют сделать это раньше, чем [через] 10 дней. Окончивши дела во Фрейбургском соборе, перечитываю нужное для других городов и продолжаю очерк гимназической реформы во Франции. Он, по необходимости, разросся в большую статью для «Журн[ала] Мин[истерства] нар[одного] просвещ[ения]».

Каковы-то будут результаты действующего теперь в Петербурге съезда попечителей округов?¹ Из Москвы мне иронизируют² – за 10-де дней работы он опубликовал в газетах широковещательную программу, зараз решающую судьбы и средней и высшей школы. Сколько правды в этом – не знаю: русских газет я давно уже не вижу. Но надо думать, что не так же легкомысленны и господа попечители и высшие чины Мин[истерст]ва нар[одного] просвещ[ения], чтобы такую важную задачу взяться решить в какие-нибудь 10 – 15 дней. Нужно полагать, что новый министр лишь хочет

определить *modus agendi** на ближайший учебный год, но не принципиально, как норму за целый ряд лет.

Когда-то мы увидимся? В сентябре, бывало, Вы оставались в деревне до переселения всей Вашей семьи в Петербург. После дождливого лета в Москве ждут продолжительной и очень теплой осени: при такой погоде, б[ыть] м[ожет], Вы останетесь в деревне дольше обыкновенного, за половину октября. Если не случится никакой беды, то я, во всяком случае, в 20-х числа сентября к Вашим услугам. Зовет меня скорее в Москву и Роман Иванович³. Работы в Музее, по московским известиям, идут бойко по всей линии. Я просил снять фотографию с колоннады фасада: несколько оттисков видел Дмитриев в конторе, а мне не прислали. Какие милые!

600. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 сентября

22 – 23 августа 1904, Лангакерн

Как тяжело быть в эти горестные для нас дни за границей! Газеты наполнены удручающими известиями о поражении армии Куропаткина¹, и чем более этих подробностей, тем становится тяжелее и обиднее. Сначала читались лишь победные восторги из Токио, хотелось тогда верить в напрасную похвальбу и преувеличения азиатской фантазии. Но ныне я должен был пойти во Фрейбург; здесь, в лесу, не сиделось, хотел узнать из больших газет подтверждений или исправлений вчерашних токийских депеш. И, увы, специальные немецкие корреспонденты изображают наше поражение в таких красках, что в нем уже не может быть никакого сомнения. Куропаткин должен был бросить Ляоян не по стратегическим соображениям, а потому, что оставаться и отстоять свои укрепленные позиции не было для нас никаких возможностей. Удаление было будто бы спешное, беспорядочное в такой мере, что не могли захватить с собой всех орудий и боевого материала, – и японцы нашими же гранатами разгромили-де железнодорожную станцию и воинский поезд, не успевший уехать. Корреспондент «*Münchener Nachrichten*»** пишет, что нашей армии предстоит или быть окруженной, так как на дороге к Мукдену будто бы стоит уже другая японская армия и этот путь считается отрезанным, или укрыться на нейтральную китайскую территорию, где армия должна быть разоружена и... выбыть на все время войны из строя. Это какой-то тяжелый кошмар, а не действительность; это факт, едва ли когда-либо бывалый в военной истории России. Ведь у Куропаткина, считают

* образ действий (*лат.*).

** «Мюнхенского вестника» (*нем.*).

здешние газеты, 205 000 человек. Если предположить даже 20 000 потери в этой ужасной битве, то неужели 185 000 солдат, стянутых в целые полгода с таким невероятным напряжением сил, придется теперь бездействовать? Все новые и новые недоумения и загадки, разъяснить которые могут лишь официальные донесения с театра войны в Петербурге. Без этого здешние данные прямо странны. Все их читают, все верят, все судят. Как невыносимо тяжело быть тут теперь; если не знают твоей национальности, приходится наслушаться таких оскорбительных суждений о нас, нашем беспечном характере и о наших порядках, что становится обидно за невозможность рассеять эти слухи и эту низкую оценку; а если встретишься со знакомыми или знающими, что ты русский, то видишь, как щадят тебя расспросами и разговорами о событиях, теперь занимающих весь мир; видишь, как военный сюжет дебатов и бесед моментально прерывается при твоём появлении. Сейчас в газетах перепечатывается перевод статьи одной китайской газеты на тему: «Warum wird Russland geschlagen?»*. Автор, во многом сравнивая нашу армию и наши внутренние настроения со своими перед японско-китайской войной² и в течение ее, между прочим винит Алексеева в легкомыслии и хвастовстве донесений о Японии и японцах, и нашего бывш[его] посланника в Японии, Розена³, просмотревшего поразительный факт спешного и всестороннего приготовления японцев к войне и вовремя не давшего известий, куда надо.

Я ныне не мог ничего делать, только успел послать назад Дмитриеву несколько документов, которые ему необходимы для очистки дел** по получению пришедших кладей⁴. Он пишет, что на этих днях должны прибыть из Петербурга геркулано-помпейские бронзы. Из этого я заключаю, что они посланы морем; Дмитриев прислал и препроводительный список предметов, лежащих в каждом ящике.

5 сентября

Из него видно, что прислана только часть исполненных бронз, правда, большая и сильнее всякая. Слава Богу, это вековечное приобретение, которое умрет только с самим зданием, а наше здание – одно из самых крепких в Москве, – начинает поступать в кладовые Музея. Аккуратный и умный Дмитриев написал бумагу в Мин[истерст]во фин[ансо]в и с подписью и[сполняющего] д[олжность] ректора Университета отправил это ходатайство

* «Почему русские разбиты?» (нем.).

** То есть чтобы не накапливались дела.

о провозе клади от Петербурга до Москвы по тарифу для казенных вещей. Скидка, пишет он, будет по 2 к[опейки] с пуда; вес всей клади 5000 кило. Дм[итри]ев прислал для просмотра счета транспортной конторы Кузницкого, которые, по совету Правления Университета, следовало бы оплатить до 1 сентября, так как этого числа последует обмен 4% листов Государственной ренты на новые, которые можно будет разменять только с 1 января. Последнее сообщение об обмене, обязательном на 1 сентября на листы-недоτροги на 4 месяца, для меня неясно; но раз Правление дало Комитету такой совет, очевидно, для этого есть свои, кассовые, основания. Впрочем, Дм[итри]ев называет не Государственную ренту, а 4% серии⁵, наименование для меня неизвестное. Денежные знаки так разнообразны, что эта наука и практика о тарифах и сроках купонов мне совсем не даются. Вот бы провалилось то учреждение, которое сделало бы меня казначеем, а вон наш университетский казначей Недешев⁶, не окончивший и риторического класса семинарии, теперь ворочает миллионными суммами и вот уже много лет ведет это дело, не сделавши ни одного просчета.

Бренцингер, владелец цементного завода во Фрейбурге, прислал мне цену отливки балдахинов на статуи портала⁷. Удивительное дело: как Rouzadouх и Трокадеро непостижимо дорог, так Бренцингер чрезвычайно дешев. При необходимости сделать новую гипсовую модель он назначил по 12 марок за экземпляр отлива в гипсе, или за 6 балдахинов 72 марки. За такую цену не взялась бы сделать ни одна скульптурная мастерская. На днях я еще посидел над этими статуями и увидел, что балдахины распадаются по подробностям орнаментации на 2 категории и что оконечности их, растительного вида (*die Kränze-Rosen**), не всегда одинаковы. Пришлось бы сделать для отливов, таким образом, 2 деревянных модели балдахинов и, кажется, 2 или 3 этих шишек. Это обстоятельство заставит Бренцингера несколько повысить стоимость отливов; но все же в общем балдахины будут стоить очень дешево. Они в оригиналах серого цвета с позолоченными деталями. Эту работу исполнит Schilling, к которому скоро от Бренцингера перейдут гипсовые отливки 7 статуй для росписи.

Нет возможности ждать далее. Теперь уже вышли во Фрейбурге и местные газеты и прибыли большие из других городов. Иду туда, нет ли там перевода русских депеш, нет ли известий, хотя сколько-ниб[удь] способных уменьшить ужас вчерашних токийско-немецких телеграмм? Если и наши подтвердят наше сильное поражение, какой стон пронесется по всем концам России и сколько слез прольется всюду.

* крестоцветы, флероны (*нем.*).

601. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 сентября

25 августа 1904, Лангакерн

В этом хаосе подавляющих душу депеш и суждений нет сил разобраться. Тут циркулирует печатное сообщение, что Куропаткин довел до Мукдена только одну треть своей армии, что около 30 000 убитых и раненых на нашей стороне, 25 000 – отряда ген[ерала] Штакельберга¹ отрезаны от целого, другие 18 000 окружены и сложили оружие и т.д. Величина нашего поражения ошеломила даже тех, кто прежде с усмешкою и видимым удовольствием оповещал читателей о наших прежних потерях и несчастиях. Ставится уже и серьезный вопрос, да и вправду, не грозит ли европейскому престижу действительная опасность со стороны желтой расы Азии? Что так сильна военной силой Япония, не знали, как они сознаются теперь, и немцы, обучившие японцев военному искусству. Еще недели 2 назад они ликовали от совершенства своей военной науки и своего переданного японцам воинского уклада, а теперь они же ставят вопрос, что же будет в случае полной победы Японии? И Западной Европе [это] видится фактом общеазиатского подъема против ее колониальных захватов. А в союзнице Японии, в Англии, начинают сознаваться, что Россия, в качестве соседа ее в Азии, куда выгоднее японцев, показавших теперь свои выдающиеся военные дарования и способности побивать врага и своею быстротою, и беззаветным мужеством, осилившим даже всеветно славное мужество русского солдата и офицера. Вчера здешние газеты напечатали сенсационное известие, что в Петербурге, в военном министерстве, не досчитались 300 орудий, которые по плану должны были быть и действовать в Маньчжурии и которые там, однако, не действовали, потому что оказались спокойно лежащими в петербургских складах, забытые при отправке войск на Восток. Но всего не перескажешь, что печатается даже в ограниченном круге мне доступных здесь газет. Каждый день хожу читать их во Фрейбург и оттуда возвращаюсь часам к девяти по темному лесу, где только полоска неба, в эти дни звездного, является указателем извивающихся горных тропинок. Здесь такое благоустройство даже в лесах, что путь по ним не представляется опасным даже в темноте.

На днях дети поступят в пансион, а мы с женою едем сначала в Штутгарт, потом Нюренберг и Бамберг. Вчера еще раз пересмотрели мы с резчиком г. Detlinger[ом] в главном портале собора предметы, подлежащие воспроизведению в дереве или гипсе. Окончательно выбрали и балдахины, которые должны служить резчику моделями, и более характерные вимперги. Балдахинов – 2, вимпергов – 6. Остальные 5 балдахинов по этим моделям

отольет из гипса Брендингер. Раньше я писал Вам о существовании некоторых разновидностей в Kränze-Rosen балдахин, в остальном сходных с другими. Это проверили черта в черту мы еще раз вчера: нюансы тут, как во всех больших и малых произведениях готической архитектуры, так любившей разнообразие в подробностях, действительно есть. Детлингер предложил эти несколько экземпляров вырезать из гипса и их положить на гипсовые отливы балдахин. Такие шишки, при резьбе в гипсе, не будут стоить ничего в остальном ему заказе. Он обещал позаботиться и о клиньях, которыми эти Kränze-Rosen будут входить в тело балдахин. Тогда бы точность воспроизведения изображенных вещей была бы полная. За неимением при себе метра, я измерил четвертями² длину ленты 7 статуй с их архитектурным окружением, вышло 26 четвертей, следовательно, 6½ арш[ина] [4,62 м]. Такое пространство, при больших размерах нашего Средневекового зала, знаменитому собору мы уделить могли бы без труда. И его представители, расписанные, вызолоченные и окрашенные умно в разные цвета, привлекали бы у нас общее и серьезное внимание.

Получил я письмо из Флоренции от профессора скульптуры Carlo Pucci³, которому для резьбы из дерева заказаны кронштейны для Santoria Донателло. Он жалуется, что братья Бонди, исполняющие кузов* этих хор, работают очень медленно и до полного обжига терракоты не могут дать ему точной меры тех мест, куда будут входить его кронштейны. Он недавно был у нашего поставщика флорентинских гипсов – г. Lelli и видел роспись последнего запрестольного образа раб[оты] Andrea della Robbia, исполняемую глухонемым живописцем⁴: «это-де восторг; такое исполнение делает честь художнику». Запрестольных образов у нас будет 3; надобно будет, в свой черед, попросить Р[омана] И[ванови]ча поставить под ними и подобия этих «престолов» для большего впечатления⁵. Один из них можно будет поместить соответственным образом в галерею Христианского стеклянного дворика⁶. Это очень оживит галерею. Р[оман] И[ванови]ч рассчитывает укрепить несколько Дела Роббий и по стенам самого дворика, в качестве ярких декоративных «пятен» этих больших площадей, в некоторое подражание многочисленным гербам на стенах дворика флорентинского Bargello, послужившего Клейну образцом при компоновке этого помещения нашего Музея. Можно будет тогда дать ему большую люнету с картинкой Благовещения из Ospedale degli Innocenti** во Флоренции⁷. Это

*Зд.: корпус.

** Госпиталь Невинных (ит.).

будет такое импозантное художественное пятно, которое остановит внимание каждого. А зал с вещами XV в. будет удивительно богат и без этой люнеты, которую я заказывал именно для дворика.

Сейчас полил дождь; ныне во Фрейбург идти нельзя. Да это, б[ыть] м[ожет], и лучше: иногда бывает полезнее узнавать меньше и держаться дальше от газет. Одного жаль, не увижу я ныне собора, как видел я его все эти дни. Там, под его высокими готическими сводами, ближе к Богу, к его милосердию, ближе к надежде, что беда минует, не покрыв нас позором. Там, среди прекрасных памятников человеческого гения дальних веков, сильнее укрепляется сознание, что делу не поможешь внутренней тревогой, что твой долг в настоящее время – только исполнение твоего гражданского долга. Этот долг мой – знакомиться со средневековыми церквами и их изваяниями. К ним и стремлюсь я теперь в Бамберг и Наумбург. Не знаю, ясно ли в свое время я описал большой портал здешнего собора: он так резко отличается от порталов французских кафедралей. Если Вы не бывали во Фрейбурге, вот карточка с изображением его прославленного мюнстера. Портал проходит сквозь колокольню, и скульптуры занимают все стены этого глубокого помещения. Его сводчатый готический потолок дал возможность все изваяния расписать красками и золотом. Одному из здешних книготорговцев я поручил выслать Вам большой том о соборе со множеством таблиц. Там Вы увидите устройство портала лучше, чем на маленькой карточке.

Только что принесли газеты. Ужасный тон последних дней теперь несколько сбавлен. Главную-де силу Куропаткин увел из Ляояна к Мукдену, генерал Штакельберг с 25 000 отрядом избежал окружения, потерявши один батальон в бою. Более умеренная здешняя газета «Breisgauer Zeitung»*, все время, не переставая писавшая также и благоприятные для России известия, ныне пишет, перечислив разные данные, ослабляющие прежние газетные сообщения: «Unter diesen Umständen kann von einer... gänzlichen Niederlage Kuropatkins nicht mehr gesprochen werden, denn was die Japaner erreicht steht in keinen Verhältniss zu den schweren Opfern, die sie an Menschen leben gebracht haben. Von einem wirklichen Erfolg konnte nur dann die Rede sein, wenn es der japanischen Armee gelingen würde, Kuropatkin zu einer Entscheidungsschlacht zu zwingen»** (№ 209 [, S.] I).

* «Брейсгауская газета» (нем.).

** «При этих обстоятельствах уже нельзя... говорить о полном поражении Куропаткина, так как все, чего достигли японцы, совершенно не соотносимо с понесенными ими тяжелыми жертвами в виде загубленных человеческих жизней. О действительном успехе речь могла бы идти только тогда, когда японским войскам удалось бы принудить Куропаткина к решительному сражению» (нем.).

При таком повороте суждений теряет в настоящую минуту в наших глазах значение прилагательная, только что напечатанная шутка насчет Куропаткина⁸. До ужасного боя под Ляояном она еще могла производить на русского читателя неприятное чувство, а теперь это только шутка, каких будет над нашими слабыми сторонами в заграничной прессе, конечно, много.

602. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10 сентября

28 августа 1904, Лангакерн

Получил я письма от Дмитриева и Романова. Первый¹ жалуется на поляков рабочих, вставляющих железные рамы в Музее. Хотя было им и указано, чтобы в зале, служащем кладовой для гипсов, они не трогали ящиков, но они самовольно нагромодили ящики один на другой, неизвестно как действуя при этой запрещенной им перестановке, и, вероятно, падением железной рамы, весящей чуть ли не 20 пуд[ов] [327,6 кг], проломили крышку одного ящика. Надобно думать, что от удара растрескался заключающийся там гипс. Я пишу Дмитриеву, чтобы он отметил этот ящик особым, ярким знаком и оставил вскрытие его до моего возвращения. Тогда, в присутствии Клейна и Рерберга, он будет вскрыт, и если окажется порча слепка, то я буду просить, чтобы стоимость приобретения его была удержана при расплате с поставщиком оконных рам. При каких обстоятельствах придется нам организовать наши коллекции в Москве! Артельщики московской складочной таможни, вскрывающие клади, – настоящие дикари, способные в одну минуту уничтожить то, что с таким трудом было доставляемо из самых дальних углов Европы, что проехало огромные расстояния и разрушается по прибытии в Москву. Что благополучно минует московскую таможню, тому грозит опасность от возчиков наших транспортных контор на пути от таможни до Музея; здесь новая беда от диких дворников и случайных рабочих, помогающих «сваливать» клади. Всеми это делается крайне грубо, по-мужицки, срыву, неумело, без уважения к нежной природе гипсов: «валяй, тащи, ух!»... Раз я, идя из Университета, напал на сцену этого бессовестного «сваливания» клади – и огорчение мое было так велико, что я на улице ругался пуще околodочного с неисправимыми дворниками. Наконец, бьют наши клади и в самой кладовой Музея; это ни на что не похоже. Да у нас везде неумелость, незнание, небрежность, халатное ко всему отношение.

Дм[итри]ев жалуется, что рабочие Листа растаскали рогожи, которыми он прикрыл ящики с более дорогими и нежными вещами, находящиеся в ма-

1. И.В.Цветаев. 1905 – 1909 гг.

2. Часть панорамы Москвы, отснятой с крыши Музея изящных искусств. 1907 г.
Вид на Румянцевский музей и Кремль

3. Часть панорамы Москвы, снятой с крыши Музея изящных искусств. 1904 г.
Вид на Кремль и Замоскворечье

4. Часть панорамы Москвы, отснятой с крыши Музея изящных искусств. 1904 г.
Вид на церковь Похвалы Богородицы в Башмакове и строящийся
памятник Александру III

5. В.А.Александров. Основной подрядчик
Музея по кирпичным работам.
Нагало 1900-х гг.

6. И.В.Дмитриев, письмоводитель
Комитета по устройству Музея
в 1903 – 1910 гг. *Фрагмент групповой
фотографии 1907 г.*

7. К.Ф.Иезбера, письмоводитель
Комитета по устройству Музея
в 1898 – 1903 гг.
*Фрагмент групповой фотографии
1904 – 1905 гг.*

8. Л.Н.Бенуа. Проект церкви Св. Георгия Победоносца при Гусевских фабриках Ю.С.Нечасва-Мальцова. Главный фасад. 1892 г.
Одна из важнейших построек Нечасва-Мальцова

9. Собор Парижской Богоматери. Западный фасад

10. Собор Парижской
Богоматери. Северный портал
со статуей Богоматери.
Камень.
Около 1250 г.

11. Парфенон. *Картина В.Д.Поленова. Холст, масло. 1911 г.*
(Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина).

Получение сленка угла Парфенона – одна из главных забот
И.В.Цветаева в 1904 – 1905 гг.

12. История искусств. *Панно П.Деларюша. Фрагменты: левая и правая части.*
Холст, масло. 1837 – 1841 гг.
(Париж, Школа изящных искусств)

13. Стекланный дворик парижской Школы изящных искусств.
Фото 2000-х гг.

14. Тот же дворик в начале XX в.

15. Микеланджело. Вечер. Фигура с гробницы Лоренцо Медичи.
Мрамор. 1520 – 1534 гг.
(Флоренция, церковь Сан Лоренцо, капелла Медичи).
Слепок был заказан Цветаевым в парижской Школе изящных искусств

16. Капитель из дворца Артаксеркса II в Сузах.
Фрагмент. Мрамор. V – IV вв. до н.э. (Париж, Лувр)

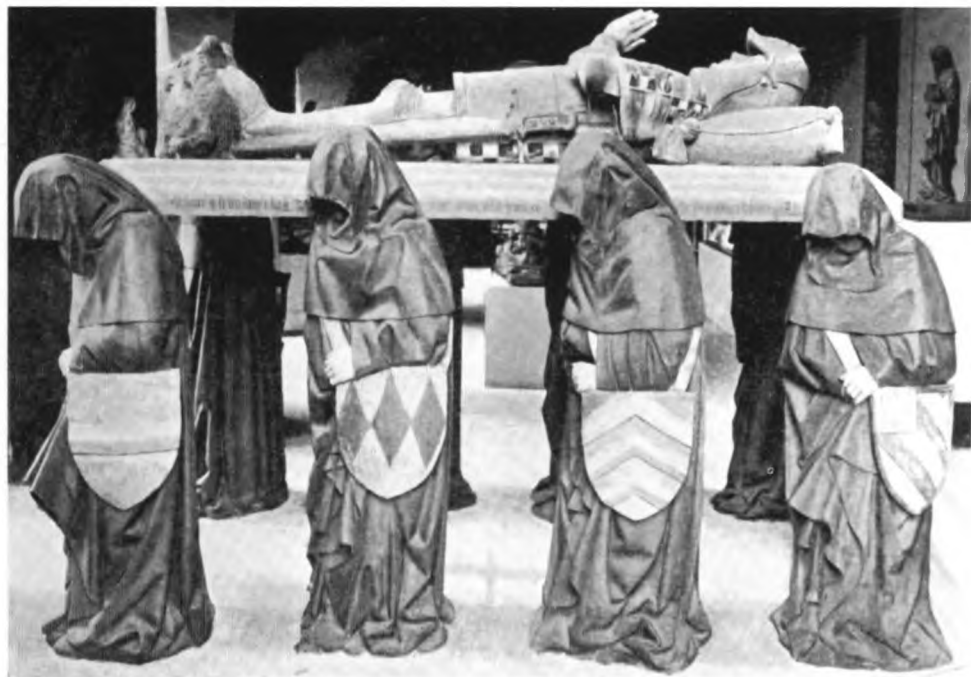
17. Стела Хаммурапи. Базальт.
1792 – 1750 гг. до н.э. (Париж, Лувр)

18. Артемида из Габий. Мрамор.
Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э.
(Париж, Лувр)

19. Афродита из Арля. Мрамор.
Римская копия I в. до н.э. с греческого оригинала
IV в. до н.э. (Париж, Лувр)

20. Филипп Лемуатюрье. Гробница Филиппа По. Камень, раскраска.
Около 1480 г. (Париж, Лувр)

21. Микеланджело. Умирающий раб. Мрамор.
1513 – 1516 гг. (Париж, Лувр)

22. Дворцовая церковь Карла Великого (Ахен, собор)

23. Двери южного портала Аугсбургского собора. Бронза. Не позже 1065 г.

24. Грехопадение.
Рельеф левой створки
Гильдесгеймских дверей.
Бронза. 1015 г.

25. Двери южного портала
Гильдесгеймского собора. Бронза. 1015 г.
Верхняя часть правой створки.
Снизу вверх:
Сретение, Христос перед Пилатом,
Распятие, Жены-мироносицы у Гроба

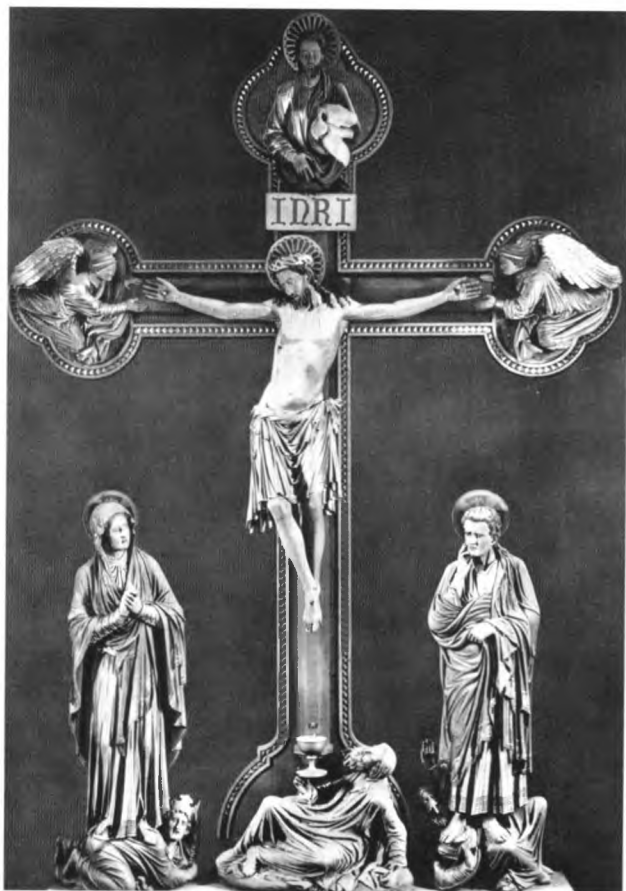
26. Гильдесгеймская колонна.
Фрагмент. Бронза. Около 1015 – 1022 гг.
(Гильдесгейм, собор)

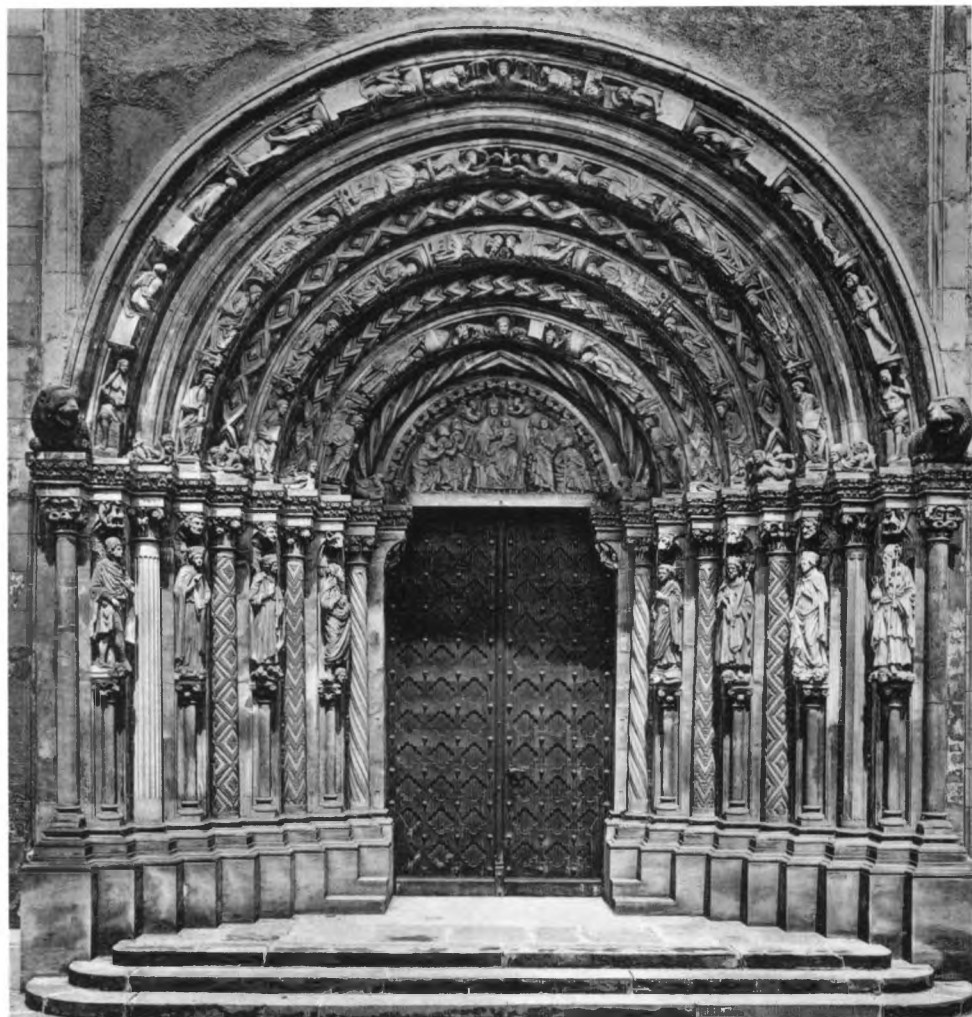
27. Крестильная купель. Бронза.
Около 1240 – 1250 гг. (Гильдесгейм, собор)

28. Канделябры епископа Бернварда.
Бронза. 993 – 1022 гг.
(Гильдесгейм, церковь Св. Магдалины)

29. Распятие.
Дерево, раскраска.
Около 1240 г.
(Вексельбург,
монастырская церковь)

30. «Золотые врата» Фрейбергского собора. Камень. *Около 1235 – 1240 гг.*

31. Шартрский собор. Западный фасад

32. Статуи предков Христа на откосе правых врат Королевского портала.
Камень. 1150-е гг. (Шартр, собор).
Цветасвым приобретены слепки двух правых фигур
с колоннами и багдахинами

33. Предок Христа.
(Ветхозаветная царица?). Фрагмент.
Камень. 1150-е гг. (Шартр, собор)

34. Св. Феодор. Фрагмент.
Камень. 1230 – 1235 гг. (Шартр, собор)

35. Св. Модеста. Фрагмент. Камень.
1220 – 1230 гг. (Шартр, собор)

36. Северный портал Шартрского собора.
Справа – статуя св. Модесты

37. Благословляющий Христос.
Камень. Между 1224 – 1235 гг.
(Амьен, собор)

38. «Золотая Богоматерь».
Камень. Между 1236 – 1269 гг. (Амьен, собор)

39. Реймский собор. Западный фасад

40. Фигуры св. Иосифа, Богоматери с Младенцем и Симеона из сцены «Сретение Камень. 1240-е гг. (Реймс, собор).
Цветаевым приобретен слепок верхней части фигуры Иосифа

41. Богоматерь из сцены «Встреча Марии и Елизаветы». Фрагмент. Камень. *Около 1220 г.* (Реймс, собор). Слепок не был приобретен

42. Служанка из сцены «Сретение». Фрагмент. Камень. *1240-е гг.* (Реймс, собор)

43. Вид Страсбургского собора с запада. *Фото 1900-х гг.*

44. Успение Богоматери. Песчаник. *Около 1230 г.*
(Страсбург, собор, левый тимпан южного портала)

45. Аллегория Церкви.
Песчаник. 1230-е гг. (Страсбург, собор,
южный портал)

46. Аллегория Синагоги.
Песчаник. 1230-е гг. (Страсбург, собор,
южный портал)

47. Статуи Искусителя и Неразумных дев на откосе правого портала западного фасада.
Песчаник. XIII в. (Страсбург, собор).

Цветаевым приобретены слепки первой и третьей фигур

стерских и на проходах. Из наворованных рогож поделаны палатки и навесы для уличных работ. Это тоже гнусно со стороны Листа заставлять свою команду заниматься мародерством, чтобы укрыться от дождя и солнца. Для подрядчика сотня-другая рогожек ничего не стоит, а для нас оставлять ящики без покрытия опасно.

Романов извещает, что много колонн главного фасада уже перекрыты архитравами и что они выходят необыкновенно хороши, «чудной красоты», как говорит он. Далеко-де за лето продвинулась отделка Центрального зала и выделяется среди других по стильности и изяществу. «На меня, – пишет он, – эта отделка произвела самое хорошее впечатление»². Он очень радуется возможности приобретения многих изваяний французской готики, делающей наш Музей в этом отношении после Трокадеро единственным во всей Европе. Насколько я теперь могу судить, он будет одним из самых первых и в отношении немецкой средневековой пластики, представленной лишь в музеях Берлина, Дрездена и Южно-Кенсингтонском в Лондоне. Но для немецких музеев это ведь материал по отечественному искусству, собранный подробно в решительный ущерб [разделам] по искусству соответственных эпох других стран. Французское средневековое ваение в немецких музеях совершенно отсутствует, как образцы немецкого искусства отсутствуют в Трокадеро Парижа. Если там есть несколько изваяний из Страсбургского собора, то, конечно, потому, что он создан был под влиянием французской готики, да и сам город целые столетия принадлежал Франции...

Сейчас у нас идут сборы детей в пансион, разложены ящики, сундуки и чемоданы для устройства жены на зиму и для моего отъезда домой. Приходится ходить каждый день во Фрейбург и по поручениям – за тесемками, пуговицами, мылом, щетками, обувью, из-за шляп и к портнихе. Так, справедливо сказано в Писании: «Оженившись печется о мирских, како угодити жене»*. А угодити на жену нелегко: вон я приволок несколько пар детских ботинок и калош, ан оказалось, «хлюпают» – и на другой день пришлось эту тягу тащить снова. А то поручили мне принести из города Wollenes Band**, столько-то метров, я же выкупил Baumwollenes Band*** и не того цвета – и опять не угодил. Но Вы не были женаты и потому свободны от женских укоров в неисполнении велений этой forse majeure семейного человека.

* Цитата из Нового Завета (1 Кор. 7:33) в церковно-славянском переводе. В русской Синодальной Библии: «женатый заботится о мирском, как угодить жене».

** шерстяную тесьму (нем.).

*** хлопчатобумажную тесьму (нем.).

603. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Штутгарт, 15 сентября

2 сентября 1904, Штутгарт

Какой это красивый и приятный город! Кто вложил эту широту размаха при распланировке и стольких больших частных сооружений и домов? На наше с женой счастье, и день ныне чудесный, город от этого кажется еще приятнее, оживленнее, праздничнее. А этот дивный парк, тянущийся от дворца до Cannstadt¹ на протяжении целых 4 1/2 километра! Этой внешней захватывающей красоте соответствует и богатство города просветительными учреждениями. Akademie der Bildenden Kunst² с ее скульптурным отделением и картинной галереей² и королевская библиотека, заключающая в себе, кроме нескольких сот тысяч книг, также огромное и хорошо расположенное собрание древностей Вюртембергского королевства³, – лучшие показатели высокого просвещения тех, кто положил им начало и помог вылиться в таких и с виду богатых и изящных формах. Здание штутгартской библиотеки – одно из самых красивых и монументальных, какие когда-либо в таком учреждении я видал⁴. В скульптурном отделении Академии обращено особое внимание на подбор гипсов по эпохе Средневековья немецкого и Возрождению. Здесь я нашел несколько образцов, встреченных мною в первый раз, и некоторые из них очень интересны. Я записал места их отливов – и эти сведения могут пригодиться впоследствии. Интересными мне показались здесь изваяния Syrling⁵ в Ульмском соборе из XV ст[олетия]. Здесь же я вспомнил надгробную плиту Friedrich der Weise* – памятника, находящегося в Schlosskirche zu Wittenberg**, раб[оты] Петра Фишера. Впервые видел ее пять лет тому назад, в Дрездене, и тогда она произвела на меня сильное впечатление⁶. Любопытны замеченные мною тут впервые небольшие вещи Riemenschneider⁷, очень рекомендуемые у Бодэ. В библиотеке, в отделении древностей королевства, выставлены теперь известные эллинистические портреты собрания Theodor Graff⁸. Цель выставки – желание найти покупателей даже и в розницу. Обходя один портрет за другим, я припоминал достоинства Ваших приобретений в этом роде⁹ – и теперь смело могу сказать, что оба Ваши портрета высокого достоинства, а один из них может встать в числе самых лучших, вошедших из германского собрания Граффа даже в учебники по истории греческой живописи египетской поры. Цены Графф, или, б[ыть] м[ожет], его наследник, значительно спустил. Кустод выставки набивался нам с женою, чтобы мы купили хотя один № за 500 мар[ок], указывая при этом на очень хо-

* Фридриха Мудрого (нем.).

** замковой церкви в Виттенберге (нем.).

роший экземпляр. Если дошло уже до таких цен, удивительно, как не купил этого собрания Jacobsen¹⁰ в Копенгагене или Ротшильд¹¹ в Париже. Кое-что из коллекции уже ушло в Америку. Я очень доволен, что случай привел меня в Штутгарт теперь, когда это собрание здесь; до сей поры я его не выдывал. Оно занимает две стены значительной по размерам комнаты. Нашел я тут и старых, известных из книг знакомцев. Что касается до остального в этом отделении библиотеки, то эти древности имеют местный интерес. Наши же материалы в Нюрнберге, Бамберге, Наумбурге.

604. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Нюрнберг 17 сентября

4 сентября 1904, Нюрнберг

Посылаю Вам весточку, только что побывавши в Sebaldus-Kirche подле знаменитого создания Peter Vischer'a. Вы в прошлом году были в заседании нашего Комитета, когда шла речь, чем представить в Музее этого великого нюрнбергца XVI в., единственным лицом, которое указало на лучшее создание его, на этот Sebaldus Grab; маленькое изображение его я Вам здесь посылаю. Собрание хором согласилось с Вами – и вот это произведение, отлично отлитое Rotermund'ом, в 1-й раз переступило границу России. Таких отливов в целом виде немного в мире. Во Франции его нет, в Англии – в Южно-Кенсингтонском музее да, м[ожет] б[ыть], в Дублине, в Германии только в Берлине и Дрездене. Нам надо хорошо поместить его, чтобы дивное богатство скульптурной фантазии художника было видно со всех сторон¹. Rotermund'ом исполнены для нас главнейшие горельефы Adam Kraft'a и Veit Stoss'a. Я своевременно представил Вам в Комитете очень немногие, но лучшие по месту в истории немецкой пластики. Хотя тогда же разрешено было приобрести отлив гробницы императора Максимилиана, раб[оты] Петра Фишера (Инсбрук), но после я рассчитал, что она очень крупна, и потому ограничился только 2 статуями, лучшими на этом сложном памятнике². Лучше приобрести чудесную вещь в том же погребальном роде, плиту с памятником Friedrich der Weise, виденную мною вчера в Штутгарте, в Acad. d. Bildenden Kunste. Какая это импозантная работа того же Петра Фишера!

605. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Нюрнберг 18 сентября

5 сентября 1904, Нюрнберг

В прошлом году бывши здесь, я подавлен был избытком памятников скульптуры XV и XVI ст[олетий] в церквах, на площадях, на стенах частных домов и в этом колоссальном, превосходящем своим разнообразием и

обширностью помещения все другие хранилища древности и искусства Germanisches Museum*. Приехавши сюда прямо из Италии после занятий там классическим искусством и эпохой Возрождения, я попал совершенно в иной мир – мир немецкого реализма, к которому я не был подготовлен. Пробывши тут несколько дней, исходивши церкви и город, побывавши несколько раз в музее, я вынес убеждение, что нужно для приобретений лучших образцов ваяний нюрнбергской школы ранее ознакомиться с лучшими сочинениями и руководствами по истории немецкой пластики и что одного непосредственного впечатления тут недостаточно. Эту задачу я исполнил в Москве с помощью книги Bode. Gesch[ichte] d[er] deutschen Plastik и общих руководств по истории искусств. Теперь действие произведений Адама Крафта, Вейта Стосса и Петра Фишера, в таком числе рассеянных по Нюрнбергу, было совершенно иное. Я в оригиналах уже находил черты, известные из теоретических соображений, фотографий и рисунков. Непосредственное знакомство с памятниками лишь пополняло, оживляло и укрепляло прежде добытые представления. У нас будет и Нюрнбергская Мадонна, представляющая очевидный остаток большой группы Распятия, и повторение того же лица Мадонны в группе Pietà здешней Jacobskirche¹, будут 2 плиты горельефов из Страстей Господних, так назыв[аемых] Stationen** Адама Крафта². В прошлый раз, за множеством других памятников, оригиналов этой серии я не видал; ныне мы с женою приняли особое пешее пилигримство по всему этому пути к кладбищу, и тут по правой стороне дороги, на определенном расстоянии, одну за другой мы рассмотрели все сцены. От действия стихий горельефы оберегаются особыми каменными рамами. Под каждой сценой надпись. За городом они стоят на столбах, в городе же вделаны эти скульптурные плиты в стены домов, так что, идя по той же стороне, легко не заметить их. Это и было с нами, поэтому нам пришлось вернуться и снова проделать путь до выхода в город. У Ротермундта, нашего комиссионера, из этой серии изображена только одна сцена, к сожалению, не самая лучшая; таковою считается Обращение Спасителя к дочерям Иерусалима. Плита, как и другие этой категории, небольшая: ее я буду просить Вашего разрешения заказать сформовать для нас специально. И Спаситель и группа плачущих женщин здесь прекрасны – сцена полна захватывающего драматизма.

Величественный Sebaldus Grab в Sebaldus Kirche окружен, по случаю ремонта церкви, тесовым щитом и закрыт сверху. Видно его очень мало; но,

* Германского музея (нем.).

** остановок, этапов (нем.).

несмотря на пыль и строительные работы, церковное управление взимает плату за вход, подобно другим нюрнбергским церквям. Наш отлив сделан прекрасно, по свежим формам. Техника сборки этого очень сложного памятника облегчается цифрами разных красок, и при том одна часть входит в другую клиньями, частью металлическими, частью гипсовыми. Ротермундт уверяет, что собрать и архитектуру, и многочисленные скульптуры не составит опытному формовщику никакого труда.

Что за чудо этот Germanisches Museum! Сколько любви, знания и средств положено на собирание и на эту удивительную организацию такого колоссального учреждения! Это – лучший памятник организаторского таланта немцев и их патриотизма. Древненемецкая жизнь встает перед нами здесь как живая во стольких сторонах и проявлениях. Чего только не снесено сюда из былых времен! Только нет тех людей, которые создали эти формы и эти предметы быта. Как-то особенно трогательно действуют эти избы со всей обстановкою и будничной и праздничной, до самых мелочей сохранившейся после их хозяев, навеки ушедших в иной мир, откуда нет возврата. Целы шляпа, кафтан, трубочка, колпак, книга, доселе раскрытая, и очки, лежащие на ней: только нет старого шваба, который тут сидел и жил. Сохранилась кухня со всей ее утварью, только нет той Hausfrau*, которая несколько столетий назад тихо царила тут. И какое богатство в других частях этого монастыря-музея³ памятниками монументального искусства! Я очень счастлив, что Вы и Комитет разрешили в одном из последних заседаний приобретение нескольких лучших вещей, украшающих нюрнбергскую школу ваяния.

606. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Бамберг 19 сентября

6 сентября 1904, Бамберг

Каким ключом било строительное и скульптурное искусство во Франции и Германии XIII в., этой удивительной эпохе возникновения стольких колоссальных и разукрашенных статуями храмов! Города один перед другим соревновались в возведении соборов, больших, величественных по форме и пышных по убранству резьбою и изваяниями. Какою силою художественной фантазии и математического расчета обладали многочисленные зодчие, поднимавшие эти сооружения, которым и теперь дивится мир! И еще говорят, что Средние века были временем варварства в Европе. Варварские деяния одних не мешали полетам творчества художников и снесению и

* хозяйки дома (нем.).

представителями власти, и частными лицами, и массою населения колоссальных средств на эти и доселе славящиеся на весь мир готические церкви. И украшались такими дивными сооружениями города далеко не первостепенного политического значения.

Эти мысли пришли мне невольно на ум, когда мы поднимались на холм, несущий на себе величественный собор Бамберга, это величавое создание романского [и] готического стиля. Здесь впервые я встретил все четыре, до конца доведенные колокольни. И это число в ряду виденных мною в Западной Европе соборов было первым случаем, и это счастье строителей – сразу довести колокольни до задуманного завершения – было редким. Во Франции они обыкновенно неокончены, или это было сделано впоследствии, Германия была счастливее, избравши ажурную форму для шпицов, – и Бамберг стоит во главе немецких церквей, поставивши и без этой формы целых четыре колокольни. Для меня был здесь первый случай увидеть собор с двумя хорами*, восточным и западным.

Когда мы вошли внутрь, совершалась обедня, молящихся было много – и потому мы вынуждены были сначала ограничиться лишь общим видом храма и расположения его главнейших частей. К нашему огорчению, одна месса сменилась другою сейчас же, когда расхаживать по церкви и рассматривать близко памятники искусств запрещается. Нам пришлось выдти и ограничиться пока наружными украшениями, главным образом, двумя портиками собора и их прославленными статуями.

Было очень ветрено на холме, и воздух еще не нагрелся от морозной ночи. Положение рассматривания скульптур, защищаясь от срывания шляп и запахивая не больно плотные одежды, было не из удобных. Жена ворчала, зачем меня занесло в такую стужу на гору и что ничего красивого нет ни в Кунигунде, ни в ее супруге императоре Генрихе II, ни в Еве, ни в Адаме¹. Я, хотя и старался ее наставить на путь истины, указывая, что нельзя же на художественные произведения XIII в. смотреть с нашей современной точки зрения, но в эту действительно неприятную погоду я так и не убедил ее, может быть, и потому, что ораторствовать на открытом крыльце при сильном ветре с успехом было затруднительно. Не сдавшись на мои доводы, она ушла вниз, где не так ветрено, и там отогрелась в писчебумажном магазине. Я же тем временем осмотрел и другой, северный, портик со статуями Синагоги и Церкви². Синагога считается в истории искусства выше всех других тождественных изваяний не только в Германии, но и вообще в западном искусстве. Она выше по простоте и своей знаменитой страсбургской сестры.

* Хор – зд.: отгороженная алтарная часть церкви.

Высоко ценится и статуя Церкви, но она без рук и атрибута, креста. Интересен археологически в том же портике и романский тимпан с изображением Страшного суда. С названных порталов я предложил бы приобрести Синагогу; что же касается Хр[истианской] Церкви, то, по ее фрагментальности, м[ожет] б[ыть], было бы целесообразнее ограничиться только ее бюстом. Лицо сохранилось прекрасно. Затем необходимы Генрих II, Кунигунда и Ева. Романов просит и Адама³, но, ввиду того, что придется приобретать все лучшие, занимающие такое видное место в истории немецкой скульптуры изваяния, которые находятся внутри церкви, можно будет обойтись без кавалера для Евы. Его не отлил и Берлинский музей, откуда мы должны будем получать наши слепки.

Тем временем служба кончилась, жена возвратилась, накупивши карточек с видами скульптур собора, – и мы теперь могли спокойно и удобно рассматривать оригиналы изваяний, ранее того известных мне из книг и фотографий. К древнему времени, ок[оло] 1200 г., принадлежат рельефные изображения Пророков и Апостолов, представленных попарно в оживленной беседе. Они украшают собою наружную сторону стенки хора св. Георгия (Georgen-Chor)⁴. Формы еще далеко несвободные, но немецкий натурализм уже дает себя знать в значительной степени. Одна из этих плит отлита для Берлина – и мы иметь ее будем, стоит она 100 марок⁵. Другие сцены можно представить хорошей фотографией. Из статуй неизбежны – две [статуи] Благовещения, [и] знаменитая Сивилла, по одним [мнениям], или св. Анна, по другим⁶. Только смущает меня ее попорченный нос. Из-за этого дефекта посетители Музея не оценят этой статуи и станут, отвертываясь, обходить ее. Во избежание этого, не попросить ли в Берлине Боде о реставрации носа?⁷ Тогда этот памятник получит все свое значение в глазах публики, а для гг. археологов, которым, конечно, любезнее безносое лицо, можно будет иметь бюст ее с сохранением излома носовой линии. Необходимо будет приобрести отсюда и конную статую императора Конрада III, прикрепленную здесь к одному из столбов (250 мар[ок])⁸. Все эти вещи классические для XIII в. немецкой пластики. Интересно будет у нас разместить немецкие изваяния vis-à-vis* их французских собратий тех же Средних веков⁹. Тогда выяснятся перед зрителем различия художественного гения обоих народов, работавших в одном и том же роде в одинаковое время.

В Бамбергском соборе, по середине центрального нефа, стоит замечательный надгробный памятник Генриха II и Кунигунды, высеченный из мрамора Riemenschneider'ом в характере своего времени (XV в.). Это изваяние

* напротив (*фр.*).

считается перлом немецкого Возрождения и лучшим из многочисленных произведений названного художника. И две лежащие фигуры на верхней плите и боковые рельефы были в свое время вызолочены. Этим, вероятно, и объясняется, что формовщики, присланные сюда из Берлинского музея, не сделали слепка с этого памятника. Я по лесенке поднимался, чтобы посмотреть на лежащие фигуры сверху¹⁰. Там позолота исчезла, так что с этой стороны не представилось бы препятствий к получению отлива, если только капитул собора, ведающий его художественные сокровища, не воспротивится вообще приближению формовщиков к этому памятнику. Роттермундт в Нюрнберге, хотя и с уверенностью говорил мне, что ему в Бамберге все разрешат скопировать, но я что-то плохо этому верю. Берлинский музей, если было бы можно, конечно, сформовал для себя и для продажи другим, раз он уже посылал сюда своих рабочих. Ныне выедем в Наумбург. Получили ли Вы чудесную книгу о Фрейбургском соборе?

607. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Наумбург 20 сентября

7 сентября 1904, Наумбург

От одного знаменитого старого собора мы переехали к другому. И он имеет также четыре высокие колокольни, две из них романского стиля и две готического; у него также два возвышающиеся над нефом обширные хора. Поставлен собор на ровном месте, и потому он не доминирует в такой степени над городом, как поражает в Бамберге. Сокровища скульптуры, ради которых я здесь, находятся здесь не снаружи, но внутри церкви, в западном его хоре. Прежде всего останавливает здесь внимание т[ак] н[азываемый] Lettner¹ с весьма для XIII в. живыми сценами Страстей Господних, высеченными из камня и в свое время густо расписанными. Тайная вечеря, Поцелуй Иуды, Петр, отсекающий ухо Малху, пользуются в истории пластики большою славою. Под Lettner'ом большая группа Распятия. Но главнейшие скульптуры, так высоко поднимающие значение Наумбургского собора, внутри хора, за этою стенкой. Здесь по стенам на кронштейнах стоит целый ряд портретных изображений тюрингских князей (Fürste) и княгинь, благотворителей этого собора, благодаря щедрости которых стало возможным его возникновение и столь блистательное завершение. Статуи носят и доселе следы раскраски, которую, равно как и на Lettner'е, в новейшие века замазали белилами. Возвращение им прежнего вида последовало только недавно, при реставрационных работах. Скульптуры Наумбургского собора были известны по рисункам и фотографиям; слепков с них не было или почти не было (есть пара их в Альбертинуме, но очень старые и плохие).

Только года 1½ назад Император Вильгельм II возымел мысль отлить все главные изваяния – для кого бы Вы думали? хоть ночей не спите и сколько не придумайте решений, не отгадаете. Германский Император принес все эти первые отливы городу Бостону и его университетскому музею. Когда ныне мне рассказывал об этом церковный кустод, я нашел в этом подтверждение того, что говорили мне в Италии в прошлом году формовщики Lelli во Флоренции и De Ricco в Сиене: им от имени Вильгельма II были делаемы заказы на большие и импозантно действующие вещи из эпохи Ренессанса – и после эти отливы были посылаемы в Америку в дар тамошним музеям. Простому смертному трудно угадать мотивы этой царственной щедрости в отношении янки, из коих немало таких, которые богаче немецкого Императора. Почему эти дары итальянской и немецкой скульптуры направляются Вильгельмом в страну архимиллионеров? Кто на это удовлетворительно ответит? Да ведь такому дару были бы рады-радехоньки не только Альбертинум, но и соседний с императорским и королевским Schloss'ом в Берлине Königlich Museum zu Berlin*. Во всяком случае, я был так рад этой новости о недавно сделанных отливах, что сейчас же пошел в гостиницу за женой и привел ее в церковь. Мы долго оставались тут, всматриваясь в каждую статую и устанавливая те из них, которые желательно было бы приобрести в отливах. Последние я надеюсь найти в Берлине, в Königl. Gipsformerei**. Не для одного же Бостона работали берлинские формовщики здесь более 6 месяцев, как нам сказал служитель. Это большая и приятная новость, о которой в печати нет слов. Официальный каталог вышеназванной Gipsformerei, вышедший в 1902 году, этих скульптур не имеет. Мы могли бы получить, таким образом, второй, самый свежий отлив избранных изваяний. Из Берлина напишу Вам, что узнаю об этом.

608. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 сентября Дрезден

10 сентября 1904, Дрезден

Описывая пребывание в Нюренберге, Бамберге и Наумбурге в другом месте¹, спешу известить Вас о визите моем здесь к Армбрустеру. К нему я отправился раньше всего, хорошо памятуя, как Вы целую прошлую зиму пеньяли мне, как я, возвращаясь прошлым летом из Италии через Вену, не заехал в Дрезден и не повидал тут работ Armbruster'a. Тогда я вез с собою больную дочь², которая к тому же хромала, и потому выходы из поезда с нею

* Королевский музей в Берлине (нем.).

** Королевская формовочная мастерская (нем.).

были соединены с большими неудобствами. Зато теперь я поставил первым делом осмотреть работы Армбрустера для нашего Музея и познакомиться с самим художником. Инспектор Альбертинума г. Kühnert³ дал мне адреса не только его квартиры на Berg Strasse* и его главной мастерской на Münchener Strasse**, где исполняется большинство плит нашего фриза, но и скульпторов в камне – специалистов: г. Шварца на Camelin Str.***, № 1, и г. Пича (Pietsch) на Gabelsberg****, 3, – его помощников⁴. Я на трамке поехал на Münchener Str. в главную ателье и, к удовольствию, нашел там не только все работы в полном ходу, но и самого Армбрустера, окончательно проходившего своим резцом одну, подготовленную другими, из очередных плит, и его товарищей, привезших ему высеченные ими части фриза. Я, таким образом, мог сразу осмотреть 13 плит из 15, составляющих первую половину фриза Парфенона, правую от зрителя, осматривающего нашу колоннаду. Я внимательно прошел одну плиту за другою и могу по совести засвидетельствовать перед Вами, ранее меня бывшего здесь, как превосходное исполнение в мраморе мастерски скомпонованного и совершенно в стиле Фидиева века восстановленного в по[тер]янных частях этого фриза, так и отличное свойство тирольского белого мрамора. Армбрустер совершенно спокойно утверждает, что в Германии этот сорт мрамора испытали многими веками на самом севере и что более крепкой породы этого камня в Европе не существует. Он говорит, конечно, только о мраморах, пригодных для скульптуры; потому что я уверен, уральский наш мрамор плотнее тирольского, но этот сорт крупно-зернистый и имеет все достоинства только для строительных целей. Нигде в мире в такой мере и в таком материале не был воспроизводим в Новые времена фриз Парфенона; это предприятие, колоссальное по замыслу и материальной стоимости, является исключительно Вашим личным делом. Эта честь безраздельно принадлежит Вам! Восстановление голов сделано по ученым указаниям Трея художником-археологом Кюнертотом со всем знанием дела исключительно специального, требовавшего больших поисков во всем художественном и археологическом иконографическом материале Фидиева века. В этом пункте, т.е. в вопросе восстановления потерянных частей и превосходной компоновки, мне представляется, мы еще в неоплаченном долгу перед Kühnert'ом. Ему обещано 1000 руб. за археологический контроль над работами Армбрустера, но самый проект фриза остался неоцененным материально. В свой черед Ваше

* Бергштрассе (нем.).

** Мюнхенерштрассе (нем.).

*** Камелинштрассе (нем.).

**** Габельсберг (нем.).

обычное великодушие подскажет, чем наградить трудолюбие и знание скромного инспектора Альбертинума. Эта симпатичная скромность является антиподом нахальства и проницательности еврея Бернштейна, надоевшего даже П.В.Жуковскому, его покровителю и адвокату. Кюнерт ездил в Тироль на ломки мрамора и убедился, что поставщик не виноват: 1) больших плит долго не могли найти и 2) вообще работы, с появлением в породе белого мрамора целого толстого пласта серого цвета, который только постепенно переходил в белый, должны были крайне замедлиться. Судебный процесс, начатый Армбрустером против подрядчика, кончился присуждением ему права осмотреть все склады готового камня; осмотр был сделан самый внимательный и... Армбрустер нашел всего 2 годных по размерам плиты и взял их себе. Теперь весь камень выломан, последние 2 недостающие плиты для 2-й половины фриза придут через 2 недели сюда. Последние 2 плиты 1-й половины, находящиеся в работе, будут окончены через месяц, т.е. около нашего 10 октября. Из 2-й половины фриза 1 плита совершенно окончена, 4 – в работе скульптурной и 7 – оболваниваются. Армбрустер] собирает весь фриз послать зараз и сам приехать в Москву.

609. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

24 сент. Фрейберг в Саксонии

11 сентября 1904, Фрейберг

Только что осмотрел здешний собор и его знаменитую Goldene Pforte, единственный остаток прежнего романского сооружения XIII в. Нынешний собор – готический и идет из XV в. Сохранность «Золотых Врат» удивительная, несмотря на частые пожары собора. От прежней позолоты и раскраски изваяний нет заметных следов. Цвет камня тот же, что и коломенского песчаника, так что легко после придать ослепительному гипсу нашего гипсового отлива зеленовато-желтый тон. Сердечно Вас приветствую. Завтра еду в Берлин. Там дела на неделю. 22 нашего сентября надеюсь быть в Москве.

610. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 сентября Дрезден

12 сентября 1904, Дрезден

Прочитавши восторженное описание украшения мраморами, живописью и скульптурными композициями парадной лестницы (Treppehaus) Альбертинума, я прежде всего отправился в это царство Е.Е.Трея и, поместившись на средней площадке, весь отдался рассмотриванию этих действительно пышных декораций. Читал я об этом видоизменении прежней скромной

лестничной клетки с хорошо, в помпейском вкусе, окрашенными стенами еще в Москве минувшей зимой¹, поэтому подробностей не помнил. Надеюсь на собственную мудрость, я думал было угадать содержание картин и скульптур сам; но не тут-то было. Какой-то голый индивидуум опирается коленом на черную голову, смотрел я, смотрел – и отгадать загадки не мог. После, когда купил я книжку Dr. Herrmann'a², заключающую описание этой лестницы, я узнал, что голый мужчина – Прометей, а черная голова – это его мать³. Не сразу мог я узнать в левом горельефе наверху лестницы Персей и Медузу⁴: так своеобразно выражен этот миф. Дам Макса Клингера⁵ с его символикой поймешь, только очень подумавши, а скорее взявши продиктованное им же самим печатное объяснение. Не знаю, какое впечатление произвел на Вас мрамор, употребленный здесь на облицовку стен⁶. Мне показался он чрезмерно пестрым, а это постоянное соединение красных и белых жил невольно наводит на мысль о копченой колбасе. Уж очень пестро и беспокойно для глаза; рисунок жил постоянно, с каждой плитой, меняется; швы расшиты очень широко и оттенены серым цветом: это еще более усиливает впечатление пестроты. После я повел сюда одного, встреченного случайно, знакомого из Киева⁷ и попросил его высказать свое мнение. И ему оказались совершенно непонятными ни скульптуры, ни живопись, хотя последняя на плафоне и на стене с прикованным к стене Кроносом и Парками⁸ несравненно яснее скульптур; и ему стены с мраморами представились необычайно пестрыми и беспокойно действующими на глаз. В залах я встретил между гипсами всё старых добрых знакомых, по которым мы с женою осенью 1895 г. составляли идеальный план будущего музея. Тогда я занимался только античной скульптурой, Средние века и эпоха Возрождения были от меня еще слишком далеки. Только по данным других музеев, Берлинского и Альбертинума, отвел я этим временам значительное место.

Позднее, когда мои ознакомления с историей скульптуры шли дальше, я бы[ло] предложил оставить большой зал, а то так и два значительные зала на ваяния и Новых времен: тогда Музей представил бы картину развития этого искусства начиная с Египта и кончая XIX в. Но, быть может, наши преемники сделают это и при настоящем распределении зал, отведя под новую скульптуру залы Антиквария и Библиотеки, которые, как я теперь вижу, у нас планированы чрезмерно широко. Предметы древности удобно могут располагаться в витринах, в остальных, соответственных по характеру, залах, как это провел в Альбертинуме Трей. Здесь особого помещения для антиквария нет, и, по-видимому, это нововведение сделано к пользе музея: предметы древнего быта и художественной промышленности оживляют скульптуру, да и посетитель, рассматривая их в связи с современной им

скульптурой, выносит более ценное представление об этом; предметы, рассеянные по разным местам, будут обозреваться внимательнее, в обстановке, им подобающей, чем это бывает, когда их много и разного характера и различных времен сучено в одном помещении. Что касается нашего зала, то я боюсь, не будет ли он, выходя окнами на колоннаду, темен для мелких вещей и монет. Библиотеке у нас отведены теперь два зала. Как исключительно историко-художественная библиотека, она не может быть очень обширна. Для нее на длинный ряд лет помещения достаточно в так назыв[аемой] Читальне, по стенам Аудитории, в подвальном этаже под Читальной и теперешним Библиотечным залом. Если книжное имущество составлять с выбором и умением, то и в столетие не используешь указанного здесь помещения. Поэтому наши преемники не должны сетовать на нас, что им не оставлено места для расширения музейских коллекций: ни предметы Антиквария, ни книжные шкафы их в свою пору не затруднят – и нынешним помещением этих двух учреждений они могут воспользоваться для избранных образцов скульптуры Новых времен.

В Альбертинуме, в зале греческой архаики, я встретил только что полученную голову микенского быка. Жильерон⁹, очевидно, исправил свои отношения к Каввадии¹⁰, и этот ему позволил окончить этот интереснейший предмет. Надобно приобрести для Вашей коллекции микенских золотых и серебряных вещей этот Kleinod и нам. Исполняются эти вещи где-то в Южной Германии, адрес гальванопластического заведения у нас в Музее есть. Быть может, могли бы прислать нам ее к годовичному заседанию.

Знакомая Вам художница-датчанка¹¹, занимавшаяся в Афинах копированием цветных скульптур Акрополя¹², приготовила еще одну небольшую цветную статуя женщины и при том с таким выдающимся успехом, что я видел эту копию и в Лувре, и, кажется, в Лейпциге, в университетском музее, где мы с женою были на днях, и здесь в Альбертинуме, заключившем ее в особый стеклянный футляр для охранения от пыли.

В отделе скульптуры римских времен на этот раз я обратил внимание особливо пристальное или, говоря проще, меня здесь поразил так назыв[аемый] Hildesheimes Silberfunde* с этой массой предметов домашней серебряной и частью вызолоченной посуды, так сильно напоминающей собою серебряный клад Voscogale в окрестностях Помпей, виденный мною в мае в Лувре. Здесь, конечно, гальванопластические копии этих дивных вещей; исполняются они у Humbert und Heyland** в Берлине, где находится и самый клад¹³.

* Гильдесгеймский серебряный клад (нем.).

** Хумберта и Хейланда (нем.).

С Треем мы разговаривали об отливах за счет Вильгельма II наумбургских статуй и других скульптур тамошнего собора. И он не понимает, кто внушил императору эту мысль обогащать музей бостонского университета, но он радуется, что таким образом можно будет и Альбертинуму и нам получить свежие отливы в Берлине за дешевую цену. Формы, по его убеждению, сохранены и составляют собственность тамошней Königliche Gipsformerei.

Сам Трей отправил своих формовщиков в Wechselburg* для работ над тамошними изваяниями. Исполняемые там отливы появятся в первый раз. Для музеев христианской скульптуры они драгоценны как лучшие образцы «переходной эпохи от романского стиля к готическому» (Übergangstil**) в Германии¹⁴.

Бамбергский ветер и холод раннего утра не прошли даром жене. В Лейпциге¹⁵ она почувствовала простуду, а здесь на другой день по приезде не могла уже выдти из гостиницы. Теперь вот уже пятый день, как она лежит, кашляя целыми часами. Дрезден, который она так любит, совсем пропадет для нее. Не побывала она ни в Альбертинуме, ни у Треев¹⁶. Ныне ей лучше, но не настолько, чтобы ходить по улицам и музеям. Завтра надо выезжать. О свидании с Армбрустером и виденных мною у него работ я писал Вам в отдельном письме. Исполнение фриза, как и сами знаете, чудное.

611. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Берлин, 29 сентября

16 – 22 сентября 1904, Берлин – Москва

Погода все это время стоит настоящая летняя. Солнце светит целый день, только утром бывают туманы. Здоровье жены поправилось, и мы ходим по Берлину, точно почталыоны. Живем мы у Kurfürstenbrücke против Schloss***, окно нашей комнаты выходит на Spree и на то крыльцо, к которому причаливает катер, привозящий императора из Потсдама в Берлин¹. При нас случая этого приезда не было: но хозяин гостиницы говорит, что это любимый путь императора из Потсдама. Как далеко продвинулись работы по отделке и оборудованию Friedrichs Museum'a! В мае тут шла штукатурка стен и настилка полов, везде была грязь; скульптуры, вынесенные из Старого музея, укладывались на полу в беспорядке. Картин еще не переносили. А теперь уже идет развеска картинной галереи в верхнем этаже,

* Вексельбург (нем.).

** переходный стиль (нем.).

*** моста Курфюрстов... замка (нем.).

скульптура же в нижнем этаже вся на своих местах, отлично распределенная по залам в историческом порядке. В челе этого отдела стоит импозантная апсида, купленная еще дедом нынешнего императора в Равенне. Мозаика эта позднее всех там сохранившихся, достоинством она далеко уступает тем; но все же это – оригинал, который немецкие археологические рыболовы сумели выудить из Италии, подобно множеству других памятников искусства, снесенному в музеи Берлина. Мне лично жаль, когда таким образом лишается своего давнего достояния тот или другой город или селение Италии; но против фактов спорить трудно. И ныне очень многое уплывает отсюда за Альпы и в Америку, и ныне ограбляются там захолустные церкви, не говоря о частной собственности. Один Боде сколько натаскал в этот музей чудесных вещей по христианскому искусству; он, кроме того, создал многих учеников, которые, помогая ему в организации нового музея, сами ездят по Италии и высматривают, что где плохо лежит. В прошлом году во Флоренции я встретил молодого человека, г. Бомбэ², ученика Боде, который много путешествовал и изучал страну. Мы условились с ним увидеться этой осенью в Берлине. По данному мне им адресу старался я разыскать его – и что же? Оказывается, что его отправили туда еще на год – в интересах музея Фридриха. Так систематически, последовательно и с неизменной настойчивостью ведется немцами всякое начатое дело. В новом музее кипит работа по всем линиям; многое еще доделывается и по строительной и по декоративной части. Император Вильгельм выразил волю открыть его со всею торжественностью 18 октября – и теперь администрация королевских музеев, с Schöne³ во главе, делает последние усилия, чтобы приготовить залы к открытию⁴. Часть надсмотрщиков за развескою картин, наполнением витрин, размещением скульптур взята сюда из других музеев. Служебный персонал рассеян по всем залам и отделениям. Строительные и декоративные работы имеют массу рабочих, десятников и мастеров. Боде, издавна страдающий подагрой, опасно болен; я был у него в Шарлоттенбурге, где у него очень богатый дом – особняк с большою землей, наполненный решительными драгоценностями искусства, начинающимися в форме исторической мебели уже в передней. Это, очевидно, человек очень богатый. В мае в музее он приглашал меня навестить его на моем обратном пути. Dr. Friedländer⁵ вчера сказал мне, что летом он вспоминал меня и что он получил посланную ему мною фотографию Мадонны, на мраморе, купленной генералом Цеймерном за работу Донателло у молодого Казебу⁶, который приобрел этот рельеф в Падуе у одного антиквария. Этот «Донателло» оказался не подлежащей сомнению фальсификацией, как сообщил мне Фрилендер, с которым Боде исследовал вопрос вместе. Он же сказал мне, что

Боде хотя и не встает с постели, но, б[ыть] м[ожет], меня примет. При таких условиях ехать к нему не хотелось; но раз Фридендер сам заговорил о моем визите, не сделать попытки было уже неудобно. Жену я оставил в прекрасном парке дома Боде, а сам вошел в его жилище-музей. На посланную мною карточку вышла его жена, очень озабоченная, и объявила, что ее больной находится в состоянии тяжелого припадка и что нынешний день у них очень тяжелый. Я смущенно извинился за беспокойство и вышел. М-ме Боде предложила мне при этом карточку мужа для входа в новый музей, но меня с женой туда пускают беспрепятственно – и мы ходим и по готовым и по оканчиваемым залам совершенно свободно. Надсмотрщик каждого отделения является нашим чичероне, любезным и словоохотливым и, получив полмарки на пиво, очень благодарит. Какой громадный город вырос в последние годы из Шарлоттенбурга! В нем с ближайшими к нему пригородами считают до 300 000 жителей. Что за колоссальные улицы, и какие богатые дома! И он все расстраивается на прежних огородах и полях. Где те скромные, немногим довольствующиеся немцы прежних веков? Старые насельники низеньких и тускло освещенных домов не узнали бы своих правнуков и почувствовали бы себя стесненными в этих сплошь настроенных, один другого выше и пышнее домах. Если Берлин, слившийся теперь непосредственно с новою частью Шарлоттенбурга, пойдет в этой строительной горячке и дальше, то на нашем континенте еще вопрос, кто будет первым городом, Париж или Берлин. Мы должны были изъездить в два дня Шарлоттенбург в разных направлениях; были в старых и в новых его кварталах. В старом находится Kgl. Gipsformerei, в новом мне нужно было быть еще у проф[ессора] Борманна⁷. Гипсовую литейную я в Шарлоттенбурге увидел во всех ее размерах в первый раз. Это огромное учреждение с массами всевозможных форм, сделанных в разных городах Германии и, по особому дипломатическому договору – в Италии. Оттого есть здесь вещи большого значения, которых в формах нет в других местах. Нечего говорить о музеях Берлина: все замечательное здесь отлито и может быть получено в слепках, хороших по достоинству и дешевых по цене. Конная статуя Коллеоне для нас отлита одновременно с экземпляром для Friedrichs Museum. Колоссальна по размерам и эффектна она и в Венеции на Piazza SS. Giovanni e Paolo, на своем очень высоком постаменте; но здесь, вблизи, она внушает мне сознание моей большой малости сравнительно с этой громадой. Отлив – резкий, отчетливый, свежий. Отливов, очевидно, делалось мало: я видел только в Дрездене и Берлине. Здесь, за счет Шехтеля, я заказал главные группы горельефов Пергамского алтаря, с карнизом и цоколем, приходящимися на эти части. Все это займет цельную продольную стену нашего Пер-

гамского зала; vis-à-vis поместятся статуи и группы той же школы; может быть, здесь же удастся поставить и также уже готового к отправке из Берлина Того Farnese, приобретенного за счет Дерюжинского⁸. Этот зал будет у нас обставлен полно и отличными вещами. А если в этом отделении эллинистической эпохи пустить по середине несколько больших помпейских бронз, по характеру принадлежащих этому же направлению и проникших в Италию, очевидно, из Александрии, то этот зал будет особенно эффектен.

Москва 22 сентября (наш[его] стиля)

Жизнь в Берлине в течение 6 дней была так полна переходов, переездов, осмотров, что домой приходилось являться поздним вечером, когда в пору было костям на покой. Последние три страницы я дописал уже здесь, куда вчера воротился. Пока еще не выходил из дома: все качает с дороги. Но сейчас пойду на стройку; вчера прибежавший сейчас же Дмитриев говорит, что «публика больно уже любит на мраморные колонны». Будьте благополучны и здоровы. Когда Вы будете в Москве?

612. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4-е октября

4 октября 1904, Москва

Эти дни Р[оман] И[ванови]ч ссорился с Мерилизом из-за пола в Средневековом зале, так как и новые образцы метлаха¹ никуда не годятся: цвет грязный, кромки не подгонишь плотно. В результате Р[оман] И[ванови]ч написал Мерилизу отказ в заказе и попросил его считать себя совершенно свободным. Может быть, Р[оман] И[ванови]ч и сам увидел, что мелкий рисунок, и к тому же очень необычный, не подходит к полу большого зала, назначенного для крупных монументальных скульптур. Теперь Клейн примется за изучение полов из террасы*. Другой его заботой служит составление сметы работ на предстоящий сезон. Ему бы хотелось сосредоточиться на оштукатурке стен в залах, непосредственно следующих за 2-м Ренессансом, во 2-м этаже: Олимпии, Парфенона, Праксителя, Лисиппа и зала Пергамского. Внизу на очереди стоят Египет, Ассирия и архаическая скульптура Греции. После штукатурных работ ему хочется приступить к полам, которые, если верно я его понял, он хотел бы отнести на 1906 год. В будущий же сезон ему представляется необходимым поставить лестницу из Христианского стеклянного двора во 2-й этаж. У него не готовы рисунки по

* Террасцо – вид покрытия, состоящего из цемента с мраморной крошкой.

обработке внутренних помещений; эти чертежи и рисунки займут его всего, поэтому он не может взять сторонних работ. Должно быть, не оправдал его расчетов и выстроенный им дом у себя для квартир². Необходимость срочных чертежей по Музею и отказ от других строительных работ вынудили его во 2-й раз заложить новый дом свой. В течение стольких лет он не говорил мне о своих денежных затруднениях, а в эти 2 недели он начинал этот разговор уже несколько раз, а ныне сообщил о крайней для него нужде: 1) получить в ноябре свой архитектурский гонорар с Музея за этот год, 2) испросить у Комитета право на возврат ему его 5000 руб. залога ввиду окончания существенной части строительных работ, а главное – это [он] сообщил мне интимно, в уверенности, что я передам это только Вам, опять-таки в силу его трудного экономического положения, – он платит Рербергу и чертежной больше того, что он получает с Музея. Должно быть, нужда его действительно велика, что он изменил своему обыкновению не поднимать вопроса об уплате очередного гонорара. Я спросил, как велика цифра последнего за этот год, но точной суммы он мне не сказал, обещавши подсчитать количество работ и стоимость их на днях. Мормоне, по словам Р[омана] И[ванови]ча, очень просит об отсылке исполненных им мраморов, стесняемый недостатком места для хранения. Ныне на стройке Клейн и Рерберг серьезно обсуждали этот вопрос, и оба того мнения, что раз часть фриза готова, надо взять его.

Фишер панораму Москвы с высоты нашего Музея снял в хорошую погоду – и теперь готовит альбом к Вашему приезду³. Согласно Вашему желанию составляю список художников, имена которых можно будет бронзовыми надписями обозначить на стенах Музея⁴. К Вашему приезду список будет готов. Какой шрифт, латинский или русский, Вы намерены употребить в этих надписях? Если латинский, то форму его спокойную, монументальную легко найти в западноевропейских образцах: так, напри[мер], очень хороша латинская надпись на фронте берлинского Altes-Museum или в Риме на храме Св. Петра⁵ и в других местах. Нелегко найти спокойный и красивый русский шрифт из употребляемых теперь, да и такие буквы, как Ж, Ш, Щ, обыкновенно выглядят неуклюже. Латинский шрифт был бы подходящ к такому учреждению, как наш Музей. По-латыни всякий прочитает, а для тех, кому это будет недоступно, не будут понятны и русские надписи с именами Фидия, Праксителя, Гиберти, Донателло, дела Роббиа et tutti quanti*. Как движется устройство Вашей плотины и когда Вы пожелаете в Москву? Надо готовить заседание Комитета⁶. Будьте благополучны.

* и столь многих (ит.).

613. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6-го октября

6 октября 1904, Москва

Новый директор нового департамента нар[одного] просвещения мне пишет¹, что в половине ноября министр наш будет в Москве и продержится здесь дня три. Так как по уставу нашего Комитета годичное заседание должно быть в ноябре, то не устроить ли нам последнее, если последует на то согласие Велик[ого] Кн[язя], в присутствии нового министра?² Симпатии его к археологии и истории искусства известны; это доставило бы ему случай ознакомиться не только со зданием, которое он видел летом³, но и с деятельностью Комитета, которому он должен будет помогать в проведении штатов Музея. Если Вы прибудете нескоро, телеграфируйте Ваше мнение, – и я примусь за составление отчета и обычного доклада.

Ко мне приходил редактор-издатель гибнущего журнала «Русское обозрение» с просьбою ходатайствовать перед Вами о пособии ему на продолжение издания⁴. Зная Ваш принципиальный взгляд, что раз журнал или газета не имеют достаточное количество подписчиков, значит, общество в них не нуждается и тогда никакими случайными пособиями делу не поможешь, я посоветовал ему не беспокоить Вас, указав ему при этом на особенно большие Ваши жертвы Музею в настоящее время. С виду г. Филиппов очень милый, внушающий доверие, серьезный человек. Не подняла этого журнала и помощь Государя, пожаловавшего прежнему редактору, г. Александрову, 25 000 руб., и императрицы Марии Феодоровны в 10 000 руб. Журнал этот стал неудержимо гибнуть со смертью Давыда Морозова, его основателя⁵.

Пришла первая партия геркулано-помпейских бронз. Ящики небольшие, но какая их тяжесть сравнительно с гипсами. Вот какое сомнение начинает меня мучить. Хватит ли у нас технических сил исполнить достойным образом образец римской христианской катакомбы? Достаточно ли всмотрелся Р[оман] И[ванович]? Хватит ли его на такое серьезное, специально научное дело? Не отказаться ли от этой идеи, а жертву в 15 000, внесенную для этой цели г-жой Колесниковой, обратить, с ее согласия, на уплату за эти бронзы? 40 000 фр[анков] и составят приблизительную сумму ее пожертвования. На свободе подумайте и сообщите мне Ваш взгляд на это. Я так привык обращаться к Вам со всякими планами, думами, мыслями и мечтами, что не могу не высказать и этого опасения: а ну как образец катакомб явится недостаточно точным? К тому же у Р[омана] И[вановича] еще очень много работ по Ассирийскому и другим залам. Что касается до первого из них, то лучше сделанного французскими специалистами в Лувре нам

никогда не представить. Надо бы Клейну отправиться для этого осенью в Париж после годовичного заседания Комитета. Я заговаривал с ним об этом; он не прочь, но жалуется на безденежье. Я спросил его, поехал ли бы он, получивши билет 1-го кл[асса] туда и обратно? Он высказал согласие. Поедет он, конечно, 2-м кл[ассом], а на остаток проживет 4 – 5 дней в Париже и 2 – 3 дня в Берлине, где вчера открыли великолепный Friedrich-Museum, знакомство с которым было бы полезно и нам и Р[оману] И[ванови]чу.

614. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13-го октября

13 октября 1904, Москва

Третьего дня представлялся я Вел[икому] Кн[язю] в 1-й раз по возвращении из-за границы. Конкурентов было так много и я приехал так поздно, что была опасность не дожидаться приема. Многим было отказано. Великий Князь был видимо или утомлен или чем-то серьезно озабочен; тем не менее он очень живо рассказал о пребывании своем в Музее, работы которого превзошли, по его словам, его ожидания: так много уже сделано. Он не представлял, что залы и стеклянные дворы так обширны; ему очень нравится, что ему пришлось увидеть постановку барабана и капители колонн на практике: до сего случая он не мог понять, как это делается. Припомнил В[еликий] Кн[язь] и свой подъем на крыши и вид Москвы, открывающийся оттуда. Площадь крыш показалась ему больше, обширнее той, какую он представлял себе прежде; лестницу и Большой зал он назвал прямо «великолепными». После его сообщения, что по возвращении его в Москву он позовет меня в более свободное время, чтобы узнать, где я был летом и что видел полезного для Музея, т[а]к к[а]к письма мои к ген[ералу] Степанову¹, прочитанные им, его сильно заинтересовали, я сделал доклад об итальянце Collino (а не Colina, как я думал раньше) и о Блюменау², оканчивающих службу Музеем и потому подлежащих награждению, первый медалью, второй, как крестьянин, званием личного почетного гражданина. Велик[ий] Князь выразил полное согласие относительно первого и поручил собрать сведения о втором по месту его родины и жительства. При этом случае Его Выс[очест]во опять возвратился к работам по Музеем и сказал несколько похвал мраморным стенам, их красоте, их «удивительно правильной и тонкой» кладке. У меня был третий и главный вопрос, касающийся 1-го января³. С первого же слова Вел[икий] Князь с видимым удовольствием ответил, что он с радостью это сделает, но «только это после, при окончании Музея, не помешало бы главной награде; надо об этом осведомиться; я, – заключил он, – обдумая это, и когда будете в ближайший раз, напомните мне, я скажу, как

поступить; помните только, что при венце дела должна быть дана та, высшая награда, Ober⁴». Ныне я написал этот разговор М.П. Степанову и просил напомнить Его Выс[очест]ву в Ильинском этот вопрос для обсуждения. Тот особенно сердечный тон, с которым В[еликий] Кн[язь] говорил на эту тему, дает основание думать, что мое глубокое желание сбудется. Нашу беседу прервал бой часов, возвестивший конец приема. В[еликий] Кн[язь] нарочно принял меня последним, чтобы поговорить подольше.

Ходатайство о штатах послано, но мин[ист]ра в Петербурге теперь нет. О 12 т[ыс.] руб. на первый год отопления будем просить его лично здесь в ноябре. Переписывалась объяснительная записка таблиц штатов на машинке Рум[янцевского] музея, как и все бумаги за последние два года. Это стесняло канцелярию, да и машинка сломалась, пришлось отдать окончание в другое место. Переписка Комитета все растет и русская и иностранная, Дмитриев собственноручно писать не успевает, а на машинке работает он прекрасно. Разрешите мне приобрести ему собственную, музейскую. Лучшая конструкция стоит 275 руб. А то секретарь Рум[янцевского] музея жалуется, что мы задерживаем его письмоводительство. Он прав, так как у него на всю канцелярию 1 экз[емпляр]. Когда Вы в Москву?

615. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

20 октября 1904, Хитрово¹ Рязанской губернии

Послезавтра субботу буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

616. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва 23 октября

23 октября 1904, Москва

С счастливым приездом! Какие дурные дни выпали вам всем для путешествия – и это в такую беспримерно прекрасную осень! Очевидно, если только Вы все были эти недели благополучны, деревня с ее покоем и осенними прелестями задержала Вас до последней возможности жить там. Мы готовились к Вашему приезду по всей линии. Фишер готовил два снимка видов Москвы с кровли Музея, один в форме длинной ленты, которую он вделяет в раму, а другой в форме альбома. То и другое вышло у него, по обычаю, очень эффектно. Он гнал работу к Вашему приезду – и несомненно на этих днях он альбом привезет, а другую фотографию, по причине больших размеров рамы, он желал бы представить Вам в мастерской у себя и там получить Ваши распоряжения. Р[оман] И[ванови]ч занят был составлением списков работ, стоящих в связи с сделанным на очереди. Я изготовлял

список имен художников, которые будут изображены бронзовыми надписями на стенах Музея. Его я представляю на просмотр Вам, и внесем в Комитет. К заседанию Комитета (разумею ближайшее, не годовичное) будет готов и перечень скульптур, высмотренных мною к приобретению за границей. Пока писал эти строки, мне подали только что сделанную расценку наумбургских скульптур, отлитых в гипсе по повелению Вильгельма II для Бостона. Как и следовало ожидать, в Берлине определили цену вполне справедливую и доступную: за рельефы Lettner'a 50 марок, за статуи тюрингенских князей и княгинь по 130 – 145 марок. И мы теперь можем получить 5 – 6 №№ из этого большого числа – первыми, таким образом, самые свежие отливки, какие только могут быть сделаны. Но обо всем этом при свидании. Спешу на Курский вокзал на встречу останков гр[афа] П.А.Капниста¹. Он в свое время порадел и помог нашему Музею.

617. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 октября

27 октября 1904, Москва

Получил я письмо от М.П.Степанова с извещением, что мысль устроить годовичное заседание Комитета в присутствии министра нар[одного] просвещ[ения] Вел[ико]му Князю очень понравилась, хотя по обстоятельствам текущего времени он и затруднялся назначить этот день заранее¹. 31 октября он переезжает в Москву из Ильинского – и я приглашаюсь в один из ближайших дней, в приемные часы, как по этому делу, так и по вопросу представления к наградам 1 января. Тогда я должен буду представить к под[пи]су его две бумаги, одну о золотой медали итальянцу Collino и еще другую. Степанов пишет, что почва для последней подготовлена и что теперь уже мое дело «облечь всё в официальность», как он выражается. Я заготовил текст бумаги, поставив центром не сумму колоссальных жертв, а личный труд, живое увлечение делом созидания Музея, руководство делами Комитета, устройство частных совещаний по возникающим вопросам, многочисленные путешествия за границу и по России, с 1897-го неупустительные приезды, ради Музея, в Москву, даже в ущерб личным делам. Эту сторону деятельности я выдвигаю во избежание воззрения только на материальную сторону жертв. Как я буду рад доставить этим старанием, если оно увенчается успехом, удовольствие Софье Степановне и Анне Степановне! При представлениях к наградам обыкновенно к бумаге прилагается установленной формы табличка, где представляющий собственноручно прописывает испрашиваемое отличие. Делает ли то же самое и Великий Князь или он подписывает только бумагу, это я завтра

узнаю от управляющего его канцелярией, церемониймейстера Воронина. Сделаю все, чтобы не упущена была ни одна частности. Когда подпись получится, я, препровождая бумагу в Петербург, напишу особое письмо А.А.Тихомирову², в ведомстве которого находятся музеи, чтобы он лично провел все формальности вовремя. Всем этим я желал бы только засвидетельствовать чувства безграничной признательности и удивления за все Вами сделанное и делаемое в столь скромной форме, что не знаешь, чем восхищаться, величиною жертв и даров или этим смирением, сопровождающим всякий новый акт этого беспредельного великодушия. Вот хотя бы последнее наше сидение в конторе стройки, когда Вами назначены 100 т[ыс.] руб. на продолжение работ в следующем сезоне: с какою простотою, в какой идеально-кроткой, смиренной форме это сделано. Об этом и написать в газетах даже нельзя, не оскорбляя Вашей скромности и не выдавая тайны. А сделай нам такой дар, да и гораздо меньшего размера кто другой – какой бы трезвон по всей линии московских и петербургских газет был бы поднят! И сделано было бы это правильно. А в данном случае колоссальная сумма в 100 тыс. рублей является делом только келейным, о котором знаем лишь Клейн, Рерберг и я. Так Вы поставили дело с давних пор, разрешая, да и то всегда неохотно, упомянуть о материальной стоимости Ваших жертв только в годовичном [отчете], в денежном его отделе. Руководит мною в данном случае и чувство личной благодарности за благоклонное отношение Ваше к приобретениям, сделанным и делаемым мною за границей. Разве они были бы в этой мере возможны без Вашего покровительства этой моей деятельности последних лет? Даже Трей завидует приобретению нами обеих канторий, Донателло и Луки делла Роббиа, помпейско-геркуланских бронз и произведений французской готической пластики. Разве были бы возможны получения больших транспортов всю прошлую зиму, все минувшее лето и в эту осень? Наш Дмитриев измутился их приемом из таможни, как теперь мучится над переноскою ящиков наверх по требованию Р[омана] И[ванови]ча в эти недели. Возможны ли [были] бы самые мечты о кафедре Никколо Пизано, о Sebaldus Grab Петра Фишера, об ассирийских быках и стенке персидских стрелков³, раз бы Вами наложено было veto* в прошлом году, когда сделано было приобретений в три раза более, чем намечено их ныне? Я все это очень ясно сознаю и за все это ношу в моем сердце безграничную признательность. Да хранит Вас Господь!

* запрет (лат.).

618. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ*1 ноября 1904, Петербург*

[По] маршруту Глазов будет Москва седьмого пребывания не определено
НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

619. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 ноября

4 ноября 1904, Москва

Эти дни я пишу и держу корректуры не покладая рук. Отчет о заграничном пребывании окончен. Ныне сажусь за Речь. Но будет ли заседание при министре, сказать трудно. Ген[ерал] Степанов писал мне из Усова¹, что мысль о таком заседании понравилась Велик[ому] Князю, а сам Его Высочество мне высказал совершенно другое: «Зачем-де нам устраивать заседание при министре? Ведь мы у него ничего не просим?» Я доложил, что именно теперь находится в мин[истерст]ве ходатайство о штатах и, прежде всего, об отоплении здания. На это Вел[икий] Князь заметил: «Ну, еще бы министр на это не дал денег!» Не решая дела окончательно, он записал его на бумажку и обещал дать мне знать, что он надумает.

В это же представление заслушан был Вел[иким] Князем проект рескрипта его к мин[истру] нар[одного] просвещ[ения]. Предварительно прочитанный с управляющим канцелярией Ворониным, который нашел написанное вполне исправным, не изменил и не прибавил ничего, этот рескрипт был нами заранее переписан. Великий Князь выслушал его и, взявши его у меня, сказал, что он, подписавши, его мне пришлет. Бумаги с подписью его мы регистрируем и потом отсылаем уже от Комитета. В этом документе я в краткой форме выразил то, что чувствовал с глубокой благодарностью к Вам, дорогой Юрий Степанович, я давно и что писал в печатных записках и адресах. Примите эту бумагу как краткую формулу выражения моих чувств и удивления Вашему великодушию и признательность за все, делаемое для предприятия, которому я отдаю все свое время и все силы вот уже 15 лет, с 1889 года, начав думы и мечты о нем еще годом раньше, в бытность мою в Риме. К глубокому моему горю, у меня нет других средств доказать Вам глубину моей благодарности, кроме вот этой, еще в школе поврежденной руки и дерзновенного слова, не стесняемого никаким высоким положением, говорящего хвалу Вам и перед Государем, и с кафедры Высших женских курсов, и в Университете, и в ученых обществах. Примите же все это с тем же хорошим чувством, с каким я пишу и говорю.

Ждем Вас 8-го. Здесь никто не знает, в какую сторону направит свою деятельность министр и сколько времени он пробудет. Если бы устроить заседание Комитета при нем, то надобно иметь 4 – 5 дней предварительной работы. Ведь мы рассылаем приглашения и иногородним членам.

620. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

9 ноября 1904, Петербург

Завтра среда буду Славянский базар

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

621. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

9 ноября

9 ноября 1904, Москва

Ну, слава Богу! Только что полученная депеша вывела меня из неизвестности. Вы – такой аккуратный в делах и так верны слову, что я уже предполагал эти дни какое-нибудь несчастье в Вашем семействе и боялся, не хуже ли сделалось Софье Степановне. Вы обещали быть 8-го, я ждал Вашей телеграммы 7-го. Оно вышло даже и хорошо: в эти дни пребывания министра в Москве и я невольно вовлечен в его орбиту. Только что он был в Румянцевском музее. До свидания и до ближайших работ по заседаниям Комитета. Одно нам нужно предварительное и другое, по возвращении Вашем из Владимира¹, числа 20-го – годовичное.

622. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

10-го ноября

10 ноября 1904, Москва

Завезите карточку М.П.Степанову. Только что Вы уехали, как он прислал сказать мне, что ждет меня или сейчас или завтра, в 11 часов. Я отправился прямо со стройки к нему. Он передал, что в его присутствии, за завтраком, Его Высочество просил министра провести дело подписанного им и препровожденного рескрипта о бриллиантах. По его словам, Вел[икий] Князь говорил о Вашей роли в делах Музея очень горячо и знакомил ген[ерал]-лейт[енанта] Глазова с характером и историей нашего Музея. Когда приедете в Петербург, дело будет в полном ходу. Оно пойдет, конечно, к Танееву¹. В министерстве оно у делопроизводителя V кл[асса] действ[ительного] ст[атского] советн[ика] Новицкого, ведающего дела о наградах. Степанов говорит, что за этот орден ничего не платят, а сами бриллианты стоят 6000 руб. И стоимость их, и рублей 600 пошлины, кот[орая] наверное

была бы не менее, если бы дали Вам Владимира 1-й ст[епени]², я запишу на приход по приобретению, за Ваш счет, 2 ассирийских крылатых быков. Это мне – за хлопоты. Да здравствуют Ваши бриллианты и да здравствуют эти чудесные бычки! На остальное можно купить почти все рельефы Ассирии!

623. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11-го ноября

11 ноября 1904, Москва

Ныне прием у Вел[икого] Князя, вероятно, будет. Когда возбудите вопрос о годичном заседании, то имейте в виду и Ваши личные удобства. По словам М.П.Степанова, Его Высочество возвратится из Петербурга к 20-му числу. Тогда заседание или поближе к этому дню или в конце месяца, если не в начале декабря (только к 6-му он опять уедет в Петербург), до 10-го, когда я должен выехать за границу¹. Что касается меня, то в первые дни 20-х чисел я буду готов. Надо бы назначить день уже теперь, чтобы мы могли разослать приглашения иногородним членам. До свидания.

624. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 ноября

12 ноября 1904, Москва

Вчера я послал Вам для Ваших семейных копию рескрипта Вел[икого] Князя министру народн[ого] просвещ[ения], а ныне принесли мне от Его Выс[очества] и подлинник, им размашисто подписанный, с поручением послать его по назначению. Бумага эта где-то залежалась. Завтра утром, когда Вы будете приближаться к Владимиру, пакет будет двигаться к Петербургу. Я адресовал его в собственные руки генерала Глазова, приложив письмо к нему с докладом, что посылаю этот документ по указанию Его Выс[очества]. Он, надо думать, немедленно начнет сношения с Танеевым. Так как эта награда по Министерству нар[одного] просвещ[ения], то срок ее – 1 января. Времени еще много.

Готовился к предварительному заседанию Комитета. Ныне закончил рукопись и докладов годичного собрания. На этих днях доберут в типографии остальное, и я продержу корректуры, так что к 20-му можно будет готовить и заседание. Кажется, ныне уезжает Вел[икий] Князь в Петербург; после 14-го он, кажется, пробудет там недолго. Счастливого пути Вам и возвращения!

625. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17-го ноября

17 ноября 1904, Москва

Мне вчера в 9 ч[асов] вечера дали знать из Рум[янцевского] музея, что Вы мне туда телефонировали днем. Какой-то глупец из сторожей задержал это известие; в 10-м часу ехать к Вам я не решился, зная, что Вы провели прошлую ночь в дороге и потому нуждаетесь в покое. Днем же у меня были и лекции, и заседание в Рум[янцевском] музее. Все к нынешнему заседанию готово. Сейчас я иду на лекции, которые кончатся в 12 часов. В промежуток до 3-х я пересмотрю кое-какие бумаги – и в 3 часа будем ждать Вас в правлении Университета.

Разрешите ли Вы показать членам собрания эскиз Степанова по росписи и убранству декоративному зала XVI в., или, как он у нас называется, 2-м залом Возрождения?¹ Степанов переселился в Москву из Италии в надежде найти у Вас эту работу. Ему хочется получить и декоративное, арабесочное убранство этой залы. Нечего и говорить о плате по 100 руб. за кв. арш[ин] живописных его люнет. Если Вы дадите ему эту работу, то Клейн и я, с Вашего разрешения, можем установить плату за всё чохом по норме, не превышающей эти люнеты, то, что заплачено ему за панно лестницы. За зиму, очевидно, не имея никаких других заказов, он сделал бы много. Но это дело уже исключительно Вашего ведения и воли.

За границей я не мог принять никакого решения относительно предметов, достигающих в цене 10 тыс. франков. Я только торговлей сбил их цену до такой суммы, нашедши других исполнителей в лице ателье Ecole des Beaux Arts в Париже. Оно предложило эту минимальную сумму вм[есто] 20 тыс. фр[анков], выставленную в Trocadéro. Этих предметов два: 1) дивная для характеристики французской готики XIII в. люнета со Страшным судом гор. Буржа и Puits de Moïse Claux Sluter'a в Дижоне. Это самые дорогие по цене предметы. Их, равно как и медицейских гробниц и «Моисея», как дешево ни оказались они в Париже сравнительно с разрешенным в прошлом году приобретением их в Италии, я не мог никоим образом включить в 12 т[ыс.] руб., ассигнованных в прошлом заседании Комитета. Французские цены на средневековые вещи по тарифу Trocadéro вообще были для меня страшным сюрпризом. В Louvre, Ecole d[es] B[eaux] A[rts], во всей Германии и в больших ателье Италии я привык к сотням марок и фр[анков], а в Trocadéro посыпались на меня и тысячи. Их я не мог внести в мой бюджет.

626. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ*21 ноября 1904, Москва*

Начальство приезжает вторник

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

627. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 ноября

30 ноября 1904, Москва

Хорошо прошел у нас вчерашний день, слава Богу! Заседание было оживленное, интерес его возвысился от разнообразия докладов и сообщений. Таким живым оно не было никогда. И успех Главного зала (так, с Вашей легкой руки, пущено в практику это название со вчерашнего дня), со свойственными Вам скромностью в форме доклада и дарения и широкой щедростью, Вы так сильно продвинули этим дивным полом, столько же вековечным, сколько необыкновенно из ряда вон изящным. Ведь и в храме Павла в Риме¹ этот образец считается самым роскошным между всеми полами этого города, а следовательно, и всего мира. И вот отныне в нашем Музее будет такой же пол в лучшем из его помещений. Так завершить впечатление чудной лестницы могли только Вы. Теперь Главный зал с этим разноцветным полом доставляет заключительный аккорд художественных впечатлений, внушаемых сначала египетским вестибюлем, потом гаммой мраморов лестницы. Всякая лестница, как ни будь она изящна по конструкции и пышна по материалу, ведет всегда к чему-то высшему, лучшему, – и теперь эта логика эстетики удовлетворена таким полом грандиозного зала в наивысшей мере. 29 ноября 1904 г. – один из светлых дней, созданных Музеем и Комитету Вами, Юрий Степанович. В это радостное время, когда каждый из членов Комитета чувствует какой-то особый подъем душевный, в сознании необычайного счастья, пусть приобщится этому настроению и самый маленький человек нашей коллегии, делающий, однако, очень большие дела, – Дмитриев. О массе труда, исполняемого им помимо письмоводительства, которое одно и обязательно для него, я писал Вам и раньше. Летами он – вся канцелярия, ведущая широкие сношения, кроме того он – приемщик кладей на таможене, приемщик их от возчиков на стройке, он руководитель размещения громоздких ящиков в кладовых, он произвел в последние 3 – 4 недели сортировку всех ящиков и разнес их по двум этажам. Карабкаясь и прыгая по кладям для отыскивания иностранных надписей и №№, он весь оборвался: изорвал пальто, тужурку и штаны, не одну пару погубил резиновых калош, ходя по кирпичам и камням стройки. Я сам был свидетелем его карабаний и прыжков по ящикам, наложенным в прежней кладовой до потолка.

Он все это раскассировал и разнес по залам. Если его предшественник был Вами награждаем к празднику 100 руб., то Дмитриеву, с его потерей платья, надлежит бдльшая награда.

628. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg im Baden* 31 декабря

18 декабря 1904, Фрейбург в Бадене

Уезжая из Москвы в конце ноября, Вы обещали около 10-го быть снова там. Мой отпуск начинался 10-го, в этот день вечером я и выехал в путь. Моим намерением было остановиться в Берлине, чтобы посмотреть там еще, теперь совершенно устроенный, Friedrich-Museum, но потом мне сказали, что первые три дня праздников¹ все правительственные учреждения будут закрыты три дня. В самое Рождество я переезжал немецкую границу и тут должен был убедиться, как неохотно отбывали свою повинность прусские таможенные чиновники. На первой же остановке после Александрова² вошел в наше отделение вагона страж экономических интересов Германии для ревизии нашего ручного багажа. Для праздника он так много выпил, что болтал без умолку какую-то чепуху, совсем не относившуюся к его миссии, на багаж он и не взглянул. Я вез своим икры, черный большой хлеб и фунтов 15 абрикосового мармелада и карамелей; я приготовил было и в Москве заготовленные марки на уплату пошлины; но благодаря празднику мои лакомства проехали до самого Фрейбурга неоткрытыми. Дети теперь прибегают каждый день есть черный хлеб с икрой, находят, что лучше этого они и представить себе ничего не могут.

Снег на полях исчез около Минска, в Польше не было его и слабых признаков. В Берлине я оставался лишь 2 часа, с 6 до 8 утра, побывал в почтамте, где меня ждали письма, и здесь я лишний раз убедился, как несправедливо называют у нас немцев формалистами. Я пришел на Poste restante в 7 с чем-то часов и попросил посмотреть, нет ли письма для меня. Мне ответили, что теперь идет разборка последней почты и что выдача начинается лишь в 8 часов. Все-таки взяли мою карточку, посмотрели и, к моему удивлению, сказали, что для меня ничего нет. Я вышел и быстро зашагал по Königstrasse по направлению к Schloss'у³; минуты через 2 – 3 слышу, кто-то бежит за мной и кричит: Herr Professor! Оборачиваюсь и вижу почтового чиновника, догоняющего меня с письмом в руке. Не знаю, побежали бы ли парижские или наши почтальоны вдогонку за иностранцем по темной улице, чтобы вручить ему найденное ими письмо. А немцы это сделали,

* Фрейбург в Бадене (нем.).

услышав от меня, что я через час выезжаю из Германии. По опыту я знаю, что хуже, придирчивее, формальнее французских чиновников трудно найти других на свете.

Здесь снег выпал только ныне, накануне Нового года; поля и луга зелены, в огородах растут овощи. Утром соборная площадь залита была фруктами, зеленью и цветами в горшках. Утро было теплое. Но тут погода очень переменчива: сейчас падает большими хлопьями снег и деревья побелели. С гор часто дуют ветры, превращающиеся в прямые бури. Для больной жены климат очень неблагоприятный. Два раза она лежала здесь от плевритов. Последний месяц весь пропал у нее в леченьи. Будьте благополучны.

629. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg, 4 января

22 декабря 1904, Фрейбург

Пять срочных депеш, полученных мной из Москвы от разных лиц, о несчастии, постигшем наш Музей¹, до того разбили меня, что я уже вот третий день не могу совладать со своей печалью. Не могу ни за что приняться, не имею сил ни писать, ни читать. Телеграммы говорят о течении пожара, о его конце, о гибели ящиков с гипсами, о порче геркулано-помпейских бронз, укрытых от опасности расхищения среди больших ящиков со слепками в зале Антиквария; они заключают слова утешения, напр[имер], Дмитриев телеграфирует: «Пожар потушен, успокойтесь, сгорело мало», – и [никто?]² не говорит о причине пожара, случившегося в холодном запертом и совершенно изолированном помещении. В воскресенье в Музее никого не должно быть, и загорелось в ночь на понедельник. Все здесь остается для меня загадкой, которую разрешат, может быть, письма, ожидаемые мной послезавтра, самое скорое. Еще в ту же ночь я получил от Дмитриева депешу: «Горит в Музее Александра III». Где, в какой части, в которой из наших кладовых (их 4) и не в квартире ли, где помещена библиотека и мелкие древности, – эти вопросы не давали мне покоя до получения депешки от Клейна, извещавшего о пожаре в Антикварии и о порче бронз. Все ли ящики сгорели или только часть их, пока не знаю. Где Вы, Ю[рий] С[тепанович], были в эту ночь: в Москве или Петербурге? Мне Дмитриев писал, что 17-го Вы должны были присутствовать на заседании Строительной комиссии Музея. Представляю, как это известие поразило и огорчило Вас. Для Вас это – второй пожар в близких Вам делах на одном году, на Гусю³ и здесь. Видели ли Вы обгоревшие бронзы? На больших вещах, статуях, статуэтках, бюстах могла пострадать только окраска, которую легко восстановит тот же Sabatino de Angelis по оригиналам. Не покорило ли тонких по своему

составу бронз, относящихся к быту римлян? Слава Богу, что не случилось пожара в кладовой 2-го этажа, где собрана главная масса гипсов. Было бы очень печально, если бы огонь уничтожил библиотеку и греческие вазы. Узнали ли причину несчастья? Меня не оставляет мысль о поджоге со стороны дворников, рассчитанных незадолго перед моим отъездом. Иначе, как объяснить пожар ночью и в неотапливаемом месте? Другая мысль – не производили ли перестановки ящиков в Антикварию в воскресенье и не курил ли там какой негодяй из рабочих?

Клейн телеграфирует, что пострадал и фасад Музея. Порча заключается ли только в зачернении мрамора от дыма или случилось здесь что-нибудь худшее?

Очень грустно начался для меня здешний Новый год. Болит* и лежит в постели жена, упала на горе одна из дочерей и разбила лицо, другая повредила при том же падении ногу, а в ночь с первого пришла и эта печальная весть о пожаре. От души желаю Вам всем лучших праздников. Будьте благополучны.

Вот уже второй день, как заняты газеты вопросом о потере нами Порт-Артура[†].

630. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg im Baden, 28 декабря

28 декабря 1904, Фрейбург в Бадене

Это письмо должно придти к Вам, когда тягостный год для России будет и в нашем счислении подходить к самому концу; примите поэтому мои наискорейшие пожелания Вам и Вашим близким всего счастливого в будущем году. Будьте все здоровы, благополучны и да не покидает всех Вас присущее Вашей семье и столь увлекающее всякого благодушие. Кто раз, хотя один раз имел случай встретить эту Вашу «нечаевскую» черту в полной мере, тот уже не забудет этого приема и отношения к себе. Тем глубже это сознание во мне, пользующемся Вашей общей добротой целый ряд лет; тем сильнее во мне желание всего хорошего для всех Вас и именно этой беспредельной сердечной доброты, которая красит все впечатления жизни и ослабляет впечатление худших и тяжелых между ними.

Вот уже пятый день я, просыпаясь в 4 – 5 часов утра, тщетно ожидаю 8-го часа, когда в наш пансион приносят письма в 1-й раз. Именно в эту пору приходят к нам письма из России. И все мои ожидания писем от Клейна и Дмитриева до сих пор напрасны. Пославши мне в один день целый ряд

* Болит – болен (*церк.-слав.*).

малозначущих и лишь одни вопросы во мне возбуждающих депеш, они совершенно замолкли. Простая логика требовала написать после этих телеграмм хотя 10 строк о причине пожара и степени порчи бронз – даже вечером в понедельник; но они не написали ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг. Я теряю голову в объяснении этого совершенно непостижимого факта. Неужели они думают, что я тотчас же пустился в обратный путь? Одна из телеграмм Дмитриева только и имела целью «успокоить» известием, что «сгорело мало». Одновременно с нею я получил депешу из Румянцевского музея, что «присутствие мое сейчас бесполезно», чтобы я оставался здесь. Так я и сижу здесь без объяснений этой загадочной для меня истории. Объяснение я прочел в «Русском слове», получаемом здесь женою; но там репортером понаписаны какие-то невероятные вещи о переносных печах в Антикварии, о спанье там рабочих, о справлении ими в воскресенье, следовательно, за несколько часов до пожара, там «праздника»¹. Я в последний раз, дня за два до годовичного заседания Комитета, видел Антикварий запертым и, конечно, без всяких печей для просушки стен. Да и кто, Клейн, Рерберг и исполнитель штукатурных работ, был бы столь безрассуден, чтобы допустить внесение железных печей в помещение с ящиками, наполненными соломой и другим упаковочным материалом? Я не говорю уже о каком-то спанье там подгулявших рабочих: это было бы прямо чудовищно. Из той же газеты, пришедшей сюда вчера, я узнал, что Вы были у Вел[икого] Князя; из того обстоятельства, что Р[оман] И[ванови]ч был один у Его Выс[очества] накануне, я вывожу заключение о Вашем нарочитом прибытии в Москву по этому печальному поводу. Вы ведь только что были перед этим в Москве.

Какие перемены в высшей администрации принесет Белокаменной 1 января? Здешние газеты говорят и об оставлении своего поста ген[ералом] Треповым². Посылаю Вам немецкий перевод письма Победоносцева к Государю о Самодержавии³. Будьте здоровы.

1905

631. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg, 1/14 января

1 января 1905, Фрейбург

Наконец-то пришли первые письменные известия от Р[омана] И[ванови]ча и Дмитриева¹. Наше горе, оказывается, несравненно больше, чем можно было судить по одной депеше: «Пожар потушен, успокойтесь, сгорело мало». Погибли все египетские гипсы, часть римских, флорентийских, парижских и 70 ящиков с гипсами университетского собрания, составленного до основания Комитета; попорчены и, может быть, расхищены неаполитанские бронзы первой посылки. Погиб плод многих дум, забот и исканий и работ над приобретением того, что составило бы гордость и красу наших коллекций. К злодейскому поджогу присоединился еще и факт варварства наших дикарей-пожарных, ломаями колотивших гипсы и бронзы. Клейн и Дмитриев в один голос свидетельствуют, что они, стоя у самого огня, как ни кричали, как ни просили только заливать ящики с бронзами, были бессильны перед этой грубой командой, которая громила и разрушала так же и спокойно могущую сохраниться в намоченной упаковке медь. Возможно, что пожарные и растащили мелкие вещи, как это они обыкновенно делают в подобных случаях.

Дмитриев пишет о виденных им изуродованиях бронз. Теперь, пишут мне, все оставшееся покоится, окованное льдом. Какая злая судьба этих вещей, исполнявшихся с таким примерным старанием – в виде наилучшего образца, *в первый раз* отправленного в Россию! Изображая собой бронзы геркулано-помпейского пожара, они – на далеком от Неаполя севере – попали сначала в огонь, потом, обезображенные, в воду, и теперь лежат они, скованные московским льдом.

Какое тяжелое для меня начало нового года. Первого числа здешнего случилась наша катастрофа, в ночь и все второе число приходили горестные депеши; ныне на рассвете подали мне два письма, которые я долго от слез не мог дочитать до конца. Начали было мы с женой читать их вслух, но объявленное горе удушило, и в слезах приходилось откладывать чтение, настолько больше оказалось наше несчастье, чем я ждал все эти дни, просыпаясь с 4 – 5 часов, прислушиваясь в 8-м часу, не постучали ли в дверь с письмами из Москвы. Наконец эти известия пришли, и слезы так же мешают мне выводить теперь настоящие строки, как они застилали глаза при чтении. Р[оман] И[ванови]ч пишет, как поражен был Великий Князь при его докладе,

как подавлены лица, ближе стоящие к Музею, и извещает, что тверже всех, в самый тяжелый момент, вели себя Вы, нашедшие возможность успокаивать его, упавшего духом.

Я делю с ним наилучшие чувства благодарности и удивления за этот новый акт Вашего великодушия, дающего Вам силы смотреть на все проще и спокойнее других.

Положение жены стало хуже. Она не покидает эти дни постели. Сейчас посылает за доктором. Так усиливается сложность моего горя.

Р[оман] И[ванови]ч пишет, что на 10-е этого месяца Вы обещали приехать в Москву и что при Вас будет обсуждение дела о полах. Будьте добры телеграфировать ему, сколько дней могли бы Вы пробить у нас. Тогда он депешей известил бы меня о сроке заседания – и я, выяснивши болезнь жены, счел бы своим долгом приехать. Отсюда в Москву приезжают на 4-й день. Авось ко дню выезда положение жены не будет представлять опасности. Будьте все вы благополучны.

632. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 января

4 января 1905, Фрейбург

Вчера из двух московских телеграмм я узнал о пожаловании Вам бриллиантов на «Александра Невского». Сейчас же с главного здешнего телеграфа отправлена мной сердечная депеша на Сергиевскую¹ по сему радостному случаю. К тому краткому поздравлению позвольте здесь присоединить чувство моего искреннего восторга тем, что Государь изъявил Вам сим пожалованием знак особой благодарности за Ваши многолетние труды, за беспримерное в рядах нынешней аристократии увлечение делом просвещения и за беспримерные ныне жертвы на пользу распространения художественных знаний в России.

Это отличие, дарованное Его Величеством Вам, является яркой звездой на темном горизонте, столь неожиданно создавшемся пред нами, Вашими сотрудниками, этой катастрофой в Музее. Пошли Вам Господь сил для нового дела и новых забот, созданных этой нашей бедой, этим горем.

Эти дни приносят мне всё новые и новые и новые письма от Р[омана] И[ванови]ча, Дмитриева, пишущего каждый день, Пэрка, Романова и чинов Румянцевского музея². Со стороны прямо удивляются энергии и беззаветной преданности интересам Музея, проявленных Дмитриевым. Он работал в Антиквариуме в самом огне, провалился в загоревшийся ящик или между ящиков, отчего запылало его платье. Пожарные должны были окатить его из душа; весь мокрый, с текущими с него струями, он бросился бежать

в Румянцевский музей переодеться и на 28-градусном морозе обратился в ледяную большую сосульку. Промок и продрог опять, получил шинель от Рерберга, но и ее испортил ожогом и водой. После должен был страдать от простуды. Каждый день он бегаёт на стройку и выглядывает, какие бронзы виднеются во льду Антиквария. Он наметил, что бюсты целы, целы статуи и видны крупные предметы. На них, как пишет и Романов, вместе с ним рассматривавший ледяной покров, обгорела только патина, которую de Angelis в Неаполе восстановит по оригиналам. Вторая и третья посылки этих бронз еще в пути: следовательно, исправленье должно будет коснуться только первого транспорта, состоявшего из 20 ящиков, из коих 7 со статуями, 3 со статуэтками, 3 с бюстами, 4 с крупными предметами и 3 с мелкими. Страшна гибель всех слепков, привезенных Вами из Каира, и больших скульптур из Ватикана, которые не могли быть, за отсутствием 2-й лестницы и при загроможденности главной лестницы, подняты наверх. Горестна утрата гипсов, принадлежавших Университету до учреждения Комитета. Их погибло 70 ящиков³.

Но не буду растревлять Вашего горя. Каждое письмо с новыми подробностями повергает меня в горькие слезы, которых я не могу удержать, как ни утешает меня жена. Письма идут и от сторонних лиц. Масса погибшего расколочена нарочно дикарями-пожарными.

Будьте здоровы. Мой почтительный поклон Софье Степановне и Анне Степановне.

633. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

4 января 1905, Петербург

grossen dank für gratulierung und mithilfe wünsche glück und gesundheit allen netschaiew maltsoff *

634. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg, 26 января.

13 января 1905, Фрейбург

В такие тревожные дни, как переживаемые нами, лучше жить дома, где пишут меньше, но зато и лгут меньше в распространении известий. Чего только не приходится видеть, слышать и читать тут о ваших петербургских событиях! Число демонстрирующих рабочих определяют в 400 тысяч человек; их шествие к Зимнему дворцу объявлено за несколько дней до прошлого воскресенья¹. И никто при этом не ставит вопроса, да есть ли

* Большое спасибо за поздравление и сотрудничество желаю счастья и здоровья всем Нечаев-Мальцов (нем.).

столько рабочего класса, т.е. заводско-рабочего, в Петербурге; никто не видит бессмыслицы такой цифры рядом с оповещениями, что священник Гароп² (?) шел во главе «самой большой» толпы демонстрантов в... 15 000 человек и что челобитная восставших рабочих, которую Гароп рассчитывал вручить Государю всенародно (нельзя сказать, чтобы этот священник не страдал духом гордости и любоначалия), подписана 50 000 человек. Разумеется, преувеличены и эти оба числа, но и согласившись с ними, где же найдем 400 тыс.?² Из Лондона два раза оповещали, что *der Grossfürst Sergio erschossen ist**³. В один день это было сделано в виде слуха, на другой напечатано, что этот слух подтверждается. Число убитых напечатано и расклеено было даже в колбасных и табачных лавках в виде больших *Extra Blatt*** – 2000, раненых – 6000 только в одно воскресенье. Иллюстрированная газета «*Simplicissimus*» выпустила № с картиной казни Людовика XVI⁴, рекомендуя ее для стен императорского дворца в Петербурге. Другая здешняя газета опубликовала передовую статью о параллельном положении дел при Людовике XVI и у нас в настоящее время. И это в маленьком Фрейбурге, что же сказать про Италию, Англию и большие центры Германии и Франции! В распространении заведомо фальшивых известий большую роль играют, конечно, и наши эмигранты, которые не помнят завета басни: «Ври, да не завирайся»⁵. Но они не знают меры ни в речах, ни в личном поведении. Вчера напечатано было про 100 человек наших, собравшихся в одном ресторане на бульваре *S. Michel*, с целью постановить резолюцию по поводу петербургских волнений. Прения оказались столь бурные, что политики перешли в драку, за какое патриотическое пламя они и были выгнаны полицией вон на улицу и рассеяны. Толчки в спину пришлось им получить от республиканцев⁶. Зла в России много, это отрицать нельзя; об этом говорят не только пламенные по возрасту «дети», но и рассудительные «отцы». Здесь во всех газетах был перепечатан перевод письма князя Трубецкого⁷ к министру внутренних дел кн[язю] Святополк-Мирскому⁸ о настоящем положении России и его просьбы доложить Его Величеству препровожденную им записку по этому вопросу⁹. Улучшения неизбежны, но здесь должна быть постепенность – и, конечно, не фабричным и вообще не рабочему классу и не молодежи учебных заведений возможно решать дело такого колоссального значения. Вот в Белостоке еврей-рабочие, в своей синагоге запершись, постановили: «Быть в России демократической республике!» А на Московских высших женских курсах девицы требуют, чтобы женщинам дали

* Великий Князь Сергей застрелен (нем.).

** Лист экстренного выпуска (нем.).

права народного представительства в Учредительном собрании наравне с мужчинами, – претензия, над которой со смеху покатываются в Германии не только мужчины, но и женщины. Этакие требования только ясные доказательства нашей незрелости, несерьезности и национальной бесшабашности, которая только унижает Россию в глазах серьезных людей и серьезных мыслителей заграницы.

Спокойно ли на Гусю? Пока в здешних газетах нет известий о настроении фабричных рабочих нашей губернии¹⁰. Пронеси Господь эту беду мимо этого обширного заводского района!

Начало нового года прошло очень печально для меня и моей здешней семьи. Я все время после пожара переживал подавленное настроение: каждое новое письмо, каждая подробность от Дмитриева, Пэрка, Клейна, Романова повергала меня в слезы. Столько чудных вещей погибло, достать которые стоило мне стольких трудов, хлопот, времени. Чем между прочим пополнить Египетский зал или Римский, я совсем не знаю. Ваш весь дар из Каира и великолепные статуи Sala Rotonda* Ватикана¹¹, отлитые специально для нас, погибли от руки неизвестного мерзавца. Бронзы, наиболее ценные, сохранились и, конечно, могут быть реставрированы в их патине; поломаны мелкие, второстепенные и недорогие вещи бытового характера, статуи же, статуэтки и бюсты целы. Р[оман] И[ванови]ч пишет, чтобы вызвать из Неаполя мастера для совета, как поступить с обгоревшей бронзой. Мне думается, что такой вызов менее 500 руб. обойтись не может, да и мастер ничего в Москве сделать не в состоянии, как указать отсылку всех этих вещей в Неаполь. Это мы определим и сами, а 500 руб. покроют упаковку и пересылку в Неаполь.

О постигшем нас несчастье я написал поставщикам гипсов в Рим, Флоренцию и Париж. Говорил им об условиях повторения погибшего: 1) исполнение в 2 года, по их выбору, 2) уменьшение платы до последней степени. Разница цен должна быть особенно значительна в слепках, сделанных для нашего Музея нарочно и уже нами оплаченных. Если формы сохранились у Piernovelli в Риме, то большие ватиканские и латеранские скульптуры могли бы быть приобретены за скромную плату. Ответы на вопросы, мною поставленные, я просил послать в Москву. Здесь я доживаю последние дни. Жена вчера оставила постель, первые два дня проведет в комнате, а затем по часу два раза в день будет проводить на воздухе, пока не привыкнет к нему. Дети были последнее время больны, но ныне доктор обещал выпустить их из пансиона к нам. Семейные болезни и несчастье в Москве создали то,

* Зала Ротонда, круглая зала (*ит.*).

что я не мог съездить в Hildesheim. Поеду отсюда прямо в Берлин, переночую там, в понедельник побываю в музеях и особенно в Friedrichs-Museum, теперь совершенно оконченном и вошедшем в свою колею. Утром 20-го, если Богу угодно, надеюсь быть в Москве.

Петербургские нестроения Вас, наверное, задержали дома, так что 10-го числа Вы не могли приехать к нам. Мне хотели телеграфировать о Вашем приезде, но до сих пор этой депеши нет. Будьте благополучны. Карты¹² Вам везу.

635. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 января

20 января 1905, Москва

Прибывши в Москву, шлю Вам, глубокочтимый Юрий Степанович, сердечный привет. Мне только что сообщил Пэрк о Вашем пребывании здесь уже в течение нескольких дней.

При каких тяжелых обстоятельствах нам приходится встретиться! А шесть недель тому назад, при моем отъезде, все так было хорошо, радостно и полно светлых перспектив. И вот рука и сердце какого-то мерзавца нанесли урон делу и причинили столько печали.

Я вспоминал Вас и жил душою с Вами в наступившие тяжелые дни, доказательство тому и в этом, прилагаемом здесь письме¹ и в этой посылочке.

636. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 января

22 января 1905, Москва

Вы так заняты заседаниями Дворянского собрания, что не знаешь, когда удобнее явиться к Вам¹. Я делал попытку, но на подъезде «Славянского базара» мне сказали, что Вас нет. Эти дни мы с Дмитриевым выясняем свойство урона, причиненного пожаром. Дня через три вопрос, в главном и крупном, выяснится; вещи меньшего значения воротятся в Музей и после, мало-помалу.

Давно меня беспокоила судьба большого запрестольного образа della Robbia в монастыре Osservanza* близ Сиены². По раскраске это – лучшая вещь: ее нам делал на месте по оригиналу глухонемой живописец. Когда эта великолепная работа была окончена, из нее во Флоренции сделали выставку, – и я получил восторженный отзыв от моего знакомого, эту вещь видевшего.

* Оссерванца (ит.).

Наш комиссионер Lelli написал мне, чтобы принять скорые меры к бережной распаковке ящиков, так как нежная роспись от надавливания упаковочного материала могла бы пострадать. Обозначены были заранее рисунок и №№ этих ящиков; за прибытием их в таможду следил Дмитриев. На днях они получены и 3-го дня перевезены в Университет в прежний Кабинет изящ[ных] искусств; там вчера мы потихоньку вскрыли 6 ящиков, удалили сложную упаковку и более мелкие куски композиции вынули, но большие части оставили лежать в ящиках.

От сырости в дороге задняя сторона, неокрашенная, несколько рыхла, потому надо подсушить этот гипс в теплой температуре.

После мы уложим этот гипс и всё в ящик и оставим верхнюю сторону без упаковочного материала с одной бумагой и ящики зашьем. Исполнение действительно чудесное. Флорентийский sordo-muto* проработал над этой задачей 4 месяца. Это будет один из перлов собрания нашего по XV веку. Только бы судьба пощадила наше дело от дальнейших ударов. Я совершенно одинакового с Вами мнения, что поджог был актом мести, но не результатом воровства. Последнее доказать прямо нельзя. До свидания.

637. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

23 января

23 января 1905, Москва

Вчерашний день прошел у меня с Дмитриевым и Пэрком на стройке. Вскрыли мы обгоревшие ящики в Антикварии: оказались уцелевшими две нижние половины женских статуй Ватикана (в одной я узнал *Juno Barberini***), 1 сторона христианского саркофага, 1 сфинкс из каирского Вашего дара, 1 статуя «варварского» предводителя в плену из Латерана и 1 статуя Париса¹ из Ватикана. Все это сохранилось хорошо и, за незначительными повреждениями, которые легко исправить, после займет свое место. К нижним половинам женских статуй легко будет получить от наших поставщиков из Рима верхние части.

Если погибло до 175 ящиков с гипсами, то значение этой утраты до некоторой степени умаляется следующими обстоятельствами: 1) 70 ящиков заключали в себе бюсты из Лувра, Британского музея и Берлинского музея, принадлежавшие Университету и приобретенные мной в начале 90-х годов на средства покойного А.Д.Мейна и в 97 году на дар А.Г.Подгорецкой²; стоимость их не более 3000 руб. с пересылкою; 2) числу ящиков не соответствует

* глухонемой (*ит.*).

** Юнона Барберини (*ит.*).

число статуй, так как большие статуи перевозятся в 2, а иногда и в 3 ящиках; 3) вещи, отлитые нарочито для нашего Музея, если только формы сохранились, что более, чем вероятно, а относительно римских изваяний и несомненно – повторения [их] отливов, будут, конечно, куплены совершенно иначе теперь сравнительно с прежним. Я снесся с Lelli во Флоренции и с нашими комиссионерами в Риме, – и они все, сердечно соболезнуя нашей sciagura*, изъявили полную готовность сработать повторения за prezzi bassissimi**. Даст Бог, понемногу, в течение двух лет, погибшее как-нибудь будет восполнено, ибо это – очень малое в сравнении с тем большим, что возведено и что уже стоит. Но... надо же принять энергичные меры к ограждению гипсов. Вчера я болел сердцем, видя, какими ничтожными тесинками заграждены залы, служащие складами для ящиков. Их и малосильный мужичонка ломиком проломит. Надобны здесь бревенчатые стенки и двери из досок, нужны запоры, надобны надлежащие заграждения, в таяльниках³ сита и, м[ожет] б[ыть], в теплопроводах. Ведь и в Антикварий-го проник поджигатель свободно через открытый ход в подвальном этаже и пустую, тоненькую, ничего не стоящую загородку в 1-м этаже. Будь заперт и заделан таяльник крепко внизу и возле Антиквария, м[ожет] б[ыть], беда и не была так легка. Я завтра же буду просить Р[омана] И[ванови]ча приступить к умелому заграждению наших складов. Ящики приходят и станут приходить, т[ак] к[ак] задержать исполнителей нет возможности: они связаны отношениями к своим рабочим и не могут хранить готовых вещей. Вон и Альбертинум просит принять от него die Goldene Pforte Фрейбергского собора.

Когда Вы будете свободны? Мне хочется взглянуть на Ваши царские бриллианты: в какую сумму Вам их пожаловали? Ныне я на свадьбе одной ученой барышни Румянцевского музея.

638. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

26 янв 05

26 января 1905, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович

Я свободен до семи часов, если Вы находите нужным меня видеть, то я с своей стороны нахожу для себя весьма лестным и приятным повидаться с Вашим высокопревосходительством¹ и потому усердно прошу оказать мне милость посетить меня; сам выехать по сегодняшнему морозу с флюсом не могу.

Весь Ваш Нечаев-Мальцов

* беда (*ит.*).

** самые низкие цены (*ит.*).

639. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 января

27 января 1905, Москва

Заседание Комитета в четверг оказалось невозможным, так как в этот день в зале Совета заседает университетское Правление и все члены последнего лишены возможности присутствовать в Комитете¹.

Чтобы не задерживать Вас, я разослал повестки на завтрашний день, на пятницу. Ныне будем с Дмитриевым переписывать документы о потере скульптур во время пожара.

Речь о пожаре вел со мной Великий Князь; он сказал мне, что сначала это несчастье очень поразило его, но что доклады Юрия Степановича успокоили его: потеря, дескать, уже не так велика, как ему представилось из рассказа Клейна. И здесь, в этом стараньи успокоить нашего Председателя, опять сказывается Ваш, всепримиряющий, всему дающий *меру* характер. Несколько десятков тысяч рублей² унес этот ужасный поступок низкого негодяя, которому ни Вы, ни я ничего дурного не сделали; но Вы, конечно, чтобы сгладить тяжесть впечатления, представили дело несчастьем, но таким, которое не задержит дело.

Я думаю, что одни гипсы унесут тысяч 30 руб., с упаковкой и провозом. Погибли большие все вещи, которые или по назначению своему для 1-го этажа или по громоздкости ящиков, не могли быть, за отсутствием лестницы, подняты во 2-й этаж и потому сложены в Антиквариий.

Я на этих днях обсуждал с Р[оманом] И[вановиче]м вопрос об устройстве настоящей *кладовой*, которая была бы недоступна злой воле. Теперь злодей проник через открытый в подвале ход; надо сделать кладовую прямо на земле, и таким [местом] является весь угол здания к домам бывш[ему] кн[язя] Оболенского, ныне Петрово-Соловово, и гр[афа] Орлова-Давыдова³. Помещение большое и пока еще не нужное, нужна крепкая, даже обитая листовым железом дверь, прочные запоры и ставни деревянные в окнах, чтобы не проник злодей и через рамы. А.С.Протопопов обещает провести страховку в Северном об[щест]ве.

Застрахуем в 60–70 тыс. руб. Тогда можно быть спокойным. Доступа туда никому не будет. Даже ключи можно держать не в конторе, а у меня в Румянцевском музее; ведать ими будет Дмитриев, письмоводитель того же музея. Я того убеждения, что если бы кладовая была устроена по-настоящему, беды бы не было. А то доступ был и через окна с лесов и, наконец, через это роковое отверстие в таяльнике, в подвале. В кражу я не имею сил верить, как не верите и Вы.

Когда послезавтра можно видеть Вас? В Комитете хотят видеть Ваши бриллианты и даже облизываются при мечте «о литках»*, такого-де ордена никто из членов Комитета не выдывал.

640. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ

28 января 1905, Москва

Многоуважаемый Иван Владимирович

Если можете, зайдите, пожалуйста, ко мне сегодня около одиннадцати утра.

Весь Ваш НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

28 янв. 1905 г.

641. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

28 января

28 января 1905, Москва

Наконец-то Вы, хотя на минутку, видимы. А то Вас совсем заполонили интересы московского дворянства, точно юношу, впервые попавшего на выборы. Видели ли Вы ту плиту залеманского фриза, где изображены два кулачные бойца, сильные, мускулистые? Они обнажены, genitalia** у них – больших размеров и старательно отделаны. Это бы еще ничего; но тут исполнитель ли в мраморе или сам Залеман перестарались в натурализме; представив одного бойца с оконечностью ствола tēmbri*** закрытой, у другого для разнообразия или ради верности изображения петербургского мужика, служившего Залеману моделью, изваяв tēmbrium без прикрытия, с обнажением конца. Этакое натурализма в лучших созданиях ни греческой, ни римской пластики я не помню. Обсценных**** изображений на вазах немало; но и то сейчас не могу припомнить, доходило ли и там до этой оголенности. Пусть это в жизни бывает чаще, но мало ли в жизни натуральных и неизбежных жизненных явлений, а они не входят в область художественного изображения. Est modus in rebus*****. Если Залеман или его исполнитель увлеклись в эту чересчур интимную подробность, то Степанов не погрешил ли в другую сторону? Он в своих *обнаженных* фигурах совсем не помнил genitalia, сделав их такими в подражание женским фигурам античного и современного искусства. Из залеманского фриза пришли на стройку 3 мраморных плиты. Какая это прелесть!

* возлияния, попойка (В.И.Даль).

** гениталии (лат.).

*** член (лат.).

**** непристойный (лат.).

***** «Есть мера в вещах», т.е. всему есть предел (лат.). Цитата из Горация (Сатиры, кн. 1, 1).

642. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

31 января

31 января 1905, Москва

Эти дни пропали у меня для работы по Музею, потому что пришлось их отдать семейным интересам.

Умер единственный сын у Д.И.Иловайского, студент нашего Университета, отличный во всех отношениях юноша 23 лет, сраженный чахоткой¹. Трогательно было видеть отца, переступающего на днях 73-й год, с полотенцем на плече, в слезах несущим сына по кладбищу к могиле вместе со студентами, товарищами умершего по гимназии и Университету. У каждого свое горе, свой крест в жизни. Иловайскому, сыну бедного мещанина из Козлова, дано было случаем поступить в рязанскую гимназию; там заметили большие дарования мальчика, приняли его на казенный счет; на казенный счет поместили его и в Университет. Впоследствии – учитель рязанской гимназии, профессор Московского университета, писатель, педагог, составляющий себе имя на всю Россию, заставляющий учиться по своим учебникам несколько поколений, теперь «отцов» и «детей», – удалившись со службы в молодые годы, он всю жизнь проводит частным человеком, существуя только своим трудом. Обладатель порядочного имения и 2 домов в Москве (в одном живу я с его внуками²), он считается зажиточным человеком. Это обеспечение и хорошее имя в педагогии и исторической науке составляют плюсы его жизни. Но рядом и тяжелые минуты: 12 лет безнадёжной болезни его жены, смерть 2 сыновей, смерть жены, смерть дочери на 32-м году и сейчас смерть сына от второго брака. Остались две младшие дочери-невесты³. Столько в жизни смертей близких и столько похорон. Но и удивительна сила воли этого человека. После погребения я зашел к нему: начали беседовать – и первой заботой его было: «поналечь теперь на работу», а то-де в последние две недели за болезнью сына он не мог заниматься, как следует. Собирается писать примечание к оканчиваемому печатанием тому «Истории России», заключающему в себе царствование Алексея Михайловича...

Это удивительный способ хранить глубокое горе. Другой захныкал бы, замалодушничал, по русской склонности начал бы топить тоску другим совсем способом. Про покойного московского профессора Кудрявцева⁴ я читал, что он, неожиданно потерявши горячо любимую жену во Флоренции, в первые же 40 дней писал повесть с таким грустным сюжетом и в этом искал себе утешения, при необычайной чистоте и незлобивости сердца. Иловайский, как публицист, – большой воитель, злостный и решительный; это – другой характер, ищущий исхода своему горю в научном труде.

И я уверен, что он завтра же, на другой день погребения сына, с утра сядет за свои рукописи и проработает до сумерек, и только тогда сходит пешком на кладбище.

Завтра я примусь за разбор ящиков.

Будьте благополучны.

643. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

5 февраля

5 февраля 1905, Москва

Сейчас – очень поздний час ночи; более 1½ суток прошло, как находившиеся в конторе стройки Музея в момент, непосредственно следовавший за мученической кончиной Великого Князя, отправили Вам печальную телеграмму. Я с той поры, и вчера вечером, не имея возможности до 3-го часа ночи пойти в постель, и ныне днем, принимался писать Вам; но ничего не выходило: мысли путались и из-под пера слова не появлялись. Не знаю, сумею ли ясно написать и теперь, когда я бодрствую один в целом доме и кругом, на улице, такая мертвая тишина.

Эти дни Дмитриев и я производили проверку и вскрытие ящиков, уцелевших от пожара. На работу становились мы в 9 часов и оставались там, пока светло.

Так было и вчера. В конце 3-го часа мне нужно было повидать Клейна в конторе, куда мы только что перенесли осторожно Ваши дипилонские вазы¹ (к счастью, избегшие гибели, подобно всему Вашему заказу скульптур в Афинах), – и потому я остался там. Клейн пришел со стройки, и мы занялись чаем и разговорами. Вдруг раздался какой-то неистовый звонок у телефона, Клейн побежал прежде всего выбрать таким образом звонившего. Слышу однако: «ах!» и какие-то стоны Клейна. Иду туда, вижу Р[омана] И[ванови]ча с остановившимися глазами и слышу произносимое упавшим голосом: «Великий Князь убит в Кремле...» Телефонировал Рербергу, заведующему строительными работами в Арсенале², его десятник, в ближайшие же минуты по совершению убийства. Было затем время нашей растерянности и выслушивания приходивших с улицы разных слухов. Подошел с работы Раттнек³ – и мы, как бы не веря вполне в ужас совершившегося, послали Вам глухую телеграмму.

Вчера услышавши, что ворота в Кремле заперты, я лишь ныне занес свое имя в книгу Великой Княгини. В тесной передней Николаевского дворца⁴ – давка, насилиу добрался до книги. За панихидой в Чудовом монастыре⁵ такая масса официального люда всех ведомств и форм, что очень умно поступили явившиеся без шляп: ни держать их, ни креститься в этой тес-

ноте было нельзя. Дам, занявших передние места и чувствовавших себя скверно, с трудом выводили. Из царской фамилии успел прибыть Вел[икий] Кн[язь] Константин Константинович⁶. После панихиды пришлось принести последний поклон только маленькой кучке останков погибшего. Все закрыто – поверх пелен только кипарисовый, маленький, старого вида крестик, и маленький складень-образ, к ним и прикладывались. Из-под флёра виднеются эполеты мундира, очевидно, лишь положенного в гроб. Это – все от атлетически высокой фигуры Великого Князя... Головы, говорят, нет в гробе. Публика искала глазами Великую Княгиню, но в этой давке и в темноватой церкви ее не было видно. Ходили слухи, что отпеванье будет здесь, здесь же останется гроб будто бы и до весны. Так ли это, кто с уверенностью скажет?

Меня целый день спрашивали, кто теперь будет Председателем нашего Комитета. Назывались три имени: Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Ваше и принцессы Ольденбургской Евгении Максимиляновны⁷. Сторонники первого мнения говорили, что Ее Высочеству это будет утешеньем, что она продолжит и завершит любимое дело почившего блистательно, в силу положения своего в царской семье. Как сестра Государыни, она-де своими представлениями достигнет многого, а ведение дела по-прежнему-де будет в Ваших руках. Эту мысль особенно отстаивал попечитель П.А.Некрасов⁸. Жду Ваших указаний. Прибудете ли Вы сюда?

644. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 февраля

8 февраля 1905, Москва

Мы заждались Вашего приезда. Вчера утром в 11 часов отслужена была панихида по почившем Председателе на стройке Музея, в конторе, в присутствии членов Комитета и Правления Университета. Счастлив сообщить Вам, что ныне, в 7 час. вечера, непосредственно перед императорской панихидой, совершаемой ежедневно в 8 часов¹, будет от нашего Комитета панихида у гроба почившего. Вам принадлежит решение о венке, который, может быть, было бы благовременно возложить ныне перед панихидой. Впрочем, венков приносится столь много, что сделать это от Комитета будет никогда не поздно. Пройдут эти тяжелые дни, скроются от наших глаз и слабые останки Великого Князя-мученика, – и нам, под Вашим председательством, надобно будет составить адрес Ее Высочеству и после обсуждать много важных вопросов и дел. Попробую навеститься к Вам в 12-м часу.

645. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 февраля

11 февраля 1905, Москва

Когда от 1 часу до 2 ночи я стоял на дежурстве у гроба, я чувствовал какую-то необычную дрожь; ночь после я не спал, все мне казалось холодно. Утром я уже не мог встать и оставался в постели весь день и эту ночь. Сейчас я могу ходить, но слабость и усталость дают себя знать. Когда Вы предполагаете ехать во Владимир и когда нам устроить заседание Комитета? Р[омана] И[ванови]ча занимают вопросы о штукатурке стен и настилке полов в некоторых залах. Имея постановление Комитета, он намерен устанавливать леса в передних залах, чтобы в апреле, как позволит тепло, начать штукатурку стен.

Во время моего дежурства, когда церковь была заперта и в ней, кроме дежурных и очередного церемониймейстера, никого не было, происходила уборка и сортировка венков. Боже Праведный, с какой прозаической небрежностью производилось это придворными лакеями и какими-то мужиками! Ленты отрывались и сваливались в углу в кучу; фарфоровые и металлические венки растаскивались с таким шумом, что не слышно было чтения священника, делалось это так неряшливо и грубо, что украшения летели на пол и разбивались; не щадили и венков серебряных, какой бы они художественной формы и работы ни были; их лакеи отрывали от бархатных досок и издали перекидывали в кучу, образовавшуюся у подножия гроба. Этот лязг серебра в таком месте и в такой момент, эта циническая или скорее глупая небрежность лакеев и мужиков в обращении с художественными и дорогими для принесших учреждений и лиц предметами прямо возмущала душу. Среди этой грубой расправы с венками явился, еле волоча ноги и поддерживаемый под руку, Истомин¹. Измученный горем, он опустился на колени, поклонился до земли и в этом положении застыл так долго, что я подумал о его дурноте. Но он поднял голову, перекрестился и снова принял то же опасное положение. Сын-студент поднял его, подвел ко гробу – последовала за этим трогательная сцена последнего прощания, долгого, в слезах, неотрываемого... Снова падение головы на пол... Сын поднял и повел шатавшегося отца.

В Комитете позвольте мне сделать доклад о выдающихся заслугах Дмитриева во время пожара и за все последующее время разборки вещей и уцелевших ящиков. Он работал с удивительным самопожертвованием и с затратою всех сил. Такое влечение и беспримерная энергия простого писмоводителя должны быть оценены и награждены Комитетом хотя бы возвращением ему сгоревшего и изорванного в ящиках платья. Сейчас он при-

нимает ящики из таможи. Кладовую Р[оман] И[ванови]ч устраивает под Центральным залом. Там места много: надобно сделать только крепкие ставни в окнах и крепкие двери. Ныне я попробую явиться к Вам.

646. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

14 февраля

14 февраля 1905, Москва

Вчера я был занят свадьбой племянника¹ и потому не успел побывать у Вас. Какая будет программа нынешних заседаний Комитета?

1. Доклад Комитету: а) о заупокойных поминовениях по Великом Князе на стройке Музея и при гробе; б) о возложении венка; в) о дежурстве Вашем при гробе и моем; г) о присутствии депутаций на царских панихидах.

2. Вопросы о форме почтения памяти почившего – в будущем Музее. Слышатся голоса о бюсте его для Главного зала, рядом со статуей Александра III.

3. Составление телеграммы Ее Высочеству.

После 5-минутного перерыва.

4. Доклад по делу о пожаре в Музее.

5. Решение некоторых очередных вопросов по Музею.

Пока вот что приходит мне в голову. Жду Ваших указаний. Я буду в Румянцевском музее, где у меня находятся и все наши дела. Если нужно, телефонируйте туда.

647. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

17 февраля

17 февраля 1905, Москва

При всех встречах слышу одни и те же голоса о необычайной сердечности депеши Великой Княгини на Ваше имя. Ей придают личный характер как бы беседы с Вами, которого Великая Княгиня публично называет вершителем «славного дела, с такой любовью начатого Ее дорогим мужем»¹.

Мне указывают, что с Вами – первым она заговорила этим интимным языком – уже о вопросе жизни, о делах и что такая телеграмма была составлена для Вас Ею лично, а не секретарем. И я этому верю при сравнении этого ответа с депешей Румянцевскому музею, напечатанной в нынешнем же № «Моск[овских] ведом[остей]». Последняя – обычный отклик, отредактированный в двух словах секретарем.

Эти дни меня занимал вопрос, как поступить с объявленным мне через министра просвещения Высочайшим повелением, которое исполнить я был не

в силах без вреда для Румянцевского музея. Приезжал сюда Дягилев² и отобрал для выставки портретов в Петербурге колоссальные по размерам портреты семьи гр[афов] Румянцевых работы Дау, Боровиковского и др.³ и уже значительно изветшавшие. Сколько совет музея вместе с московскими специалистами по собранию картин, нашими почетными членами (Мосолов, Баснин⁴), ни свидетельствовали протоколами об этой ветхости полотен и опасности перевозки их, Великий Князь Николай Михайлович⁵, организатор выставки, испросил Высочайшее повеление о доставке их в Петербург.

Еще раз мы осмотрели требуемые полотна: дырочки в ткани и пузыри по самой живописи говорили всем нам о невозможности отсылки. Вел[икий] Кн[язь] Николай Михайлович обошел при этом вниманием попечителя Румянцевского музея Вел[ико] Кн[язя] Владимира Александровича; я изложил ему мое тяжелое положение – и вчера получил от него указание портреты оставить на своем месте и в Петербург их не отсылать. Теперь, если за неисполнение Высочайшего повеления присудят препроводить директора Румянцевского музея, на казенный счет, в Берёзов* волков гонять, должен будет туда ехать не он, а Августейший его попечитель.

Депеша к Вам долго, за Вашим выездом из Москвы, бродила в телеграфном ведомстве, пока мне не принесли ее вчера, в 11 час. вечера.

Тут же пришедший Дмитриев переписал обе телеграммы и сам снес к полуночи в редакцию «Моск[овских] вед[омост]ей»⁶.

648. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

26 февраля

26 февраля 1905, Москва

Эти дни я был очень беспокоен за судьбу чека на 6 тысяч германских марок, сделанного Шехтелем просто «на предъявителя» в берлинском банке Блейхрёдера и посланного мною Управлению музеев в Берлине в заказном письме, без объявления ценности. Охотнику до легкой наживы так легко было овладеть нужным чеком и получить по нему деньги. Тогда вся ответственность перед дарителем Шехтелем и Комитетом пала бы на меня, человека, из-за студенческих забастовок лишившегося «огромного» гонорара и потому совсем обедневшего. Но за бедными людьми Бог: ныне получено официальное извещение из Берлина о получении чека в исправности.

* То есть в ссылку, в Сибирь.

Ныне же в качестве оправдательного документа отправит Дмитриев копию с этой Quittung* Шехтелю.

У нас теперь знаменитые горельефы Пергамского алтаря будут представлены не только существовавшими до сих пор в практике западноевропейских музеев слепками, – но и одним – группой Гекаты, особенно большим и эффектным, который за 1000 марок отлит для нас специально, в 1-й раз. Мы получим и карнизы и цоколь этих колоссальных рельефов, имеющих занять 1½ стены Пергамского зала. Шехтель обещает последить за обмундировкою этого помещения гипсами сам¹.

На первой неделе Поста² мы устраиваем заседание Строительной комиссии для редактирования контрактов на полы, штукатурные и другие работы ближайшего сезона, чтобы начать их при первой возможности.

Государственный контролер³ согласился на штаты Музея в сумме 42-х с чем-то тысяч вместо 57 тыс., которых мы испрашивали. Где последовали урезки, я не знаю. Но спасибо и за это, т[ак] к[ак] сюда не входит сумма отопления. Насчет 12 000 руб. на предварительное отопление, на 2 ближайших года, государственный контролер выразил сомнение касательно количества (Р[оман] И[ванови]ч назначил ее [сумму] огулом; что она велика, говорил в свое время кн[язь] Н.С.Щербатов⁴), основавшись на заключении московского контролера Палаты⁵, я ответил уклончиво: мол, в других случаях предварительная просушка стен относится на «строительный капитал». Надеюсь на 2-й неделе Поста быть в Петербурге и склонить Павла Львовича⁶ на полное согласие, ибо у нас теперь нет «строительного капитала», а есть лишь помощь благотворителей. У меня к Лобко есть частные отношения, по которым я говорю с ним интимнее. Будьте благополучны. Как Ваше здоровье?

P.S. С посылаемым № «Кремля», вышедшим третьего дня, творится что-то невероятное. В 2 дня разошлось 45 000 экз. в розничной продаже⁷. Дом Д.И.Иловайского⁸ был в осаде от газетчиков. Мальчики между ними при мне плакали, когда, за неисправностью типографии, им не удавалось получать скоро этого №. В первый вечер разносчики продавали по 50 коп. и даже по рублю за экземпляр⁹. Невероятно...

649. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 марта

1 марта 1905, Москва

Как Ваше здоровье? То обстоятельство, что М.П.Степанов уже приобрел Великую Княгиню в председатели Православного Палестинского

* квитанция (нем.).

об[щест]ва¹, внушает мысль членам Комитета, нужно ли ждать нам дальше 40-го дня по кончине нашего Председателя? Меня спрашивают об этом, но я отлагаю эти справки до Вашего ближайшего приезда в Москву. Предварительные пути осведомления у Великой Княгини могут легко пройти и ген[ерал] Степанов, и свой человек у Ее Высочества гр[афиня] П.С.Уварова². Когда отказа со стороны Ее не будет заявлено в решительной форме, настанет момент Вашего представления просьбы Комитета.

Вы поручили мне справиться в Положении Комитета, назначается или избирается наш Председатель. Я когда-то составлял проект этого Положения, и в § 2 говорится просто: «Комитет состоит под покровительством и председательством августейшего московского генерал-губернатора Е[го] И[мператорского] В[ысочества] Вел[икого] Кн[язя] Сергея Александровича». Этот проект Положения «Высочайше утвержден» 28 февр[аля] 1898 года. Когда создавалось Положение, мы все верили и надеялись, что Председатель доведет благополучно наше дело до конца, так что какой единственно правильный ход в получении нам Великой Княгини, я не знаю. За формой едва ли и следует гоняться. И Вы, и члены Комитета, все мы желаем работать под началом Великой Княгини, и раз Она примет просьбу нашу, Государь, конечно, утвердит Ее в этом звании.

Писал я после нашего последнего заседания Комитета во Флоренцию управлению Manifattura di Signa*, где исполняется cantoria** Донателло и поручены ей же и 5 кронштейнов из той же terracotta*** с инкрустацией, как и кузов этого произведения. Я просил заготовить детальный рисунок для сбора частей этого памятника, сложного по конструкции. На Парижской Всемирной выставке³, говорят, долго бились с его установкой. Отвечают, что рисунок и наставление собирателям уже составляются. Чтобы очень скоро там обожгли 5 больших кронштейнов, я не верю. По крайней мере, эта же фабрика с 1-м экземпляром этой копии в свое время билась очень долго, перепортив много глиняных форм. Длинные кронштейны коробило от жара, и приходилось приниматься за дело снова.

Р[оман] И[ванови]ч получил от семьи Воронцова-Дашкова слух о предстоящем будто бы назначении Вел[икого] Кн[язя] Константина Константиновича министром народного просвещения. Правда ли это? Ныне по Москве говорят об уходе Булыгина и замене Треповым, Коковцова и замене Рухловым⁴. Может быть, болтает вздор старушка Москва.

* Фабрика в Синье (*ит.*).

** певческая кафедра (*ит.*).

*** терракота (*ит.*).

650. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 марта

4 марта 1905, Москва

Как здоровье? Во вчерашнем заседании Строительной комиссии проредактирован текст 3-х контрактов, на штукатурку кирпичных фасадов, на покрытие колоннады и на полы (кн[язь] Щербатов заявил снова, *террацца* будет источником порчи скульптур своими трещинами и черной отсюда пылью). Поправки, внесенные кн[язем] Щербатовым и Геппенером¹, ныне войдут в беловую. Первый контракт – с Аксерио, второй – с Козловым и Гладковым, третий – с Листом. Срок окончания работ первым из них 15 августа текущего года; сроки по прочим подрядам не проставлены как обусловленные другими работами.

Решен, к моему большому удовольствию, и вопрос о делопроизвод[ительстве] в Строительную комиссию. Я ходатайствовал о возвращении к расходу на это дело в 300 руб., предусмотренному в Высочайше утвержденном Положении, вместо 800 руб., теперь совершенно даром на 500 руб. расходующихся. При таком предложении секретарь Совета Преображенский² заявил несогласие «вести дела Комиссии», но просил выдать ему жалованье по день сдачи дел новому делопроизводителю; Комиссия определила неделю на сдачу и назначение делопроизводителем и вместе письмоводителем моего ассистента Пэрка, живущего при книгах и коллекциях Кабинета изящных искусств в новом здании. Иметь такого помощника по письмоводству желал и Р[оман] И[ванович]. Пэрк человек очень аккуратный, добросовестный, который к тому же может вести и немецкую переписку. Из него может быть впоследствии смотритель здания и чиновник библиотеки или канцелярии. Но какие бесстыдники чиновники Университета! Присосутся к какой-нибудь комиссии и сосут ее, сосут, ничего не делая. Противно было выслушивать просьбу Преображенского о «жалованьи», когда он ровно ничего не делал уже давно.

Не прошло 40 дней со дня смерти сына, как Д.И.Иловайский потерял и дочь³...

651. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

7 марта

7 марта 1905, Москва

Прошли эти похоронные дни в нашей семье, когда мне нужно было помогать бедному Д.И.Иловайскому в его новом несчастье. Схоронить сына 23 лет и дочь 22 лет на протяжении 5 недель – это и в наше время доля, редкая по своему трагизму. Но как никак приходится становиться к жизненному делу и вести обычные занятия.

Новостью настоящей минуты для Вас и Комитета является безусловный отказ Великой Княгини от наследования в нашем деле. Услышавши, что разные учреждения Москвы, где был главой или даже почетным членом Великий Князь, собираются иметь Ее Высочество своим председателем, я, чтобы не упустить время, написал М.П.Степанову просьбу поразведать при случае почву для нашего ходатайства и для депутации, которая под Вашим главенством могла бы явиться к Великой Княгине. Оказалось, что нас предупредили уже шесть московских учреждений: Школа живописи и ваения, Комиссия по памятнику Александру III, Археологическое общ[еств]во, лицей Цесаревича Николая¹ и т.д. Великая Княгиня, не видя возможности сделать выбор и не считая возможным увеличивать работу, и без того лежащую на ней по московским учреждениям, решила не принимать после Великого Князя ни одного учреждения, кроме Палестинского общ[еств]ва. Вот слова Ее Высочества, продиктованные Степанову: «Передайте, что я могу принять руководство, только вполне сознавая, что могу работать *добросовестно*». «Добросовестно, – пишет М[ихаил] П[етрови]ч, – мне велено подчеркнуть». «Добросовестно я, при существующей уже под моим ведением массе учреждений, решительно не могу заниматься новыми учреждениями. Теперь мне предлагают принять под мое руководство все учреждения в Москве, во главе которых стоял мой муж: Археол[огическое] общ[еств]во, Школу живописи и ваения и т.д.». Великая Княгиня насчитала их 7. «Быть во главе номинально – я не признаю возможным по принципам своим; серьезно же приняться за них у меня нет ни времени, ни сил, ни умения. Я приняла Палестинское общ[еств]во; но это совсем другое дело: 21 (неясно написана цифра)² год мой муж, основавший Об[ществ]во, был его председателем и руководителем; я была в Палестине и сама, с лишком 20 лет, член этого Об[ществ]ва. Но всем остальным, хотя и сердечно сочувствую, все-таки считаю нравственно обязанной отказать от чести, мне предложенной»³.

Какой ближайший шаг предстоит нам?

В Комитете решительно говорили, что Председателем, если не Ее Высочество, должны быть Вы сами, после всего, Вами сделанного для Комитета и Музея. Общим рукоплесканием мы Вас в ближайшее же заседание и будем приветствовать. Вопрос в том, согласитесь ли Вы работать без августейшего посредника между Музеем и Государем. Есть дела, обещанные Великим Князем и отложенные до окончания Музея. Их авторитетно и по природе своей могло бы доложить Его Величеству только лицо царской фамилии. 9-го сего месяца я должен быть в Вашем кабинете на Сергиевской, т[ак] к[ак] на 10-е вызывают к министру, тогда Вы сообщите Ваш взгляд:

быть может, Вел[икий] Кн[язь] Павел Ал[ександрови]ч, как член-вкладчик Музея⁴, принял бы председательство? Павел Ал[ександрови]ч очень любил погибшего; быть может, он возьмет довести дело брата с удовольствием и энергией. Он занятиями не обременен⁵.

652. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

СПб, 11 марта

11 марта 1905, Петербург

Ну уже и сонули Ваши сограждане! Вчера и ныне до открытия работы в министерствах я думал побывать у моих товарищей и знакомых и до 12-го часа не мог застать бодрствующим ни одного человека. Везде отвечала прислуга одно и то же: «Нет, еще не вставали, не выходили, т.е. из спальни». В Германии к этому времени весь служилый люд настолько наработался, что к этому времени прекращают занятия и идут обедать. А у нас «из спальни не выходили»! Нужно ли удивляться тому, что мы во всем стоим на запятках у деятельного, бодрого, трудолюбивого, знающего цену времени Запада? И что такие сонули и лентяи наработают в течение дня? В департаментах работа начинается только во 2-м часу, а в 5 все нороят вон. Зная своих знакомых, никак не думаю, чтобы они посвятили вечера служебным занятиям. Колоссальное большинство служилого люда проводят время вечером вне всяких обязательств и официальных забот. Чтобы поболтать с ними, надо будет искать их вечером, после столь *усиленных* дневных работ. Воистину ленив русский человек!

Вчера и ныне был я в разных министерствах по делу нашего Музея, именно по его отоплению в ближайшие две зимы. Вчера утром пришел ответ на проект штатов нашего Музея в Минист[ерство] народ[ного] просвещения также и от Минист[ерст]ва финансов. Читая бумаги государственного контролера и министра финансов, я убедился, по сходству выражений и употреблению одних и тех [же] слов в тех же самых местах, что ответы, согласные и в заключениях, писаны или сообща двумя чиновниками этих ведомств, или текст одного был в пользовании у другого: какое-то товарищество, какая-то условленная общая работа тут есть несомненно. И государственный контролер и министр финансов, сошедшись на цифре 42 000 руб. с чем-то на годовичные расходы Музея вместо 57 000 р., испрашиваемых нами, оба отказали в пособии на отопление здания в ближайшие две зимы, отнесши этот расход «на строительный капитал».

Я прочитал эти ответы до представления моего министру. На докладе я сообщил ему об этом и указал, что тут есть большое недоразумение, т[ак] к[ак] у нас теперь нет никакого «строительного капитала», а имеется в виду

лишь добровольная помощь со стороны отдельного лица, к которому никак нельзя предъявлять обычных норм казенного «строительного капитала». – «Что же делать, как теперь быть?» – спросил министр. Веря, что это заключение указанных лиц основано на недоразумении, я испросил разрешения у министра побывать в контроле и в департаментах Государственного казначейства, чтобы попытаться выяснить настоящее положение дел и просить о его перерешении. В.Г.Глазов сказал на это, что он первый порадует успеху, если таковой будет этим достигнут.

Тихомиров мне посоветовал найти вице-директора департамента госуд[арственного] казначейства Вебера¹ как человека, всего ближе, по его мнению, стоящего к этой бумаге мин[ист]ра финансов. Я сначала обратился еще вчера за содействием к управляющему отделом промышленности и торговли Ланговому², который ныне и познакомил меня с этим вице-директором. С первых же его слов я увидел, что он если не автор, то редактор текста министерского ответа: в такие точные цифры и подробности вдался он с самого начала. Я дал ему высказаться до конца, а потом совершенно откровенно рассказал, в чем вопрос и какое значение имеет для нас помощь в отоплении. Характер разговора тогда совсем изменился: Вебер посоветовал мне написать сказанное ему и представить это нашему мин[ист]ру для возобновления переписки по этому только пункту с Министерством финансов. При этом на первый раз, по его мнению, мы должны хлопотать только об отоплении в ближайшую зиму, с октября по апрель 1905/6 года, а об отоплении 906/7 выйти с ходатайством в свое время отдельно; тогда, после первой зимы, определится и точная цифра, необходимая на топливо. Вебер, давая эти советы весьма благодушно, однако сетовал, что наши техники не представили никакого расчета стоимости отопления, ограничившись голой цифрой 12 т[ыс.] руб.: почему-де не 14, не 10 т[ыс.] руб.? Эта бездоказательность-де бросилась в глаза и стала поводом к отказу. В свое время Клейну указывали на это и в Комитете и просили его выставить какую-нибудь формулу исчисления; но он ничего не сделал. С Вебером мы расстались очень благодушно; завтра я зайду к нему на квартиру и оставлю карточку.

В контроле дело шло в самых верхах. Вчера я расписался у П.А.Лобко, оставил ему книжку последнего «Отчета» и письмо с просьбой принять меня на $\frac{1}{4}$ часа для передоклада выше названного вопроса. Чтобы ориентировать его, я написал сущность наших желаний и их мотивы. Вчера вечером я был у него, а ныне курьер принес от него приглашение к 4 часам нынешнего дня. Для участия в беседе он пригласил г[осподина] автора ответа, генерал-контролера гражданской службы Иванова³. Разговор про-

должался около $\frac{3}{4}$ часа и все время в тоне очень милым. Иванов оказался университетским питомцем, хотя и казанским. Он думал, что я буду вести спор по всем урезкам наших штатов, и в конце помог своему принципалу* высказаться в смысле возобновления, по вопросу топки на будущую зиму, переписки нашего мин[истерст]ва с контролем. П.А.Лобко сказал, что, узнавши в чем дело, он теперь даст свое согласие, но при условии, чтобы количество топлива, жалованное прислуге и технику, было мотивировано определеннее, хотя и приблизительно. Я напишу теперь В.Г.Глазову.

Завтра утром явлюсь к Вам. Сейчас уже поздно.

653. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

СПб, 12 марта

12 марта 1905, Петербург

Согласно вчерашнему моему письму, я ныне в 11-м часу прибыл в Ваш дом и там узнал, что Вы вчера выехали в Москву. Я обрадовался этому известию как говорившему мне, что предстоявшее недавно посещение к Вам доктора Вас успокоило и послужило основанием двинуться в путь.

Вчера, проведши целый день в походах и переговорах, я только поздно мог написать Вам о результатах сих последних. Письмо пришло уже, вероятно, после Вашего отъезда. Ныне в департаменте на Бассейной просили меня рассказать о достигнутом вчера и после поручили мне написать от имени мин[ист]ра народ[ного] просв[ещения] в Мин[истерст]во финансов и в Госуд[арственный] контроль повторительные сношения по вопросу отопления Музея.

Я ныне составил эти бумаги и в понедельник¹ должен буду прочесть их с начальником отделения ученых установлений и с Тихомировым.

Для возобновления переписки мин[ист]ра по этому делу необходим расчет архитектора относительно количества [топлива] и стоимости его вместе с обслуживанием отопления. Без этого документа бумаги, составленные мной, не будут двигаться с места. Между тем государственный контролер посоветовал написать об этом деле поскорее. Поговаривают об уходе Лобко. Посоветуйте Р[оману] И[вановичу] не медлить составлением этого необходимого документа. Сделать вычисления поможет ему фирма «Залесский и Чаплин», ставящая у нас систему отопления².

Если управлюсь с делами, то в понедельник выеду. Будьте благополучны.

* руководитель (лат.).

654. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

22 марта

22 марта 1905, Москва

Мне было приятно вчера убедиться, что Ваш вид в этот приезд продолжает быть лучше в сравнении с тем, какой Вы имели в последний раз, после поездки во Владимир. Вы несравненно бодрее и в лице, и в движениях, и в слове.

Р[омана] И[ванови]ча я нашел на стройке, поджидавшим Вашего приезда в Музей; он очень тронут Вашей деликатностью, справедливо усматриваемую им в том, что Вы в отсутствие его на захотели осмотреть хода работ последнего времени. Он к Вашему приезду приготовил рисунок Римского зала. Как Вы его находите? Не велики ли продольные арки и не мало ли четырех колонн на такой длинный отдел? Расстояния между колоннами 7 аршин [4,98 м]. Не было ли бы красивее сделать арки меньше, так, чтобы было по 6 колонн на стене? Р[оман] И[ванови]ч заказал модель этого зала: интересно будет посмотреть пропорции там.

Получил я письмо от гр[афини] П.С.Уваровой; она все более и более проникается чувством уважения и дружбы к Вам и сознается, что готова «отдаться новому Музею всей душой». Она также верует, что Великая Княгиня будет, не в пример прочим московским учреждениям, Председателем нашего Комитета. Вот что она мне пишет от вчерашнего дня: «Великая Княгиня, подумав несколько дней, написала мне следующее: “J’ espère en revenant de Царское vous voir et causer à propos de ce que vous me demandez dans votre lettre de mars. Je ne me sens pas du tout à la hauteur de conduire une œuvre aussi sérieuse – de tout mon cœur je m’ intéresse et frai tout ce que je puis pour aider”^{*}»¹.

Графиня, спросив меня, кого Вы желаете иметь Председателем из августейших особ, и узнав, что Вы прямо стоите на мысли исключительно о Великой Княгине, но что лишь в это тяжелое время для Ее Высочества Вы не считаете возможным беспокоить ее, надеясь представиться Великой Княгине после, написала письмо. Как женщина настойчивая она подготовит почву для Вас. В письме ко мне она выражает надежду на окончательный успех. Дай Бог!

Вчера мы втроем (Р[оман] И[ванови]ч, Рерберг и я) обошли работы: как продвигаются они в Центральном зале, по главной лестнице и какая

^{*} «Надеюсь, возвратившись из Царского [Села], Вас увидеть и поговорить относительно того, о чем Вы меня спрашиваете в вашем мартовском письме. Я совсем не чувствую себя на высоте, чтобы вести такое серьезное дело – я от всего сердца интересуюсь им и сделаю все, что смогу, чтобы помочь» (фр.).

сильная работа идет в «мраморной» мастерской! – пилят камни разных цветов, полируют во всех стадиях², вырубают и барабаны, и капители, и базы. И как изменилась пропорция между итальянцами и русскими рабочими: 7 итальянцев – 30 русских мраморщиков, которые теперь исполняют самые тонкие, вполне художественные детали ионических нежных капителей. Чему не научится русский человек, лишь был бы хороший учитель!

655. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

6 апреля

6 апреля 1905, Москва

Этими днями я не беспокоил Вас ни посещениями, ни письмами, зная, что Вы заняты Дворянской богадельней.

После представления Вам дела о безбожно-бессовестном ведении канцелярских книг секретариатом Строительной комиссии, я написал ректору письмо, прося о сдаче новому делопроизводителю Комиссии Пэрку всего делопроизводства в его и моем присутствии. Ректор назначил эту сдачу на вчерашнее число. Но эта сдача не состоялась, так как секретарь, узнавши о предстоящем конфузе, прислал письмоводителя на стройку с просьбой возвратить ему все книги на... 10 дней (!) для того, чтобы внести туда все отсутствующие там записи нескольких лет. Добрейший И.И.Рерберг отдал книги; жаль, это нужно было сделать в присутствии ректора, чтобы он знал, каков секретарь Совета Университета, способный получать деньги и не заглядывающий в книги денежной, миллионной, отчетности. Теперь понятно, почему так долго тянул этот Преображенский вопрос о его замене другим лицом в Строительной комиссии. Неисправности оказались и другие. Остались неподписанными некоторые контракты по работам, давно производящимся и оплачиваемым.

У меня очень грустные вести из Шварцвальда.

656. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 16 апреля, ночь под Светлое Воскресенье

16 апреля 1905, Таруса

Пройдет еще час – и здешние места огласятся праздничным звоном, темная ночь озарится пасхальным светом церквей и колоколен и начнется дивная, даже и в самых скромных весях, пасхальная служба. Сию минуту жизнь этого городка как бы замерла; улицы пусты и на них ни звука. Работы канувшего дня закончены, и всякий, на свой лад внутри дома, готовится на встречу великого момента и ждет первого удара церковного благовеста. В эти тихие мгновения Пасхальной ночи я переносюсь мыслью

и сердцем к вам – всем, искренно вспоминаю вас всех и посылаю из этого захолюстья мой почтительный и живейшей признательности исполненный привет. Будьте благополучны, счастливо встречайте и проводите великий праздник и живите долго-долго, не зная несчастий. В этих словах я выражаю наилучшие мои пожелания всем членам Вашей милой, так дружно и трогательно сплоченной семьи.

За все удлиняющийся ряд лет нашего служения общему делу я привык глубоко уважать и любить Вас, привык убежденно считать Вас главным покровителем и пособником в делах моих, когда-то скромных, мечтаний! Оттого стало моей – не привычкой, не обыкновением только, но – непреодолимой потребностью в особо важные моменты года благодарно представлять себе Ваш образ, вспоминать Вас и всё, Вами сделанное в дивном, никогда и в слабой степени не жданном исполнении, повторяю, только в малых размерах в былые годы задуманного мной. Эта задача, когда-то рассчитанная мной в своей первоначальной прозаической форме обычных университетских построек среднего калибра, под Вашим руководством [превратилась] в многолетнее предприятие, о котором узнал весь ученый и художественный мир Европы. Маленькому замыслу университетского профессора Вы придали размеры, блеск, красоту и монументальность совершенно сказочного свойства, заставив посылать свои сокровища горы Урала, Венгрии, Греции, Бельгии, Норвегии и своих художников и рабочих Италию, Австрию, Германию, не говоря о России. Дивные мраморы всей Европы легли на площади прежней до ужаса грязной пересыльной тюрьмы Колымажного двора¹, и по Вашей воле, по движению Вашего широкого сердца и по взмаху мысли Вашей здесь засверкало своими колоннами и стенами изящное беломраморное сооружение, которому будет принадлежать одно из первых мест не только в России, но и между музеями всего мира.

Послал бы Господь сил окончить это разросшееся предприятие в том же величественном характере, как оно начато и ведется до сих пор. Оконченное достойно начала и настоящего своего положения, оно будет великим Вашим историческим делом. Глядя на это создание Вашего великодушия, историк по праву может сказать: «Да, немного у нас таких жизней, которые после себя оставляют такой плод и такой яркий монументальный след». Этот Музей изящных искусств, гусевский величественный храм и образцовая владимирская школа² сделают Ваше имя и Вашу память дорогими и отдаленным родам потомства. Не бывши пророком, я с уверенностью и наслаждением говорю это Вам, дорогой Юрий Степанович, в эту Пасхальную Светлую ночь. Да хранит вас всех Господь!

657. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 апреля

27 апреля 1905, Москва

Все хуже и хуже идут вести из St.-Blasien¹; сил у жены, и физических, и моральных, становится меньше и меньше. Она, отправленная туда фрейбургскими врачами для Luftkun'a*, уже давно-давно не оставляет постели и не может спускаться вниз из своей комнаты. Тогда как все остальные пациенты санатория проводят время на Liegehalle**, она вечно одна в целом этаже. Энергия ее совсем оставила, на санаторий она смотрит, как на тюрьму, из которой она готова бы бежать без оглядки, если бы имела силы. Тон писем ее полон отчаяния и жалоб на судьбу. Да и погода в Шварцвальде всю весну стоит скверная – холодно, ветры, и даже недавно был снег. Эти известия меня совсем расстроили. Я не знаю, куда перевести мою больную, если и в июне погода будет там стоять такая же дурная. Какой толк будет от пребывания в тумане, холоде и сырости летом? St.-Blasien, говорят, настолько хорош в жаркое лето, что великогерцогская чета из Карлсруэ переезжает на средину лета сюда. За нею тянутся высшие чины и знать Бадена; жизнь становится вследствие того дорогой еще более. Она оплачивается дорого и теперь благодаря высоте положения и неудобствам доставки продуктов. St.-Blasien – маленькое местечко, даже не город. Устроиться там мне, чтобы не жить в санатории, будет трудно; жить пришлось бы в другом местечке, в 1½ часах ходьбы по отличной лесной дороге. Я вместо того предпочел бы, раз погода не будет хорошая, перебраться куда-нибудь к теплу и солнцу. В прошлом году мой приятель проф[ессор] Модестов² жил летний сезон в окрестностях Lugano³ и остался очень доволен. Я опасаясь, что после прошлогоднего, чрезвычайно жаркого, лета ныне в Германии будет дурная погода во все летние месяцы. Господи, какой для меня ныне тяжелый год! Ко всем семейным испытаниям присоединилась и необходимость отправить дочь⁴ в Крым на всю весну и лето, чтобы она пользовалась югом в Алуште. А младшие дети в каждом письме умоляют взять их домой, наскучившись 3-летней жизнью за границей.

Был я на стройке, там еще только раскачиваются. Но Аксеро с своими немцами на местах и уже работают. Постом Аксеро ездил к себе на родину в Северную Италию. Там ему 86-летний отец посоветовал, если он хочет сделать действительно прочные фасады, употребить для основания оштукатурки не цемент, долговечность которого еще не испробована,

* лечение воздухом (нем.).

** веранда для лежачих больных (нем.).

а известковый материал из гор Северной Италии, доселе держащийся на стенах некоторых зданий еще римской эпохи. Добывание его идет и доселе – и Аксерио получит образцы через две недели. Гранитчики Брусова⁵ укрепляют в центральном портике верхние плиты под колонны. Начинается уже расстановка колонн в этом месте. Колино с итальянцами работает. Лист из-за отсутствия рабочих полов еще не начинал.

Полным ходом все работы пойдут не ранее Николы⁶. Народных обычаев не изменишь.

658. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

29 апреля

29 апреля 1905, Москва

Работы разгораются по всей линии. Встали на дело земляники в Классическом дворе и начали выемку земли для террас¹; приехал Брусков для определения, где повести укладку гранита в колоннаде; она в боковых частях совсем свободна от лесов, и потому постройка пола вполне возможна; лестницы для него заготовлено в прежние годы много, и, как только сложат своды², укладка гранита пойдет ходко. Мраморщики начали дело энергично: в центральном портике установлены базы колонн и уже приступили к установке барабанов. Пилят, куют, рубят, полируют мраморы всех цветов. Эта дружная и красивая работа над монументальным материалом, в *таких* размерах вошедшим в употребление в Москве впервые, производит подымающее впечатление. Эта наша «Каррара» была и прежде и ныне, когда работы близятся уже к концу, является украшением и Москвы, и нашей площади. Вчера в виде пробы приклеены на главном фасаде образцы надписей с именами художников³. Надписи идут в два ряда. Пока нужно смотреть на высоту букв и рядов; сделанные же буквы по форме не годятся. Тут нужен монументальный, так называемый лапидарный латинский стиль. Его я найду в особом издании Берлинской Академии наук *Corpus Inscriptionum Latinarum*⁴ и принесу на стройку. Образцы надписей на римских [по]стройках можно видеть и в издании «Римских древностей» *Piranesi*⁵. Эта серия томов есть в кабинете на самой стройке. Ныне же я подыщу наиболее характерные между ними.

659. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

4 мая

4 мая 1905, Москва

Теперь можно сказать, что летние работы у нас начались в их полном объеме. Под гранитный пол колоннады ставятся кружала¹ для сводов: чтобы осветить помещение цокольного этажа с главного фасада, в полу колоннады

будут иллюминаторы – 10 числом², так освещаются помещения и под колоссальным портиком Altes Museum в Берлине. Гранитчики доковывают остающуюся ледадь пола и затем перейдут к продолжению работ над внешней лестницей. Гранитчикам не уступают и мраморщики. Все готовые барабаны ставятся на центральном портике; стволы колонн подняты уже выше человеческого роста; как только Вы приедете, мы снимем Вас возле этих вздымаемых колонн, как при начале работ Вы были сняты среди глыб уральского мрамора³.

Пошли полным ходом и работы у Листа над цветными мраморами лестницы: несколько звеньев совершенно отполированы, уже выложены были вчера в Христианском дворике⁴. Они производят превосходное впечатление. Уже подходят куски розоватого мрамора из Венгрии для щек лестницы. Лист = Раттенек говорил мне⁵, что вся лестничная клетка и лестница будут готовы не позднее июля. Вот тогда бы попросить Великую Княгиню на стройку: увидавши эту прелесть мраморов, здесь соединенных в такую изящную гамму цветов, и взойдя по ней к главному залу, который к тому времени будет совсем готов почти, за исключением пола, Ее Высочество поймет, что Вы будете звать ее в Комитет только для приятных сюрпризов и удовольствий видеть помещения Музея, – уже встающие в их импозантной форме. Часто Великой Княгине бывать на стройке не придется, а через промежутки внутренняя отделка здания будет делать большие успехи. Сейчас идут работы по оштукатурке потолков в залах Египетском, в вестибюле, Аудитории, Парфеноне, Римском и под Главным залом; исправляются потолки в Антикварии и Библиотеке после пожара. Начинаются подготовительные работы по оштукатурке фасадов и открытых дворов⁶, которые получают этим летом и бетонную мостовую. Основание для бетона первого двора уже и настигается. К окончанию оштукатурки второго двора работы здесь будут окончены. Земляные работы идут в Классическом стеклянном дворике и в самом заднем зале в левом углу здания. Там грунт был неровный; чуть не погреба ли бывшей тюрьмы там были устроены. Для пола приходится делать своды. Поступают на двор стройки части мраморного фриза Залемана из Одессы. Через неделю он будет весь уже у нас; недоделанные плиты будут окончены здесь.

Саксонский король⁷ пожелал посмотреть на наш фриз у Армбрустера – и как только этот осмотр состоится, все плиты будут посланы. В июле Р[оман] И[ванови]ч надеется оба фриза поставить на места и затем закончить фасад.

Ждем Вас. До свидания.

660. НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ – ЦВЕТАЕВУ*6 мая 1905, Петербург*

Завтра субботу буду Славянском базаре

НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

661. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 мая

12 мая 1905, Москва

Вчера был у Е.Н.Самариной¹. Разговор шел о ее будущих работах для нашего Музея. Условились, что выбор образцов римской живописи будет устанавливаться взаимным соглашением ее с Комитетом. На будущий год она местом жительства избирает Париж – и потому я просил ее о нескольких образцах помпейской живописи, находящихся в Лувре². Она намерена готовить копии на дереве, предварительно покрывая его гипсом. Ее мечта – поработать для Музея несколько зим, после Парижа, в Риме и Неаполе. Судя по ее копии с Гверчино³, виденной мною у нее в гостиной (она живет в своем доме на углу Петровки и Богословского п[е]р., кажется, 1-й подъезд от угла), и с Брюллова в Румянцевском музее⁴, ее работы будут точны. Ее мысль – сработать столько, чтобы можно было украсить в Антикварии целый уголок. Впоследствии мы могли бы в этом очень большом зале поперечной стенкой сделать такой уголок-кабинет⁵.

Письмо, посланное мной с благодарностью Комитета, ее очень тронуло. Она просит в свое время написать в Рим, к представителям России при короле и папе о допущении ее к копировке. Мы говорили о свадьбе Aldobrandini Ватиканской библиотеки⁶, об образцах римской ландшафтной живописи со сценами из Одиссеи⁷, также о стенной живописи в доме Ливии на Палатине⁸.

Екатерина Николаевна принимается за это поручение Комитета с какой-то юношеской энергией. Когда я сказал ей, что Вы собираетесь навестить ее, она очень обрадовалась и сказала мне, что была бы счастлива видеть Вас у себя. С этой целью она будет дома ныне, в четверг, от 2 до 3-х.

662. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

25 мая

25 мая 1905, Москва

Графиня П.С.Уварова обратилась ко мне с просьбой устроить при новом Музее профессора Харьковского университета Редина¹, отличного специалиста по древнехристианскому и древнерусскому искусству, опасющегося остаться с будущего учебного года, в силу известного предупреждения правительства², без содержания.

Даже наш сочлен по Комитету, графиня считает для нас возможным думать об определении ученого специалиста к организационным работам над коллекциями – с окладом, обеспечивающим ему существование с семьей. Я вчера отписал ей, что у нас нет и не будет раньше открытия Музея даже и самой скромной суммы для вознаграждения за организацию коллекций и что штаты Музея вступят в свою силу не скоро и по окончании войны. Такому ученому и профессору для существования с семьей нужно ведь тысячи 2½ – 3 рублей по самому скромному и скупому подсчету, а у нас и по штатам оклад хранителя не превышает 1500 – 2000 руб. И если так неосведомлен в течении наших дел наш сочлен, горячо и искренно интересующийся успехом окончания Музея, то что сказать о других, которые полагают, что у нас дело ведется шаблонным способом, с жалованьем лицам, в нем работающим? Они, привыкшие видеть, как чиновники и общественные деятели гложут свои учреждения, не могут себе представить, что в миллионном деле кроме архитектора и подрядчиков получают теперь вознаграждение только письмоводители Комитета и Строительной комиссии Дмитриев и Пэрк, каждый по 300 руб. в год, да уплачивается Контрольной палате 600 руб. в год за ее чиновника, ревизующего расходные документы. Нужно ли поэтому удивляться, что на днях один старый московский врач, встретивши меня близ стройки, засыпанного известкой с лесов оштукатурки, начал соболезновать на тему, что «8000 руб. не вознаграждают всех моих хлопот и трудов по Музею». «Какие 8000?» – спросил я его. – «Да какие? 8000 руб. жалованья (!!), которые *выплачивает* вам Комитет за руководство!»

Ну, что можно сделать для убеждения этих людей, что есть такие работы, которые не могут быть оплачиваемы никаким жалованьем, и что предложить за них «жалованье» значит человека безвинно обидеть? Инда глаза вытаращил старый эскулап, когда я должен был в защиту от нареkania сказать ему, что у нас «жалованье» получают только 2 писаря и что не только «труды и хлопоты», но и все издержки по путешествиям за границей – мое личное дело. Он вылупил глаза и руками замахал, фыркнул при расставании.

Работы идут полным ходом по всей линии; началась грунтовка [и] оштукатурка фасадов задней части. Пришел материал из Венгрии для полов; Лист ждет приезда итальянца из Udine³, который будет руководить этими работами. Текст надписей на фасадах нарисован в масштабе. Выходит по 41 – 42 буквы в строке. Готовятся образцы букв из меди в натуральную величину. Когда Вы будете проезжать Москвою в деревню? Мой отпуск за границу – с 1 июня⁴. Мой низкий поклон всем вам.

663. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

27 мая

27 мая 1905, Москва

Какова погода в Петербурге? А здесь до вчерашнего дня стояли уже и очень жаркие знойные дни. Когда соберетесь вы все для выезда в деревню? Для Сторожева Вы пропускаете весну, какой давно-давно не бывало.

Мой заграничный отпуск еще не пришел, но к 1 июня я надеюсь получить его. Так как острое положение болезни жены миновало, ее стали выпускать из комнаты на общую Liegehalle в обществе других больных, то мы уговорились с нею – сделать мне сначала все нужное для Музея в Берлине и Лондоне, и потом уже во Фрейбурге и в St.-Blasiens.

Я так и сделаю. В Берлине намечу несколько вещей по Средним векам Германии и частью Италии, как, напр[имер], слепок с сиенской кафедры раб[оты] Джиованни Пизано¹ (в пизанской кафедре Никколо Пизано итальянское правительство Великому Князю отказало), и немногие вещи по античной скульптуре, так как горельефы Пергамского алтаря уже получены. О систематическом подборе слепков по ваянию Ассирии и Греции в Британском музее я буду писать Вам своевременно. Цены всего печатные² и сравнительно невысокие. Тысяч на 6 – 7 руб. можно приобрести все наиболее замечательное по всем там имеющимся эпохам античного искусства. Можно было бы рассрочить заказ на 1½ года, поставивши термином* 1 января 1907 г. К тому времени, даст Бог, все черные работы, как оштукатурка стен, полы и потолки, будут окончены, и, может быть, даже стены окрашены. С 1 января можно было бы, с Божьей помощью, заняться расстановкой скульптур по местам. И на это, даже с приглашением из немецких музеев кого-нибудь вроде Kühnert'a в подмогу, надо будет месяцев 5 напряженной работы.

Дела Степанова, должно быть, плохи: он, очевидно, нуждается в работе: так хочется ему получить от Вас портреты художников итальянского Возрождения и всю орнаментацию 2-го зала этой эпохи. Он ждет Вашего приезда и решения судьбы этого дела. Если ему посчастливится с заказом, поедет немедленно в Италию, там займется выработкой схемы орнаментации и подбором наилучших портретов в галереях. Надобно, в случае Вашего согласия, отдать ему этот зал, только поставить ему условием, чтобы он копировал портреты *сознее*: в Москве приходилось слышать опасения, не сделал бы он их сухо³.

Надеюсь, уже до скорого свиданья в Москве. Собирайтесь скорее.

* окончание, предел (*лат.*).

664. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Берлин, 24 июня

11 июня 1905, Берлин

Путь за границу я взял через Петербург, где у меня было дело в Синоде из-за земли домово́й церкви Румянцевского музея¹, но приехал я туда в такое время, что никого из высокоую власть имущих я видеть не мог. К.П.Победоносцев, на которого я возлагал надежду в силу его близких отношений к Румянцевскому музею², выехал из Петербурга и живет в Царском Селе. Ехать на дачу без зова я не решился, оставил у него лишь «Записку» по делу и письмо. Высших властей Мин[исте]р[ст]ва народного просвещения я не старался и видеть, услышавши, что мин[истр]р чуть не каждый день на заседаниях то Совета, то Комитета министров; Лукьянов³ же мне не был нужен, когда в департаменте мне сказали, что дело по отоплению в Госуд[арственном] Совете прошло без затруднений; только поставлен был мин[истерст]ву вопрос о времени окончания Музея и не станем ли мы просить экстренного ассигнования на тот же предмет и на следующий сезон, т.е. зиму 1906/7 года.

Слава Богу, что мы обеспечены на ближайшее время, которым, в связи с двумя летними периодами, нынешним и будущим, можно продвинуть внутреннюю отделку почти до конца.

Позвольте мне по поводу этой отделки представить следующее соображение и просьбу: здесь, в эти дни, я провожу время с утра и до закрытия в королевских музеях, которых на Museen Insel* образовался целый большой ряд: Altes M[useum], Neues M[useum], National Galerie, Perhamon M[useum], и, наконец, открытый лишь в октябре Friedrichs Museum**, в самом заду этого удивительного участка, всецело посвященного Музам и их седалищам. Рассматривая каменные и металлические полы новых сооружений, я спрашивал у администрации их мнения насчет «терраццы» – и все в управлении музеем искусившиеся люди высказались *против* этого для такого рода учреждения ненадежного материала: он выкрашивается, лопается, дает вредную минеральную пыль, которая непоправимо портит скульптуры и особенно гипсы.

У нас дело не пошло с метлахом только потому, что неудачно был избран мелкий и для целого пола не идущий образец в Средневековом зале. Уже переменнойный образец улегся лучше и не беспокоит глаза пестротой мелкого

* Музейный остров (нем.).

** Старый музей, Новый музей, Национальная галерея, Пергамский музей... Музей императора Фридриха (нем.).

и вычурного рисунка. Хорошенько не были отобраны цены по метлаху ни в Москве, ни в Петербурге; можно бы пригласить ради значительности заказа и зарубежных поставщиков, имея беспошлинный ввоз 2000 кв. сажен [9104,5 кв. м]. Рублей за 35 кв[адратную] сажен [4,55 кв. м], я уверен, можно было получить очень хороших тонов, окраски и формы. [Как] эта статья прошла [т]ак недостаточно продуманной и проработанной? Перешли на «терраццу», которая [нрзб.] будет немного дешевле по цене, но после сделается ахиллесовой пятой нашего монументального здания. Мраморные стены, мраморные и гранитные лестницы, удивляющая сложность железных перекрытий, чудная орнаментация фасадов – и здесь же ненадежный, крошащийся и пылящийся пол, который после совсем испортят наши доморощенные реставраторы. На пыль от таких полов жалуются и в Дрездене, в Альбертинуме, где и материал свой и рабочих сколько угодно, самых лучших. Дело это окончено уже сдачей его Листу; менять всю систему нельзя. Но вот, Юрий Степанович, не возможен ли с Вашего разрешения и по прямому Вашему указанию письмом или депешей Р[оману] И[вановичу] такой корректив? Ввиду того, что посредине вдоль всех зал пойдет главный путь публики, особенно простого народа по воскресеньям, не найдете ли Вы возможным сделать распоряжение проложить метлахом или камнем (метлахом, конечно, проще) продольную полосу в одну сажен ширины или в $3\frac{1}{2}$ – 4 аршина? Впоследствии именно эта полоса покроется линолеумом: субстрат, основание этого пути будет твердый, а ходить по линолеуму будет мягко. Воскресную публику, которая состоит из рабочего, большею частью фабричного люда и которой я, по опыту Румянцевского и Политехнического музеев, боюсь всего более, можно будет приучить и жгутами, повешенными на передвижных столбиках, заставить ходить только по этой главной дорожке.

Это сберегло бы гипсовые коллекции на долгое, очень долгое время. По назначению быть скрытыми под линолеумом метлахские плиты могли бы быть самые простые, четырехугольные, квадратной формы, – красные, серые, темные, под цвет «терраццы» зала. На беспошлинный ввоз метлахских плит разрешение выхлопотано нам еще Великим Князем. Простота рисунка и цвета при этом условии очень удешевит обычную цену этого прочного материала. Обсудите, Юрий Степанович, эту мысль и, если найдете ее приемлемой, отпишите Р[оману] И[вановичу]. Чтобы легче сойтись с Листом, которого это дело коснется, можно ему же передать и настилку этой полосы метлаха¹.

Я увлекаюсь* здесь, в Friedrichs-Museum, организацией собраний христианского (впрочем, есть и магометанского и персидского) искусства. Какая масса знаний у немецких ученых; как велик организаторский талант и как любят они им порученное дело! Это – дети действительно великого народа, неустанно идущего вперед. Как прекрасно архитектор утилизировал *угловую*, омываемую с 3-х сторон водою Шпрее и канала, оконечность этого участка! Здание возведено в стиле Ренессанса – со множеством света снаружи и из нескольких дворов. Здесь пока выставлены оригиналы живописи, скульптуры, архитектурных обломков, произведений художественной промышленности. Время взято до 1800 года, начиная с первых веков христианства. Больших размеров запрестольные картины и скульптуры помещены в т[ак] наз[ываемой] Базилике, построенной по образцу одной церкви во Флоренции, строго, просто, стильно, с рядом престолов в нишах по продольным сторонам. Боде, директор этого музея, получил шутовское прозвище «рыболова» за необыкновенное искусство добывать в Италии оригинальные произведения скульптуры и живописи. И чего-чего он не натаскал за свою продолжительную музейскую службу! Приобретения идут постоянно, даже до сих пор, несмотря на затруднения вывоза предметов искусства прежних веков из Италии. Рука об руку с приобретением все новых и новых предметов, с размещением их, в высшей степени наглядным, и легким, и целесообразным – идет описание коллекций для ученых и для публики. Работает над этим целая ассоциация, каждый по своему отделу. У Боде – целый штат ученых молодых пособников. Минувшей осенью я видел их всех за кипучей работой переноски предметов из Altes Museum и за расстановкой их по залам, которых только 50...

Я пока прошел, знакомясь с каждым №, до XV ст[олетия]. Интересное нововведение составляет здесь соединение скульптуры с живописью в нескольких залах. Рельефы и бюсты размещены в небольших кабинетах обок с живописью. Нижний этаж оставлен в суровой простоте, но картинная галерея и скульптурные кабинеты обиты материей разных цветов. Согласно совету Вашему, я составляю список вещей, необходимых для нас. Не буду утомлять Вас их перечнем; останавливаюсь только на главных и всемирно известных предметах. Их я приготовлю в списке для задуманной Вами поездки по окончании существенных работ в здании Музея.

До сих пор занес несколько №№ по греческой, римской и итальянской скульптуре. Когда окончу работы здесь, переезжаю в Гильдесгейм. Будьте благополучны.

* *Зд.*: восхищаюсь.

665. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Hildesheim, 27 июня (н.ст.)

14 июня 1905, Гильдесгейм

Повторительные осмотры предметов, долженствовавших со временем занять место в Музее, необходимы. Это я испытал много раз в прежние поездки за границу, испытываю и ныне. Одного кодекса* для коллекций в музеях слепков нет; при всей обязательности существования памятников общего значения длинной полосой потом идут предметы, избираемые личным вкусом собирателей музейских коллекций. Как люди каждый своего характера и своего образования, они не похожи друг на друга; оттого эта область предметов так и различна в однородных, по-видимому, учреждениях.

Я, естественно, должен держаться в подборе слепков на первое время, главным образом, линии памятников неоспоримого научного и художественного значения, присутствие которых в музеях, подобных нашему, признано практикой необходимым.

В прежние приезды в Берлин меня крайне увлекал вопрос о приобретении гальванопластического отлива так назыв[аемого] Гильдесгеймского серебряного клада (Hildesheimer Silberfunde) с превосходными скульптурными изображениями на всех этих предметах богатого домоводства начала Римской империи. Оригинал этого [клада, не имевшего себе подобия] до недавно найденного возле Помпей в селении Bosco Reale другого столь же богатого клада, так неожиданно для Италии украсившего, благодаря щедрости Ротшильда, быстро купившего эту драгоценность, Луврский музей, находится в Германском антиквариуме¹. Отлив, гальванопластически имитированный, приобретен для Альбертинума – и большими размерами и разнообразием форм это «серебро» хозяйственных предметов римских богачей привлекает там особенное внимание публики, главным образом, учеников и дам. Такое же впечатление эта коллекция будет производить и у нас: предметов (главным образом блюда, кубки, чаши, тарелки и большой, великолепно сохранившийся кратер) и много, и они так изящны, увлекательны по рисунку. Цена 2700 марок меня, однако, стеснила. Зная, что понижение невозможно, я пока не поднимал ни перед Вами, ни перед Комитетом речи об этом приобретении. И хорошо это вышло, потому что здесь, в Гильдесгейме, на месте открытия этого дивного клада, я нашел и художника-скульптора и формовщика Küsthardt², владеющего превосходными по свежести отливами главных вещей, и гальванопластическое заведение,

* Зд.: свод правил.

которое под руководством этого художника воспроизводит [их] из серебряного белого металла с удивительной точностью [по] гипсовым отливкам, которые я видел тут же, рядом с гальванопластическими, и за несравненно меньшую цену. Я просил Küsthardt'a составить последнюю смету и прислать ее нам. Если дело подойдет, то хорошо бы иметь эту, нигде в России не виданную, коллекцию столовой посуды римлян к годичному нашему собранию, которое, как сдается мне, будет вести у себя, в Николаевском дворце, Великая Княгиня. Хотя ей Берлин и ближе был, чем нам, но эту коллекцию она едва ли помнит; она высказывала сожаление, что по музеям ее водили в те молодые годы, когда она «еще мало понимала» в искусствах.

Küsthardt исполняет для нас главнейшие романские памятники; здешние «бронзовые» двери и «бронзовую» колонну, т[ак] наз[ываемую] Bernwardscolonne начала XI в.³, фотографии которых я представлял Комитету в последнем годичном собрании. На месте здесь убедился в свежести форм отливов и в необыкновенной тщательности работы. Küsthardt – человек средних лет, сын профессора скульптуры, хорошо образован, влюблен в романские памятники архитектуры и ваяния, которые в такой чистоте сохранились и в таком количестве именно в его своеобразном городе-музее, и натура чисто художественная. Он, словно давнего друга, водил меня по городу, к главным его зданиям, домам и церквям и в местные два музея. Деятельный член комитета по сохранению местных древностей, он, при образовании*, был превосходным чичероне.

Город сохранил свою старинную физиономию: дома его верхними этажами выступают вперед, так как это, при крайней узости улиц старого города, было единственным средством иметь комнаты в домах подлиннее, и поддерживают окраску и роспись своеобразных фасадов. Hildesheim – это Нюрнберг в миниатюре, но главные его памятники, как собор, St. Michaeliskirche⁴ и др[угие], идут из X и XI веков. У нас будет немного вещей отсюда, но они первостепенного значения в истории романского стиля: два вышеназванные памятника и бронзовая крестильная купель⁵, украсившая собор, как и двери и колонна, перенесенная сюда с площади, занимают главное место в истории пластики Средних веков в Германии.

Как Вы были правы, утверждая в свое время в ответ на мое сомнение насчет возможности наполнения у нас соответственного зала, что, напротив, этот отдел Музея будет нисколько не хуже других зал. Теперь уже видно, что здесь будут всё вещи, кардинальные по своему значению и весьма

* То есть при своей образованности.

разнообразные по материалу: и мозаики, и «бронзы», и произведения каменной скульптуры с фасадов кафедралей Германии и Франции. Только бы все это благополучно и красиво встало на свои места! Средневековый зал, по раскраске потолка и с окраской стен в желтовато-серый цвет, может нами быть наполнен скульптурами раньше всех зал, так как, за исключением этого, у него все готово, – и пол, и оштукатурка стен. Р[оман] И[ванови]ч высказывается за постепенную децентрализацию скульптур по мере отделки зал. И так как раньше готовы будут в существенном залы Средневековый и 2 зала Возрождения, то придется и разнести соответственные ящики сначала по этим залам. Таким образом, будут опрастываться и верхние, и нижние помещения, ныне занимаемые гипсами. Но, для того чтобы оказалась возможность поднять осенью большие ящики, идущие в залы 2-го этажа, необходимо сделать лестницу в Христианском дворике, так как это единственное место, которым можно будет переправить туда громоздкие клады. Меньшие ящики поднимали через таяльник, но эти там не пройдут. О поднятии же их по мраморной лестнице главного входа нечего и думать: это наше сокровище должно быть свободно от всякой тяжести. И ныне и после клады должны быть поднимаемы по доскам, накладываемым на гранит ступеней монументального входа Христианского дворика, как этот же вход будет исключительно служить по воскресеньям и праздникам, а равно и при экскурсиях из учебных заведений. Иначе через один год и не узнаешь этой красавицы!

Как нужно быть осторожным на западноевропейских железных дорогах! В Берлине на Potsdamen Bahnhof* мне сказали, что в Hildesheim со скорым поездом мне вечером можно выехать в 7 с чем-то часов, и выдали билет прямого сообщения. А на деле оказалось, что наш поезд шел прямо совсем не туда; я должен был потерять 1½ часа в Марбурге, которого за темнотой видеть не пришлось, а потом в Брауншвейге мне сказали, что я должен был тут ночевать, так как поезд в Гильдесгейм пойдет только в 1-м часу утра. Соснуть посоветовали ехать лучше в Ганновер, откуда-де можно выбраться скорее. Но в Ганновере меня заставили заплатить за лишний проезд, а потом утешили, что мне придется ждать до ½-ны [половины] 6-го. Был 3-й час ночи, брать помещение в отеле на 3 часа не стоило. Мне указали на большое кафе, не закрывающееся до 4 часов утра (!). Это первое кафе города со множеством газет, даже оказались там и «Новости». Я спросил, кто же читает эту, поданную мне, уже значительно помятую, газету, и мне ответили, что в здешнем Политехникуме много русских евреев, что они и приходят

* Потсдамский вокзал (нем.).

читать ее. В 3-м часу за полночь публики было довольно; рядом со мною в уголке сидели старушка и мужчина с дамой и потихоньку шлюкали* шампанское. Это был какой-нибудь семейный праздник, так долго затянувшийся. В 4 часа вышел к нам хозяин уже без пиджака: это послужило сигналом встать и покинуть мое убежище. Было уже светло – и я пошел гулять по городу, который все еще не улегся: молодежь кучками выходила на улицу и спешно отправлялась спать. Перед бывшим королевским дворцом, среди массы зелени и цветов, я встретил полицейского и спросил, в каком часу совсем затихает жизнь на главной улице, – «у нас гуляют всю ночь», – последовал ответ. Где же старинная простота немецких нравов, эти ранние тушения огней и раннее вставанье? Их уже нет, как улетели и те старые годы. Ганновер поражает массою цветов и ползучих по стенам растений и деревьев. Одна боковая улица оказалась сплошь застланной диким виноградником и плющом, а в палисадниках цветы всех колеров без конца. Как мало мы – русские – любим цветы и растительность вокруг себя! Нет у нас на это ни вкуса, ни знания, ни влечения к украшению своей домашней обстановки. Хоть бы женщины занимались цветоводством, так нет; их, видите, надо пустить в парламент, в земские собрания, в городские думы: там-де они покажут свои силы. А домоводство им скучно, оттого они сидят и в пыли, и в грязи, зато читая газеты и книжки. В Германии дамы и девушки с лейками в руках среди кустов и цветов – повсюдное явление, в наших городах это явилось бы диковиной. Будьте здоровы. Сердечный привет Софье Степановне и Анне Степановне.

666. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Париж, 29 июня (н.ст.)

16 июня 1905, Париж

По составленному в Москве маршруту я должен был приехать в Лондон раньше Парижа. Но буря, разыгравшаяся при въезде нашем в Кёльн и обещавшая этой ночью тяжелое плавание от Остенде¹ до Дувра, меня утратила – и я повернул на Париж. Билет на этот конец стоит скорым поездом 20 фр[анков] 20 сант[имов], езды одна ночь; в 9 час. утра я уже ехал здесь по Бульварам на левый берег Сены на rue Bonaparte к Ecole des Beaux Arts, в маленький и старый отельчик d'Isly, где за 2 фр[анка] в день дают мне покой размерами не менее Salle des Glaces** Версальского дворца² и со входом таким узким и темным, какого там и нет и какие есть только в «отелях» по сю

* пили глотками (от нем. schlucken, глотать).

** Зеркальный зал (фр.).

сторону Сены с их архаическим устройством. Тут я останавливаюсь 15 лет, хозяйка-старушка знает всех моих детей, их не выдавши, встречает меня, как родного, хотя и никак не может выучить моей фамилии, и слабого представления не имеет о том, что я тайный советник, имею звезду и grand cordon*, не считая тех орденов, что Вы пожаловали мне в знаменитой депеше³. Она не знает, что я такой важный чиновник, потому что, если бы я сказал ей, она не поверила бы, чтобы такие советники и носители гран-кордонов на свете были, а затем, притворившись, что верит, подняла бы цены с 2 фр. на 2½ и за утренний café complet** ставила не 1 фр., а 1¼ фр. Не желая смущать ее старое сердце, я и остаюсь для нее monsieur le professeur de Moscou*** и ординарной цены.

Читая такие цены, столь несходные со счетами Вашего «Славянского базара», где с Вас берут 18 руб. в день за N^o, не думайте, что Hotel d'Isly – какая-нибудь мурья****. Задала бы Вам его обладательница за такое мнение! Ее отель стоит даже у Бедэкера⁴, хотя и на последнем месте; многие нововведения отелей и людей роскошных, как газовое или электрическое освещение, сюда, конечно, еще не проникли, да хозяйка раньше кончины их у себя и не применит. Для каждого N^o в ее comptoir***** при ключе стоит свечка, ее жилец сам зажигает и, взбираясь по узенькой и темной, как могила, лестнице, сам себе освещает свой путь. Эта свечка служит ему при раздевании и даже для начертания вот этого письма. Нет, Вы с Вашим «Базаром», пожалуйста, не важничайте: в моей chambre***** – камин, которого у Вас не бывает, на камине бронзовые часы под стеклянным колпаком, по парижскому обычаю неизбежные, и неизбежно не идущие; над камином зеркало в золотой раме, громадное и безукоризненно отражающее мою красоту, зеркало и в двери платейного шкафа. Круглый стол посредине, стол для письма с разными ящичками в углу у окна; диван непродавленный, кресло с 4 ножками, стул, не возбуждающий никаких сомнений в своей работоспособности, кровать красного дерева и ужé, конечно, шире Вашей кровати во Владимире, где Вы этой зимой с нее упали ночью, постель чистая. Чего же Вы хотите еще за те же 2 фр. = 74 коп. в сутки? А близость какая отовсюду! E[cole] d[es] B[eaux] A[rts] почти напротив, Institut de France в двух шагах, против него Pont de Savants, ах нет: P[ont] des Arts*****, ведущий во

* орденская лента, носимая через плечо (фр.).

** первый завтрак из кофе с молоком, булочками, маслом и джемом (фр.).

*** господин профессор из Москвы (фр.).

**** лачуга, конура (устар.).

***** контора (фр.).

***** комната (фр.).

***** Мост Ученых... Мост Искусств (фр.).

двор Лувра. Нет, я всегда буду останавливаться здесь, пусть мой сын уже роскошествует, помещаясь в отелях нового устройства и платит по 2¹/₂ фр. за №. Здесь прекращаю. Я много ходил, до самого вечера, и был во многих местах. Очень устал.

667. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

30 июня

17 июня 1905, Париж

25 лет назад, в Петров день, я был в Риме¹ и присутствовал при торжественной службе в храме Св. Петра. Народу было масса, до 50 т[ысяч] человек. Площадь перед храмом также представляла зрелище дивного оживления двигавшихся толп. Хотя королевский Рим и очень индифферентен к религии и обрядам, но все же этот день был большим праздником для всего города. Но в Париже это решительные будни. Здесь все и всё работало, как в правительственных учреждениях, так и в частных; торговля и все работы шли своим чередом. Мне пришлось быть в канцелярии Луврского музея: чиновники сидели на местах, и при мне служители получали жалование за июнь (я полюбопытствовал насчет их окладов; не Бог знает что им платят: 1700 фр. в год; даром, что они такие brave в своих треуголках, – вероятно, форменный костюм у них казенный); я спросил в отделении лепных работ о значении Петрова дня и узнал, что у них, в Париже, он не празднуется. Это – в католическом городе! Куда же девался догмат об особом значении апостола Павла² для католической церкви!

Первым моим выходом в Париж был визит в лепную Ecole des Beaux Arts. Начальник ее, г. Sadaune, тот самый, который в прошлом году провел дело понижения цены за угол Парфенона с 25 т[ыс.] фр[анков], каковую объявило мне письмом Мин[истерст]во нар[одного] просвещения, до 8 – 10 т. фр., сказал мне, что его ведомство переведено в Trocadéro и имеет еще филиальное ателье на улице Faytière* и что наш Парфенон исполняется в этом последнем. Он предложил мне ныне съездить вместе туда и посмотреть не отосланные в Москву части. Тут он сообщил мне, что американский музей в Мексике, как только узнал о нашем заказе, захотел иметь экземпляр и для себя. Таким образом, зараз отливаются 2 экземпляра. Ныне мы были в мастерской, и я видел несколько барабанов колонн: какой они импозантной величины и вместе с тем какой легкости!

Они – пустые и делаются на марле. Работа, как первого отлива – чрезвычайно чистая и отчетливая. У нас будут 3 колонны и часть антаблемента. Три

* Фэтьер (фр.).

ящика с частями колонн пришли на стройку дня за два до моего отъезда из Москвы; четвертый ящик – в дороге.

668. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 июля

18 июня 1905, Париж

В деле приобретения угла Парфенона американцы воспользовались нами, которые должны были первыми оплатить заготовление формы для отлива и устройство лесов при этой работе. Теперь пришла, по игре случая, пора американцам вынуть каштаны из огня для нас. Музей в Pittsburgh'e, существующий на средства миллиардера-мецената Carnegie¹, заказал профессорам архитектуры и скульптуры здешней Ecole des B[eaux] Arts приготовление портика кариатид и памятника Лисикрата² в натуральную величину. Щедро оплаченные специалисты теперь ревностно работают над этой задачей, выписавши отливы сохранившегося в Афинах и имея для этой цели в своем распоряжении рисовальщиков и формовщиков своего учреждения. В цене с американцами администрация E[cole] d[es] B[eaux] A[rts] не стесняется, назначив за отлив одного памятника Лисикрата 25 000 фр. Заказ сделан по телеграфу, и ответили им о цене тем же путем. Получивши согласие на это условие, принялись здесь же за работу, которая потребует времени около года. Sadaune нам первым сообщает об этом предприятии E[cole] d[es] B[eaux] A[rts], предлагая возможность приобрести отливы этих памятников за цену, в 5 раз меньшую сравнительно с американцами. Я прошу его сделать подсчет какого только возможно minimum'a ввиду того, что мы доставили E[cole] d[es] B[eaux] A[rts] форму угла Парфенона, которая сослужит им хорошую службу и в Европе и в Америке. Он обещал это сообразить и назначить цену исключительно сходную. Когда узнаю, сообщу ее Вам и Комитету.

Парфенон, портик кариатид и памятник Лисикрата, какая красота греческой архитектуры и какие перлы нашего Классического двора!.. Сердечно кланяюсь.

669. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Париж, 3 июля

20 июня 1905, Париж

Для Е. Н. Самариной я нашел в Лувре двоякую работу: 1) копии образцов помпейской и римской живописи из Collection Campana¹, помещенной здесь отдельно, и 2) копию орнамента Ассирийского зала, исполненной здесь по указаниям лучших специалистов. Тут расписаны двери, карнизы,

потолки в обоих залах. Было бы очень полезно Р[оману] И[ванови]чу иметь рисунки хотя бы главного, исполненные теми же, хотя и немногосложными, красками. Орнаментация тут трафаретная; надобны только главные мотивы. Екатерина Николаевна копирует превосходно; человек она свободный, богатый, собирается иметь помощников для подготовительных работ; думает она работать на досках. Я только что написал ей просьбу по этим двум вопросам.

Был я у Cristofle'я² по делу Trésor de Hildesheim*, о котором я Вам писал в прошлый раз. Репродукции его из посеребренного и отделанного позолотой металла действительно великолепны. Всех – 30 предметов, между ними огромный кратер, весящий в подлиннике «30 livres et 1 scrupule**» [1 кг 198,5 г], и большая патера с фигурою Минервы³ в горельефе. Все вещи превосходные, эффектные и поучительные, многие с надписями. Цена коллекции 2758 фр., но мне там сказали, что если мы напишем самому Cristofle'ю письмо, то она, может быть, сбавится до 2500 фр. В Hildesheim'е мне обещали изготовить копию из белого металла за цену гораздо более сходную; но золотить там станут только по копии того же Cristofle'я, подаренной городу взамен отнятого, по присоединении Ганновера к Пруссии⁴, оригинала Вильгельмом I.

В Дрездене копия Cristofle'я; стоит ли из-за той уступки, которую нам сделают в Hildesheim'е из 900 руб. здешней платы, терять уверенность в точности исполнения! Если бы еще оригинал был там, тогда на тамошнее гальванопластическое заведение можно бы, при руководстве Küsthardt'a, которому я очень верю, положиться. Парижские репродукции делались в Берлине и признаются в археологической литературе отличными⁵. Буду ждать Вашего указания. Cristofle к ноябрю, к годовичному заседанию Комитета, экземпляр нам приготовит и прислать успеет. Успеют ли сделать это к сроку в Hildesheim'е – не знаю.

К поездке Вашей за границу в будущем году я приготовил несколько вещей наибольшего значения, как по искусству Востока, так и классическому. Итальянский Ренессанс у нас представлен богато; более отсюда, кроме «Рабов» Микеланджело с памятника папы Юлия II⁶, нам ничего не нужно, пару-другую замечательных в Лувре бюстов можно приобрести всегда.

Был в посольстве по делу копии Puits de Moïse в Дижоне. Мин[истер]ство народн[ого] просвещения Франции должно знать, какому формовщику мы желаем отдать это дело; принципиальное же разрешение дано

* Кристофля... Гильдесгеймского клада (фр.).

** 30 аптекарских фунтов и 1 скрупул (фр.).

еще на бумагу Великого Князя. Я написал имя формовщика E[cole] d[es] V[eaux] A[rts], который объявил цену в два раза меньшую, чем его коллега в Trocadéro, заломивший 20 т. фр. Жду из E[cole] d[es] V[eaux] A[rts] цены слепков портика кариатид и памятника Лисикрата. 1-й из них существует в Школе уже давно. Я его видел и измерял здесь вчера. Какое украшение составят эти вещи для нашего Классического двора! На нас, русских, еще эстетически невоспитанных, надобно действовать сначала предметами большими и цельными. Угла Парфенона и этих двух памятников никто из посетителей уже не забудет, хотя бы и запомнил их названия.

Сейчас поплыву на «Hirondelle»* в Trocadéro.

Будьте все благополучны. Здесь погода очень переменчивая, без зонтика нельзя выходить.

670. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Лондон, 7 июля (н.ст.)

24 июня 1905, Лондон

Наиболее дешевый путь от Парижа до Лондона на Дьепп – Newhaven**; я и взял его, хотя он и связан для меня с очень тяжелым воспоминанием. В 1890 году на морском переезде, в бурную ночь, нас носило чуть ли не полторное количество времени, и я, страдая сам, был свидетелем ужасных сцен с дамами и детьми. Но на этот раз море было тихое, все время публика была на палубе, здесь мы любовались и чудным восходом солнца. Из Newhaven'a головокружительный экспресс домчал нас до Лондона. Не умея говорить и даже понимать разговорную английскую речь, я в прежние приезды останавливался в одном пансионе поблизости Британского музея, где прислуга говорила по-немецки; но, как я слышал, хозяева этого boarding-house*** переменились, пансион стал исключительно английским.

В Париже мне посоветовали ехать на Greek street, близ Soho square****, также неподалеку от этого музея, на улицу, где слышатся все европейские языки, в особенности итальянский, немецкий и французский. Назвали мне и итальяно-немецкий отельчик; туда я и направил здесь извозчика, давши ему написанный адрес. Улица оказалась почти итальянской, так много снует тут итальянцев, вот и сейчас, как пишу я эти строки, итальянец-шарманщик услаждает детвору и игрой, и каким-то романсом. В другом месте слышится другая шарманка с плясовым мотивом – и, по здешнему обычаю,

* «Ласточка» (фр.).

** Ньюхейвен (англ.).

*** пансион (англ.).

**** Греческая улица... площадь Сохо (англ.).

девочки, вероятно, носятся по мостовой, выделявая все артикулы соответственного танца. Другой день я провел в Британском музее. Его я близко, в отделе классической скульптуры, изучал раньше; бывал я для этого три раза в разные годы; в 95 году мы с женой переметили и все лучшие сохранившиеся памятники ассирийского ваяния. Все замечательное давно сформовано, а так как университетские музеи гипсовых слепков уделяют места Востоку крайне мало, то формы – свежи и отливки по ним выходят весьма отчетливы. Я сверил прежние записи лучших №№ – и они оказались в полном соответствии с действительностью. Это несомненно все замечательнейшие вещи, приобретение которых составит и содержание и украшение нашего Ассирийского зала. Цены за эти рельефы невысокие, от 1 до 10 фунтов за №: 5 – 6 – 7 – 8 – 9 и один № в 10 фунтов приходится на большие по размерам плиты Нимрудского дворца¹. Другие плиты идут больше за 2 ф[унта] 10 шилл[ингов].

Но в последнее время процентов на 25 цены за слепки Британского музея повышены, как мне сказали, по двум причинам: 1) вследствие рабочего движения, которое своими требованиями повышенной платы удорожило все производства Лондона, а также и наших гипсов, и 2) вследствие таксы в 8%, наложенной управлением музея на все отливки, исполняемые его комиссионером Вруссипи*. Заказы им предъявляются управлению всякий раз для уплаты следуемой пошлины. С восточного искусства доход, конечно, музею небольшой; но с отделения классической скульптуры он должен быть значительный, ибо исключительно отсюда идут [отливки] на весь ученый и художественный мир, а особенно в последние годы в Америку, в ее колоссальные и многочисленные музеи слепков.

Как для других, так и для нас будут здесь неизбежны из нескольких эпох греческого искусства: 1) для архаического периода – милетские и ликийские скульптуры² и т[ак] наз[ываемые] «Аполлоны»³, 2) для Фидиева века кроме Парфенона скульптуры фиγαийского храма Аполлона⁴ и кое-что для Поликлета⁵, 3) для IV в. главные изваяния Галикарнасского мавзолея⁶ и кое-что из эфесских скульптур⁷. Все эти вещи всемирного значения; ими наполнены соответственные обозрения в руководствах по греческому ваянию. Записи у меня сделаны в 95 году; придется их лишь проверить.

От Ассирии я ныне перешел к Египту. Здесь это отделение много беднее берлинского. Что всего более здесь поражает, так это обилие статуй богини огня, с кошачьей мордой, Sekhet⁸. Должно быть, в свое время английская ученая экспедиция напала на какое-нибудь святилище этой богини

* Вруччани (*ит.*).

и отсюда навезла этих статуй и бюстов. Более интересны тут, кроме общеизвестной статуи Аменофиса III или Мемнона греческих писателей⁹ (XVIII династии), мелкие вещи и колонна, прекрасно сохранившаяся¹⁰, ради ее характерной отчетливости недавно отлитая администрацией музея, вероятно, по какому-нибудь американскому [заказу]. Завтра у нас назначено свиданье с главным мастером у Bруссiани, итальянцем. Сам представитель* фирмы только держит ателье, созданное его отцом, он ничего не понимает ни в деле слепка, ни в итальянском языке. Этот мастер сказывал мне ныне, что у них исполняются имитации краскам оригиналов очень хорошо и что египетские и ассирийские скульптуры у них в последнее время музеями иначе и не приобретаются, как в окраске и полировке по свойству оригиналов. То же мне говорили и в Париже, в Лувре, два Arrondelle, отец и сын, лепщики этого музея, доведшие подражание подлинникам до виртуозности. Да и Британский музей не признает исключительно белых гипсов; он их имитирует камню, мрамору, бронзе.

В этом году в Бремене был конгресс представителей художественной промышленности, на котором обсуждались и меры к сохранению и лучшему виду слепков, потому что, исключительно белые, в большом количестве, они производят удручающее впечатление гипсового ателье.

Какое богатство и какой строгий подбор в художественных коллекциях Британского музея! Сколько у него предметов в запертых углах и в подвальном этаже! Их не выставляют, чтобы этим материалом археологического только, но не художественного значения не захламошить выставленные собрания. Какая масса книг и брошюр по описанию коллекций, а все это оттого, что в администрации музея столь известные в науке специалисты. [Заведующими] отделением классических древностей, например, состояли преемственно Charles Newton¹¹, открывший миру Галикарнасский мавзолей, Alex[andr] Murray¹², автор сочинения по истории греческой скульптуры, теперь его заменяет Cecile Smith¹³, перед тем бывший все время на службе музея, составлявший описание разнообразных его коллекций, отличный специалист по классической археологии. В прошлый приезд я нашел его за такой работой перенесения бронзы и металлических предметов из одного помещения в другое, что руки у него были черные, как у кузнеца, и потому он мне постеснялся протянуть их. Вот каким путем готовятся здесь к управлению музеями и другими учреждениями.

А у нас недавно, со смертью Половцова¹⁴, открылось место заведующего придворным архивом – и у мин[ист]ра Двора составилась список охотников на

* Зд.: глава (устар.).

7000 руб. оклада и на готовую квартиру больших размеров в 36 человек петербургской оседлости, людей всякого возраста, чина и положения, только не архивного значения, которое на том месте нужно. Место, в конце концов, после борьбы и хлопот получил бывший профессор Варшавского университета Грот¹⁵, да и то только потому выигравший кампанию, что у него знатной и сильной родни пол-Петербурга. Мать его – рожденная Семёнова, сестра П.П.Семёнова и Н.П.Семёнова¹⁶, прошлые связи в высшем служебном мире по отцу и дяде Я.К. и К.К.Гротам¹⁷. Без этого он не получил бы этого места.

Здесь кончаю, уже очень поздно, улица затихла.

671. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

8 июля

25 июня 1905, Лондон

На совещание о том, как могли бы исполняться те слепки, которые Вы найдете нужным заказать в будущем году, явились ныне в условленный час в Британский музей сам представитель фирмы Brucciani и его главный мастер-итальянец. Разговор наш шел по-итальянски, причем мои слова или мысли переводились не понимающему этого языка Brucciani итальянцем по-английски. Таким образом наша международная конференция прошла весьма благополучно. Мы втроем прошли египетский и ассирийский отделы, побывали в нескольких залах греко-римской скульптуры и осмотрели, таким образом, все наиболее важное для первого заказа. Побывали мы и в канцелярии музея, секретарь которого узнал о нашем обходе скульптур и пожелал познакомиться со мной. Это – молодой человек, говорящий по-французски. Я пожаловался ему на несоответствие №№ каталога слепков №№-рам оригиналов. Каталог перепечатывался все со старой, давно оставленной системой обозначения разных инвентарей и со ссылками на ученую литературу, где можно найти изображения и объяснения предметов. Но книг с собой посетитель музея, желающий приобрести гипсы, не носит, а нумерация памятников на их пьедесталах теперь совсем другая. Лично для меня не могла составить затруднений классическая литература; там вещи почти все – известны. Но в египетской и ассирийской скульптуре, да и в сложных композициях и классической, напр[имер] в фиγάλийском и галикарнасском фризах, это несоответствие нумерации весьма затрудняло работу. Секретарь засмеялся и, сказавши, что уже многие иностранцы жаловались на это, подал мне *Br[itisch] Museum. List of Casts from sculptures ets. in the departments of Antiquities, sold by Mess-rs Brucciani et Co. London, 1905**.

* Британский музей. Список гипсов со скульптур и т.п. в отделах древностей, продаваемых господами Бруччани и К^o. Лондон, 1905 (англ.).

Это издание – официальное, где обозначение памятников сделано в хронологическом порядке и в соответствии с новейшей каталогизацией собраний. Любопытно, что ни Вруссіані, ни его мастер не знали о существовании этой брошюры, и потому мы и уговорились было так, что я в своем списке желательных для нас предметов буду проставлять нынешние №№ их, а они уже сами после определяют, какому №-ру соответствуют прежние обозначения их устарелого прејскуранта-каталога, хотя и напечатанного в последний раз лишь два года назад (1903). Новое издание снабжено и несколькими фотографическими изображениями, так сказать, перлов классической скульптуры.

Напряжение конференции нашей было большое, а потому я свободно вздохнул, когда мы расстались и давно наступило время завтрака. Занимающиеся в музее могут подкрепляться в тут же находящейся столовой, и поесть, и выпить чаю, кофе, шоколаду. В прежние дни я и ходил туда, смело прося себе пицци по-французски; девицы здешнего буфета по-французски не говорят, но понимают, если судить по тому, что вместо хлеба с маслом и чаю они мне не подавали ни курицы, ни ростбифа. Но ныне, на остальную часть дня, мне хотелось проехать в South-Kensington museum, и потому я решил побывать в каком-нибудь из ресторанчиков на New Oxford street*, где их тысяча и, судя по меню, выставленному на окнах их, всяких цен. Видя, что публика особенно энергично входит в один магазин гастрономический, и имеющий и столовую внизу и наверху, взошел и я. Не найдя свободного места внизу, я поднялся наверх; присутствие там исключительно дам-потребительниц меня, было, смутило; но одна из прислуживающих девушек закивала мне и, мило улыбаясь, указала мне место за мраморным столиком у самого окна. На столе находилось меню с ценами и названиями уже готовых блюд. Обстановка по чистоте образцовая, выбор блюд большой, прислуживают быстро, черные платья и большие отложные воротники и большие широкие манжеты женской прислуги безукоризненной чистоты, хороший, не французский тон обращения с нею публики и, наконец, главное, цены – все это – такой идеал, которого в деле общественного питания нам в XX ст[олетии] никак не достичь. Тут, сравнительно с нашими трактирами, кухмистерскими, столовыми, при чудных внешних формах (помещение, сервировка, прислуга, тон общества), питаются совсем за пустяки. Цен выше 1 шилл[инга] нет ни за какое блюдо, а больше 4, 5, 6, 7 пенсов. Мне дали ростбиф, стакан прекрасного молока и много пудинга с вишнями, – и за все я это заплатил 1 шилл[инг] = 47 коп. А как это было все подано и как красиво питается тут публика! Скоро пришел другой мужчина.

* Южно-Кенсингтонский музей... Ново-Оксфордская ул. (англ.).

Я перестал стесняться своим одиночеством в дамском обществе, надел очки дальнего боя и наблюдал своих соседок. Все они поедали свежие, хорошо приготовленные вещи и, насколько я мог рассмотреть у соседок, платили пустяки, тоже в пределах шиллинга.

Это неправду у нас говорят, что Лондон – дорогой город. Он тоном населения Ваш Париж, но конкуренция здесь установила совсем дешевые цены на всё. Так платье, и мужское и женское, судя по этикетам на окнах, очень дешево, дешевле, чем в Берлине; рестораны, блистающие чистотой и щегольством мужской прислуги, обыкновенно приглашают обедать за 2 шилл[инга] 6 пенс[ов]. Это – цена совсем великолепных по виду учреждений, цена высшего калибра (я не разумею здесь больших отелей) для среднего класса населения; другие цены – 1½ и 1 шилл[инг] за обед. Вина пьют мало, а или стаут¹, [или] еще чаще разные сорта немецкого пива, которое, как говорили мне в моей гостинице, совсем вытеснило английский эль² и распространилось теперь по всей Англии. Нет, англичане сумели сделать свое питание очень *дешевым* и чисто, изящно обставленным.

Будут ли эти формы, будет ли эта дешевизна у нас? – думается мне при виде здешних порядков. Пока у нас все страшно дорого и, если взять не Петербург, не лучшие рестораны Москвы, часто страшно грязно. Русские не научились даже устроить дешевого и чисто, красиво обставленного общественного питания. Да и как устроить это, когда во главе гостиниц и трактиров по всей Руси святой стоят толстопузые, грубые мужики, числящиеся по гильдии?³ Какого улучшения, каких культурных нововведений можно ожидать от этого антипатичного типа, не погоняемого к тому же и сильной конкуренцией?..

В Южно-Кенсингтонском музее, в отделе скульптуры и архитектуры, я не встретил много нового сравнительно с тем, что было 10 лет назад. Места становится мало для этих отделений и здесь. Но несколько вещей деревянной немецкой религиозной скульптуры, которых я тщетно искал в немецких музеях прошлым летом, я, к большой радости, встретил тут как новые приобретения.

Они исполнены во Flensburg'e* очень отчетливо и очень характерны для немецкого Возрождения. Я записал адрес этого ателье. Другое, что особенно понравилось мне из не виданного раньше, так это недавно здесь принятый обычай слепки рельефов заключать под стекло в недорогие рамы. Англичане под стеклами держат и картины; теперь они перешли и к гипсовым рельефам, к статуэткам, бронзам и даже бюстам.

* Фленсбург (нем.).

Я разыскал одного из хранителей, говорящего, хотя и с большим затруднением, по-французски. Если его затруднения и мою тяготу этого рода принять за минусы, то два минуса дают плюс: мы тянули-тянули друг друга за язык – и в конце объяснились. Администрация убедилась, что это – единственное средство сохранить нежные слепки от прикосновений публики, от пыли и копоти отопления. Преследуется этим и эстетическая сторона: рельефы, прикрепленные к стенам без рамы, в случае их значительного числа, придают залу неприятный вид гипсового ателье, теперь же каждая вещь рассматривается как художественное произведение и при том, при ограничении ее рамой, с большим спокойствием и большим удобством. Сохранение от вышесказанных неудобств теперь гарантируется надолго.

К такому решению пришли люди, пройдя школу 50-летней практики. Даст Бог, впоследствии, понемногу, может быть, станем делать это и мы. Завтра опять поеду туда же. Будьте счастливы.

672. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Лондон, 10 июля (н.ст.)

27 июня 1905, Лондон

Когда я говорил в последнем письме о сравнительной бедности отдела египетской скульптуры Британского музея, то я разумел при этом только памятники монументального ваения, хранящиеся в 1-м этаже, лишь статуи и бюсты, вырубленные из камней разных пород и цветов. При этом я не имел в виду огромного собрания мелких изваяний и целого кладбища великолепных саркофагов с мумиями, находящихся во 2-м этаже, так как весь этот материал не подлежит копированию и доступен только для непосредственного изучения, к тому же саркофаги этой удивительной сохранности и свежести красок принадлежат уже к области живописи, которая меня не занимает в данном случае.

Ассирийский отдел я окончил, и выбор лучших вещей был при этом для меня тем надежнее, что они все своевременно, по указанию специалистов, были скопированы в гипсе. Получение их не составит никакого затруднения. Стоимость слепков этой категории равняется приблизительно 1900 руб. или даже несколько менее, потому что я считаю 1 ф[унт] стерл[ингов] в круглой цифре 10 руб., тогда как он стоит теперь чуть ли не 9,4 – 9,5 руб.

Вторичное хождение по скульптурной галерее Южно-Кенсингтонского музея убедило меня в полной целесообразности принятого администрацией обычая заключать новые рельефы, статуэтки и небольшие статуи под стекла: так сильно испорчены там гипсы от прикосновений публики, копоти отопления и пыли. Так, их большие изваяния фамилии della Robbia,

не покрытые эмалевыми красками в свое время, под этой копотью и пылью теперь не дают и слабого представления об оригиналах. Их неминуемо придется иллюминировать красками, заказавши в Италии копии расположения и сочетания колеров.

Наблюдая за публикой, я видел, какое особенное внимание возбуждали в ней вещи, заключенные под стекло: тот же гипс сразу вырастал у нее на глазах, посетитель невольно останавливался и уделял такому слепку и большее количество времени, и более напряженную силу внимания. Для рельефов принята простенькая форма черного полированного багета. Его у нас можно бы несколько разнообразить, а то здесь одна и та же форма скоро наскучивает, утомляя глаз.

Британский музей, имеющий в данном случае дело с оригиналами, вместо дерева употребляет железо, и вместо «бемского стекла»* зеркальные стекла; дороговизна такой обстановки заставляет администрацию [соблюдать] постепенность в этой работе. Сначала заключены под стекла небольшие рельефы, а потом приступлено к устройству железных частей обрамления фриза Парфенона; стекла ставятся здесь пока для пробы. Постепенность обязательна будет в этом деле и для нас, как в устройстве деревянных частей, так и в издержках на «бемское» стекло. К открытию Музея достаточно будет сделать это с отдельными рельефами и представить лишь образцы застекления больших фризов¹, как фриз Парфенона, фиγαийский, Галикарнасского мавзолея и пр. В Южно-Кенсингтонском музее этот прием последовательно проводится теперь во всех эпохах.

Какие отделы греческой скульптуры должны были занять меня в Британском музее, я писал в прежнем письме. Миссию мою в отношении Лондона я считаю теперь законченной. Список намеченного мною я вперед [со]ставил и в должном виде, с обозначением цен каждого предмета, я сочту своей обязанностью представить его Вам перед собранием Комитета, какое Вы мне укажите, – перед очередным, предстоящей осенью, или перед годичным в ноябре. Соответствие счисления предметов этого списка *новой* нумерации скульптур Британского музея облегчит Вам и мне нахождение оригиналов здесь, – даст Бог, в будущем году, перед заказами слепков. Ах, не забыть бы. Вот что мне посоветовал новый директор отделения классических древностей этого музея относительно заказов: не делать их сразу много, потому что заведение *Brucciani* не располагает ни большим местом, ни большим количеством рабочих. При обширном заказе там будут спешить и отливкой, и просушкой гипса; исполнение может быть тогда поверхностным и не

* бемское стекло.

подходить под строгие требования музеев. Особенно затруднительна просушка слепков в Лондоне, при обычной сырой погоде. Поэтому любезный Смит полагал бы делать заказы небольшими партиями, начавши с вещей неизбежных, напр[имер], со статуй фронтонов Парфенона, всем археологам известных и в нашем Музее необходимых, раз у нас уже есть Ваш цельный фриз этого же памятника². Не подлежат спору ни по достоинству, ни по их невысокой цене плиты фигейского фриза (35 ф[унтов] стерл[ингов]), или три общеизвестные статуи: 1 портика кариатид³ и 2 Галикарнасского мавзолея. Такого рода несомненные вещи могли бы заказываться исподволь, и следующие поручения давать только по получении исполненного. При такой системе, по мнению г. Смита, работа не будет спешной и маховою.

Совет этот совпал с совершенно тождественным мнением Трея, слышаным от него несколько лет назад. Да он и писал нам об этом нарочно – и письмо это хранится в архиве Музея⁴.

Здесь я кончаю. Пора собираться в дорогу, к своим в Южный Шварцвальд. Что-то делается теперь на стройке? Я не получил за границей оттуда ни одного письма.

673. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Freiburg i/Br. 13 июля

30 июня 1905, Фрейбург

Когда в Базеле, при перемене поезда, я вошел в вагон 3-го класса, других пассажиров в нем не оказалось; так я сидел один до переезда по ту сторону Рейна. Здесь, на другом базельском вокзале, поезд остановился, и в мой вагон шумно ворвалась целая волна молодежи, веселой, возбужденной, и заняла все помещения до одного. Среди 19- и 20-летних оказался один господин средних лет, так 40 – 45. Он-то и был центром всей компании, которая, оставив свои места, столпилась около него и внимательно слушала его слова. Поезд был скорый, несся он без остановки на станциях; качало нас сильно, стук колес и железа заглушал разговор моих оживленных соседей. По платью, пиджакам, жакеткам и соломенным простеньким шляпам трудно было определить класс и профессии этой молодежи: контористы* ли это, ученики ли высших классов гимназий или реальных училищ или студенты младших курсов университета. Но вот как-то пронеслось в разговорах этой компании: «Corpus Inscriptionum Latinarum»¹, – и я без колебания решил, что это молодые люди «из наших», университетские филологи, и что их ментор, вероятно, профессор. Один из них сидел со мной рядом, уставший и начи-

* конторщики (от нем.).

навший клевать носом в этот вечерний час. Я спросил его, что это за общество, кто этот пожилой господин, откуда возвращаются они и куда. Оказалось, что это здешние, фрейбургские, студенты, историки и филологи, ездили они в 2-дневную экскурсию с профессором Фабрициусом² в Швейцарию осматривать ее древности. И эти заключительные беседы их с профессором находились в связи со сделанным путешествием. Какую милую, какую простую картину представила для меня эта встреча, показавшая мне живую сцену из университетского быта Германии! Профессор в таком же легоньком, люстриновом³ пиджачке, в такой же смятой соломенной шляпе, с голыми загорелыми руками, как и остальные студенты, от которых он отличался только возрастом да авторитетным тоном, как кафедральным тоном речи. И такие экскурсии, такие общие работы производятся у профессоров со студентами ежегодно и, как оказывается, в разные места и города, замечательные ли в историческом отношении или богатые своими музеями. Такова тесная, органическая связь учителей с учениками в высшей школе Германии, особенно в небольших университетских городах. И этот порядок вещей переходит от одного университетского поколения к другому. Тесную связь профессоров-филологов и студентов я видел 32 года тому назад в Бонне, Иене, Мюнхене. Те старики профессора теперь уже в могилах, тогдашние студенты, мои товарищи по аудиториям, стали отцами нынешних студентов; сменились поколения и на кафедрах, и на скамьях аудиторий, а традиционные порядки и формы жизни, налаженные исподволь, в течение долгого времени, и развивавшиеся органически, остаются всё одни и те же.

Во Фрейбурге я должен был остановиться по трем причинам: время было позднее, когда пускаться в горы, по направлению к St.-Blasien, где лечится жена, было невозможно; нужно было повидать девочек, обучающихся здесь в пансионе⁴, и я должен был навести справку о том, в каком положении находится исполнение копий нескольких скульптур здешнего собора⁵.

Хотя дети помещены в главном пансионе, носящем название «institut»^а и заплачена за них высшая плата, какую мне назначили, но питание тут такое экономное, что [я нашел] девочек очень похудевшими и чрезмерно бледными. Они прямо недоедают, да еще при полном учении в эти жаркие месяцы. (Уже половина июля, а здешние школы работают вовсю, низшие, средние и высшие. У нас же сейчас бы устроили гнуснейшую забастовку и студенты и гимназисты, если бы обязали их продолжать занятия до половины июня или до 1 июля. Взыли бы и родители, и педагогическое сословие.) После их ужина пошли мы гулять по окраине города, и я ввел их в одну чистенькую ресторацию в саду. На вопрос мой, чего бы им хотелось

съесть, они быстро ответили: «Ein Schinken Brotchen»*. Порции подали большие, тем не менее только что поужинавшие девицы уписывали это добавочное блюдо с волчьим аппетитом. Я спросил младшую из них (11 лет), не много ли для нее и пива, и этой снеди. «Что ты! разве для нас Schinken'у может быть когда-нибудь *много*? Нам дают ветчины так редко, больше всё надоевшую колбасу и сосиски, а ветчины выдают нам только по воскресеньям, да и то по тоненькому лепесточку...»

Несчастья нашей войны и злключения внутри отразились даже на наших гипсах. Я нашел здесь работы только начатыми и неоконченными... из опасения, что мы, при такой войне и при «революции в России», им не заплатим условленной цены. Я, при всем ожидании видеть заказ оконченным, должен был уверять подрядчиков в нашей кредитоспособности, не зависящей ни от войны на Дальнем Востоке, ни от «революции». Обещали на днях же приступить к продолжению прерванной работы. Это первый случай недоверия к нам, в нашем деле, за границей. Спрашивать спрашивали в свое время и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне; но такого недоверия и боязни не обнаруживалось никогда. Будьте все благополучны. Низко кланюсь всем Вашим.

674. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien (Schwarzwald), 8/21 июля

8 июля 1905, Санкт-Блазиен

Во Фрейбурге я получил известие от жены о переполненности всех отелей и меблированных комнат в St.-Blasien и о невозможности моего здесь устройства с детьми. При этом мне указывались два ближайших местечка, отстоящие на 1½ часа ходьбы отсюда, как еще не занятые вполне приезжими и не столь дорогие сравнительно с St.-Blasien, в котором – как писала жена – меблированные комнаты по 8 марок в день, а пансион – от 10 до 15 марок и выше. Сообщение здешних мест с ближайшей ж.д. через автомобили и мальпостами**. Большая разница во времени и небывалая для меня новизна первой езды заставили меня попробовать первый способ; но этот опыт я желал бы иметь и последним. Хотя и попал на автомобиль нарядный и 1-го класса, с сиденьями, обитыми красным сафьяном, и берущий высшую плату; но не проехали мы и 15 мин., как наша колесница зашипела, загудела, начала то останавливаться, то пятиться назад, то так дергать, что нас толкала друг на друга. Наконец она совсем встала и ни с места. Двое кондукторов,

* ветчина с хлебом (нем.).

** Карета для перевозки легкой почты и пассажиров (фр.).

как ни ходили около машины, ничего не выходило. Два второклассных автомобиля, принадлежащие другой компании, нас обогнали. Толчки перепугали дам, которые подняли крики и жалобы на неисправность машины. И мы вместо 1½ часов потратили почти три часа на переезд, тогда как почтовая карета доставляет в 4 часа, с кормежкой лошадей на почтовом дворе, где и пассажиры имеют возможность побаловаться едой и пивом. Нет, в другой раз на автомобиле я садиться не стану, особенно, когда читаешь здесь о то и дело происходящих здесь в горах несчастиях с любителями этой ненадежной езды. Вот, не далее как вчера 4 седока выброшены были на недалеком отсюда Feldberg'e¹ вон, и все четверо ранены опасно, кто в голову, кто в ноги, у одного в двух местах сломаны обе руки...

Жена до моего приезда из санатория не спускалась никуда, поэтому сведения ее о St.-Blasien были только теми, что она слышала от барышень, бывавших в этом городке, а потому и ненадежные. Отели более дорогих цен, находящиеся в самом центре, действительно полны, также нет места и в фешенебельных Möbliste Zimmern*; но я пошел на окраину городка, в самую зелень неоглядных хвойных лесов и в скромной, но чистенькой гостинице «Zum Felsenkeller»** нашел 2 хорошие комнаты для себя и для девочек, имеющих приехать сюда послезавтра из фрейбургского пансиона. Питание простое, но из свежих продуктов и обильное. За все, т.е. за помещение и 3 трапезы в день: в 8½, 12½ и 7 часов – взяли с меня по 4 марки с персоны; нас трое, итак 12 марок в сутки. От санатория мы в 10 минутах ходьбы городом и ½ часа, если идти горными дорожками, лесом. Я нахожу всё здесь приличным. За обедом и ужином собираются в саду живописец, 2 музыканта, какой-то herr*** с женой и еще одна супружеская чета стариков, приехавшая сюда для Sommerfrische**** из Берлина. Это наш Stammtisch*****; другая публика, большею частью пешеходы, иногда целыми семьями, по Шварцвальду. А как здесь удобны такие хождения! Всюду по лесам уtramбованные дорожки, на каждом повороте и на всяком разветвлении дорог и тропин надпись с обозначениями места и расстояний. В деревнях ресторации и ночлеги. Оттого и ходят, потихоньку, тут целыми неделями и деды со внуками и отцы и матери с детьми от 11 – 12 лет. Эти хождения, этот воздух и аромат хвои, это простое, но гигиеническое питание делают и старых и молодых здесь свежими, румяными и бодрыми. Ходят компаниями и одиночки

* Меблированные комнаты (нем.).

** «У погребка в скале» (нем.).

*** господин (нем.).

**** летний отдых (нем.).

***** стол для завсегдаев (нем.).

всех классов. Сейчас распущены школы, оттого пустились в путь их питомцы целыми гурьбами: на компанию мальчиков есть всегда один взрослый. Скоро двинутся студенты, заканчивающие теперь летний семестр. Ну, эти пешеходы не отличаются смирением в своих одиссеях. Когда двигаются эти академические ватаги, тогда стон стоит в лесах и далекое эхо свидетельствует о их немолчаливом и неблагочестивом шествии.

St.-Blasiен считается перлом Южного Шварцвальда и по красоте здешних мест, и по целительности здешнего воздуха. Оттого приезжает сюда на жаркое время баденское великогерцогское семейство, а с ним и придворная знать. В окрестных горах и лесах устроены для этих гостей особые места для отдыха, разные Grossherzogin-Luisen-Ruhe, Grossherzog-Tanne* и т.д. Городок образовался из бенедиктинского монастыря, еще в 1/2-не XVIII ст[олетия] пользовавшегося большими земельными богатствами и отличавшегося ученостью, в которой он не уступал французским бенедиктинцам. Настоятели его носили титул князей Австрии. Энергичные, ученые и знавшие хорошо Рим руководители славного монастыря соорудили великолепнейшую церковь по образцу римской Rotunda². Лесные владения были у него в Германии, Швейцарии и в разных областях Австрии.

А с начала XIX века это ряд прекрасных зданий, пошедших сначала под оружейный завод баденского правительства, а после превратившихся в хлопчатобумажную прядильню частного лица. Эти здания построены вплотную с величественным храмом – и работа веретена идет теперь об стену с ним. Ни одного монаха. А статуя ученого аббата XVIII ст[олетия] Martinus Gerbert³, поставленная в память его великой энергии и заслуге перед монастырем, по соседству с храмом, только говорит о непрочности всего человеческого и всякой людской славы.

675. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

13/26 июля

13 июля 1905, Санкт-Блазиен

Осмотрелся в новом месте, взял детей из пансиона, наладил их жизнь со мною в сельской гостинице и с приходящей из St.-Blasiен'а к ним бонной и теперь возвращаюсь к своим музейским делам.

Получена здесь мной от Дмитриева целая пачка писем от разных лиц, накопившаяся за 1 1/2 месяца, протекшие с моего выезда из Москвы. Некоторые очень важны для хода дел на стройке и по собиранию коллекций. Армбрустер со всею свойственною ему деликатностью прекрасного харак-

* Отдых великой герцогини Луизы, Ель великого герцога (нем.).

тера просит, чтобы иметь ему возможность выслать в Москву остальные исполненные им рельефы, моего ходатайства перед Вами о 4000 руб., без которых его рабочие не отдадут ему ими изготовленных скульптурных плит. Будучи бестолковым учетчиком не только в больших суммах, но и в нескольких сотнях рублей, я держусь вдали от всяких денежных расчетов, а потому позволяю себе лишь препроводить к Вам его письмо в подлиннике. Тут он пишет, что посылает о том же просьбу Р[оману] И[ванови]чу¹: он Вам, если еще не писал или не докладывал лично по этому срочному вопросу, то, конечно, скоро сделает это, так как наш фриз Парфенона нужен ему для подъема на место. Я не знаю, может ли он крыть колоннаду до поднятия этих плит. Личное впечатление, вынесенное из сношений с Армбрустером, мне говорит, что это – чистая душа, что это истинный художник и что он плохо рассчитал свой подряд для нашего Музея. В Дрездене он сам говорил, указывая на изломах плит фриза, как обсчитал он себя в количестве мрамора и сколько он переплатил лишнего за большие плиты, которые упустил из виду прежде, определивши их число равной для каждого куска длины огулом. Необходимость делать изломы плит соответственно течению сцен² совсем разрушила его прежний расчет.

Тогда же он просил, чтобы я засвидетельствовал этот факт перед Вами в тот момент, когда он будет ходатайствовать о возмещении ему этого непредвиденного им убытка. Другая его искренняя жалоба была на дурной характер рабочих, и в Дрездене принявших угрожающее положение в отношении хозяев. С каждым полугодием плату они поднимают и становятся требовательнее и надменнее в вопросах расчета. Взявши подряд у Вас или, точнее, у Трея несколько лет назад, он исполняет его в настоящее время, не имея никакого оборотного или займенного капитала, он бьется, как рыба об лед. Слушая его искренние ламентации на судьбу, в которых вторила ему его молодая жена за чаем, которым они угощали меня в их уютной квартирке, я верил, что тут и тени обмана и преувеличения нет, и тогда же решил, когда придет тому черед, доложить это Вам. Последствия оправдали мои впечатления: когда пришло время посылать готовую работу нам, у Армбрустера не было, чем заплатить рабочим, – и они задержали наш фриз силой и делали это до тех пор, пока, с Вашего разрешения, не была отправлена ему какая-то сумма Р[оманом] И[ванови]чем из последней доли. Когда Армбрустер писал при сем прилагаемое письмо, повторилась та же история с заарестованием последующих плит фриза. Что оставалось ему делать, кроме этих просьб?

Из Равенны пишут³, что мозаическое панно «Выход Юстиниана в церковь» готово и посылается в Москву большою скоростью. Письмо от 11-го числа этого месяца, ныне здесь 26-е: надо думать, что ящик пришел уже на

стройку. В ближайший же приезд Ваш Р[оман] И[ванови]ч и Пэ́рк Вам представляют эту копию, которая должна выдти лучше, эффектнее и «Феодоры», так как здесь и фон и все золотые детали исполнены исключительно из нашего творенного золота; что же касается до панно Феодоры, то там видна смесь золота с бронзовым порошком, которым копиисты пользовались до получения нашего золота. Сколько блюдечек мы им послали, теперь я не припомню; знаю только, что мне пришлось уплатить из авансовых 300 руб. еще 100 на эту статью. Теперь копиисты меня извещают – присланного золота хватит и на последнюю копию, исполняемую ими: «Добрый Пастырь» в люнете мавзолея Галлы Плацидии⁴. Третьего дня я написал, чтобы уплатили за Юстиниана должные 2400 фр. из готовой суммы на это дело, пожертвованной Колесниковым и покойным гр[афом] Орловым-Давыдовым⁵. Равеннские копиисты – народ беднее бедного и, разумеется, ждут своих денег, как манны небесной ждали евреи в пустыне. Когда половина копий была уже готова, они покорнейше просили об авансе в 600 фр.; им эти деньги были тогда высланы, – и как же эти два художника были рады этому получению! Тем нетерпеливее они ждут теперь этих 2400 фр[анков], по 1200 фр. на брата вдруг разом: ведь это прямо капитал для никому неведомых равеннских учителей рисования и живописи. Над люнетой мавзолея Галлы Плацидии они работают уже с весны и к Новому году ее кончат, а с этим оканчивается и весь заказ им. Равеннский угол у нас будет прямо прекрасен: с его Божией Матерью и Ангелом из S. Apollinario Nuovo, Юстинианом и Феодорой ц. S. Vitale и этим также превосходным Добрым Пастырем и тонкорунным возле него белым стадом, с его интересными узорчатыми решетками балюстрад (transenne) и с капителями колонн ц. S. Vitale, расписанными эмалевыми красками и золотом. Этот угол придется устроить по узкой стене и началу продольной стены, налево от входа в Средневековый зал из Римского зала. Когда я уезжал, Р[оман] И[ванови]ч начинал раскраску потолка Средневекового зала. Если бы она за лето была окончена, оставалось бы здесь только окрасить стены – и помещение будет совсем готово. Может быть, его раньше других придется и обставлять художественным и археологическим материалом: древнехристианские скульптуры саркофагов Рима и Равенны, мозаики последнего города, отличные образцы романского ст[илия] XI – XIII вв. в Германии, образцы готической скульптуры во Франции, Швейцарии и Германии, частью уже приехавшие к нам, частью близкие к исполнению, в стройном порядке займут и стены и серединные пространства этого большого зала. Наперед рисуется распорядок всего, что должно найти себе здесь подходящее место. Все хорошо укладывается и исторически, и в эстетическом отноше-

нии. Довольны ли Вы ходом строительных работ этого лета? Центральный портик, пишет Дмитриев⁶, близится к своему покрытию; про настилку или наливку пола он извещает только в Египетском зале; неясно, почему не делают полов в залах Возрождения, ведь они давно готовы. Впрочем, отсюда мало ли что неясно.

Будьте здоровы. Прошли ли Вы ныне курс Ваших вод? Кланяюсь всем вам.

676. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien, 30 июля

17 июля 1905, Санкт-Блазиен

Здесь, в тишине соседних лесов, я разобрался в записях, которые я делал в Берлине, Гильдесгейме, Париже и Лондоне. В том виде, какой они имеют, по мере накопления материалов, заносившихся в книжку, это – попури заметок сумасшедшего, мысли которого не поддаются никакой логике, где все, самые разнообразные, темы смешаны и перепутаны. Но это объясняется уже природой музеев, сначала не дающей возможности удержаться на одной какой-либо теме и исчерпать ее всю, прежде чем перейти к другой, особенно при желании как можно более обхватить и унести с собой наибольшее количество впечатлений и при ограниченности времени. Пришлось все разнообразное содержание книжки разбить на отдельные карточки и после сгруппировать их по единству тем. Записывал я *desiderata** для нашего Музея, не обращая внимания на размеры предметов, большие и малые, даже мелкие. Позднее я произвел здесь строгую сортировку, выделив предметы дешевые и мелкие по размерам в особую группу. Эти приобретения можно будет сделать в ближайшие два года, не беспокоя Вас. Средства на это как-нибудь сколотим. Для Вашей щедрости я обозначаю в списке вещи первостепенного значения и пользующиеся общепризнанной славой, существование которых в отливах составит украшение и гордость нашего Музея. Эти предметы и по размерам своим сравнительно большие, которых Музею, когда он станет казенным учреждением, уже никогда не приобрести и отсутствие которых в таком большом и бесприммерно пышном Музее будет представляться всегда печальным пробелом. К числу этих исключительных приобретений, о которых я прежде других, а после и другие станут бить Вам челом, я из Берлинского музея отнес: 1) одну пару из двух групп «Диоскуров» с конями на Monte Cavallo в Риме¹. В Берлине, на каульбаховской лестнице², стоят они обе целиком; но там площадка – огромных размеров. Нам лучше последовать здесь Ecole des Beaux Arts в Париже, ограничившейся

* требуемое (лат.).

только одной парой. Для нашего стеклянного Классического дворика достаточно также одного «Диоскура» и принадлежащего ему коня. Формы этих колоссальных изваяний есть в Берлине; отлив каждой пары оценивается 6000 марок. Это самый дорогой из всех слепков, отливаемых в Königliche Gipsformerei*. Так как эти группы сработаны в виде pendants'ов, то, с Вашего разрешения, Р[оман] И[ванови]ч укажет мне в свое время, где лучше могла бы поместиться такая пара, на правой или на левой стороне Дворика: тогда в будущую поездку Вашу по западноевропейским музеям соответственная группа и будет заказана. Я написал Р[оману] И[ванови]чу, чтобы он занялся предварительным определением места для нее по требованию эстетики и местных условий. 2) Из берлинских гипсов необходима кафедра в Сиенском соборе раб[оты] Niccolo e Giovanni Pisano. После того, как итальянское Мин[истерст]во нар[одного] просвещения отказало покойному Великому Князю в возможности получить нам слепки с пизанской кафедры, приходится ограничиться сиенской кафедрой, как это сделал и Берлинский музей, получивший и форму ее в свое исключительное владение и отливающий ее теперь для больших американских музеев. Стоимость отлива – 2500 мар[ок]. Эти два отлива – исключительно большие и исключительно дорогие. Другие желательные слепки этого ателье стоят обыкновенно от 100 до 200 мар[ок] за немногими исключениями. Общая сумма этих второстепенных по ценам слепков равняется приблизительно 7000 мар[ок], что вместе с большими скульптурами составит плату Берлинскому музею в 15 500 мар[ок]. Я возвращаюсь к прежней мечте найти какой-нибудь, но только надежный доступ к щедрости на гипсы германского Императора Вильгельма II, целые сотни тысяч марок тратящего на дар этого рода богатым американским университетским музеям. Только не знаю, через кого подойти к нему с этой новой возможностью для него проявить тем любовь к распространению в мире историко-художественных знаний. Не посоветоваться ли по этому вопросу с нашим послом в Берлине, графом Остен-Сакеном?³ В этих видах я в последний раз у него расписался, и он на другой же день ответил мне в гостиницу карточкой. На обратном пути я с семьей останавлиюсь в Берлине и постараюсь его увидеть. Может быть, он посоветует что-нибудь путное или согласится представить экземпляр наших отчетов и альбом с photographиями строящегося Музея. Император, разумеется, hat keine Ahnung** о нашем предприятии, и раз он увидит это серьезное дело, наверное, пожелает внести в новый Музей и свою щедрую лепту

* Королевская гипсоформовочная мастерская (нем.).

** не имеет никакого представления (нем.).

в Берлине отливаемыми гипсами. Здесь эту мечту осуществить несравненно легче, чем в Париже у республиканского правительства. Зачем платить деньги, когда можно получить предметы в дар? Кроме гр[афа] Остен-Сакена едва ли кто другой возьмется быть посредником в таком вопросе. Из Великих Князей один Владимир Александрович, при свидании, мог бы сослужить большую службу; но это он сделал бы только в том случае, если бы его можно было просить перед его поездкой в Берлин. А этого как достигнешь? Другой, кроме гр[афа] Остен-Сакена, способ доложить германскому Императору о нашем Музее мог бы быть через мать нынешней крон-принцессы, нашу Великую Княгиню Анастасию Михайловну⁴. Этот путь, как дамский, мог бы быть самым естественным и наиболее надежным, но я не знаю, кто ее русская статс-дама или фрейлина, через которую можно бы начать переписку. Надо навести справку об этом в штате Вел[икой] Кн[ягини] Елизаветы Феодоровны, да в удобный час можно повести об этом речь и с нею самой. Мне сердечно верится, что Вильгельм II будет рад сделать вклад в новый московский Музей, посвященный истории главным образом скульптуры, которую он и знает и любит. Без этих свойств он не делал бы заказов итальянским формовщикам по эпохе Возрождения и не посылал бы памятников немецкого ваяния в Америку, каковы бы ни были его политические или личные при этом расчеты. Не зная Донателло или Бенедетто да Майано⁵, не пошлешь в дар их лучших произведений. А отливки с произведений немецкой скульптуры он послал в бостонский университет в строгой системе, из разных ее периодов: это мне говорили формовщики Мюнхена, Нюрнберга, Гильдесгейма и Берлина, работавшие по приказу от имени Императора. Этот дар так обширен по размерам, что Рузвельт⁶, прибыв в Бостон и увидев это поступление тамошнего музея, пришел в восторг и тотчас же телеграфировал свои чувства Вильгельму. Это было недавно, на этих неделях. Немецкие газеты всё это распечатали с чувством гордости и удовольствия.

677. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

1 августа

19 июля 1905, Санкт-Блажен

Как идут работы на стройке? Дмитриев писал мне¹, что выложены две нижние ступени «центральной» лестницы; но что он называет этой центральной лестницей, для меня неясно: есть ли это гранитная наружная лестница перед выкладываемым портиком или это мраморная внутренняя лестница. Если он понимает последнюю, то, значит, случилось с нею что-то неприятное и неожиданное, так как две нижние ступеньки уже были готовы в день

моего выезда из Москвы и тогда же рабочие мне сказали, что более одной ступени они в день уложить не могут. По этому расчету, теперь лестница должна быть готовой на $\frac{2}{3}$; но в тот же день я видел Раттенка в очень опечаленном и озабоченном состоянии, занятого вопросом, получит ли его патрон Лист ту сумму денег, просить о которой он тогда отправился к Вам. Это Раттенка озабочивало потому, что им нечем было оплатить неотложных обязательств и нечем было платить прежде всего рабочим. Не стоит ли приостановка работ на лестнице (если только я верно представляю, о чем пишет Дмитриев) в связи с этим? Материала отполированного и уже готового к укладке на место было много, чуть ли не на всю лестницу. Писал Дмитриев, что начата уже и расколеровка потолков в Средневековом зале и 1-м зале Возрождения. Для этих помещений у Р[омана] И[ванови]ча есть верные образцы; по предварительной росписи, хотя бы и шаблонной, зал, посвященных классическому миру, ему необходимо съездить в Берлин, где в Altes-Museum всю прежнюю картинную галерею (теперь выставленную в Friedrich Museum) приспособляют под Антикварий и потолки обрабатывают в греческом характере. Я видел расколеровку и позолоту их: это исполняется под руководством лучших знатоков античного искусства, вполне сознательно. В Британском музее только что закончили поновление орнаментации всех [залов] греческого стиля – и там это исполнено с применением всего запаса больших научных знаний лучших английских археологов. Нам необходимо учиться и здесь, а потому Р[оман] И[ванови]ч должен сделать себе этюд и в Лондоне. Будьте благополучны.

678. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien, 8 авг. (н.ст.)

26 июля 1905, Санкт-Блазиен

Когда моему сыну было 4 года и когда его за шалости стращали «папой», он имел обычай на это отвечать вопросом: «А сто мне папа может сделать?» – и продолжал свою линию непослушания. Я нахожусь теперь в том же недоверии относительно того, что наш берлинский посол, гр[аф] Остен-Сакен, может сделать что-нибудь дурное мне за письмо, написать которое ему я собирался в последнем письме к Вам и которое я послал ему «заказным» два дня тому назад, вместе с последней книжкой моего Отчета и Речи о деле Музея. Самое большее в смысле неприятном может быть только то разве, что он по этому обстоятельному очерку нашего дела ничего не желает сделать. Ну что же? Это увеличит лишь на один № число моих безрезультатных выстрелов, которых, за пятнадцать лет, было, разумеется, немало. А как знать, что из этого не выйдет и чего-нибудь путного. Оттого

скульптур Страсбургского, Бамбергского и Наумбургского соборов я не заказываю до сих пор, хотя материал этой категории входил в состав моей миссии прошлого года. Как тогда, так и теперь не оставляет меня надежда получить эти отливы от германского Императора. Гр[аф] Остен-Сакен, судя по «Новому времени», которое изредка попадает здесь в мои руки, находится в отпуску; письмо мое с надписью «В собственные руки» застанет его на вакациях и потому может быть прочитано с большим вниманием. Таким образом я бы, по крайней мере, сделал, если бы я был на посту нашего посла, а он на моем месте и в моем положении. Во всяком случае, гр[аф] Николай Дмитриевич за всю свою продолжительную дипломатическую карьеру еще никогда не ставим был в столь близкое отношение к германской скульптуре XI – XVI вв.: пусть теперь ознакомится с ней и находит наилучший дипломатический выход из своего неожиданного положения. А мы будем ждать!

В одном из прежних писем, говоря о скульптуре Ассирии, я известил Вас, что стоимость намеченных мною памятников Британского музея простирается приблизительно до 1900 руб. На днях я получил точную смету стоимости от ателье Вгуссиани, в которую вошла также и цена ящиков и упаковки (cases and packing): за все выходит 217 ф[унтов] ст[ерлингов] 12 шилл[ингов] и 6 пенс[ов]. В мой подбор вошли: 1) все наилучшие по сохранности и наиболее интересные по содержанию рельефы из царствований XIV – VII ст[олетий] включительно до Р.Хр., найденные в развалинах дворцов и храмов Хорсабада, Нимруда и Ниневии, 2) статуя Ассур-насир-пала и 3) «черный обелиск» Салманасара II (860 – 825 гг.) с надписями и рельефами, повествующими о победах этого царя¹.

Ознакомление с собраниями египетских древностей в Турине, Берлине, Париже и Лондоне убедило меня в том, что лишь в Британском музее отлиты из гипса и большие по размерам и ценные, как показатели эпох, изваяния и что они превосходно здесь имитируются, относительно цвета, оригиналам, за сравнительно невысокую цену. До какой степени совершенства доходит эта имитация темным камням Древнего Египта! Я попросил Вгуссиани сделать для нас и выслать нам к октябрю 4 – 5 небольших предметов: 1) одну надпись – fac-simile и 2) статуэтки около $\frac{3}{4}$ аршина [ок. 53 см]². В свое время я представляю их Вам и Комитету в очередном или в годовичном заседании, как укажете.

Собрание египетских скульптур в Берлине гораздо обширнее, но там отливы существуют почти исключительно с мелких вещей и с барельефов; больших статуй в возможных для приобретения гипсах там только 1 сфинкс из Серапеума³, но и тот плохой сохранности. Рельефов же всяких размеров

отлито много, так что в этой части, особенно слабой в Британском музее, все наиболее важное можно получить отсюда. Но не имея должных познаний в этой обширной области, в свое время я буду просить берлинского профессора Erman⁴, заведующего этим отделом музея, помочь нам. Тогда и эта египетская хрестоматия будет составлена авторитетной силой. Цены рельефов в единицах и десятках марок, за двумя лишь исключениями, из коих одно Granitstele zwischen den Tätzen der Grossen Sphinx (Gise) – 150 м[арок] и Grosses Relief: Schlacht Sethos I gegen die sieriſchen Beduinum (Theben)* – 300 м[арок] (2,71 × 7,03 met.!)⁵. Составление этой «рельефной» истории египетского ваяния обойдется, таким образом, очень недорого даже и с патинировкою в цвете оригиналов, конечно, здесь легкою, лишь приблизительной, чтобы не оставлять только совсем белый, дурно действующий на глаза гипс, раз он собирается в одном зале в значительном количестве.

Наиболее славные статуи разных размеров, наиболее характерные бюсты, головы погибших статуй исторических лиц, 2 саркофага, 1 хорошо сохранившаяся колонна одного стиля и капитель колонны другого стиля, с отличной, до иллюзии доходящей, имитацией цветом подлинников – в Британском музее оцениваются, вместе с ящиками и упаковкою, в 208 ф[унтов] ст[ерлингов] 8 шил[лингов]. С этими приобретениями наши Египетский и Ассирийский залы в числе однородных музеев Европы займут, насколько я знаю последние, несомненно первое место. Столько систематического и богатого подбора нет доселе ни в одном музее слепков ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции, ни в Италии, как не существует в них и таких обширных помещений для искусства Востока. Египетский музей в Берлине как учреждение из ряда вон выходящее здесь в сравнение не идет. Там гипсовые отливки служат пополнением колоссальной коллекции оригиналов.

Дмитриев мне пишет⁶, что в Египетском зале готовы потолки, стены и даже пол. Остаются, следовательно, окраска стен и декоративная роспись, чтобы 1-му залу в нашем плане явиться первым и по отделке в ряду всех остальных помещений Музея. Стены, вероятно, P[оман] И[ванови]ч сделает светлого тона, ввиду того, что окна его выходят главным образом на колоннаду. У него готовы и эскизы росписи египетскими сценами. Если таковы будут ленты фриза, то необходимо позаботиться и о действительно египетском стиле фигур и предметов. Но исполнят ли нашу такую специальную работу наши, мало аккуратные, копиисты? Я видел эти фризы в Египетском

* Гранитная стела между лапами Большого сфинкса (Гизе)... большой рельеф: битва Сети I с сирийскими бедуинами (Фивы) (нем.).

антикварию Британского музея. Видел их и в Берлинском музее. Хватит ли у наших живописцев терпения передать все «неправильности» и условности этой стеной живописи египтян? А никакие сочинения и отсебятины здесь не нужны. Боюсь я и за отделку росписью 4 колонн посредине нашего главного вестибюля, скомпонованного в египетском характере. Эта египетская живопись будет являться перед глазами посетителей раньше всего другого, и потому историческая точность становится здесь сугубо обязательной, чтобы образованному обозревателю неаккуратным подражанием и переделками малосведущего нашего живописца не испортил настроения с первых же шагов. Не веря в наших живописцев для такой работы, я осмелился бы предложить мысль заказать соответственные фризы в Берлине, в ту же величину, какая нам нужна, или в $\frac{1}{3}$, чтобы после по этому образцу сделать точные увеличения. Вся сила египетской росписи в своеобразном рисунке, а окраска фигур и предметов не составит, конечно, никакого затруднения и для хорошего ученика Академии художеств, не только для художника. Сначала Р[оман] И[ванович] думает делать египетскую живопись прямо по штукатурке. Но не последовать ли нам примеру Британского музея, в котором ленты таких фризов в двух залах Антикварию сделаны на полотне и обведены тоненькой рамкой (деревянной или гипсовой, не знаю)? Такая живопись надежнее фресок, которые разрушатся вместе со штукатуркою, конечно, скорее полотна. А сделанные матовыми и находясь под потолком, эти изображения сцен египетской жизни вполне будут отвечать своему назначению. Кроме того, исполнение египетской росписи по полотну и ускорит дело, и даст более возможности контролировать живописцев в деле точности рисунков. Пример лондонских археологов в этом случае может для нас служить поучительным образцом⁷.

Здесь стоит чудное лето. Дни ясные, но жары на 800 метр[ах] и в этих вековых лесах нет. Собираюсь в Ульм. Будьте все счастливы. Будете ли Вы в августе в Москве? В начале сентября я повезу мою больную и детей в Ялту.

679. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien, 18 авг. (н.ст.)

5 августа 1905, Санкт-Блазиен

Вы отлично поступили, что не женились. Этим Вы сохранили навсегда свободу действий и потому сами себе барином. Я так в свое время не сделал – и вот с тех пор супружеское иго, поступаю не как сам хочу, а по велениям и капризам жены. Эта судьба ставит меня нередко в большие затруднения и неприятности. Вот хотя бы такая позиция нынешнего дня. Жена настояла, чтобы я купил себе другую пару сапог, указывая мне на всяческие

атмосферические случайности, на негигиеничность ограничения себя одной парой, на неприличия для моего сана и, наконец, на своего отца, который имел, по крайней мере, $\frac{1}{2}$ дюжины всегда готовых вычищенных пар, какие-то и надевал в определенном порядке. Чтобы избавить свои уши от этого потока дамского неугомонного красноречия, я пошел в магазин и выкупил себе обувь даже с целым переплетом тесемок и крючков. И поступил я совсем глупо: в 1-й раз в жизни повстречавшись с этими застежками, я являюсь теперь настоящим великомучеником и утром, и вечером, путаясь в этих завязках, и в течение дня, когда при ходьбе тесемки то и дело развязываются и волочатся по земле. Но и этого мучения было мало. Ныне утром беру я из-за двери свою вычищенную обувь – и, о ужас, вижу 2 левые сапога, один с застежками, другой без них, от прежней пары. Оказывается, что вчера я спутал и вынес за дверь эту разнокалиберщину. Не послушай я жены, такого стыда перед прислугой я не испытал бы. А то Stubenmädchen*, явившись с кофеем, прежде всего обратилась к жене со смехом по поводу этой истории. Хохотала жена, вторили ей и горничной и дети.

Из этого убожества интересов перенесемтесь с нашими высокими чинами в дипломатические сферы. Письмо к гр[афу] Н.Д.Остен-Сакену имеет свои последствия. С первую же, как говорится, почтой я получил от нашего посла в Берлине нижеследующий ответ. «Приношу В[ашему] пр[евосходительств]ву искреннюю благодарность за любезное доставление при письме Вашем от 3-го августа н[ового] ст[илия] Отчета и Речи, читанных Вами в минувшем году в собрании Комитета М[узея] И[зрядных] И[скусств]в имени Императора Александра III при М[осковском] У[ниверситете]! С истинным удовольствием ознакомился я, с Ваших слов, с высокопросветительными целями, которым призван служить сооружаемый в Москве Музей. Что касается выраженного Вами желания, то в настоящее время Император Вильгельм отсутствует в Берлине и не вернется в столицу для более продолжительного пребывания ранее поздней осени. Таким образом, я лишен возможности искать теперь случая довести до сведения Его Величества о намерении создания в московском Музее отдела гипсовых отливов с памятников немецкой скульптуры XI – XVI веков. Если же в вверенное мне посольство будут доставлены Вами в течение осени альбом фотографий Музея, его планы и относящиеся до его основания печатные материалы, то я постараюсь при первом удобном случае испросить разрешения Императора представить их на благовоззрение Его Величества. При этом я питаю надежду, что Его Величество, живо интересующийся памятниками ваятельного

* горничная (нем.).

искусства, уделит милостивое внимание стремлениям, намеченным программой нового русского Музея. Я был бы сердечно рад, если бы мне привелось со временем сообщить В[ашему] пр[евосходительст]ву благоприятный ответ на выраженное в письме Вашем желание. Примите, и пр. 27 июля (9 августа)»². Раз так мило отнесся к нам Николай Дмитриевич, я поблагодарил его и обещал осенью препроводить указанные им вещи. Когда Вы, дорогой Юрий Степанович, намерены побывать в ближайший раз за границей? Может быть, Вы приняли бы на себя труд взять с собой альбом, который заготовит нам к тому времени Фишер, и печатные книжки и брошюры по Музею? В альбом войдут изображения: 1) площади до закладки Музея, 2) закладки, 3) площади с мрамором с Урала, 4) уральских ломов, 5) разные моменты стройки здания, 6) фасадов по их окончанию, 7) проекта здания – с фасадов, 8) планы внутренних помещений, 9) таблица или две: размещение немецкой скульптуры Средних веков и Возрождения; 10) портреты председателей, почившего Великого Князя и Ее Высочества, если она к тому времени вступит в Комитет в этом звании, и вице-председателя. Это только темы. Порядок будет, конечно, иной. Подписи можно сделать на французском или на немецком языках. Над программой немецкой скульптуры можно поработать и изобразить ее хронологически и по мастерам. К таблицам можно приложить лист печатного текста – с названиями памятников и мастеров. Будьте счастливы.

P.S. В последнем письме к гр[афу] Остен-Сакену я изложил, что мечтой моей руководят не материальные соображения, так как стоимость отливов, раз формы для них готовы, не велика, а мысли о том, что участие Императора Вильгельма произведет радостное впечатление на Государя, на Комитет и на все образованное наше общество. И, право, эффект был бы значительный...

680. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien, 29 авг. (н.ст.)

16 августа 1905, Санкт-Блазиен

Злоключения Армбрустера с плитами фриза Парфенона имели за это время свое продолжение. Как еще в прошлом году он рассказывал, ошибка его в расчетах стоимости мрамора и работы поставила его в положение неплатного должника перед рабочими уже давно. Он отбивался, как мог, выпрашивая через Р[омана] И[вановича] и через меня у Вас высылки ему денег вперед, даже и последней суммы, которая, по договору, должна быть им получена, если не по постановке всего фриза на место, то по доставлении его в Москву. Эта последняя сумма ушла у него на отправку очередной партии,

за которую оставалось еще 7 заключительных плит. Та же история с рабочими сделала для Армбрустера невозможной их отсылку. Неполучение же большей части одной из сторон фриза ставит в решительное затруднение Клейна при завершении главного фасада. Полетели письма и депеши в Дрезден, на которые Армбрустер отвечал физической невозможностью для него выслать эти плиты без должной ему помощи. Кредит, отпущенный Вами на этот заказ, был между тем уже исчерпан; о новой посылке денег не могло быть, при данных обстоятельствах, и речи. А плиты становились все нужнее и нужнее. Клейн написал письмо Трею о помощи в этом затруднении; я, по подробному изложению дела Рербергом, написал Трею отсюда, прося его о возможном воздействии. Kühnert и Трей встали при этом на юридическую точку зрения и убедили Армбрустера прежде всего честно исполнить обязательство, как бы ни были велики его действительные потери. Трей пишет мне, что в этом деле особенно отличался своей энергией Kühnert¹. Результатом этого вмешательства было открытие возможности отправить плиты en question*. И это теперь сделано. Клейн не будет ими задержан на главном фасаде. Но положение Армбрустера критическое: после общего признания со стороны учено-художественного мира Дрездена и со стороны саксонского двора превосходных свойств этих обширных скульптур художник остался в убытке на 7000 руб., что при бедности его является страшным для него долгом. Трей просит моего ходатайства перед Вашим милосердием к неповинному художнику. Я слишком давно и слишком близко знаю Ваше великодушие, чтобы отказать и Трею, и Армбрустеру в этой их просьбе. Зная, с другой стороны, что Вы любите ясность и уважительность мотивов обращаемых к Вам просьб о помощи, я подал совет Армбрустеру представить Вам, при просительном письме, точный по статьям подсчет своих невольных потерь.

Когда последние 7 плит придут на стройку в целости, отношения Kühnert'a и Трея к этому делу кончатся. Kühnert'у настанет время при письме от Строительной комиссии (?) послать его 1000 руб. Как Ваше здоровье?

681. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

St.-Blasien, 4 сент. (н.ст.)

22 августа 1905, Санкт-Блазиен

Свадьбы в мире установлены для созидания новых существ, поэтому, казалось бы, что общего свадьба может иметь с наукой об отдаленной древности? Но у практичных немцев всякое дело утилизируется с различных сторон. Оттого недавняя женитьба германского наследного принца на полу-

* о которых идет речь (фр.).

русской принцессе Цецилии повела, кроме прямой цели, еще и к одному большому успеху в классической археологии. Не думайте, что я спятил с ума, говоря это, а спокойно, не боясь за меня, следующую быль благоволите выслушать. В провинции Ганновер, в городе Гильдесгейме, солдаты местного гарнизона, устанавливая на купленном им поле «цель» для учебной стрельбы, в 1868 г. 17 октября (н.ст.) напали на серебряный клад с древнеримскими надписями, состоящий главным образом из предметов столовой утвари – блюд, кубков, подносов, кастрюль, солонок, тарелок, черпальных ложек большого калибра, большого сосуда для смешивания вина с водой (т[ак] наз[ываемый] Krater), канделябра, треножников и пр. – всего 30 предметов, из них более крупные по размерам достигают 90, 72, 45, 39, 37, 30 сантиметров, не считая меньших. Местный гарнизон переслал эту находку по начальству, а Oberkommando или, нет, Generalkommando* подлежащего корпуса поднесло ее королю Вильгельму, впоследствии Императору Вильгельму I. Дивный клад превзошел собою все предметы столового обихода римлян, которыми до того времени располагала наука в разных музеях. Парижско-карлсруйская (!) фирма Christophle & Co^o вскоре по помещении этого, с тех пор ставшего знаменитым, Hildesheimer Silberfunde в Антикварию Берлинского музея, приготовила слепки и по ним отливала, с серебром и позолотой соответственных частей, копии всех предметов. Главнейшие музеи Европы приобрели их. Я видел их в Дрездене, и в Южно-Кенсингтонском музее Лондона, и в Gewerbe Museum¹ Берлина (в последнем, однако, другой, теперь более не существующей, берлинской фирмы). Все сказанное о Hildesheimer Silberfunde является повторением того, что я писал Вам вскоре по посещении Гильдесгейма, и пока не имеет никакого отношения к выше названной свадьбе. Но связь этого римского клада I ст[олетия] по Р.Х. с недавней свадьбой явствует из нижеследующего. Провинция Ганновер и, в частности, гор[од] Гильдесгейм решили поднести молодой чете императорского дома в их свадьбу серебряную копию этой посуды. Когда стало известным это решение, берлинские ученые подвергли оригиналы новому и возможно подробному исследованию. При этом изучении прежде не вошедшие в круг столь подробного обследования фрагменты получили свое место в целом, и оттого некоторые предметы, по этим новым данным, воспроизведены в свадебном подарке полнее, со всеми их декоративными подробностями. Мне хотелось узнать место этой новой репродукции, так как она делалась уже не фирмой Christophle & Co^o, ныне действующей исключительно в Париже. По наведенным справкам оказалось, что отливание

* главное командование... штаб корпуса (нем.).

новой копии из чистого серебра с позолотой и из меди с гальванопластическим наложением серебра и золота производится в том же маленьком городке Вюртембергского королевства, где заготавливаются и копии микенского клада Шлимана. Мне и без того надобно было писать туда о высылке в Вашу микенскую коллекцию той «серебряной» головы быка, которая оставалась недоделанной г. Gilliéron* в Афинах из-за его ссор с Каввадий². Распря, очевидно, кончилась миром – и толстомордая голова микенского быка в последнее время появилась в разных европейских музеях. Нам только ее и недоставало. Я запросил управление гальванопластического ателье о стоимости той головы, как оно сейчас же мне ответило об отсылке ее для нашего Музея. Цена ее 301 марка 90 пф[енингов] с упаковкой и пересылкой (вес 4,150 кг). Относительно же копии Гильдесгеймского клада я получил сведения, что она стоит 2614 марок. Мне прислали фотографии всех этих действительно дивных 30 предметов и таблицу их размеров. Я в ответ написал предложение сделать уступку во внимание к тому, что: 1) наш заказ этой фирме уже не первый и 2) нами приобретается вся коллекция зараз. Обещают в только что полученном письме подумать, сделать подсчет и через неделю известить. Из чистого же серебра этот дар, поднесенный молодойке – наследной принцессе, стоил 21 950 марок, не считая высокой стоимости большого специального шкафа с богатой инкрустацией. Раздумываю теперь, кого из наших сочленов просить об уплате за этот Гильдесгеймский клад – 1212 руб. без пересылки, если большой уступки не сделают³. Хотелось бы иметь эту дамскую посуду к первому заседанию Комитета в присутствии Великой Княгини как Президента. Если это заседание будет в конце ноября, то получить вещи, может быть, успеем, так как больша́я часть их, надо думать, имеется в запасе ателье. Вон как они поспешили с высылкой головы микенского быка по одному моему вопросу о цене ее. У меня в этом месяце было много переписки в Германии, Франции, Англии и Италии. Немецкие и французские письма быстро слагают мои дочери, английские пишет моя жена, итальянские я сам. Будьте благополучны.

682. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

München, 1/14 сентября

1 сентября 1905, Мюнхен

Двигаясь в Крым целым кораблем, я должен был остановиться здесь вот в каком знаменитом отеле¹. Тут прислуга такая важная в галунах и во фраках, манеры ее такие изысканные, что все это приводит меня в совершен-

* Жильерон (фр.).

ный конфуз. У меня, в моих простых Gasthäuser*, куда спокойнее; там я чувствую себя бароном, а здесь стеснительно, да и жена все ворчит и смеется, «зачем это я в столовой ежусь, поднимаю как-то неестественно плечи и делаю напряженное, растерянное и даже будто бы, о ужас, “глупое” лицо». А я, напротив, желаю выглядывать поважнее, чтобы и ко мне эта чрезмерно изысканная прислуга почтение имела.

В последние дни пребывания в St.-Blasien произошел передо мной и моим дамским штатом целый турнир ювелиров – парижского Christophle и гильдесгеймского Theodor Blume из-за права на исполнение для нас Hildesheimer Silberfunde. Первый боролся за свою прежнюю монополию поставщика гальванопластических копий этого клада музеям, – последний же, в союзе со скульптором и ученым человеком Küsthardt'ом, также из Гильдесгейма, на основании нового изучения оригиналов, находящихся в Берлине, доказывал, что копия, сделанная Christophle'м вскоре по открытии клада спешно, не может отныне считаться удовлетворительной как работа поверхностная, не передающая тонких деталей подлинников. И чтобы подтвердить свой тезис о дальнейшей непригодности этой копии, два гильдесгеймские художника, движимые патриотическим чувством и сознанием права на репродукции их знаменитого памятника, вдруг прислали мне «zur Ansicht»** тяжелую кладь с треножником их исполнения для германской наследной четы (об этом я писал Вам в последний раз) и ногой того же треножника в копии Christophle'я. Тут я воочию убедился, как груба, суммарна работа последнего. Очевидно, его слепок в свое время был сделан очень торопливо; сертификата ученых Берлинского музея он не имел. Исполнение же новой копии всего клада для только что названного особого случая производилось теперь при помощи консерваторов этого учреждения – и потому она получила характер большой аутентичности. Разница действительно прямо поразительная. Цена у обоих ювелиров определенно одинаковая. Эта коллекция настолько замечательна по изяществу форм и разнообразию предметов и так сравнительно велика (30 №№), что я позволил себе поручить выслать готовые экземпляры, какие окажутся через 2 месяца, к нашему годовичному заседанию. Деньги авось как-нибудь найдутся.

Здесь веду переговоры с формовщиком о некоторых небольших вещах немецкой пластики Ренессанса, находящихся в Ульме и в здешней National-Museum² и об аугсбургских бронзовых дверях XI в. Формы этих вещей

* гостиница (нем.).

** для просмотра (нем.).

очень свежие, цены небольшие. Имена мастеров для Ренессанса славные – Riemenschneider и Syrlin.

Здесь кончаю. Сейчас еду в Аугсбург познакомиться с оригиналом этих дверей. Будьте благополучны.

683. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Вена, 18 сент. (н.ст.)

5 сентября 1905, Вена

Венские музеи дадут нам материалов гораздо менее, чем собрания даже иных провинциальных городов Западной Европы. Главное художественное имущество их, кроме картин, заключается в собраниях драгоценностей императорского дома Габсбургов древних и Новых времен; по миру классическому здесь¹ превосходные вещи в отделе Camei и intagli². Некоторые камеи по величине и по характеру рисунков и по отличной сохранности – прямо мировые знаменитости. Не знаю до завтрашнего дня, когда буду видаться с проф[ессором] Robert von Schneider, автором прекрасного издания Album der Antiken-Sammlung здешнего музея (1895 г.)³, можно ли будет иметь отсюда слепки лучших образцов этого рода; но с intagli есть отливки; они лежат в витринах рядом с оригиналами, служа для публики лучшим их выражением. Из большой по размерам, но вообще малочисленной греко-римской скульптуры известностью пользуются и существуют в копиях во всех музеях лишь 4 – 5 №№, между ними особенно знамениты 2 мраморные, небольших размеров, картины или так называемые живописные рельефы Александрийской школы, – «Лвица и овца, кормящие своих детенышей», сделанные как pendants, в свое время, конечно, иллюминированные красками и стоявшие по углам комнаты⁴. Это – прямо алмазы эллинистической пластики. Знаменитостью считается и бронзовая статуя атлета, победителя на играх, с латинской надписью на правом бедре. Она найдена была в отличной сохранности на австрийской территории⁵. Чисто археологическое значение имеют многочисленные рельефы, найденные австрийскими учеными в Малой Азии, с так наз[ываемого] Heroon-Giöl-Baschi, V в. до Р.Х.⁶ В последние годы афинская Австрийская археологическая школа производила раскопки в Ефесе⁷, все найденное хранится теперь в небольшом дорическом храме, выстроенном с большим знанием пропорций греческой архитектуры в Volksgarten'e⁸. Так как этот храмик открывается для посетителей лишь 2 раза в неделю, то я попаду туда только завтра в 9 часов утра. Посмотрю и напишу Вам в заключении этого письма, можем ли мы чем воспользоваться из этого новооткрытого материала. Замечательно, что пока я не нашел в музеях знаменитых вещей по немецкому Средневековью и Ренессансу.

Что же касается до скульптуры Stephanskirche⁹, то внутри этого дивного храма совершенно темно: застланные цветною живописью окна совсем не пропускают туда света. Я был там в разные часы дня, но темнота оставалась та же. Никакое изучение и никакое наслаждение памятниками искусства в этом готическом сооружении невозможно при всем желании. Здесь можно уноситься чувством в высшие сферы, слушая музыку колоссального органа и пение, несущееся с хор и исчезающее под высокими сводами, но не наслаждаться изобразительными искусствами, покоящимися в этой мгле. Скульптурные картины по местам на наружных стенах или очень потерпели от времени, или после нюрнбергских рельефов Вейта Штосса и Адама Крафта представляются уже слабыми и для нашего Средневекового зала значения не имеют. Но, может быть, №№ 2 – 3 с австрийской территории вообще нам иметь бы надобно; снесусь поэтому с новым будапештским музеем, в котором лучшие вещи этого рода, конечно, будут, и спрошу у его любезного директора¹⁰, что бы из самого лучшего удобнее было нам получить по его следам.

Хотя по залам здешнего музея, нельзя не убедиться в том, что убирал искусственными мраморами залы здания архитектор, не справляясь у дирекции художественных собраний, какие предметы где будут расставлены. Оттого вышло, что старые мраморы с их грязновато-желтоватым тоном попали в залу коричневого цвета. На таком фоне мраморы много потеряли в своей выразительности, точно так же, как античные бронзы пострадали в этом отношении, попавши в залы зеленовато-бутылочного цвета. Этим коллекциям как раз надо было дать обратную обстановку. Нам при окраске стен надо будет особенно следить за назначением зал. Такое же бдительное внимание должно быть приложено и при убранстве их декоративной живописью, чтобы не забыть и стилиа и содержания зала. Надо будет попросить Р[омана] И[ванови]ча съездить в Берлин, Лондон и сюда для ознакомления с характером в Altes Museum Берлина и British Museum* – греческой росписи потолков, в Вене – с декорацией стен и потолков египетского отделения. Не зная этих позднейших образцов западноевропейской археологической учености и, по мере надобности, не воспользоваться ими для нашего строителя и для нас – прямо невозможно.

Пожалуйста, дорогой Юрий Степанович, между нами: повторяю, я боюсь за Египетский зал и особенно за вестибюль, который Р[оман] И[ванови]ч намерен обработать также в египетском стиле, с 4 колоннами посредине. Хватит ли у нас знания вывести хорошую форму колонн и сумеет ли

* Британский музей (англ.).

мы украсить потолок и стены характерной росписью из мифологии и бытовой жизни египтян? Русские архитекторы берутся строить и украшать здания во всяких исторических стилях – с необыкновенной легкостью; но чего же и стоят эти их стили? В частных домах это не имеет значения, но мы должны быть осторожны. Вестибюль наш будет без окон¹¹ и потому, наверное, будет темен; египетская обработка еще более не затемнила бы его своей росписью. Не было ли бы поэтому целесообразнее обработать его в дорическом стиле, окрасив стены в теплый тон и давши цветное убранство только в карнизе и в капителях 4 дорических колонн и пилястр по стенам? Сделать вестибюль дорическим указывает и логика течения колонн по главной оси нашего здания. Из дорического вестибюля посетитель вступит на лестницу с ионическими колоннами, далее следует по той же оси Большой зал с коринфской колоннадой. А то выйдет путаница при египетском вестибюле. Да и зачем нам два большие помещения с египетским убранством: довольно одного Вашего зала, лучше его, как 1-й в цепи других, отделать изящнее, точнее, характернее¹². При дорическом же характере вестибюля он будет светлее, просторнее, чем при пузатых египетских колоннах и обязательной обильной полихромии, которую, Христос знает, как еще исполняют наши декораторы. Но если бы Вы согласились на дорический вестибюль, то надобно воспроизвести 4 колонны по какому-либо лучшему образцу греческого зодчества V в. до Р.Хр. со всею точностью в деле пропорций, а лучше всего по пропорциям Парфенона, или т[ак] наз[ываемого] Фесейона¹³. То же самое необходимо соблюсти и на пилястрах по стенам. Учение о пропорциях греческих храмов так точно разработано, что воспроизведение их не составит труда. Высоту мы имеем, остается толщина колонн в разных их частях. При кирпичной кладке и цементной обработке ствола ее можно вывести со всею точностью данному образцу. Не составят затруднения ни пилястры, ни карнизы. Этой зимой Вы, может быть, посетите Британский музей, там, в 1-м этаже, Вы увидите поновленные залы в дорическом характере. Они меня подняли своей простотой, благородством отделки и теплым тоном слегка желтоватой окраски. Я тогда же на месте мечтал о заимствовании этого и нами. Я верю английским и немецким археологам, руководившим греческой росписью в музеях Лондона и Берлина, и потому нахожу необходимым учиться у них нашему архитектору, чтобы после не подвергаться справедливому осуждению от сведущих людей, которые могут быть и ныне и, наверное, явятся позднее, с накоплением больших знаний в России.

684. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 сентября

6 сентября 1905, Вена (?)

Перлом археологических находок австрийцев в Ефесе является прекрасно сохранившаяся бронзовая статуя атлета – апоксиомена; тогда как в ватиканской мраморной копии однородной статуи Лисиппа стригиль¹ не сохранился, здесь он уцелел. Полного слепка с этого изваяния IV в. до Р. Хр. здесь нет, но голову музей отливают; обещают это сделать и для нас. Из других изваяний, выставленных пока «в храме Зевса²» в Volksgarten'e очень интересны: статуэтка мальчика с уткой – своим полным жизни характером, группа Геракла в борьбе с кентавром и некоторые головы женские и мужские. Найдены и архитектурные детали разных зданий II ст[олетия] по Р. Хр.; но для них в этом храме нет достаточного места, и потому всем этим находкам готовят особое помещение в одном из дворцов императорского дома. Я просил прислать нам список тех немногих вещей, которые отливаются здесь, – и мне обещали прислать его в Москву.

Это письмо придет к Вам перед днем Ангела Анны Степановны³. Будьте добры засвидетельствовать перед именинницей мои наилучшие пожелания. Я со своею больной двигаюсь к Ялте.

685. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Севастополь, 15 сентября

15 сентября 1905, Севастополь

Вот уже 17-й день протекает с тех пор, как начали мы свой переезд из St.-Blasien в Ялту. Никогда в жизни не испытывал я такого тяжелого положения. Моя больная простудилась на первом же переезде; в Мюнхене она должна была слечь, пока температура не спала до возможности продолжать путь; в Вене опять пришлось начать борьбу с лихорадкой, пролежала она три дня; переезд до Волочиска¹ был несравненно длиннее прежних, в холодную и сырую погоду вагоны немилосердно топили; здесь, в этом грязном местечке, пробыли мы 2 дня. Теперь засели мы у самого порога южного берега Крыма и лечимся в этом адски шумном, и днем, и ночью, Севастополе, пользуясь помощью военного врача. Температура поднялась до 39 – 40°. Никакое продолжение пути оказалось невозможным и в помысле. Доктор стремится к возможному понижению, чтобы только перевезти больную на пароходе, благо погода стоит тут чудная и море такое спокойное, несмотря на половину сентября. Был момент, что мы уже с вечера уложились, намереваясь выехать завтра; но ночь принесла снова поворот к худшему. Что можно было осмотреть, осмотрел; был на херсонесских раскопках², познакомился

с их симпатичным руководителем, истинным энтузиастом дела, которое он ведет уже 17 лет, живя с семьей в музее открываемых древностей³. Ведет борьбу с монахами, которые не пускают его на их скотный двор, расположенный, как он убедился, на богатом некрополе. На днях ему удалось заполучить местечко – и он в один из первых же опытов напал на могилу с золотыми вещами и прелестнейшей танагрской статуэткой, по изяществу формы и отличной сохранности достойной помещения в Эрмитаже в одну витрину с сабуровскими вещами этого рода⁴. Он жалуется на Археологическую комиссию⁵, которая все лучшее у них отбирает, но при этом годами держит вещи нераспакованными и так лениво публикует их. Государь, бывши здесь в 1902 году, высказал желание, чтобы построен был тут свой музей и чтобы предметы хранились на месте. Проект «Херсонесского музея» и был составлен в Севастополе на 40 т[ыс.] руб.; в Петербурге нашли, что на здание нужно, по крайней мере, 120 000 руб. и затормозили дело. Оттого находки хранятся теперь всё в том же сарайчике, как и много лет назад. На Западе уверены, что каждое желание, каждое слово царское у нас получают немедленное исполнение. Как бы не так. Если бы можно было собрать воедино такие неисполненные желания, открыто любым государем, по крайней мере, после Николая I, высказанные, то из таких фактов набрался бы увесистый том. Что, напр[имер], вышло из миссии Жуковского и Васнецова изменить семговый цвет окраски Большого Кремлевского дворца⁶, следовавшей по личному желанию Его Величества придать этому дворцу вид, более соответствующий его историческому окружению? Едва ли не единственный результат этого «предприятия» тот, что, по московским разговорам, Жуковский, домогавшийся в своем новом з[в]ании казенной квартиры в Кремле, получил взамен того квартирные деньги, а Васнецов, составляющий проект нового внешнего убранства дворца, за свою работу никаких денег не получил. Я как-то присутствовал при разговоре Васнецова с Поленовым о судьбе этой миссии – и Виктор Михайлович довольно саркастически оценил организаторские способности Павла Васильевича.

Не имею я известий со стройки, начат ли подъем скульптурных фризозов по фасаду. Достаточно ли глубоко сделано ложе для верхнего горельефного фриза? Ввиду* сохранности его от стихий и преступных деяний шалопаев и дикарей необходимо, чтобы выдающиеся части фигур не выступали из поля стены. Защищенные карнизом, они не будут возбуждать особого внимания ни малолетних, ни взрослых злодеев, которыми в наше время кишмя кишит русская земля, и будут укрыты от дождя и ветра. Сейчас я не

* Зд.: в целых.

могу припомнить, предположено ли окружение этого фриза какой-либо, разумеется, самой простой, исключительно архитектурного характера, рамкой? В греческой архитектуре горельефы всегда имели свое окружение, а не вставлялись прямо в стену. Припомните храмовые скульптурные украшения или горельефный фриз Пергамского алтаря.

Приобретение недостававшей у нас головы микенского бычка шлимановской коллекции напомнило мне очень хорошую форму витрины этого клада в Albertinum'e. Там эта голова венчает все собрание, расположенное в пирамидальной форме. Я прошу Kühnert'a прислать нам рисуночек и пример этой простой, но очень целесообразной витрины⁷. Она же у них применена в другом зале и для Hildesheimer Silberfund'a. Теперь, когда последний восстановлен полнее, приходится эту витрину расширить двумя невысокими (0,90 метр[а]) стеклянными башенками, из коих одна вместит треножник, а другая – стоячий канделябр. Не пора ли, Юрий Степанович, с этой осени начать разработку рисунков мебели – постаментов и витрин? Не остановилось бы дело это после и по недостатку сухого дерева? Не сделать ли бы заказ на прочную просушку досок заранее? 1 октября я должен быть в Москве. Целую ручку скорой именинницы⁸. Будьте здоровы.

686. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 23 сентября

23 сентября 1905, Ялта

С большим трудом мы переплыли 5-часовое пространство от Севастополя до этого места, и теперь моя больная бессменно лежит в гостинице, ближайшей к порту. Отечественная грязь преследует нас с самого Волочиска. Чтобы убежать от ночных врагов, мы там, по совету начальника ж[елезно-]д[орожной] станции, должны были поместиться в гостинице, только что имеющей открыться, пока еще без стульев и иной мебели. В Севастополе мы кормили этих недругов чистоты целую неделю; здесь – тоже гнусная история. За 3½ руб. нам дали прекрасную комнату, большую, светлую, с новыми и хорошими обоями. Лестница мраморная, широкие коридоры, весь обновленный вид, доброкачественная и вкусная пища; но новый хозяин в отремонтированное здание внес свою прежнюю мебель и свои нечистые постели. Inde – ночные игае* кратковременных жильцов. Мы же, за болезнью и по тщетности поисков подходящей квартиры, задерживаемся – и платим дар российскому грязелюбию. О, patria! ** У детей, занимающих такую же

* вследствие этого ... вспышки гнева (лат.).

** О родина! (лат.).

большую комнату и той же цены, после ночи даже лица делаются мраморные. Надо бы бежать на другой же день, но жена лежит в высокой температуре, двинуться врач разрешает только после нескольких дней, так как после жаркой погоды наступило тут время с сильными бурями и дождями. До изнеможения я лазил по верхней части города, разыскивая помещение для своих на зиму. Цены, после заграничных, прямо бессмысленные и бесстыдные: 50 руб. небольшая комната в домах, при коих вместо сада какие-то жалкие ладони* с тощей растительностью. Еще труднее вопрос о питании, в особенности больной. Перевидавши, кажется, все, мне рекомендованное двумя врачами, я остановился на главном здешнем пансионе (парке Эрлангера, быв. кн. Дондукова-Корсакова¹), содержимом братом И.Ю.Шульца² и его женой – заграничной немкой. Тут и местоположение дивное, и необыкновенный простор громадного парка, и ведение стола на широком начале. Дня через два станем там устраиваться. Прошли бы только ветры для переезда жены.

Как я и писал Вам, деньги на приобретение Гильдесгеймского серебряного клада должны были найтись. Наш казначей Колесников телеграммой известил меня о готовности внести требуемую сумму и просил сделать заказ. Я написал в Гильдесгейм и оттуда получил ответ, что все части этого клада не успеют к нашему годичному заседанию, но всё готовое к тому времени будет выслано. Прошу ателье не спешить никоим образом отделкою вещей ради заседания, а исполнять его с возможным совершенством. Наш комиссионер в Гильдесгейме готовит в дар Музею к заседанию Комитета несколько предметов романского стиля, металлических и из слоновой кости, а также 2 заказанные ему в прошлом году знаменитые серебряные Bernwards-Leuchter³, по своей сложной скульптурной орнаментации приводимые в руководствах по истории романского стиля XI в. в Германии в качестве лучших образцов чеканного дела. Трей прислал сюда письмо с известием, что Kühnert снимает для нашего Музея фотографии и готовит архитектурный рисунок специальных витрин Альбертинума – для микенских древностей и для гильдесгеймского серебра⁴.

Состоялось ли посещение стройки Великой Княгиней?⁵ Дмитриев писал мне лишь о приготовлениях к этому посещению и о том, что встречать Ее Высочество должны были только Вы с Романом Ивановичем. Дальнейших известий об этом я не имею. Лично для меня радостен факт обещания Великой Княгини прибыть на стройку: это, конечно, говорит о том, что она на Ваше ходатайство быть Председателем склоняется. Ознакомление с со-

* плоскость (В.И.Даль).

стоянием работ, конечно, только подвинет ее решение. В принципе этот вопрос надобно считать, ко всеобщему нашему удовольствию, как *abgemacht**. Если бы Великая Княгиня согласилась на присутствие в годичном заседании Комитета, то последнее можно бы и отсрочить, так как и при Великом Князе они бывали и в январе.

Написавши предыдущие строки, я пошел осмотреть чистку комнат, избранных мною у Шульц. На дороге я встретил знакомого мне здешнего доктора и от него узнал, что флигель, в котором должны поместиться мои семейные, стоит над большим винным подвалом Эрлангера и потому совсем непригоден для моей больной. Пришлось отказаться и пойти, по указанию одного варшавского профессора-медика, здешнего уроженца, в пансион д[окто]ра Вебера⁶. Этот бывший петербургский женский врач, друг лейб-акушера Гирша⁷, который, за теснотою в Ливадии, всегда живет у него в приезды Государева семейства сюда, содержит обширный «Климатолечебный пансион», в стороне города по направлению к Ливадии. Здесь я нашел прекрасные две комнаты и глубокий, большой балкон в направлении моря. Цена оказалась за содержание подходящая; завтра перевезу багаж, и если бы не страшный ветер, то перебрались бы туда и совсем.

Первые впечатления здесь не в пользу города и приезжего дамского общества. Цены безобразно высокие сравнительно с близким Севастополем, на улицах много грязи, низшее население поражает неопрятностью. Приезжие барыни, скачущие *en deux*** с нахальными щеголеватыми татарскими рожами в горы – предмет уличных насмешек, и даже увековечивается их вкус к кучерским ласкам в здешней масляной живописи, выставленной в магазинах: пара верховых лошадей привязана к дереву, а вдали в кустах валяются всадники; мерзавец татарин лежит, блаженствуя, на спине и ноги раскорячил, а бесстыжая амазонка, подпершись рукою, устремила свои очи на эту позу облюбованного кучера. Нигде в мире нет такого увлечения кучерами, как тут. Хороши матери семейств, хороши будут и детки у них. Будьте здоровы.

687. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 14 октября

14 октября 1905, Ялта

Вот когда оправдывается на мне поговорка: «Человек предполагает, а Бог располагает». Предполагая и твердо надеясь быть в эти дни дома и у моих

* решенный (нем.).

** вдвоем (фр.).

московских дел, я сижу тут, у моря, и не могу двинуться в путь. Положение моей больной около 1-го числа пошло на улучшение, и потому я решил ждать, пока она начнет выходить в сад пансиона и будет иметь возможность обходиться без меня. На это ожидание я взял неделю. 9-го числа я пошел в здешнюю контору взять железнодорожный билет на поезд от Севастополя до Москвы; но там встретил большую публику, занятую вопросом: «Что делать?» Билетов не только не выдавали, но и выданные раньше брала контора обратно в силу полученного известия о прекращении поездов на железных дорогах¹. С тех пор мы остаемся здесь без почты и газет, а те, кто раньше волновался и громко заявлял, что им необходимо ехать «до зареза», до сих пор не зарезались, а спокойно гуляют по набережной и ждут движения на север. Писем почта не доставляет, но принимает, отправляя их в Одессу, – куда и как они потом будут отправляться и в какой срок они достигнут своего назначения, на это не получается ответа. Каким кружным и ломаным путем пойдут к Вам эти строки и когда Вы их получите, не знаю. 10-го числа я протелеграфировал министру о причине неожиданной задержки и теперь каждое утро и каждый вечер с нетерпением жду печатных депеш о железнодорожной истории, выпускаемых здесь редакцией «Крымского курьера», маленькой и плохонькой газетки. И стар, и млад, и важные петербургские сановники, и мелкие сошки имеют тут теперь одинаковую газетную пищу. Как давно мы строим наш Музей и как, с другой стороны, быстро идут события! В первых заграничных контрактах, лет 6 – 7 назад, мы с удивлением встречали оговорки насчет стачек рабочих при определении сроков исполнения заказов. А ныне в России стачки заставляют и министра путей сообщения самого становиться к паровозу, чтобы добраться до нужной ему станции². До этого не доходили министры даже и на родине всяческих социальных движений и забастовок. А еще говорят, что в России мало предприимчивости: какой же большей отваги надобно по части прекращения всяческих работ, духовных и физических? В этом деле устройства безделья в высших школах и в практической жизни мы заткнули за пояс и Европу и Америку. Коли нужно прекратить работу и начать ничего не делать кроме сходок и галденья, тут мы – большие предприниматели и люди энергии на славу.

Я тут, в этой чудной зелени и в такую дивную погоду, не успел отдохнуть. Все приходилось или помогать больной, или хлопотать о помещении ее с детьми на зиму. Пансион, в котором жили мы до сих пор, был третьим в числе тех, на которых я останавливался, не считая всех квартир, мною иссмотренных. И помещение, и стол, и услуга – все здесь было на-

столько хорошо, что можно было спокойно оставить своих тут до весны. Но как начали съезжаться большие соотечественники и соотечественницы, с их неряшливостью и произволом, как начали эти туберкулезные и чахоточные грязнить дорожки сада, лестницы, полы, пренебрегая требованием иметь при себе карманный «Blauer Ungunst»*, как называют этот синий прибор немцы, – жена, под впечатлением заграничной чистоты в санаториях и денежных штрафов, полагаемых за своеволие в этом отношении, и боясь за здоровье детей, решила искать нового помещения. Ялта почти вся или «продается» или «отдается внаймы»; но удобных пансионеров или меблированных комнат все же мало. Опять я исходил и излазил массу домов. Нашел приют в миленькой квартирке, в доме, выстроенном 2 – 3 года [назад] и чистом, но, кажется, открытом для зимних ветров. Как трудно устройство большой и детей!

Вынужденный обстоятельствами жить вдали от наших общих строительных работ, я душой и думами постоянно с Вами, Клейном и Рёрбергом, постоянно на Колымажном, на тамошней стройке, и на складах прибывающих и полученных скульптур. И вот такая забота и дума в последние недели, под влиянием новейших событий в высших школах, часто занимает меня. Университеты и другие высшие учебные заведения стали, по-видимому, с согласия и, во всяком случае, без энергичного противодействия властей, местом рабочих и всяких иных многолюдных и беспорядочных митингов, не имеющих ничего общего с университетским благом, с наукою, с истинно университетской жизнью и ее интересами. Университетскими зданиями пользуются люди всякого класса только как удобным помещением, их обширными залами и коридорами, их теплом и освещением. О настоящем значении этих зданий никто при этом и не думает, никто их вида и мебели и не щадит. Если сами студенты с усердием, достойным лучшей цели, разбивают дубовыми столами двери Советских³ зал и грубо выгоняют оттуда профессоров, находящихся при исполнении своих обязанностей, то какого же почтения к университетским зданиям можно ожидать от невежественной и грубой по своим нравам толпы фабричных и других рабочих? Как бы (высказываю это опасение в 1-й раз и исключительно Вам, дорогой Юрий Степанович) не привлекло наше исключительно-обширное здание с его залами, стеклянными дворами и лестницами внимания наших взбаламученных толп? Тогда мы с своими 3 дворниками да парой служителей при конторе и библиотеке будем совершенно бессильны противостоять устремлению в Музей нежданных гостей. Как же

* резервуар для отхаркивания, буквально «синяя немилость» (нем.).

оберечь наше сокровище от наплыва разрушительной и нам чуждой толпы?⁴ Мне представляются здесь целесообразными два средства: 1) устройство прежде всего двух крепких, железных дверей, с главного и бокового фасада, а равно также железных ворот, ведущих с заднего фасада в хозяйственные дворы, и 2) разнесение ящиков со скульптурами по залам, оштукатуренным и получившим полы и потолок. Двери должны быть не только крепки и массивны, но и иметь такие механические приспособления, чтобы они могли легко и скоро затворяться. У нашего здания только два большие входа для публики, в Аудитории, с бока, и на главном фасаде: отсюда только и можно ожидать устремления толпы. Вовремя закрытые железные двери сослужат тут настоящую службу. Должен отныне и всегда запирается на ночь и при всяком нужном случае и проезд во двор Музея, доселе не имевший ворот. Позднее должны быть сделаны металлические двери из Аудитории в Читальный зал и кабинеты дирекции. Тогда Аудитория будет совершенно изолирована от остальных помещений Музея. Что касается до разности ящиков со скульптурами по готовым залам, то это заполнение полов также может служить предохранением от вторжения бушующих людских волн. Чтобы не поднимать разговоров в конторе Музея и тем не создать вопроса, дело прежде всего железных дверей могло бы устроиться поручением Вашим Р[оману] И[вановичу] представить Вам рисунок, составленный исключительно из частей архитектурного характера, как самый простой, без всякого скульптурного элемента; одобренный Вами, он мог бы быть отдан для исполнения в Москве или, по примеру оконных рам, в Варшаве. Ваше категорическое распоряжение не вызовет никаких разговоров в конторе – и дело устроилось бы вовремя⁵. Будьте благополучны.

688. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Ялта, 19 октября

19 октября 1905, Ялта

Вот уже 4-й день, как и маленькая Ялта с ее окрестностями переживают крайне напряженное состояние. Магазины заперты, школы закрыты, всякая рабочая жизнь остановлена. Третьего дня начала «бастовать» и прислуга в гостиницах, ресторанах и частных домах. Наш пансион, как лечебное учреждение, в котором много и тяжело больных, держался на обычном положении долее соседних вилл, пока не явились оттуда посланцы с предложением прекратить работы и выйти на улицу на вчерашний день. Прислуге нашей живется так хорошо у благодушного старика д[окто]ра Вебера, что некоторые по годам не берут от него платы, живя лишь доходами с гостей;

кормят ее так обильно и вкусно, что эта необходимость «бастовать» представилась всем им чистой бедой. Но хозяин собрал их и посоветовал, не сопротивляясь вызову, если он повторится на следующее утро, идти в город и там оставаться, пока будет возможно воротиться. Этим он надеялся спасти кухню и соседний с ней погреб с запасами, сделанными заранее на эти тревожные дни. Наша девушка, живущая тут привольно несколько лет и человек робкий, прямо плакала ввиду перспективы «слоняться целый день по улице» в ветреную погоду. Делать было нечего; должны были подумать о завтрашнем дне и мы, обитатели пансиона. Старушка хозяйка заявила о своем кулинарном мастерстве и готовности стать на место повара у плиты. Дамы предложили свои умения по части разных блюд и свои услуги. Жена с детьми взяли на себя сервировку стола в нашем корпусе. Я, ничего другого не умея, предложил носить с фонтана воду в кухню и в наш корпус, памятуя о 16 ведрах, которые я носил, по летам, в гору в Тарусе для поливки цветов и овощей.

Вчера прислуга встала ранее обыкновенного, а дровосек тюкал топором целую ночь и заготовил мелких дров целую поленницу. Но появление за ночь депеши с Высочайшим манифестом¹ показало тщету наших опасений. Никто за прислугой не приходил; наша вилла за городом, и потому до 9 час. утра никто не знал, что творится в Ялте. Я спустился с горы на набережную и здесь сразу попал в волну населения, двигавшегося по направлению к Мордвиновскому парку². Случай столкнул у гостиницы «Россия» с москвичами Шаховским и банкиром Джамгаровым³ и его женой. Слова – «Манифест, свобода слова, собраний, личности, законодательная Государственная Дума» – носились в устах даже двоих жандармских офицеров. Настроение у всех крайне напряженное, все ждали печатных листов Манифеста. Волной нас внесло в Мордвиновский парк, где шла уже в полном разгаре специальная «сходка». Какой-то студент, по общему говору, переодетый рабочим, выкрикивал изо всех своих богатырских голосовых сил речь, состоявшую из слов радости «победы над правительством» и проклятий всему бывшему до нынешнего утра. Мы, зрители, стояли за оградой; к нам требование снять шапки и петь вечную память жертвам 9 января в Петербурге не относилось; но когда оратор, потрясая колоссальным красным знаменем как знаменем пролитой крови, начал восхвалять этот кусок материи, зрители повернули спину и начали расходиться. Мы своим обществом перешли в «Россию» и оттуда с террасы смотрели на революционную процессию, задвигавшуюся с красными знаменами по набережной. На руках несли какую-то что-то вопившую еврейку; то ее место занимали другие ораторы, несомые на носилках. Решено было властями

дать «свободу слова», и сделано это хорошо, потому что наорались устами и к обеду все разошлись. Не обошлось тут и без комических сцен мелкого характера. Толпа манифестантов направилась к мужской гимназии требовать возвращения перед тем будто бы исключенных за политиканство учеников. Вызвали директора, возвели его на возвышение и заставили его объяснять этот казус. Директор растерялся и... начал рассказывать, что он сам сын рабочего, что ему интересы простого народа близки и что гимназисты en question совсем не исключены, а пребывают, как и прежде, в гимназии.

После полудня появился печатный Манифест. Он дал воистину больше, чем могли ожидать даже наиболее либерально настроенные между нами во всей России. Он сделал невозможным целый ряд насильственных деяний, к которым готовили себя и в Думе, и перед Думой, и около Думы⁴ горячие радетели самых широких реформ. Он обезоруживает даже тех, кто собирался биться в самых первых рядах против самодержавия и его органов. Здесь молодое сердце Государя сказало во всей широте и во всем благородстве: раз самодержавие выставляется по всей стране как причина внутренних смут, нестроений и всяческих зол⁵, – Государь дал конституцию, которая снимает с него главную ответственность перед страной. Я не знаю, кто писал Манифест⁶, но мне очень нравится чистосердечная мотивировка нового закона, это прямое указание на преследующие страну бедствия. Не будучи в силах остановить их собственными средствами и не прибегая к страшному пролитию крови путем пушек и военных ружей, Николай II отказался открыто перед всем светом от принципа, в котором он был воспитан и торжество которого он видел в царствование его отца, оставившего России большие запасы золота и не только внутренний и внешний мир, но и сильный престиж нам в международных отношениях. Но времена изменились, отсутствие твердой политики и проходимость вроде Безобразова и К^о втянули Россию в целый ряд авантю⁷, не оправдываемых с моральной стороны, – и нас напрасно [нами] пренебрегаемый «япошка» сам ударил по лицу, мы не сумели даже дать ему за это сдачи, а в неравной борьбе потеряли города, территории, флот, все запасы золота, вошли в долги и нажили страшные внутренние нестроения и те «неслыханные» и по Манифесту смуты, которые не позволяют доселе двинуться с места и нам с Вами и которые грозили голодом самой Москве от прекращения подвоза съестных припасов. Еще Витте несколько дней назад железнодорожникам указывал⁸ на возможность употребить со стороны правительства «военную силу» для подавления смуты и открыто перед

ними называл неприемлемой законодательную Государственную Думу. А Манифест дал то, что казалось невозможным даже смелому Витте! Желая избежать кровопролития и вывести страну из невозможного положения, Государь не дождал и 4 дней, чтобы этот величайший в истории акт связать с днем восшествия на престол, а соединил его с 17 октября, делаемымся отныне на веки веков историческим днем. Что принесет этот Манифест России? Многого, по возрасту, уже не увидит ни Ваше, ни мое, на десяток лет младшее Вашего, поколение. Но этот поступательный шаг, очевидно, был уже неизбежен. Прежняя форма государственности, очевидно, изветшала и отжила свой век. Недаром нас позорно побили на войне не одни враги, но и свои интенданты, свои деятели по отделу благотворительности, свои управители во флоте и свои бездарности во главе сухопутных корпусов и дивизий, свои генералы Штакельберги, поехавшие на войну с коровами, чтобы и там пить привычное молоко... и свои дутые герои Стессели, сдавшие крепость врагу, но оставившие себе колоссальный личный багаж... Но глубоко жаль, что этот Манифест не явился 1 января 1905 г. – раньше всех тех зол, которые с тех пор мы пережили. Тогда бы не говорили любители «красного» знамени: «Мы вырвали России конституцию».

Скоро ли восстановится движение на железных дорогах?

689. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Москва, 4 ноября

4 ноября 1905, Москва

Предполагая, что Вы в эту пору года находитесь в Петербурге, я последние два письма из Ялты направил туда. Но здесь мне сказали, что Вы до сих пор не оставляли Сторожева. Мы все в Музее задаемся вопросом, здоровы ли Вы и Ваши и все ли благополучно в Ваших делах? Мне удалось выехать из Ялты с первым возможным поездом. Конкуренция и на пароход до Севастополя и особенно на билеты жел[езной] дороги была такая, что мне не обещали дать их раньше недели по открытии движения. Помогла мне в этом случае министерская депеша с вопросом, когда я возвращусь в Москву. Этот служебный вызов заставил начальство службы движения в Севастополе дать мне место в первом для ялтинцев поезде. Жена очень опасалась отпускать меня в предположении возможности остановки в пути. И, действительно, под Харьковом кто-то подшутил над нами, пустивши слух о новой забастовке железнодорожных служащих. Мы очень перепугались перспективы засесть на какой-нибудь станции; но слух не оправдался.

На другой и на третий день по возвращении, раз с Рербергом и раз с Клейном, обходили мы работы нынешнего строительного сезона. Сделано, слава Богу, довольно. Готовы фасады, с которых сняты леса совсем, – и теперь изящному переднему фасаду недостает лишь лестницы и потолков колоннады. Готовы открытые дворы, которые, кроме оштукатурки, получили и асфальтовые полы; по целому ряду зал можно ходить, любуясь полами и потолками. На главной лестнице приступили было и к облицовке щек, но забастовка сняла рабочих. Очень продвинуты работы в обоих стеклянных двориках – и оба они обещают быть оригинальными для дворов этого рода в западноевропейских музеях. Греческий дворик будет очень красив, при умелой расстановке угла Парфенона, портика кариарид и памятника Лисикрата, и таких скульптур, как Ника Самофракийская¹ и др. А Христианский дворик будет напоминать знаменитый cortile в Bargello² Флоренции. И столбы, и лестница будут очень эффектны своей монументальностью. Надо будет подобрать хорошую балюстраду к колодцу, который Р[оман] И[ванови]ч поставил в середине в целях отопления. Ему хочется скопировать балюстраду колодца на дворе палаццо Дожей в Венеции³. Я сейчас не припомню его украшений. Если бы Господь не посетил нас всех новым несчастьем, то, работая так, как идут дела теперь, за зиму можно было бы окончить все штукатурные работы, настлать все полы и окончить все потолки. Осталась бы только орнаментальная роспись по некоторым местам. А по мере окраски стен с осени можно было бы приступить к распределению предметов и к заготовке постаментов. Да хранит Вас Господь и дела Ваши: через год усиленной работы внутри здания завидится ясно уже берег. То будет уже 10-й год, как Вы приняли руководство и вершение этого дела. Предмет пересудов, злой критики, покачиваний головой, оно завоевало себе теперь общие симпатии. Открытие фасадов встречается общими похвалами по Вашему адресу и почтительным отношением к Вашему имени. А Великая Княгиня, недавно пригласившая Клейна к завтраку для разговора об иконостасе в церкви, где покоится Великий Князь⁴, сказала при других: «Юрий Степанович создает себе великий памятник этим Музеем» и «просила» о возможности быть на стройке еще несколько раз. Мой низкий поклон всем вам.

В последнем письме я напутал насчет гр[афа] Витте. Он не соглашался на Учредительное собрание⁵, а не на законодательную Думу, которая теперь уже дана.

690. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 ноября

12 ноября 1905, Москва

Осматривал я вчера возобновление мраморных работ на главной лестнице. Забастовка рабочих окончилась¹. Вчерашний темп работ был, [как] обычно, весьма энергичный. Идет облицовка щек лестницы. Какой превосходный цвет избранного мрамора! Однородность рисунка в расположении его жил и значительная одноцветность плит дает возможность прилаживать последние одну к другой скорее, чем это было с другой, верхней, облицовкой лестничной клетки. Там приходилось чуть не на месяцы останавливать работы из-за разношерстности плит в цвете. И как высока эта облицовка у нижних ступеней лестницы, равняясь у первой ступени всей высоте 1-го этажа. На протяжении всего первого марша эти розово-мраморные щеки будут производить величественное серьезно-импонирующее впечатление, а во всем своем целом эта лестница явится по богатству материалов и изяществу сочетания цветов мраморов единственной в России, до характерных достоинств которой не поднимется ни лестница штиглицевского музея в Петербурге², ни лестницы всех русских дворцов. Не могу я противопоставить пандана ни в одном из западноевропейских музеев.

Получил известие из Ecole des V[eaux] Arts в Париже о начале работ над 5 статуями главного фасада Реймского собора³. Министерство просвещения, очевидно, разрешило ей исполнить эту работу помимо драгоценного г. Rouzadouх, формовщика музея Trocadéro. Мастерская Школы исполнит за $\frac{1}{4}$ цены, заломленной этим господином за копию по слепку Musée de la sculpture comparée, а не по оригиналу на месте, как должна работать Школа. За такую статую г. Rouzadouх пожелал от 1200 до 1800 франков, сидя у себя дома, в обычной мастерской. Я побаивался, что этот монополист на средневековую скульптуру во Франции помешает Школе получить разрешение на эту работу. Но так как наша переписка велась через Нелидова, то министерству, очевидно, нельзя было отказать нам, несмотря на какие-то родственные связи Rouzadouх в департаменте изящных искусств, создавшие ему совершенно исключительное положение между парижскими формовщиками.

Попробую явиться к Софье Степановне и Анне Степановне ныне: не буду ли счастливее?⁴ Вчера Р[оман] И[ванови]ч, Рерберг и я, после обхода Музея даже по крышам (осматривали действие снеготаялки), просидели в конторе до 6 часов. Р[оман] И[ванови]ч в очень затруднительном положении с платежами по исполненным работам.

Может быть, до свиданья.

691. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

15 ноября

15 ноября 1905, Москва

Возвратились ли Вы из Владимира? Армбурустер сейчас прислал крик отчаяния. В ближайший термин* его задолжности ему приходится уплатить 1500 марок. Иначе-де предстоит ему полная руина его доброго имени и дела. Он умоляет меня стать перед Вами его ходатаем, считая причиной своего невыносимого положения наш заказ. Сам я счастлив и богат тем, что долгов не делал и не делаю, живя только таким образом, как позволяют зарабатываемые средства. Но теоретически могу представить тяжесть положения художника, впавшего в долг, при необходимости содержать семью и ателье. Знаю также по непосредственному впечатлению, полученному мной в Дрездене, Берлине, Гильдесгейме и Страсбурге, как высоко ценится в Германии имя Netschaiew-Maltzoff, несравненного и для этой страны мецената нового русского Музея искусств. Знаю, с каким восторгом отнеслись ученые и художественное общество, двор и высшая администрация города и королевская в Дрездене к работе Армбурустера по ее окончании.

Третье обстоятельство, облегчающее миссию, возлагаемую на меня Армбурустером, мне очень симпатичным как художник талантливый, серьезный, в обращении милый и чудаковатый, это – Ваше намерение помочь ему подарком сверх условленной суммы. Раз ему такая нужда, прикажите, хотя бы через Р[омана] И[ванови]ча, переслать ему сумму, какую Вам Господь на душу положит.

Были тут петербургские археологи¹ – и нашли этот фриз небывалым перлом для целой Европы. Это прямо «поэзия», говорили они, восторженно осматривая эти мраморные ленты.

Питаю надежду, что кровать на этот раз была во Владимире шире прошлогодней и Вы не потерпели ушибов, которыми наградило Вас миллионное училище², Вами для комфорта других сооруженное.

692. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

20 ноября

20 ноября 1905, Москва

Вчера Р[оман] И[ванови]ч, Рерберг и я, по уходе Вашем из конторы стройки, не могли воздержаться от выражения сердечного восторга Вашей

* окончание (лат.).

несказанной щедростью¹, оказанной продолжению дела в такую критическую минуту, как переживаемая всеми нами ныне, и в столь обычной Вам в такие моменты больших денежных назначений простой, спокойной, деловой форме. Поддержать продолжение работ такой огромной суммой, которая обеспечивает прогресс Музея на целый следующий год, нельзя, не обладая широтой сердца и ясностью философского кругозора. Теперь весь финансовый мир Москвы и всей России съезживается и каждый думает только об уменьшении расходов, избегая всяких, по возможности, платежей. Все всем должны и затруднены исполнением обязательств; в этот круг денежных нестроений неизбежно вовлечены Вашими должниками и Вы; и на Вас лежат обязательства лица, имеющего тяжесть срочного и большого платежа или нескольких платежей. В такое ли время всеобщего застоя и стеснения в делах думать о благотворениях и притом в большой сумме? Но Вы и теперь, когда во всей Москве, хотя избéгай ее с самым пламенным желанием и с красноречием Цицерона, на Музей не найдешь ни у кого и 5 т[ысяч] руб., Вы обеспечили сотнями тысяч ход дел его в том же темпе, какой он имел в самые лучшие времена своего созидания. Как будто ничего не случилось, как будто и нет у нас тех бед и печалей, какие Россия переживает ныне. Работая для лучших времен будущего, Вы философски взглянули на случившуюся и у Вас финансовую тугу и ради нее не остановили ни на одну йоту дела, идущего во весь мах. Мне, чуждому и далекому от практики финансовых дел, было прямо трогательно слышать и видеть такое решение вопроса, как нам быть с работами далее. Эта простота, эта возвышенность взгляда на положение, иначе один Бог ведает, сколь трудное для Музея, меня глубоко тронули – и я решил ныне, в этот утренний час, высказать перед Вами чувства этой благодарности без предела и этого удивления и восторга пред благородством и высотой Вашего внутреннего мира, пред изяществом и простотою формы этого решения большого дела. Примите, дорогой Юрий Степанович, благосклонно эти чувства. После мы трое были очень веселы, пошли осматривать работы Греческого стеклянного двора, парадной лестницы и мраморной мастерской. В последней наши рабочие (не иностранцы) прекрасно полировали зеленый мрамор и вырубали зеленый карниз для щек лестницы. Был 3-й час, внизу было уже темно; работа шла при лампах. Любо было смотреть на эту дружную работу над дорогим и благородным материалом²... Да хранит Вас Господь!

693. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 декабря

11 декабря 1905, Москва

Мне очень больно, что в эти тяжкие дни я лишен возможности навещать Вас, большое сердце которого должно страдать, ввиду столь грозных событий, еще сильнее, еще мучительнее. В музей являюсь я первым на службу и последним оставляю его. Чины потеряли спокойствие, предаются многие унынию и прямой трусости. Просят о закрытии учреждения в ожидании, что придут повстанцы-рабочие¹ и силой заставят закрыть музей. Без прямого повода и насилия я сделать этого не могу; наше учреждение не торговое и не промышленное, рабочих у нас нет, а служителя на положении домашней прислуги. К тому же и читальный зал в эти дни полон занимающейся публикой. Даже вчера, в эту страшную для Москвы субботу, когда то и дело носились залпы больших орудий, когда в окна музея дрожали [стекла], работы в читальном зале продолжались непрерывно до 3 часов, – и я сам был свидетелем того, как носили из библиотеки массу книг в отделение читальной. Это углубление в науку и литературу в часы канонады было тем поразительнее, что чиновники выказывали трусость.

Почтамт прислал предложение получить через уполномоченного большую корреспонденцию и тюки с книгами, накопившиеся в течение несколько недель забастовки почты. И что же? Какие перекоры пошли между библиотекарями о том, кому ехать на Мясницкую! Один сознается, что у него болит желудок, другой уклоняется под предлогом старости, третий говорит, что не его черед, о четвертом доказывают, что у него всегда болит живот. Высказали было мнение, что не послать ли на почту одного служителя, который-де и привезет все на извозчике или двух. Мне показалось такое укрывательство чинов за спину служителей прямо противным, и потому я предложил послать лицо по старшинству службы. Когда форменно отказались двое, остановились на третьем. Он отсутствовал в прежнем обсуждении и, явившись, согласился ехать в ближайший присутственный день безо всякого колебания. Но зато и минуты не медлили письмоводители канцелярии; те, бедняки, получающие по 25 руб. в месяц, решили этот вопрос в одну минуту. И живут-то они от музея далеко.

Вчера, в 4-м часу, возвращение домой для меня было затруднительно. Извозчик долго колесил по разным переулкам, пока не добрались до Трехпрудного, уже попавшего в боевой район. Пока действуют повстанцы: убит драгун-разведчик, лошадь его пронеслась мимо наших окон. В соседних переулках, Мамоновском и Палашевском, говорят, убиты или ранены

два другие драгуна. Ворота нам приказано держать на запоре (штрафы от 500 до 3000 руб.).

Утром я выхожу рано, пока просторно на улице; но завтра возвращение будет затруднительно. В соседних переулках с нашим уже баррикада. Придется, может быть, ночевать в музее. Я бы, может быть, пробрался к Вам пешком пораньше утром, около 9 час., потому что в 10 я должен быть в музее. Да хранит Вас Господь, хранит Ваше сердце!

694. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

11 декабря № 2

11 декабря 1905, Москва

События нынешнего дня развиваются с необычайной быстротой. Прошел один час после того, как я окончил письмо к Вам, – и вот мой дом подвергся нападению не только черни, но и хорошо одетых молодых женщин и девиц. Громят ворота и разрушают надворные постройки, вырывая отовсюду доски для баррикады, устраиваемой прямо против нашего флигеля. Ворота были заперты, начали их бить и ломать. Во избежание худшего пришлось отпереть. Сейчас ворота уже поперек переулка, и из нашего двора сделана улица. Входит всякий, кто хочет. В разгроме всех ворот по Трехпрудному участвует не одна чернь. Вон сейчас у меня вырывают доски, которыми обшиты сторожка и кухня. Теперь 1 [час] пополудни. Переулок перерезан несколькими баррикадами. Все фонари и фонарные столбы уничтожены. Бьет фонари чернь, наш фонарь разбил на глазах у меня ничего не стоящий парень, скверно одетый, нахального вида. Не могу отослать детей в Р[умянцевский] музей, где бы они могли найти приют на эту ночь. Боимся пожара, так как в нашем переулке и по соседству строения все деревянные. Чтобы не раздражать толпы, работающей над устройством заграждений, нахождением нашим в передних комнатах, мы перешли в задние, выходящие на двор. Не знаю, оставаться или уходить, пока можно, бросив всё на произвол судьбы, – книги, мебель. Платья немного, богатств денежных 17 руб., которые легко укладываются в одном кармане. Мне хочется остаться одному, детей же усладить, пока или, вернее, если не поздно. Говорят, что загражденья возводятся во всех соседних переулках. Заграждения построены, в устроенное у меня пошла даже собачья конура, – и ту унесли, собрали и унесли мостки, лежавшие на нашем низком и сыром дворе. После оживления настала прямо мертвая тишина, строители (сейчас дворник сказал мне, что хорошо одетая женщина, участвовавшая в разрушении наших ворот, – публичная девка, живущая в соседнем, Козицком, переулке: вот какие союзники у

гг. социалистов, создавших движение московских рабочих!) умчались, а публика, услышавши стрельбу на Малой Бронной, попряталась по домам. Нет, ныне нам не выдти из дома. О выезде, об извозчике нечего и думать. Говорят, целая сеть заграждений по всем улицам и переулкам нашего района¹.

695. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

12 декабря

12 декабря 1905, Москва

Ночь прошла без сна, забылся только от 2 до 4 часов. Огни не потушались в доме, во флигеле и в сторожке до рассвета. Дворник, жильцы флигеля то и дело расхаживали по двору. На улице ни одного фонаря. К утру мчавшиеся на извозчике какие-то люди разломали вместе с извозчиком наше заграждение и уехали дальше: должно быть, вестники революционной партии. В 8 часов, оставивши всё, мы помолились и вышли из дома. Пришлось до Спиридоновки пробираться через массу «баррикад»; возле каждой оставлен узенький проход. Мятежников за ними нет; это не батареи, а только заграждения путей для войска¹. По дороге мы разделились, я с дочерью² пошли в Р[умянцевский] м[узей], сын и племянница³ – на Собачью площадку к нашей родственнице старушке, вдове священника⁴. С 9 мы в Р[умянцевском] м[узее] и устроились здесь до лучших времен. Музей пришлось закрыть; ни чины из дальних мест города приходиться не в состоянии, ни публика в такие дни не решается являться сюда. Соседнее здание Казенной палаты⁵ оберегается военной силой, по Моховой и 2 минут не проходит без того, чтобы не наехали патрули, не двигались туда и сюда солдаты. Это – главный коммуникационный путь между Манежем и Хамовническими казармами. Масса тут бегаёт и сыщиков той и другой стороны. Один из наших чинов был в Главном штабе, где он служил до сих пор, – и там ему сказали, что замечена на Моховой какая-то, но враждебного характера сигнализация с крыши одного высокого дома. Я сейчас же воспретил чинам, живущим в музее, восхождение на бельведер и обязал смотрителя взять ключ от него к себе. Долго ли до греха; с чинами и их семьями заберутся и знакомые, направление которых никому неизвестно. В наше революционное время не то что за знакомых, за собственных детей, при развращающем влиянии некоторых учителей и литературы, ручаться нельзя. Даже их внутренний мир сокрыт от родителей. Идеи поднятия угнетённых судьбою рабочих и всех низших классов населения, идеи социализма так заманчивы для юных

умов и сердец, что наивная молодежь, воображающая, что она впервые придумала благодетельствование этими мечтаниями всех угнетаемых нуждою, думает провести в жизнь эти утопии. А люди злой воли и широких appetitов пользуются этой маниловщиной юных реформаторов для своих честолюбивых целей. И такого рода господа сидят на учительских местах в средних учебных заведениях. Коноводы социализма и революционного движения, печатающие в газете «Борьба»⁶ свои возмутительные прокламации или манифесты стачечников, – один, некто Рожков, приват-доцент Университета и преподаватель Коммерческой академии⁷, и Покровский, магистрант русской истории, развраща[ющий] своим влиянием девиц одного из здешних женских институтов⁸, и власти терпят этих соратников доверчивого юношества. Какое смутное время! Но вместе и какое безголовье московских администраторов, следовавших за смертью Великого Князя Сергея Александровича! Козлов⁹ был необыкновенно плох и как обер-полицеймейстер, а на генерал-губернаторском посту он стал прямо беспомощен и комичен, так что стало непонятным, зачем дали ему высокое звание генерал-адъютанта. Дурново¹⁰, вместе с ленью, трусостью и неспособностью, вместе с привычкой хорониться от подведомственных ему лиц, привез, в неудобное для амуров время, с собою танцовщицу, словно надсмехаясь над тем общественным контролем, под который поставило его высокое положение. В военное и революционное время, время всяческих отечественных потерь и бесчисленных страданий, эти публичные амурсы старика явились издевательством над вверенным ему ответственным делом. Что мудреного, когда в его лице издевались другие над испорченностью и неспособностью нашей высшей бюрократии. Такие амурничавшие лежебоки в образе представителей особы Государя только роняют значение императорской власти в глазах страны. Их бездействие усиливает уверенность крамолы, доходящей теперь до неслыханных давно-давно разрушительных действий и насилий прежде всего над мирным населением. Сердечно и от всей души желаю Вам возможно спокойного отношения к гнусной действительности, нас окружающей. Берегите Ваше сердце!

696. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

19 декабря

19 декабря 1905, Москва

Не знаю, решитесь ли Вы ныне выехать, когда переезд до Клина и еще около какой-то станции, говорят, не благополучен¹. На всякий случай

спешу сообщить Вам адрес представителя конторы Кузницкого в Петербурге. Его имя: Ридинг и К°. Васильевский остров, Тучковская набережная, у Елисеева, № 2. Точный счет Кузницкого будет доставлен Вам из конторы стройки Музея, где этим вопросом занят И.И.Рерберг². Если надумаете ехать, дай Вам Господь полного благополучия в пути и доброго здоровья. Низкий поклон мой будьте добры передать всегда внимательным ко мне Софье Степановне и Анне Степановне. Вчера я узнал о пожаловании И.А.Колесникова 6-го числа тек[ущего] м[есяца] чином действительного статского советника³. Это сообщил он мне сам; но по какому ведомству, я не знаю. Еще и еще желаю Вам непрерывного улучшения здоровья. Дай Бог Вам встретить праздники и Новый год вполне счастливо.

697. ЦВЕТАЕВ – НЕЧАЕВУ-МАЛЬЦОВУ

Таруса, 30 декабря

30 декабря 1905, Таруса

Спешу из обычного моего святочного приюта¹ принести Вам, со всей Вашей милою семьею, наилучшие и самые искренние пожелания к Новому году, который авось не будет для всех нас таким невообразимо, небывало тягостным, каким был его непосредственный предшественник. Быть лучше его новому году так легко, так сравнительно просто. Будем молиться и ждать прекращения или, по крайней мере, облегчения наших зол. 1905 г[од] был для нас совершенно траурным, исключительно несчастным годом. Начало его по западному календарю и канун его по нашему принесли нам бессмысленный пожар Музея, унесший 15-летними исканиями и поклонами добрым людям добытые художественные коллекции, цена коих исчислена в 40 т[ыс.] руб. и за которые придется нести ответ перед Университетом. Март внезапно лишил нас навсегда Великого Князя, симпатиям и авторитету которого Музей обязан очень большой долей своих успехов. Похищенный злым роком был для нас таким нравственным центром, к которому мы – люди, ближе к делу стоящие, – всегда сходились и тяготели во всех случаях и моментах более важного значения. И едва ли может быть сомнение в том, что и он сам смотрел на вздымавшийся в столь изящных формах и в столь монументальном камне Музей как на лучший памятник своего управления Москвою. Замкнутый и не обладавший даром плавной речи, с каким жаром он выражал, по моем возвращении из-за границы, свой восторг всем виденным на постройке. Он утверждал, что этот Музей будет, по изяществу форм и по массе дорогих

материалов, одним из первых в свете среди однородных учреждений, т.е. музеев скульптуры в слепках. И грядущие судьбы этого дела, если бы Великий Князь был с нами, были бы так или иначе обеспечены. В течение всех 12 месяцев 1905 год непрерывно терзал наши нервы всё только тяжелыми сюрпризами, когда кончилась одна роковая для спокойствия России война и началась другая: этой же братоубийственной резни со всеми злодеяниями и конца пока не видно. Господи, какое ужасное время ниспослано нам! Этот напор всех несчастий и зол сломил Ваше здоровье. Видя Вас болеющим в первый раз, я с горем в сердце замечал, как Вы постепенно худели, как теряли Вы присущую Вам обычную бодрость, как бессонницы и печальные думы и чувства подтачивали Вашу энергию. Но, благодарение Богу, крепкая природа взяла верх над гнетущими впечатлениями: в последние две недели дело пошло на весьма значительное улучшение. Разница между худшими днями болезни и временем Вашего отправления в Петербург была уже колоссальна. Пребывание в родной обстановке, я хочу надеяться, продолжает оказывать на Вас свое благотворное влияние. Пошли Вам Господь полное исцеление! В январе мне придется быть в Петербурге, явлюсь к Вам.

КОММЕНТАРИИ

Принятые условные сокращения

- АН СССР – Академия наук СССР
Архив РАН – Архив Российской академии наук
Б. – большой (-ая)
библ. – библейский
ГМИИ – Государственный музей
изобразительных искусств
им. А.С.Пушкина
ГНИМА им. А.В.Щусева – Государственный
научно-исследовательский музей
им. А.В.Щусева
губ. – губерния
ед. хр. – единица хранения
колл. – коллекция
л. – лист
миф. – мифологический
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел
рукописей Российской государственной
библиотеки
об. – оборот (листа)
оп. – опись
ОР ГМИИ – Отдел рукописей
Государственного музея изобразительных
искусств им. А.С.Пушкина
ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной
Третьяковской галереи
РГАЛИ – Российский государственный архив
литературы и искусства
РГБ – Российская государственная библиотека
с. – село
стб. – столбец
св. – святой (-ая)
СПб. – Санкт-Петербург
Учебный художественный музей
им. И.В.Цветаева – отдел ГМИИ
им. А.С.Пушкина «Учебный
художественный музей им. И.В.Цветаева»
(на территории РГТУ)
ф. – фонд
ц. – церковь
- Комитет МИИ 1902 – Музей изящных искусств
имени Императора Александра III при
Императорском Московском университете
в 1902 году. Записка проф. И.Цветаева. М.,
1903
Комитет МИИ 1904 – Музей изящных искусств
имени Императора Александра III при
Московском университете. Отчет и речь,
читанные в годичном собрании Комитета
Музея 29 ноября 1904 г. проф. И.Цветае-
вым. М., 1905
Поленовы. Хроника семьи – *Сахарова Е.В.*
Василий Дмитриевич Поленов.
Елена Дмитриевна Поленова. Хроника
семьи художников. М., 1964
Цветаев – Клейн. История создания музея –
История создания музея в переписке
профессора И.В.Цветаева с архитектором
Р.И.Клейном и других документах
(1896–1912)/Авт.-сост.: А.А.Демская,
Л.М.Смирнова. Из Архива ГМИИ. Т. 1, 2.
М., 1977
Цветаев – Трей. – ... In Moskau ein kleines
Albertinum erbauen. Iwan Zwetajew und
Georg Treu im Briefwechsel.
(1881–1913)/... Устроить в Москве
маленький Альбертинум. Переписка
Ивана Цветаева и Георга Трея (1881–1913).
Под ред. Э.Хексельшнейдера, А.Баранова
и Т.Бурга. Вступ. статьи Л.Акимовой,
Э.Хексельшнейдера и К.Кноль.
Комментарии Э.Хексельшнейдера,
К.Кноль, А.Баранова, М.Аксененко
и Л.Акимовой. Köln, 2006.
С параллельными текстами на нем.
и рус. языках

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5124.

¹ Цветаев находился в Тарусе с 24 декабря 1903 г., проводя рождественские каникулы у Сусанны Давыдовны Мейн, вдовы своего второго тестя.

² В 1901 – 1910 гг. Цветаев являлся директором Румянцевского музея. Крупнейшая в тогдашней Москве библиотека музея (ныне РГБ), была постоянно переполнена читателями (см. т. 2, письмо 524).

Голицын Михаил Михайлович, князь, генерал-лейтенант, гофмейстер при дворе великого князя Владимира Александровича. Его телеграмма нам неизвестна.

Великий князь *Владимир Александрович* (1847–1909), третий сын Александра II, генерал от инфантерии, командующий Петербургским военным округом и президент Академии художеств (с 1876 г.); с 1867 г. почетный попечитель Румянцевского музея в Москве. Подробнее см. т. 1. Проживал в Петербурге.

Министром народного просвещения в 1902 – начале 1904 г. был Григорий Эдуардович Зенгер (1853–1919).

³ *Клейн Роман Иванович* (1858–1924), архитектор-строитель Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1. Ездил в Рим в связи с неосуществившимися планами устройства в Музее отделения, имитирующего раннехристианские катакомбы.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5125.

¹ Упомянутая телеграмма Нечаева-Мальцова нам неизвестна. Нечаев-Мальцов, по-видимому, просил выслать ему строки из опубликованной в «Московских ведомостях» 4, 5 и 7 декабря 1903 г. речи Цветаева о положении дел Музея в 1902 – 1903 гг., так как по одному из ее пунктов было высказано сомнение в точности цветаевского изложения (см. комм. 6).

² *Жуковский Павел Васильевич* (1845–1912), художник, сын поэта В.А.Жуковского. Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств; один из трех официально избранных Комитетом консультантов по художественной части здания. Подробнее см. т. 1.

³ *Синаев-Бернштейн Лев Семенович* (1867–1944), скульптор, первоначально получивший от Нечаева-Мальцова заказ на фриз центрального портика Музея. Контракт был расторгнут летом 1902 г. в связи с появлением более интересного проекта Залемана на сюжет «Олимпийские игры» (темой Синаева был «Парнас»). Подробнее см. т. 1, с. 497 сл. См. также: Комитет МИИ 1902. С. 19 сл.

Залеман Гуго Романович (Робертovich, 1859–1919), академик, преподаватель скульптуры в петербургской Академии художеств.

⁴ Письмо П.В.Жуковского от 19 июля 1902 г. сохранилось. См.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 1122. Оно цитируется в цветаевском письме 362 (см. т. 2).

⁵ Заседание Комитета по устройству Музея изящных искусств 20 июля 1902 г. дало согласие на расторжение контракта с Берштейном и передачу заказа Залеману. Протокол заседания см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 130, л. 6–12, он утвержден 12 апреля 1903 г. (Каждый протокол заседаний той или иной организации принято было обязательно зачитывать и утверждать на следующем заседании, даже если оно собиралось значительное время спустя.) Цветаев находился в заграничной поездке с 19 октября 1902 по 21 июня 1903 г.

⁶ Письмо Жуковского Цветаеву от 25 ноября 1903 г. см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 1129. В нем Жуковский, признавая целесообразность передачи заказа Залеману, высказывал сомнения, правильно ли в юридическом смысле было оформлено это решение – тем более, что события помнились ему иначе, чем их печатно излагал Цветаев. Он боялся «скандала» и опасался за свое больное сердце, если Синаев-Берштейн обратится в суд.

536

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5126.

¹ *Толстая Софья Андреевна* (1844–1919), урожденная Берс, жена Л.Н.Толстого (1828–1910). Часть рукописей Толстого была перевезена ею в Румянцевский музей 1 сентября 1887 г., другая – в 1898 г. Рукописи хранились в музее как личное имущество Толстой: в опечатанном виде и без каких-либо гарантий, что они станут когда-нибудь собственностью музея.

² *Дашков Василий Андреевич* (1819–1896), директор Румянцевского музея в 1867 – 1896 гг., *Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844–1901) – в 1896 – 1901 гг.

³ *Мейн Александр Данилович* (1836–1899), отец второй жены Цветаева, дед Марины и Анастасии Цветаевых. Подробнее о нем см. т. 1.

⁴ *Берс Александр Андреевич* (1845–1918), брат С.А.Толстой, действительный статский советник; батумский градоначальник (1879), затем орловский вице-губернатор (1882–1893), в 1894 – 1910-х гг. член правления Московского земельного банка.

Поляков Лазарь Соломонович (1842–1914), банкир, глава московской иудейской общины, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее о нем см. т. 1.

⁵ Тайный советник – чин 3-го класса, соответствовал генерал-лейтенанту в армии и вице-адмиралу во флоте. Присвоен Цветаеву 1 января 1904 г.

⁶ У С.А.Толстой ее разговор с Цветаевым оставил иное впечатление. Через неделю, 18 января 1904 г., она записала в своем дневнике:

«Но главное дело мое в Москве было: перевозка девяти ящиков с рукописями и сочинениями Льва Николаевича из Румянцевского в Исторический музей.

Меня просили взять ящики из Румянцевского музея по случаю ремонта. Но мне странно показалось, что в таком большом здании нельзя спрятать девять ящиков в один аршин длины [0,71 м]. Я обратилась к директору музея, бывшему [ошибка С.А.Толстой] профессору Цветаеву. Он заставил меня ждать полчаса, потом даже не извинился и довольно грубо начал со мной разговор.

– Поймите, что мы на то место, где стоят ящики, ставим новые шкапы, нам нужно место для *более ценных рукописей*, – между прочим говорил Цветаев.

Я рассердилась, говорю:

– Какой такой хлам ценнее дневников всей жизни и рукописей Толстого? Вы, верно, взглядов “Московских ведомостей”?

Мой гнев смягчил невоспитанного, противного Цветаева, а когда я сказала, что я надеялась получить помещение лучшее для всяких предметов, бюстов, портретов и всего, что касалось жизни Льва Николаевича, Цветаев даже взволновался, начал извиняться, говорить льстивые речи, и что он меня раньше не знал, что он все сделает, и так я уехала, прибавив, что если я сержусь, то потому что слишком высоко ценю все то, что касается Льва Николаевича, что я тоже львица, как жена Льва, и сумею показать свои когти при случае» (Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1897–1909. М., 1932. С. 224–225).

Согласно той же записи, 10 января, прямо из Румянцевского музея, Толстая отправилась в Исторический и после нескольких визитов к его руководителям и знакомства с предлагаемым помещением 12 или 13 января перевезла рукописи туда, забрав их у хранителя Рукописного отделения Румянцевского музея Г.П.Георгиевского. Сделано это было в отсутствие Цветаева и, по-видимому, без предупреждения. Рассказ завершается в ее дневнике такими словами: «Теперь я вся поглощена заботой о перевозке вещей и еще рукописей Льва Николаевича туда же [в Исторический музей]. Надо спасти все, что можно, от бесполового расхищения вещей детьми и внуками» (Там же. С. 225). О решении перевезти рукописи в Исторический музей Софья Андреевна сообщила мужу в письме, написанном в ночь на 11 января (см.: *Толстая С.А. Письма к Л.Н.Толстому*. М.–Л., 1936. С. 746).

Учитывая имеющиеся сведения о характерах С.А.Толстой и И.В.Цветаева, мы склонны считать более объективным рассказ об их встрече Цветаева.

⁷ Письмо Жуковского к Нечаеву-Мальцову от 29 декабря 1903 г. сохранилось (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1130); ответ Нечаева-Мальцова нам неизвестен.

⁸ Граф *Воронцов-Дашков* первым рекомендовал Нечаеву-Мальцову Синаева-Бернштейна. По-видимому, это был *Илларион Иванович Воронцов-Дашков* (1837–1916), бывший министр Императорского Двора и уделов (1881–1897), член Государственного совета и генерал-адъютант, в дальнейшем – председатель Красного Креста (1904–1905) и наместник на Кавказе (1905–1915). Приходился Нечаеву-Мальцову родственником.

13 января 1904 г. скульптор получил от Нечаева-Мальцова весьма значительную компенсацию в 4 тыс. рублей (см. расписку в ее получении в ф. 2, оп. I, ед. хр. 213).

⁹ *Поленов Василий Дмитриевич* (1844–1927), академик живописи, член-учредитель Комитета по устройству Музея и консультант по художественной части здания; знакомый Цветаева со студенческих лет и один из первых энтузиастов цветаевского замысла создания Музея. Подробнее см. предыдущие тома. Обращения к нему Синаева объясняются тем, что Поленов знал и в свое время хвалил его эскизы. За месяц-полтора до возникновения кандидатуры Залемана Поленов писал Нечаеву-Мальцову:

«Глубокоуважаемый Юрий Степанович.

По приглашению Г[осподи]на Синаева Беренштейна я был у него и видел обработанный эскиз фриза для музея имени Императора Александра III.

Теперь этот рисунок представляет гораздо более строгую и серьезную обработку темы и во многих фигурах удачно приближается к греческим образцам.

Я только выразил Г[осподи]ну Синаеву сожаление, что такая большая и интересная работа будет находиться не внутри здания, а снаружи; и будет подвергаться всем невзгодам нашего климата, с которым нужно очень считаться, особенно когда дело идет о мраморе.

В надежде скоро иметь удовольствие Вас видеть, остаюсь с искренним уважением преданный Вам

В. ПОЛЕНОВ.

P.S. Я пробуду в Москве до 23 мая.

14 мая 1902 г.

Спиридоновка, д[ом] Раевской, 29» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3219. Публикуется впервые).

¹⁰ «Мамонографических» – от библейского слова «мамона» (бог наживы) и греч. «графейн» – писать. По-видимому, выражение из письма Нечаева-Мальцова Жуковскому.

¹¹ Подразумевается неосуществившаяся поездка группы художников на этюды в Грецию для подготовки к работам по живописному оформлению залов московского Музея изящных искусств. Об этой экспедиции постоянно говорилось в переписке Цветаева с Поленовым летом и осенью 1902 г. и затем вновь начиная с осени 1903 г.

Поленовский замысел живописного убранства Музея можно понять из его письма к Нечаеву-Мальцову от 2 ноября 1902 г.:

«2 ноября 1902 года.

Глубокоуважаемый Юрий Степанович.

Прошу Вас принять мое искреннее поздравление с Вашим блестящим избранием в почетные члены Академии художеств.

От всей души желаю Вам много и много лет продолжать Вашу полезную и плодотворную деятельность в великом деле поддержания и распространения искусств в России.

Все это время я был занят возложенным Вами на нас поручением выработать программу живописных работ для Музея императора Александра III.

Общий их план был Вами широко намечен, и на основании его, тогда же, на частном совещании у Романа Ивановича Клейна, под руководством Ивана Владимировича Цветаева и при содействии Павла Васильевича Жуковского мы составили программу. Потом я, с общего согласия, обращался к Виктору Михайловичу Васнецову, прося его дать указания для оценки стенной живописи, что он любезно и исполнил.

На основании этих данных я составил список сюжетов для картин, долженствующих пояснять и оживлять скульптуру.

Последнее время я довольно часто виделся с Романом Ивановичем, который начал разрабатывать разрезы и определять размеры площадей живописи.

Когда этот труд будет закончен, то можно будет вычислить общее количество живописной работы и, с Вашего согласия, приступить к детальному выяснению этого трудного дела, которое может сделаться эпохой в русском искусстве.

Прилагаю список картин-панно, составленный мною при содействии выше-названных товарищей по Комитету.

Примите уверение в искреннем моем уважении

В. Поленов

Москва, Спиридоновка, 29.

СПИСОК КАРТИН-ПАННО В МУЗЕЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Название зал	Сюжеты картин-панно	Примечания
№ 3 Олимпия 2 стены	1. Вид на Олимпию с горы Друвы 2. Развалины храмов Юпитера и Геры	
№ 4 V век Парфенон	3. Пропилеи 4. Эрихтеон-Пандросион, храм Никэ-Аптерос 5. Храм Тезея, памятн. Лизикрата, театр Диониса с частью стои Эвмена 6. Парфенон 7. Акрополис 8. Панафиней	
№ 5 Продолж. V века	9. Храм Аполлона в Бассах. Аркадия	
№ 6 Пракситель	10. Пракситель и Афродита 11. Мыс Книдос, место круглого храма	
№ 7 Некрополь	12. Улица с гробницами в Афинах и сцены погребения	
№ 8 Ниобиды	13. Гора Киферон (Беотия)	
№ 9 Лизипп	14. Мастерская Лизиппа	
№ 10 Скульптура в провинциях	15. Остров Милос 16. Остров Родос 17. Остров Делос 18. Пантикапей (Керчь)	Куинджи

Название зал	Сюжеты картин-панно	Примечания
№ 11 Пергам и Дельфы	19. Развалины Пергама 20. Дельфы	
№ 12 [Рим]	21–24. Сюжеты для этой залы будут сообщены Иваном Владимировичем Цветаевым из Рима	В.М.Васнецов берется сообщить об этой работе Сведомскому, Котарбинскому и А.Васнецову
№ 13 Искусства христианских эпох	25. Эпоха Христа 26. Эпоха катакомб	
	27. Эпоха базилик и баптистерий	Под наблюдением В.М.Васнецова
№ 14 Средневековое искусство	Образцы скульптуры на западноевропейских кафедрах	
№ 15 Возрождение	30. Виды городов Италии	П.В.Жуковский
№ 16 Греческая архаика	34. Микены, Пестум и т.д. Развалины Эгины. Остров Крит и раскопки на нем	
№ 20 Египет	35. Памятники скульптуры и зодчества	
№ 24 Крытый двор античн[ый]	36. Троада	
№ 25 Крытый двор Возрожд[ение]	37. Картина из жизни XV века».	

(Ф. 2, оп. I, ед. хр. 56, л. 8–10. Автограф В.Д.Поленова. Некоторые слова в таблице вписаны рукой Цветаева. Публикуется впервые.)

¹² В день своего отъезда в Петербург, 14 января 1904 г., Цветаев просил Поленова письменно изложить свои расчеты: «Эта записочка мне нужна для сообщения Юрию Степановичу...», и переспрашивал: «Так ли мы посчитали с Вами? Спросите совета у Натальи Васильевны [жены]. Как бы Ваша команда не растерзала Вас с голоду и от безденежья. Не прибавить ли к этому стоимость билетов до Афин и обратно?» (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6125. Публикуется впервые).

Присланный в тот же день ответ Поленова (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 3223) опубликован в: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 2. С. 197. На этот раз Поленов указывал сроки в 6–8 недель, начиная с 21 марта, сумму «тысяча рублей на человека» и число участников – 5, не считая его самого.

Из предполагавшихся участников поездки в поленовском письме назван только Серов. Еще два имени устанавливаются по ближайшему письму Цветаева к Поленову, от 13 февраля 1904 г., где, между прочим, сказано: «Силен антагонизм в Петербурге [т.е. у Нечаева-Мальцова] против Коровина и Головина;

Вам будет стоить труда удержать их позицию; насколько я вижу, это потребует *Вашего* клятвенного обещания на Лобном месте перед всенародно полной площадью, что всякую их “декадёнщину” Вы переписите сами и Вашим именем покроете их смелые новшества» (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6126. Публикуется впервые).

На это Поленов отвечал 20 февраля 1904 г.:

«Искусство и художников я делю на два сорта, на талантливый и бездарный; и во всяком направлении талантливый художник интересен, а бездарный плох.

Что касается до декаденства [орфография Поленова], то это такое широкое понятие, что [Вл.] Маковский и Мясоедов этой кличкой называют все свежее, живое и талантливое, за такое декаденство я горой стою». (См. полный текст письма по оригиналу, находящемуся в ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 3224, в кн.: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 2. С. 198 сл.; в кн.: Поленовы. Хроника семьи. С. 645 – издан текст черновика, хранящегося в ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 1101.)

537

Публикуется по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4692. Копия – ф. 6, оп. I, ед. хр. 5127.

¹ Подразумевается Комитет попечительства о русской иконописи (СПб.), основанный в 1901 г. по инициативе академика Н.П.Кондакова. Соответствующее письмо в ОР ГМИИ не выявлено; возможно, просьба была высказана Цветаеву устно во время его пребывания в Петербурге.

² Об этой раннехристианской фреске, ее копиях, сделанных для московского Музея Ф.П.Рейманом, и черно-белом фототипическом воспроизведении одной из них в книге Кондакова см.: т. 2, комм. 3 к письму 461.

³ *Готье Юрий Владимирович* (1873–1943), историк. Впоследствии академик АН СССР (1939). Неоднократно выполнял отдельные поручения Цветаева по Музею изящных искусств, в том числе помогал в написании писем на французском языке. В частности, на наброске письма от 30 апреля 1904 г. в Парижскую школу изящных искусств имеется помета Цветаева: «Юрий Владимирович! *Офранцузьте!*» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 216, л. 2. Публикуется впервые). В ОР ГМИИ имеются 63 письма Готье Цветаеву 1899 – 1912 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 617–677).

⁴ *Рейман Федор Петрович* (1842–1920), русский художник, живший в Риме. По заказу Цветаева в 1888 – 1900 гг. копировал раннехристианские фрески в римских катакомбах. Подробнее о нем и его работе см. т. 1 и 2. Упоминаемое повторение поясного изображения Христа сделано им в 1903 г. для великого князя Сергея Александровича.

⁵ Музей Александра III – строившийся Музей изящных искусств, которому принадлежали реймановские акварели. Председателем Комитета Музея был

великий князь Сергей Александрович (1857–1905), дядя царя и московский генерал-губернатор. Подробнее о нем см. т. 1. *Товарищ* – заместитель (*устар.*). Напоминаем, что Цветаев, подлинный основатель Музея, был в это время только секретарем его Комитета, не имевшим распорядительной власти.

⁶ Лестница была все же облицована гранитом.

⁷ Таким образом, в начале 1904 г. уже не оставалось надежд открыть Музей в год 150-летия Московского университета (1905), как это предполагалось раньше. (Напомним, что Музей создавался при Университете.)

⁸ Речь идет о начавшейся за 8 дней до написания письма Русско-японской войне 1904 – 1906 гг.

Елисавета Феодоровна (1864–1918), великая княгиня, старшая сестра царствующей императрицы и жена великого князя Сергея Александровича, почетный член Комитета Музея изящных искусств. Подробнее о ней см. т. 1. Речь идет о ее деятельности в качестве председательницы Дамского комитета Общества Красного Креста и только что организованного ею Особого комитета помощи воинам.

⁹ Видимо, имеется в виду молеbstвие при начале работы названного «склада».

538

Печатается по оригиналу, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4693. Имеется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5128.

¹ На ежегодном торжественном акте Московского университета приглашенная публика заслушивала не только годичный отчет Университета, но и большую речь одного из наиболее авторитетных профессоров по какому-либо важному вопросу составлявшей его специальность науки. Цветаеву такая речь была поручена для акта 12 января 1902 г., он посвятил ее жизни высших школ Римской империи. Подробнее см. письма 275, 293 и 299 в т. 1.

² *Рот Владимир Карлович* (1848–1916), ординарный профессор Московского университета. Подробнее о нем см. в предыдущих томах.

³ Каскара-саграда – лекарство, применяемое при гипертонии.

⁴ *Двоюродный брат* – собственно, муж двоюродной сестры, И.З.Добротворский. См. комм. I к письму 544.

⁵ О каком «магическом одеянии» Цветаева шутиливо говорил Нечаев-Мальцов, неизвестно. Вероятнее всего, о звании профессора Московского университета, служившем высокой рекомендацией и в то же время отчасти ставившем его обладателя вне обычных чиновных и светских условностей.

⁶ *На Караванную* – подразумевается, очевидно, гостиница «Париж» на углу Невского проспекта и Караванной ул. (другое крыло того же здания выходит на набережную Фонтанки у Аничкова моста).

⁷ Дата аудиенции Цветаева у Николая II указана ниже – 28 января 1904 г.

⁸ Имеются в виду денежные пожертвования Нечаева-Мальцова, оплачивавшего перечисленные части здания Музея и материалы для них.

⁹ Подразумевается записка, послужившая представлением Нечаева-Мальцова к избранию в качестве почетного члена Академии художеств: Труды и жертвы Юрия Степановича Нечаева-Мальцова по Музею изящных искусств имени Императора Александра III в Москве. Составлено заслуженным профессором И.В.Цветаевым. СПб., 1902.

539

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2400. Телеграмма, адресованная в Румянцевский музей.

¹ «Славянский базар» – гостиница на Никольской улице, где Нечаев-Мальцов останавливался, приезжая в Москву.

540

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4694. Имеется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5129.

¹ *Лист Георгий Адольфович* (?–1909), основной подрядчик по поставке и обработке мрамора на строительстве Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1 и 2.

² *Эдуардс Б.В.* (Edwards B.W.), классный художник-скульптор, мраморщик и литейщик из бронзы, имевший мастерские в Одессе и Екатеринодаре (с 1920 г. – Краснодар), участник академических выставок, автор памятника Екатерине II в Екатеринодаре. В письмах Цветаеву от 26 января и 20 февраля 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 5645, 5646) предлагал Музею свои услуги по выполнению в Москве скульптурных работ из мрамора или бронзы. К работам привлечен не был.

³ Речь идет о четырех стройных пилонах в составе колоннад 2-го этажа, обрамляющих пролет парадной внутренней лестницы Музея. Этими пилонами отмечены ее начало и конец. В отличие от колонн, они не являются мраморными монолитами.

Упомянутый дальше Египетский зал послужил естественным временным складом предназначенных для облицовки пилонов плит, поскольку вход в него находился на полпути от дверей Музея к парадной лестнице.

⁴ К концу Поста – то есть к 20-м числам марта: Пасха приходилась в 1904 г. на 28 марта.

⁵ *Аксерио Антон Петрович*, подрядчик по выполнению штукатурных работ в Музее. Подробнее см. т. 2. Ездил в Рим как технический консультант по вопросу о способе выполнения росписей для музейной Катакомбы: копии раннехристианской живописи предполагалось написать в технике фрески, сделав их прямо в Риме на особых оштукатуренных планшетах, которые в дальнейшем монтировались бы на стенах и сводах московской Катакомбы (ср. письмо 541 и 486 в т. 2).

Крипта – подземное помещение; *кубикул* (кубикула) – комната (*лат.*).

⁶ Видимо, по словам Клейна, пересказывавшего не дошедшее до нас письмо Аксерио.

⁷ В настоящее время в Музее имеются 2 экземпляра слепка с одной и той же равеннской капители – без импоста над нею, на котором как раз и помещены упомянутые Цветаевым изображения. Между тем Цветаев явно заказывал слепки двух однотипных, но не тождественных капителей, причем один из слепков, вероятно, воспроизводил также импост. Куда и когда выбыл этот слепок из Музея – установить не удалось; он упоминается еще в Путеводителе 1917 г. (См.: Музей изящных искусств имени Александра III при Московском университете. Краткий путеводитель с иллюстрациями. Часть 2. Христианское искусство. Сост.: Н.С.Щербаков, А.А.Сидоров, В.С.Щербакова. М., 1917. С. 30.) Дублет же оставшегося слепка, очевидно, является предназначавшейся на продажу продукцией муляжной мастерской при Музее (существовала с перерывами с 1913 по 1950-е гг.).

⁸ *Массаренти Алессандро*, равеннский скульптор (упоминается в 1897 – 1919 гг.); соответствующее письмо от него, по-видимому, не сохранилось.

⁹ *При мозаиках* – то есть при наличии заказанных Цветаевым копий равеннских фресок, в том числе из той же церкви Сан Витале, что и капители.

¹⁰ Г.Э.Зенгер был освобожден от должности министра народного просвещения 23 января 1904 г., его преемник назначен лишь 10 апреля.

¹¹ *Анижков Николай Милиевич* (1844–1916), сенатор, действительный тайный советник; соученик Цветаева по Петербургскому университету. В 1890-е гг., будучи директором департамента Министерства народного просвещения, оказывал Цветаеву содействие по делам задуманного им Музея. Сведений о его сыне найти не удалось.

541

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4706. Имеется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5130.

¹ *Фармаковский Мстислав Владимирович* (1873–1946), живописец и реставратор, брат историка искусства и археолога *Бориса Владимировича Фармаковского* (1870–1828). Получил филологическое образование в одесском Новороссийском университете и художественное – в Одесском художественном училище и Академии художеств в Дюссельдорфе. В течение 1904 г. выполнил ряд эскизов живописного оформления для зала Древнегреческих надгробий московского Музея, которые были одобрены Цветаевым, но заказа в итоге не получил.

Зал находился на центральной, используемой теперь под временные выставки, оси музейного здания: Центральный (Белый) зал – парадная лестница с двумя ее колоннадами – зал Праксителя – зал Древнегреческих надгробий. Первоначально Цветаев рассчитывал, что слепки греческих надгробий займут в Музее часть одного из боковых залов: зала Афродиты Милосской и Лаокоона. Однако по мере развития архитектурного замысла уже в конце 1897 г. в середине фасада здания был спроектирован большой ризалит, образующий во 2-м этаже отдельный зал с несколько поднятым по отношению к соседним

помещениям полом. (Снаружи этот ризалит украшен фризом Залемана.) Помещение оказывалось тесноватым для экспонирования круглой скульптуры и, наоборот, превосходным для демонстрации рельефов, что и предопределило отведение зала под надгробные стелы.

В 1912 г. он был украшен большим, издалека видным живописным панно А.Я.Головина «Афинское кладбище», замыкавшим перспективу перечисленных центральных помещений (погибло во время Великой Отечественной войны). Само местоположение, очевидно, придавало этому панно символическое, программное для Музея значение. Но в 1904 г. устроители Музея еще не решались так смело акцентировать то, почти случайно возникшее, обстоятельство, что именно зал Древнегреческих надгробий оказался на главной оси здания. Живопись на этом, издали заметном, месте зала не планировалась. Зал должен был, наоборот, как бы теряться из виду в перспективе парадных помещений.

История работ М.В.Фармаковского для этого зала такова.

Высоко оценив в письме к Б.В.Фармаковскому от 24 октября 1903 г. его магистерскую диссертацию «Аттическая вазовая живопись» (СПб., 1902), Цветаев в том же письме обратился к молодому ученому с просьбой:

«В новом Музее у нас будет “Кабинет греческих надгробных памятников”, узкая комната в 24 арш. [17,04 м] длины, с верхним светом. В карнизе хочется иметь ряд отдельных сцен погребального и соответственного характера из вазовой живописи. Может быть, и распишем в этом же роде. Сделайте мне, месяца в 1½, подбор подходящего материала. Пожалуйста.

Что, Ваш брат Мстислав Владимирович не мог ли бы помочь нам в росписи этого “греческого” карниза? Под Вашим руководством он исполнил бы это в должном *стиле*. Платим мы порядочно, времени – год или полтора. Работал бы он дома у себя [в Одессе]» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 5754. Публикуется впервые).

14 января 1904 г. Мстислав Фармаковский, будучи в Москве проездом, передал Цветаеву свои эскизы. Судя по расчету стоимости работ, сделанному художником в этот день на служебном бланке с грифом директора Румянцевского музея (т.е. Цветаева), в зале предусматривался орнаментальный фриз с 7 сюжетными вставками (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4341). Нечетное число вставок объясняется тем, что одна из длинных стен зала на целую треть своей длины отсутствует: в ней открывается большой проем.

В ближайшие же дни, во время пребывания в Петербурге, Цветаев, по-видимому, показал эскизы М.В.Фармаковского Нечаеву-Мальцову. Вскоре, в том же письме от 13 февраля 1904 г., где говорится о предубеждении «в Петербурге» против Коровина и Головина, Цветаев писал Поленову:

«Для маленькой комнатки Надгробных памятников петербургские археологи рекомендовали филолога одесского университета *Фармаковского*, перешедшего на живопись и долго учившегося в Дюссельдорфе. Это – молодой (около 30 лет) милый характер. Он представил несколько этюдов из погребальных сцен на греч[еских] вазах. Я их Вам пришлю. Ни о чем другом он не мечтает,

как об этой Погребальной комнате. Сам археолог и имея брата специалиста по греческим вазам в Императорской Археологической комиссии, долго жившего в Греции, он близок к этому материалу» (ОР ГТГ, ф. 54, ед. хр. 6126. Публикуется впервые).

Около 17 февраля, в очередной свой приезд в Москву, Нечаев-Мальцов заговорил о том, что желательно поместить на боковой стене зала вид древнего афинского кладбища Керамик. Это вызвало просьбу М.В.Фармаковского о поездке в Грецию, робко высказанную в письме к Цветаеву от 25 февраля 1904 г. (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 4343). Требовалось также найти тему для симметричного панно на противоположной стене. В комментируемом письме 541 Цветаев предложил вид кладбища в Помпеях. Очевидно, при этом считалось возможным расширить и тему экспозиции зала, включив в нее памятники искусства, связанные с некрополями не только Греции, но и Древнего Рима.

Поездка М.В.Фармаковского не состоялась. Эскизы видов афинского Керамика и помпейской Улицы Гробниц он сделал по фотографиям и послал их Цветаеву 11 сентября 1904 г. (сопроводительное письмо – ф. 6, оп. I, ед. хр. 4344). Письмом от 10 мая 1905 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4346) М.В.Фармаковский, понимая, что в обстановке начавшегося в стране кризиса трудно рассчитывать на заказ, просил вернуть эскизы, которые дороги ему как память. По-видимому, это было сделано. Когда впоследствии зашла речь о заказе панно А.Я.Головину, Б.В.Фармаковский писал Цветаеву 3 февраля 1910 г.: «... г. Головину надо будет показать эскизы брата» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4338). Осуществилось ли это, мы не знаем.

² *Элевсинская дорога* – путь из Афин в Элевсин (22 км к западу от Афин), в котором в античные времена справлялись таинства, посвященные богине плодородия Деметре и ее дочери Персефоне, видимо, связанные с идеей загробного возрождения. В 1882 г. в ходе раскопок Элевсина был раскрыт западный, дальний от Афин участок дороги. Изобразить ее, вероятно, предложил Нечаев-Мальцов.

³ Так называемая Улица Гробниц в Помпеях настоящей улицей не являлась. Это начинавшаяся сразу же по выезде из города часть дороги на Геркуланум, обстроенная по сторонам гробницами. Изображена на картине К.П.Брюллова «Последний день Помпеи» (1828–1833, ГРМ).

⁴ *Аппиева дорога* – древнейшая из сохранившихся древнеримских мощеных дорог. Проложена при цензоре Аппии Клавдии (312 г. до н.э.) из Рима в юго-восточном направлении до Капуи (350 км). В дальнейшем была доведена до Брундизия (совр. Бриндизи).

⁵ *Элизиум*, или *Елисейские поля*, в греческой мифологии – обитель блаженных в загробном мире.

⁶ Кипарисы впоследствии грезились Цветаеву и при заказе панно Головину, но художник их не изобразил.

⁷ *Нечаевы Софья Степановна* (?–1907) и *Анна Степановна* (?–1908), старшие сестры Нечаева-Мальцова.

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4707. Имеется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5131.

¹ *Мормоне Иосиф Иванович*, одесский скульптор, ученик Залемана, по его гипсам вырубал из каррарского мрамора фриз для аттика над центральной портиком Музея. У Цветаева описка: «Морани» (о нем см. т. 2).

² Бронзовые отливки с предметов античного быта и бронзовых скульптур Неаполитанского музея, найденных преимущественно при раскопках Помпей и Геркуланума, были заказаны Цветаевым фирме Сабатино де Анджелиса во время поездки по Италии в 1903 г.; по стоимости и весу это был самый крупный из его заказов. См. т. 2. Желание перевозить груз не через Одессу, а более длинным путем – через Петербург, объясняется, по-видимому, меньшим доверием Цветаева к железным дорогам Юга России, чем к Николаевской, соединившей столицы – Москву и Петербург.

³ Попечителем Московского учебного округа, в который входил и Университет, был в это время Павел Алексеевич Некрасов.

⁴ *Армбрустер Леопольд* (1862 – после 1936), дрезденский скульптор, выполнял мраморный фриз по мотивам барельефов Парфенона для наружной колоннады московского Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 2 и Цветаев – Трей. К приведенной там информации следует добавить, что в дальнейшем Армбрустер выполнил, согласно воспоминаниям И.И.Рерберга, барельефы на полукруглой части здания Северного страхового общества у Ильинских ворот (1909–1916, архитекторы И.И.Рерберг, М.М.Перетяткович, В.К.Олтаржевский).

⁵ Слова «с Вашим... именем» выражают, конечно же, просьбу, чтобы Нечаев-Мальцов взял эти расходы лично на себя. Мы не знаем, в какой степени это осуществилось. На сохранившихся в ОР ГМИИ счетах имена жертвователей при пометке о произведенной оплате упоминаются редко. Известно, однако, что многие пожертвования Музею, особенно в последующие годы, Нечаев-Мальцов делал негласно.

⁶ О венецианском конном памятнике наемному полководцу Коллеоне, или Коллеони, работы А.Вероккьо и о слепке с него см. т. 1 и 2.

Трей Георг (Егор Егорович) (1843–1922), директор скульптурного собрания Дрезденских королевских музеев, иначе называемого музеем Альбертинум. Подробнее см. т. 1 и 2. О цене слепка он сообщил Цветаеву еще 1 (14) февраля 1903 г. (Цветаев – Трей. С. 206), и с тех пор в сохранившейся части их переписки эта тема не возобновлялась.

⁷ Упоминаемое министерство, конечно, итальянское. Под «франками» здесь, по обычному в цветаевское время словоупотреблению, подразумеваются лиры.

⁸ *Кристи Григорий Иванович* (1856–1911), московский губернатор с октября 1902 по ноябрь 1905 г. До упразднения должности московского генерал-губернатора в конце 1904 г. губернатор был его подчиненным и заместителем на время

отъездов. Г.И.Кристи по происхождению был крупным бессарабским помещиком (а старинная бессарабская знать далеко не всегда признавалась в Российской империи); по основному источнику доходов (не по сословной принадлежности!) – купцом 2-й гильдии, виноторговцем; через жену Марию Николаевну он состоял в родстве с князьями Трубецкими и графами Толстыми. Как ясно из дневников Николая II, царь действительно предлагал Кристи должность министра народного просвещения, от которой тот отказался.

543

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2402, телеграмма. Послана на домашний адрес Цветаева в Трехпрудном переулке.

544

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4708. Имеется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5132.

¹ *Добротворский Иван Зиновьевич* (1856–1919), муж двоюродной сестры Цветаева Елены Александровны, урожденной Цветаевой (1857–1939). Тарусский земский врач. Был, среди прочего, лечащим врачом В.Д.Поленова. Нечаев-Мальцов в это время достраивал в Москве Богдельню для неимущих дворян Московской губернии им. С.Д.Нечаева (архитектор Р.И.Клейн), подробнее о ней см. т. 1. Очевидно, он намеревался пригласить Добротворского на должность хранителя ее здания и кастаньяна, а в дальнейшем и врача; однако это не состоялось.

Подробностей об упоминаемой далее болезни и о финансовом положении Добротворского нам неизвестно. В ОР ГМИИ имеются лишь четыре его письма к Цветаеву, относящиеся к другому времени, 1911 – 1912 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 988–991). Хранящиеся же в ОР ГТГ письма Добротворского к В.Д.Поленову, к сожалению, не содержат ничего, кроме врачебных рекомендаций.

² *Дмитриев Иван Владимирович*, чиновник канцелярии в Румянцевском музее, он же письмоводитель Комитета по устройству Музея изящных искусств в 1903 – 1910 гг. Его подробнейшие, в основном машинописные, письма Цветаеву (151 письмо 1903 – 1910 гг., ф. 6, оп. I, ед. хр. 834–984) содержат множество важных сведений по истории Музея, а также о доме Цветаева и различных лицах из его окружения. В 1903 г. Дмитриев по поручению Цветаева начал переписывать в толстые книги на плотной бумаге – для лучшей сохранности – его письма к Нечаеву-Мальцову; копирование затем продолжали в разные годы писарь Румянцевского музея К.С.Матвеев и еще 6 человек. К сожалению, как раз 1-я книга этой обширной рукописи, содержавшая копии Дмитриева, не сохранилась; лишь несколько писем Цветаева за первые полтора года переписки (апрель 1897 – сентябрь 1898) известны по другим источникам и опубликованы в т. 1.

³ Имеется в виду Румянцевский музей.

⁴ Дворник Цветаева – упоминаемый в «Воспоминаниях» А.И.Цветаевой Илья, продолжавший служить еще и в 1906 – 1908 гг. Он был известен любовью к чтению (И.В.Дмитриев даже носил ему книги из библиотеки Румянцевского музея) и попытками изучить немецкий язык; впоследствии постепенно забросил свои дворничьи обязанности и был рассчитан.

Оба предложения Цветаева – в отношении и Дмитриева и Ильи – не имели последствий.

⁵ Ни мундир тайного советника ведомства Министерства народного просвещения, ни форменная одежда служителей Румянцевского музея не имели никаких украшений и знаков, напоминающих «пьедесталы» или именовавшихся так. Цветаев, следовательно, упоминает – с явно шутливой интонацией – о постаментах скульптур Румянцевского музея. Однако смысл шутки не вполне ясен, если только она не заключает в себе не очень прозрачный намек на какой-либо анекдот, содержащий словесную путаницу: например, «постаменты» вместо «позументы» (мундирные галуны).

⁶ Заседание Комитета по устройству Музея изящных искусств состоялось в тот же день 17 марта 1904 г., утром которого написано комментируемое письмо. См. протокол в ф. 6, оп. I, ед. хр. 198, л. 1–7.

Важнейшими из 13 пунктов повестки были:

проект штатов Музея; решение о перемене транспортно-экспедиционной конторы, пересылавшей для него экспонаты (см. об этом в конце комментируемого письма); выделение денег из средств Комитета в распоряжение Строительной комиссии на очередной строительный сезон (ассигновано 60 тыс. руб., из которых 17 тыс. следовало еще только получить с обещавшего их жертвователя – явный признак исчерпания средств Комитета!); решение о срочной перевозке Кабинета изящных искусств и древностей Университета из его старого помещения, в котором обветшали и стали пожароопасными печи, в квартиру в заднем корпусе строящегося Музея (при этом в ту же квартиру вселялся на жительство и отвечавший за сохранность Кабинета ассистент хранителя А.А.Пэрк); разрешение Цветаеву сделать в предстоящей командировке за границу заказы слепков на сумму 12 тыс. руб. На том же заседании была принята в дар от П.В.Жуковского мраморная копия с эрмитажного «Скорчившегося мальчика» Микеланджело, по сей день экспонируемая в соответствующем зале Музея.

⁷ Упоминаются *Надежда Ивановна* (1882–1941), *Александр Иванович* (1883–1945) и *Людмила Ивановна* (1885–1953) *Добротворские*. Младшая из них, Людмила, несколько лет спустя участвовала в копировании писем Цветаева Нечаеву-Мальцову, переписала, как минимум, письма трех лет. См. об этом ее недатированное письмо начала 1909 г. (?) Цветаеву в ф. 6, оп. I, ед. хр. 991а. В дальнейшем была врачом в Тарусе.

⁸ Кольмажный двор – традиционное название земельного участка, на котором сооружался Музей изящных искусств. Подробнее см. т. 1, с. 351.

545

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 2401.

¹ *Трубецкой Петр Николаевич* (1858–1911), в 1892 – 1906 гг. московский губернский предводитель дворянства. См. о нем подробнее т. 1. Вполне понятен его интерес к кандидату на должность в учреждении, предназначавшемся именно для дворян.

546

Печатается по оригиналу: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4709. Имется копия: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5133.

¹ Цветаев жил в Петербурге в годы своего студенчества, преподавания в 3-й гимназии и подготовки магистерской диссертации (1866–1872); в Варшаве (входившей тогда в состав Российской империи) он был доцентом университета с осени 1872 г. и из нее же уехал в марте 1874 г. в свою первую зарубежную командировку; в Киеве также занимал должность доцента в 1876/77 учебном году.

² Младший брат Ю.С.Нечаева-Мальцова – *Незаев Дмитрий Степанович* (1836–1911).

³ О московских Высших женских курсах см. т. 1. Цветаев преподавал на них, параллельно с Университетом, с 1900 г. до конца жизни.

⁴ Речь идет о Манифесте 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права.

547

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5134, 5134^а, 5134^б.

¹ Телеграмма («депеша») Нечаева-Мальцова не сохранилась.

² Дети – *Валерия* (1883–1966) и *Андрей* (1890–1933) Цветаевы. Подробнее о них см. т. 1 и 2.

³ Таруса лежит в стороне от железных дорог. Ближайшая станция в московском направлении – платформа Тарусская – находится почти в 20 км от нее по другую сторону Оки. В распутицу оказывалось удобнее добираться по реке до более отдаленного полустанка (теперь – платформы) Ока недалеко от южной окраины Серпухова. Цветаевы плыли туда «первым рейсом» – то есть сразу же по открытию весенней навигации.

⁴ Слово «дымчатый» подразумевает здесь не цвет (он рыжсвато-коричневый), а характер окраски – с мягкими переходами от светлого к более темному и обратно.

⁵ Упомянутые телеграмма Нечаева-Мальцова и письмо Цветаева Клейну нам неизвестны.

⁶ Речь идет, по-видимому, о генерале от инфантерии *Николае Максимовиче Цеймерне* (1839–1915), почетном опекуне Московского присутствия Опекунского совета ведомства Учреждений императрицы Марии, в прошлом – участнике боевых действий на Кавказе, губернаторе Астраханском и Владимирском.

Невестой была вдова генерал-майора *Колесникова Екатерина Викторовна*, незадолго до того просившая для себя у великого князя Сергея Александровича должности в Музее изящных искусств. Сведений о каких-либо их дарах Музею не имеется.

⁷ *Донателло* (ок. 1386–1466), итальянский скульптор. Приобретенный Цеймерном «Донателло» оказался, как и предполагал Цветаев, фальшивкой, см. письмо 611.

⁸ *Ника Самофракийская* – одно из самых известных произведений, хранящихся в Лувре. Статуя III – II вв. до н.э. найдена на греческом острове Самофрака в 1863 г. См. т. 1, илл. 109. Слепок московского Музея был приобретен в Лувре в 1911 г. и оплачен М.А.Поляковым; экспонируется в Пергамском зале.

Велетри (в 40 км к югу от Рима) – место рождения императора Августа. Афина (Паллада) Велетри – найденная там в 1797 г. в многочисленных обломках и реставрированная Б.Торвальдсенем 3-метровая римская мраморная копия I в. с греческой бронзовой статуи ок. 420 – 410 или 430 г. до н.э., предположительно созданной Алкаменом или Кресином для афинского храма Гефеста. Известны еще 2 древние статуи и несколько бюстов, воспроизводящие тот же оригинал. Луврская статуя сохранила остатки первоначальной раскраски волос, век и губ. Слепок в московском Музее экспонируется в нижней части Греческого дворика.

⁹ Венера (Афродита) из Арля – римская копия конца I в. до н.э. с одного из произведений Праксителя; по другому мнению – оригинал, созданный в I в. до н.э. для афинского театра. Сделана из гиметтского мрамора (Гиметт – гора близ Афин). Найдена в 1651 г. при рытье колодца на месте древнего амфитеатра в Арле; руки отсутствовали. Реставрирована в 1684 – 1685 гг. Франсуа Жирардоном, более ста лет стояла в Зеркальной галерее Версальского дворца, с 1798 г. – в Лувре. Заказ на слепок Венеры Арльской был послан в Лувр в январе 1912 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 214, л. 44), но из текста неясно, идет ли речь о воспроизведении статуи целиком. В московском Музее имеется лишь слепок верхней ее части (бюст); в настоящее время в запаснике.

¹⁰ Луврская статуя Венеры Прародительницы, называемая также по месту находки «Венерой из Фрежюса» (город в Провансе, на Лазурном берегу) – мраморная римская копия греческого оригинала, изображающая богиню Афродиту в полупрозрачном одеянии. Слепок был приобретен в Лувре и оплачен в 1910 г. из средств Е.П.Захарьиной; в настоящее время экспонируется в верхней галерее Греческого дворика. Культ Венеры Прародительницы введен в Риме Юлием Цезарем, род которого возводили к сыну Венеры и Анхиза, Энею. Оригиналу луврской статуи сейчас приписывают скульптору конца V в. до н.э. Каллимаху.

Алкамен – греческий скульптор V в. до н.э. Сведения о нем настолько противоречивы, что многие исследователи предполагали существование двух скульпторов с этим именем, принадлежавших к разным поколениям.

¹¹ Наряду с богородичными праздниками Никола Вешний (9 мая ст.ст.) традиционно считается в Русской Православной церкви наиболее благоприятным днем для венчания.

¹² Акционерное общество «К.О.Жиро» (с 1904 г., после смерти его основателя, французского подданного *Клавдия Осиповича Жиро* – «К.О.Жиро сыновья») владело в Москве крупнейшей в Российской империи шелкоткацкой фабрикой (ныне – «Красная Роза»). Известно о шести постройках Р.И.Клейна для Жиро, осуществленных в 1906 – 1914 гг. в районе Хамовников.

О торговом доме «Мюр и Мерилиз» см. т. 2. Клейн перестроил в 1896 – 1898 гг. для этой фирмы универсальный магазин на Кузнецком мосту, д. 19, о котором А.И.Цветаева пишет в начале своих «Воспоминаний» как о первом в Москве магазине с лифтом, а в дальнейшем и широко известное здание рядом с Большим и Малым театрами (в советское время – Центральный универмаг, ЦУМ). Годы его постройки – 1907–1910; проектные чертежи, датированные 1906 – 1908 гг., хранятся в ОР ГМИИ.

¹³ Вторник – 13 апреля 1904 г.

¹⁴ Речь идет о наружной колоннаде Музея.

¹⁵ *Рерберг Иван Иванович* (1869–1932), помощник строителя Музея, в дальнейшем известный архитектор. Подробнее о нем см. т. 1.

¹⁶ О мозаичисте *Фролове Владимире Александровиче* (1874–1942) подробнее см. т. 2.

Цветаев говорит о копиях мозаик XIII в. со сценами жития св. Марка из собора Сан Марко в Венеции, оригиналы которых находятся в капелле епископа Зен, или Дзен (а не св. Зенона, как ошибочно указывалось в старой литературе). Копии приобретены Нечаевым-Мальцовым в конце 1897 г. при посредстве книгоиздателя *Фердинандо Онганья*. Подробнее см. т. 1. Будучи первым даром Нечаева-Мальцова Музею, эти копии оказались и самыми первыми по времени памятниками, занявшими свое место в его экспозиции.

¹⁷ Образцами служили колонны северного портика Эрехтейона. См. илл. 88 и 89 в т. 1.

¹⁸ Данных о том, что эта цветаевская идея осуществилась, не имеется.

¹⁹ О проведении на стройке Музея подобной выставки также ничего не известно. По-видимому, она не состоялась. Мраморный фриз Л.Армбрустера по мотивам рельефов Парфенона перед отправкой в Москву экспонировался в Дрездене в апреле – мае (н.ст.) 1905 г., выставка получила ряд отзывов в немецкой печати. Гипсовые оригиналы второго, залемановского, фриза размещались в экспозиции 1912 г. на верхних частях стен Греческого дворика.

²⁰ *Аццарони Алессандро* и *Зампига Джузетте*, равеннские живописцы-реставраторы. См. их счета и письма в ф. 2, оп. I, ед. хр. 200, а также ф. 6, оп. I, ед. хр. 133, 2574–2603 и 4451. Просьба о присылке твореного золота содержится в письме от 5 февраля (н.ст.) 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 2581). Об упоминаемой мозаике см. т. 2.

²¹ *Васнецов Виктор Михайлович* (1848–1926), академик живописи, действительный член Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее см. тт. 1 и 2. Цветаев обратился к нему 13 февраля 1904 г. со следующим письмом: «Глубокоуважаемый Виктор Михайлович.

Равеннские живописцы, работающие над чудесными копиями тамошних мозаик, просят помощи присылаюю им *разведенного* золота. С листовым золотом они не знают, что делать, а жидкого раствора они не могут найти в Италии. Просят прислать им бутылочку.

Работают они над картиной Феодоры, где золота и в женских одеждах и на фоне так много. После они перейдут к Юстиниану и его свите. Им хочется и в золоте соблюсти всю точность оригинала, в каждом его квадратике передавая пятна, причиненные временем. Копии свои они делают на навощенной бумаге, накладывая ее на оригинал и обводя каждый квадратик карандашом. Обведенную часть после *внимательно* расписывают красками. Взгляните на стройке Музея, в конторе, две дивных копии Богоматери с Младенцем и Ангела возле нее – с мозаик церкви S. Apollinare Nuovo. Каждая из них по 4 аршина высоты. А Богоматерь такого возвышенного стиля, что один москов[ский] художник, окончивший Моск[овское] Училище жив[описи] и ваян[ия], при взгляде на Нее и не зная, что это такое, при мне воскликнул: “Ах, это Божия Матерь Васнецова!” После таких чудесных опытов я заказал 3 больших копии с выше-названных картин Юстиниана и Феодоры в ц. S. Vitale и с большой люнеты “Добрый Пастырь” из мавзолея Галлы Плакидии, каждая по 5 арш. длины.

Таким образом, равеннские мозаики в Музее будут представлены у нас исключительно прекрасно! Таких больших и таких совершенных копий нет нигде в мире.

Подумайте, глубокоуважаемый Виктор Михайлович, за меня, где бы можно было получить *баногку разведенного золота*, или *золотой композиции*.

На днях придет в Москву Юрий Степанович, послезавтра возвращаюсь к делу от отдыха и я. До свидания! Будьте благополучны.

Преданный Вам

И. ЦВЕТАЕВ.

Таруса Калуж. губ.

13 февр. 1904» (ОР ГТГ, ф. 66, ед. хр. 271. Публикуется впервые).

Три ответных письма Васнецова от 16, 19 и 21 февраля 1904 г. хранятся в ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 411–413, и опубликованы в кн.: Виктор Михайлович Васнецов/ Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. Сост., вступ. ст. и прим. Н.А.Ярославцевой. М., 1987. С. 201–203. Во втором из них он описывает, как изготовляют и пользуются твореным золотом; в третьем рекомендует мастера, *Михаила Ивановича Козлова*, который для большей наглядности сделает пробную раскраску твореным золотом. Как производилась эта пробная раскраска, описано в письме И.В.Дмитриева Цветаеву от 28 марта 1904 г.:

«Твореное золото удалось хорошо. Г[осподин] Козлов при мне раскрасил копию [кальку], снятую мной с мозаики из Румянцевского музея, в двух тонах – один светлый, а другой темный; в особенности хорошо получился светлый тон из 96-й пробы.

Ящик, сравнительно небольшой, заключает в себе следующие предметы: два блюдечка твореного золота, один костяной зубок и две кисточки. Все это я завтра отправлю на почту.

Будьте добры написать г. Аццарони пояснение с обращением посылаемой ему краски для снятия копий с мозаики.

Способ таков:

Намочив слегка кисточку, начать постепенно набирать на нее золото в блюдечке. (Золото легко насаживается на моченую кисть). Затем, когда на кисть ляжет достаточно золота, следует приступить к раскрашиванию. Раскрашивать надо быстро, так как золото скоро сохнет. После раскраски золото получает матовый оттенок, если же желательно иметь блестящий, то следует дать совершенно высохнуть золоту и, взяв зубок, начать полировать раскраску.

Для этого надо нажимать на зубок и тереть наложенное золото с какого-либо края.

Для образца я ему [Аццарони] посылаю два кусочка раскрашенной копии с мозаики, а также один образец наложенного золота, неполированного, а другой – наложенного золота отполированного.

Образцы в двух тонах – темный и светлый.

Деньги я ему [Козлову] уплатил. Шесть рублей за изготовление золота, 80 копеек за зубок, 20 коп. за кисти и 40 коп. за упаковку, а всего 7 руб. 40 коп.» (ОР ГМИИ, ф. 6, оп. I, ед. хр. 843. Отрывок публикуется впервые).

О копии какой мозаики из Румянцевского музея идет речь у Дмитриева и затем в комментируемом письме Цветаева – не установлено.

Согласно протоколу (ф. 6, оп. I, ед. хр. 198) на заседании Комитета 17 марта 1904 г. на приобретение и пересылку твореного золота и необходимых инструментов были выделены 100 руб. Сохранился черновик официального удостоверения для почтамта, что пересылаемое в Италию золото в порошке является казенной собственностью и предназначено для завершения картин, также являющихся казенной собственностью (ф. 2, оп. I, ед. хр. 200, л. 4).

²² Слепки с античных скульптур Цветаев заказывал у Августа Гербера уже в середине 1890-х гг. О скульптурах перечисленных выше готических соборов см. дальнейшие письма.

548

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5135, 5135^a.

¹ Никакого «декоративного пятна» в итоге не понадобилось. Мозаики сгруппированы в 4 отдельных панно, по 3 плиты в каждом, и между двумя средними панно увеличен интервал.

² Романская церковь Нотр-Дам-дю-Пор в Клермон-Ферране, центре исторической области Овернь во Франции. По современным данным, построена в 1099 – 1185 гг. Ее южный портал, украшенный статуями, упомянутыми Цветаевым далее, более известен своим двойным тимпаном (треугольник и над ним полукруг) с рельефными изображениями Поклонения волхвов, Принесения во храм и Крещения (внизу) и видения Исаии (вверху). Все фигуры повреждены, вследствие чего Цветаев воздержался от приобретения слепков.

³ Имеется в виду заседание Комитета 17 марта 1904 г.

⁴ Колодец Моисея, или Колодец пророков – оформленный скульптурами постамент несохранившейся группы «Голгофа», украшавшей середину колодца в монастыре Шанмоль близ Дижона, столицы бывшего герцогства Бургундского. Создан в 1395 – 1406 гг. нидерландским скульптором Клаусом Слютером (ок. 1350–1406) и его племянником Клаусом де Верве (ок. 1380–1439). Цветаевское описание оригинала см. в письме 580; имя Слютера Цветаев обычно читал на французский лад – Кло (Claux). Слепок в 1912 г. экспонировался в московском Музее на 1-м этаже, в зале Северного Возрождения, по первоначальным планам предполагавшемся под Антикварий (его окна выходят в наружную колоннаду Музея и в Кольмажный переулок; именно в этом зале в декабре 1904 г. произошел пожар). В настоящее время слепок находится в Средневековом зале 2-го этажа.

⁵ Подразумевается музей слепков, преимущественно французского и отчасти немецкого Средневековья, именовавшийся Музеем сравнительной скульптуры. Находился в парижском дворце Трокадеро. Подробнее см. т. 1.

⁶ Благословляющий Христос (1224–1235) – статуя центральных врат западного портала Амьенского собора. На портале южного крыла трансепта находится фигура Богородицы с Младенцем (1236–1269), называемая из-за своей первоначальной раскраски «Золотая Мадонна». Оба слепка представлены в Средневековом зале московского Музея. «Богородица» экспонируется вместе с приобретенным в Трокадеро в 1909 – 1910 гг. за 4200 франков слепком обрамления дверей портала. В зале экспонируется также слепок находящейся в Амьенском соборе гробницы епископа Эврава де Фуйуа (ум. 1222).

⁷ Министр народного просвещения с апреля 1904 по октябрь 1905 г. – генерал-лейтенант *Глазов Владимир Гаврилович* (1848 – ок. 1920). См. о нем: *Порхова Т.М.* Министр народного просвещения генерал-лейтенант В.Г.Глазов // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 668–671. Лихунчан – прозвище попечителя Московского учебного округа П.А.Некрасова (по имени тогдашнего китайского политического деятеля Ли Хун-джана) – подробнее о них см. т. 1. «Музеи» – одно из сокращенных названий Румянцевского музея (полное – Московский Публичный и Румянцевский музеи).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5136, 5136^а.

¹ Имеются в виду западные наружные двери новгородского Софийского собора с рельефами на сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, один из важных памятников романской пластики. Их немецкое происхождение установлено еще в 1834 г. Ф.П.Аделунгом. Большинство ученых считает, что они изготовлены в 1152 – 1154 гг. в Магдебурге мастерами Риквином и Вайсмутот по заказу магдебургского епископа Вихмана и плоцкого епископа Александра (на дверях имеются изображения всех перечисленных лиц и латинские надписи с их именами). Предназначались для собора Успения Богоматери в Плоцке (Польша). Неизвестны обстоятельства их появления в Новгороде, где они находятся, по крайней мере, с XIV – XV вв. (Здесь их, по-видимому, собрал из частей и реставрировал мастер Авраам, изображение которого подписано по-русски.) Продолжает дискутироваться и предположение, высказанное также Аделунгом, что врата были вывезены новгородцами в 1187 г. как военный трофей из шведского города Сигтун и что они были изготовлены для этого города или даже в нем самом. В литературе врата именуются «Магдебургскими», «Плоцкими», «Сигтунскими» и (заведомо ошибочно) «Корсунскими», то есть Херсонесскими. Слепок для Музея заказан не был.

² Гнезно – первая столица средневекового Польского королевства, город в 45 км к востоку от Познани; в цветаевское время – в составе Германской империи. «Гнезненские двери» (ок. 1170) украшают вход в собор Девы Марии (основан в 970 г.; сохранился в основном в перестройке 1342 – 1415 гг.) и представляют собой один из известнейших памятников романского бронзолитейного искусства. На их 18 рельефах представлены сцены из жития св. Адальберта (св. Войцеха), мощи которого хранятся в том же соборе. Слепок этих дверей для московского Музея также не был заказан.

³ Двери Гильдесгеймского собора, отлитые в 1015 г., украшены 16 параллельно сопоставленными по смыслу рельефами со сценами из Ветхого Завета на левой створке и из Нового – на правой.

Двери Аугсбургского собора (не позже 1065 г.) содержат 35 барельефов, преимущественно с аллегорическими фигурами и лишь с несколькими эпизодами из Ветхого Завета; их общая теологическая программа остается неясной.

Цветаевым приобретены полные слепки обоих произведений. Экспонируются в зале искусства Средних веков.

⁴ Полный слепок новгородских дверей уже в 1890-е гг. был в Историческом музее в Москве, где экспонируется поныне; согласно путеводителям, он изготовлен под руководством известного историка искусства и художественного деятеля А.В.Прахова. Цветаев не мог не видеть этого слепка, а также воспроизведений оригинала в различных изданиях, но тем легче забыл о них, что до 1904 г. средневековое искусство почти не входило в круг его специальных интересов.

⁵ *Айналов Дмитрий Власьевич* (1862–1939), с 1903 г. профессор истории искусства в Петербургском университете, ученик Н.П.Кондакова. Подробнее см. т. 1. *Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, академик. Подробнее см. т. 1.

⁶ О Германском музее в Нюрнберге, формовщике *Якобе Ротермундте* и слепке гробницы св. Зебальда *Петера Фишера Старшего* (ок. 1460–1529) см. т. 2, письмо 490 и комментарии к нему.

⁷ Зеeman. История искусства в иллюстрациях (нем.). Об этом издании см. т. 1, комм. 1 к письму 215.

⁸ *Коллино* (правильно – *Коллино Пьетро*, десятник итальянских мраморщиков на стройке Музея. Подробнее о нем см. т. 2.

⁹ Упомянутая телеграмма В.Г.Глазова нам неизвестна, она была, по-видимому, адресована Цветаеву как директору Румянцевского музея. В ОР ГМИИ имеется 6 его писем к Цветаеву более позднего времени, 1905 – 1912 гг. (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 552–557).

¹⁰ Мнение, довольно распространенное в правящих кругах царской России. См. аналогичное высказывание С.Ю.Витте в т. 1, комм. 12 к письму 12. Цветаев говорит, по-видимому, о *Толстом Дмитрие Андреевиче* (1823–1889), министре народного просвещения в 1866 – 1880 гг.

550

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 2404, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ Нечаев-Мальцов отвечает Цветаеву на его несохранившееся поздравление с именинами (23 апреля – день св. Георгия Победоносца).

551

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5137.

¹ *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915), будучи в 1892 – 1903 гг. министром финансов, пользовался наибольшим влиянием в правительстве. В 1896 г. добился согласия Китая на прокладку через его территорию восточного участка Транссибирской магистрали (Китайско-Восточная железная дорога) и заключения между Россией и Китаем антияпонского оборонительного союза. В 1903 – 1906 гг. Витте был председателем Комитета (с 1905 г. – Совета) министров, что рассматривалось современниками как фактическое отстранение от дел; тем не менее он являлся автором двух важнейших документов, подписанных в 1905 г.: Портсмутского мира с Японией и царского Манифеста 17 октября, – и в эти же годы подготовил аграрную реформу, проводимую в дальнейшем П.А.Столыпиным.

Порт-Артур (Люйшунь) – незамерзающий порт на Ляодунском полуострове в Желтом море. В конце XIX в. был объектом притязаний Японии и ведущих европейских стран. В 1894 г. захвачен Японией, в 1895-м возвращен Китаю по настоянию России, Германии и Франции; в 1897 г. занят Россией

по личному распоряжению царя, которому доложили, что иначе это сделает Англия. Формально Порт-Артур был объявлен арендованным у Китая на 25 лет. О том, что именно Витте предостерегал Николая II от захвата Порт-Артура, Цветаев узнает лишь через два с половиной месяца из иностранных газет (см. письмо 588).

² Вексельбург, селение возле Рохлица в Саксонии с монастырской церковью позднероманской постройки. Вексельбургское распятие – многофигурная композиция XIII в. из раскрашенного дерева, установленная на алтарной преграде этой церкви. Слепок получен осенью 1904 г. от *Йозефа Крейттмайра*, формовщика Баварского национального музея в Мюнхене; см. об этом его письма Цветаеву (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1648, 1649 и 1651), содержащие, среди прочего, инструкции по сборке частей слепка. Экспонируется в галерее Христианского дворика ГМИИ.

³ Об этой группе античных скульптур см. т. 2, комм. 19 к письму 466. В Цветаевском Музее Ниобе и ниобидам отводился особый зал.

⁴ *6 пар у Вас белых колонн* – возможно, цитата из какого-либо водевиля; к форменным знакам на мундире гофмейстера она отношения не имеет. Смысл Цветаевской шутки примерно тот же, как в утверждении, что генералу никогда не дослужиться до адмирала: в действительности чины тайного советника и гофмейстера равны, но первый присваивался только на гражданской службе, а второй – на придворной.

552

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2369, телеграмма. Адресована Цветаеву в Румянцевский музей.

553

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5138.

¹ Решение о перевозке Кабинета было принято 17 марта 1904 г. См. комм. 7 к письму 544.

² Речь идет о борьбе за земельный участок для строительства Музея. Подробнее см. т. 1, в особенности комм. 29 к письму 12 и комм. 1 к письму 17.

³ *Степанов Клавдий Петрович* (1854–1910), художник и публицист, автор 20 панно по мотивам греческой вазописи для стен колоннады центральной лестницы Музея (два из них утрачены) и трех архитектурных пейзажей для зала Итальянского Возрождения (живописным украшением этого зала руководил П.В.Жуковский). Подробнее о Степанове см. т. 1.

554

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5139.

В рукописи тексту этого письма предпослана римская цифра I. При копиях дальнейших писем из той же заграничной поездки встречаются также номера

с VI по XI, а затем XIII, XV и XXI. В своих путешествиях Цветаев аккуратно перебелил для памяти тексты писем, отправляемых Нечаеву-Мальцову. При этом римскими цифрами он помечал, скорее всего, не их порядковый номер, а номер составлявшихся из таких копий тетрадок. Собственноручная тетрадка Цветаева за номером XIII сохранилась и ниже публикуется. Переписчики, копируя впоследствии тексты таких тетрадок в большую книгу, по-видимому, не всегда воспроизводили их номера.

Хотя Ю.В. Готье в письме от 20 августа 1904 г. благодарил Цветаева «за то, что нашли минутку и вспомнили обо мне, несмотря на 19 тетрадок, отосланных Нечаеву-Мальцову» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 629. Публикуется впервые), из этого все же не следует, что письма отсылались Цветаевым целыми тетрадками, а не по одному.

¹ Гусь (ныне г. Гусь-Хрустальный), принадлежавший Нечаеву-Мальцову поселок во Владимирской губ., в котором находились его главные фабрики.

² *В минувшую субботу* – то есть 1 мая. Цветаев ускорил свой отъезд на один день по сравнению с ранее предполагавшимся.

³ Младшие дочери Цветаева, *Марина* (1892–1941) и *Анастасия* (1894–1993), с лета 1903 г. воспитывались в пансионе Лаказ в Лозанне. Любопытно, что А.И. Цветаева, судя по тексту ее «Воспоминаний», не знала или забыла, что их взяли из этого пансиона именно по причине его закрытия.

⁴ Кайзер-Фридрих-музеум, то есть Музей имени императора Фридриха (построен в 1898 – 1904 гг., архитектор Э.Э. фон Ине) – составная часть расположенных на острове в центре города Берлинских королевских (ныне – государственных) музеев. Подробнее о них см. т. 1. Здание было выстроено специально для переноса в него коллекций западноевропейского искусства. В него же перевели из Старого музея нумизматическую коллекцию, а также восточные и христианские древности. Музей получил первоначальное название в честь отца Вильгельма II, *Фридриха III* (1831–1888), царствовавшего в качестве прусского короля и германского императора лишь 99 дней в 1888 г. В настоящее время называется по имени своего организатора Музеем Боде.

⁵ Вторая жена Цветаева, Мария Александровна (1868–1906), мать Марины и Анастасии, с осени 1902 г. находилась на лечении в Италии, в Нерви, но в конце весны 1904 г. врачи разрешили ей поездку по Западной Европе и переселение в курортные местности Швейцарии или Южной Германии.

⁶ Александерплац – площадь, названная именем российского императора Александра I.

⁷ Лустгартен (*нем.* парк, увеселительный сад) – название сквера перед старейшим из зданий Берлинских королевских музеев, Старым музеем (архитектор К.Шинкель, 1824 – 1830 гг.).

⁸ О пребывании Цветаева в Берлине в 1899 г. см. письма 71 – 74 в т. 1.

⁹ *Боде Вильгельм* (1845–1929), немецкий историк искусства и музейный деятель, в то время директор Кайзер-Фридрих-музеума. Подробнее см. т. 1.

¹⁰ Письма Цветаева к Боду хранятся в Берлине (Staatliche Museen zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz. Zentralarchiv, Nachlass Bode), письма Боду к Цветаеву – ОР ГМИИ, ф. 2, оп. I, ед. хр. 68 и ф. 6, оп. I, ед. хр. 290–293; письма с просьбой организовать фотографирование картины Рембрандта из коллекции князя Гагарина среди них нет. Благодарим профессора Эрхарда Хексельшнейдера (Лейпциг), приславшего нам текст своего большого неизданного доклада 2008 г., в значительной части посвященного анализу отношений Цветаева и Боду: *Hexelschneider E. Deutsch-russische Zusammenarbeit im Museumswesen um 1900 (Ivan Cvetaev – Georg Treu – Wilhelm von Bode)*.

¹¹ *Гагарин Виктор Николаевич* (1844–1912), член совета Московского художественного общества. Его телеграмма Цветаеву из Рима от 28 апреля (ст.ст.) 1904 г. сохранилась – ф. 6, оп. I, ед. хр. 476. Как установил профессор Эрхард Хексельшнейдер, речь идет о картине «Молодой человек в профиль, со шляпой в руках», см.: *Bode W., Hofstede de Groot C. Rembrandt. Beschreibendes Verzeichnis seiner Gemälde mit den haliographischen Nachbildungen. Geschichte seines Lebens und seiner Kunst. Bd. 8. Paris, 1906. Nr. 570*.

¹² Пребыванию в Италии в 1902 – 1903 гг. посвящены письма большей части т. 2.

¹³ Барджелло – название дворца во Флоренции, в котором расположен Национальный музей. Подробнее см. т. 2.

¹⁴ О названных художественных памятниках Падуи см. т. 2, письмо 445 и комментарии к нему.

555

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5140, 5140 а.

¹ *Пизано Никколо* (ок. 1220 – между 1278/84), скульптор, один из родоначальников Проторенессанса; *Пизано Джованни* (ок. 1245/50 – после 1314), его сын, скульптор и архитектор.

² Имеется в виду Русский музей.

³ *Росселлино Антонио* (1427–1479), итальянский скульптор.

⁴ Университетская коллекция древнегреческих расписных ваз создавалась в 1855 – 1880 гг. Первые 25 ваз были приобретены у А.С. Уварова и одна получена от него же в дар; другие приобретались у римских антикваров при посредничестве В.Гельбига; каталог, составленный А.Н.Шварцем и включавший в себя 108 номеров, издан в 1890 г. Некоторое количество ваз, найденных в Северном Причерноморье, поступило в апреле 1900 г. из подаренной Николаю II коллекции П.В.Синицына (см.: *Московские ведомости*. 1900. 8 апреля. С. 2, и 11 апреля. С. 2; список вещей – ф. 2, оп. I, ед. хр. 485).

⁵ Имеется в виду алтарный образ «Богоматерь с Младенцем и святыми Франциском и Косьмой» Андреа дела Роббиа из местечка Варримиста возле Пизы. Далее упоминаются переговоры о слепке с него, однако слепок Цветаев не приобрел.

⁶ Мозаичная апсида из разобранной за ветхостью церкви Сан Микеле ин Аффричиско в Равенне (VI в., Берлин, Музей Боде) с изображением в конхе стоящего безбородого Христа и двух архангелов и на триумфальной арке – Христа на троне в окружении трубящих ангелов (часть фигур новые). Мозаика сильно искажена разновременными реставрациями. По другим данным, поступила в Берлин в 1851 г., то есть еще в царствование брата Вильгельма I, Фридриха Вильгельма IV (1795–1861; король Пруссии с 1840).

⁷ *Вильгельм I Гогенцоллерн* (1797–1888), король Пруссии в 1861 – 1888 гг. и император Германии с 1871 г. до конца жизни; дед Вильгельма II (1859–1941), германского императора в 1888 – 1918 гг.

⁸ Подразумевается орнаментальный скульптурный фриз (5×35 м), украшавший нижнюю часть наружных стен и башен недостроенного дворца Омейядов в Иордании, известного под поздним названием «Мшатта» (740-е гг.), – крупнейший экспонат берлинского Музея исламского искусства, первоначально основанного Боде в здании Фридрих-музеума (с 1930-х гг. переведен в Пергамский музей). Фриз подарен Вильгельму II в 1903 г. турецким султаном Абдул Хамидом II (1842 – 1918; правил в 1876 – 1909 гг.).

⁹ *Нибур Бартольд Георг* (1776–1831), выдающийся немецкий историк античности; в 1813 – 1823 гг. – прусский посланник при папском дворе в Риме.

¹⁰ *Reymond M. La Sculpture Florentine. Vol. 1 – 4. Florence, 1897 – 1900.*

¹¹ В Берлине Цветаевым приобретены два больших слепка ассирийских рельефов IX вв. из дворца Ашшурнасирпала II в Кальху (совр. Нимруд): плита с изображением крылатого гения и придворного (крайняя справа в нижнем ряду на продольной стене Ассирийского зала ГМИИ) и блок из двух разделенных горизонтальной надписью рельефов с изображением коленопреклоненных божеств среди священных деревьев (в настоящее время – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

¹² Алтарь Зевса из г. Пергам (ок. 180 г. до н.э.), его главный горельефный фриз имеет длину около 120 м. Подробнее о нем и о жертвователях на слепки с него, приобретенные Цветаевым в 1890 и 1904 гг., см. т. 1. Следует помнить, что Пергамский алтарь занял в Берлине с 1930 г. иной, более просторный зал.

¹³ *Шехтель Федор (Франц) Осипович* (1859–1926), академик архитектуры, член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств.

¹⁴ Кассетонами (кассетами, или кессонами) называются квадратные углубления на потолках, сводах, куполах. Западная сторона упомянутой Цветаевым колоннады была пристроена в качестве портика к фасаду Нового музея и затеняла окна нижнего этажа, где располагался египетский отдел. Поэтому потолок и кровля колоннады были сделаны со сквозными застекленными отверстиями.

¹⁵ Эта мера не понадобилась. В Египетском зале, который затенен также колоннами внутри самого зала, были сделаны дополнительные окна в Греческий дворик. (С конца 1960-х гг. все окна Египетского зала закрыты, и экспозиция построена на искусственном, электрическом, освещении.)

¹⁶ Опасение Цветаева оказалось преувеличенным. Хотя в 1912 г. в Ассирийском зале были щиты, но не для больших ассирийских рельефов, а преимущественно для более мелких экспонатов из приобретенной государством коллекции В.С.Голенищева.

¹⁷ В экспозиции зала Кватроченто удалось в итоге обойтись без разделения пространства зала щитами.

¹⁸ *Здешний* – то есть берлинский, на Александерплац.

¹⁹ Кёльнский собор – самое большое готическое здание Германии (длина 144 м, высота башен 156 м), начат в 1248 г., работы остановлены в XVI в., возобновлены в 1823-м и окончены в 1880 г.

²⁰ Городской художественный музей Валлрафа – Рихарца в Кёльне основан в 1855 г. В 1900 г. перед входом в музей был установлен памятник обоим его основателям. *Валлраф Фердинанд Франц* (1748–1824), каноник, ректор Кёльнского университета, завещавший городу свои обширные коллекции рукописей, художественных произведений и древностей. *Рихарц Йохан Генрих* – коммерсант, пожертвовавший в 1851 г. средства на строительство нового музейного здания (открыто в 1861 г., погибло во время Второй мировой войны). В хорошо известной Цветаеву статье К.К.Гёрца «Об основании художественного музея в Москве» (1858) деятельность Рихарца приводилась в пример москвичам. В наши дни музей является одним из крупнейших музеев средневекового искусства и располагается в здании, выстроенном в 2001 г.

²¹ С 20 августа по 15 ноября 1895 г. Цветаев находился в заграничной командировке для изучения музейных зданий Центральной и Западной Европы, в результате которой им было выработано задание для архитектурного конкурса проектов московского Музея изящных искусств. В поездке Цветаева сопровождала и помогала ему в работе жена, Мария Александровна. Его отчет о командировке см. в т. 1, с. 546 сл.

²² *Нюрнбергская Мадонна* – один из шедевров Германского музея в Нюрнберге, деревянная статуя неизвестного автора ок. 1515 г., обнаруженная после Наполеоновских войн (в 1815 г.) в тайнике старинного Императорского замка в Нюрнберге. Изображает Святую Деву с молитвенно сложенными руками и возведенным взором. Тонировка оригинала отличается большой художественной тонкостью. Цветаевский слепок, экспонируемый в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева, имеет, в отличие от упомянутого слепка в Кёльне, условную темную тонировку, напоминающую скорее бронзу.

²³ Гестия Джустиниани – статуя ок. 460 г. до н.э. (Рим, музей Торлония), ее слепок находится в экспозиции Олимпийского зала ГМИИ. Гестия – древнегреческая богиня семейного очага и жертвенного огня.

²⁴ *Каламид* – скульптор, работавший преимущественно в Афинах ок. 480 – 450 гг. до н.э.

²⁵ Интерьер алтарной части готического собора Свв. Петра и Павла в Наумбурге, возведенного в первой половине XIII в. на месте прежнего здания 1028 –

1044 гг., украшен в конце 1240 – начале 1250-х гг. уникальным циклом из 12 статуй основателей и жертвователей храма. Из них в московском Музее в зале Средних веков находятся поясные слепки статуй мейссенского маркграфа Эккехарда и его жены Уты и полные слепки со статуй Германа (брата Эккехарда) и его жены Реглинды. На каменных статуях имеется много раз поновлявшаяся раскраска, о которой трудно судить, соответствует ли она первоначальной. О слепках известно, что они пришли в Москву с поврежденной тонировкой, почему-то приобретшей ядовито-зеленый оттенок, и были заново тонированы в Музее под цвет песчаника – но и эта тонировка была повреждена в 1930-е гг. В том же зале экспонируются слепки других скульптур середины XIII в. из Наумбургского собора: 3 рельефа из цикла «Страстей Христовых» и фигуры Богоматери и Иоанна, стоящие в оригинале по сторонам большого Распятия.

²⁶ «Человек с гусями» (*нем.*) – жанровая фигура (ок. 1530) работы *Панкраца Лабенвольфа* (1492–1563), украшавшая нюрнбергский фонтан на Гусином рынке. Слепок в настоящее время в запаснике.

²⁷ Установить, о каких статуях пишет Цветаев, затруднительно.

²⁸ Эта небольшая скульптура (Брюгге, собор Богоматери) была исполнена Микеланджело не позже 1506 г. и приобретена у него фламандским купцом Мускромом, увезшим ее на свою родину.

²⁹ Речь идет об уменьшенной копии бронзовой скульптуры *Бенвенуто Челлини* (1500–1571) «Персей и Медуза» (1545 – 1554 гг.; Флоренция, Лоджия деи Ланци; рельеф с постамента – Флоренция, Национальный музей). В цветаевской экспозиции кроме этой модели (в настоящее время – в запаснике) были представлены в размере оригинала голова Персея и рельеф с постамента.

³⁰ Цветаев уже приобрел слепки с римских мраморных копий поликлетовского «Дорифора» (Неаполь, Национальный археологический музей) и лисипповского «Апоксиомена» (Рим, Музеи Ватикана), бронзовые оригиналы которых не сохранились. См. об этих слепках в т. 2. Для лучшего представления об оригиналах он считал полезным иметь также бронзированные слепки без добавленных копиистами-мраморщиками подпорок. Подобная реконструкция «Дорифора» находится в основной экспозиции Музея; аналогичная же реконструкция «Апоксиомена», по-видимому, не была приобретена.

³¹ Идолино (*ит.* божок) – бронзовая статуя юного атлета конца V в. до н.э. (Флоренция, Уффици), вероятно, копия с оригинала круга Поликлета; по одной из новейших версий – вольное подражание римского времени Поликлету. Найдена в 1530 г. в Пезаро. Слепок – в Олимпийском зале ГМИИ.

³² Собор в Ахене, наряду с готическими частями, законченными в 1413 г., включает в себя бывшую дворцовую капеллу *Карла Великого* (768–814), сооруженную в 796 – 805 гг. архитектором Одо из Меца. Образцом для нее принято считать ц. Сан Витале в Равенне (520-е – 546).

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5141

¹ Институт Франции – совокупность нескольких Академий: Французской академии, основанной в 1623 г. с целью совершенствования французского языка и литературы; Академии надписей и изящной словесности (специализируется в области истории, древних и восточных языков и средневековых наречий); Академии естественных наук; Академии искусств и Академии моральных и политических наук. Учрежден в 1795 г. в бывшем здании коллежа Мазарини, построенном в середине XVII в. на месте средневековой Нельской башни.

² *Дидо* – семья французских книготорговцев, типографов и издателей, их фирма основана в 1713 г. *Франсуа Дидо* (1689–1757). *Леру Эрнест* (1845–?), книгоиздатель, фирма под этой маркой существует по сей день. *Брокгауз Фридрих Арнольд* (1772–1874), основатель также существующей поныне немецкой книгоиздательской фирмы (1814 г. – в Альтенбурге, с 1817 г. – в Лейпциге), в разные годы у фирмы имелся парижский филиал.

³ О фотоателе Жиродона см. т. 1.

⁴ Музей Ключи – музей преимущественно средневекового прикладного искусства; возник в 1842 г. на основе коллекций археолога Ал. дю Соммерара, приобретенных французским правительством вместе с принадлежавшим ему «отелем» (особняком) Ключи. На 1900 г. насчитывал около 11 тыс. экспонатов. Здание было выстроено в XV – XVI вв. на месте одного из монастырей, принадлежавших в прошлом Ключийскому бенедиктинскому аббатству (существовало в 819 – 1790 гг. в Бургундии). Монастырь был, в свою очередь, возведен на остатках древнеримского дворца III – IV вв., от которого до наших дней частично сохранились термы.

⁵ Собор Парижской Богоматери, строился с 1163 по 1315 г., реставрирован в 1841 – 1864 гг. архитектором Э.Э.Виолле-ле-Дюком, сделавшим ряд произвольных изменений и добавлений (включая ранее отсутствовавшие изображения химер). Слепок упомянутой монеты не был приобретен. В экспозиции ГМИИ находятся слепки других скульптур того же собора: поврежденной статуи Богоматери с Младенцем (ок. 1205) и горельефа Жана Рави (ум. 1345) «Поклонение волхвов».

⁶ Лувр – комплекс бывших королевских дворцов в Париже, строившихся и перестраивавшихся с конца XII в. по 1857 г. Художественный музей в Лувре был впервые открыт в 1793 г., в основу его легли произведения из различных королевских дворцов и замков, а также из закрытых в то время церквей и монастырей. В начале XX в. музей, официально называвшийся «Национальные музеи», занимал еще только центральное здание (так называемый Старый Лувр) и часть правого крыла дворцового комплекса, остальные корпуса продолжали служить административными зданиями.

⁷ В 1888 – 1889 гг. Цветаев находился в длительной командировке для подготовки к должности профессора истории искусства, в Париже он, в частности, слушал лекции по античному искусству *Максима Коллиньона* (1849–1917).

⁸ *Поттье Эдмон* (1855–1934), специалист по античной вазописи.

⁹ *Кекуле фон Страдолиц Рейнхард* (1839–1911), антиковед, профессор Боннского университета (1870–1889), заведующий отделением древностей Берлинских музеев с 1889 г. и профессор Берлинского университета с 1890 г.

¹⁰ Здесь нами реконструирован правильный порядок фраз, нечаянно нарушенный переписчиком.

¹¹ *Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт)* (1808–1873), французский император в 1852 – 1870 гг.

¹² *Равессон-Молльен Феликс* (1813–1900), французский философ и археолог, с 1870 г. до конца жизни – хранитель античного отделения в Лувре.

¹³ Гера Самосская (ок. 560 до н.э.) – напоминающая колонну архаическая статуя с посвянительной надписью некоего Херамиса; голова не сохранилась. Статуя открыта Полем Жираром в храме Геры на о. Самос в 1877 г. В настоящее время слепок – на балконе Итальянского дворика ГМИИ.

¹⁴ «Ахилл Боргезе» (*фр.*), по более новому определению – Марс (Арес). Римская копия с несохранившегося бронзового греческого оригинала ок. 430 г. до н.э., приписываемого Алкамену. Слепок находится в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

Эта скульптура попала в Лувр из римской коллекции Боргезе в период Наполеоновских войн, как и многие другие шедевры из завоеванных стран Европы. Большинство из них после падения Наполеона были возвращены прежним владельцам как реквизированные у них или, учитывая непосильную для них дороговизну обратной транспортировки, проданы в их пользу другим лицам и музеям (в том числе и Лувру). Но вещи из коллекции Боргезе остались в Париже как законно проданные в Лувр самим собственником, князем Камилло Боргезе (он был женат на сестре Наполеона Паулине, и, вероятно, поэтому император не прибег в этом случае к прямой реквизиции).

¹⁵ Диана из Габий (*фр.*), римская копия с несохранившегося греческого оригинала IV в. до н.э., изображавшего Артемиду, – возможно, с произведения Праксителя, созданного для святилища Афины на афинском Акрополе. Слепок в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева. Габии – древний город в 15 км к востоку от Рима.

Аталанта – в греческой мифологии прославленная бегунья и лучница, участница Калидонской охоты и похода аргонавтов; по некоторым толкованиям – одна из ипостасей богини Артемиды. Предположение, что статуя изображает Аталанту, в науке не удержалось.

¹⁶ «Гладиатор Боргезе» (*фр.*), или «Боргезский боец», скульптура с подписью Агасия, сына Досифея, из Эфеса (I в. до н.э.); по-видимому, копия с оригинала III в. до н.э. Слепок ГМИИ передан во временное пользование Музею Российской Академии художеств в Москве.

¹⁷ Диана Версальская известна также под названиями «Диана-охотница» (богиня изображена вынимающей на ходу стрелу из висящего у нее за плечом

колчана) и «Артемиды с ланью». Копия II – I вв. до н.э. с несохранившегося оригинала Леохара конца IV в. до н.э. Скульптура принадлежала еще Франциску I (правил с 1515 г.) или, по другим данным, была подарена его сыну Генриху II папой Пием IV. В начале XVII в. Генрих IV выстроил для нее специальный зал в Лувре; при Людовике XIV статуя перевезена в Версаль, где находилась почти полтора века до 1798 г. Слепок – в Пергамском зале ГМИИ.

¹⁸ Силен с младенцем Дионисом – мраморная статуя начала III в. до н.э., предположительно с оригинала Лисиппа конца IV в. до н.э. Найдена в Риме на месте древних садов Саллюстия недалеко от Квиринала. Слепок – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

¹⁹ Об этой флорентийской скульптуре и ее слепке см. т. 2 и илл. 43 там же. Цветаев, очевидно, увидел ее воспроизведение в зале слепков Лувра и вспомнил, что соответствующий заказ для Москвы еще не сделан.

²⁰ Архаический дорийский храм в Ассосе в Троаде и его рельефы из местного хрупкого камня трахита относятся к VI в. до н.э., были открыты Шарлем Тексье в 1830-е гг. Слепки в московском Музее отсутствуют. Еще в декабре 1911 г. Цветаев напоминал дирекции Лувра, что заказанный им рельеф со сценой пира в Москву не выслан и выполненным считается лишь по ошибке, вследствие созвучия с другим похожим названием.

²¹ Фасос – один из северных островов Эгейского архипелага. Подразумевается открытый Э.Миллером в 1864 г. трехчастный ионический рельеф ок. 470 г. до н.э. с жертвенника, посвященного Аполлону и нимфам. Слепок – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

²² Крылатый лев VIII в. до н.э. происходит из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (совр. Хорсабад); упоминание о Нимруде – описка Цветаева. Слепок находится в Ассирийском зале московского Музея, поступил из Лувра в 1910 г. и оплачен из средств Е.П.Захарьиной.

²³ Крылатые быки конца VIII в. до н.э. из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине. В Ассирийском зале ГМИИ экспонируются слепки двух из них, полученные в 1912 г. Они были оплачены в 1910 г. авансом из средств Е.П.Захарьиной.

²⁴ В экспозиции Ассирийского зала преобладали слепки с рельефов дворца Ашшурнасирпала II в Кальху, находящихся в Британском музее. Большинство слепков ныне экспонируется на тех же местах.

²⁵ О лондонской мастерской Бруччани см. подробнее т. 1.

²⁶ *Артаксеркс II Мнемон*, персидский царь в 405 – 358 гг. до н.э. Подразумевается капитель с полуфигурами двух коленапреклоненных быков из его дворца в Сузах. В старых путеводителях московского Музея она названа капителью из дворца в Персеполе. Эта неточность перешла и в т. 1 нашего издания. Слепок из-за его большой высоты был размещен в Греческом дворике.

²⁷ *Протопопов Степан Алексеевич* (1846–1916), председатель правления Северного страхового общества, член-учредитель Комитета по устройству Музея

изящных искусств. Подробнее см. т. 1. Напомним, что Положение о Комитете давало жертвователям средств на постройку того или иного зала Музея право присваивать этим залам имена своих родственников или других лиц; часть жертвователей избрали при этом имена членов царствующего дома и получили их согласие.

²⁸ *Гаммураби (Хаммурапи)*, царь Вавилонии в 1792 – 1750 гг. до н.э. Каменный столб с текстом его законов и находящимся в верхней части рельефным изображением самого царя перед богом солнца и правосудия Шамашем найден в 1902 г. французской археологической экспедицией в г. Сузы, куда он попал в древности в качестве военной добычи. Слепок с 1912 г. экспонировался в Ассирийском зале, выбыл из экспозиции в 1960-е гг., в настоящее время – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

²⁹ *Делиг Фридрих* (1850–1922), немецкий семитолог, специалист по ассирийско-вавилонской культуре, в 1899 – 1920 гг. профессор Берлинского университета. Один из крайних представителей панвавилонизма в библеистике, объяснявшего все элементы ветхозаветной религии влиянием Месопотамии. Прочитанный им в Немецком Восточном обществе в присутствии Вильгельма II цикл лекций под названием «Библия и Вавилон» (изд. в 1902 г., есть русские переводы – 1906 и 1909 гг.) вызвал бурную полемику в прессе, в которой принял участие и император.

³⁰ Франко-русский союз (*фр.*), военно-политический союз, заключенный в 1891 г.; оставался в силе вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

³¹ *Нелидов Александр Иванович* (1835–1910), русский посол во Франции с 1903 г. до конца жизни; до Парижа был послом в Риме. Подробнее о нем и его содействии Музею см. т. 2.

³² Парфенон (447 – 438 до н.э., архитекторы Иктин и Калликрат), главный храм афинского Акрополя. Мысль получить для Музея слепок угла Парфенона, аналогичный имевшемуся только в парижской Школе изящных искусств, завладела Цветаевым, по крайней мере, с начала ноября 1902 г. См. в т. 2 письмо 406 и комментарии к нему. Слепок занял свое место в Греческом дворике московского Музея в 1907 г.

³³ Собор Св. Стефана (Сент-Этьен) в Бурже, бывшей столице герцогства Беррийского. Один из лучших готических соборов, построен в 1195 – 1255 гг. (в XV – XVI вв. добавлены капеллы между контрфорсами). Цветаев надеялся приобрести слепок с тимпана его портала с композицией Страшного суда, но такого слепка не было даже в музее Трокадеро, а сделать слепок с оригинала в итоге оказалось слишком дорого даже при условии его оплаты московским и парижским музеями вскладчину.

³⁴ Крепидома – основание, цоколь.

Надежды Цветаева на какие-либо дары со стороны французского правительства или хотя бы на льготные цены не оправдались.

557

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5142. Текст несохранившейся открытки (вероятно, с изображением Амьенского собора или одной из его наиболее известных статуй).

¹ Амьенский собор – самый большой готический собор Франции, строился с 1220 г. по начало XVI в. В XIX в. реставрирован Виолле-ле-Дюком. См. также следующее письмо. Слепок с фигуры ангела с кадильницей с северной двери главного фасада приобретен, по-видимому, не был.

558

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5142 а. Возможно, в оригинале составляло одно целое с письмом 556.

¹ В своем окончательном виде зал не имеет карнизов. Декорирован, главным образом, сводчатый потолок, и именно в этом заключалась трудность, так как прямых образцов для подобной работы не имелось: подлинники потолки ассирийских зданий не сохранились. Подробнее о художественном оформлении этого зала см. т. 1, комм. 7 к письму 57.

² Цветаев называет здесь открывателей и первых публикаторов ассирийского искусства. *Ботта Поль-Эмиль* (1802–1870), французский дипломат, итальянец по происхождению; в 1843 – 1847 гг., будучи консулом в Мосуле, провел раскопки дворца Саргона II и организовал перевозку лучших находок в Лувр; в раскопках и публикациях ему помогал художник Эжен-Наполеон Фланден. *Лейард Остин Генри* (1817–1894), в 1845 – 1851 гг. английский консул в Мосуле; раскопал дворцы Ашшурнасирпала II и других царей в Калахе, а также дворец Ашшурбанапала в Ниневии (совр. Куюнджик). Лучшие находки были переправлены Лейардом в Британский музей, однако оставленного на месте было так много, что еще несколько десятилетий скульптуры из его раскопок продавались или дарились местными властями в крупнейшие музеи Европы.

³ Позже от луврских специалистов стало известно, что роспись этого зала в научном отношении безупречна, и от изготовления копии воздержались.

⁴ Духов день (день Сошествия Св. Духа на апостолов) празднуется на 51-й день после Пасхи и всегда приходится на понедельник. Троицын день, или Пятидесятница, празднуется на 50-й день после Пасхи. (В России эти праздники в 1904 г. отмечались на неделю позже, чем во Франции, 17 и 16 мая ст.ст.)

⁵ *Здешней* – Парижской.

⁶ Вполне вероятно, что малочисленность слепков из Германии в музее, созданном в 1879 г., уже после поражения Франции во Франко-прусской войне 1870 г., объяснялась националистическими настроениями в обеих странах и политической напряженностью, существовавшей как раз вокруг Страсбурга. Эльзас со своим центральным городом Страсбург, упоминаемым уже в I в. (тогда под названием Аргенторат), отошел к германским императорам еще в 870 г., в результате раздела империи Карла Великого его потомками. С 1681 по 1870 г.

он принадлежал Франции, с 1870 по 1918 г. – Германии. Страсбургский собор еще со времен Гёте и немецких романтиков воспринимался в Германии как символ именно немецкого Средневековья.

⁷ Пузаду Э., переписка с ним хранится в ф. 2, оп. I, ед. хр. 216.

⁸ По-видимому, *Жюль Руссель*, автор ряда книг по средневековой скульптуре.

⁹ *Анлар Камиль* (1862–1927), специалист по архитектуре средневековой Франции и исследователь архитектуры крестоносцев.

¹⁰ Лицевыми изображениями называются композиции с «лицами», то есть с персонажами. Слепки романских капителей из ц. Нотр-Дам-дю-Пор приобретены не были.

559

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5143.

¹ В средневековой архитектуре тимпан – углубленная часть стены над дверью или окном, обрамленная полуциркульной или стрельчатой аркой. Обычно заполнялся скульптурными композициями.

² Речь, по-видимому, идет об арке тимпана.

³ О слепке «Золотых врат» Фрейбергского собора, украсившем Христианский дворик Музея, см. т. 2, комм. 2 к письму 389. Фрейберг – старинный горнопромышленный город в Саксонии, сыгравший в петровское время важную роль в развитии горнопромышленного дела в России. О его посещении Цветаевым см. письмо 609. Не путать с Фрейбургом в Бадене-Брейсгау.

⁴ В приведенном Цветаевым перечне упоминаются труды таких крупных французских ученых, как специалист по средневековому искусству, хранитель Национальных музеев и профессор Школы Лувра *Луи Куражу* (1841–1896); его ученик и преемник *Андре Мишель* (1853–1925); историк-медиевист, археограф *Робер-Шарль де Ластейри де Селлан* (1849–1921); историки искусства *Поль Витри* (1872–1941) и *Жан-Жозеф Марке де Вассело* (1871–1946). Публикации Фонда Пио при Академии надписей в действительности называются не «Melanges», а «Monuments Piot»; *Эжен Пио* (1819–1891), антиквар и путешественник.

⁵ Сент Шапель (*фр.* Святая капелла) сооружена по приказу Людовика IX Святого в 1242 – 1248 гг. архитектором Пьером де Монтреем для хранения реликвии, ныне находящейся в соборе Парижской Богородицы – Тернового венца. Состоит из трехнефной нижней капеллы и возведенной над нею однефной верхней, стены которой производят впечатление состоящих из одних витражей. Верхняя капелла в свое время была открыта только для королевской семьи. Находится в нынешнем комплексе Дворца правосудия, на территории бывшего королевского дворца (позднее – тюрьмы) Консьержери. В экспозиции московского Музея имеется слепок одной из статуй, упомянутых Цветаевым далее, изготовленный парижской Школой изящных искусств.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5144.

¹ Школа изящных искусств в Париже – высшее учебное художественное заведение, основанное в 1648 г. На начало XX в. насчитывала 40 профессоров и около 1300 учащихся из разных стран; до 1897 г. к обучению не допускались женщины. Занимала 4 здания на углу ул. Бонапарта и набережной Малаке, построенных в основном в 1820 – 1838 гг. архитекторами *Франсуа Дебре* (1777–1850) и *Феликсом Дюбаном* (1797–1872) с использованием находившихся на этом месте более старых построек. Около половины помещений занимали художественные коллекции, состоявшие как из оригиналов (преимущественно премированных работ выпускников Школы), так и из копий и слепков. Упомянутый далее Цветаевым «Остекленный двор» – часть большого парадного корпуса, сооруженного в глубине так называемого 2-го двора. Кроме собрания слепков античности в здании располагались библиотека, зал Совета и большая аудитория, именуемая Амфитеатром, или Гемциклом (полукругом). «Старая капелла» – часть другого корпуса, протянувшегося вдоль ул. Бонапарта на месте прежнего монастыря малых августинцев; в ней и в примыкающей шестиугольной капелле Микеланджело, меньшего размера, помимо слепков находились копии живописных произведений художников эпохи Возрождения.

² *Деларош Поль* (наст. имя – Ипполит; 1797–1856), французский живописец. Упомянутая картина, выполненная в 1836 – 1841 гг. и насчитывающая 75 больших фигур (портреты художников и 4 женские фигуры, олицетворяющие разные художественные эпохи), размещалась не в зале Совета, а по соседству, в Амфитеатре.

³ Статуи Сент Шапель пострадали во времена Великой французской революции и при реставрации 1840 – 1850-х гг. были собраны из фрагментов. Идентификация персонажей затруднительна; в наши дни считается, что статуи изображали 12 апостолов. Оригинал упомянутой Цветаевым статуи ныне находится в парижском Музее Клуни.

⁴ О каких именно статуях Шартрского собора здесь идет речь, выяснить не удалось.

⁵ О названных произведениях Микеланджело, поисках слепков с них и упоминаемых ниже итальянских формовщиках см. т. 2.

⁶ О пизанской кафедре Никколо Пизано см. т. 2.

⁷ Перечисленные 5 слепков были получены Цветаевым из Школы изящных искусств. Экспонируются в зале Микеланджело ГМИИ.

⁸ В заграничной командировке 1902 – 1903 гг. Цветаев заказывал большое число экспонатов, не дожидаясь формального согласия Комитета на их приобретение. В 1904 г. условия его поездки были более жесткими. Фактическое оформление заказов состоялось, по-видимому, только после возвращения Цветаева в Москву и утверждения составленного им предварительного списка на заседании Комитета 17 ноября 1904 г. (были утверждены заказы на сумму 12 447 руб. и разрешено, сверх нее, заказать слепки «Колодца пророков»

и люнеты портала в Бурже). К этому моменту и перечень вещей, и намечаемые места заказов, конечно, несколько изменились по сравнению с первыми наметками, сделанными в ходе поездки и излагавшимися в письмах. Этот новый список сохранился в ф. 2, оп. I, ед. хр. 198, л. 114–115.

Но уже в ближайшие месяцы в заказах явно потребовались большие коррективы. Причинами были: пожар Музея 20 декабря 1904 г., при котором погибла часть уже имевшихся экспонатов; исчерпание кассы Комитета; связанный с революцией 1905 г. экономический кризис, практически исключавший появление новых жертвователей и затруднявший пожертвования со стороны Нечаева-Мальцова. Лишь начиная с 1909 г. Музей получил ежегодные штатные ассигнования из государственного бюджета, в которых предусматривалась и сумма в 10 тыс. руб. на приобретение экспонатов. Но и тогда Цветаев из-за нехватки средств неоднократно просил отложить выполнение тех или иных заказов ради более срочных и важных. Известны случаи, когда он вынужден был платить за слепки и из своих личных, достаточно скромных средств (см., например, ф. 2, оп. I, ед. хр. 214, л. 38, и ед. хр. 219, л. 17 об.; а также: Цветаев – Трей. С: 277). Корректировки были связаны также с появлением в той или иной мастерской новых форм с ранее не отливавшихся произведений или с обнаружением прежде не известных Цветаеву мастерских.

В итоге многие слепки из намеченных к приобретению в 1904 г. поступили в Музей лишь в 1911 – 1912 гг. или в лучшем случае в 1907 – 1910 гг.; другие не поступили вовсе. К сожалению, неполнота, а подчас и противоречивость сохранившихся данных не позволяет проследить историю каждого заказа.

561

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5145. Текст несохранившейся открытки.

¹ О Шартрском соборе см. следующее письмо. Он построен в основном в 1194 – 1260 гг.; от прежнего собора 1135 – 1180 гг. уцелела огромная крипта и раннеготический западный фасад, включенный в композицию нового фасада; башни и шпили достраивались по XVI в. включительно.

² *Еду в Реймс*. – Эта фраза, очевидно, означает не «сейчас еду туда», а «непрерывно поеду». Реймс вдвое дальше от Парижа, чем Шартр, и к тому же в прямо противоположном направлении. Цветаев побывает там через десять дней (см. письма 568 и 569).

562

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5145 а. Тексту этого письма у переписчика предпослана цифра VI (см. вступительный комментарий к письму 554).

¹ Су – $\frac{1}{20}$ франка; традиционное название монеты в 5 сантимов, чеканившейся во Франции с 1795 г. и заменившей прежнюю монету в 1 су.

² Друиды – жрецы у древних кельтов, населявших нынешнюю Францию, Британию и Ирландию. По сохранившимся старым копиям «Шартрской

Богоматери», одна из которых по сей день в особой капелле в крипте Шартрского собора, конечно, трудно судить о стиле и времени исполнения этой скульптуры. Но ее дохристианское происхождение не исключено. Статуи в виде сидящей женской фигуры, в том числе и с младенцем на руках, встречаются в различных языческих культурах.

³ Первый номер заказан не был. Из скульптур западного, так называемого Королевского, портала, относящегося к середине XII в., в московском Музее есть слепки 2 пристолпных статуй, изображающих пророков или предков Христа: одна в основной экспозиции, другая – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева (там же имеются слепки каменного балдахина над нею и орнаментированного столба, служащего ее подножием). В Учебном музее экспонируются в слепках также две горельефные фигуры старцев с обрамления центрального тимпана (подразумеваются таинственные «двадцать четыре старца» из сцены Страшного суда, упоминаемые в Апокалипсисе, 4:4).

Статуя св. Модесты (XIII в.) в действительности находится на другом, северном портале; слепок экспонируется в основном здании Музея, вместе со слепком еще одной шартрской статуи XIII в., с южного портала, изображающей вина (св. Феодора или св. Георгия).

⁴ Вопросительный знак объясняется неуверенностью Цветаева, каким русским словом лучше передавать этот термин (само французское слово довольно многозначно: «шнур», «веревка», «бордюр», «заградительный кордон» и т.д.).

563

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5146, 5147. Письма 562 – 563 помечены у переписчиков единым номером VI и, возможно, были отосланы вместе, как одно целое. Но при отсутствии оригиналов нельзя это утверждать наверняка. Так как приветственные и прощальные слова опущены, а изложение приближается к жанру путевых заметок с продолжением, определить, где заканчивалось одно письмо и начиналось другое, становится невозможным.

¹ Святилище в Дельфах возле горы Парнас являлось благодаря находившемуся в нем оракулу Аполлона одним из главных общеэллинских культовых центров, почитавшимся даже за пределами собственно эллинского мира. Многие города и частные лица вносили свой вклад в украшение святилища скульптурами и постройками. Различные города-государства сооружали для своих приношений специальные здания-сокровищницы. Раскопки в Дельфах велись французскими археологами с 1891 г.

² Нечаев-Мальцов совершил поездку по Греции весной 1901 г. См. т. 1.

³ *Омоль Теофиль* (1848–1925), археолог, директор Французской школы в Афинах (1890–1904; 1912–1913), Лувра (1904–1911), Национальной библиотеки в Париже (1913–1923).

Французская школа в Афинах – французская культурная миссия, существовавшая с 1846 г. Занималась преимущественно археологическими раскопками; с 1901 г. организовывала также французские школы для греческих мальчиков.

⁴ По-видимому, подразумевается один из двух найденных в Дельфах парных курсов скульптора Полимеда Аргосского (нач. VI в. до н.э.). Эти фигуры изображают аргосских силачей, братьев Клеобиса и Битона. Слепок в 1912 г. в московском Музее отсутствовал.

⁵ Наиболее ранние кариатиды в греческой архитектуре известны в дельфийской сокровищнице сифнийцев VI в. до н.э., первоначально принятой археологами за сокровищницу кнудян. Слепок заказан не был.

⁶ Аурига (*лат.* возничий), или «Дельфийский возничий» – бронзовая статуя ок. 470 г. до н.э. Слепок – в Олимпийском зале ГМИИ.

⁷ Диадумен (*грег.* человек, увенчивающий себя диадемой победителя) – несохранившаяся бронзовая статуя, созданная Поликлетом ок. 430 – 420 гг. до н.э. Наиболее известные копии – из французского города Везон-ля-Ро-мэн в 50 км от Авиньона (случайно найдена в 1861 г., приобретена Британским музеем в Лондоне в 1869 г., определена В.Гельбигом в 1871 г.) и с о. Делос (Афины, Национальный музей; найдена французским археологом Луи Кувом в 1894 г.). Вероятно, речь идет о второй из них. Цветаев приобрел слепок лондонской копии (сейчас – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева) и бронзированный реконструкцию статуи (в основном здании ГМИИ).

⁸ Подразумевается, по-видимому, найденная в Дельфах в 1897 г. мраморная статуя фессалийского царя Агия в виде атлета, которую Э.Прейнер определил в 1899 г. как прижизненную копию с оригинала Лисиппа ок. 340 г. до н.э. Слепок был заказан Цветаевым в январе 1912 г.

⁹ «Клад из Боскорале» (*фр.*) – случайная находка 1895 г. в окрестностях раскопывавшегося тогда же неаполитанскими археологами античного поместья, погибшего вместе с Помпеями в 68 г. Вывоз находки за границу вызвал в Италии громкий скандал.

¹⁰ *Де Петра Джулио* (1841–1925), директор Национального музея в Неаполе в 1875 – 1901 гг.

¹¹ Сведений о том, что Цветаев сделал подобное сообщение, не найдено.

¹² *Аррондель Э.* (даты жизни неизвестны), скульптор, участник 4 выставок в Салоне в 1885 – 1898 гг. Его письма и счета начиная с 1895 г. имеются в ф. 2, оп. I, ед. хр. 214. Сын Арронделя, по-видимому, не стал в дальнейшем его преемником в качестве главного формовщика Лувра.

¹³ *Кемпфен Альбер* (1826–?), французский литератор швейцарского происхождения, директор Лувра в 1887 – 1904 гг.

564

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5148. Текст этого письма у переписчика предпослана цифра VII.

¹ Мост Александра III со стальным одноарочным пролетом в 107,5 м соединил в 1896 – 1900 гг. Елисейские поля и эспланаду Инвалидов. Первый камень на церемонии закладки моста был положен Николаем II.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5149.

¹ *Шабо Филипп де* (1480–1543). Надгробная статуя в Лувре, изображающая его полулежащим на отдыхе после битвы, в настоящее время приписывается *Пьеру Бонтану* (ок. 1506–1570). Она происходит из церкви монастыря селестинков в Париже. Слепок приобретен не был. Другие произведения, упомянутые здесь же, точному отождествлению не поддаются.

Из хранящихся в Лувре французских надгробных скульптур в московском Музее имеется слепок большой раскрашенной фигуры одного из 8 плакальщиц с гробницы Филиппа По, великого сенешаля при бургундском герцоге *Филиппе Добром* (1396–1467; герцог с 1419 г.). Гробница создана около 1480 г. для капеллы в аббатстве Сито *Филиппом Лемуатюрье* (1425 – после 1504). Слепок экспонировался в 1912 г. в зале Северного Возрождения, в настоящее время – в одной из галерей Итальянского дворика.

² *Коломб Мишель* (ок. 1439 – ок. 1513), зачинатель французской ренессансной скульптуры. В московском Музее представлен слепком названного в письме далее мраморного рельефа из Лувра «Св. Георгий, поражающий дракона», созданного в 1508 – 1509 гг. для замка Гайон (слепок находится на так называемом Белом полу). В 1909 г. Цветаев намеревался, кроме того, приобрести не бюст с упомянутой тут же гробницы герцога Франциска II Бретонского и его жены Маргариты де Фуа (1502 – 1507, собор в Нанте), а ее полный слепок. Однако этот дорогостоящий заказ был отложен до будущих времен, поскольку в конце того же года появилась возможность получить, наконец, слепок «Колодца Моисея» К.Слютера и К.де Верве.

³ *Гужон Жан* (ок. 1510 – между 1564/68). В основном здании ГМИИ, на столбах «Белого пола», экспонируются слепки его рельефов с «Фонтана невинных» в Париже, изображающих нимф источника (1547–1549, оригиналы в Лувре). Слепки упомянутых в письме произведений приобретены не были.

Пилон Жермен (ок. 1525/28 или 1535–1590). Из его основных произведений в московском Музее представлены в слепках упоминаемая дальше Цветаевым большая терракота «Скорбящая Богоматерь» (слепок – в Итальянском дворике) и нижняя часть гробницы Генриха II и Екатерины Медичи (1563–1570, аббатство Сен-Дени) – с лежащими фигурами усопших (слепок – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева). Слепки упоминаемых ниже бюстов его работы приобретены не были.

⁴ «Три грации», они же – «Три церковные Благодати» (скульптор и его заказчики намеренно воспользовались одинаковым написанием и произношением этих слов во французском языке) – мраморная группа Ж.Пилона (1563, Лувр), служившая реликварием для захоронения сердца Генриха II: по старинному ритуалу сердце умершего монарха погребалось отдельно от остального тела. Слепок заказан не был.

566

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5150.

¹ Об этих музеях см. т. 2.

567

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5151. Тексту этого письма у переписчика предпослана цифра VIII.

¹ Версаль, в 23 км на юго-запад от Парижа по железной дороге, главная резиденция французских королей в 1682 – 1789 гг. Большой Версальский дворец перестроен в 1661 – 1689 гг. архитекторами Л.Лево, Ф.д'Орбе и Ж.Ардуэном-Мансаром из маленького охотничьего замка Людовика XIII, сооруженного в 1624 – 1634 гг. Достройки и отделка интерьеров продолжались до 1830 г., когда весь дворцовый ансамбль был превращен в музей. Основная часть громадного регулярного парка устроена в 1660-е гг. (архитектор А.Ленотр).

² Эти размышления о монархии и социализме – не только любопытная черта к характеристике своеобразия личности Цветаева, но и типичная особенность того времени.

568

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5151. Текст несохранившейся открытки. Хотя он числится в описях ОР ГМИИ под одним номером с предыдущим письмом, единого целого они, безусловно, не составляли.

569

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5152.

¹ Империял – сидячие места на крыше омнибуса (многоместной кареты) или трамвая; проезд на империяле стоил вдвое дешевле, чем внутри; на большинстве парижских линий империялы не были крытыми.

² Сен-Жермен-де-Пре – одна из старейших парижских церквей, основанная в VI в.; полностью перестроена в XI – XII вв.; это сохранявшееся с некоторыми более поздними переделками здание было частично разрушено в 1821 г.

³ В вагонах более раннего типа отделения или купе не соединялись общим коридором, но имели каждое свой выход наружу, а в 3-м классе вагоны, наоборот, зачастую вообще не имели отсеков.

⁴ Реймский собор Богородицы – традиционное место коронации французских королей. Один из шедевров готической архитектуры. Сооружен на месте более старого собора в 1211 – 1311 гг., отдельные достройки сделаны в XIV – XV вв. Сильно пострадал во время Первой мировой войны. Скульптурное убранство собора насчитывало почти 2300 статуй, из них около 530 – на главном фасаде. Многочисленны скульптурные изображения ангелов, по которым собор издавна называют «храмом ангелов». В цветаевской подборке слепков представлены головы нескольких ангелов, голова так называемого Улисса, образчики

небольших гротескных голов и фигур, а также 2 бюста статуй из группы «Сретение» на левом откосе центральных врат западного портала: св. Иосифа и служанки (1240-е гг.).

В интерьере собора на внутренней стороне фасадной стены расположены ряды ниш, заполненных статуями. Слепок одной из этих ниш вместе со статуей так называемого Иоакима экспонируется в настоящее время в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

⁵ Слепок этой фигуры не был приобретен.

⁶ Вероятно, подразумеваются наиболее знаменитые статуи Реймского собора, составляющие группу «Встреча Марии и Елизаветы» (ок. 1220) на правом крыле центральных врат главного фасада. Их слепков в ГМИИ нет.

⁷ *Бертоцци Э.* (годы жизни не установлены). Список приобретенных у него 25 небольших слепков (головы скульптур Реймского собора, 6 капителей ц. Сен Реми и др.) см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 221, л. 2. Получить для него разрешение на снятие слепков со статуй собора, очевидно, не удалось.

⁸ Сен Реми – древнейшая церковь Реймса, известная с VI в.; была заново построена в 1-й половине XI в. и значительно перестроена в XII, XVI и XIX вв.

⁹ Владельцем этого фотоателье был *Ф. Ротье*, в ф. 2, оп. I, ед. хр. 225 имеются его счета за несколько высланных фотографий. Фамилию владельца фотоателье в Амьене установить не удалось.

¹⁰ В экспозицию зала Средних веков фотографии не были включены.

¹¹ Реймс является центром исторической области Шампань.

¹² «Моэт и Шандон» – фирма по производству шампанского, существующая с 1743 г.; до 1832 г. – под названием «Моэт».

570

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5153. Тексту этого письма у переписчика предпослана цифра IX.

¹ *Садон Э.* (даты жизни не установлены) владел также собственной скульптурной мастерской на одной из центральных улиц Парижа и двумя магазинами по продаже своих изделий; около 1906 г. ушел на покой и выехал из Парижа.

² *Марсель Анри-Камилль* (1854–1926), художественный критик, автор книг о французских художниках XIX в., администратор. Был послом в Швеции (1898), директором департамента изящных искусств в 1903 – 1905 гг., впоследствии – директором Лувра (с 1912 г.).

571

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5154, 5155.

¹ Пале-Рояль (*букв.* Королевский дворец) – бывший дворец кардинала Ришелье недалеко от Лувра, заведенный им Людовику XIII; получил нынешнее название в период, когда в нем проживала Анна Австрийская с детьми.

² *Рамполла Мариано* (1843–1913), государственный секретарь Ватикана с 1887 г. Визит Цветаева к нему описан в т. 2, письмо 486.

³ *Перро Жорж* (1832–1914), антиковед, член Академии надписей, автор (совместно с Шарлем Шипье) многотомной незавершенной «Истории искусства древности».

⁴ *Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь* (1627–1704), французский писатель, епископ.

⁵ Согласно библейской Книге Чисел (22:28) ослица прорицателя Валаама заговорила, чтобы предостеречь его о воле Божьей.

⁶ *Ноэль Жан-Франсуа-Мишель* (1755–1841) и *Шансаль Шарль-Пьер* (1788–1853), французские филологи, авторы пользовавшейся большой известностью книги «Французская грамматика» («Grammaire française»), вышедшей первым изданием в 1823 г.

Рейф Карл-Филипп (1792–1872), российский лексикограф швейцарского происхождения, в числе его книг «Русско-французский словарь» (СПб., 1835) и «Параллельный русско-французско-немецко-английский словарь» (СПб., 1849 и несколько переизданий).

⁷ По легенде, древнегреческий оратор Демосфен (ок. 382 – 322 до н.э.), чтобы преодолеть недостатки своей дикции, часами упражнялся в речи, набрав в рот камешки.

572

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5156. Тексту этого письма у переписчика предпослана цифра X.

¹ *Олло Морис* (1861–1932), археолог и историк.

² *Эзе Леон* (1831–1922), археолог и историк, зачинатель раскопок в Македонии и первооткрыватель ее древнейшей столицы, г. Эги; автор исследования по костюму Древнего Египта, Греции, Рима и Византии; хранитель в Лувре с 1870 г., публикатор и каталогизатор его собраний древнегреческих терракот и «халдейских» (месопотамских) древностей.

³ Подобного обзора Цветаев, насколько нам известно, не напечатал.

⁴ *Эрон де Вильфосс Антуан-Мари-Альбер* (1845–1919), эпиграфист, совершил экспедиции по Алжиру, Тунису, Италии и Германии.

⁵ Школа Лувра – курсы по археологии и истории искусства, готовившие музейных администраторов, археологов и художественных экспертов; диплом выдавался после сдачи экзаменов за три года обучения и защиты дипломной работы. Преподавателями школы были хранители Лувра.

⁶ *Пьерре Поль* (1836–1916), египтолог, хранитель египетского отделения Лувра в 1876 – 1908 гг.

⁷ Апис – священный бык у древних египтян. Речь идет о позднеегипетской статуе Аписа в Лувре, относящейся к IV в. до н.э. Ее слепка в московском Музее нет; по-видимому, именно он упоминается как погибший в списках, составленных после пожара 20 декабря 1904 г.

⁸ Сапожковский уезд – Рязанской губ., по названию города Сапожок. О чьем имени идет речь и когда там бывал Цветаев – не установлено.

573

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5157.

¹ О министре Д.А. Толстом, при котором была проведена в 1871 г. школьная реформа в России, см. комм. 10 к письму 549.

² Существование такой газеты – шутливая выдумка Цветаева.

³ Валерия Ивановна Цветаева.

⁴ Подразумевается обувной магазин в Москве на Тверской ул., д. 13.

574

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5158, 5159.

¹ *Гревен Альфред* (1827–1892), французский рисовальщик, карикатурист, театральный художник и драматург, основатель (1882) музея восковых фигур на Монмартре, существующего поныне.

² Мальмезон – замок недалеко от Парижа, в котором жила после развода с Наполеоном и умерла в 1814 г. императрица Жозефина; в 1815 г. здесь же некоторое время содержался в заключении сам Наполеон. Автором упомянутой сцены был еще сам Гревен.

³ После этого абзаца у переписчика сделан интервал и проставлена цифра XI. Однако текст, следующий за нею, безусловно является продолжением того же самого письма.

575

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5160. Текст несохранившейся открытки.

¹ О соборе в Бурже см. следующее письмо и комм. 33 к письму 556.

576

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5161.

577

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5161а.

¹ *Лоран* – сведений о нем не найдено.

578

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5162.

¹ Письмо А.Марсея к Цветаеву от 14 июня (н.ст.) 1904 г. см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 214, л. 1.

² О слепах, заказанных в Константинополе Нелидовым и принесенных им в дар Музею, см. т. 2.

³ Слепки всех сохранившихся скульптур Парфенона, включая и рельефы на метопах, были приобретены для Музея самим Нечаевым-Мальцовым.

⁴ Сима – венчающая часть карниза. Цветаев говорит о верхнем, наклонном карнизе фронтона, непосредственно поддерживавшем скат крыши (карниз, образующий нижнюю сторону фронтона, в классической архитектуре симы не имеет).

Гейзон (гейсон) – то же, что карниз; в данном случае – нижний карниз фронтона.

Тимпан – в классической архитектуре поле фронтона.

⁵ *Гладков Владимир Логгинович*, один из владельцев скульптурно-художественной мастерской в Москве «Преемники А.С.Козлова В.Л.Гладков и В.А.Козлов». Подробнее см. т. 2.

⁶ Брюссельский музей – Королевский музей монументального искусства во Дворце Пятидесятилетия. (Впоследствии, в 1910 – 1912 гг., из мастерских этого музея было получено для Москвы большое число слепков, в том числе и некоторые важнейшие; но в 1904 г. Цветаев еще не имел представления о его богатстве.)

О каком именно из музеев Мехико идет речь, установить не удалось.

⁷ Слепок был приобретен в Париже целиком. Он обошелся в 15 тыс. франков (ок. 3750 руб.), не считая стоимости его упаковки (6 тыс. франков), перевозки, монтировки в зале, а также работ по значительному углублению пола в большей части Греческого двора, без чего столь высокий экспонат не мог быть в нем размещен.

579

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5163.

¹ Письмо сопровождалось фотографиями трех статуэток плакальщиков с гробницы бургундского герцога Филиппа Смелого или же было написано на обороте открытки с соответствующими изображениями (см. об этом в следующем письме). Среднее фото, очевидно, изображало фигуру со вскинутой головой, другие – с опущенными головами.

² *Лубэ Эмиль Франсуа* (1838–1929), президент Франции в 1899 – 1906 гг.

580

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5164.

¹ «Шартрезцы» (в русском языке принята латинизированная форма: «картезианцы») – католический монашеский орден, впервые возникший в XI в. в Шартрезских горах возле Гренобля. (Не путать с картезианством, философским направлением, идущим от Декарта.)

² Название этого ликера – шартрез.

³ Лечебница по сей день существует в том же месте.

⁴ *Филипп II Смелый* (1342–1404), герцог Бургундский, 4-й сын короля Франции Иоанна II. По уточненным данным, Слютер работал в Дижоне с 1385 г., но стал придворным скульптором Филиппа Смелого лишь в 1389 г.

⁵ Вопрос о «Колодце Моисея» окончательно решился лишь через несколько лет. В самом конце 1909 г. Пузаду сообщил в Москву о возможности изготовить полный слепок за 7500 франков. На обороте его письма Цветаев сделал 22 декабря 1909 г. следующую запись для своих тогдашних помощников: «Очень приятно приобрести слепок с Puits de Moïse de Dijon. Я бы заказал его сейчас же вслед за tombeau de François II [гробницей Франциска II, о ней см. комм. 2 к письму 565]. Какие это будут чудесные слепки в смысле впечатления на публику! Где поместить Puits de Moïse? Не в зале ли XVI в., хотя он XIV – XV? Или в Христианском дворике, в середине? Надо будет написать, чтобы все эти памятники были сделаны под полированный мрамор? Подумаемте дальше, как поступить. И надо предупредить, чтобы *швы* на гипсах были стерты» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 216, л. 16 об. Публикуется впервые). Слепок был помещен на 1-м этаже в соседнем с Христианским двориком зале Северного Возрождения.

⁶ Дижонский художественный музей уже при Цветаеве занимал 20 залов и 2 коридора в бывшем герцогском дворце; в частности, упоминаемые ниже два надгробных памятника экспонировались, как и теперь, в бывшей кордегардии (зале Стражи).

⁷ Гробница Филиппа Смелого была начата задолго до его смерти скульптором *Жаном де Марвилем* (ум. 1389), но выполнена в основном К.Слютером и К.де Верве в 1404 – 1411 гг. Гробница *Иоанна Бесстрашного* (1371–1419; герцог Бургундский с 1404) и его жены создана в 1440-е гг. скульптором испанского происхождения *Хуаном де ла Хуэрта* (упоминается в 1431 – 1462).

⁸ Подразумеваются статуэтки 40 плакальчиков, украшающие ограду памятника. В московском Музее имеются слепки лишь некоторой части этих фигурок (5 в настоящее время экспонируются в переходе между залами Средних веков и Кватроченто). Хотя среди подобных изображений есть и бесспорные фигуры духовных лиц, в целом их интерпретация как «плачущих монахов» едва ли верна: в Западной Европе XIV – XVII вв. этикет предписывал знатым лицам носить на похоронах траурные плащи с капюшонами, наподобие монашеских одеяний.

⁹ Дижонский собор представляет собой готическую церковь XIII в. с криптой XI в. и скульптурным убранством преимущественно XVII – XVIII вв. Церковь Сен Мишель капитально перестроена на рубеже XVI – XVII вв. Церковь Богоматери – готическая XIII в., но сильно реставрирована в XIX в.

¹⁰ Уши (*фр.*) – южный пригород Лозанны и ее порт на северном берегу Женевского озера.

581

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4710. Авторская копия. Имеется писарская копия в ф. 6, оп. I, ед. хр. 5165. Самодельная тетрадка, включающая в себя также собственноручно переписанные Цветаевым письмо 582 и начало письма 583, помечена

Цветаевым цифрой XIII. Та же цифра выставлена перед текстом данного письма в копии, сделанной переписчиком.

¹ Просьба задать вопрос Гладкову содержится в базельском письме Цветаева Клейну от 23 июня н.ст. (см.: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 159; текст напечатан без пояснения, по какому стилю он датирован). Другие вопросы содержались в двух письмах, написанных Клейну еще из Парижа.

² Собор в Базеле – романо-готическая постройка XII в. О его скульптурах XIII в. см. письмо 587 и далее.

³ Готический собор в Лозанне начат в XII в. и освящен в 1275 г. С 1875 г. реставрировался по проекту Виолле-ле-Дюка, здесь же в Лозанне и умершего в 1879 г.

Слепки упомянутых дверных молотков, по-видимому, не были приобретены.

⁴ У Цветаева, явно по описке, проставлено «прибора».

⁵ *Герцен Александр Александрович* (1839–1906), физиолог, профессор во Флоренции (с 1877), а затем в Лозанне (с 1881); старший сын *Александра Ивановича Герцена* (1812–1870), писателя, эмигранта с 1847 г. и создателя русской революционной печати за границей. Контакты между Цветаевым и А.А.Герценом завязались задолго до их встречи в Лозанне. В первые годы директорства Цветаева в Румянцевском музее была создана и регулярно пополнялась «Комната людей 40-х годов», многие экспонаты для которой прямо или через других коллекционеров поступали от А.А.Герцена.

⁶ *Лужон Рафаэль* (1862–1943), скульптор, медальер и архитектор. В ф. 6, оп. I, ед. хр. 1916–1917, есть его визитная карточка и письмо с указанием стоимости слепков дверных молотков.

⁷ Статья, по-видимому, не была написана.

582

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 4710. Авторская копия. Имеется писарская копия в ф. 6, оп. I, ед. хр. 5166.

¹ Аудитория помещалась в правом крыле 1-го этажа, идущем вдоль Антипьевского (Кольмажного) переуллка; ныне это зал Голландского искусства XVII в. (см. на плане: т. 1, илл. 74, зал XXVII). В 1904 г. здесь располагалась мастерская камнерезов-мраморщиков из Италии. Аудитория имела отдельный выход в переулок через специальный вестибюль (в правом верхнем углу того же плана, зал без номера; в настоящее время – служебное помещение).

Библиотека – другой зал того же крыла, ближе к переднему фасаду (зал XXV на плане), в настоящее время – зал Фламандского искусства XVII в.

² Рузский уезд – Московской губ.; Руза – город примерно в 60 км к западу от Москвы.

³ Фарнезский бык (*ит.*) – колоссальная античная группа в Неаполитанском музее. Подробнее см. т. 2.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5167. Писарская копия. Начало письма до слова «тамошний» в 3-м абзаце сохранилось также в авторской копии: ф. 6, оп. I, ед. хр. 4710 (см. вступительное примечание к письму 581).

¹ Монбланская набережная (*фр.*) в Женеве – на северо-западном берегу залива Женевского озера, рядом с местом, откуда из него вытекает Рона. Набережная названа так по красивому виду, открывающемуся с нее в юго-восточном направлении на высочайшую гору Европы, Монблан.

² Шестиглавый православный Крестовоздвиженский собор в Женеве сооружен в 1863 – 1866 гг. архитектором Ж.-П. Гийебо по проекту профессора архитектуры российской Императорской Академии художеств Д.И. Гримма.

³ Подразумеваются три соединенных здания: университета, библиотеки (с мюнц-кабинетом, археологическим и эпиграфическим музеями) и музея естественной истории, построенных в 1860 – 1870-е гг. на променаде (проспекте) Бастионов. Женевский университет образован в 1872 г. из основанной в 1559 г. теологической семинарии; к 1904 г. насчитывал около 500 студентов и 70 профессоров.

⁴ О храме Христа Спасителя, Промышленном училище им. Александра II, борьбе за землю под Музей и московском городском голове В.М. Голицыне см. т. I.

⁵ *Ермолова Екатерина Петровна* (1829–1910), фрейлина, писательница (печатала повести в 1850 – 1860-х гг. под псевдонимом «Тригорский»), сестра жены одного из членов-учредителей Комитета по устройству Музея, Д.Ф. Самарина. Почетная попечительница Александро-Мариинского института на Пречистенке, среднего учебного заведения для дочерей офицеров и врачей Московского военного округа; его окончание давало диплом домашней воспитательницы и учительницы начальных классов. Е.П. Ермолова владела в 1879 – 1907 гг. архивом прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 г. и Кавказской войны *Алексея Петровича Ермолова* (1772–1861), но приходилась ему двоюродной племянницей, а не сестрой, как думал Цветаев. (Та же ошибка встречается в его Дневнике: ОР ГМИИ, ф. 6, оп. II, ед. хр. 18, с. 133.)

⁶ *Кальвин Жан* (1509–1564), французский богослов, основатель кальвинизма; с 1541 г. жил в Женеве, где фактически установил религиозную диктатуру.

⁷ Зал Ами Люллена (*фр.*) – в этом зале публичной библиотеки Женевского университета по сей день находится музей Реформации.

Люллен Ами (1748–1816), политический деятель; после падения Наполеона – глава временного правительства Швейцарии, реставратор старого режима.

⁸ Женевский собор Св. Петра был начат в 1160 г. в романском стиле, но в ходе постройки, продолжавшейся по XV в., приобрел готические черты; в XVIII в. собор получил неоклассический фасад.

⁹ Упомянутая почтовая карточка (открытка) не сохранилась.

584

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5168.

¹ Эвиан (Эвьян) и Тонон – курортные города во Франции, на южном берегу Женевского озера; первый из них славился своими минеральными водами уже с конца XVIII в.

² Савояры – жители Савойи; из-за бедности своего края нередко становились бродячими музыкантами, шарманщиками и дрессировщиками животных (чаще всего – сурков).

³ Агрежé (в рукописи явная описка: *agrégation*) – во Франции лицо, прошедшее специальный конкурс (*agrégation*) на замещение должности преподавателя лица или высшего учебного заведения.

⁴ Роше-де-Нэ славится своим обширным видом на Женевское озеро, Швейцарские Альпы и всю Западную Швейцарию. Уже в 1892 г. сюда была проведена железная дорога из Глёна. В свою очередь, в Глён поднимались от озера на шедшем из Террите фуникулере (нынешний путь – железная дорога из Монтрё – сооружен лишь в 1909 г.).

⁵ Цветаев намеревался обогнуть восточную оконечность Женевского озера. Состоялся ли этот пеший переход длиной более 10 километров, неизвестно.

585

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5169.

¹ Письмо С. де Анджелиса не сохранилось.

Галерея Принца Неаполитанского (титул наследного принца в Итальянском королевстве) – торговый пассаж в Неаполе, построенный в 1876 – 1883 гг. (архитекторы Н.Брелья и Дж. де Новеллис). В этом пассаже находился, среди других, и магазин фирмы де Анджелис. О Неаполитанском музее см. т. 2.

² *Сольяно Антонио* (1854–1942) в 1904 г. стал директором музея виллы Джулия в Риме. Подробнее о нем см. т. 2. На заседании Комитета по устройству Музея изящных искусств 17 ноября 1904 г. заслушивался (очевидно, в русском переводе) отзыв де Петры и Сольяно о копиях де Анджелиса; в настоящее время этот текст неизвестен нам ни в оригинале, ни в переводе.

³ Цветаев не случайно говорит именно о немецких антиковедах: на рубеже XIX – XX вв. их численность и авторитет были особенно высоки.

⁴ В письме И.В.Дмитриева от 17 июня 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 851) о мозаиках сказано следующее: «Я пришел в восторг, когда увидел копии с мозаик, раскрашенные золотом. Удивительно роскошно удалась раскраска золотом. Это получились настоящие живые мозаики». (Публикуется впервые.) Другие подробности, вероятно, содержались в ближайшем после этого письме, но оно нам неизвестно.

«Прежние» две картины – копии мозаик ц. Сант Аполлинаре Нуово в Равенне «Богоматерь с Младенцем» и «Ангел» – в итоге оставлены без позолоты.

⁵ *Аккуратный художник* – очевидно, консерватор Румянцевского музея *М. К. Юхневиг*, см. о нем т. 2. О мозаиках, упоминаемых ниже, также см. т. 2.

⁶ См. приписку к письму Дмитриева от 17 июня 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 851).

⁷ *Фишер Карл Андреевич* (1859 – после 1923), владелец известного фотоателье в Москве; официальный фотограф Большого и Малого театров, Румянцевского музея, Университета и Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 2. Фотография с упомянутым сюжетом нам неизвестна.

⁸ В Данковском уезде Рязанской губ. находилось родовое имение Нечаева-Мальцова Сторожево (оно же Полибино и Сторожевая слобода), где он обычно проводил часть лета и осени.

586

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5170. Переписчиком проставлена перед текстом письма цифра XV.

¹ Брейсгау – область на юге Германии, в Верхнем Шварцвальде; с 1810 г. была в составе Великого герцогства Баденского. Города с названием Фрейбург (*букв.* «вольный город»; не путать с названием «Фрейберг») существуют и в других областях Германии, а также в Швейцарии. Университет Фрейбурга-в-Брейсгау существует с 1457 г.

² *Бюхелер Франц* (1837–1908), немецкий филолог-классик. Сохранилось семь его писем к Цветаеву 1877 – 1886 гг. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 368–374), пять из которых написаны на латыни. Дочь Бюхелера, о которой говорит здесь Цветаев, звали *Марией*. Сохранилось одно ее письмо к Цветаеву от 1906 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4414). Ее мужем был известный эллинист *Курт Отто Фридрих Гензе* (Hense; 1845–1931), занимавший кафедру классической филологии во Фрейбурге с 1876 по 1909 г.

Адрес супругов Гензе сообщил Цветаеву в письме от 26 июня 1904 г. его давний друг и многолетний корреспондент, профессор классической филологии Варшавского университета *Базинер Оскар Федорович* (1857–1909), женатый на другой дочери Бюхелера, *Лизе*. «Выбор Фрейбурга как места пребывания для Вашей супруги и Ваших детей, – писал он, – кажется нам весьма удачным. Климат тамошний отличается средним характером, воздух – превосходен благодаря обилию лесов, окружающих город, а сам город весьма красив и благоустроен. Хороших пансионеров там, наверное, имеется немало, и всяческие указания насчет их, а также насчет множества прекраснейших дачных мест, имеющихся везде в Schwarzwald'e, Вам дадут добрейшая сестра моей жены, Maria Hense, и ее симпатичнейший и любезнейший муж, Geh. Hofrath Otto Hense, который Вам известен как весьма компетентный классический филолог и любимый профессор Фрейбургского университета. Им обоим я напишу сегодня же по поводу Вашего дела, и, когда Вы приедете во Фрейбург, Вы обращайтесь прямо к ним (они живут в собственном домике на Hildastrasse, 23) с уверенностью немедленно же

получить от них всякие советы и указания» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 176. Отрывок публикуется впервые).

³ Типичная для Цветаева путаница в счете: 1 морген составляет $\frac{1}{4}$, а не $\frac{4}{100}$ гектара (т.е. не 400 квадратных метров, а 2500).

⁴ *Четверо* – вместе с детьми, Мариной и Анастасией.

⁵ Дальний (*совр.* Далян, или Даолян) – торговый город недалеко от Порт-Артура (Люйшуня), основанный русскими в 1898 г. на арендованной у Китая территории. На его строительство было затрачено свыше 30 млн. руб. 13 мая 1904 г. Дальний был занят японскими войсками.

587

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5171. Оригинал письма, возможно, был написан на упоминаемых в тексте открытках. Хотя не исключено и то, что он составлял единое целое с письмами, издаваемыми здесь под № 586 и 588, а открытки (или открытка) были лишь вложены в конверт. В пользу второго предположения говорит тот факт, что место написания указано лишь в первом из этих трех писем.

¹ Конная статуя скачущего св. Георгия с копьем (высота около 2,5 м) и гораздо меньшая фигура поражаемого им дракона размещены на трехметровой высоте по сторонам арки в левой части фасада Базельского собора. Слепки (если бы они были заказаны) пришлось бы экспонировать с соблюдением большого интервала между фигурами – иначе копьё всадника оказалось бы направленным мимо цели.

² Слепки парных статуй Искусителя и Неразумной девы с фасада Базельского собора представлены в зале Средних веков московского Музея. В оригинале статуи расположены на трехметровой высоте – по сторонам стрельчатого окна, находящегося справа от портала. Скульптор разоблачает мнимую царственность Искусителя (показанного в короне) тем, что сбоку сквозь разрез плаща видны покрывающие его тело жабы и змеи.

³ Базельское Художественное собрание обладает значительным числом произведений *Ганса Гольбейна Младшего* (ок. 1497–1543), работавшего преимущественно в Базеле и в Англии, и чрезвычайно популярного в цветаевское время местного уроженца *Арнольда Бёклина* (1827–1901). Из базельских картин особое внимание русских туристов привлекал описанный в «Идиоте» Достоевского «Мертвый Христос» Гольбейна.

⁴ Речь идет о так называемом Аполлоне Штейнгаузера (сохранилась только голова); как и Аполлон Бельведерский – это копия с одного и того же оригинала Леохара, но более ранняя, эллинистического времени. Слепок не был приобретен или не сохранился.

⁵ Упомянутое письмо Клейна нам неизвестно. За все лето 1904 г. сохранилось только одно его письмо к Цветаеву, оно публикуется далее, в комм. 2 к письму 589.

⁶ *Алексеев Евгений Иванович* (1843–1917), адмирал, участник трех кругосветных плаваний; наместник Дальнего Востока (с 30 июля 1903 до 10 октября 1904 г.), являлся также российским главнокомандующим в Русско-японской войне. В светских кругах считался внебрачным сыном Александра II.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), военный министр в 1898 – 1904 гг., с февраля 1904 г. командующий Маньчжурской армией, с 10 октября – главнокомандующий. В то время как Алексеев был сторонником наступательных действий, Куропаткин неудачно придерживался тактики отступлений с целью заманивания противника. Право арбитража между обоими военачальниками принадлежало императору, однако его вмешательство приводило лишь к половинчатым действиям.

⁷ Русско-японская война началась с нападения в ночь на 27 января 1904 г. японских миноносцев на корабли российского флота, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. С конца апреля Порт-Артур был отрезан от основных русских сил. Через несколько дней после комментируемого письма японская армия в результате боев 12 – 15 июля выйдет на самые подступы к городу. Остатки порт-артурской эскадры в конце июля еще сделают неудачную попытку прорваться во Владивосток, но вынуждены будут вернуться с большими потерями; в конце ноября последние корабли эскадры погибнут один за другим в самом Порт-Артуре или в непосредственной близости от него. Порт-Артур будет сдан врагам 20 декабря 1904 г.

⁸ Седан – город во Франции, возле которого в 1870 г. немецкие войска окружили и разгромили французскую армию.

⁹ «Новое время» – издававшаяся по 1917 г. в Петербурге – Петрограде крупнейшая русская газета; с 1876 г. ее владельцем и редактором был *Алексей Сергеевич Суворин* (1834–1912). Упомянутое известие «Нового времени» относится к последним числам июня по старому стилю (не путать с событиями 12 – 15 июля ст.ст., названными в комм. 7).

¹⁰ 3 июня 1904 г. финляндский генерал-губернатор, генерал от инфантерии *Бобриков Николай Иванович* (1839–1904), был смертельно ранен при выходе из Сената в г. Гельсингфорс (ныне г. Хельсинки, финская столица с 1812 г.). Напомним, что с 1809 г. Финляндия входила в состав Российской империи, сохраняя, однако, довольно значительные права автономии. Стрелявшим был сын разжалованного за свои политические выступления генерал-лейтенанта и финского сенатора *Ф.В.Шаумана, Эйген Шауман* (1875–1904), который тут же застрелился. В связи с этим делом ряд финских общественных деятелей были высланы из Финляндии в Россию, в Новгород.

¹¹ *Игнатьев Николай Павлович* (1832–1908), член Государственного совета, в прошлом министр внутренних дел (1881–1882), один из виднейших русских дипломатов конца 1850 – 1870-х гг. Был с важными дипломатическими миссиями в Хиве, Бухаре, Китае, являлся послом в Константинополе, вел многочисленные переговоры по балканскому вопросу и т.д. Благодаря его диплома-

тическим действиям была, в частности, определена договором 1860 г. русско-китайская граница.

Министром внутренних дел в это время был *Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904). То обстоятельство, что Цветаев ни словом не упоминает здесь об убийстве Плеве, совершенном 15 июля ст.ст. эсерами-террористами, лишний раз подтверждает, что письмо датировано им 21 июля н.ст. (т.е. 8 июля ст.ст.).

¹² *Юсупов Феликс Феликсович* старший (1856–1928), член-учредитель Комитета по устройству Музея, жертвователь на сооружение Римского зала. Подробнее см. т. 1.

¹³ *Мсерианц Левон Займарович* (1866–1933), третий помощник секретаря Комитета по устройству Музея в 1902 – 1904 гг. Подробнее см. т. 2.

¹⁴ *Трескин Николай Николаевич* (1872–1906), первый помощник секретаря Комитета с 1898 г. Подробнее см. т. 1.

¹⁵ *Романов Николай Николаевич* (1867–1948), приват-доцент Московского университета, историк искусства, ученик Цветаева; второй помощник секретаря Комитета с 1898 г. Подробнее см. т. 1.

588

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5172.

¹ 30 июня 1904 г. российский вспомогательный крейсер «Петербург» в полном соответствии с международными правилами арестовал в Красном море принадлежавшее одному из британских пароходств судно «Малакка», направлявшееся в Японию с контрабандным военным грузом. Однако 7 июля от британского правительства была получена резкая нота протеста. По аналогичному же случаю, произошедшему с немецким судном, поступил протест от Германии. Чтобы не оказаться в состоянии войны с этими державами, российские власти были вынуждены в ближайшие дни полностью прекратить борьбу с военной контрабандой. Груз был доставлен «Малаккой» к месту назначения и, вопреки официальным заявлениям Британии, действительно на $\frac{2}{3}$ оказался судовыми орудиями и боеприпасами, использованными в дальнейшем Японией против русских войск.

² О Геркулесе Фарнезе и других слепках, приобретенных в середине 1890-х гг. в Неаполе, см. т. 2.

³ Либава (совр. Лиепая) – незамерзающий порт на Балтийском море.

⁴ О *Джузетте де Рикко* (годы жизни неизвестны) см. т. 2.

⁵ О перечисленных заказах см. т. 2.

⁶ *Боголепов Николай Павлович* (1846–1901), министр народного просвещения в 1898 – 1901 гг., *Зверев Николай Андреевич* (1850–1917), товарищ министра при Боголепове. Оба в прошлом – профессора и ректоры Московского университета, и оба – члены-учредители Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее о них см. т. 1.

⁷ После этого слова у переписчика стоят непонятные слова: «и при вступлении». Из-за невозможности реконструировать верный текст мы предпочли опустить эту деталь.

⁸ *Лёшке Георг* (1852–1915), немецкий ученый, с 1889 г. – профессор классической археологии в Боннском, затем в Берлинском университете.

⁹ *Фуртвенглер Адольф* (1853–1907), немецкий историк искусства и археолог, антиковед, профессор Мюнхенского университета. Подробнее см. т. 2.

¹⁰ *Ванновский Петр Семенович* (1822–1904), министр народного просвещения в 1901 – 1902 гг., в прошлом – военный министр. Подробнее о нем см. т. 1.

¹¹ *Григорий Эдуардович* – Зенгер, его докторская защита происходила в Московском университете.

¹² О члене-учредителе Комитета Музея *Миллере Всеволоде Федоровиче* (1848–1913) и о Лазаревском институте подробнее см. т. 1.

589

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5173, 5174.

¹ *Цветаев Дмитрий Владимирович* (1852–1920), доктор всеобщей истории, специалист по истории Смутного времени. В молодости – инспектор в московских гимназиях и приват-доцент Московского университета. В 1887 – 1906 гг. преподавал в Варшавском университете. В дальнейшем, по выслуге пенсии, служил в Москве: директором Императорского высшего Коммерческого училища на Остоженке (1906–1911), и.о. директора Николаевского сиротского женского профессионального училища (1911), с 1911 г. – управляющий Московским архивом Министерства юстиции; преподавал в Московском археологическом институте.

² Соответствующей газетной вырезки в ОР ГМИИ нет. См. текст этой заметки из газеты «Московские ведомости» в Приложении I.

Здесь мы приводим полученное Цветаевым несколько дней спустя письмо Р.И.Клейна, дополняющее важными подробностями очерченную в газете картину состояния дел на стройке.

«Июля 23 1904 года.

Дорогой Иван Владимирович.

Сообщаю Вам, что за это время совершилось несколько знаменательных для нас событий: во-первых, 14 июля наш Музей посетил Великий Князь, и из прилагаемой газетной вырезки Вы усмотрите, в каком положении мы ему представили здание до крыши включительно. На другой день после этого посещения я встретил у Юрия Степановича графа Игнатьева [Леонида Николаевича, одного из адъютантов великого князя Сергея Александровича], который рассказал, насколько заинтересовался Великий Князь постройкой и что в Ильинском [подмосковное имение великого князя] об этом долго и много говорилось. Другое, не менее важное для нас событие, это денежные разговоры с Юр. Ст., которых я ожидал с трепетом; дело это разрешилось тем, что Юр. Ст. была

предъявлена смета, уясняющая, какую сумму надо будет внести (*в этом году*) для уплаты за контрактные работы *кроме Листа*, на что он заявил, что согласен ассигновать по 25 000 р. в месяц, и уже две квитанции Аксерии и Гладкову сегодня отправляют для уплаты из конторы Юр. Степ. Я считаю важным фактом почин дела, ибо это первая уплата, которую должна была сделать Строительная комиссия и которая уплачена Ю. С. Теперь двери в рай открыты и мы вышли из *ада*. Юр. Ст. выразил желание собрать Комитет для решения вопроса относительно Строительной комиссии и дальнейшего ведения дела постройки. Этому заседанию я придаю громадное значение, так как оно должно документально подтвердить то, что пока сказано Юр. Ст. только на словах, но Комитет может собраться только после Вашего приезда, который, по словам Юр. Ст., ожидается в начале августа.

Рамы и стекла для новых мозаичных картин Юр. Ст. разрешил заказать. Относительно поднятия потолка на двориках не может быть и речи, потому что вся внутренняя высота здания Музея составляет 15 метров, а высота Парфенона – 20 метров, следовательно, надо искать другое решение этой задачи, что я и сделаю по получении высланных Вами рисунков. За полученную капитель [памятника] Лизикрата приношу благодарность. Относительно успешности работ могу сообщить, что мы рассчитываем в этом году открыть оба боковых фасада.

Между прочим, новость! А.А.Тихомиров [ректор Университета и председатель Строительной комиссии Музея] получил новое назначение – на правах Товарища Министра народного просвещения. Поклон Вашим, жду Вас с нетерпением. Напишите, когда приедете? Ре[рберг] И[ван] И[ванович] просит передать Вам сердечный привет. *Дворники соседних домов, пожалуй, таких новостей Вам не сообщат?* [Намек на шутку Цветаева, что он легче узнает новости от дворников соседних домов, чем от Клейна.]

Жму Вашу руку и остаюсь всегда предан[ный] и уважающий Вас Р.Клейн» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 1495. Публикуется впервые).

Упомянутый Клейном «вопрос относительно Строительной комиссии» обсуждался на заседании Комитета уже глубокой осенью, 17 ноября 1904 г. Предлагалось упразднить платные должности (члена-техника и контролера) в Строительной комиссии. Указывалось, что полученные от жертвователей и казны деньги на строительство «уже кончились и дальнейшая постройка будет производиться на средства одного щедрого благотворителя» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 198, л. 28 об, протокол). Но так как состав Комиссии был утвержден императором, от решения воздержались. Строительная комиссия не только сохранилась, но в дальнейшие годы нередко подменяла собой Комитет. В частности, в 1909 – 1912 гг., когда Музей уже получал бюджетные ассигнования на приобретение экспонатов, официальные письма Цветаева о выплате сумм их поставщикам, как правило, содержали ссылку на соответствующее решение Строительной комиссии, хотя формально такие решения не входили в ее компетенцию.

³ Судя и по газете, и по письму Клейна, действительная дата осмотра великим князем строительных работ не 13, а 14 июля.

⁴ Продольные нефы Фрейбургского собора – готические, XIII в., трансепт – романский, XII в., алтарная часть завершена в 1513 г., 116-метровая башня со звонницами окончена в 1301 г. Реставрация интерьера проводилась с 1880 г. Слепки со скульптур Фрейбургского собора в московский Музей не поступали.

⁵ Термин «свободные искусства» унаследован Средневековьем от древних римлян, которые называли так занятия, достойные свободного человека в отличие от раба. В Средние века к свободным искусствам причисляли 7 учебных предметов, без освоения которых нельзя было поступить на «старшие» факультеты университетов (медицины, права и богословия). Три первые «искусства», словесные: грамматика, диалектика и риторика, изучались в элементарной школе. Следующие четыре, математические: арифметика, геометрия, музыка и астрономия – на начальном факультете высших школ, именовавшемся факультетом свободных искусств, или философским.

В применении к аллегорическим фигурам Фрейбургского собора и аналогичным циклам средневековых изображений название «Свободные искусства» употребляется учеными расширительно: живопись и медицина в круг свободных искусств не входили.

⁶ *Кемпф Фридрих* (1857–1932), архитектор, автор статей и книг о Фрейбургском соборе, появившихся в 1898 – 1928 гг.

⁷ *Пухштейн Отто* (1856–1911), немецкий археолог, исследователь Пергама, Баальбека, Богазкёя, древнегреческих храмов Сицилии.

⁸ О проф. *Гензе* см. комм. 2 к письму 586.

⁹ *Краус Франц Ксавье* (1840–1901), католический священник, теолог, историк церкви и христианского искусства, особенно начального периода.

¹⁰ *Кюнстле Карл* (годы жизни не установлены), профессор теологии, автор двухтомного справочника по иконографии святых (1926–1928).

¹¹ Завод был основан в 1860 г., его владельцем на рубеже веков являлся *Юлиус Бренцингер*.

¹² Мудрые и Неразумные девы – персонажи одной из евангельских притч о приходе Царствия Небесного (Мф. 25:1–13): неразумные не приготовились как следует к встрече Жениха, в их светильниках не оказалось масла, чтобы светить на пире, и в итоге эти девы не были допущены на праздник.

16 августа 1904 г. Цветаев писал Н.И. Романову, что во Фрейбурге имеются слепки двух статуй из этой серии, а также пяти из семи «Средневековых Муз – Грамматики, Философии [Диалектики], Геометрии, Живописи и Медицины» (ф. 14, оп. III, ед. хр. 202. Публикуется впервые). Не было, таким образом, отливков со статуй Риторике и Музыки.

¹³ В столь разросшемся виде замысел «фрейбургского уголка» становился уже дорогостоящим, как признавал сам Цветаев в упомянутом письме Романову. Тем не менее какой-то заказ (неясно, насколько обширный) был сделан. О его дальнейшей судьбе см. в конце письма 673.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5175.

¹ *Шназе Карл* (1798–1875), немецкий историк искусства и юрист. Его главный труд, цитируемый Цветаевым, вышел в семи томах в 1843 – 1877 гг.; 2-е переработанное издание, написанное с соавторами, в 8 тт. – в 1866 – 1879 гг.

² *Михаэлис Адольф* (1835–1910), профессор Страсбургского университета, историк искусства и автор работ по истории археологических открытий в области искусства. Подробнее см. т. 1.

³ Крипта, алтарная часть и трансепт Страсбургского собора относятся к романскому стилю, остальные части – готические, XIII – первой половины XV в. Южная башня осталась недостроенной.

Хотя статуи Церкви и Синагоги, выполненные в 1230-е гг., помещены по сторонам одного из порталов трансепта, т.е. украшают еще романскую часть здания, сами они – классический образец готики. Церковь изображена в виде женщины, держащей потир (церковную чашу, один из атрибутов аллегории Веры) и знамя с крестообразным древком; Синагога – в виде женщины с поникшей головой и повязкой на глазах (намек на ее слепоту – неприятие Нового Завета), со скрижалями Моисея и знаменем, древко которого сломано. Слепки этих статуй экспонируются в Средневековом зале московского Музея.

Страсбургские статуи Мудрых и Неразумных дев Цветаеву в оригинале не понравились. Он предпочел заказать слепки лишь одной из Неразумных дев и Искусителя; ныне они экспонируются в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева. Слепки статуй апостолов заказаны не были.

Впечатления Цветаева от Страсбургского собора и его скульптур см. в письмах 591 и 592.

⁴ О нюрнбергских заказах Цветаева 1903 г. см. т. 2.

⁵ Бамбергский собор основан императором Генрихом II в 1004 г., но существующее ныне здание построено в романских формах в конце XII – начале XIII в. Серия горельефов на алтарной ограде, изображающих попарно спорящих апостолов или пророков (или тех и других вместе), представляет собой образец романской скульптуры. Остальные названные Цветаевым скульптуры в настоящее время причисляются к шедеврам готики. Подробнее см. письмо 606 и комментарии к нему.

⁶ Речь идет о статуе маркграфини Гербурги. Слепка этой скульптуры в московском Музее нет.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5176. Переписчик поместил это письмо в качестве подстрочного примечания к следующему, публикуемому нами под № 592. Оригинал был написан Цветаевым на трех открытках; в ф. 8, оп. III, ед. хр. 226, сохранилась его средняя треть – открытка с фотографией страсбургской статуи Церкви, пронумерованная Цветаевым как 2-я страница.

¹ По проекту мастера *Эрвина из Штейнбаха* было начато в 1277 г. сооружение главного, западного, фасада Страсбургского собора.

² См. комм. 2 к письму 589.

592

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5176.

¹ Слепок люнеты с Успением Богоматери был приобретен и экспонируется над выходом из зала Средних веков московского Музея.

² Слепки магдебургских скульптур не были приобретены.

³ Кроме четырех статуй и одного рельефа в Музее имеется слепок еще одной скульптуры из Страсбургского собора: находящегося в его интерьере поясного изображения мужчины в шапочке, как бы опирающегося на балюстраду (экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

⁴ Сведений об архитекторе *Хорсте* не найдено.

⁵ Страсбургский университет был основан в 1538 г. как гимназия, с 1566 г. стал академией, в 1621 г. преобразован в университет. Описываемое здание, ныне именуемое Университетским дворцом, было построено в 1884 г.

593

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5177.

¹ Речь идет о рождении 30 июля наследника российского престола, цесаревича *Алексея* (1904–1918).

² *Алексей Михайлович* (1629–1679), русский царь с 1645 г. В его правление составлен и издан свод законов, так называемое Соборное уложение 1649 г.

³ См. комм. 11 к письму 587.

594

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5178.

¹ Письмо архитектора *Хорста* нам неизвестно.

² В сохранившихся письмах Н.И.Романова такой просьбы не содержится. Возможно, она была высказана устно еще до отъезда Цветаева за границу.

³ Письмо *Карла Ф. Шиллинга* от 10 августа (н.ст.) 1904 г. сохранилось: ф. 6, оп. I, ед. хр. 5546. На нем же Цветаев записал результаты личной встречи с художником, состоявшейся 14 августа н.ст.

⁴ То есть 28 июля ст.ст.

⁵ *Скрыдлов Николай Илларионович* (1844–1918), адмирал; после гибели вице-адмирала С.О.Макарова (1849–1904) назначен командующим Тихоокеанским флотом; из-за невозможности попасть в Порт-Артур приступил к должности во Владивостоке.

⁶ *Виттгёф – Витгефт Вильгельм Карлович* (1847–1904), контр-адмирал, исполняющий должность командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой; погиб под обстрелом на флагманском броненосце «Цесаревич», возглавлявшем русские корабли,

пытавшиеся прорваться из Порт-Артура. Сильно поврежденный броненосец не смог вернуться с другими восемью кораблями в Порт-Артур, но добрался в принадлежавший Германии порт Циндао, где был интернирован и отпущен лишь по окончании Русско-японской войны. В этом же и других нейтральных портах (Шанхае и Сайгоне) были интернированы еще шесть вырвавшихся из Порт-Артура кораблей; еще одно судно разбилось о камни, и только корабль «Новик» достиг Сахалина, но был потоплен в гавани японскими крейсерами.

⁷ «Рюрик» – крейсер из владивостокского отряда кораблей, пытавшегося помочь прорыву кораблей из Порт-Артура; после 5-часового боя затоплен командой во избежание сдачи японцам.

⁸ Речь идет о бале в ночь на 27 января 1904 г., состоявшемся в Порт-Артуре по случаю именин *Марии Ивановны Старк*, жены тогдашнего командующего Тихоокеанской эскадрой, вице-адмирала *Оскара Викторовича Старка* (1846–1928).

595

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5179. Как ясно из содержания письма, оно было написано на открытке с изображением здания Исторического музея в Базеле – бывшей церкви францисканского ордена, закрытой еще с эпохи Реформации.

¹ Сведений о докторе *Хальцахе* найти не удалось.

² См. комм. 4 к письму 587.

³ Посещение *Цветаевым* Магдебурга и Вексельбурга, по-видимому, не состоялось.

596

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5180.

¹ Статуя св. Мартина находится на столбе правой части фасада, симметрично статуе св. Георгия, упомянутой в письме 587. Св. Мартин изображен в виде всадника, отрезающего мечом часть своего плаща, чтобы одеть нищего.

² *Им Жан* (годы жизни неизвестны); сохранились три его письма к *Цветаеву* от первой половины 1905 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4418–4420).

³ Вимберг (вимперг) – остроконечный щипец (фронтон) над готическим порталом или окном. Название производят от нем. Windberg, «защита от ветра».

⁴ Подразумевается, что статуи находились бы не под вершинами вимпергов, а под их пятами; поэтому статуй на одну больше, чем вимпергов.

⁵ Рисунок не сохранился; письмо *Цветаева* известно только в копии.

⁶ Сведения о скульпторе *Детлингере* отсутствуют.

⁷ *Стессель Анатолий Михайлович* (1848–1915), генерал-лейтенант, в конце 1903 – начале 1904 г. комендант крепости Порт-Артур, с 1904 г. – начальник Квантунского укрепленного района, центром которого был Порт-Артур. (Впоследствии Стессель был предан суду за различные злоупотребления и преждевременную сдачу Порт-Артура, приговорен к расстрелу, но помилован Николаем II и через некоторое время выпущен на свободу.)

⁸ Важнейшие события в жизни царской семьи принято было отмечать дарованием подданным монарших милостей (амнистией, прощением недоимок, какими-либо благотворительными акциями и т.п.). Манифест 11 августа 1904 г., изданный по случаю крещения цесаревича, провозглашал, среди прочего, отмену телесных наказаний. Никаких новшеств в жизни средней и высшей школы он не принес.

⁹ Цветаев имел обыкновение делиться с Нечаевым-Мальцовым своими мыслями о народном образовании, вероятно, не без тайной надежды, что он, являясь членом Совета при министре народного просвещения, может способствовать решению обсуждаемых проблем.

597

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5181.

¹ Шиллинг здесь, по-видимому, назван по ошибке вместо Детлингера.

598

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5182.

¹ Имеется в виду орден святого *Венсана де Поля* (1561–1660), католического святого, основавшего конгрегацию «лазаристов» и общину «дочерей милосердия».

² *Комб Луи Эмиль* (1835–1921), премьер-министр Франции в 1902 – 1905 гг.

³ Найти биографические сведения о воспитателе великого князя Сергея Александровича, *Киришере*, не удалось.

⁴ Анненшуле (школа св. Анны) – училище для детей немецких поселенцев в Петербурге, основанное в 1736 г.

⁵ По-видимому, подразумевается письмо Дж. де Рикко от 3 августа (н.ст.) 1904 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 170, л. 15).

⁶ Ожидания Цветаева не оправдались.

12 сентября (н.ст.) де Рикко сообщил, что не может начать работу над снятием формы с пизанской кафедры, так как все еще не имеет официального разрешения (Там же, л. 16). 3 ноября (н.ст.) он пояснял, что разрешение не получено ввиду вступления в силу новых правил о копировании и изготовлении слепков в Италии. Согласно этим правилам, необходимую форму с оригинала могло снять только официальное государственное учреждение или фирма, получившая специальную лицензию (см. Там же, л. 7–9).

31 октября (ст.ст.) 1904 г. Цветаев запрашивал директора изящных искусств и древностей Италии Карло Фьорицци, кому из двух мастеров следует поручить заказ на изготовление слепка пизанской кафедры: Пьерновелли в Риме или де Рикко в Сиене (ф. 2, оп. I, ед. хр. 217, л. 2). Ответ в фондах ОР ГМИИ отсутствует, однако из письма 663 следует, что «в пизанской кафедре Никколо Пизано итальянское правительство Великому Князю отказало».

Уже в 1906 г. Цветаев наводил справки, нельзя ли получить новый отлив из Брюссельского музея (см.: Цветаев – Трей. С. 250). В итоге слепок для Москвы был изготовлен именно по брюссельским формам.

⁷ См. письмо Э.Садона от 20 августа (н.ст.) 1904 г.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 215, л. 9–10.

⁸ Мадонна Медичи – мраморная статуя 1531 – 1534 гг., установленная посередине стены, находящейся напротив алтаря в микеланджеловской капелле Медичи (Флоренция, ц. Сан Лоренцо).

⁹ Здесь Цветаев кратко излагает содержание не какого-либо определенного письма И.В.Дмитриева, а всей совокупности писем за июнь – начало августа 1904 г. (их сохранилось шесть).

599

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5183.

¹ Съезд попечителей учебных округов Российской империи был созван министром просвещения В.Г.Глазовым для разработки нового Устава российских университетов и нового гимназического устава. Проходил в Петербурге с 7 по 17 августа 1904 г. Утверждению и проведению в жизнь одобренных съездом проектов помешали события революции 1905 г.

² О чем письмо из Москвы говорит здесь Цветаев, неизвестно.

³ По-видимому, Цветаев вспоминает здесь слова из письма Клейна от 23 июня 1904 г. (см. комм. 2 к письму 589). Но не исключено, что речь идет о каком-либо другом, утраченном письме или же о словах Клейна, переданных Цветаеву через третье лицо.

600

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5182, 5183. Перед началом письма у копииста проставлена цифра XXI.

¹ 16 августа 1904 г. к югу от Ляояна началось первое из трех генеральных сражений Русско-японской войны, в котором убитых и раненых с русской стороны оказалось 19 тысяч, с японской – 23 тысячи человек. После нескольких дней боев русская армия перешла в наступление, но не имела успеха. В итоге, опасаясь, что противник может отрезать железную дорогу к северу от Ляояна, Куропаткин приказал отступить в этом направлении на 100 км, к Мукдену, и рассчитывал заманить японские войска на заранее подготовленные там позиции для нового сражения. При отступлении не было потеряно ни одного орудия. Японская армия, заняв 22 августа Ляоян, не пошла к Мукдену, продвинувшись в этом направлении меньше чем на половину пути.

² Имеется в виду японско-китайская война 1894 – 1895 гг. за преобладание в Корее, окончившаяся поражением Китая.

³ *Розен Роман Романович* (1847–1921/22), барон, дипломат. В разные годы провёл в Японии в составе дипломатических миссий свыше 10 лет; в том числе являлся российским посланником и полномочным министром в Токио в 1897 – 1899-х и 1903 – начале 1904 г. Был также посланником в Мехико, Белграде, Мюнхене, Афинах, а в дальнейшем (1905–1911) – в Вашингтоне.

⁴ Для получения грузов из таможни без их вскрытия, с досмотром уже после их перевозки на Колымажный двор, всякий раз требовалось прошение Университета, составлявшееся лишь на основании ходатайства за подписью Цветаева.

⁵ «Сериями» назывались процентные билеты Государственного казначейства, выпускаемые с обязательством их погашения в определенный срок.

⁶ О *Недешеве Петре Александровиче* см. подробнее т. 1.

⁷ Письмо Бренцингера не сохранилось.

601

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5186.

¹ *Штакельберг Георгий Карлович* (1851–1913), барон, генерал-лейтенант, командир 1-го Сибирского корпуса; известие западных газет в отношении его отряда было ложным.

² Подразумевается измерение растопыренными пальцами руки: расстояние от конца большого пальца до конца указательного примерно равно четверти аршина.

³ *Пуцци Карло* (1840 – после 1909). По-видимому, речь идет о его письме от 2 августа (н.ст.) 1904 г. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 164, л. 37–38).

⁴ Об этой работе см. письмо 636. Ранее тот же глухонемой живописец исполнил орнаменты на слепке гробницы епископа Федериги работы Луки дела Роббиа. На этом слепке он оставил свою подпись: Э.Нанничини.

⁵ Такие «подобия престолов» были сделаны и сохраняются по сей день под большинством алтарных композиций, выставленных в зале Кватроченто московского Музея.

⁶ Итальянские алтарные композиции в Христианском дворике размещены не были.

⁷ Подразумевается люнета Андреа дела Роббиа из Воспитательного дома во Флоренции; слепок размещен в Христианском дворике над одним из входов.

⁸ В чем состояла эта шутка, неизвестно: прилагавшаяся к письму газетная вырезка не сохранилась.

602

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5187.

¹ Письмо Дмитриева – от 23 августа 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 857).

² Цветаев пересказывает, местами дословно, письмо Романова от 24 августа 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3461). У Романова – вместо «самое хорошее впечатление» – «самое лучшее впечатление».

603

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5188.

¹ Каннштадт – северный пригород Штутгарта.

² В действительности скульптурное отделение и картинная галерея находились не в Академии изящных искусств, а в расположенном по соседству Музее.

48. Вид Бамбергского собора с северо-восточной стороны. *Фото 1900-х гг.*

49. Пророки (Иона и Осия?).
Камень. *Около 1230 г.* (Бамберг, собор). Слепок не был приобретен

50. «Бамбергский всадник».
Камень. 1230 – 1237 гг. (Бамберг, собор)

51. Генрих II. Фрагмент.
Камень. *Вторая четверть XIII в.*
(Бамберг, Епархиальный музей)

52. «Сивилла».
Камень. *До 1237 г.*
(Бамберг, собор).
Справа – статуя Богоматери

53. Адам и Ева.
Камень. *Около 1230 г.*
(Бамберг, Епархиальный музей)

54. Ева. Фрагмент.
(Бамберг, Епархиальный музей)

55. Собор во Фрейбурге-в-Брейсгау.
Фото 1900-х гг.

56. Аллегии Свободных искусств.
Камень, раскраска.
Середина XIII – первая половина XIV в.
(Фрейбург-в-Брейсгау, собор).
Слепки приобрести не удалось

57. Тайная вечеря.

Рельеф леттнера. Камень, остатки раскраски. *Около 1250 г.* (Наумбург, собор)

58. Маркграф Эккехард и его жена Ута.
Камень, остатки раскраски. *Около 1250 г.*
(Наумбург, собор)

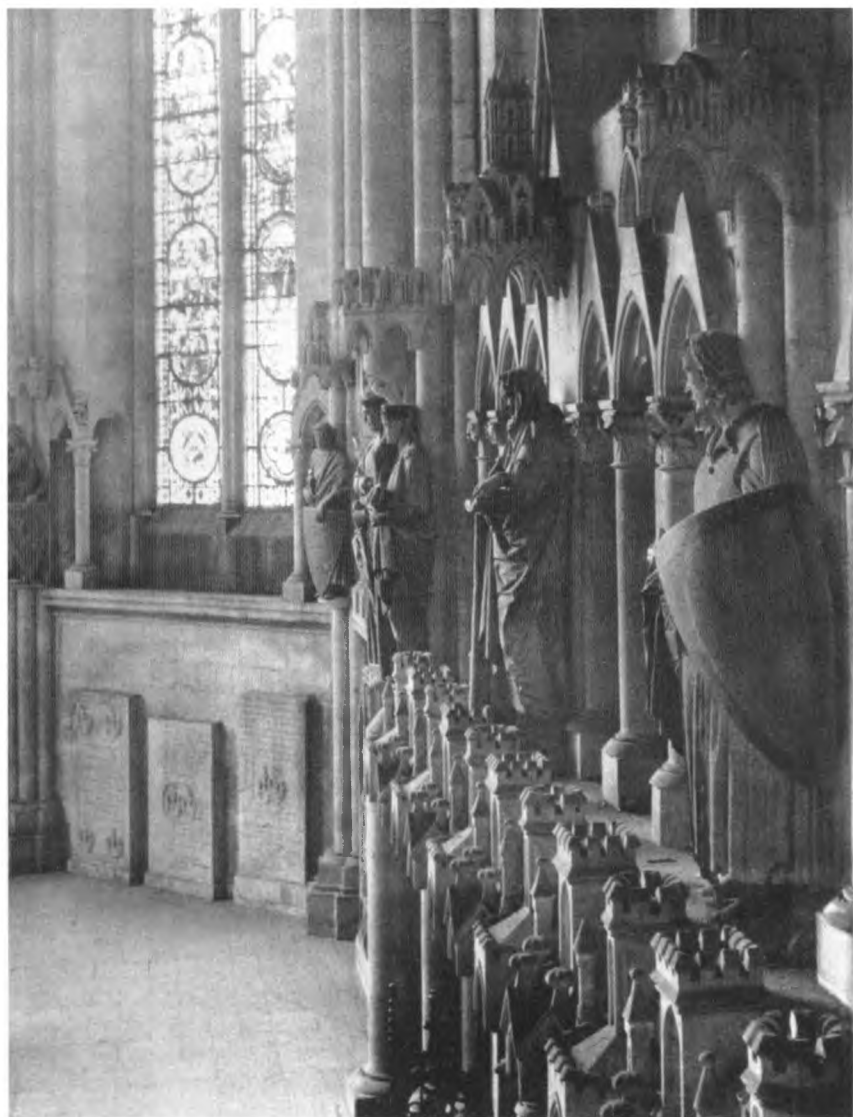
59. Берта (Гета).
Камень, остатки раскраски.
Около 1250 г. (Наумбург, собор)
Слепок не был приобретен

60. Гербурга.
Камень, остатки раскраски.
Около 1250 г. (Наумбург, собор).
Слепок не был приобретен

61. Герман и его жена Реглинда.
Камень, остатки раскраски. Около 1250 г.
(Наумбург, собор)

62. Наумбургский собор. Статуи правой части западного хора.
Слева – Вильгельм, справа – Тимо, Эккехард и Уга, Берта, Дитрих. *Около 1250 г.*
Башенки у ног статуй – 1875 г.

63. Клаус Слютер и Клаус де Верве.
Плакальщики с гробницы
Филиппа Смелого.
Алебастр. 1404 – 1411 гг.
(Дижон, Художественный музей)

64. Клаус Слютер и Клаус
де Верве. Колодец пророков.
Камень. Около 1395 – 1406 гг.
(Дижон, бывший монастырь
Шанмоль)

65. Адам Крафт. Плат св. Вероники (из серии «Остановки на крестном пути»).
Песчаник. 1505 – 1508 гг. (Собственность г. Нюрнберга. На хранении в нюрнбергском
Германском национальном музее)

66. Фейт Штосс. Взятие Христа под стражу. Камень. 1499 г.
(Нюрнберг, церковь Св. Зебальда)

67. Петер Фишер Старший.
Автопортрет.
Фрагмент раки св. Зебальда.
Бронза. 1508 – 1519 гг.
(Нюрнберг, церковь Св. Зебальда)

68. Мастер «Нюрнбергской
Мадонны». Оплакивание.
Дерево. 1512 г.
(Нюрнберг, церковь Св. Якоба)

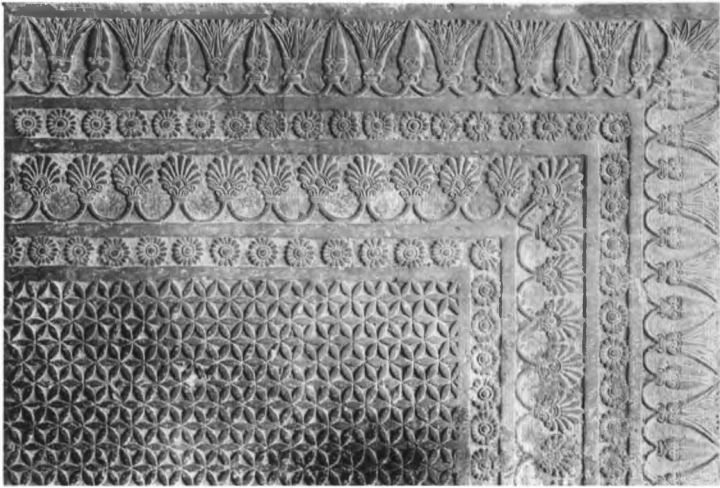
69. Мастер «Нюрнбергской
Мадонны». Нюрнбергская Мадонна
Дерево, раскраска. Около 1515 г.
(Собственность г. Нюрнберга.
На хранении в нюрнбергском
Германском национальном музее)

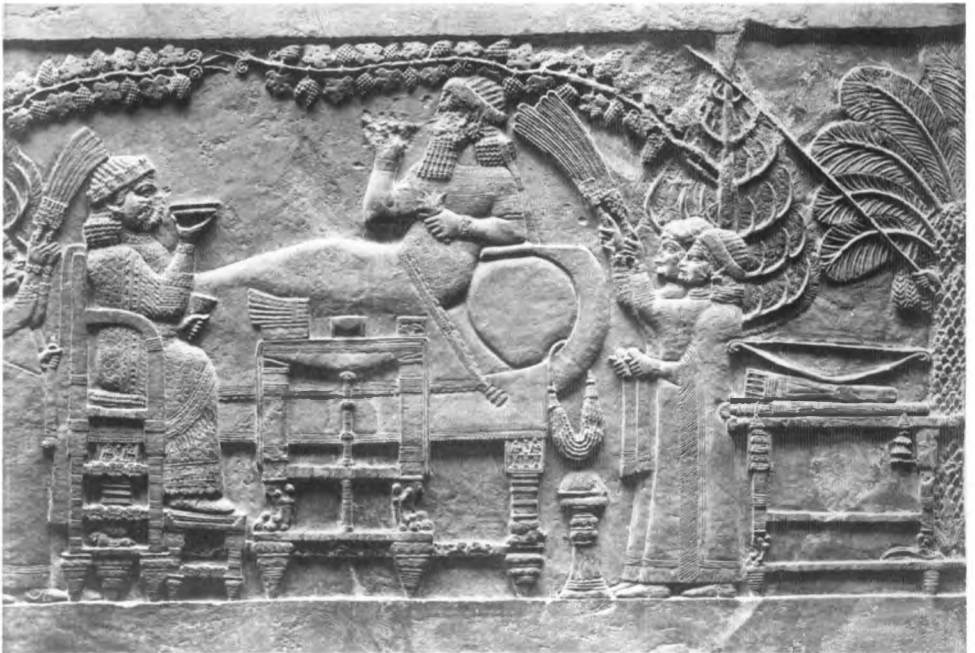
70. Царь и божество. Рельеф из дворца Ашшурнасирпала II в Нимруде.
Алебастр. IX в. до н.э. (Лондон, Британский музей)

71. Осада крепости и беглецы, переплывающие реку на мехах, наполненных воздухом.
Рельеф из дворца Ашшурнасирпала II в Нимруде.
Алебастр. IX в. до н.э. (Лондон, Британский музей)

72. Орнаментальная плита из дворца Ашшурбанапала в Куянджике.
Алебастр. VII в. до н.э. (Лондон, Британский музей)

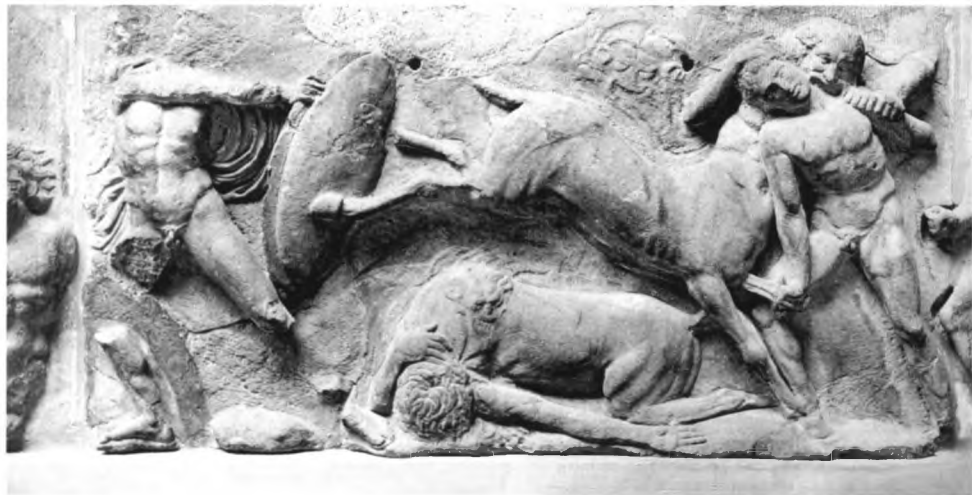
73. Царь, пирующий в саду. Рельеф из дворца Ашшурбанапала в Куянджике. Фрагмент.
Алебастр. VII в. до н.э. (Лондон, Британский музей)

74. Кариатида Эрехтейона.
Мрамор. 421 – 406 гг. до н.э.
(Лондон, Британский музей)

75. Диадумен из Везона. Римская копия с оригинала Поликлета
второй половины V в. до н.э. (Лондон, Британский музей)

76. Плита фриза храма Аполлона в Бассах.
Мрамор. 430 – 420 гг. до н.э. (Лондон, Британский музей)

77. Плита фриза храма Аполлона в Бассах.
Мрамор. 430 – 420 гг. до н.э. (Лондон, Британский музей)

78. Статуи памятника Нереид из Ксанфа в экспозиции Британского музея.
Фото 1872 г.

79. Нереида. Статуя памятника Нереид из Ксанфа. Мрамор. *Конец V в. до н.э.* (Лондон, Британский музей)

80. Гробница Паявы в экспозиции Британского музея.
Мрамор. Около 375 – 360 гг. до н.э. Фото 1872 г.

81. Памятник с гарпиями. Мрамор. Около 480 – 470 гг. до н.э. (Лондон, Британский музей)

82. База колонны из храма Артемиды Эфесской. Мрамор. 350-е гг. до н.э. (Лондон, Британский музей)

83. Битва греков с амазонками. Плита фриза Галикарнасского мавзолея.
Мрамор. *Вторая половина IV в. до н.э.* (Лондон, Британский музей)

84. Битва греков с амазонками. Плиты фриза Галикарнасского мавзолея.
Мрамор. *Вторая половина IV в. до н.э.* (Лондон, Британский музей)

85. Музей имени императора Фридриха в Берлине (ныне Музей Бодэ).
Открыт в 1904 г. *С открытки 1910-х гг.*

86. Зал Пергамского алтаря в Пергамском музее, Берлин. *Фото 1900-х гг.*

87. Изображение Зевса на фризе Пергамского алтаря. Мрамор. *Около 180 г. до н.э.*
(Берлин, Пергамский музей)

88. Изображение Гекаты на фризе Пергамского алтаря. Мрамор. *Около 180 г. до н.э.*
(Берлин, Пергамский музей)

89. Изображение Артемиды на фризе Пергамского алтаря.
Мрамор. Около 180 г. до н.э. (Берлин, Пергамский музей)

90. Патера с изображением Афины
из Гильдесгеймского клада. Серебро, позолота.
I в. н.э. (Берлин, Старый музей)

91. Кратер из Гильдесгеймского клада.
Серебро. I в. н.э.
(Берлин, Старый музей)

92. Парис. Мрамор.
Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. (Рим, Музеи Ватикана)

93. Интерьер усыпальницы великого князя Сергея Александровича в Чудовом монастыре в Кремле.

Фото около 1908 г.

Великий князь Сергей Александрович, председатель Комитета по устройству Музея изящных искусств, был убит террористом 4 февраля (ст.ст.) 1905 г.

94. План расположения усыпальницы великого князя Сергея Александровича. Чертеж В.П.Загорского. 1908 г.

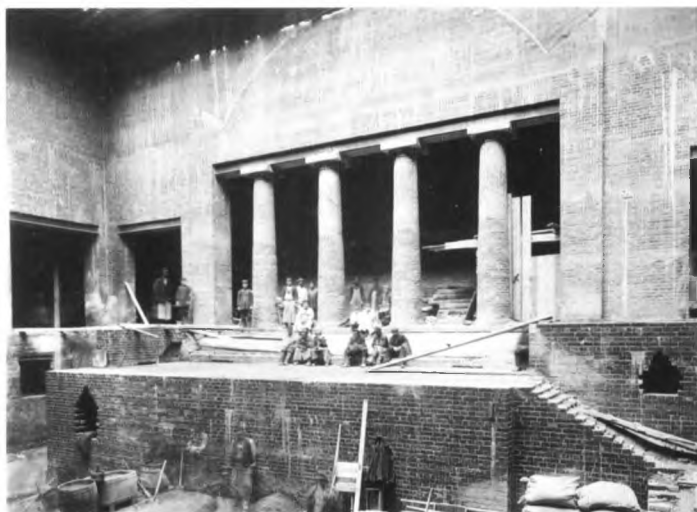
95. Санаторий в Санкт-Блазиене, Шварцвальд, где находилась на лечении М.А.Цветаева. Открытка. Пометки рукой И.В.Цветаева. 1905 г.

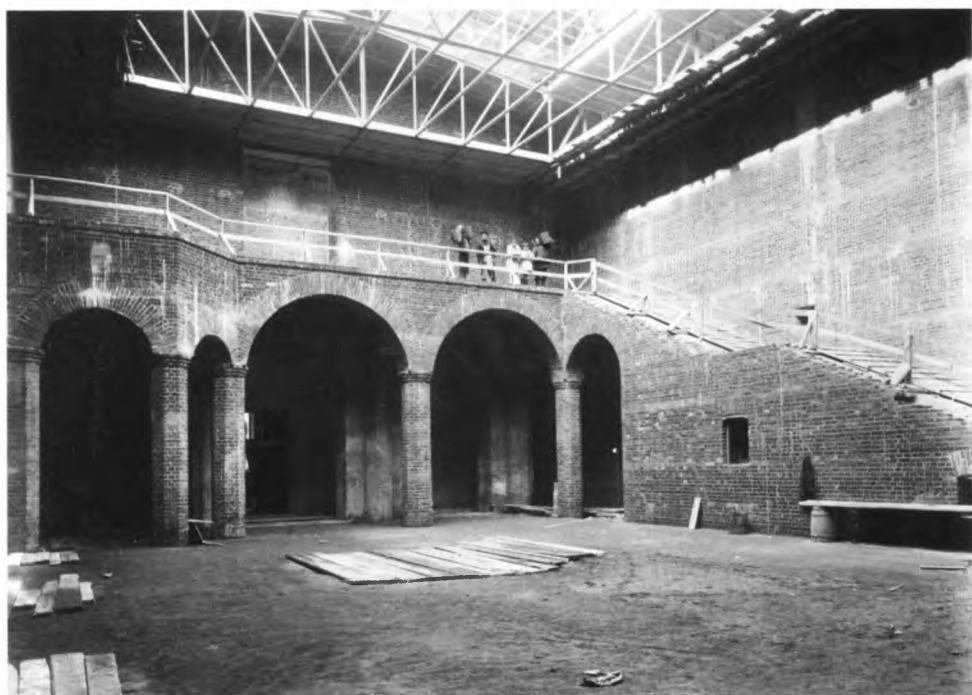
96. И.В.Цветаев с дочерью Мариной. Санкт-Блазиен, Шварцвальд. 1905 г. Надпись на обороте паспарту рукой Цветаева: «Лёре и Андрюше от Муси и Папы. 1905»

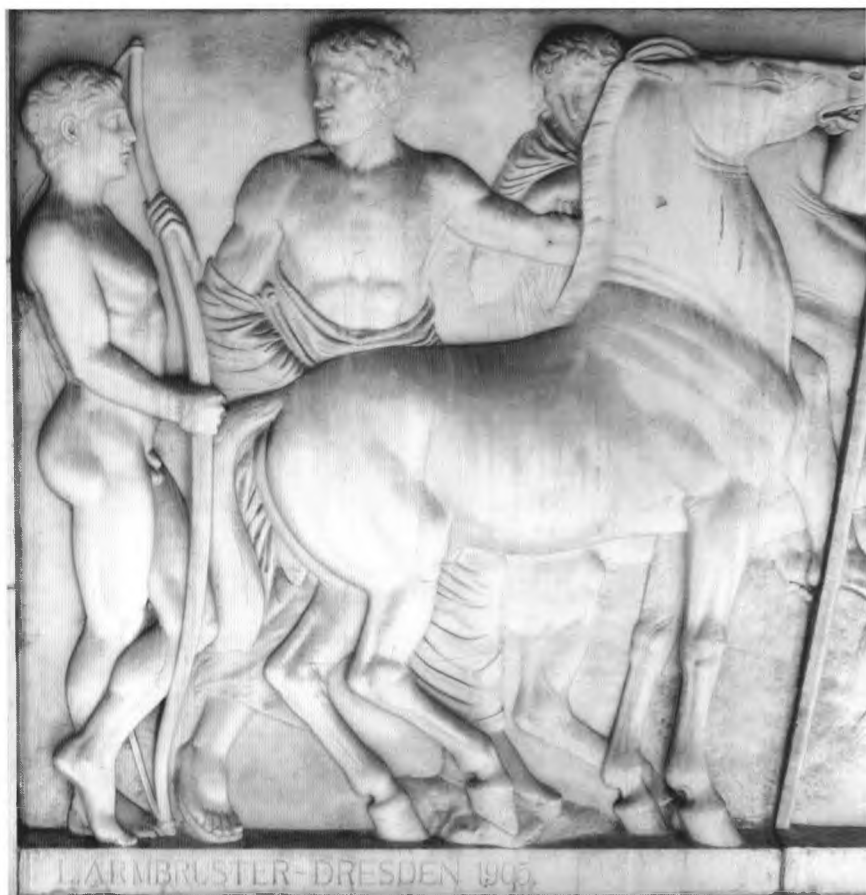
97, 98. И.В.Цветаев у колонн центрального ризалита Музея изящных искусств.
Установка колонн. Надписи на паспорту рукой Цветаева: «Весна 1905»

99. Греческий дворик Музея. Земляные работы по углублению пола для установки слепка угла Парфенона. *Конец 1905 г.*

100. Христианский дворик Музея. 1905 г.

101. Левая плита фриза наружной колоннады Музея.
Фото 2006 г.

102. Подпись Л.Армбрустера и дата «1905» на фризе наружной колоннады.
Фото 2006 г.

103. Центральная лестница: начало облицовки боковых стен. *Ноябрь 1905 г.*

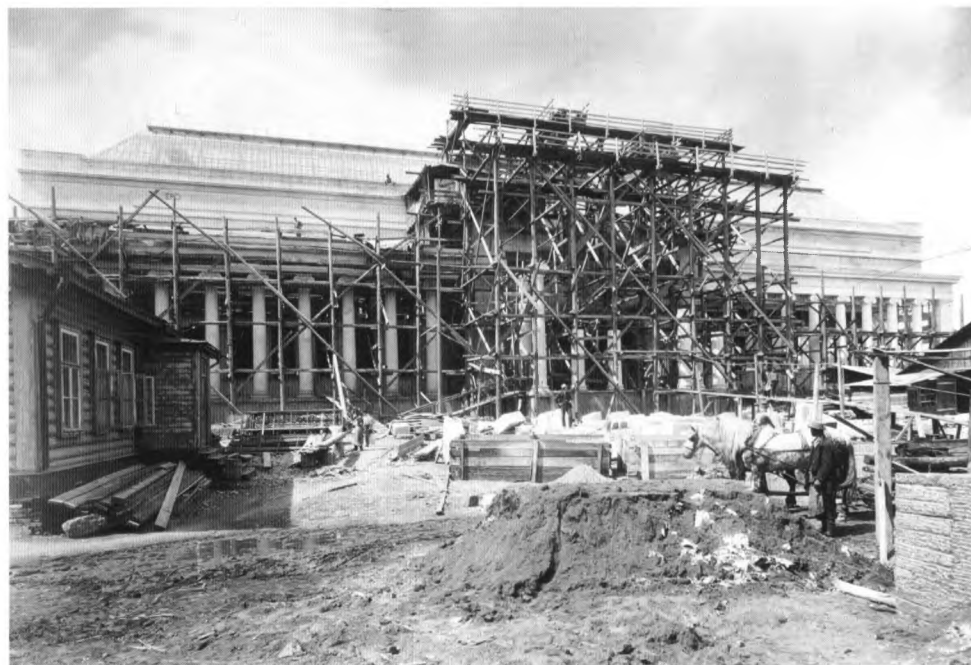
104. Настилка гранитных полов и установка иллюминаторов на внешней колоннаде Музея. *Вторая половина 1905 г.*

105. Боковой фасад Музея. Антиповский (Колымажный) пер. Лето 1905 г.

106. Боковой фасад Музея. Малый Знаменский пер. Лето 1905 г.

107. Установка колонн и примерка надписей на главном фасаде. Май 1905 г.
Слева на аттике – образцы букв. На первом плане слева – контора стройки

³ Германия сохраняла федеративное устройство и после объединения в империю. Поэтому Штутгарт оставался столицей Вюртембергского королевства со своим королем, Дрезден – столицей Саксонского королевства и т.д.

⁴ Здание библиотеки было выстроено в стиле Ренессанс в 1883 г. (в настоящее время библиотека находится в здании 1960-х гг.).

⁵ *Сирлин Йорг Старший* (ок. 1425–1491), немецкий скульптор. Его главное произведение – многоместное деревянное сидение для хора в Ульмском соборе, украшенное резными полуфигурами, среди которых – изображения самого скульптора и его жены и увенчанное высоким готическим балдахином епископское место (1469). В дальнейшем Цветаев приобрел копии этого епископского места и некоторых бюстов. Экспонируются в Итальянском (Христианском) дворике московского Музея.

⁶ *Фридрих III Мудрый* (1463–1525), курфюрст Саксонский с 1486 г. Покровитель М. Лютера. Его надгробная плита работы П. Фишера Младшего (бронза, 1527) находится в той самой замковой церкви в Виттенберге (построена в 1490–1506 гг.; реконструирована в конце XIX в.), на дверях которой в 1517 г. Лютер прибил свои тезисы против продажи индульгенций, что стало началом Реформации. Слепок в ГМИИ имеется, экспонируется в одной из галерей Итальянского дворика.

⁷ *Рименишнейдер Тильман* (ок. 1460–1531), немецкий скульптор, работал в Вюрцбурге; был одно время бургомистром; в 1525 г. был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам за связь с восставшими крестьянами. В дальнейшем Цветаев приобрел целую коллекцию слепков с его произведений; некоторые экспонируются в основном здании Музея, другие – в Учебном художественном музее им. И.В. Цветаева, часть остается в запасниках.

⁸ *Граф Теодор* (1840–1903), торговец художественными изделиями в Вене и Каире (ковры, древние папирусы и др.); одним из первых понял историческую и художественную ценность так называемых фаюмских портретов.

⁹ О фаюмских портретах, приобретенных Нечаевым-Мальцовым для Музея, см. т. 1.

¹⁰ *Якобсен Карл*, датский пивной магнат, коллекционер и создатель богатейшей глиптотеки (скульптурного музея) в Копенгагене. Подробнее см. т. 2.

¹¹ Ротшильды – международная династия банкиров и благотворителей, происходящая из Франкфурта-на-Майне. Затруднительно определить, кого именно из парижской ветви Ротшильдов подразумевает Цветаев.

604

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5189.

¹ Приведем еще одну цветаевскую характеристику этого произведения искусства: «Это самый сложный по богатству орнаментов надгробный памятник немецкого Ренессанса. На него как на свое главное создание смотрел и сам Петр Фишер, поставивший здесь свой собственный портрет в рабочем

костюме кузнеца. Оно у него унесло 11 лет жизни (1508–1519) из наиболее зрелого периода его колоссального таланта. По своим художественным свойствам этот памятник сравнивается только с знаменитыми бронзовыми дверями, так называемыми *Porta del Paradiso* [«Райскими дверями», *ит.*] Гиберти во Флоренции. Если вспомнить, чем были представленные нами раньше бронзовые изваяния Гильдесгейма XI века и сравнить их с рельефами и статуями этого памятника, то окажется, что целая пропасть лежит между этими созданиями немецкого художественного гения. Тут этот гений, за 400 лет, достиг своего высшего проявления.

Ядро этого памятника составляет скромной формы серебряная рака святого, поставленная на подножии, по четырем сторонам которого рельефы посвящены рассказу чудес его. Вокруг этого ядра художник развил неподражаемую фантазию в двух направлениях, архитектуры и ваяния, оттого его произведение и явилось необыкновенно замечательным и как постройка, и как создание пластики. В целях наибольшего эффекта и увлекаемый полетом фантазии, Петр Фишер не остановился в архитектурной части ни на одном определенном стиле, а пустил как бы в соревнование и Готику, и Романский стиль, и детали стиля Возрождения. Все это он перемешал и переплел между собою в одно фантастическое целое.

И если возбуждает удивление многих конструкция этого памятника, то бесспорную славу доставляет ему его пышное пластическое убранство, рассеянное решительно повсюду, где только позволяло место, и на столбах, и на выступах многосложного покрытия, и на канделябрах; бесчисленное множество изваяний покрывают подножие памятника. Но всемирною известностью пользуются его двенадцать апостолов, прислоненные к столбам приблизительно на половине высоты сооружения» (Комитет МИИ 1904. С. 80–83).

Уточним, что, согласно ряду исследований 2-й половины XX в., Петер Фишер Старший был не скульптором, а только искусным литейщиком и выдающимся организатором художественного производства, на которого работали другие художники. Предполагается, что большинство скульптур раки св. Зебальда выполнены Петером Фишером Младшим.

² *Максимилиан I* (1459–1519), король Германии, эрцгерцог Австрии и т.д., император Священной Римской империи с 1508 г., в действительности похоронен в Нойштадте. Памятник ему в дворцовой церкви Инсбрука (Австрия) представляет собой сооруженный в 1513 г. кенотаф (*зрег.* «пустая могила»). Из украшающих его статуй, вышедших из мастерской П. Фишера Старшего, в московском Музее имеются слепки статуй остготского короля Теодориха (правил в 470 – 526 гг. в Равенне) и легендарного британского короля Артура (героя сказаний и рыцарских романов, едва ли существовавшего в действительности). Оба слепка экспонируются в Итальянском дворике рядом со слепком раки св. Зебальда.

605

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5190.

¹ Церковь Св. Иакова (Якобскирхе) в Нюрнберге была основана в 1209 г., перестроена в XIV – XV вв. и реставрирована в XIX в. Восстановлена из руин после Второй мировой войны. «Оплакивание Христа» из этой церкви приписывается, благодаря упомянутому и Цветаевым сходству (впрочем, достаточно отдаленному), анонимному Мастеру Нюрнбергской Мадонны. Слепок экспонируется в проходном зале между залами Средних веков и Кватроченто.

² Речь идет о семи рельефах из песчаника, созданных в 1490 г. и размещенных вдоль улицы Бургшмитштрассе, начинавшейся под стенами Бурга (императорского замка), но уже за пределами Старого города и шедшей на запад к старинному кладбищу св. Иоанна. Вот что докладывал Цветаев Комитету по устройству Музея об этой серии рельефов Адама Крафта, изображающих путь Христа на Голгофу: «Богатый патриций Нюрнберга Мартин Кетцель (Martin Ketzell), человек глубоко религиозный, сделавший два путешествия в Святую Землю, измерил шагами расстояние между местами остановок Спасителя во время несения Креста и, возвратившись домой, заказал этому художнику поставить в тех же промежутках горельефные изображения следующих сцен: Встреча Христа с Материю, Симон Киринеянин, Христос и плачущие женщины, св. Вероника, мучения Спасителя от толпы, Падение Христа под тяжестью Креста, Положение во гроб. Музею усвоены [т.е. для него приобретены] лучшие из этих горельефов – третий, четвертый и последний» (Комитет МИИ 1904. С. 78.) Слепки указанных трех рельефов экспонируются в боковой галерее Христианского дворика.

³ Германский национальный музей в Нюрнберге, основанный в 1852 г., в цветаевское время размещался в готических постройках бывшего картезианского монастыря XIV в. и занимал 96 залов.

606

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5191.

¹ Цветаев называет здесь 4 из 6 статуй с боковых откосов так называемых Врат Адама, левого из двух порталов восточной стороны Бамбергского собора. Все шесть фигур в 1939 г. перенесены в галереи примыкающего к собору монастырского двора, где размещен Бамбергский епархиальный музей. *Кунигунда* (ум. 1031) в 1200 г. канонизирована как святая Католической церкви. Ее муж, *Генрих II Святой* (793–1024) – баварский герцог и с 1002 г. император; канонизирован в 1046 г. в качестве святого. Из названных Цветаевым статуй был приобретен только слепок фигуры Евы. Экспонировался в 1912 г. в зале Средних веков, в настоящее время в запаснике.

² «Северным портиком» Цветаев называет портал северной стороны здания, именуемый Княжеским (Fürstenportal). Статуи Церкви и Синагоги стояли высоко по сторонам тимпана, рельеф которого изображает Страшный суд; в 1936 г.

перенесены в южный неф собора. Слепки для московского Музея приобретены не были.

³ Это пожелание высказано Н.И.Романовым в письме от 24 августа 1904 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 3461), в котором он, впрочем, оговорил, что его «аппетиты», возможно, чрезмерны. Именно Романов преподавал в это время в Московском университете историю искусства Средних веков и Возрождения, и, естественно, высказывал пожелания в отношении нужных для преподавания слепков.

⁴ Так называется восточный хор Бамбергского собора; западный, в котором погребен бывший бамбергский епископ, папа Климент II (ум. 1047), именуется хором св. Петра.

⁵ Слепок на 1912 – 1917 гг. в московском Музее отсутствовал.

⁶ В северном нефе собора, на столбах, между которыми проходит ограда Георгиевского хора, размещены на специальных консолях несколько статуй. Из них 3 фигуры могут быть истолкованы, как минимум, двояко: 1) левая и центральная вместе могут подразумевать сюжет «Встреча Марии и Елизаветы», 2) центральная и правая (Мария и Ангел) – сюжет «Благовещение». В последнем случае левую фигуру считают какой-либо из Сивилл, пророчивших о пришествии Спасителя, либо св. Анной, матерью Девы Марии. Не исключено, однако, что это все же Елизавета и что установка статуи Богоматери между нею и Ангелом намекает на оба священных эпизода одновременно. Высказываются и сомнения в том, что нынешняя расстановка статуй соответствует изначальной, а это еще больше затрудняет их истолкование.

Слепки этих трех фигур экспонируются в зале Средних веков московского Музея.

⁷ Такую реставрацию не проводили.

⁸ Слепок этого знаменитого «Бамбергского всадника» вместе с консолями, на которых он стоит в оригинале, размещен на одной из стен зала Средних веков московского Музея. Так как германский король и претендент на императорский трон *Конрад III* (ум. 1152) похоронен в Бамбергском соборе, эту конную статую часто принимают за его изображение. Назывались и другие имена. Новейшие исследователи всё больше склоняются к мысли, что статуя не является изображением конкретного монарха, а имеет символический смысл. По одной из последних версий, это Христос в момент его второго пришествия (см. *Möring H. König der Könige. Der Bamberger Reiter in neuer Interpretation. Königstein im Taunus, 2004*).

⁹ Этот принцип был в значительной степени выдержан в первоначальной экспозиции зала Средних веков московского Музея. Как писал по этому поводу А.А.Сидоров, «готическая скульптура зрелого Средневековья расположена во второй части зала, причем французская и итальянская пластика занимают левую, германская – правую его сторону» (Музей изящных искусств имени Александра III. Краткий путеводитель с иллюстрациями. Ч. 2. Христианское искусство. М., 1917. С. 40).

¹⁰ Гробница была создана Т.Рименшнейдером в 1499 – 1513 гг., т.е. через несколько веков после смерти Генриха II и Кунигунды. Она находится в центральном нефе собора, между двумя лестницами, ведущими в Георгиевский хор, пол которого поднят на 2 с лишним метра по сравнению с полом нефа. Из-за высоты гробницы изображения на ее крышке можно разглядывать только из хора или со ступенек лестниц.

В экспозиции 1912 г. в зале Северного Возрождения находились слепок этой крышки вместе с фигурами на ней и слепок одного из рельефов на цоколе; в настоящее время они в запаснике.

607

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5192.

¹ Леттнер (*нем.*, от *лат.* *lectorium*) – особый тип алтарной преграды в виде стены со сквозными проходами и с площадкой наверху, служащей своего рода трибуной для духовенства.

608

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5193.

¹ На основании первых слов можно было бы заключить, что письма, публикуемые под номерами 604 – 607, составляли единое целое, еще не оконченное и не отосланное на момент написания данного письма. Однако строгой доказательности такой вывод не имел бы, поскольку те же слова можно истолковать и как риторическое вступление, подлинный смысл которого таков: «Рассказав о пребывании в Нюрнберге, Бамберге и Наумбурге в прежних письмах, спешу на этот раз сообщить о другом...»

² О болезни Валерии Цветаевой, случившейся в Нерви в 1903 г. и сильно задержавшей возвращение Цветаева из заграничной поездки в Москву, см. в т. 2.

³ *Кюнерт Макс Флоренц* (1862–1939), инспектор коллекции античных памятников и слепков Художественных собраний Дрездена с 1886 г., а также заведующий мастерской слепков с 1887 г. Подробнее о нем см. т. 2, а также: Цветаев – Трей.

⁴ Дополнительных сведений об этих мраморщиках, помощниках Армбрустера, не имеется.

609

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5194. Письмо явно представляет собой текст, написанный на открытке. По-видимому, она изображала «Золотые врата» Фрейбергского собора.

610

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5195.

¹ В каком печатном органе или письме Цветаев читал зимой 1903 – 1904 гг. похвалы новому оформлению парадной лестницы Альбертинума, не установлено.

В сохранившихся письмах Г.Трея к нему за 1903 – 1904 гг. о лестнице не говорится. Все ее художественное оформление утрачено в результате Второй мировой войны. Автором живописи и эскизов для скульптур был *Германн Прель*, архитектором – *Вильгельм Крейс*, исполнителями статуй и рельефов – *О. Гуссмани*, *К. Гросс* и *Л. Армбрустер*. Центральная композиция плафона изображала «Войну богов и титанов», другие мифологические композиции образовывали «Стену судьбы» и «Стену красоты» (последняя, к примеру, состояла из картин «Похищение Европы» и «Три грации», статуи Венеры между ними и нескольких мифологических фигур, данных горельефом).

² Доктор *Херрманн Пауль* (1859–1935), сотрудник Альбертинума с 1890 г., с 1892 г. – помощник директора Скульптурного собрания, в дальнейшем, с 1915 г., преемник Трея на посту директора. Упомянутая Цветаевым брошюра – *Herrmann P. Das Treppenhaus im Königlichen Albertinum zu Dresden. 2 Aufl. Berlin, 1904* – выдержала не менее 7 изданий.

³ Прометей – в греческой мифологии создатель людей, длительное время подвергавшийся Зевсом мучительной казни за благодеяния, оказанные им людям в ущерб богам. Его матерью называли то одну из дочерей Океана, то богиню земли Гею, то Фемиду – богиню правосудия.

⁴ Персей – один из наиболее популярных греческих полубогов, сын Данаи и Зевса; победа над чудовищем Медузой, взгляд которой обращал все живое в камень, принадлежит к числу его главных подвигов.

⁵ *Клингер Макс* (1857–1920), немецкий живописец, график и скульптор. Неясно, в какой связи он здесь упомянут. Согласно Херрманну, в украшении лестницы Альбертинума он не участвовал.

⁶ Нечаев-Мальцов ездил в Дрезден в 1903 г.

⁷ О ком идет речь, выяснить не удалось.

⁸ Кронос (Крон) – в греческой мифологии отец Зевса, свергнутый им. Парки – богини судьбы.

⁹ *Жильерон Луи Эмиль* (1851–1924), живописец и рисовальщик, участник раскопок Г.Шлимана в Микенах (1886), владелец фирмы «Э. Жильерон и сын» с конторой в Афинах и производством на одной из фабрик в Гейсслингене. Все ранее выпускавшиеся им гальванокпии уже были приобретены за счет Нечаева-Мальцова и поступили в московский Музей в начале 1901 г. (см. письмо 223). Ритон в виде головы быка в дальнейшем также был получен.

¹⁰ *Каввадия (Каввадиас) Панайотис* (1849–1928), греческий археолог, директор древностей и раскопок Греции, в 1895 – 1920 гг. – руководитель археологических раскопок в Афинах.

¹¹ О какой художнице идет речь, не установлено.

¹² Речь идет о скульптурах, найденных при раскопках 1885 – 1891 гг. под руководством Каввадиаса и архитектора Георга Каверау. Были открыты, в частности, остатки скульптурного убранства древнего храма, предшествовавшего Парфенону, и несколько десятков votivных женских статуй (кор), стоявших

некогда на высоких базах на территории Акрополя (экспонируются в Музее Акрополя). Скульптуры сохранили следы первоначальной окраски. Цветаевым был заказан для зала Эгинетов слепок с одной из женских фигур, известной под названием «Задумчивая кора» (ок. 510 г. до н.э.). Следы яркой раскраски оригинала тщательно воспроизведены в слепке.

¹³ Клад начала I в., найденный в 1868 г. в Гильдесгейме, содержал древнеримские серебряные и позолоченные сосуды и другую утварь, а также золотые украшения, всего 70 предметов. С 1869 г. хранится в Берлинских музеях. В дальнейшем гальваноконии предметов из Гильдесгеймского клада были заказаны Цветаевым, но не той фирме, которая названа в этом письме. Подробнее см. комм. 2 к письму 665. Копии экспонируются в Римском зале московского Музея.

¹⁴ В дальнейшем для московского Музея в мастерских Альбертинума был приобретен слепок проповеднической кафедры из Вексельбурга (оплачен в 1911 г., экспонируется в зале Средних веков).

¹⁵ Подробности об этом пребывании Цветаевых в Лейпциге (8 сентября 1904?) неизвестны. Художественный музей города содержал произведения немецких мастеров XIX – нач. XX в.; археологический музей при Лейпцигском университете Цветаев и Мария Александровна изучили за 9 лет до того, в 1895 г. – судя по этому, Лейпциг на этот раз вряд ли мог интересовать их сам по себе. Скорее, он был выбран как удобный пункт, откуда можно совершить поездки в двух разных направлениях: на север в Магдебург и на юго-восток в Вексельбург – прежде, чем отправиться далее в Дрезден (ср. список мест, намеченных для посещения в конце письма 595). Но плохое самочувствие жены, очевидно, вынудило Цветаева сократить маршрут и прямо из Лейпцига выехать в Дрезден.

¹⁶ Вечером накануне дня написания комментируемого письма Цветаев по приглашению четы Треев побывал в гостях у них дома. См.: Цветаев – Трей. Письма 69 – 70.

611

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5196, 5197.

¹ Мост Курфюрстов, построенный в XVIII в. и теперь несуществующий, считался одним из самых красивых в Европе; он соединял Кёнигштрассе (ныне Ратхаусштрассе, Ратушная улица) с Дворцовой площадью; сейчас на этом месте находится другой мост. На месте гостиницы на Бургштрассе, в которой остановились Цветаевы, теперь огромный сквер, простирающийся до Старой ратуши. Сама Бургштрассе, проходившая по берегу реки, тоже уже не существует, как и императорский Замок на противоположном берегу, на Музейном острове.

² О *Бомбэ* см. т. 2.

³ *Шёне Рихард* (1840–1922), немецкий филолог-классик и музейный деятель, директор королевских Берлинских музеев в 1880 – 1905 гг.

⁴ Вот что по этому поводу писал Цветаев В.И. Модестову через несколько дней (25 сентября 1904 г.):

«В Берлине я видел окончание нового, по размерам колоссального и по содержанию очень богатого и важного, Христианского музея, посвященного памяти императора Фридриха, это – т[ак] наз[ываемый] Friedrichs-Museum. Здесь мы видели новое проявление организаторского гения немцев. Чего они здесь не собрали, с каким знанием и вкусом все это здесь размещено и систематизировано! Подобного музея до сих пор не было в мире. Недавно окончили они свой Пергамский музей, где восстановили Великий Пергамский алтарь, они приладили знаменитые скульптуры на их надлежащие места, а теперь окончили Музей для Христианского искусства в оригиналах и копиях. 18 октября [н.ст.] они его торжественно открывают. В то же самое время они начинают уже не в Берлине, где нет для этого удобной площади, а в Шарлоттенбурге <...> устройство музея архитектуры; здесь будет отведено под этот музей громадных моделей чуть не целое поле. Проф. Боррманн, большой знаток античного зодчества, ездит теперь по Италии. Это будет 1-й опыт в мире, и немцы устроят его, наверное, превосходно».

(НИОР РГБ, ф. 324, оп. 2, ед. хр. 4, л. 426–426 об. Публикуется впервые.)

⁵ *Фридендер Макс* (1867–1958), немецкий и нидерландский историк искусства. С 1896 г. работал в отделе живописи Берлинских музеев и вскоре стал ближайшим помощником Боде. В дальнейшем заместитель директора музеев, а в 1924 – 1933 гг. – директор.

⁶ Молодой *Казебу* – лицо неуставленное.

⁷ *Боррманн Рихард* (1852–1931), архитектор и археолог, участвовал в раскопках Олимпии. В 1892 – 1904 гг. ассистент директора берлинского Художественно-промышленного музея, с апреля 1904 г. – профессор истории архитектуры в берлинской Высшей технической школе. (В кн.: Цветаев – Трей. С. 214 ошибочно отождествлен с эпиграфистом Эйгеном Боррманном, проживавшим не в Берлине, а в Марбурге и Вене.)

⁸ *Дерюжинский А. Ф.*, присяжный поверенный из Москвы.

612

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5198.

¹ Метлах – керамическая плитка для покрытия полов и облицовки стен, подробнее см. т. 2, комм. к письму 491.

² Имеется в виду каменный 3-этажный одноподъездный, с нежилым подвалом доходный дом, построенный Р.И.Клейном при участии Г.А.Шувалова в Олсуфьевском пер. (д. 6, ныне – д. 8) в 1900 г. Рядом находился собственный дом Клейна (1890-е), где располагалась и его архитектурная мастерская. Фото см.: ф. 8, оп. IV, ед. хр. 48; проект фасада см.: оп. V, ед. хр. 22.

³ Этот альбом неизвестен. В отношении панорамы неясно, охватывала ли она горизонт на все 360°. Экземпляр, сохранившийся в ГНИМА им. А.В.Шуцева, показывает лишь часть кругового обзора. См. илл. 2 – 4 в настоящем томе.

⁴Списки имен великих архитекторов, живописцев и скульпторов с правкой Цветаева и его подписью: «Делать по этому образцу. Проф. И.Цветаев» сохранились (ф. 6, оп. II, ед. хр. 31). Однако этот проект реального воплощения не получил.

⁵Надпись на фризе берлинского Старого музея такова: «FRIDERICVS GVILHELMVS III. STVDIO ANTIQVITATIS OMNIGENAE ET ARTIVM LIBERALIVM MVSEVM CONSTITVIT MDCCCXXXVIII» («Фридрих Вильгельм III для изучения всяческих древностей и свободных искусств музеев учредил. 1828»).

Надпись по случаю торжественного открытия собора Св. Петра в Риме сделана в 1612 г. при папе Павле V Боргезе. Она расположена на фасаде, на фризе портика, под шестиметровыми статуями апостолов.

⁶Ближайшее заседание Комитета прошло 17 ноября 1904 г. Протокол см.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 198.

613

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5199.

¹31 мая 1904 г. была проведена реорганизация Министерства народного просвещения. Центральный совещательный орган при министре, департамент, был разделен на два новых: департамент народного просвещения и департамент общих дел. Директором первого из них с 1 августа назначен А.А.Тихомиров. Упомянутое письмо Тихомирова к Цветаеву сохранилось. См.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 3900. Письмо от 2 октября 1904 г.

²Годовой отчет Комитета состоялся 29 ноября 1904 г. См.: Комитет МИИ 1904. Министр В.Г.Глазов на заседании не присутствовал.

³На самом деле этот осмотр состоялся в мае. И.В.Дмитриев сообщал Цветаеву в недатированном письме от 21 мая 1904 г.: «Вчера, 20 мая, у нас в Музее Императора Александра III был г. Министр Глазов. Его сопровождали Юрий Степанович и Роман Иванович. Все наши музейцы сожалеют, что при этом не было Вас» (ф. 6, оп. I, ед. хр. 903. Публикуется впервые).

⁴О журнале «Русское обозрение» см. т. I, комм. 1 к письму 106. В 1892 – 1896 гг. И.В.Цветаев напечатал в этом журнале ряд своих статей.

Редактор-издатель Филиппов А.Ф. пытался возродить «Русское обозрение», не выходявшее уже в 1899 – 1900 гг., хотя бы в виде альманаха: в 1901 г. вышел один выпуск, в 1903-м – три.

⁵Александров Анатолий Александрович (1861–1930), редактор «Русского обозрения» в 1892 – 1898 гг.; поэт, приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета в 1895 – 1897 гг. Основал также газету «Русское слово» (1895), но популярность она приобрела только с переходом к другому издателю, И.Д.Сытину.

Императрица Мария Федоровна (1847–1928), урожд. принцесса Дагмара Датская, мать Николая II.

Морозов Давид (Давид) Иванович (1849–1896), коммерции советник, фабрикант, председатель правления Компании Богородско-Глуховской мануфактуры. Затратил на издание «Русского обозрения» свыше 200 тыс. руб.

614

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5200.

¹ *Степанов Михаил Петрович*, состоявший при великом князе Сергее Александровиче (с 1905 г. – при великой княгине Елизавете Федоровне) генерал-майор Генерального штаба; член-учредитель Комитета Музея. Подробнее см. т. 1.

² *Блюменау (Блуменау) К.*, инженер на мраморных ломках Г.Листа, руководивший добычей уральского мрамора для Музея.

³ 1 января обычно объявлялись награждения, о них сообщалось в газетах.

⁴ Имеется в виду чин обергофмейстера Высочайшего Двора, который Нечаев-Мальцов получит до открытия Музея, в 1907 г. В этом и последующих письмах речь идет о представлении Нечаева-Мальцова к награждению орденом Св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями. Девиз ордена: «За труды и Отечество». Его жаловали через пять лет после получения того же ордена, но без бриллиантов. См.: «Правила об испрошении высочайших наград», утвержденные 1 августа 1898 г.

615

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2406, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

¹ Хитрово – село в Данковском уезде Рязанской губ., недалеко от имени Нечаева-Мальцова.

616

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5201.

¹ *Граф Капнист Павел Алексеевич* (1842–1904), сенатор, член Комитета по устройству Музея изящных искусств. В 1880 – 1895 гг. Капнист занимал пост попечителя Московского учебного округа и в этом качестве оказал большое содействие развитию Московского университета и его учебно-вспомогательных учреждений, в том числе активно помогал Цветаеву в создании Музея. «Сочувствуя идее задумываемого учреждения, он горячо ходатайствовал на наших глазах перед министром народного просвещения графом Деляновым в 1892 году о пристройке хотя бы двух комнат к тому тесному помещению, которым пользовались университетские гипсы до тех пор, – так говорил Цветаев о Капнисте на годичном заседании Комитета Музея 29 ноября 1904 г. – Он принимал живейшее участие, словно в его личном деле, когда в 1894 – 5 гг. разрабатывался вопрос о пожертвовании Музею во 150 000 руб. душеприказчиками Варвары Андреевны Алексеевой, К.А.Казначеевым и покойным М.С.Нагаткиным». Цветаев упоминал далее об «искренней радости, которую покойный граф испытывал и громко выражал в тот памятный нам вечер 8 мая 1895 г., когда этот

дар Московскому университету состоялся, открывши собою радужные перспективы нового просветительного учреждения, которого ни Москва, ни Россия не имели. Тогда в беседе, затянувшейся до белого рассвета, он увлеченно говорил одному из участников о том, какое это большое счастье умирать в сознании, что привелось послужить обогащению Университета новым институтом или, как тогда он выразился, “подарить Университету новый институт”» (Комитет МИИ 1904. С. 132–133. Цитируется с исправлением очевидных опечаток в датах). Особенно важную поддержку Капнист оказал Цветаеву и Университету в получении места под строительство здания Музея, составив необходимое для этого ходатайство уже в тот момент, когда официально покинул пост попечителя, а его преемник еще не приступил к обязанностям. Как рассказывал Цветаев, Колымажный «двор уже предназначен был под Промышленное училище <...> но когда сообщена была гр. Павлу Алексеевичу мысль о Миусской площади как наиболее удобной в разных отношениях для [этой] школы, долженствующей в будущем сильно расширяться в своих учебно-вспомогательных учреждениях, – удобство, которого площадь Колымажного двора не имела, – граф Капнист написал большое представление в этом смысле <...> Большой и слабый на ноги, он предварительно измерял шагами место на Миусской площади, отвечающее Колымажному двору, – и только убедившись, как много там свободного пространства для будущего расширения училища, он приступил к составлению своей превосходной записки об отдаче Колымажного двора Музею изящных искусств. Только справедливость и любовь к просвещению могли быть стимулами в данном случае для этого человека, уже не связанного служебными узами с Москвою» (Там же. С. 104–105).

Упомянутой записке П.А.Капниста предшествовало следующее, по счастью сохранившееся, письмо Цветаева к нему:

«Июня 22 дня 1895 г.

Милостивый государь Граф Павел Алексеевич.

Имею честь почтительнейше просить Ваше Сиятельство о помощи по следующему вопросу. Ныне во время моего представления Его Высочеству по делу издания Танагрских терракот Его собрания, Великий Князь почтил меня поздравлением с “таким прекрасным местом для Музея” и выразил желание, чтобы будущий Музей, выстроенный *вдоль* площади Колымажного двора, обнесен был вокруг сквером или, как Он выразился, садом. “Теперь Вашей главной заботой, – продолжал Великий Князь, – должна быть *красота* здания, над этим и Вы, и архитекторы должны поработать”.

Из дальнейшей беседы было ясно, что для себя Его Высочество считает вопрос решенным после разговора с городским Головою и что следует начать сношения с Министром Внутренних дел. Но это – соображения только Великого Князя; о них Канцелярия [генерал-губернатора] не знает ничего. Временно управляющий канцелярией, г. Борденав сказал мне, что в Канцелярии *о месте* Музея и *о переносе* Промышленного училища на Миусскую площадь нет и помина.

Другой чиновник Канцелярии, после тщательных розысков какой-нибудь докладной записки Вашего Сиятельства по этому вопросу, высказал мысль, что пока Великому Князю не будет подана памятная записка о Музее и Училище, никакое дело в Канцелярии начаться не может. Записка должна служить точкою отправления всего делопроизводства.

Вы, Граф, начали вопрос – подарите нас и его окончанием. Сейчас мы разговаривали об этом деле с Н.А.Зверевым [помощником ректора Университета]: он того мнения, что Вам всего легче и естественнее доверить его, что новому Попечителю вступать в него будет трудно. Не нужно упускать и времени. 15 июля Его Высочество уезжает в путешествие, которое продолжится до осени. Помогите, Граф, до Вашего отъезда: в следующий четверг Великий Князь в Москву не приедет; если Он не посетит Москвы и в остальные дни недели, то нельзя ли Вашему сиятельству направить Вашу записку в Ильинское – чтобы делопроизводство началось. А без вашей письменной инициативы оно не начнется. Мало ли как могут повернуться дела впоследствии.

С чувствами глубокого уважения и преданности

Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Проф. И.Цветаев».

(Архив РАН, ф. 695, оп. 3, ед. хр. 119, л. 1–2 об. Автограф на бланке Музея изящных искусств Московского университета. Публикуется впервые.)

617

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5202.

¹ Цветаев пересказывает письмо М.П.Степанова от 24 октября 1904 г.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 3764.

² *Тихомиров Александр Андреевич* (1850–1931), зоолог, профессор Московского университета, с 1899-го до середины 1904 г. – ректор Университета; председатель Строительной комиссии Музея в 1898 – 1904 гг. С 1 августа 1904 г. – директор департамента народного просвещения. В дальнейшем (1911–1917) попечитель Московского учебного округа.

³ В Лувре находится фриз из глазурованных кирпичей, состоящий из нескольких орнаментальных полос и рельефов, изображающих процессию воинов с копьями и луками. Он украшал дворец Артаксеркса II (404 – 358 до н.э.) в Сузах (Иран). Фигуры двух воинов в керамических копиях были заказаны для Вавилоно-Ассирийского зала Музея. Ныне экспонируются в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

618

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2407, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

619

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5203.

¹ Усово – часть подмосковного имения великого князя Сергея Александровича, недалеко от Ильинского, по другую сторону Москвы-реки.

620

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2408, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

621

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5204.

¹ Будучи почетным попечителем Ремесленного училища им. И.С.Мальцова во Владимире (подробнее см. т. 1), Нечаев-Мальцов, как правило, посещал его в каждую годовщину открытия, 14 ноября.

«Предварительное» заседание Комитета по устройству Музея изящных искусств состоялось 17 ноября, отчетное – 29 ноября 1904 г.

622

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5205.

¹ *Танеев Александр Сергеевич* (1850–1918), управляющий Собственной его императорского величества канцелярией в 1897 – 1917 гг.

² В Российской империи получение орденов сопровождалось обязательным денежным взносом со стороны награжденного. При получении ордена Св. Александра Невского взнос в Капитул орденов составлял 400 руб., при получении ордена Св. Владимира 1-й степени – 450 руб.

623

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5206.

¹ Зарубежная командировка Цветаева с ученой целью продолжалась с 10 декабря 1904 г. по 20 января 1905 г. (Формулярный список заслуженного ординарного профессора Императорского Московского университета тайного советника Цветаева. ЦИАМ, ф. 418, оп. 487, ед. хр. 425, л. 13 об.–14 об.) Цветаев называл эту поездку отпуском (см. письмо 628), поскольку совершал ее за свой счет.

624

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5207.

625

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5208.

¹ Зал итальянского Возрождения XVI в. почти полностью был посвящен скульптуре Микеланджело. Эскиз его росписи, предложенный художником К.П.Степановым, был отклонен. Потолок зала, возведенный на распалубках, и люнеты в распалубках остались без живописи.

626

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2409, телеграмма. Адресована в Румянцевский музей.

627

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5209.

¹ За образец для пола в Центральном (Белом) зале Музея был выбран рисунок из цветных мраморов в римской церкви Сан Паоло фуори ле муро (*букв.* Св. Павел

вне городских стен. – *итал.*), крупнейшей (132 м длиной) церкви Рима после собора Св. Петра. Построена в IV в. на месте погребения апостола Павла. Подробнее см. т. 1.

628

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5211.

¹ Подразумеваются Рождественские святки; западное Рождество (25 декабря н.ст.) приходится на 12 декабря ст.ст.

² Александров (в настоящее время Александрув Куявский) – город в Царстве Польском, недалеко от германской границы Российской империи. Находится в 12 км от стоящего на Висле города Торунь, в цветаевское время называвшегося Торн и принадлежавшего Германии.

³ Берлинский почтамт находился в то время недалеко от Старой ратуши – рядом с гостиницей, где Цветаев останавливался в прошлый приезд в Берлин (см. комм. 1 к письму 611).

629

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5213.

¹ В ночь с 19 на 20 декабря 1904 г. на первом этаже Музея, в зале Антиквариума, где было организовано временное хранилище слепков и копий, как принадлежавших ранее Кабинету изящных искусств, так и новых, получаемых из-за границы, произошел пожар. Телеграммы, письма и другие материалы об этом происшествии см. в Приложении II.

² В рукописи здесь оставлен пробел для не разобранного переписчиком слова.

³ Сведений о пожаре на Гусю найти не удалось.

⁴ 20 декабря 1904 г. после многомесячных боев Порт-Артур был сдан японскому командованию. С падением Порт-Артура цель войны – контроль над Маньчжурией, Кореей и портами Порт-Артур и Дальний – была Японией достигнута.

630

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5210.

¹ Текст статьи полностью публикуется в Приложении II. «Русское слово» – газета буржуазно-либерального направления. Выходила в Москве с 1895 по 1917 г. С 1897 г. издавалась И.Д.Сыгиным. Одно из самых распространенных изданий в России.

² *Трепов Дмитрий Федорович* (1855–1906), генерал-майор, начальник московской полиции (обер-полицмейстер) с 1896 г. В начале января 1905 г. переведен на пост петербургского генерал-губернатора. В Москве с января 1905 г. должность обер-полицмейстера была упразднена в связи с созданием градоначальства, обладавшего большими правами и самостоятельностью в отношении городской полиции.

³ *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907), с 1880 по октябрь 1905 г. обер-прокурор Святейшего Синода; в прошлом – один из учителей Александра III, а затем и Николая II. О каком его письме идет речь, не установлено. Возможно, о какой-либо записке Победоносцева на имя Николая II в связи с готовившейся реформой церковного управления и намерением расширения веротерпимости в России. Важной опорой самодержавия Победоносцев считал вероисповедное единство народа и царя. В плюрализме вероисповеданий он видел опасность для самодержавия и потому выступал против реформы. Однако в условиях нарастания массового леворадикального движения 17 апреля 1905 г. император издал указ «Об укреплении начал веротерпимости».

1905

631

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5212.

¹ См. в Приложении II письмо Р.И.Клейна от 28 декабря 1904 г.

632

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5214.

¹ Одна из двух телеграмм, от 3 января 1905 г., принадлежит чиновнику Румянцевского музея А.С.Келлату (текст ее см. в Приложении II).

На Сергиевской (ныне ул. Чайковского), 30, в Петербурге находился особняк Нечаева-Мальцова. Упомянутая поздравительная телеграмма Цветаева нам неизвестна.

² *Пэрк Александр Антонович*, кандидат Юрьевского университета, в 1904 – 1909 гг. сверхштатный ассистент при Музее изящных искусств. Подробнее см. т. 2. Одно из его писем публикуется в Приложении II. Письмо Н.И.Романова неизвестно. О пожаре упоминается в письмах сотрудников Румянцевского музея: В.Т.Георгиевского, А.С.Келлата (см. Приложение II), Ю.В.Готье (ф. 6, оп. I, ед. хр. 630).

³ Сохранился машинописный недатированный «Список предметам, уничтоженным пожаром в зале «Антикварий»» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 208, л. 27–27 об.), дающий представление о масштабах ущерба, нанесенного скульптурному собранию Музея. Из него следует, что погибло 20 ящиков бронзы от Сабатино де Анджелис и 3 ящика бронзы от Вадурси (Неаполь), 14 ящиков с гипсами Пьерновелли и Меркатоли, 13 ящиков с гипсами Мальпери, 1 ящик от Герарди (Рим), 8 ящиков с гипсами Лелли (Флоренция), 3 ящика гипсов от Августа Гербера (Кёльн), 1 ящик гипсов от Крейттмайра (Мюнхен), 3 ящика гипсов из Школы изящных искусств (Париж). Погибли также: 70 ящиков с бюстами, перевезенными из Университета, большинство из них были приобретены на средства А.Д.Мейна; 49 ящиков со слепками с египетских памятников и 8 ящиков со слепками

из Афин, заказанными Нечаевым-Мальцовым во время его поездок в Египет в 1897-м и в Грецию в 1901 г. Всего это составило 193 ящика. Далее из списка следует, что в Музее на хранении оставалось еще около 500 ящиков, кроме того, свыше 100 находилось в Румянцевском музее и около 70 ящиков было задержано на таможне. Таким образом, получалось, что погибло около 1/4 ящиков с экспонатами.

К счастью, позже выяснилось, что гипсы и копии, заказанные Нечаевым-Мальцовым в Афинах, сохранились. То же самое оказалось с бронзами, изготовленными Вадурси. Они стояли в другом помещении. Большинство бронз де Анджелиса потеряли лишь свою патинировку. В горевших ящиках уцелели и отдельные гипсовые статуи (см. письмо 637).

633

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2436, телеграмма.

634

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5218.

¹ Цветаев пишет о событиях Кровавого воскресенья, 9 января 1905 г. К этому дню петербургские заводы и фабрики были охвачены забастовкой, начавшейся еще 3 января и руководимой гапоновским Обществом фабрично-заводских рабочих (организовано осенью 1903 г.). С середины дня 7 января к забастовке присоединились типографские рабочие; газеты не выходили с 8 по 14 января.

² Гапон *Георгий Аполлонович* (1870–1906), священник церкви при петербургской пересыльной тюрьме, агент охраны. Инициатор подачи петербургскими рабочими петиции Николаю II и шествия к Зимнему дворцу, расстрелянного войсками. Справочники указывают цифры в 140 тыс. участников шествия, свыше 1 тыс. погибших, около 2 тыс. раненых.

Хотя участники шествия выступили с иконами и портретами царя, их петиция, ставшая известной властям к вечеру 8 января, содержала требование немедленного созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного и тайного голосования, с целью проведения коренной политической реформы в стране.

Учредительное собрание – представительный орган, созываемый для определения государственного устройства и основных законов страны в случае революции, государственного переворота, гражданской войны. После принятия соответствующих решений Собрание должно самораспуститься и уступить место регулярным органам власти.

Идея Учредительного собрания после 9 января стала широко обсуждаться в обществе и в печати, как это видно и из текста цветаевского письма.

³ Это было ложное сообщение. Однако менее месяца спустя, 4 февраля 1905 г., в 3-м часу дня великий князь Сергей Александрович был убит в Кремле эсером-террористом, бросившим бомбу в его коляску. См. об этом письмо 643.

⁴ «Симплиссимус» – сатирический иллюстрированный еженедельник, издававшийся в Мюнхене в 1896 – 1942 гг. Его название (*лат.* «Простодушнейший») восходит к одноименному роману Ганса Якоба Гриммельсгаузена (1668).

Людовик XVI (1754–1793), французский король. Свергнут народным восстанием в 1792 г., осужден Конвентом и казнен в 1793 г.

⁵ Басня, в которой содержались бы эти слова, неизвестна; согласно многочисленным словарям, они являются народной поговоркой.

⁶ Речь идет о событиях в Париже.

⁷ Подразумевается *Трубецкой Петр Николаевич* (см. о нем комм. 1 к письму 545).

⁸ *Святополк-Мирский Петр Данилович* (1857–1914), князь, генерал-адъютант, государственный деятель. В 1904 г. был назначен министром внутренних дел, 18 января 1905 г. уволен в отставку. Пытался проводить либеральные реформы, однако, когда накануне 9 января к нему явилась депутация профессоров и литераторов с требованием предотвратить кровопролитие, он ее не принял.

⁹ Речь идет о письме Трубецкого Святополку-Мирскому от 15 декабря 1904 г., которое оказалось напечатанным в издававшемся *П.Б. Струве* парижском эмигрантском журнале «Освобождение» (№ 62 от 18 декабря 1904 г.). Характеризуя настроения в тогдашнем российском обществе, Трубецкой писал, что «русский народ толкают в революцию...». В середине декабря 1904 г. он утверждал, что революция уже началась, и повторял известные слова, сказанные Людовику XVI одним из придворных 14 июля 1789 г., в день взятия Бастилии: «То, что ныне происходит, n'est pas emeute, mais une revolution [не мятеж, а революция]».

¹⁰ «Нашей», т.е. Владимирской, губ., где находились нечаево-мальцовские заводы и откуда родом был Цветаев.

¹¹ Цветаев имеет в виду статуи Цереры и императора Нервы (см. т. 2, илл. 61 и 75), а также «Юнону Барберини». См. о них т. 2, письмо 465 и комм. 2 и 3 к нему.

¹² О каких картах идет здесь речь, установить не удалось.

635

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5215.

¹ Речь идет либо о самом комментируемом письме, которое, очевидно, было вложено в посылку, либо о письме к сестрам Нечаева-Мальцова, если подарок предназначался им.

636

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5216.

¹ Хотя Нечаев-Мальцов уже много лет жил в Петербурге, его имя числилось в родословных книгах московского дворянства, и он ежегодно в 20-х числах января принимал участие в дворянском собрании Московской губернии. Как раз 22 января 1905 г. в собрании разгорелись бурные дебаты при обсуждении текста адреса к царю. Сорок процентов участников настаивали на включении в адрес высказываний в пользу созыва Учредительного собрания, но в итоге

большинством была принята противоположная редакция текста: «Ныне ли, в столь тяжелую пору, думать о каком-либо коренном преобразовании государственного строя России?»

Даже ведущие газеты официозного направления отозвались об этом адресе отрицательно.

² Цветаев пишет о-tonированном слепке с алтарного образа работы Андреа делла Роббиа (1487) из монастырской церкви Сан Бернардино делла Оссерванца близ Сиены, именуемой в русской литературе также церковью Поклонения, построена в 1476 г. Изображено Коронование Богоматери; на предelle – Благовещение, Вознесение Богоматери и Поклонение Младенцу. Слепок экспонируется в зале Кватроченто.

637

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5217.

¹ Статуя сидящего Париса с яблоком в руке, римская копия с греческого оригинала IV в. до. н.э., из Галереи статуй античного собрания Ватикана. О других произведениях из музеев Ватикана и Латерана см. т. 2, илл. 85, 77. Упомянутого сфинкса в коллекциях Музея нет.

² *Подгорецкая Александра Григорьевна*, старшая дочь терапевта *Григория Антоновича Захарьина* (1829–1897), член-учредитель Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1. Документы о каких-либо ее пожертвованиях, состоявшихся уже в 1897 г., не сохранились.

³ В Музее проектировались таяльники или снеготаялки – паровое устройство для растапливания снега с крыш. Оборудование их велось еще в 1914 г. (см. ф. 5, оп. I, ед. хр. 95), таким образом, в 1904 г. были сделаны лишь помещения для их устройства. Собственно резервуары для сбора снега должны были находиться в цокольном этаже, к ним вели шахты, выходящие непосредственно на крышу. В здании было четыре снеготаялки, две из которых находились у переднего фасада. Помещение одной из них примыкало к залу Антиквария, где и случился пожар.

638

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2410, автограф на почтовой бумаге «Славянского базара».

¹ Титулование «высокопревосходительство» употреблено, вероятно, в шутку. Оно относилось к чинам 1-го и 2-го классов, Цветаев же имел чин 3-го класса. Нечаев-Мальцов и Цветаев имели обыкновение подтрунивать по поводу чинов друг друга. См., например, письма 375, т. 2, и 551, т. 3.

639

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5219.

¹ Согласно Положению о Комитете по устройству Музея изящных искусств, университетское Правление в полном составе входило в число непременных членов Комитета.

² В протоколе заседания Комитета по устройству Музея 14 февраля 1905 г. указаны сумма убытка, причиненного пожаром коллекциям Музея, – 40 000 руб.; сумма убытка, причиненного зданию, – 16 700 руб. (ф. 2, оп. I, ед. хр. 238, л. 23 об.).

³ Имеется в виду помещение в цокольном этаже в дальнем левом углу здания, выходящем ныне к Музею имени Н.К.Рериха.

640

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2411, автограф на почтовой бумаге «Славянского базара».

641

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5220.

642

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5221.

¹ *Иловайский Сергей Дмитриевич* (1885–1905), сын историка Д.И.Иловайского от второго брака с А.А.Коврайской. Судя по дате рождения, приводимой в литературе, ему было не 23, а 20 лет. Его портрет дает М.И.Цветаева в очерке «Дом у Старого Пимена».

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), историк консервативного направления, публицист. Отец первой жены Цветаева. С 1898 г. действительный член Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1.

² Дом в Трехпрудном переулке, где жил Цветаев с семьей, был приданным его первой жены, Варвары Дмитриевны; внуки Д.И.Иловайского – Валерия и Андрей Цветаевы.

³ Первая жена Иловайского – *Дюрваль Варвара Николаевна* (1837–1877). Два их сына, Дмитрий (р. 1859) и Владимир (р. 1863), умерли в раннем детстве. Девичья фамилия В.Н.Иловайской и даты рождения сыновей установлены Е.Б.Сосниной (см.: *Соснина Е.Б.* Музы Трехпрудного переуллка. Неизвестное о семье Цветаевых в письмах, фотографиях, документах. Москва: Иваново, 2005. С. 21). Дочь, умершая на 32-м году жизни, – *Варвара Дмитриевна* (1858–1890), первая жена Цветаева; дочери-невесты – Надежда (1882–1905) и Ольга (1883–1958).

⁴ *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816–1858), писатель, историк, ученик и преемник Грановского по кафедре всеобщей истории в Московском университете. С 1856 г. жил во Флоренции.

643

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5222.

¹ О копиях дипилонских ваз см. комм. 9 к письму 355 в т. 2.

² Речь идет о ремонтных работах в здании Арсенала в Кремле (1702–1736, арх. М.И.Чоглоков и др.). Великий князь Сергей Александрович был убит в проезде между зданиями Арсенала и Сената.

³ *Раттенок Иван Петрович*, инженер в фирме Г.Листа. Подробнее см. т. 2.

⁴ Николаевский, точнее Малый Николаевский, дворец в Кремле находился недалеко от Спасских ворот, на месте нынешнего здания Администрации Президента РФ. Построен в 1775 г. по проекту М.Ф.Казакова, снесен в 1929 г. В нем проживал в свою бытность великим князем Николай I, и здесь же родился в 1818 г. его сын, Александр II, отец великого князя Сергея Александровича. Место пребывания царской семьи во время приездов в Москву. Великий князь Сергей Александрович с семьей переехал туда из дворца в Нескучном саду в связи с угрозами расправы, поступавшими в анонимных письмах.

⁵ Чудов монастырь в Кремле, один из самых древних в Москве, основан в 1365 г. Находился между Николаевским дворцом и Сенатом. Разрушен в 1929 – 1930 гг.

⁶ Великий князь *Константин Константинович* (1858–1915), поэт, драматург, писавший под псевдонимом К.Р. Президент Академии наук с 1889 г. Двоюродный брат великого князя Сергея Александровича.

⁷ *Евгения Максимилиановна*, принцесса Ольденбургская, урожденная герцогиня Лейхтенбергская (1845–1925), племянница императора Александра II. Подробнее см. т. 1, 2.

⁸ *Некрасов Павел Алексеевич* (1853–1924), попечитель Московского учебного округа в 1898 – 1905 гг. и в начале 1906 г. Математик, профессор, в 1893 – 1898 гг. ректор Московского университета. Член-учредитель и почетный член Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1.

644

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5223.

¹ Высочайшая панихида вечером 8 февраля проходила в Чудовом монастыре в церкви Святителя Алексия. В подклете этой же церкви в дальнейшем была устроена усыпальница великого князя Сергея Александровича.

645

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5224.

¹ *Истомин Владимир Константинович* (1847–1914), управляющий канцелярией московского генерал-губернатора в 1892 – 1902 гг., гофмейстер Высочайшего Двора. Член-учредитель Комитета по устройству Музея. Подробнее см. т. 1.

646

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5225.

¹ По-видимому, речь идет о *Владимире Петровиче Цветаеве* (1877–1928), втором сыне старшего брата Цветаева, Петра Владимировича. (Данные сообщены нам Е.И.Лубянской.)

647

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5226.

¹ Телеграмма сохранилась в бумагах Комитета, вот ее полный текст:

«Гофмейстеру Нечаеву-Мальцову

16.II.1905

Душевно тронута сердечно благодарю Вас и всех подписавшихся за молитвы и слова утешения Дай Бог Вам благополучно окончить славное дело с такою любовью начатое моим дорогим мужем.

Елисавета».

(Ф. 2, оп. I, ед. хр. 238, л. 15.)

² *Дягилев Сергей Павлович* (1872–1929), художественный критик. Один из создателей объединения «Мир искусства», организатор художественных выставок, в частности «Историко-художественной выставки русских портретов», проходившей в марте 1905 г. в залах Таврического дворца. В дальнейшем, с 1908 г. – устроитель музыкальных, преимущественно балетных, Русских сезонов в Париже.

³ *Доу (Дау) Джордж* (1781–1829), английский живописец. В 1819 – 1829 гг. работал в Петербурге.

Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825), русский живописец-портретист.

Имелись в виду следующие произведения: Дж. Доу. Портрет Н.П.Румянцева-Задунайского (1828, РГБ); В.А.Боровиковский. Портрет сподвижника Петра I, гр. А.И.Румянцева (1811, ОР РГБ), а также, вероятно: А.П.Антропов. Портрет гр. М.А.Румянцевой, матери фельдмаршала П.А.Румянцева (1764, ГРМ); Б.Ш.Митуар. Портрет гр. М.А.Румянцевой (современное местонахождение не установлено).

⁴ *Мосолов Николай Семенович* (1847–1914), гравер-офортист и коллекционер западноевропейского искусства, действительный член Академии художеств. Передал в дар, а также завещал Румянцевскому музею свое собрание гравюр и рисунков западноевропейских художников, библиотеку.

Баснин Николай Васильевич (1843–1918), адвокат, собрал значительную коллекцию западноевропейской и русской графики. Баснин и Мосолов избраны почетными членами Румянцевского музея в 1883 – 1885 гг.

⁵ *Николай Михайлович* (1859–1919), великий князь, двоюродный дядя Николая II, генерал-адъютант, историк, председатель Русского исторического общества. В дальнейшем, с февраля 1909 г., почетный попечитель Румянцевского музея.

⁶ Телеграммы великой княгини Елизаветы Федоровны как официальные обращения члена царской семьи полагалось публиковать в газете.

648

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5227.

¹ Заказ слепков с рельефов большого фриза Пергамского алтаря (ок. 180 г. до н.э., Пергамский музей, Берлин), в дополнение к имевшимся ранее в Музее,

Цветаев осуществил в 1904 г. на средства архитектора Ф.О.Шехтеля, еще в 1898 г. заявившего о своем желании подарить Музею эти экспонаты.

² Первая неделя Великого поста в 1905 г. начиналась 28 февраля.

³ Государственный контролер – глава Государственного контроля в ранге министра.

⁴ *Щербатов Николай Сергеевич* (1853–1929), князь. Археолог, чиновник особых поручений при Августейшем председателе Исторического музея. Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1.

⁵ То есть управляющего Московской контрольной палатой ведомства Государственного контроля.

⁶ *Лобко Павел Львович* (1838–1905), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, государственный контролер с 6 декабря 1899 г. Подробнее см. т. 1.

⁷ «Кремль Иловайского. Журнал-газета политическая и литературная» издавалась Д.И.Иловайским в 1897 – 1916 гг. Он же являлся автором статей и распространителем газеты. В среднем в год выходило всего 2 – 3 номера. В двойном номере от 24 февраля 1905 г. Иловайский повторял свои обычные высказывания по важнейшим вопросам российской политики, однако на этот раз, в силу особенностей момента, его газета, против обыкновения, оказалась востребованной довольно значительным числом читателей. Ввиду этого, а также учитывая библиографическую редкость этой газеты, считаем необходимым кратко изложить идейное содержание номера.

Иловайский утверждал, что петербургская администрация ведет, в сущности, антироссийскую политику. Природные богатства (в частности, на Кавказе) отданы иностранным концессиям. «... Лет 25 я тщетно указываю на необходимость покровительства для наиболее культурных отраслей промышленности, особенно для орудий производства, то есть для машин. Но наше Финансовое ведомство, с его анти-национальным направлением, покровительствовало только ситцам да свекловичному сахару; а железо, уголь, машины, корабли, видите ли, дешевле покупать за границей, чем производить дома» (С. 3). Отсюда – причины военных поражений России. «Непонимание связи между государственной обороной и развитием отечественной техники просто поразительно в наших савонниках» (С. 4). Развитые промышленные страны нуждаются в расширении рынков сбыта своих товаров, поэтому ими затеяна борьба за территории в Китае, Маньчжурии и Корее, а Россия напрасно дала втянуть себя в эту борьбу: «Заводско-фабричная промышленность наша так мало развита, что не о завладении чужими рынками мы должны хлопотать, а о завоевании собственного огромного рынка, захваченного иностранцами, преимущественно немцами» (С. 2). В ходе же Русско-японской войны Германия, Англия и другие страны, подтолкнувшие Россию к войне, открыто поддерживают Японию и при этом разжигают антиправительственные движения внутри России, оказывая бастующим финансовую помощь.

По мнению Иловайского, в традиционной формуле «православие, народность, самодержавие» в российской политике последних лет первые два звена сохраняли свое значение лишь количественно, так как в действительности были сделаны опасные для государства уступки иноверцам, инородцам и иноземцам (которые, как считал Иловайский, являются естественными, стихийными противниками единой Российской империи). «Но, увы! – и третья часть, то есть самодержавие, в действительности дробится между 12 – 15 лицами, носящими звания министров, главноуправляющих и т.п.» (С. 1). Политика одного министерства часто противоречит политике другого, при этом министры практически никому неподконтрольны, так как один император, которому они делают личные доклады, не в состоянии все проверить. Поэтому Иловайский призывал, во-первых, ввести, по примеру Германии, должность канцлера, который бы контролировал министров и один докладывал дела императору, а во-вторых, сделать так, чтобы ежегодные отчеты министров проверялись и рецензировались Государственным советом, специально усиленным небольшим числом выборных лиц. При этом Иловайский считал ненужным созыв не только Учредительного собрания, но даже и чисто совещательного Земского собора, а по поводу выборов настойчиво повторял: «созывайте только православных и только из губерний собственно русских» (С. 1), иначе Россия получит подобие австро-венгерского парламента, где представители разных народностей только и занимаются взаимной борьбой.

В тесной связи с таким содержанием номера стояли также две исторические статьи Иловайского, открывающие и замыкающие его: «Историческая справка о Земском соборе на Руси» и «Первые завоевания русских на Амуре и столкновения с Китаем» (последняя статья заканчивалась временем правления царевны Софьи).

⁸ Дом Иловайского находился в Пименовском переулке близ Тверской.

⁹ Цена номера, обозначенная на самой газете, была 10 копеек.

649

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5228.

¹ Православное Палестинское общество создано в 1882 г., основателем и председателем его был великий князь Сергей Александрович, вице-председателем – М.П. Степанов.

² *Уварова Прасковья Сергеевна* (1840–1924), графиня, вдова А.С. Уварова и сестра князя Н.С. Щербатова; археолог и коллекционер, председатель Императорского Московского Археологического общества, выдающийся общественный деятель в области культуры. Член-учредитель Комитета по устройству Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1.

³ Всемирная выставка в Париже 1900 г.

⁴ Указанные здесь назначения не состоялись.

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919), бывший московский губернатор, в январе – октябре 1905 г. – министр внутренних дел.

В мае 1905 г. *Д.Ф.Трепов* был назначен товарищем министра внутренних дел; при этом за ним сохранялась и должность петербургского генерал-губернатора, на которую он был переведен 11 января 1905 г.

Кокотцов Владимир Николаевич (1853–1943), в 1904 – 1905 и 1906 – 1914 гг. – министр финансов (перерыв между его отставкой и вторым назначением продолжался с октября 1905-го по апрель 1906 г.); в 1911 – 1914 гг. – председатель Совета министров.

Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918), с 1903 г. – товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами контр-адмирала великого князя Александра Михайловича. 6 ноября 1905 г. назначен членом Государственно-го совета.

650

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5229.

¹ *Геттнер Максим Карлович* (1848–1924), архитектор, член-техник Строительной комиссии Музея изящных искусств. Подробнее см. т. 1.

² *Преображенский Сергей Иванович*, делопроизводитель Строительной комиссии Музея с конца 1902 г.

³ Речь идет о Надежде Дмитриевне Иловайской.

651

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5230.

¹ Великий князь Сергей Александрович был председателем Московского художественного общества, при котором состояло Училище (Цветаев называет его Школой) живописи, ваяния и зодчества, председателем Комиссии, точнее – Комитета по сооружению в Москве памятника Александру III, почетным членом Императорского Московского Археологического общества, почетным председателем Лицея в память Цесаревича Николая.

² На наш взгляд, написано «23».

³ Цитируемое письмо М.П.Степанова см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 3765.

⁴ *Великий князь Павел Александрович* (1860–1919), в 1898 г. вместе с великим князем Сергеем Александровичем пожертвовал средства на сооружение зала в память своей супруги, великой княгини *Александры Георгиевны Греческой* (1870–1891), посвященной скульптуре Парфенона.

⁵ Комитет по устройству Музея оставался без председателя вплоть до кончины Нечаева-Мальцова и Цветаева осенью 1913 г.

652

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5231.

¹ *Вебер Сергей Федорович*, действительный статский советник.

² *Ланговой Николай Петрович*, действительный статский советник; по образованию инженер-технолог.

³ *Иванов Сергей Валентинович*, действительный статский советник, генерал-контролер департамента гражданской отчетности.

653

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5232.

¹ Понедельник – 14 марта.

² См. об этой фирме т. 1.

654

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5233.

¹ Письмо П.С.Уваровой И.В.Цветаеву от 21 марта 1905 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 4190).

² И.И.Рерберг впоследствии так описывал технологию облицовки лестницы: «Лучшими сортами были мрамора венгерские и греческие; среди последних особенно выделялся зеленый фессалийский мрамор как по красоте, так и по твердости, мы употребляли его для полировки остальных сортов; зеленый мрамор Италии, так называемый вер-антик, тоже был очень красив, но гораздо грубее. По выбранным нами образцам цветных мраморов мы получали их большими кусками и на месте постройки распиливали на тонкие доски. Для полировки мрамора его сначала трут до совершенно гладкой поверхности, затем все выбоины и мелкие трещины заливают шеллаком с мраморной пылью и потом уже трут до получения глянца. При установке облицовки на место доски ставят по маякам на 1,5 – 2 сантиметра от стены, укрепляют медными анкерочками в торец и заливают тощим цементным раствором» ([Воспоминания], ф. 73, оп. I, ед. хр. 1, л. 107. Публикуется впервые).

655

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5234.

656

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5235.

¹ На месте Музея с 1834-го примерно до 1879 г. находилась пересыльная тюрьма. Подробнее см. т. 1, комм. 10 к письму 1.

² Храм Св. Георгия в поселке Гусь-Хрустальный, Ремесленное училище им. И.С.Мальцова во Владимире. Подробнее см. т. 1 и 2.

657

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5236.

¹ Санкт-Блазиен – горный курортный город в Великом герцогстве Баденском недалеко от Фрейбурга (Шварцвальд), на высоте 772 м над уровнем моря.

С начала 1905 г. в туберкулезном санатории Санкт-Блазиена находилась М.А.Цветаева, у которой началось обострение болезни.

² *Модестов Василий Иванович* (1839–1907), филолог, основатель научной этрускологии. С 1898 г. до конца жизни проживал в Риме. Друг и многолетний адресат Цветаева.

³ Лугано – город в Швейцарии, недалеко от итальянской границы, на северном берегу одноименного озера, расположен на высоте 273 м над уровнем моря, известный курорт.

⁴ Имеется в виду Валерия.

⁵ *Брусов Яков Андреевич*, владелец фирмы «Я.А.Брусов. Гранит и гранитные работы», подрядчик на строительстве Музея.

⁶ Имеется в виду популярный в народе праздник Перенесения мощей святителя Николая в Бари (Никола вешний), отмечаемый 9 мая (ст.ст.).

658

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5237.

¹ Выемка земли для террас в Греческом (Классическом) дворике, т.е. углубление пола, производилась в связи с установкой крупногабаритного слепка с юго-восточного угла Парфенона.

² Речь идет о наружной колоннаде (лоджиях) Музея и сводах находящегося под ней коридора (ныне там расположен гардероб).

³ От надписей с именами художников на фасаде в дальнейшем отказались.

⁴ «Корпус латинских надписей» (*лат.*). Цветаев упоминает фундаментальное и наиболее авторитетное издание латинских эпиграфических надписей, т.е. надписей на твердом материале – камнях, керамике, кости, дереве, штукатурке. Этот труд включал в себя все надписи, найденные на территории Римской империи, и начал выходить в 1863 г. по инициативе и под руководством выдающегося немецкого ученого-эпиграфиста Т.Моммзена; издание продолжается до настоящего времени. Ко времени написания письма вышло 15 томов, каждый состоял из нескольких частей. Цветаев упоминает его в связи с тем, что «Корпус» содержал точные прорисовки всех публикуемых надписей и мог дать надежные исторические образцы шрифтов.

⁵ *Пиранези Джованни Баттиста* (1720–1778), итальянский гравер, архитектор. Испытал влияние античного, особенно древнеримского, зодчества, которое было одной из главных тем его офортов. Известность приобрел как создатель «архитектурных фантазий», исполненных в смешанной технике офорта и резцовой гравюры. Цветаев имеет в виду 4-томный увраж Пиранези «Римские древности времен Республики и первых императоров», 1756 г.

659

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5238.

¹ Кружало – дуга из досок, по которой выкладывается каменный свод.

²Музей не предназначался для работы в вечернее время. В здании электрическое освещение предполагалось лишь в жилой части, Аудитории, Читальне, Библиотеке и вестибюле, частично в подвалах, поэтому для улучшения естественного освещения в ряде зал первого этажа и в цокольных помещениях были предусмотрены внутренние окна и межэтажные световые отверстия. Некоторые из них существуют до сих пор, но большинство заделаны в советское время при электрификации всего здания. В послевоенное время иллюминаторы на внешней колоннаде были заложены для утепления помещения гардероба.

³Фотография Нечаева-Мальцова у колонн неизвестна, другую из упомянутых фотографий см.: т. 1, илл. 136.

⁴То есть временно разложены в ближайшем к лестнице помещении.

⁵Раттенок от имени своего патрона.

⁶Имеются в виду два внутренних хозяйственных двора Музея.

⁷Фридрих Август III (1865–1932), последний саксонский король (1904–1918).

660

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 2412, телеграмма в Румянцевский музей.

661

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5239.

¹*Самарина Екатерина Николаевна* (1854–1922), урожденная Рахманова; вдова камергера Николая Федоровича Самарина (1829–1892). Участница художественных выставок. В составленной ею для Музея коллекции копий античной живописи имеются и копии, сделанные другими художниками, в том числе подписные. Ее дом по ул. Петровка, 25, известен в истории архитектуры как «дом М.П.Губина» (1790-е гг., архитектор М.Ф.Казаков); с 1999 г. в нем размещается Московский музей современного искусства.

²Из Лувра были скопированы две орнаментальные фрески из Золотого дома Нерона и «Весна» из Тускулума – женская фигура в венке и с рогом изобилия в руке.

³*Гвергино*, собственно *Джованни Франческо Барбьери* (1591–1666), живописец, один из важнейших представителей болонского академизма.

⁴О копии с какой картины К.П.Брюллова идет речь, установить не удалось.

⁵Предполагаемый зал Антиквария в дальнейшем был отдан под скульптуру Северного Возрождения. Е.Н.Самарина в итоге исполнила маслом на холсте и подарила в Музей копии с античных фресок, которые были развешаны в читальном зале библиотеки МИИ, выстроенном на ее же средства (сейчас – один из экспозиционных залов первого этажа – см. схему в т. 1), и издала брошюру на русском и французском языках: Каталог копий с античных фресок в Музее Александра III в Москве. Составила Е.Н.Самарина /Catalogue des fresques antiques du Musée Alexandre III. Moscou /M., 1911.

⁶«Альдобрандинская свадьба» размером 90×245 см (изображено приготвление к свадебному обряду) – один из наиболее известных образцов античной

стенной живописи. Найдена ок. 1604 – 1606 гг. на Эсквилинском холме в Риме, на месте садов Мецената. Название получила по имени своего первого владельца, кардинала Альдобрандини; с 1818 г. фреска находится в Ватиканской библиотеке.

⁷ Восемь сцен из «Одиссеи» Гомера относятся к тому же периоду рубежа I в. до н.э. и I в. н.э., что и «Альдобрандинская свадьба». Фреска обнаружена в 1848 г. на Эсквиллине, хранится в Ватиканской библиотеке. На ней представлены вообразимые ландшафты с фигурами, переданные с использованием перспективы (Одиссей у лестригонов, Одиссей в царстве мертвых); каждая картина отделена от другой перспективно нарисованным архитектурным обрамлением.

⁸ В Доме Ливии, супруги Августа, сохранилось несколько помещений первого этажа, украшенных фресками, относимыми ко II помпейскому стилю и датируемыми концом I в. до н.э., в том числе фреска «Ио и Аргус», также скопированная для Музея.

Всего в экспозиции Музея находилось 36 копий, некоторые из них были приобретены в Италии, например, фриз с амурами из триклиния дома Веттиев (I в. н.э.). Обзор всей коллекции сделан в книге: *Щербаков Н.* Краткое описание некоторых памятников античной итальянской живописи. М., 1917. Ныне часть копий экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

Помимо копий в собрании Музея имелись и оригиналы, относимые ко II в.: два фрагмента стенной росписи из виллы Адриана в Тиволи, происходящие из коллекции К.К.Гёрца, и фрагмент фрески с цветами.

662

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5240.

¹ *Редин Егор Константинович* (1863–1908), историк искусства, византист, ученик Н.П.Кондакова. С 1893 г. и до конца жизни преподавал в Харьковском университете на кафедре истории искусства, где читал курсы по древневосточному и античному искусству, по истории древнехристианского и византийского искусства, истории археологии. Автор монографии «Мозаики равеннских церквей» (1896) и целого ряда исследований по византийскому и древнерусскому искусству. Известны также его статьи, посвященные русским и зарубежным историкам искусства, археологам, деятелям культуры. В их числе: *Редин Е.К.* Графиня П.С.Уварова. (К двадцатилетию ее председательства в Императорском Московском Археологическом обществе)/Сб. Харьковского историко-филологического общества. Т. XVI. Харьков, 1905.

² Под предупреждением правительства Цветаев, вероятно, понимает решение особого совещания министров и председателей департаментов Государственного совета (март 1905 г.) о закрытии университетов до 1 сентября с оставлением студентов на тех же курсах на следующий год. В случае, если осенью занятия не возобновятся, намеревались уволить весь состав профессоров и студентов. Такие меры были вызваны усилившимися студенческими волнениями в связи

с Русско-японской войной и событиями 9 января 1905 г. Однако в августе главными начальниками ведомств были выработаны «Временные правила» (утверждены 27 августа), устанавливавшие выборность должностных лиц высших учебных заведений (ректоров, деканов), самостоятельное управление внутренней академической жизнью. Осенью занятия в университетах возобновились, но вскоре из-за массовых студенческих беспорядков вновь были прекращены. Увольнения личного состава университетов не последовало. П.С.Уварова надеялась, по-видимому, что и в случае возможного закрытия Московского университета Музей будет функционировать.

¹ Вероятно, имеется в виду Пьетро Коллино, ранее работавший десятником итальянской артели мраморщиков на строительстве Музея. Удине – город в обл. Фриули на крайнем северо-востоке Италии.

² Согласно формулярному списку Цветаева его командировка за границу с ученой целью продолжалась с 1 июня по 1 октября 1905 г.

663

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5241.

¹ Сиенская кафедра исполнена Никколо Пизано вместе с сыном, Джованни, и другими учениками в 1266 – 1269 гг. Слепок заказан не был.

² «Печатные» цены, т.е. опубликованные в каталоге гипсолитейной мастерской, твердо установленные.

³ См. комм. 1 к письму 625.

664

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5241а.

¹ Домовой церковью Румянцевского музея являлся с 1862 г. храм Св. Николая Чудотворца в Старом Ваганькове, который находился на территории музея. Церковь построена в 1531 г., ныне существующая постройка – 1759 г. на подклете XVI в., звонница возведена в 1782 г. В 1812 г. церковь была приписана к Крестовоздвиженскому приходу, к которому в распоряжение перешла и ее земля. После восстановления в 1840-х гг. церкви в качестве самостоятельного храма земля осталась в пользовании Крестовоздвиженского прихода, который считал ее своей собственностью и в 1897 г., несмотря на протесты музея, построил на ней доходный дом. Указывая на закон, по которому каждая церковь должна иметь усадьбную землю для проживания причта, Румянцевский музей намерен был через суд добиваться возвращения церковной земли. Однако Цветаев надеялся все же избежать суда, уладив дело в Синоде. См. об этом подробнее письмо Цветаева обер-прокурору Святейшего Синода А.Д.Оболенскому от февраля 1906 г. (ф. 11, оп. I, ед. хр. 60).

² К.П.Победоносцев с 1901 г. являлся почетным членом Румянцевского музея. Впрочем, надежды на него были напрасны, так как уже в первые месяцы 1905 г., задолго до своей отставки с поста обер-прокурора Синода, произошедшей

в октябре, он фактически уже отошел от дел, разочаровавшись, как он говорил, в возможности бороться с «обезумевшей толпой».

³ Лукьянов *Сергей Михайлович* (1855–1935), товарищ министра народного просвещения. Подробнее о нем см. т. 2.

⁴ «Дорожки» среди полов из террасы в залах сделаны не были. В некоторых залах полы настелены целиком из террасы, в других – целиком из метлаха; на колоннадах по сторонам парадной лестницы и в Белом зале они мраморные.

665

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5242.

¹ Германским антиквариумом Цветаев назвал антикварий в берлинском Старом музее.

² *Кюстхардт Гельфрид* (1862 – до 1928), архитектор, скульптор и картограф. Сохранились его письма, счета и расписки с 1905 по 1910 г.: ф. 2, оп. I, ед. хр. 218. Гальванокпии предметов Гильдесгеймского клада для московского Музея были изготовлены ювелиром *Теодором Блуме* (1822–?) при участии Кюстхардта, оценивавшимся в 20% стоимости работ (см. ф. 2, оп. I, ед. хр. 247), и оплачены в марте 1906 г. членом Комитета И.А.Колесниковым. Заказ выполнен в 1906 – 1907 гг. (Теодор Блуме, согласно справочникам, умер в марте 1905 г., и дело, следовательно, перешло к его наследнику, Германну Блуме (1866–1931), однако все имеющиеся в ОР ГМИИ письма из этой фирмы, в том числе от 1907 г., подписаны «Th.Blume».)

Одно из писем Кюстхардта по поводу Гильдесгеймского клада представляет собой ответ на письмо Цветаева из Санкт-Блазиена, написанное, как сказано у Кюстхардта, «пером Вашей фрейлен дочери», и содержит следующий постскрипtum: «Bitte mich Ihrem Frl. Tochter zu empfehlen [Пожалуйста, кланяйтесь от меня Вашей фрейлен дочери. – Нем.]» (5 сентября (н.ст.) 1905 г. Ф. 2, оп. I, ед. хр. 218, л. 11 об. Публикуется впервые). Вероятно, как раз эта приписка вспоминалась М.И.Цветаевой в ее очерке 1933 г. «Музей Александра III»: «Как сейчас помню “Hildesheimer Silberfund” [“Гильдесгеймский серебряный клад”. – Нем.] и “Professor Freu”. Зато какое сияние гордости, когда в ответном письме за таким-то № в конце приписка: “Grüssen Sie mir Ihr liebenwuerdiges und pflichttreues Töchterlein” [“Передайте от меня привет Вашей милой и добросовестной дочурке”. – Нем.]». Осенью 1905 г. Марине Цветаевой было без малого 13 лет. Профессор «Фрей» (Георг Трей) упомянут в ее очерке по ошибке: отцовских писем к нему ей переводить не приходилось – как уроженцу Петербурга Цветаев писал ему по-русски. См.: Цветаев – Трей.

³ Так называемая колонна Бернварда или «Христианская колонна» (1015–1022) находится в соборе. Она представляет собой подражание Траяновой или Аврелиевой колонне; по ее стволу лентой расположена скульптурная композиция со сценами из жизни Спасителя начиная с Крещения и кончая Входом в

Иерусалим. Колонну увенчивала капитель, служившая основанием для креста. Капитель и крест не сохранились. Высота сохранившейся части 4,7 м.

Бронзовые двери Гильдесгеймского собора (ок. 1015) с изображением ветхозаветных и новозаветных сцен первоначально находились в церкви Санкт-Михаэль, а затем были перенесены в собор. Есть предположение, что колонна и двери изготовлены из бронзы гильдесгеймским епископом Бернвардом (ок. 960–1022), о котором известно, что он занимался литейным и чеканным искусством.

⁴ Кирха Св. Михаила – романская базилика 1010 – 1033 гг., начатая епископом Бернвардом, в которой находится его гробница.

⁵ Крестильная купель (ок. 1220) была пожертвована Гильдесгеймскому собору Вильберном, предположительно каноником в Госларе. Купель покоится на четырех мужских коленопреклоненных фигурах, олицетворяющих райские реки. Главное место на стенке сосуда занимает сцена Крещения Христа, которой выше, на крышке купели, соответствует Пир в доме Симона фарисея, справа от Крещения – Переход израильтян через Иордан, над ним – аллегория Милосердия. Переход иудеев через Красное море сопоставлен с Избиением младенцев. Над Богородицею с предстоящими св. Годехардом и Епифанием и коленопреклоненным донаторм – Моисей и Аарон по сторонам процветшего жезла. В обрамлениях больших рельефов помещены полуфигурные изображения: 4 добродетели, 8 великих пророков и 4 символа евангелистов.

Колонна, двери и купель в копиях находятся в зале искусства Средних веков.

666

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5243.

¹ Остенде – бельгийский город на побережье Ла-Манша, откуда осуществлялась связь с Англией через Дувр.

² Зеркальный зал, или Зеркальная галерея – один из самых обширных и роскошных залов Версальского дворца.

³ См. начало письма 547.

⁴ *Бедекер Карл* (1801–1857), немецкий издатель, наладивший с 1827 г. выпуск путеводителей по разным странам. Утверждение, что отель д'Или числится в путеводителях его фирмы, по-видимому, цветаевский розыгрыш. Во всяком случае, гостиница не упоминается в «бедекерах» по Парижу первых лет XX в.

667

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5244.

¹ В 1880 г. Цветаев был в шестимесячной командировке от Университета для сбора материалов по италийской эпиграфике. См.: Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. И. Цветаева, профессора императорского Московского университета. М., 1883.

² По-видимому, описка Цветаева, в связи с тем, что Петров день по православному церковному календарю называется днем памяти первоверховных апостолов Петра и Павла. Для католического же мира особое значение имеет апостол Петр, преемником которого почитается папа римский, глава Католической церкви.

668

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5245.

¹ Музей изящных искусств в Питтсбурге, созданный в 1895 г.

Карнеги Эндрю (1835–1919), американский сталепромышленник, мультимиллионер, филантроп.

² Портик кариатид – один из трех портиков Эрехтейона, небольшого храма в северной части Акрополя. Роль колонн, поддерживающих кровлю, здесь выполняют шесть скульптурных изображений девушек, так называемых кариатид. О слепке портика для Музея см. также т. 1, письмо 172, комм. 4.

Афинский памятник Лисикрата – архитектурное сооружение цилиндрической формы, являвшееся основанием для бронзового треножника, полученного в качестве приза хором мальчиков на дионисийских празднествах 335 – 334 гг. до н.э. *Лисикрат* – имя хорега, т.е. организатора этого хора. Памятник украшен трехчетвертными коринфскими колоннами и был важен для Цветаева как один из ранних образцов коринфского архитектурного ордера.

669

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5246.

¹ В 1862 г. из коллекции маркиза Кампана в Лувр поступили образцы античной живописи (фрески из Рима и его окрестностей, Остии, Тускулума II – III вв.), древнегреческие и древнеримские эпиграфические памятники, изделия из бронзы и стекла, ювелирные изделия. Другие части коллекции были приобретены Англией, Россией и Бельгией.

² *Кристофль Шарль*, парижский ювелир. Магазины его фирмы находились на Итальянском бульваре, 33, и ул. Руаяль, 12.

³ *Кратёр* – сосуд на ножке, с широкой горловиной и двумя ручками, для смешивания вина с водой; *патера* – широкая плоская чаша без основания или имеющая очень низкое подножие.

Минерва – у древних римлян богиня-покровительница ремесел и искусств; отождествлялась с Афиной, что придало ей черты богини мудрости.

⁴ *По присоединении – зд.:* вследствие присоединения. Королевство Ганноверское, в состав которого входил Гильдесгейм, было присоединено к Пруссии еще до открытия клада, в 1866 г.

⁵ 1 (14) сентября 1905 г. Цветаев уже писал Г.Трею о копии Кюстхардта – Блуме как о безусловно более точной, чем у фирмы «Кристофль и К°» (Цветаев – Трей. С. 230). Ср. написанное в тот же день 1 сентября письмо 682.

⁶ Цветаев подразумевает статуи «Умиряющего раба» и «Восставшего раба» (1513–1516, Париж, Лувр), предназначенные первоначально для гробницы папы Юлия II. Их слепки экспонируются в зале Микеланджело московского Музея.

670

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5247.

¹ В Путеводителе по Музею известный петербургский востоковед Б.А.Тураев, в 1912 – 1914 гг. по приглашению Цветаева занимавшийся первой научной экспозицией Египетского и Азиатского залов, указывал: «Вся стена против окон занята воспроизведениями барельефов из дворца царя Ассурназирпала (885 – 860 до Р.Хр.) (Ашур-назир-аплу), открытого под холмом Нимруд на месте древнего Калаха близ Ниневии (к югу) Лэярдом (Layard) в 1845 г. Оригиналы барельефов хранятся в Британском музее в Nimroud Gallery» (Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Часть I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. Сост.: Б.А.Тураев, В.К.Мальмберг, Н.А.Щербаков. М., 1913. С. 42).

Неясно, указывает ли Цветаев старые, уже утратившие силу, инвентарные номера Ассирийского отдела Британского музея, которые зачастую продолжали воспроизводиться не только в прејскурантах, но и на слепках мастерской Бруччани, или новые (ср. следующее письмо).

² В этом письме Цветаев упоминает в основном античные памятники разных эпох, найденные на территории Малой Азии. В 1859 – 1860 гг. Ч.Т.Ньютон вывез из окрестностей Милета в Британский музей 10 архаических сидящих статуй и две статуи львов. Из них в Музее имелся только слепок фигуры Хареса, приобретенный еще К.К.Герцем в 1881 г. (в настоящее время – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

Памятники греческой культуры из Ликии (страна на юге Малой Азии, находившаяся с VI в. до н.э. под властью персов), относимые ко второй половине V – IV вв. до н.э., были открыты в 1838 г. Ч.Феллоузом. В результате археологических экспедиций 1842 – 1844 гг. наиболее выдающиеся из них перевезены им в Британский музей. Среди них: остатки так называемого памятника Нерейд из Ксанфа (конец V в. до н.э.) – гробницы ликийского правителя, украшенной статуями и скульптурными фризами (слепки – в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева), памятник с Гарпиями (в древнегреческой мифологии персонификации бури, злобные похитительницы детей и человеческих душ, изображались в виде полуженщин-полуптиц), а также гробницы ликийских правителей – Паявы и Мерехи. Для московского Музея были заказаны слепки колонны и двух статуй памятника Нерейд, 4 рельефа памятника с Гарпиями (экспонировались в Греческом дворике) и 16 рельефов с гробницы Паявы.

³ Мраморные скульптурные изображения так называемых Аполлонов, или куросов (юношей), относят к рубежу VII – VI вв. до н.э., т.е. ко времени

греческой архаики. См. их характеристику в лекциях Цветаева, приведенную в т. 1, комм. 3 к письму 230.

⁴ Скульптура храма Аполлона в Бассах (Фигалия), конец V в. до н.э., была представлена в московском Музее четырьмя лентами слепков с фриза (по-прежнему находятся в верхней части стен бывшего зала № VIII; см. план здания в т. 1, илл. 75).

⁵ Из Британского музея были получены слепки с двух скульптур, приписываемых Поликлету (сохранились в мраморных римских копиях) – «Киниск» (ок. 460 – 450 до н.э.) и «Диадумен» (ок. 420 до н.э.). Вместе с «Дорифором» и «Раненой амазонкой» Поликлет был представлен в Музее наиболее известными его произведениями.

⁶ Галикарнасский мавзолей – гробница карийского царя Мавзола, сооруженная в середине – второй половине IV в. до н.э., архитекторы Пифей и Сатир, скульпторы Скопас, Тимофей, Бриаксис, Леохар. Высота мавзолея достигала 60 м. Был сложен из кирпича, облицован белым мрамором и украшен статуями и фризом с изображением битвы греков с амазонками; увенчан скульптурами Мавзола и его жены Артемисии, управляющими квадригой. В древности мавзолей считался одним из семи чудес света. Знаменует собой начало новой эпохи в развитии древнегреческого искусства – проникновения его на Восток и возникновения новых, грековосточных форм. Мавзолей раскопан английским археологом Ч.Т.Ньютоном в 1857 г. Еще ранее, в 1846 г., 12 плит со скульптурным фризом были извлечены С.Кенингом из стены крепости, построенной крестоносцами. В дальнейшем усилиями Ч.Т.Ньютона в Британском музее сосредоточились и другие фрагменты фриза, находившиеся в собраниях Генуи, Константинополя и о. Родоса. В московском Музее были представлены в слепках статуи Мавзола и фрагмент большой конной фигуры (последний в настоящее время не экспонируется), а также 11 плит фриза с амазонахией.

⁷ Из эфесских скульптур в Музее имелся слепок базы колонны храма Артемиды в Эфесе с рельефным изображением Танатоса, Эвридики и Гермеса Психопомпа. Так называемый второй храм Артемиды (архитектор Хейроkrat), сооружался в Эфесе после 356 г. до н.э., когда сгорел старый храм, известный как одно из семи чудес света. Новый храм был построен в форме диптера (с двумя рядами колонн по всему периметру храма) и отделан с большой роскошью. В частности, расположенные по фасадным сторонам колонны имели базы, украшенные рельефной скульптурой.

⁸ Древнеегипетская богиня солнечного жара и войны Сехет (Сохмет) изображалась в виде женщины с головой львицы.

⁹ Мемнон – в древнегреческой мифологии сын богини зари Эос и эфиопского царя, погибший, защищая Троию. Колоссальные полуразрушенные статуи Аменхотепа III (XIV в. до н.э.; в старой западной транскрипции – Аменофиса III) в египетских Фивах, согласно древним писателям, издавали на заре звуки,

похожие на плач, в силу чего их истолковали как изображения Мемнона, плачущего при виде своей матери Эос. Целая коллекция статуй и голов Аменхотепа III из несохранившегося заупокойного храма Аменхотепа III, находившегося позади этих колоссов, хранилась в Британском музее. Какую из них имел в виду Цветаев, точно неизвестно.

¹⁰ Британскому музею принадлежат две колонны: с пальмовой капителью из Бубастиса и колонна из Гераклеополя. Какая имеется в виду, неизвестно.

¹¹ *Ньютон Чарльз Томас* (1816–1894), археолог, британский консул в ряде стран, работал в Британском музее с 1840 г., в 1861 – 1885 гг. хранитель его отделения древностей. В начале 1860-х гг. составил подбор слепков по Древнему миру для Румянцевского музея в Москве.

¹² *Мюррей Александр Стюарт* (1841–1904) археолог, в 1890-е гг. проводил раскопки на Кипре; помощник хранителя отделения древностей Британского музея с 1866 г., хранитель отделения – с 1886 г. до конца жизни. Цветаев, очевидно, подразумевает его книгу «History of Greek Sculpture» (1880–1883).

¹³ *Харкерт-Смит Сесиль* (1859–1944), археолог, работавший в Британском музее с 1879 г., в 1894 – 1896 гг. директор Британской школы в Афинах, в 1904 – 1909 гг. хранитель отделения древностей Британского музея, в дальнейшем – директор музея Виктории и Альберта.

¹⁴ *Половцов Анатолий Викторович* (1849–1905), историк, археограф, музыкальный и общественный деятель; в 1897 – 1905 гг. заведующий Общим архивом Министерства Императорского Двора.

¹⁵ *Грот Константин Яковлевич* (1853–1934), славист, издатель научного и эпистолярного наследия своего отца, Я.К.Грота. В 1905 г. назначен заведующим Общим архивом Министерства Императорского Двора.

¹⁶ *Семёнова Наталия Петровна*, в замужестве Грот.

Семёнов (с 1906 г. Семёнов-Тян-Шанский) *Петр Петрович* (1827–1914), географ, ботаник, статистик и общественный деятель. Принимал деятельное участие в трудах по освобождению крестьян и составлению Положений 19 февраля 1861 г.

Семёнов Николай Петрович (1823–1904), юрист, младший брат П.П.Семёнова-Тян-Шанского, участвовал в работе Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы.

¹⁷ *Грот Яков Карлович* (1812–1893), филолог, с 1858 г. ординарный академик по отделению русского языка, с 1889 г. – вице-президент Петербургской Академии наук. Преподавал русский и немецкий языки, историю и географию великому князю Николаю Александровичу и его брату, будущему императору Александру III.

Грот Константин Карлович (1814–1897), государственный и общественный деятель, младший брат Я.К.Грота. Участник реформ по освобождению крестьян. В 1882 – 1885 гг. главноуправляющий Канцелярией Ведомства учреждений императрицы Марии.

671

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5248.

¹ Стаут – темное пиво, приготовленное с использованием жженого солода с добавлением карамельного солода и жареного ячменя.

² Эль – крепкий горький напиток, похожий на пиво, но приготовленный без добавления хмеля.

³ То есть относящиеся к купеческому сословию.

672

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5249.

¹ Это не было сделано.

² Слепки фриза Парфенона были заказаны Нечаевым-Мальцовым и получены еще в 1900 г.

³ Речь идет об одной из шести кариатид с южного портика Эрехтейона, происходящей из собрания лорда Эджина. Эта статуя была вывезена им из Афин в начале 1800-х гг. вместе с фризом и фронтовыми скульптурами Парфенона. В составе этой коллекции была приобретена для Британского музея (в самом Эрехтейоне в настоящее время вместо отсутствующей кариатиды стоит копия). И хотя для Музея заказывался слепок всего портика, отдельный слепок кариатиды Британского музея важен был из-за ее хорошей сохранности. Слепок установили в Греческом дворике Музея.

⁴ См.: Цветаев – Трей. С. 108–109.

673

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5250.

¹ См. письмо 658, комм. 4.

² *Фабрициус Эрст* (1857–?), историк, ведущий исследователь древнеримских пограничных укреплений (limes) на территории Германии, публикатор пергамских надписей; ординарный профессор Фрейбургского университета в 1888 – 1926 гг.

³ Люстрин – тонкая темная шерстяная или хлопчатобумажная ткань с блеском. Из люстрина шьют главным образом пиджаки.

⁴ Марина и Анастасия Цветаевы находились с осени 1904 г. в пансионе Бринк.

⁵ Слепки со скульптур собора во Фрейбурге так и не поступили в Музей.

674

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5251.

¹ Фельдберг – гора примерно на середине расстояния от Фрейбурга до Санкт-Блазиена, с вершиной 1495 м над уровнем моря.

² Бенедиктинский монастырь в Санкт-Блазиене существует с IX в., церковь перестроена в 1768 – 1781 гг. в стиле барокко. Ротонда – народное название Пантеона в Риме.

³ *Мартинус Герберт фон Хорнау* (1720–1793), немецкий теолог, автор трудов по истории музыки.

675

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5252.

¹ Письмо Армбрустера Цветаеву от 23 июня (н.ст.) 1905 г. см.: ф. 6, оп. I, л. 70. Там же, л. 82 – письмо аналогичного содержания на имя Клейна, датированное 20 июлем (н.ст.) 1905 г.

² Фриз состоял из многих плит, а фигуры фриза располагались без интервалов, поэтому скульптор был вынужден, чтобы замаскировать места стыков, края плит делать неровными и подгонять соответственно контурам фигур (см. илл. 107 в настоящем томе). Это увеличивало габариты плит по сравнению с ранее предполагавшимися.

³ Письмо из Равенны от 11 июля (н.ст.) 1905 г. в фондах ОР ГМИИ не выявлено.

⁴ О копиях мозаик и об упоминаемых далее архитектурных фрагментах из равеннских церквей, заказанных для Музея, см. т. 2, письма 443 и 512, а также письма 540 и 547 в настоящем томе. Слепки с решеток алтарных преград из церквей Сан Витале и Сант Аполлинаре Нуово находятся ныне в экспозиции зала искусства Средних веков и в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

⁵ *Колесников Иван Андреевич*, один из директоров Никольской мануфактуры «М.Ф.Морозова с сыновьями», член-учредитель и казначей Комитета по устройству Музея. Жертвователю, вместе с женой, *Ксенией Федоровной*, на сооружение зала Средних веков. Подробнее см. т. 1, 2.

Орлов-Давыдов Сергей Владимирович (1849–1905), граф, действительный статский советник, камергер Высочайшего Двора, жертвователю на экспонаты Музея. Подробнее о нем см. т. 1.

⁶ Письмо Дмитриева от 4 июля 1905 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 905).

676

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5253.

¹ Диоскуры – в греческой мифологии герои-близнецы, Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды. Кастор, обладавший бессмертием, – укротитель коней, Полидевк (у римлян – Поллукс), смертный человек, известен как кулачный боец. Статуи высотой 5,6 м являются римскими копиями с греческих оригиналов V в. до н.э. и изображают Диоскуров в виде укротителей коней. В конце XVI в. папа римский Сикст V установил эти статуи, найденные в термах Константина, на Квиринальском холме, и холм получил в народе название Монте Кавалло (Лошадиный холм). В запасниках Музея имеется слепок головы одной из этих статуй.

² Имеется в виду лестничный вестибюль Нового музея в Берлине, расписанный не сохранившимися ныне фресками *Вильгельма фон Каульбаха* (1805–1874).

³ *Остен-Сакен Николай Дмитриевич* (1831–1912), граф, российский посол в Германии в 1895 – 1912 гг.

⁴ Кронпринцесса *Цецилия* (1886–1954), 6 июня 1905 г. вышедшая замуж за прусского кронпринца Вильгельма, сына императора Вильгельма II. Ее мать, *Анастасия Михайловна* (1860–1922), дочь великого князя Михаила Николаевича, супруга герцога Фридриха Франца III Мекленбург-Шверинского.

⁵ *Бенедетто да Майано* (1442–1497), итальянский скульптор и архитектор конца Кватроченто.

⁶ *Рузвельт Теодор* (1858–1919), 26-й президент США (1901–1909).

677

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5254.

¹ Письмо Дмитриева от 4 июля 1905 г. (ф. 6, оп. I, ед. хр. 905).

678

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5255.

¹ См. счет Бруччани, ф. 2, оп. I, ед. хр. 98, л. 13. В дальнейшем Цветаев ограничился слепками с ассирийских рельефов лишь IX – VII вв. до н.э.; упомянутая статуя экспонируется в настоящее время в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева; слепок «черного обелиска» не сохранился.

² О каких именно «небольших предметах» идет здесь речь, не установлено.

³ Серапеум – не вполне правильное, но утвердившееся в египтологической литературе название открытого в 1851 г. французским египтологом О.Мариеттом погребального комплекса в Саккара (около Каира), предназначенного для мумий священных быков Аписов. Сооружался начиная с XIX династии и по эллинистический период включительно (XIII – I вв. до н.э.). К входу в это святилище вела аллея из 141 сфинкса. Название «Серапеум» произведено от имени эллинистического божества Сераписа, изображавшегося в человеческом облике; его культ вобрал в себя многие черты более древнего культа Аписа. Слепок заказан не был.

⁴ *Эрман Иоганн Петер Адольф* (1854–1937), профессор Берлинского университета. Под руководством Эрмана был составлен самый полный словарь древнеегипетского языка. Египетским отделом в Берлинских королевских музеях заведовал с 1885 г.

⁵ Находящаяся между лапами Большого сфинкса в Гизе «Стела сна» фараона XVIII династии Тутмоса IV (царствовал ок. 1397 – 1388 до н.э.) рассказывает о том, как сфинкс приснился Тутмосу в его бытность царевичем, велел откопать его из песка и предсказал принцу воцарение в обход старших братьев.

Сети I, фараон XIX династии (ок. 1290 – 1279 до н.э.). Упомянутый рельеф украшает в Карнакском храме Амона наружную сторону северной стены большого гипостильного зала. Оба слепка не были приобретены.

⁶ Письмо Дмитриева от 4 июля 1905 г. хранится: ф. 6, оп. I, ед. хр. 905.

⁷ От живописных фризов на стенах Египетского зала в дальнейшем отка-
зались.

679

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5256.

¹ Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете. Отчет и речь, читанные в годичном собрании Комитета Музея 29 ноября 1904 г. проф. И. Цветаевым. М., 1905.

² Письмо Н.Д.Остен-Сакена Цветаеву от 27 июля 1905 г. хранится: ф. 6, оп. I, ед. хр. 2568.

680

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5257.

¹ Перечисленные письма Р.И.Клейна к Г.Трею, И.И.Рерберга к Цветаеву и Цветаева к Трею не сохранились. В ответ Трей писал Цветаеву 24 августа (н.ст.) 1905 г.:

«Уважаемый и дорогой друг. Дело с Армбрустером я уладил *сразу же* после того, как узнал о нем из письма Клейна. 7 плит, последних, отправлены.

Армбрустер мне ничего не говорил о своих затруднениях. Если бы Вы могли в своей доброй и любезной манере оказать содействие художнику у Нечаева-Мальцова, то сделайте это. Я не хотел бы вмешиваться в дело, так как считаю долгом Армбрустера выполнить свой контракт, даже если он понесет при этом убыток. Наш милый Кюнерт, которому я передам Ваш привет, и в ситуации с Армбрустером вновь показал себя *отлично* и образумил художника». (Перевод Т.Е.Егоровой. Полностью письмо опубликовано.: Цветаев – Трей. С. 225).

681

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5258.

¹ *Gewerbe Museum* – собственно Kunstgewerbe Museum (Художественно-промышленный музей, музей прикладного искусства).

² Речь идет о серебряном ритоне в форме головы бычка с вызолоченными рогами, происходящем из так называемого Микенского клада (микенских гробниц XVI в. до н.э., раскопанных в 1876 г. Г.Шлиманом). Другие предметы этого «клада» в гальванокопиях фирмы Э.Жильерона приобретены для Музея в 1901 г. (см. подробнее т. 1).

³ Цветаев в этот момент еще не знал, что фирма, с которой он вступил в переписку, тиражировала копии Гильдесгеймского клада, сделанные теми самыми Блуме и Кюстхардтом, с которыми он уже завязал отношения ранее.

682

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5259.

¹ Оригинал письма был, очевидно, написан (судя по уже упоминавшемуся письму от того же дня к Трею) на почтовой бумаге мюнхенского отеля «Гасснер». Эта гостиница, находившаяся на привокзальной улице Байерштрассе, числилась в справочниках отелем второго разряда.

² Имеется в виду Баварский Национальный музей в Мюнхене (см. т. 2).

683

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5261.

¹ Цветаев описывает далее собрания венского Музея истории искусств (Художественно-исторического музея), крупнейшего художественного музея Австрии, созданного в 1891 г. на основе коллекций императорского дома Габсбургов.

² Камень – резной камень (гемма) с выпуклым изображением, инталья – с углубленным; использовались в качестве печатей, амулетов и украшений.

³ *Шнейдер Роберт, фон* (1854–1909), директор античного собрания Венского музея в 1899 – 1909 гг. Упомянутое издание: *Album auserlesener Gegenstände der Antiken-Sammlung des Ah. Kaiserhauses*, hrsg. von Schneider. 1895.

⁴ Мраморные рельефы с изображением животных в пейзаже, по более позднему определению – римской работы конца I в. до н.э.

⁵ Статуя школы Поликлета V в. до н.э., найденная в 1502 г. в Каринтии (Австрия).

⁶ Героон из Гельбаши-Трисе в Ликий (Малая Азия), надгробный памятник, ныне датируемый 390 – 380 гг. до н.э. Известен своими рельефами со сценами битвы между греками и троянцами, похищения дочерей Левкиппа Диоскурами, избиения женихов Пенелопы Одиссеем, охоты Мелеагра на Калидонского вепря. Раскопан австрийским археологом О. Бендорфом и немецкими археологами Г. Ниманом и Е. Петерсеном в 1882 г. Этот памятник был включен Цветаевым в Учебный атлас античного ваяния, вып. II «Век Фидия». М., 1891.

⁷ В 1898 г. в Вене был основан Археологический институт с отделением в Афинах. Раскопки малоазийского эллинистического города Эфеса начали проводить с 1896 г. при участии О. Бендорфа.

⁸ «Храм Тезея» сооружен в 1823 г. архитектором П. фон Нобиле в венском Общественном саду для скульптурной группы Кановы «Тезей и Минотавр» (1819). С 1900 г. использовался как музей материалов австрийской экспедиции в Эфесе.

⁹ Церковь Св. Стефана – венский собор, один из лучших готических соборов Европы. Первоначально, в XII в., был выстроен в романском стиле; перестроен в 1304 – 1454 гг., более поздние достройки незначительны.

¹⁰ Имеется в виду готовящийся к открытию Музей изобразительных искусств (Szépművészeti Múzeum) в Будапеште (1900–1906). Подробнее см. т. 1. Доктор *Эрно Каммерер*, первый директор этого музея, предлагал Цветаеву объ-

единить заказ слепков для Будапештского и Московского музеев с целью удешевления расценок. Письмо Э.Каммерера от 10.XI.1904 г. Цветаеву см.: ф. 6, оп. I, ед. хр. 1373.

¹¹ Опасения Цветаева в связи со слабой освещенностью вестибюля были обоснованы. Однако уже на планах 1898 г. в вестибюле Музея показаны четыре окна, выходящие на колоннаду фасада. Освещение, проникающее сквозь эти окна, ослаблено находящимся здесь центральным портиком. Дополнительным источником света в вестибюле служили два высоких проема справа и слева от входа на центральную лестницу (см. план 1-го этажа в т. 1, илл. 74). Через них вестибюль непосредственно сообщался с хорошо освещенными Греческим и Христианским двориками (в послевоенные годы проемы были заложены в связи с устройством в вестибюле двух лестниц в цокольный этаж). Скорее в декоративных целях в центре потолка вестибюля были устроены 4 прямоугольных световых отверстия, выходящие в зал Праксителя на 2-м этаже – этот зал имел дневное освещение через потолочный проем. Стекла, закрывающие эти отверстия, были превращены в витражи и расписаны И.И.Нивинским изображениями священной процессии бога Амона.

¹² Вестибюль был все же оформлен «в египетском стиле колоннами с капителями в виде раскрытых чашечек папируса и росписью на плафоне и карнизе, частью воспроизводящей орнаменты из гробниц времени Нового царства (плафон) и пирамид в Саккаре (карнизы), частью заимствованной из декоративных мотивов другого происхождения – в середине потолка помещены, вместо орнамента, рисунки передней части священной процессионной барки бога Амона Фиванского, заимствованные из изображений в храме в Курна. Дверь, ведущая в египетский зал, также сооружена в египетском стиле; на ее карнизе помещено изображение крылатого солнечного диска, символа бога солнца Гора в Эдфу, обычно осеняющее входы в священные помещения» (цитируем слова Б.А.Тураева из кн.: Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. С. 7–8).

¹³ Фессейон (Тесейон, ныне определяется как храм Гефеста, Гефестион), дорический храм на рыночной площади в Афинах (между 440 и 430 гг. до н.э.), наиболее сохранившийся памятник эпохи Перикла. Его архитектурные формы были представлены в Греческом дворике московского Музея: верхняя галерея дворика оформлена наподобие портика этого храма, однако шестиколонный портик превращен в четырехколонный, крайние колонны заменены четырехугольными столбами. См. т. 1, илл. 92, 93.

684

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5262.

¹ Апоксимомен – атлет, счищающий с тела песок при помощи стригиля. Стригиль – в античности серповидный скребок для очищения тела от пота и грязи,

для чего кожа предварительно смазывалась маслом. Статуя из Эфеса относится к середине IV в. до н.э. и считается произведением пелопонесского скульптора Дедала (Дейдалос). Восстановлена из многочисленных обломков.

² Оговорка Цветаева – храм носил название «храма Тезея».

³ 9 сентября ст.ст., на другой день после Рождества Богородицы, празднуется память ее родителей, Иоакима и Анны.

685

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5260.

¹ Волочиск – местечко в Волынской губернии Староконстантиновского уезда на границе с Австро-Венгрией. На волочисской ветви Юго-Западных железных дорог находились таможня и пограничный пропускной пункт.

² Херсонес Таврический – античный город на юго-западном побережье Крымского полуострова в районе Севастополя, основанный в середине V в. до н.э. греками – выходцами из Гераклеи Понтийской.

³ Систематические раскопки Херсонеса Таврического с 1888 г. вел *Косцюшко-Валожиниц Карл Казимирович* (1847–1907). Под его руководством было раскопано около трети древнего города. Лучшие находки отправлялись через Археологическую комиссию в Эрмитаж, а на месте раскопок был устроен археологический музей, носивший название «Склад местных древностей».

⁴ *Сабуров Петр Александрович* (1835–1918), дипломат, государственный деятель. В 1870 – 1879 гг., во время пребывания в Греции, собрал коллекцию античных древностей – танагрские статуэтки, керамика, фрески, мозаики, – часть которой затем продал Берлинским королевским музеям. Оставшееся, включая самое ценное – танагрские скульптурки, в 1884 г. продал в Эрмитаж.

⁵ Императорская Археологическая комиссия получила в свое ведение херсонесские раскопки в 1888 г.

⁶ Большой Кремлевский дворец построен в 1838 – 1849 гг. группой архитекторов под руководством К.А. Тона; в наружной отделке здания использованы мотивы Теремного дворца. Служил резиденцией российских императоров и их семей во время пребывания в Москве.

⁷ Просьба выражена Цветаевым в письме к Трею от 1 (14) сентября 1905 г. Кюнерт сумел выполнить ее лишь к 12 (25) февраля 1906 г. См.: Цветаев – Трей. С. 230 и комм. 5 на с. 231. Данных о наличии в московской экспозиции 1912 г. витрин какой-либо сложной формы не имеется.

⁸ Речь идет о Софье Степановне Нечаевой: 17 сентября (ст.ст.) – день памяти мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

686

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5263.

¹ *Эрлангер Антон Максимович* (ок. 1839/40 – ок. 1910/12), инженер, глава мельнично-строительного и торгово-промышленного товарищества «Антон Эрланг»

гер и К^о» (Москва). В 1893 г. Антон Эрлангер купил у братьев князей Дондуковых-Корсаковых Михаила и Николая Александровичей большой участок земли на западном склоне холма Дарсан в Ялте, разбив там парк. В нем высажено около 100 пород деревьев, среди которых имеются реликтовые. Парк Эрлангера находится в центре нынешней Ялты, в 10 – 15 минутах ходьбы от набережной, в нем размещаются пансионаты и дома творчества.

² *Шульц Иван Юльевич* (1842–?), член-учредитель Комитета по устройству Музея и казначей Комитета в 1898 – 1899 гг. См. подробнее т. 1.

³ Копия одного из канделябров Бернварда из гильдесгеймской церкви Св. Магдалины экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева.

⁴ Письмо Трея от 29 сентября (н.ст.) 1905 г. сохранилось, опубликовано: Цветаев – Трей. С. 232.

⁵ Посещение великой княгиней строящегося Музея состоялось (см. письмо 689), но дата его нам неизвестна.

⁶ *Вебер Фридрих Данилович*, врач-климатолог и организатор горных экскурсий.

⁷ *Гирш Густав Иванович* (1829–1907), с 1883 г. – лейб-хирург.

687

Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5264.

¹ С 7 – 8 октября 1905 г. бастовали рабочие и служащие всех ведущих в Москву железных дорог, кроме Николаевской (Петербург – Москва), которая присоединилась к стачке 10 октября. В тот же день впервые в мировой истории была объявлена всеобщая политическая забастовка, постепенно охватившая большую часть Российской империи. Во многих городах и, в частности, в Москве, не работали бойни, водопровод и даже аптеки; не выходило большинство газет.

Забастовка вынудила императора согласиться на значительные либеральные реформы, объявленные Манифестом от 17 октября 1905 г., и постепенно прекратилась около 22 октября. Вместе с тем начиная с 14 октября стали появляться толпы противников забастовки, действия которых вылились не только в столкновения с ее сторонниками, но и (особенно после 17 октября) в массовые погромы нерусского населения, произошедшие в ряде городов империи.

² Имеется в виду член Государственного совета князь *Хилков Михаил Иванович* (1834–1909), министр путей сообщения в 1895 – 1905 гг., прибывший в Москву из Петербурга 8 октября для переговоров с бастующими железнодорожниками и несколько дней не имевший возможности выехать обратно, пока сам не занял место машиниста паровоза. (За свою жизнь князь Хилков лично освоил все железнодорожные профессии, в том числе был в 1860-е гг. простым рабочим в Америке и Англии.)

³ То есть залов, предназначенных для заседаний Советов университетов.

⁴ Участие посторонних лиц в университетских студенческих сходках имело место и в прежние годы (см., например, т. 1, Приложение I, 3). Но в 1905 г.

учебные аудитории в явочном порядке были превращены в залы для неуниверситетских нелегальных митингов. 20 сентября новый ректор Московского университета, *Сергей Николаевич Трубецкой* (1862–1905), избранный на эту должность в соответствии с законом об автономии высших учебных заведений от 27 августа 1905 г., был вынужден закрыть университет. В ближайшие дни Трубецкой отправился в Петербург, чтобы добиваться закона о свободе митингов и собраний, который освободил бы от них учебные заведения, но во время этой поездки, 29 сентября 1905 г., он скончался от сердечного приступа. На его место 10 октября был избран *Александр Аполлонович Мануйлов* (1861–1929). Объявление гражданских свобод царским Манифестом от 17 октября 1905 г. способствовало перемещению политических митингов и собраний из учебных заведений в другие общественные здания; угроза для Музея, которой боялся Цветаев, отпала.

⁵ Об изготовлении в конце 1905-го или в 1906 г. металлических дверей для Музея сведений не имеется.

688

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5265.

¹ Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» обнародован 17 октября 1905 г. Населению даровались гражданские свободы, Государственной Думе, учрежденной Манифестом от 6 августа, этим новым Манифестом были приданы законодательные права. Однако император сохранял за собой право роспуска Думы и наложения вето на ее решения (см. также комм. 5 к письму 689).

² Речь идет о парковом и архитектурном ансамбле восточной части города. Название происходит от имени владельца этой территории, государственного деятеля, вице-адмирала графа *Николая Семеновича Мордвинова* (1754–1845), которым и был заложен парк, с 1870 г. ставший доступным для всеобщего посещения.

³ Кто из князей Шаховских находился в Ялте в октябре 1905 г., неизвестно. О каком из членов московского банкирского дома Джамгаровых: Николае, Александре или Афанасии Исаковичах или о Степане Николаевиче – идет речь, установить также не удалось.

⁴ По-видимому, подразумевается здание Ялтинской городской думы.

⁵ Цветаев имеет в виду начало Манифеста: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная – его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей».

⁶ Проект Манифеста был подготовлен С.Ю.Витте.

⁷ Имеется в виду так называемая безобразовская клика – группировка лиц в России 1898 – 1905 гг., имевшая целью создание акционерного общества для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Ее лидерами были

статс-секретарь *Александр Михайлович Безобразов* (1855–1931), великий князь Александр Михайлович, В.К.Плеве и другие. Их частные интересы прикрывались политическими интересами России, в связи с чем на территорию, предоставленную Кореей концессионерам, тайно вводились русские войска. Это вызвало протесты других держав и явилось одним из поводов к войне.

⁸ Подразумевается произошедшая в Петербурге 11 октября 1905 г. встреча Витте с делегацией съезда железнодорожников, предъявивших ему как главе Комитета министров требования забастовщиков.

689

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5266.

¹ Ника Самофракийская была помещена в Эллинистическом зале.

² Внутренний двор средневекового флорентийского дворца-крепости Барджелло (1255–1261) воспроизведен в основных чертах и в несколько уменьшенном масштабе в архитектурно-пространственном решении Итальянского (или Христианского) дворика Музея.

³ Воздуховод калорифера, выведенный в центр Дворика, имеет деревянное ограждение, воспроизводящее каменную балюстраду колодца в палатце Барджелло.

⁴ Останки великого князя Сергея Александровича из Благовещенской церкви Чудова монастыря были перенесены в подклет церкви Святителя Алексия, где был устроен придел, освященный во имя преп. Сергия Радонежского, с усыпальницей великого князя, оформленной архитектором Р.И.Клейном и П.В.Жуковским, иконы для иконостаса написаны К.П.Степановым (1906).

⁵ В России идея Учредительного собрания носила не только политический, но и социально-философский смысл и была связана с надеждами на развитие начал представительной демократии в стране. Большую популярность идея Собрания пользовалась во время первой русской революции 1905 – 1907 гг. Однако Витте (с 19 октября 1905 г. до 22 апреля 1906 г. – Председатель Совета министров) считал, что созыв Учредительного собрания, получавшего право на изменение Основных законов Российской империи, лишал законодательной опоры русскую монархию и мог повлечь за собой неуправляемые процессы в стране. В частности, именно Основные государственные законы предоставляли царю право на абсолютное вето в отношении решений Государственной Думы.

690

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5267.

¹ Речь идет о забастовке рабочих, занятых на строительстве Музея у Георга Листа.

Обстановка обострялась и в Румянцевском музее. К примеру, неделю спустя И.В.Дмитриев прислал Цветаеву следующее письмо, которое публикуем как характерный документ этого времени:

«Ноября 20 дня 1905 г.

Глубокоуважаемый Иван Владимирович,
простите меня, пожалуйста, что я забыл прислать Вам вчера книги.

Придя после занятий в Музеях домой, я встретил у себя на квартире моего писаря, который заявил мне, что он должен переговорить со мною. После чего он предъявил мне ряд требований: а именно, жалованья в месяц 25 рублей, готовый стол и комнату – в противном случае он жить у меня не может. Если же я ему не дам комнаты, то я должен платить ему 35 рублей. Он может остаться у меня и на 25 рублях без квартиры и стола, если занятия у меня будут от 11 ч. утра до 4 ч. дня.

Я заметил ему, что я сам, служа в Музеях почти 8 лет, получаю 28 рублей жалованья, а в Музее императора Александра III получаю 25 руб. Из каких же доходов я могу давать жалованья писарю 25 руб.?

Я советовал ему терпеть и больше работать, только трудом и терпением мы можем достигнуть лучшее, но не насилем. Но он не послушал и сказал, что Союз конторщиков требует улучшения рабочего люда. Тогда я рассчитал его и послал к Союзу за помощью, может быть, Союз положит ему такое жалованье.

Обиднее всего то, что он оборвал мою работу в самом разгаре. Сейчас мне надо изготовить отчеты за целый год, <... > и видно, он воспользовался этим случаем и оставил меня одного с целой грудой бумаг, которые мне приходится переделывать самому. Но, Бог даст, справлюсь и я один – работы не боюсь, а люблю ее.

Вчера забастовали дворники. Приходили к нашим дворникам в музей, но я вовремя предостерег наших служащих дворников, и те с появлением забастовщиков объявили им, что они не дворники, а нижние служители музеев, что они всем довольны и присоединиться к забастовщикам не могут. Тем дело и кончилось.

У нас все благополучно. Вчера я получил бычачью голову [по-видимому, речь о гальваноконии микенского ритона]. Она очень красиво сделана. Я ее поставил у Вас в кабинете.

Я узнал, что у Вас сняли Илью [дворник Цветаевых в Трехпрудном пер.], а поэтому посылаю к Вам Жиркина. Оставьте его, пожалуйста, у себя, он может прислужить Вам.

Вам преданный слуга

Ив. Дмитриев».

(Ф. 6, оп. I, ед. хр. 915. Публикуется впервые.)

² Здание музея Центрального училища технического рисования барона А.Л.Штигица построено в 1885 – 1896 гг. по проекту и под руководством архитектора М.Е.Месмахера в стиле итальянского Возрождения. В оформлении вестибюля и парадной лестницы был использован мрамор. Подробнее о музее см. т. 1.

³ В основном слепки заказывались не со всей статуи, а лишь с ее верхней части. Так, со статуй св. Иосифа и служанки Девы Марии (ок. 1245–1255) из группы «Сретение» с западного портала собора Богоматери в Реймсе были исполнены бюсты. Кроме того, в экспозиции зала Средних веков были представлены головы ангелов, в том числе «улыбающийся ангел», а также слепки со скульптур и элементов декоративного убранства из интерьера собора: головы пророков и фрагмент лиственного орнамента (ок. 1245–1260). Статуя Иоакима (XIII в.) была воспроизведена полностью и вместе с нишей, в которой она находится (ныне экспонируется в Учебном художественном музее им. И.В.Цветаева).

⁴ По-видимому, сестры Нечаева-Мальцова приехали в Москву вместе с ним.

691

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5268.

¹ О ком именно пишет Цветаев, установить не удалось.

² Имеется в виду Ремесленное училище им. И.С.Мальцова.

692

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5269.

¹ Точные суммы, выплаченные Нечаевым-Мальцовым за строительные работы по Музею начиная с середины 1904 г., установить не удастся. Не все документы Строительной комиссии сохранились, а в протоколах суммы расходов указываются без упоминания источников оплаты.

² Приводим данные из официального университетского отчета о состоянии здания к концу 1905 г.:

«Состояние работ по постройке здания Музея изящных искусств имени Императора Александра III к 15 ноября 1905 года.

Наружные работы.

В текущем году совершенно закончены работы по облицовке мрамором фасадов переднего и боковых, оштукатурены под мрамор задние фасады и окончены перекрытия всех помещений железными стропилами.

Все части крыши, прилегающие к мрамору облицовки, выполнены из красной меди, а колоннады переднего фасада покрыты медной черепицей.

Во всех окнах поставлены железные переплеты и сделано временное остекление, дающее полную возможность производить отопление здания в течение зимнего времени. К остающимся наружным работам следует отнести: устройство наружной гранитной лестницы перед портиком переднего фасада и таких же двух крылец по заднему фасаду, снятие земли и планировка всего незастроенного участка, устройство тротуаров вокруг всего здания и разбивка сквера по переднему фасаду с обноской его гранитным парапетом.

Внутренние работы.

Работы по оштукатурке зал Музея в текущем году сильно продвинулись, и в настоящее время закончена штукатурка стен и потолков 12 зал 1-го этажа и 8 зал 2-го этажа и производятся работы по оштукатурке Римского зала и двух больших помещений Греческого и Христианского дворики с прилегающими к ним галереями. Мраморные работы сосредоточены на главной лестнице Музея, где уже произведена облицовка стен и уложены мраморные ступени трех широких маршей лестницы. Мозаичные полы из цветных мраморных осколков (терраццо) закончены в 11 больших залах, что составляет третью часть общей площади полов 1-го и 2-го этажей.

Работы, предполагаемые к производству в здании
Музея изящных искусств

имени Императора Александра III на строительный сезон 1906 года.

В виду отпущенных с Высочайшего соизволения Министерством народного просвещения средств в 11 200 рублей на отопление здания Музея работы по оштукатурке помещений Музея будут продолжаться и в зимнее время, что также относится и до мраморных работ на парадной лестнице.

В предстоящем 1906 году работы по существующим контрактам будут производиться пропорционально тем средствам, которые по примеру последнего года могут быть отпущены в распоряжение Строительной комиссии.

(Отчет Императорского Московского университета за 1905 год. М., 1906. С. 161–162.)

693

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5270.

¹ События, описываемые в этом и двух следующих письмах, относятся к Декабрьскому вооруженному восстанию, которое происходило в Москве 7 – 18 декабря и являлось кульминационным эпизодом революции 1905 г. К 19 декабря восстание было подавлено правительственными войсками.

694

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5271.

¹ В этот день Цветаевым на обороте одного из счетов за экспонаты сделана запись с указанием имени жертвователя, с которого следует получить деньги для оплаты, и с пометой: «На случай моей смерти» (ф. 2, оп. I, ед. хр. 247, л. 13 об. Публикуется впервые).

695

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5272.

¹ Руководители восстания рекомендовали боевикам партизанскую тактику рассыпного боя: сделав несколько выстрелов или залп, тотчас уходить дворами и совершать новую вылазку в другом месте. Баррикады при этом нужны были не как укрепление, а как прикрытие, за которым не видно перемещений

людей, и как механическое и психологическое препятствие для продвижения войск.

² То есть с Валерией Цветаевой. См. ее описание этого дня: *Цветаева В.И.* Записки. Ч. III (ф. 6, оп. VI, ед. хр. 66, л. 138).

³ Сведений о том, которая из племянниц Цветаева жила в это время в доме в Трехпрудном переулке, найти не удалось. Судя по «Воспоминаниям» А.И.Цветаевой, в дальнейшем там проживали и Людмила Ивановна Добротворская, и Александра Петровна Цветаева (в замужестве Ручковская, 1887–1972). По мнению Е.И.Лубяниковой, здесь не исключена описка переписчика: «племянница» вместо «племянник», так как известно, что, по крайней мере, весной 1904 г. в цветаевском доме проживал Александр Иванович Добротворский (1883–1945), студент-естественник.

⁴ Собачья площадка – ныне не существующая улица недалеко от Арбата, между Серебряным и Большим Николо-Песковским переулками. Кто из родственников Цветаевых там проживал в 1905 г., установить не удалось. Благодарим Е.И.Лубяникову за подробную справку о родственниках Цветаева.

⁵ Казенная палата – орган Министерства финансов, ведала сбором налогов, государственными имуществами, винными откупам. Московское присутствие Казенной палаты располагалось на углу Воздвиженки и Ваганьковского (ныне – Староваганьковского) переулка, в усадьбе екатерининских времен, в настоящее время занимаемой Государственным научно-исследовательским музеем архитектуры им. А.В.Щусева. Вход в Румянцевский музей был также с Ваганьковского переулка.

⁶ Газета «Борьба» – ежедневная большевистская легальная газета, выходила в Москве в ноябре – декабре 1905 г.

⁷ Рожков Николай Александрович (1868–1927), историк и политический деятель, окончил историко-филологический факультет Московского университета, участвовал в студенческом движении. В 1898 – 1906 гг. приват-доцент Московского университета. Преподавал в Московской практической академии коммерческих наук. В 1905 – 1906 гг. член Московского, а в 1906 – 1907 гг. – Петербургского комитета большевиков, сотрудник ряда большевистских изданий. Автор работ по истории России в социологическом аспекте.

⁸ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Магистерская диссертация Покровского защищена не была по политическим причинам. В 1891 – 1905 гг. работал в учебных заведениях и просветительских организациях Москвы, в частности, преподавал на женских Московских педагогических курсах. В дальнейшем – советский государственный, общественный и партийный деятель, историк-марксист, академик АН СССР (1929).

⁹ Козлов Александр Александрович (1837–1924), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1881 – 1882 гг. – московский обер-полицеймейстер; 14 апреля – 15 июля 1905 г. – московский генерал-губернатор.

¹⁰ *Дурново Петр Николаевич* (1845–1915), сенатор, член Государственного совета. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. – министр внутренних дел.

696

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5273.

¹ Накануне написания этого письма Московское вооруженное восстание было подавлено; революционеры еще какое-то время держались на Московско-Казанской железной дороге. Но железная дорога из Петербурга в Москву с самого начала не участвовала в декабрьских революционных событиях, так как была занята верными правительству войсками. Однако попытки диверсий на ней действительно были.

² Речь идет о необходимости погасить задолженность Комитета транспортной конторе Кузницкого.

³ Чин 4-го класса, приравненный к генеральскому.

697

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 5274.

¹ То есть из дома С.Д.Мейн (см. комм. 1 к письму 534).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

[ПОСЕЩЕНИЕ СТРОЯЩЕГОСЯ МУЗЕЯ ИЗЯЧНЫХ ИСКУССТВ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ]

Вчера Его Императорское Высочество Августейший московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович изволил осматривать строящийся Музей изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете.

Ко времени прибытия Его Высочества в Музей собрались: товарищ Августейшего Председателя Комитета по сооружению Музея гофмейстер Высочайшего Двора Ю.С.Нечаев-Мальцов, ректор Московского университета А.А.Тихомиров, московский обер-полицмейстер Свиты Его Величества генерал-майор Д.Ф.Трепов, строитель Музея архитектор Р.И.Клейн, состоящий при Его Императорском Высочестве Великом Князе Сергее Александровиче капитан В.Ф.Джунковский¹ и помощник секретаря [помощник строителя] инженер И.И.Рерберг.

Его Высочество прибыл ровно в 2½ часа пополудни и направился к переднему фасаду, где производился подъем части мраморной колонны. Затем Великий Князь в другом пункте наблюдал постановку капители ионической колонны. Далее Его Высочество проследовал во внутренние помещения Музея и, обойдя часть первого этажа, поднялся по гранитной лестнице во второй этаж.

В зале «Возрождения» были выставлены: акварельные рисунки римских катакомб работы художника Реймана, недавно присланные в Музей копии равнинских мозаик из храма и греческие фрески, написанные художником Степановым из мотивов греческой вазовой живописи для украшения мраморной клетки лестницы.

Его Высочество, осмотрев эти предметы, проследовал в зал «Средние века», где помещены мозаичные картины, предназначавшиеся первоначально для венецианского храма Св. Марка, но, благодаря счастливой случайности, приобретенные Ю.С.Нечаевым-Мальцовым для Музея. Великий Князь обратил особенное внимание на эти в высшей степени ценные в художественном отношении предметы.

Далее Его Высочество обошел еще не оштукатуренные залы – «Римский», «Венеры Милосской», «Праксителя», «Парфенона», «Олимпии» и др. Зал «Олимпии» замыкает кольцо Музея и выводит на верхнюю площадку парадной лест-

ницы, с которой открывается вид на анфиладу монолитов из красного венгерского мрамора.

На лестнице Его Высочество обратил внимание на различные сорта мрамора, которыми предполагается отделать стены лестницы.

С лестницы ведет вход в Центральный зал, где предполагено поставить статую Императора Александра III. Его Высочество проследовал в этот зал и осмотрел установленные здесь колонны из белого искусственного мрамора, поддерживающие хоры вокруг всего зала.

Поднявшись на хоры и осмотрев их, Великий Князь проследовал на верхнюю часть перекрытия, откуда любовался открывающеюся с этого возвышенного пункта чудною панорамой Москвы.

Затем Августейший Председатель Комитета по сооружению Музея спустился в нижний этаж и осмотрел расположенные здесь залы.

Во все время осмотра Его Высочеством здания Музея объяснения Августейшему посетителю давали Ю.С.Нечаев-Мальцов и строитель Музея архитектор Р.И.Клейн.

Из Музея Его Высочество проследовал в строительную контору, где осматривал рисунки сооружаемого музейного здания и милостиво беседовал с окружающими его лицами.

Перед отъездом Великий Князь Сергей Александрович выразил Ю.С.Нечаеву-Мальцову благодарность за заботы и труды на пользу Музея. Его Высочество, прощаясь, также благодарил и строителя Р.И.Клейна.

Московские ведомости. 1904. 15 июля. № 193. С. 3. Без заголовка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Джунковский Владимир Федорович* (1865–1938), в дальнейшем губернатор Москвы (1905–1913), в 1913 – 1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. В 1912 г. присутствовал на открытии Музея и описал его в своих «Воспоминаниях».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОЖАР В МУЗЕЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ. ДНЕВНИК ПРОИСШЕСТВИЯ*

1. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

20 декабря 1904, Москва

gorit [горит] musee alexandre 3**

dmitrieff [дмитриев]

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 881.

Телеграмма. Получена во Фрейбурге
в 1 час 50 мин. местного времени.

Пометка рукой Цветаева:

«№ 1. Пожар Музея А. III. (1904 г.)»

2. А.С.КЕЛЛАТ¹ и Ю.В.ГОТЬЕ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

20 декабря 1904, Москва

encendu musee alexandre trois calme votre presence inutile si besoin est recevez
telegramme

kellat gautier ***

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1439.

Телеграмма. Получена во Фрейбурге
в 3 час. 20 мин. местного времени.

3. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

20 декабря 1904, Москва

pogear okontschen sgorelo malo uspokoitets [пожар окончен сгорело мало успокойтесь]

dmitrieff [дмитриев]

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 882.

Телеграмма. Получена во Фрейбурге
в 8 час. 55 мин. местного времени.

Пометка рукой Цветаева:

«№ 2. Пожар Музея А. III.»

*Все опубликованные ниже письма и документы, за исключением специально оговоренных, хранятся в ОР ГМИИ.

**...Музей Александра III (*фр.*).

*** Пожар Музея Александра Третьего утих Ваше присутствие бесполезно случае необходимости получите телеграмму. Келлат Готье (*фр.*).

4. Р.И.КЛЕЙН и И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

20 декабря 1904, Москва

sonntag nachts entstand im museum antiquarium feuer doch er loescht bronzen
beschaelegt gipsabguesse verbrannt fassade beschaeidigt

klein dmitrieff*

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1496.

Телеграмма. Получена во Фрейбурге
в 9 час. 33 мин. местного времени.

Пометка рукой Цветаева:
«№ 3. Пожар Музея А. III.»

5. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

20 декабря 1904, Фрейбург в Брейсгау

Hoechst bestuerzt unbegreiflich wodurch entstanden

Zvetaeff**

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 231.

Телеграмма. Получена в Москве в 12 час. 33 мин.

6. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

20 декабря 1904, Москва

museum alexandre 3*** sgoreli iachiki antiquari ne bespokoites vse kontscheno
[сгорели ящики антиквариан не беспокойтесь все кончено]

dmitrieff [дмитриев]

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 884.

Телеграмма. Получена во Фрейбурге
в 12 час. 09 мин. местного времени.

Пометка рукой Цветаева:
«Пожар Музея А. III.»

7. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

Freiburg i / Br. Marienstr. 2****. 2 января 1905 г. (н.ст.)

20 декабря 1904, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович.

Какое несчастное начало нового года постигло меня тут! Вчера обе наши девочки явились с прогулки на высокую гору окровавленными: их дура-воспитательница повела на гору, когда под ногами был лед, они, спускаясь по крутой дорожке, упали одна на другую, причем младшая разбила себе нос до хряща, а старшая сорвала кожу на колене. День был холодный и ветреный; жена, не

* Воскресенье ночью произошел пожар в музейном антиквариане но он погашен повреждены бронзы сгорели гипсовые слепки поврежден фасад. Клейн Дмитриев (нем.).

** Крайне ошеломлен непостижимо как это случилось Цветаев (нем.).

*** Музей Александра III (фр., нем.).

**** Фрейбург в Брейсгау] Мариеншт[рассе], 2 (нем.).

зная последнего обстоятельства, вышла на воздух, простудила себе горло и теперь опять сидит с бесчисленным [по счету] бронхитом, повторяемость которого приводит ее в большое уныние. А эту ночь и утро засыпали меня телеграммами о несчастьи, постигшем нас в Музее. Пять депеш лежит передо мною, из них три с советами не волноваться и не двигаться в обратный путь. Дмитриев, желая утешить, во 2-й телеграмме извещает: «Пожар потушен. Сгорело мало». Только из Вашей депеши я узнал, в каком пункте здания случилась неправивая беда. Но эта же телеграмма поставила для меня вопрос: каким образом случился пожар вдали от обитаемой части Музея, в зале, запертом со всех сторон, изолированном? Как мог случиться пожар с воскресенья на понедельник, когда в передней половине здания не должно было быть ни одного рабочего? Еще ночью, когда в 1-й телеграмме Дмитриева я прочел: «Горит в Музее Александра III», у меня блеснула мысль о поджоге со стороны рассчитанных дворников или кого-нибудь из недовольных рабочих. В последующих телеграммах о причине не было и слабого намека, так что до первых писем я буду оставаться без ответа на этот жгучий вопрос. Откуда пришло это нежданное несчастье? Другое соображение у меня: не производилось ли каких перестановок в этом зале вчера, в воскресный день, и не позволил ли себе какой рабочий курить и тем заронил искру в ящик с соломой?

Первый вопрос жены был: «А застраховано ли было ваше художественное имущество?» И потом: «Дежурят ли дворники при входах ночью и стоит ли сторожа при кладовых?» Что мог я сказать на это, кроме – *нет, нет и нет?*

Нынешнюю осень и зиму не раз меня посещало опасение возможности пожара, поджога из мести; но дальше этого я не пошел – и вот теперь наказан потерей всех гипсов Антиквария и порчею всех, там находившихся, геркулано-помпейских бронз. Какие гипсы погибли, определится только впоследствии, путем проверки уцелевших. А бронзы придется отослать в Неаполь для наведения на них патины сообразно оригиналам. Здесь, т.е. у нас, сделать этого нельзя. Бедные бронзы, мы с Вами их, в сообщенной им красе, и не видали. Они, судя по данному им неаполитанскими профессорами-экспертами отзыву, представляли собою верх совершенства художественной имитации.

Чему научит нас это несчастье? 1) Необходимо устроить ночное дежурство перед кладовыми; для этого у нас есть ничего не делающие служителя Кабинета, Павел и Василий; 2) Необходимо застраховать гипсы и Кабинет. Насчет сторожа сделайте распоряжение немедленно, как найдете лучше.

Нет сил продолжать. Обнимаю Вас.

Ваш И.ЦВЕТАЕВ

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 235. На бланке Музея изящных искусств.

Опубликовано с искажениями отдельных слов:

Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 170–172.

(Последовательность писем в указанном издании нарушена в результате смешения дат старого и нового стилей.)

8. Пожар в Музее изящных искусств

Вчера, в начале второго часа ночи над крышей музея показались клубы дыма. Быстро вся крыша заволоклась дымом, и из правого бокового зала по фасаду показались языки пламени. Дали знать в Пресненскую, Городскую и Тверскую части. Дружными усилиями трех команд в течение часа пожар удалось локализовать в этом зале и не допустить распространения в смежных помещениях. В залах находилась масса строительного материала – много пустых ящиков с соломой, леса еще не были убраны. В зале, где возник пожар, повреждены накат* и полы. Причина пожара не установлена. В этом зале, как и в других, были расставлены переносные печи для просушки здания. Говорят, здесь же имели ночлег рабочие, у которых сегодня был праздник**. Убыток исчисляется в сумме не менее 4000 рублей.

Русское слово. 1904. 20 декабря. № 353.
С. 4. В разделе «Происшествия»

9. Письмо к издателю [газеты «Московские ведомости»]

М[илостивый] г[осударь].

Ввиду появившихся в некоторых московских газетах заметок о пожаре, происшедшем в здании Музея изящных искусств имени Императора Александра III при Московском университете, причем было допущено полное искажение истины, я считаю своим долгом привести данные, официально подтвержденные произведенным следствием, и прошу другие газеты перепечатать.

Пожар начался в 12^{1/2} часов ночи на 20 декабря в угловом зале Музея, по Антиповскому пер., в 1-м этаже, где хранились бронзовые и гипсовые модели в не распакованных деревянных ящиках, доставленных из-за границы; количество хранившихся в этом зале ящиков доходило до 250 мест. Упаковка моделей была единственным горючим материалом в пострадавшем помещении, в котором пол и потолок сводчатые и переплеты окон железные. Означенное помещение было совершенно изолировано от других, где производятся работы, и единственная входная дверь была заперта замком, ключ от которого хранился в Строительной конторе, так что для входа пожарных потребовалось взломать дверь. Причина пожара остается пока не выясненной, так как помещение не отапливалось ни временным, ни постоянным отоплением, не имело искусственного освещения и за несколько дней до пожара помещение никем не посещалось. Убытки от пожара приблизительно исчислены до 40 000 руб. Имущество, как казенное, застраховано не было.

Примите и проч.

Строитель Музея архитектор

Р.И.Клейн

Московские ведомости. 1904. 23 декабря. № 354.
С. 5. Под номером II в разделе «Письма к издателю».

* Грубая дощатая подшивка под верхний слой пола; доски, к которым подшивается снизу потолок (*строит.*).

** Зд. в значении «выходной день» (*устар.*).

10. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

Воскресение 8. I. 05.

26 декабря 1904, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович. Я вправе был ждать, руководствуясь простою логикой, что в понедельник *вечером* мне напишут о причине пожара, о количестве попорченных вещей и степени порчи бронз. Я в *пятницу* получил бы письмо; но я не имею ни одной строки даже *до сего дня*. **Не** написали ни в понед[ельник], ни во втор[ник], ни даже в среду. Это наша матушка – российская халатность: чай, мол-де, кто-нибудь напишет и без меня. То 5 телеграмм «срочных» с таким умным текстом: «грит в М. А. III», в один день, то молчание, над которым здесь весь наш пансион и здешние знакомые профессора кто качает головой, кто смеется. Отупели мы, какая-то тьма застилает наш ум и память. Только у нас это возможно, т.е. такое легкомыслие. Случись что-нибудь подобное в немецком учреждении: как заработали бы *все* члены! А у нас всё по-другому, т.е. достойному изумления и порицания. Хоть бы Вы черкнули 2 строчки. Вот если откроются **вакансии** в Музее, о, тогда отбоя не будет от писем и уверений в любви к Музею. Какой мы дряблый ученый класс.

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 237.

Открытое письмо без подписи. Адресовано:
«Russland [Россия – нем.]. E[го] B[ысокородию]
Р.И.Клейну Москва Девичье Поле,

Олсуфьевский пер. с[обственный] д[ом]» .

Опубликовано с неточностями и без последних 4 фраз:
Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. I. С. 173.

11. Р.И.КЛЕЙН – И.В.ЦВЕТАЕВУ

28 декабря 1904, Москва

Дорогой Иван Владимирович.

Вчера получил Ваше письмо от 2 января, из которого я узнал, какое новое горе Вас постигло. Жена и я очень Вам сочувствуем и просим Вас написать о дальнейшем ходе болезни. У детей такие повреждения проходят обыкновенно бесследно, а Мария Александровна, вероятно, сейчас же приняла все меры предосторожности, и тогда болезнь закончится простой простудой. Как видно, противный 1904 год из русских людей никого не щадил, вся Россия разорилась материально или нравственно; как он нас задел, не знаю, но думается, нравственно и материально. Передать Вам не могу, что переиспытывал и что переживаю по сие время, вспоминая о всем случившемся. Вот как все было:

В ночь с воскресенья на понедельник, то есть с 19-го на 20-е декабря, в 12^{1/2} часов ночи, мне сообщили, что леса музея горят. Немедленно я отправился на стройку, и по мере приближения моего становились виднее клубы дыма, и, наконец, подъехав к постройке, я увидел языки пламени из окон залы Антиквария. Войдя на двор, я встретил пожарную команду, которая только что принима-

лась за дело и, конечно, стала делать то, что именно не нужно – поливать нагретый фасад. Я остановил эту работу, но было уже поздно, так как наличники окон успели уже получить трещины. Затем отправился в самое помещение Антиквария, куда еще можно было проникнуть, но с трудом, так как воздух был пропитан дымом и паром. Попытался я попасть в этот зал другим путем – через Библиотеку, и тут я ужаснулся, видя в углу, выходящем на Волхонку и Антиповский переулок, где находилась бронза, сплошной столб огня. Тут у меня мелькнуло опасение, что потолочные балки, увеличившись в длину от сильного огня, разопрут стены и окончательно разорят фасад, но, к счастью, мое предположение не оправдалось.

Пожарными распоряжался лишь пьяный брендмейстер Тверской части, почему я сделал распоряжение, чтобы сообщили о пожаре Трепову и брендмайору Лихтанскому, и о присылке еще 3 пожарных частей. Через час, действительно, общий пожар был потушен, но в ящиках упаковка продолжала тлеть, и пожарные, не церемонясь, пробивали ломом насквозь ящики и таким образом громили все содержимое. Вы легко можете себе представить, что испытывали люди, заинтересованные в сохранении вещей, не имея возможности помешать этому вандализму. Меня отчаяние охватывало до слез.

После пожара получилась следующая картина: снаружи обгорели наличники и мраморные перемычки окон, закоптились в некоторых местах мраморные стены, как под колоннадой, так и на боковом фасаде; исковеркано и поломано 14 железных рам.

Внутри попорчена вся штукатурка зала Антиквария и Библиотеки; сгорели все гипсы и попорчена бронза. На сводах стояла вода вершков на 8. Конечно, при 27 градусах мороза все обратилось в общую ледяную массу, так что все уцелевшие предметы находятся под ледяной корой.

Все время пожара и остальную часть ночи, до утра, здесь находились – И.И.Рерберг, инженер Тулаев, Рыбников² и Дмитриев.

Во время пожара несколько раз справлялись по телефону о положении дел из Нескучного сада³. Утром я поехал с докладом к Его Высочеству, который ужасно огорчен был нашим несчастьем⁴. Хладнокровнее всех, как мне показалось, отнесся к случившемуся Юрий Степанович, который в данное время был в Москве; он успокаивал меня, говоря, что убытки небольшие и ограничатся суммой не более 25 000 рублей, но мне думается, что они значительнее.

На другой день на месте пожара был судебный следователь, была сделана опись помещения, причем выяснилось, что помещения до пожара все были заперты и ключи находились в конторе. Очевидно, что это был поджог с целью прикрыть кражу или случайный поджог во время кражи.

25-го декабря, в день Рождества, был сделан осмотр сыскной полицией, которой я по совету следователя передал розыски злоумышленника.

При сем прилагаю вырезку из М[осковских] В[едомостей] – мое письмо к редактору. В настоящее время я занят организацией охраны остального имущества,

и, по-видимому, придется принять *следующие меры*: во-первых – застраховать, если общество примет страховку имущества в незастрахованном помещении, а помещение страховать нельзя без оплаты очень больших налогов в Городскую Управу; во-вторых, отдать охранение имущества ответственной артели, а не отдельным лицам, которые, при всем желании, не могут нести ответственности.

В настоящее время зал, где был пожар, окутывается, устанавливаются печи для временного отопления, и, когда растает лед, будем с осторожностью вынимать все вещи. Бронзы действительно придется отослать в Неаполь для наведения на них патины. Может, фабрикант, исправив их, продаст кому-нибудь, а нам сделает новую?

Напишите, когда Вы думаете быть в Москве. Десятого января мы ждем Юрия Степановича, и к этому дню у меня будут готовы договоры по делу полов.

Дорогой Иван Владимирович, будемте жить надеждой; может, новый год нам принесет более счастливых дней. Желаю Вам встретить наш русский Новый год более счастливо, нежели заграничный, желаю Вам и семье Вашей здоровья, бодрого духа и скорого возвращенья на родину. Я только и утешаю себя тем, что время все перемелет.

До скорого свидания. Глубоко уважающий Вас

Р.Клейн

Декабря 28 дня.

Наталья Андреевна и Катя⁵ шлют Вам и супруге Вашей привет и искренние пожелания здоровья и счастья в новом году.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1498.

Опубликовано с неточностями и пропусками:
Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 2. С. 124–127.

12. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

31 декабря 1904 г.

31 декабря 1904, Москва

Глубокоуважаемый Иван Владимирович,

Бронзы от Вадурзи⁶ целы. Они находятся в квартире, которую занимает А.А.Пэрк. Вместо них погорели бронзы, привезенные из Университета. Какие эти бронзы – не знаю. Ибо они были приобретены давно. Но на днях я разберусь и тогда определю их. Сейчас я этого сказать не могу, так как все счета, по которым доставлялись коллекции для Университета, находятся в архиве Кабинета изящных искусств.

Скоро все эти документы мне передаст Александр Антонович [Пэрк], и тогда я могу выяснить. Наверное, среди тех же документов и имеются сведения о погибших коллекциях Египта.

Еще раз я осмотрел сгоревшие бронзы из Неаполя и скажу Вам, что все они, лежащие на поверхности льда и частью замерзшие – целы, но, конечно, обгоревшие.

Я думаю, что поджог был совершен с целью грабежа потому, что не видать ни единой маленькой статуетки. Может быть, они во льду. Все это объяснится в недалеком будущем. Если же бронза найдется вся налицо, – для чего я и Александр Антонович составили полный список на русском языке бронзам, чтобы, вынимая постепенно бронзы, отмечать их по списку: из сего мы увидим, целы ли бронзовые вещи, – то тогда можно быть уверенным, что поджог совершен из-за мести.

Сегодня Роман Иванович не позволил нам выбирать бронзы и запер зал Антиквария до того момента, пока там не будут поставлены печи. Чтобы бронзы брать только тогда, когда они будут оттаивать изо льда. Приходится мириться с его приказанием.

По-моему, бронзы можно смело брать и сейчас, для этого обливая их кипятком, но с гипсами этого делать нельзя, ибо гипсовые фигуры, находясь сейчас во льду, если мы их обольем водою (горячею), то сейчас же они будут трескаться. Как бы там ни было, но на днях приступаем к раскопкам уцелевших вещей.

Роман Иванович также не соглашается поставить каких бы то ни было сторожей. Правда, они ничего не могут поделать, если здание так велико и доступ туда всем возможен. Ведь рабочие живут в здании и знать всех по лицу невозможно. Наверд ли придется и застраховать оставшееся имущество в коллекциях. Страховое общество будет требовать вскрытие всех ящиков с коллекциями, чтобы иметь о них понятие, а этого совершить невозможно.

Теперь Роман Иванович хочет нанять артель для охраны оставшихся коллекций, с ответственностью за целостность коллекции. Для этого я приступил к очень большой работе – выяснить точную стоимость оставшихся коллекций. Мне придется много над этим поработать.

Вынимая бронзу и оттаивая с нее лед, мы будем ставить ее совсем уже сухую в залы, где стоит невредимая коллекция. Следствие продолжается. Вызывают даже поденщиков, которые переносили ящики. Николая Дейкова держат сегодня у следователя более восьми час[ов].

Сегодня в ночь получил от Ангелис телеграмму⁷, который оповещает Вас, что весь заказ бронзы им исполнен. Он не знает о постигшем нас несчастии. Я прилагаю при сем его телеграмму, а равно и первый список вещам, которые обгорели; их придется наверное отправить к нему для новой отделки. Будьте покойны, глубокоуважаемый Иван Владимирович, принимаем все меры, чтобы скорее выдти из этого тяжелого положения и чтобы впредь не могло случиться несчастия. Я каждый вечер просиживаю несколько часов с Александром Антоновичем и обдумываем наше положение. Счастье его, что он не был на пожаре, иначе мог бы сильно простудиться, ибо он все время чувствует себя нездоровым. <... >

Ваш на всю жизнь преданный слуга Ив. Дмитриев. <... >

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 883.

13. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

1 января 1905, Фрейбург в Брейсгау

poterja bolsche oschidania bolen prostite [потеря больше ожидания болен прости-
те], prosit neujahr*

zvetaieff [ЦВЕТАЕВ]

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 233. Телеграмма.

14. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

Freiburg i/Br.1 января 1905

1 января 1905, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович.

С самого начала здешнего нового года, после телеграфических известий о нашем несчастье, я страдаю бессонницей; в 4 – 5 часов утра я уже терял надежду на закрытие глаз и в течение недели ждал в 8-м часу прихода почтальона с письмами. Не имея ни строки от Дмитриева до нынешнего утра, которое принесло мне Ваше милое послание и его подробную, толстую рукопись, я терялся, и голова моя горела в предположениях. Не откликнулись до сих пор ни Романов, ни Пэрк. Дни шли, меня осыпали тут вопросами о причине несчастья, о подробностях и, зная, что письма идут до Москвы отсюда 3 дня, качали головой и, как могли, старались говорить слова утешения. Мое положение было тем тяжелее, что состояние моей больной за эти дни не улучшалось ни на iota: она не выходит из постели; приходится отвлекать ее от черных мыслей насчет ближайшего будущего. В постели она не знает другого утешения, кроме возни с термометром, – и каждое поднятие ртути на 2 – 3 десятки** против вчерашнего дня служит предметом сетований и поводом мрачных предчувствий.

Отсутствие с болью в сердце ожидаемых вестей, отсутствие покоя дома и бессонницы сделали то болезненное напряжение, в котором я написал три бранчивые открытки Романову, Дмитриеву и Вам, за которые я, получив нынешние подробные описания всего, Вами и Дмитриевым пережитого за эти ужасные дни, горько раскаиваюсь и искренно у вас обоих прошу прощения. Как ни сильно волновался я тут неизвестностью положения дел, но моя доля была уже тем счастливее вашей, что в Москве мои нервы не вынесли бы картины несчастья – и я давно лежал бы там, может быть, в опасном положении.

Телеграмма Дмитриева: «Пожар потушен, успокойтесь, сгорело *мало*», посланная им с целью уменьшить впечатление, сделала свое. Я представлял потерю большую, она сильно была по сердцу; но все это было далеко от положения, раскрывшегося в нынешних описаниях. Погиб на деле результат многолетних хлопот и исканий; погибли чудные вещи, которые, Бог знает, приведет ли уви-

* за Ваше здоровье Новом году (нем.).

** десятых доли (разг.).

деть теперь в нашем Музее; исчезли звенья, без которых не поймешь остального; египетские скульптуры, приобретенные в Каире, не существуют более, так что для Египетского зала у нас нет ни одного №. Дмитриев пишет, что сгорели 70 университетских ящиков, возможно, что там были и Эгинеты: тогда новый зал остался без содержания.

Печаль охватывает меня ныне, по мере течения дня. Ваши с Дмитриевым письма, полученные на рассвете, были прочитаны с перерывами от слез, наконец совсем лишивших меня возможности видеть строки; доканчивала чтение уже М[ария] А[лександров]на. Но настоящее чувство утраты пришло после, когда холод, дрожь и слабость в ногах не дают мне покоя. Пошел я с телеграммами и с письмом к Ю[рию] С[тепанови]чу на почтамт, – дорогой должен был отстаниваться: не хватало воздуха для дыхания. Оттого проходил так долго, что это привело жену в беспокойство.

Но с завтрашнего дня надо взять себя и свое горе в руки. Как и что делать впредь для хотя бы частичного возвращения погибшего, теперь не придумать. Покажет время.

Насчет помещения двух следующих посылок бронз в Кокоревских кладовых⁸ я совершенно согласен. Относительно возвращения попорченных вещей в Неаполь я напишу на фабрику и узнаю мнение специалиста; смотря по степени порчи, или наведут там только патину, или заменят новыми копиями.

Умилило меня Ваше известие о спокойствии Ю[рия] С[тепанови]ча. Кроме его, пока не на кого возлагать надежды. Принес ли ему нынешний день то удовольствие, о доставлении которого мы с Вами столько хлопотали?

Оправляйтесь духом и нервами и Вы, дорогой Роман Иванович: работы еще много и без ниспосланного нам горя. Так двое больных будем лечить друг друга утешениями. Жена шлет Наталье Андреевне и Екатерине Романовне и Вам наилучшие чувства. Сердечно поздравляю с Новым годом и я.

Будем стараться быть молодцами и философами в несчастьи. Может быть, нам с Вами это и удастся. Целую Вас.

Ваш И.ЦВЕТАЕВ

P.S. Вы спрашиваете, когда я возвращусь в Москву: теперь Вы знаете мое семейное положение. Напишите, пожалуйста, Ю. С-чу просьбу *протелеграфировать* Вам *заранее*, сколько дней после 10-го он имеет намерение пробыть в Москве; после известите меня депешей *о дне* заседания, чтобы я мог приехать накануне. Езды отсюда 3 дня и ночь.

Бедный Дмитриев: он на пожаре потерял все свое платье. Надобно ему подарить новое.

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 234.

На бланке Музея изящных искусств.

Опубликовано с неточностями и с пропуском ряда последних фраз:

Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 168–170.

15. Из письма Г.П.ГЕОРГИЕВСКОГО⁹ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

2 января 1905, Москва

<... > О пожаре в Вашем Музее изящных искусств говорили много. Слышны были сетования на Нечаева, который будто бы поспешил поставить доверенного хотя бы артельщика для постоянной охраны и сооружения и коллекций. Передаю разговоры, а Вам видней основательность их. По-видимому, пожар не так повредил, как наговорили. С улицы я видел только копоть да изогнутые рамы. Леса целехоньки, а они так близки к окнам, что при силе огня им не уцелеть бы. Между нами я мог бы сказать Вам, что городская молва, к счастью, совсем забыла на сей раз о Вашем существовании; много, очень много говорили о Нечаеве и Клейне, но о Вас только упоминали, называя Музей «Цветаевским». На это не я один обратил внимание, и все в недоумении: куда девались Ваши «друзья»? Или перевелись совсем? Дай Бог. <... >

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 520.

16. А.С.КЕЛЛАТ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

3 января 1905 года

3 января 1905, Москва

Глубокоуважаемый Иван Владимирович,

Еще раз поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам всего наилучшего, а главное – здоровья. Марии Александровне не откажите передать мои поздравления и пожелания всего лучшего. Сейчас получил Ваше письмо от 30 декабря и очень удивлен Вашим неведением относительно пожара. Я знаю, что И.В.Дмитриев отправлял Вам подробные донесения о пожаре на другой день пожара, а потому я и не писал Вам подробностей. Причина пожара – несомненный поджог, т[ак] к[ак] солома в ящиках была полита нефтью. Этот факт удостоверен свидетелями и властями. Подозревают (Клейн и друг[ие]) какого-то десятника, служившего сначала по стройке и уволенного пред пожаром. Странно, что в залу, заколоченную во всех дверях, был оставлен ход из нижнего этажа! Хранившиеся в этой зале (угловой – к церкви Антипии и на фасад) все ящики 196 шт. или сгорели, или испорчены водой и пожарными. Бронза вся горела. Конечно, вероятно, часть коллекций можно реставрировать. Пожар начался с угла залы, где хранилась бронза. Очевидно, бронза, часть предварительно похищенная, была облита нефтью и подожжена.

Сегодня же скажу Дмитриеву, ч[то]б[ы] он вторично сообщил Вам все подробности пожара. Нечаеву-Мальцову пожалован Алекс[андр] Невский с бриллиантами. Обер-полиц[мейстер] Трепов ушел из Москвы. В Москве назначено градоначальство, градоначальником назначен Черноморский губернатор ген[ерал]-м[айор] Волков¹⁰. В[еликий] к[нязь] Сергей Алекс[андрови]ч, оставивши генерал-губернаторство, остался главнокомандующим Моск[овского] округа и перебрался на жительство в Нескучный дворец. Вот главные новогодние наши новости. <... >

Искренне преданный Вам Ваш А.Келлат.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1440.

17. А.С.КЕЛЛАТ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

3 января 1905, Москва

nechaew polutschil brilliant prichina pogara podgog podrobno potschtoj dmitrieff opetschalen potschemu nie polutschenu wami iego pisma [Нечаев получил бриллиант причина пожара поджог подробно почтой Дмитриев опечален почему не получены его письма]

kellat [Келлат]

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1441. Телеграмма.

18. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

4 января 1905 г.

4 января 1905, Москва

Глубокоуважаемый Иван Владимирович,

Сегодня я приступил к раскопкам бронзы. Извлек из-подо льда и горелой соломы: 1 статую Аполлона архайского, 2 статуи нимф, 1 печь, 1 ведро, 1 подсвечник, 1 весы, 1 чашку и большую ложку, 1 танцующего фавна, половину щита. Все статуи целы, но только обгорели.

Завтра с утра я опять примусь за раскопки. Приходится раскапывать горелые ящики и оттаявший лед, смешанный с соломой и обгорелыми досками, – руками, так как другим способом этого делать нельзя, ибо можно повредить мелкую бронзу, и ее надо ощупывать в мусоре, покрытом льдом, только руками. При этом я испортил себе левую ладонь и сорвал ноготь с правой руки, но это заживет. Я страшно заинтересован, сколько бронзы осталось целой, сколько ее повреждено и, если было воровство, то сколько пропало.

У меня имеется список всем вещам, который я с Александром Антоновичем перевели на русский язык, и по нём я все определю.

Все вынутые бронзы я ставлю перед кирпичной печью, чтобы с них сошел лед, а затем отправляю их в кухню Конторы, где их очищают тряпками, и ставим в одну из комнат Конторы.

Роман Иванович также здесь присутствует, и по его указанию поставлены жаровни в том месте, где находятся замерзшие бронзы. Вследствие жары бронзы оттаивают, и я с помощью рабочих тихонько подымаю те из них, которые освободились ото льда и подтаяли.

Бронзы почти целы, только обгорели и некоторые из них пробиты ломами пожарных. Но, слава Богу, я вовремя успел отогнать во время пожара эту черную массу пожарных, которые стали бить ломами бронзу, думая, что перед ними лежат – идолы. Если бы я не успел вовремя пробраться сквозь пламя к бронзам, где работали пожарные, то вся бы бронза была перебита.

К счастью, я еще много коллекций задержал на Таможне. Ящики с коллекциями хотели доставить накануне пожара в субботу, но я, сам не зная почему, просил Таможню доставить ящики в понедельник, таким образом, много

коллекций уцелело. Гипсы почти все погибли, за исключением тех ящичков, которые я отстоял, их должно быть ящичков 12, может быть и больше, я это определяю по мере раскопок, так как все уцелевшие ящички стоят частью во льду, частью заваленные мусором, и мусор тоже замерз. 4 ящичка совершенно целы и вынесены в другой зал.

Роман Иванович советует поступить так: надо будет вызвать того мастера, который отливал бронзы, заплатив ему за дорогу туда и обратно. Пусть он здесь у нас в Музее определит, какие бронзы надо починить или вновь отлить. Какие из них надо будет везти обратно в Неаполь и какие можно будет починить здесь. Это самый лучший способ, я вполне с этим согласен, и этим только мы сделаем выгоду для Музея.

По мере раскопок бронзы я буду Вам сообщать о том, что уцелело и что погибло, или что украдено.

Сегодня уже совсем впотьмах мне удалось откопать несколько голов, как видно, далее от этих голов пойдет туловище и т.д.

Колоссальная статуя «Галл, убивающий свою жену» погибла. Днем я работаю в Музее, а вечером составляю по выборке список погибшим вещам и выбираю оценку как погибших коллекций, так и целым, хранящимся в верхних залах.

Сегодня я больше работать не могу, так как угорел, раскапывая бронзы, от жаровен, которые наполнены углем и от которых идет зеленый дым. Я несколько раз выскакивал наружу, чтобы подышать свежим воздухом, и вновь возвращался копать. Угорел я до того, что мои глаза покрылись зеленой отонкой* и все кругом шло.

<... > Ваш преданный слуга Ив. Дмитриев.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 890.

19. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.Клейну

5.I. 05

5 января 1905, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович. Еще раз прошу Вашего извинения за тон открытого моего к Вам письма, объясняемый болезненным состоянием, пропажей 1-го, незаказного, письма Дмитриева (возможно, что он второпях и в страшно нервном напряжении что-нибудь упустил в адресе; иначе все письма и незаказные из России ко мне доходят) и темнотою положения дел для меня в течение нескольких дней и бессонных ночей.

Скульптуры идут и пойдут и впредь, потому что, исполненные, они не могут быть хранимы исполнителями. Бронзы остаются 2 транспорта. Их можно в Кокоревку. А для склада гипсов нельзя ли просить Его Высочество о военном карауле в ночное время? Днем при крепком ограждении и запоре склад недо-

* Отонка – пленка (диалект.) (В.И.Даль).

ступен. Определить стоимость всех ящиков нет возможности. Да и откуда платить артелю? Подумайте. Из-за болезни жены уезжаю в Париж. Мой адрес: Rue Jacob, Hôtel d'Jslы*. К заседанию быть не могу. Ваш И.ЦВЕТАЕВ.

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 236.

Открытое письмо. Адресовано: «Russland Moskau.

Е.В. Роману Ивановичу Клейну Москва
Девичье Поле, Олсуфьевский пер. с.д.»

Опубликовано с неточностями и с пропуском парижского адреса: Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. I. С. 172.

20. И.В.ДМИТРИЕВ – И.В.ЦВЕТАЕВУ

6-го января 1905 г.

6 января 1905, Москва

Глубокоуважаемый Иван Владимирович,

Уже четыре дня, как Роман Иванович, я и Александр Антонович производим раскопки бронзы. Я работаю с Александром Антоновичем под наблюдением Романа Ивановича, который своим хладнокровием и умением вести дело дает нам большой пример. В особенности мне, так как я горячусь, а Роман Иванович вовремя меня останавливает и даже приготовил для меня палку – это хорошо, иначе нельзя сдерживать мою молодую порывистость к делу.

При сем я препровождаю Вам список тем вещам, которые мы откопали¹¹; помеченные красным карандашом не найдены и, верно, как я уже писал Вам раньше, украдены. Завтра мы закончим раскопки. Осталось очень немного вещей, которые местами торчат из-под угля и льда. Найдем завтра очень немного, а остальные, опять скажу, уворованы.

Бронзы более или менее сохранились, в особенности хорошо сохранились большие статуи танцовщиц, пьяного фавна, юноши и все бюсты, только у некоторых выгорели глаза.

Надо благодарить дорогого Романа Ивановича, который изобрел способ оттаивания бронз и все дни сам копался во льду и грязи руками, даже не ходя обедать. При этом мы каждый день угорали.

Удивительные наши натуры: работали мы все вместе, в особенности в первый день пришлось мне трудно, когда только затопили жаровни и я работал весь день почти один (Роман Иванович также был, но несколько часов – ему надо было уехать) – я до того угорел, что мне пришлось бегать по улице. После этого бегания у меня прошел весь угар, а у нового десятника так закружилась голова, что пришлось вызвать фельдшера. На следующие дни голова привыкла и мы все дружно работали, иногда только высказывали наружу, чтобы подышать свежим воздухом.

Очень много работает Роман Иванович. Сегодня с раннего утра я отправился туда и снимал несколько фотографий сгоревшего зала¹², где были коллекции.

* Улица Жакоб, отель Или (фр.).

Как только я проявлю эти фотографии, то пришлю Вам снимки. Был у Вас в доме и приказал его протапливать. У Вас дома все благополучно.

Сейчас 8 час. вечера, а я только вернулся из конторы Музея Александра III, где весь день сидел Роман Иванович и работал на раскопках. Он вместе с Александром Антоновичем поехал к себе домой, чтобы обоюдно написать Вам подробное письмо.

Завтра Роман Иванович пригласит рабочих из гипсовой мастерской Гладкова, чтобы начать переносить гипсы, которыми завален зал Антиквария, а я поеду в Кокоревское подворье, чтобы там найти помещение для хранения бронзы, которая на днях должна поступить к нам из Таможни.

Получили ли Вы мое первое письмо от 23 декабря? Оно, может быть, пришло после. Простите, что послал его простым, но в такой суматохе, которую мне пришлось переживать, я ничего не мог придумать, чтобы Вас уведомить поскорее, да и боялся, чтобы мое уведомление не испугало Вас. Ведь страшный момент приходится пережить Вам, глубокоуважаемый Иван Владимирович. Но Бог поможет, ради Бога успокойтесь, и время покажет, что надо будет предпринять впереди.

Жутко и невыносимо жалко смотреть на обгорелые и разбитые статуи. При такой картине, быв преданным делу, можно сойти с ума.

Я готовлюсь с бумагами к заседанию Комитета Музея, на котором Вы дадите отчет по нашему несчастью.

Если Вы не получили первое мое письмо после пожара, то наверное Вы получили мое второе, посланное от 27 декабря. Извините меня, мне кажется, что я нескладно в нем написал, но зато правду. Да ведь и не мог я лучше писать, когда голова шла кругом.

Дай Бог Вам доброго здоровья.

Ваш искренне преданный слуга Ив. Дмитриев

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 891.

21. Р.И.Клейн, А.А.Пэрк – И.В.ЦВЕТАЕВУ

Москва 6-го янв. 1905 г.

6 января 1905, Москва

Глубокоуважаемый Иван Владимирович!

Пишем это письмо вдвоем – Роман Иванович и Александр Антонович; а пишем вместе мы потому, что встретили новый год на раскопках Помпейских и Геркуланских, и вместе страдали на этих развалившихся памятниках в зале Антиквария Музея Александра III. Зал представляет собою весьма печальную картину: на стенах и потолке обвалилась штукатурка, частью они закопчены и вследствие поливки водою при пожаре покрыты льдом. Рамы оконные исковерканы и от огня приняли совершенно неопределенную форму. Пол весь завален гипсовыми обломками, обгоревшими досками ящиков и кусками соломы. И все это от полития водой при сильном морозе обратилось в общую ледяную массу.

Картина очень печальная, и слава Богу, что Вам не пришлось увидеть воочию все это ужасающее зрелище. Но, к счастью, человеку дана сила для борьбы со всякими невзгодами и с самим собою, и вот мы, преодолев всякий гнет этих ужасов, принялись за дело. Под руководством Романа Ивановича организована форменная система раскопок, которые ведутся следующим образом. В означенном помещении поставлены две временные печи, трубы которых выведены в Христианский дворик и покрыты сетками. Для растаивания ледяных масс употребляются еще жаровни с углями, которые по мере надобности передвигаются с места на место. При этом, во избежание порчи предметов, разгребается руками зола и таким образом извлекаются найденные предметы. При этом письме Вы найдете список извлеченных нами предметов с указанием степени их поврежденности¹³. Самые дорогие бронзы, а именно фигуры сохранились настолько, что их нетрудно будет поправить. По мнению Романа Ивановича, для этой цели следовало бы выписать мастера, исполнившего этот заказ (конечно, заплативши ему за проезд), который бы определил, какие предметы стоит послать обратно для возобновления в Италию и какие заказать вновь, так как у нас нет людей, которые могли бы сделать надлежащую оценку сохранившихся предметов. Из числа найденных предметов изломаны главным образом хозяйственные принадлежности, столики с маленькими фигурками и вообще мелкие вещи от падения на них ящиков с гипсами, стеной и потолочной штукатурки.

Большие же фигуры и бюсты пострадали лишь от огня, а именно пострадала патина, вытекли глаза и у некоторых попортились пьедесталы. На основании вышеизложенного Вам нетрудно будет списаться с фабрикантом, исполнившим эти вещи, и узнать его мнение о возможности наведения патины на пострадавших предметах, а также о его согласии приехать в Москву для оценки пригодности бронзы. Эти сведения были бы очень полезны для первого комитетского заседания.

Раскопки и расчистка всего зала будут закончены у нас к 10 января. К этому времени выяснятся потери, относящиеся к гипсу, на которые мы смотрим не так мрачно, как Вы в Вашем письме к Роману Ивановичу от 1 января. По словам Дмитриева, некоторые ящики с египетскими гипсами находятся в верхнем этаже, а те, которые погибли, могут быть восстановлены чрез Бругша, который в свое время был награжден Станиславом со стороны русского Правительства¹⁴. Да и Юрий Степанович не потерпит, чтобы его зал был пустой¹⁵. С завтрашнего дня Александр Антонович будет по обломкам составлять список погибшим гипсам, после чего этот список будет Вам препровожден¹⁶.

Завтра мы получим сведения об амбаре в Кокоревском подворье, и аренда этого помещения представляет нам единственно верное средство к сохранению предметов в отношении пожара и кражи.

Рамы для окон уже заказаны новые, также и за исправление фасада Роман Иванович примется немедленно по приезде итальянцев, для чего леса уже приготовлены.

К сожалению, пожар в Музее принес еще другой ущерб, а именно, что в такое свободное и драгоценное время не пришлось Роману Ивановичу сделать ни одного рисунка для Музея.

Несчастье случилось! Да послужит оно нам впредь наукой – не ставить в неоконченном здании такие драгоценности, да еще окутанные в солому и вообще горючий материал. Мало того, что могут погибнуть предметы – могут попортить они и само здание, как это случилось в настоящее время. На нашей постройке бывает 500 – 600 рабочих, и из них много скверных, отвратительных людей, и никакая стража не может уберечь ни от воровства, ни от гнусных поступков. Вспомните, как в прошлом году один из таких людей, чтобы сделать неприятность Листу, сломал готовый капитель на боковом фасаде.

Итак, дорогой Иван Владимирович, вооружитесь силами, тряхнем стариною и давайте не только что восстанавливать, но и вновь еще приобретать музейское имущество! Ведь девять лет мы с Вами работаем, и дело каждый год двигалось гигантскими шагами вперед; из 200-тысячного музея стало грандиозное четырехмиллионное дело.

Я получил слезное письмо от Армбрустера¹⁷, в котором он просит прибавки 7 тысяч рублей. Не знаю, как подойти к Юрию Степановичу в настоящее время с подобным предложением; поэтому не найдете ли Вы возможным на обратном пути заехать в Дрезден для переговоров с ним. Может быть, Вы его уговорите представить такое заявление по прибытии хоть части фриз в Москву.

Слава Богу, Юрий Степанович получил, наконец, ожидаемые бриллианты. О приезде его в Москву и о пребывании его здесь я извещу Вас телеграммой.

Будьте Вы и Ваша семья здоровы! От души желаем Вам всего наилучшего!

Пэрк устал писать – кончаем письмо.

1 минута 7 января

Р.Клейн. АЛЕКСАНДР ПЭРК.

Ф. 6, оп. I, ед. хр. 1499.
Написано рукой А.А.Пэрка.

22. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

20.I.05

7 января 1905, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович. При разборе *тепла* от ящиков и соломы надо употреблять *решёта*, чтобы не выкидывать *мелких* вещей: хирургических инструментов и других предметов бытовой жизни. Некоторые из них очень небольшого размера. Собранные всё мы после сфотографируем, особенно обезображенное в форме, взвесим вещи искаленные и спросим De Angelis, исполнителя бронз в Неаполе, стоят ли они пересылки? Сам я очень ослаб: всё плачу, к заботам жены. Врач не спускает ее с постели; *поездку*, из-за ее гланд на шею и диаметрально разных суждений и советов здешних врачей, в *Париж*, отстоящий отсюда на 9 часов, отложил. Из-за положения жены

д[олже]н прожить здесь до 15 – 16 числа нашего. Нуждаясь в укреплении сам, говорю Вам: мужайтесь!

Ваш И.ЦВЕТАЕВ.

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 239.

Открытое письмо. Адресовано: «Russland Moskau.

Е.В. Роману Ивановичу Клейну Москва

Девичье Поле, Олсуфьевский пер. с.д.»

Опубликовано с мелкими неточностями:

Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 173–174.

23. И.В.ЦВЕТАЕВ – Р.И.КЛЕЙНУ

Freiburg i/Bg. 24.I.05

11 января 1905, Фрейбург

Дорогой Роман Иванович. Получил ваше общее с Ал[ександром] Ан[тоновичем] послание, благодарю сердечно за подробные сообщения. Все большое и лучшее в бронзах сохранилось, не найдены пока сравнительно пустые вещи хозяйственно-бытового характера. Если принять во внимание, что еще 2 посылки вещей целы, то попорченные вещи, т.е. всю 1-ю посылку, хотя и *более* серьезную, чем остальные две, будем считать тысяч в 7 – 8 руб. Поправка сохранившегося и замена поломанного не превысит 2 – 3 т[ыс.] руб., а с пересылкой 4 [тыс.] руб. Это и будет чистый урон. Вызывать ли мастера, который обойдется 500 руб., не менее? А что нужно *все* уцелевшие от разрушения вещи отослать, это мы с Вами знаем сами. Впрочем, переговорим об этом лично. *А теперь вот что!* От Lelli из Флоренции должен прибыть на Таможню *большой* запрестольный образ *Della Robbia*, уложенный в 3 ящиках (№№ у Дмитриева): он *великолепно* раскрашен. Lelli просил *скорее* и *ог[ень]* осторожно распаковать его. Я думаю: надо 3 ящика доставить в Кабинет Унив[ерситета] и там только снять упаковку *сверху*, а потом заколотить осторожно ящики. Скажите Дм[итриеву]. Выезжаю на днях. Списываюсь с исполнителями гипсов об удешевлении повторений. Поездку в Париж пришлось отложить. Сам я очень разнюнился. Подходит 60 лет недаром.

Ф. 8, оп. III, ед. хр. 240.

Открытое письмо. Без подписи. Адресовано:

«Russland Moskau. Е.В. Роману Ивановичу Клейну

Москва Девичье Поле, Олсуфьевский пер. с.д.»

Опубликовано с печатками и неточностями:

Цветаев – Клейн. История создания музея. Т. 1. С. 175.

24. Из протокола заседания

Комитета по устройству Музея изящных искусств

14 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА

<... > 5. Слушали: доклад Секретаря Комитета Музея о пожаре, происшедшем на стройке Музея в ночь с 19-го на 20-е декабря 1904 года и о стоимости убытков, причиненных пожаром художественным коллекциям Музея. Общий убыток доходит до 40 000 рублей.

6. Заслушали: доклад архитектора Музея о порче, причиненной пожаром зданию Музея. Общий убыток 16 700 рублей.

7. Архитектору Музея Р.И.Клейну, инженеру И.И.Рербергу и письмоводителю Комитета Музея И.В.Дмитриеву по заслугам их по разборке погоревших коллекций выражена благодарность.

8. Постановлено: застраховать коллекции на два грядущие года и поручить охрану их в ночное время Московской артели. <... >

Ф. 2, оп. I, ед. хр. 238, л. 6–6 об.

25. И.В.ЦВЕТАЕВ – в ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Апреля 29-го дня 1905 г.

29 апреля 1905, Москва

№ 222

Вследствие отношения от 7 марта текущего года за № 1468 считаю своим долгом представить следующие сведения по делу пожара, случившегося в Музее изящных искусств в ночь на 20-е число декабря месяца 1904 г. Ввиду того, что означенное несчастье с Музеем произошло во время заграничного пребывания моего по делу собирания художественных коллекций для сего Музея, главнейшие нижеследующие данные я представляю лишь по рассказам очевидцев пожара. Отвечаю в порядке вопросов, поставленных господином министром народного просвещения в отношении к господину попечителю Московского учебного округа. 1) Пожар был замечен в первый раз дворниками соседних домов, которые и дали знать прислуге при стройке Музея. 2) Своей же охраны по ночам здание не имело по крайне недостаточному числу дворников при стройке. 3) В предшествующее время никаких попыток к поджогу не было, но был факт порчи мраморной капители на мраморной пилястре рассчитанным рабочим из мести подрядчику. 4) В течение дня здание внутри подлежит охранению подрядчиков и десятников, склады же с художественными коллекциями держатся всегда запертыми, а после пожара тщательно заделаны всякие подступы к ним со стороны ходов системы отопления и вентиляции, чрез каковые и проник из подвального этажа поджигатель, принесший с собою, очевидно, нефть, и воспользовавшись лежавшей внизу лестницей. Для усиления охраны мною в течение пасхальных праздников на ночное время были поставлены свободные служителя Румянцевского музея. Ввиду дознанной склонности дворников к пьянству в праздничное время мною вносится в Комитет Музея предложение об организации ночных дежурств вокруг здания и об установке контрольных часовых приборов по образцу Румянцевского музея. По практике строек непосредственная организация охранения здания принадлежит строителю.

Секретарь Комитета Музея
заслуженный ординарный профессор
тайный советник [И.ЦВЕТАЕВ]

Ф. 2, оп. I, ед. хр. 208, л. 36.

Отпускная копия на бланке Музея изящных искусств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Келлат Алексей Самойлович* (1865–1924), в 1891 – 1910 гг. исполняющий должность смотрителя и казначея, младший чиновник для письма в Румянцевском музее.

² *Тулаев Иван Николаевич* (1863–?), в 1891 г. окончил Николаевскую инженерную академию; в 1904 – 1908 гг. – второй архитектор Московского университета, в качестве одного из помощников Р.И.Клейна принимал участие в строительстве Музея изящных искусств.

Рыбников Николай Николаевич, практикующий врач, секретарь Совета Университета, делопроизводитель Строительной комиссии Музея в 1898 – 1902 гг.; с конца 1902 г. советник Правления Университета и член Строительной комиссии Музея по должности.

³ Дворец в Нескучном саду принадлежал великому князю Сергею Александровичу, был местом проживания его и великой княгини Елизаветы Федоровны.

⁴ В газете «Московские ведомости» отмечено, что великий князь принял Р.И.Клейна 20 декабря, а Ю.С.Нечаева-Мальцова – 23 декабря 1904 г.

⁵ *Клейн Наталья Андреевна*, урожденная Бек (1864–1911), первая жена Р.И.Клейна.

Клейн Екатерина Романовна, в замужестве Сенявина (1885–1919), дочь Р.И.Клейна.

⁶ *Вадурси Винченцо*, неаполитанский литейщик, изготовивший для Музея некоторые менее важные копии помпейской бронзовой утвари по сравнению с заказом, доверенным С. де Анджелису.

⁷ Телеграмму С. де Анджелиса выявить в фондах ОР ГМИИ не удалось.

⁸ Подразумеваются склады крупнейшего в тогдашней Москве гостиничного и складского комплекса – «Кокоревского подворья» на Софийской набережной напротив Кремля и Васильевского спуска, рядом с возведенной в 1860-е гг. колокольней церкви Софии Премудрости Божьей. Подворье построено в 1860 – 1864 гг. промышленником и меценатом *В.А.Кокоревым* (1817–1889), архитектор И.Д.Черник; сохранилось частично и в перестроенном виде.

⁹ *Георгиевский Григорий Петрович* (1866–1948), историк, археограф. С 1903 г. – хранитель Отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музея.

¹⁰ *Волков Евгений Николаевич* (1864–1933), приятель молодости Николая II; приступил к исполнению обязанностей градоначальника 16 января, освобожден от должности 18 апреля 1905 г.; в дальнейшем – управляющий Кабинетом Его Величества (с 1909), товарищ председателя Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

¹¹ Этот список не удалось отождествить с каким-либо из сохранившихся.

¹² Сделанные Дмитриевым фотографии неизвестны.

¹³ Этот список также не удалось отождествить с каким-либо из сохранившихся.

¹⁴ *Бруш Эмиль* (1842–1930), хранитель каирского Египетского музея, с конца 1897 г. помогал Нечаеву-Мальцову составлять для московского Музея коллекцию по египетскому разделу, включавшую слепки и некоторые подлинники. О нем и его награждении см. т. 1.

¹⁵ Решением Комитета по устройству Музея Египетскому залу было присвоено имя Нечаева-Мальцова.

¹⁶ Список погибших гипсов, сделанный рукой Пэрка, сохранился. См. ф. 2, оп. I, ед. хр. 208, л. 13–18, 26, 29. Однако едва ли он окончательный и полный.

¹⁷ Выявить упомянутое письмо в фондах ОР ГМИИ не удалось.

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В ПИСЬМАХ И.В.ЦВЕТАЕВА

Елизавета Федоровна, вел. кн. –
Ю.С.Нечаеву-Мальцову
6 февраля 1905 г. – 207	Н.Д.Остен-Сакен – И.В.Цветаеву
27 июля (9 августа) 1905 г. – 258–259
Елизавета Федоровна, вел. кн. –
П.С.Уваровой
ок. 21 марта 1905 г. – 216	Н.И.Романов – И.В.Цветаеву
24 августа 1904 г. – 161
А.Марсель – И.В.Цветаеву
14 июня (н.ст.) 1904 г. – 101	М.П.Степанов – И.В.Цветаеву
[март 1905 г.] – 212
	П.С.Уварова – И.В.Цветаеву
21 марта 1905 г. – 216

ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКУЕМЫЕ ИЛИ ЦИТИРУЕМЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ

О.Ф.Базинер – И.В.Цветаеву
26 июня 1904 г. – 340	И.И.Рерберг. Воспоминания [1932] – 377
Ю.В.Готье – И.В.Цветаеву
20 августа 1904 г. – 315	Г.Трей – И.В.Цветаеву
24 августа (н.ст.) 1905 г. – 391
И.В.Дмитриев – И.В.Цветаеву
28 марта 1904 г. – 310
21 мая 1904 г. – 361
17 июня 1904 г. – 339
20 ноября 1905 г. – 398	Б.В.Фармаковский – И.В.Цветаеву
3 февраля 1910 г. – 302
Елизавета Федоровна, вел. кн. –
Ю.С.Нечаеву-Мальцову
6 февраля 1905 г. – 373	И.В.Цветаев – В.М.Васнецову
13 февраля 1904 г. – 309
Р.И.Клейн – И.В.Цветаеву
23 июля 1904 г. – 344	И.В.Цветаев – Ю.В.Готье
ок. 30 апреля 1904 г. – 297
Г.Кюстхартдт – И.В.Цветаеву
5 сентября (н.ст.) 1905 г. – 382	И.В.Цветаев – П.А.Капнисту
22 июня 1895 г. – 363–364
В.Д.Поленов – Ю.С.Нечаеву-Мальцову
14 мая 1902 г. – 294
2 ноября 1902 г. – 294–296	И.В.Цветаев – в Комитет по устройству
Музея изящных искусств
11 декабря 1905 г. – 400
В.Д.Поленов – И.В.Цветаеву
14 января 1904 г. – 296
20 февраля 1904 г. – 297	И.В.Цветаев – В.И.Модестову
25 сентября 1904 г. – 360
Протокол заседания Комитета
по устройству Музея
изящных искусств
17 ноября 1904 г. – 345	И.В.Цветаев – А.В.Назаревскому (?)
22 декабря 1909 г. – 336
	И.В.Цветаев – В.Д.Поленову
14 января 1904 г. – 296
13 февраля 1904 г. – 296–297, 301–302
	И.В.Цветаев – Н.И.Романову
16 августа 1904 г. – 346
	И.В.Цветаев – Б.В.Фармаковскому
24 октября 1903 г. – 301

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ Музея изящных искусств

- Антикварий (отделение древностей) – 13, 52, 119, 172, 173, 190–192, 194, 195, 199–201, 221, 222, 311, 366, 367, 370, 379, 408, 410, 411, 413, 420
- Ассирийский (Ассиро-Персидский, Азиатский) зал – 13, 53, 59, 60, 74, 177, 179, 237, 256, 318, 322–324, 364, 385
- Аудитория – 109, 152, 173, 221, 274, 337, 379
- Базы колонн – 37, 43, 217, 220
- Барабаны колонн, полуколонн – 46, 180, 217, 220, 221
- Белый зал – см. Центральный зал
- Библиотека – 109, 119, 152, 172, 173, 221, 337, 379, 411
- Венеры (Афродиты) Милосской и Лаокоона зал – 300, 404
- Вестибюль Аудитории – 109, 337
- Вестибюль, оформление его – 188, 221, 257, 265, 266, 379, 393
- Возрождения итальянского 2-й зал – см. Микеланджело зал
- Возрождения итальянского XV в. зал (1-й зал эпохи Возрождения) – 12, 46, 53, 152, 159, 251, 254, 296, 314, 318, 336, 352, 370, 404
- Возрождения Северного зал – 13, 311, 336, 357, 379
- Ворота – 274
- Высота здания Музея – 345
- Гардероб – 378, 379
- Гранит сердобольский, гранитные работы – 24, 35, 220, 221
- Греческой архаики зал – 177, 296
- Двери – 274, 393
- Дворик Греческий (Античный, Классический) – 14, 220, 221, 234, 236, 278, 281, 296, 307, 308, 317, 323, 335, 345, 378, 385, 388, 393, 400
- Дворик Христианский (Итальянский) – 13, 30, 60, 158, 221, 252, 278, 296, 314, 321, 325, 336, 345, 352, 353, 355, 393, 397, 400, 421
- Дворы открытые (хозяйственные) – 221, 274, 278, 379, см. также: Мостовые во дворах
- Древнегреческих надгробий V – IV вв. до н.э. зал (Погребальный кабинет, Некрополь) – 27, 28, 295, 300–302
- Египетский зал – 26, 52, 177, 197, 221, 251, 256, 265, 266, 296, 299, 317, 385, 391, 393, 415, 421, 425
- Живопись стенная в интерьерах – 27, 28, 40, 46, 47, 187, 224, 256, 266, 294–296, 301, 302, 314, 324, 365, 391, 393, 404
- Забастовки на строительстве – 12, 278, 279, 397
- Закладка Музея – 110, 259
- Запасной зал под Центральным залом – 207, 221
- Земля для Музея – см. Колымажный двор
- Земляные работы – 220, 221, 378, 399
- Искусства XVI в. зал – см. Микеланджело зал
- Кабинеты дирекции – 274

* Курсивом выделены страницы, относящиеся к комментариям.

- Каменщики итальянские – 35, 37, 217, 381, 421
- Каменщики русские – 25, 35, 37, 217, 413, 422
- Капители – 10, 25, 26, 38, 180, 217, 404, 422
- Карнизы – 10, 26
- Катакомба в Музее – 26, 28, 94, 179, 291, 299
- Квартиры персонала Музея – 15, 190, 379, 412
- Кватроченто зал – см. Возрождения итальянского XV в. зал
- Колонны вестибюля – 257, 265, 266, 393
- Колонны главного фасада, установка их – 26, 35, 37, 38, 43, 46, 115, 116, 119, 154, 161, 177, 220, 221, 404
- Колонны Центрального зала – 266, 405
- Колонны центральной лестницы, установка их – 24, 266, 405
- Колымажный двор (Колымажная площадь) – 31, 37, 46, 109, 110, 218, 259, 273, 305, 314, 338, 363, 377
- Кровля (медное покрытие) – 211, 399
- Кровля (металлические конструкции) – 399
- Крыльца бокового и заднего фасадов – 399
- Крыша – 180, 279, 405
- Лестница из Христианского двора на второй этаж – 22, 177, 230, 298, 404
- Лестница перед фасадом гранитная – 221, 253, 278, 399
- Лестница центральная, парадная; лестничная клетка и столбы центральной лестницы – 24, 26, 35, 180, 188, 216, 221, 230, 253, 254, 278, 279, 281, 299, 300, 314, 377, 400, 404, 405
- Лестницы в цокольный этаж – 393
- Лисиппа зал – 177, 295
- Лоджии (колоннада) главного фасада – 278, 378, 379
- Ломки мраморные уральские – 259
- Мастерская мраморщиков в Музее – 43, 109, 281, 337
- Мебель, постаменты для скульптур – 269
- Метлахские плиты (покрытие полов) – 177, 225, 226
- Микеланджело зал – 12, 152, 177, 187, 224, 230, 251, 326, 365, 385
- Мостовые во дворах – 221, 278
- Мрамор белый норвежский – 24, 43
- Мрамор белый тирольский – 170, 171
- Мрамор белый уральский – 24, 43, 170
- Мрамор цветной – 24, 26, 221, 405, см. также: Лестница центральная
- Мрамор цветной венгерский – 24, 35, 221, 223, 377, 405, см. также: Лестница центральная
- Мрамор цветной греческий – 377
- Мрамор цветной итальянский – 377
- Мрамора обработка – 26, 38, 217, 220, 281, 299, 377
- Надгробных памятников зал – см. Древнегреческих надгробий V – IV вв. до н.э. зал
- Надписи на фасадах – 178, 182, 220, 223, 361, 378
- Ниобы и ниобидов зал – 295, 314
- Облицовка мраморная – 14, 24, 115, 180, 399, см. также: Лестница центральная, Мрамор белый уральский, Стены Музея
- Ограда сквера гранитная – 399
- Окна, в т.ч. перекрытия проемов, наличники – 14, 266, 409, 411, см. также: Рамы (переилеты) оконные
- Окончание строительства, сроки – 22
- Окраска стен в залах – 224, 230, 250, 256, 265, 266
- Олимпии зал – 177, 295, 319, 329, 404
- Освещение в помещениях Музея – 52, 173, 220, 221, 317, 379, 393
- Остекление – 399
- Отделка помещений – 24, 178, 225, 266, см. также: Окраска стен в залах, Полы в залах, Потолки залов, окраска и роспись их

- Открытие Музея, сроки – 10, 298
 Отопление – 181, 184, 209, 213–215, 225, 278, 399, 400
- Парфенона зал – 177, 221, 295, 376, 404
 Пергамский (Эллинистический) зал – 52, 176, 177, 209, 295, 307, 322, 397
 Перекрытия межэтажные – 220, 409, 411
 Планировка незастроенного участка – 399
 Подвальный этаж – см. Цокольный этаж
 Пожар в Музее – 10, 190–195, 197, 199–201, 207, 221, 327, 366, 367, 371, 406–424
 Полуколонны боковых фасадов – 10, 25, 26
 Полы в залах – 177, 188, 206, 209, 211, 220, 221, 223, 224–226, 251, 256, 278, 365, 382, 409, 412, см. также: Метлахские плиты (покрытие полов), Террацца (покрытие полов)
 Полы внешней колоннады – 220, 221
 Порттик (ризалит) центральный – 35, 220, 251, 300
 Потолки залов, в т.ч. окраска и роспись их – 221, 224, 230, 250, 254, 256, 266, 278, 324, 345, 365, 409, см. также: Живопись стенная в интерьерах
 Праксителя зал – 177, 295, 300, 393, 404
 Предохранение гипсов от загрязнения – 226, 242
 Проект фасадов, планы здания – 259
 Проекты экспозиции Музея – 172, 177, 222, 250, 256, 278, 336
- Рамы (переплеты) оконные – 160, 399, 411, 416, 420, 421
 Ренессанса 1-й зал – см. Возрождения италянского зал
 Ренессанса 2-й зал – см. Микеланджело зал
 Римский зал – 40, 109, 120, 197, 216, 221, 250, 296, 343, 359, 400, 404
- Сквер перед Музеем – 399
 Смета – 22
- Снеготаялка (таяльник) – 200, 201, 230, 279, 370
 Средних веков зал – 11, 12, 27, 38, 40, 45, 84, 115, 132, 146, 151, 152, 158, 177, 225, 229, 230, 250, 254, 265, 296, 311, 312, 318, 332, 336, 341, 347, 348, 355, 356, 359, 383, 389, 404
 Стены Музея – 35, 206, 224, 256, 411, см. также: Облицовка мраморная, Окраска стен в залах, Штукатурные работы
 Строительная комиссия Музея – 120, 190, 209, 211, 217, 223, 305, 345, 364, 376, 399, 400, 425
- Террацца (мозаичное покрытие полов) – 177, 211, 225, 226, 382, 400
 Тротуары вокруг здания – 399
- Фасад Музея главный – 14, 191, 221, 278, 300, 399, 404, 407, 411, 421
 Фасад Музея задний – 14, 211, 221, 223, 399
 Фасады Музея боковые – 10, 211, 221, 278, 345, 399
 Фриз скульптурный на колоннаде главного фасада Музея – 14, 29, 35, 39, 170, 171, 174, 221, 249, 259, 260, 268, 303, 308, 389, 391, 422
 Фриз скульптурный центрального портика (ризалита) – 14, 18, 19, 29, 35, 39, 178, 202, 221, 268, 291, 294, 301, 303, 308
- Хоры Центрального зала – 405
- Центральный зал – 26, 188, 207, 216, 300, 365, 382, 405
 Цоколь, цокольный этаж Музея – 24, 152, 173, 201, 220, 371, 378, 424
- Читальня Библиотеки – 119, 152, 173, 274, 379
- Штукатурные работы – 14, 119, 177, 206, 209, 211, 221, 224, 230, 278, 299, 399, 400, 404

- Эгинетов зал – 359, 415
 Экспонатов размещение в залах – 14, 38, 41, 45, 53, 109, 146, 151, 167, 183, 188, 189, 224, 230, 274, 278, 318, 356, см. также:
 Проекты экспозиции Музея
- Экспонатов хранение – 10, 14, 15, 46, 50, 109, 151, 152, 160, 161, 188, 190–192, 199–201, 204, 207, 305, 314, 367, 368, 408, 409, 412, 413, 416, 418, 424
 Эллинистический зал – см. Пергамский зал

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ *

- Акварели Ф.П.Реймана – 21, 22, 132, 297, 404
 Александр III, статуя для Музея – 207, 405
 «Альдобрандинская свадьба», фреска – см. Живопись античная стенная
 Амазонка, статуя Поликлета – 386
 Аменхотеп III, статуи (Фивы) – 386
 Апис, скульптура – 91, 333
 Апоксиомен, статуя Дейдалоса – 267, 319, 394
 Апоксиомен, статуя Лисиппа – 55, 267
 Аполлон архаический, статуя – 417
 Аполлон Бельведерский, статуя – 119, 341
 Аполлон Штейнгаузера, голова статуи – 119, 144, 341
 «Аполлоны» – см. Клеобис и Битон
 Аполлоны (курсы), статуи – 237, 385
 Аталанта, статуя – см. Диана из Габий
 Атлет (царь Агий), статуя – 72, 329
 Атлет, статуя школы Поликлета – 392
 Афина (Паллада) Велетри, статуя – 36, 59, 73, 307
 «Афинское кладбище», живописное панно А.Я.Головина – см. «Древнеэллиническое кладбище»
 «Афродита в садах», статуя Алкамена – 36
 Ахилл Боргезе (Марс), статуя – 59, 73, 321
 Ашшурнасирпал (Ассурназирпал) II, статуя – 255, 390
- Барельеф с жертвенника (о. Фасос) – 59, 322
 «Битва Сети I с сирийскими бедуинами», рельеф в храме Амона (Карнак) – 256, 390
 «Благовещение», рельеф А. дела Роббиа (Флоренция) – 158, 352
 Богоматерь с Младенцем (Мадонна из Брюгге), статуя Микеланджело – 55, 319
 Богоматерь с Младенцем и свв. Франциском и Космой, рельеф А. дела Роббиа (Варримиста) – 50, 316, 423
 Богоматерь Шартрская, статуя – 71, 327, 328
 Боргезский боец – см. «Гладиатор Боргезе»
 Борцы, статуя – 59, 322
- Вазы античные – 15, 50, 191, 204, 316
 Венера Аральская, статуя – 36, 59, 307
 Венера Милосская, статуя – 53
 Венера Прародительница («Венера из Фрежюса») – 36, 59, 73, 307
 «Восставший раб», статуя Микеланджело – 235, 385
- «Галл, убивающий себя и свою жену», скульптурная группа – 418
 Генрих II, бюст Ж.Гужона – 77, 330
 Генрих II, бюст Ж.Пилона – 77, 330
 Генрих II и Екатерина Медичи, гробница Ж.Пилона – 330
 Генрих II и Кунигунда, гробница Т.Рименшнейдера (Бамберг) – 167, 168, 357

* Скульптуру средневековых соборов и церквей см. в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели» под названиями соответствующих зданий.

- Генрих III, бюст Ж.Пилона – 77, 330
 Гера Самосская, статуя – 59, 321
 Геракл и кентавр, скульптурная группа – 267
 Геркулес Фарнезе («Отдыхающий Геракл»), статуя Гликона – 343
 Гестия Джустиниани, статуя Каламида – 318
 Гильдесгеймский клад – 173, 228, 229, 235, 261, 263, 269, 270, 359, 382, 391
 «Гладиатор Боргезе», статуя Агасия, сына Досифея – 59, 321
- Двери западные наружные Софии Новгородской – 42, 312
 Двери южного портала собора в Аугсбурге – 42, 43, 263, 264, 312
 Двери соборов см. также в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели» на соответствующие постройки
 «Дельфийский возникший», статуя – 72, 329
 Диадумен, статуя Поликлета – 72, 329, 386
 Диана Версальская (Артемиды с ланью), статуя – 59, 73, 321
 Диана из Габий, статуя – 59, 321
 Диоскуры, статуи – 251, 252, 389
 Дорифор (Копьеносец), статуя Поликлета – 55, 319, 386
 «Древнеэллиническое кладбище», живописное панно А.Я.Головина – 301, 302
- Екатерина II, памятник Б.В.Эдуардса (Екатеринодар) – 299
 Епископское место Й.Сирилы (Ульм) – 353
- Живопись стенная античная – 222, 234, 379, 380, 384
- Зебальд св., рака П.Фишера Старшего (Нюрнберг) – 42, 133, 163, 165, 183, 313, 353, 354
- Идолино, статуя – 55, 319
 Иоанн Бесстрашный и Маргарита Баварская, гробница Х. де ла Хуэрта (Дижон) – 105, 336
 «История искусств», живописное панно П.Делароша – 67, 326
- Канделябры Бернварда – 270, 395
 Кантория Донателло (Флоренция) – 122, 158, 183, 210
 Кантория Л. делла Роббиа (Флоренция) – 183
 Капитель XI в. – 77
 Кариатида, статуя – см. «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели». Эрехтейон
 Кариатида сокровищницы сифнийцев (Дельфы) – 329
 Кафедра Джованни Пизано (Сиена) – см.: Кафедра Никколо и Джованни Пизано (Сиена)
 Кафедра Никколо Пизано (Пиза) – 68, 122, 151, 183, 224, 252, 326, 350
 Кафедра Никколо и Джованни Пизано (Сиена) – 224, 252, 381
 Кафедра проповедническая (Вексельбург) – 359
 Киниск, статуя Поликлета – 386
 Клад из Боскорале (Помпеи) – 72, 173, 228, 329
 Клеобис и Битон, статуи Полимеда Аргосского – 72, 329
 Коллеони, конный памятник А.Верроккио (Венеция) – 30, 46, 109, 176, 303
 Колодец пророков (Колодец Моисея) К.Слютера и К. де Верве, архитектурно-скульптурный ансамбль (Дижон) – 41, 60, 64, 75, 76, 85, 86, 88, 91, 96, 104, 105, 187, 235, 311, 326, 330, 336
 Колонна Бернварда (Гильдесгейм) – 229, 382, 383
 «Коронование Богоматери», рельеф А. делла Роббиа (Оссерванца) – 158, 198, 370

- Крестильная купель (Гильдесгейм) – 229, 383
- «Львица и овца, кормящие своих детенышей», рельефы – 264, 392
- Мадонна – см. также Богоматерь
- Мадонна Медичи, статуя Микеланджело – 151, 351
- Максимилиан I, гробница П.Фишера Старшего (Инсбрук) – 163, 354
- «Мальчик с уткой», статуэтка – 267
- Марс (Ахилл) Боргезе – см. Ахилл Боргезе
- Медичи, надгробные памятники Микеланджело (Флоренция) – 68, 78, 122, 151, 187
- Мереха, гробница (Малая Азия) – 385
- «Мертвый Христос», картина Г.Гольбейна – 341
- Микенский клад – 262, 270
голова бычка, ритон – 173, 262, 269, 358, 391, 398
- Мозаика апсиды ц. Сан Микеле ин Аффричиско (Равенна) – 50, 175, 317
- Мозаики мавзолея Галлы Плацидии (Плакидии) (Равенна) – 115, 250, 309
- Мозаики собора Сан Марко (Венеция) – 27, 38, 39, 41, 45, 115, 308, 310, 404
- Мозаики см. также в разделе «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели» на соответствующие постройки
- «Моисей», статуя Микеланджело – 68, 78, 122, 151, 187
- «Молодой человек в профиль, со шляпой в руках», картина Рембрандта – 47, 316
- Нерва, статуя – 369
- Ника (Виктория) Самофракийская, статуя – 36, 59, 72, 278, 307, 397
- Ниобеи (Ниобы), группа статуй – 45, 55
- Нюрнбергская Мадонна, статуя – 55, 133, 164, 318
- Парис, статуя – 199, 370
- Паява, гробница (Малая Азия) – 385
- «Персей и Медуза», скульптурная группа, рельеф постамента Бенвенуто Челлини – 55, 319
- Пленный варварский вождь («Пленный дак»), статуя – 199
- Положение Христа во гроб, барельеф Ж.Гужона – 77, 330
- «Последний день Помпеи», картина К.П.Брюллова – 302
- Предметы утвари и мелкая пластика из Помпей и Геркуланума – 29, 73, 106, 114, 115, 121, 155, 177, 179, 183, 190, 191, 193, 195, 197, 303, 408, 409, 411–413, 415–423, 425
- «Распятие», скульптурная группа (Вексельбург) – 45, 314
- Румянцев А.И. Живописный портрет В.Л.Боровиковского – 208, 373
- Румянцев Н.П. Живописный портрет Дж.Доу – 208, 373
- Румянцева М.А. Живописный портрет Б.Ш.Митуара – 373
- Румянцева М.А. Живописный портрет А.П.Антропова – 373
- Саркофаги древнехристианские – 199, 250
- Саркофаги египетские – 242
- Св. Георгий, рельеф М.Коломба – 77, 330
- Сидение для хора Й.Сирлина (Ульм) – 353
- Сидящая мужская фигура из Милета (Харес, сын Клесия), статуя – 385
- Силен с младенцем Дионисом, скульптура Лисиппа – 59, 322
- «Скорбящая Богоматерь», скульптура Ж.Пилона – 77, 330
- «Скорчившийся мальчик», скульптура Микеланджело – 305
- Статуи Джованни Пизано в капелле Санта Мария дель Арена (Падуа) – 48
- «Стела сна», эпитафический памятник – 256, 390

- «Страсти Христовы», горельефы
А.Крафта (Нюрнберг) – 164, 355
- Сфинкс, скульптура (Гизе) – 390
- Сфинкс, скульптура – 199, 370, см. также раздел «Исторические архитектурные комплексы и сооружения и их модели».
- Серапееум
- Танагрские терракоты, статуэтки – 394
- «Тезей и Минотавр», скульптурная группа А.Кановы – 392
- «Три грации», скульптурная группа Ж.Пилона – 77, 330
- «Умирающий раб», статуя Микеланджело – 235, 385
- Фавн танцующий, статуэтка – 417
- «Фарнезский вол» («Фарнезский бык»), скульптурная группа – 109, 177, 337
- Фаюмские портреты – 162, 343
- Федериги, надгробный памятник Л. делла Роббиа (Флоренция) – 352
- Филипп Смелый, гробница Ж. де Марвиля и К.Слютера (Дижон) – 105, 336
- плакальщики, статуэтки – 335, 336
- Филипп По, гробница Ф.Лемуатюрье плакальщик, статуя – 330
- «Фонтан невинных», рельефы Ж.Гужона – 330
- Франциск II Бретонский и Маргарита де Фуа, гробница М.Коломба – 77, 330, 336
- Фрески в доме Ливии (Рим) – см. Живопись стенная античная
- Фридрих III Мудрый, гробница П.Фишера Младшего – 162, 163, 353
- Фриз орнаментальный из дворца Омейядов (Иордания) – 317
- Фуйуа Э., де, гробница – 311
- Хаммурапи, стела – 13, 60, 323
- «Христианская колонна» – см. Колонна Бернварда (Гильдесгейм)
- Церера, статуя – 369
- «Человек с гусями», фонтанная статуя П.Лабенвольфа – 55, 319
- «Черный обелиск» Салманасара II – 255, 390
- Шабо Ф., надгробная статуя П.Бонтана – 77, 330
- Юнона Барберини, статуя – 199, 369

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СООРУЖЕНИЯ И ИХ МОДЕЛИ

- Акрополь (Афины) – 295, 359
- коры, статуи – 173, 358, 359
- Никэ Аптерос храм – 295
- Парфенон – 80, 266, 295, 321, 323, 358
- скульптура фронтонов – 237, 244, 334, 388
- скульптурный фриз – 170, 243, 244, 334, 388
- юго-восточный угол (реконструкция, слепок) – 13, 14, 60, 69, 75, 76, 86, 88, 95, 101–103, 106, 233, 234, 236, 278, 323, 335, 345, 378
- Эрехтейон – 295
- капитель – 10, 13
- кариатида – 244, 388
- колонны восточного портика – 13
- колонны северного портика – 308
- портик кариатид – 234, 236, 278, 384
- Аменхотепа (Аменофиса) III храм (Фивы) – 238, 387
- Аполлона в Бассах храм (Фигалия) – 295, 386
- скульптурный фриз – 13, 237, 239, 243, 244, 386

- Аппиева дорога – 28, 302
 Арсенал (Москва) – 204, 371
 Артемиды в Эфесе храм (Малая Азия) – 386
 база колонны – 13, 386
- Баптистерий (Флоренция)
 двери восточные, «Райские»,
 Л.Гиберти – 354
- Бенедиктинский монастырь
 (Санкт-Блазиен) – 248, 388
- Богоматери ц. (Дижон) – 105, 336
- Большой Кремлевский дворец (Москва) – 268, 394
- Версальский дворец – 231, 307, 322, 331, 383
- Вилла Адриана (Тиволи) – 380
- Галикарнасский мавзолей (Малая Азия) – 13, 237, 238, 386
 конная фигура, статуя – 244, 386
 Мавзол, статуя – 244, 386
 скульптурный фриз – 239, 243, 386
- Героон из Гельбаши-Трисе в Ликии
 (Малая Азия), надгробный памятник – 264, 392
- Геры храм (Олимпия) – 295
- Геры храм (о. Самос) – 321
- Гефеста храм (Афины) – 266, 295, 307, 393
- Дворец Артаксеркса II (Сузы) – 59, 364
 лучники, рельеф – 183, 364
- Дворец Ашшурбанапала (Куюнджик) – 324
- Дворец Ашшурнасирапала
 (Ассурназирпала) II (Нимруд) – 324
 рельефы – 13, 237, 317, 322, 385
 крылатые быки – 13, 74
- Дворец Правосудия (Париж) – 325
- Дворец Саргона II (Хорсабад) – 324
 крылатые быки – 59, 60, 74, 76, 79, 85, 86, 183, 186, 322
 крылатый лев – 59, 322
- Дворцовая капелла Карла Великого
 (Ахен) – 319
- Дом Веттиев (Помпеи) – 380
- Дом Ливии (Рим) – 380
- Замковая церковь (Виттенберг) – 353
- Капелла Медичи (Флоренция,
 ц. Сан Лоренцо) – 351
- Капитель древнеперсидская (Сузы) – 59, 60, 74, 85, 322
- Катакомбы (Рим) – 26
- Керамик (Афины) – 27, 28, 90, 302
- Колонна из Бубастиса – 238, 387
- Колонна из Гераклеополя – 238, 387
- Колонна Марка Аврелия (Рим) – 382
- Колонна Траяна (Рим) – 382
- Крестовоздвиженский собор (Женева) – 110, 338
- Лоджия деи Ланци (Флоренция) – 319
- Малый Николаевский дворец (Москва) – 204, 372
- Мальмезон, замок – 334
- Нотр-Дам-дю-Пор ц. (Клермон-Ферран) – 41, 63, 311
 капители – 63, 64, 325
 южный портал – 41, 63, 311
- Палаццо Барджелло (Флоренция) – 158, 278, 397
- Палаццо Дожей (Венеция) – 278
- Пале-Рояль (Париж) – 332
- Памятник Лисикрата (Афины) – 14, 234, 236, 278, 295, 384
 капитель – 345
- Памятник Нерейд (Ксанф) – 385
- Памятник с Гарпиями (Ксанф) – 385
- Пантеон (Рим) – 248, 388
- Парфенон – см. Акрополь
- Пергамский алтарь – 52, 317, 360
 скульптурный фриз (горельеф) – 52, 176, 209, 224, 269, 317, 373
- Сан Бернардино делла Оссерванца ц.
 (близ Сиены) – 370

- Сан Витале ц. (Равенна) – 56, 319
 капители – 26, 27, 250, 300
 мозаики – 39, 40, 115, 119, 249, 250, 309, 339, 345, 404
 решетки алтарных преград – 250, 389
- Сан Паоло фуори ле мура ц. (Рим) – 188, 365
- Сант Аполлинаре Нуово ц. (Равенна)
 мозаики – 115, 250, 309, 339, 404
 решетки балюстрады – 250, 389
- Св. Антония ц. (Санто) (Падуа) – 48
- Св. Георгия храм (Гусь-Хрустальный) – 190, 218, 377
- Св. Зебальда ц. (Нюрнберг) – 163, 164
- Св. Иакова ц. (Якобскирхе) (Нюрнберг) – 164, 355
 «Оплакивание Христа», скульптурная группа – 164, 355
- Св. Михаила ц. (Гильдесгейм) – 229, 383
- Св. Николая Чудотворца в Старом Ваганькове ц. (Москва) – 36, 225, 381
- Св. Петра собор (Рим) – 80, 178, 233, 361, 366
- Св. Ремигия ц. (Реймс) – см. Сен Реми ц. (Реймс)
- Св. Стефана собор (Вена) – 265, 392
- Сенат (Москва) – 371, 372
- Сен Жермен-де-Пре ц. (Париж) – 81, 92, 331
- Сен Мишель ц. (Дижон) – 105, 336
- Сен Реми ц. (Реймс) – 83, 84, 332
 капители – 83, 332
- Сент Шанель (Париж) – 66, 78, 94, 325
 апостолы, статуи – 66, 67, 136, 326
- Серапеем (Саккара) – 390
 сфинкс, скульптура – 255, 390
- Собор (Амьен) – 60–62, 69–71, 94, 324
 ангел с кадильницей, статуя – 60, 62, 79, 82, 85, 324
 благословляющий Христос, статуя – 41, 60–62, 79, 311
 южный портал со статуей Богородицы («Золотая Богородица») – 41, 60–62, 79, 311
- Собор (Ахен) – 56, 319
- Собор (Базель) – 106, 118, 337
 Искуситель и Неразумная дева, статуи – 118, 137, 138, 141, 142, 145, 341
 св. Георгий с копьем и дракон, статуи – 118, 341, 349
 св. Мартин, статуя – 145, 349
- Собор (Бамберг) – 166, 255, 347, 355, 356
 Адам, статуя – 166, 167
 апостолы и пророки, рельефы – 133, 167, 347
 «Благовещение», группа статуй – 133, 167, 356
 всадник (Конрад III), статуя – 167, 356
 Генрих II Святой, статуя – 133, 166, 167
 Ева, статуя – 133, 166, 167, 355
 Кунигунда, статуя – 133, 166, 167,
 св. Анна (Сивилла), статуя – 133, 167, 356
 Синагога, статуя – 166, 167, 355
 «Страшный суд», рельеф – 167, 355
 Церковь, статуя – 166, 167, 355
- Собор (Бордо) – 62, 64
- Собор (Бурж) – 62, 94, 96, 97, 323
 тимпан главного портала – 60, 65, 88, 92, 96–98, 187, 323, 327
- Собор (Гильдесгейм) – 229
 двери южного портала – 42, 45, 229, 312, 383
- Собор (Гнезно) – 312
 двери – 42, 312
- Собор (Дижон) – 105, 336
- Собор (Женева) – 111, 338
- Собор (Кёльн) – 40, 54, 318
- Собор (Лозанна) – 106, 107, 337
 дверные молотки – 106, 337
- Собор (Магдебург)
 Мудрые и Неразумные девы, статуи – 138
- Собор (Наумбург) – 133, 168, 255, 319
 Богородица, статуя – 55, 319
 Гербурга, статуя – 134, 347
 Герман, статуя – 55, 319
 Иоанн, статуя – 55, 319
 «Распятие», скульптурная группа – 168, 319

- Реглинда, статуя – 55, 319
 «Страсти Господни», рельефы – 168, 182, 319
 Ута, статуя – 55, 319
 Эккехард, статуя – 55, 319
 Собор Парижской Богоматери – 57, 58, 92, 320
 Богоматерь с Младенцем, рельеф – 58, 320
 Богоматерь с Младенцем, статуя – 320
 «Поклонение волхвов», горельеф Ж.Раби – 320
 Собор (Плоцк) – 312
 Собор (Реймс) – 62, 80–82, 84, 94, 279, 331
 ангелы, статуи – 331, 399
 пророки, статуи – 399
 «Встреча Марии и Елизаветы», группа статуй – 82, 332
 Иоаким, статуя – 332, 399
 Иосиф и служанка – статуи из группы «Сретение» – 332, 399
 капители – 83
 растительный орнамент – 399
 рельефы – 83
 Улисс, статуя – 331
 улыбающийся ангел, статуя – 82, 332, 399
 Собор (Руан) – 62, 64
 Собор (Страсбург) – 62, 133, 135–138, 161, 255, 325, 347, 348
 апостолы, статуи – 133, 138
 Добродетели, статуи – 137, 138
 Искуситель и Неразумная дева, статуи – 137, 138, 141, 347
 «Коронование Богородицы», рельеф – 136
 Мудрые и Неразумные девы, статуи – 133, 137, 138, 141, 347
 мужской бюст – 348
 Синагога, статуя – 133, 135, 136, 138, 166, 347
 «Успение Божьей Матери», рельеф – 136, 348
 Церковь, статуя – 133, 135, 136, 138, 347
 Собор (Фрейберг) – 171
 «Золотые ворота» – 65, 171, 200, 325, 357
 Собор (Фрейбург) – 11, 125–127, 134, 153, 159, 168, 346
 балдахины статуй – 128, 132, 145–148, 156–158, 246
 Мудрые и Неразумные девы, статуи – 127, 133, 138, 142, 145, 147, 246, 346
 7 свободных искусств, статуи – 125, 127, 133, 142, 145, 148, 246, 346
 Собор (Шартр) – 62, 66, 67, 69–71, 78, 81, 94, 327
 апокалиптические старцы, горельеф – 71, 79, 328
 арка свода тимпана – 71
 балдахин и подножие статуи – 328
 ветхозаветные предки Христа, статуи-колонны – 71, 79, 328
 св. Модеста, статуя – 71, 328
 св. Феодор (св. Георгий), статуя – 328
 «Христос во Славе», рельеф – 71
 Сокровищница кнудян (Дельфы) – 72, 74, 329
 Стоя Эвмена (Афины) – 295
 Театр Диониса (Афины) – 295
 «Тезея храм» (Вена) – 392
 Тесейон (Фесейон) (Афины) – см. Гефеста храм (Афины)
 Улица Гробниц (Помпеи) – 28, 302
 Усыпальница великого князя Сергея Александровича – см. Чудов монастырь
 Храм в Ассосе (Троада), рельефы – 59, 322
 Храм Никэ Аптерос – см. Акрополь Христа Спасителя храм (Москва) – 110, 338
 Чудов монастырь (Москва) – 204, 372, 397
 Элевсинская дорога – 27, 28, 302
 Эрехтейон – см. Акрополь
 Юпитера (Зевса) храм (Олимпия) – 295

ОРГАНИЗАЦИИ, ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

- Академия изящных искусств (Штутгарт) – 162, 163, 352
- Академия наук (императорская, Петербург) – 372, 387
- Академия художеств (Дюссельдорф) – 300, 301
- Академия художеств (императорская, Петербург) – 25, 42, 257, 291, 292, 299, 338, 373
- Александро-Мариинский институт (Москва) – 338
- Альбертинум (Дрезден) – 45, 68, 168–174, 200, 226, 228, 269, 270, 303, 357–359
- Археологическая комиссия (императорская, Петербург) – 268, 302, 394
- Австрийский Археологический институт (Афины) – 392
- Анненшule (Петербург) – 150, 350
- Археологический музей (Женева) – 111
- Баварский Национальный музей (Мюнхен) – 263, 314, 392
- Бамбергский епархиальный музей – 355
- Берлинский университет – 323, 344, 390
- Берлинские королевские музеи – 40, 109, 135, 167, 168, 169, 176, 199, 208, 252, 321, 359, 360, 390, 394
- Библиотека (Женева) – 338
- Богадельня для неимущих дворян Московской губ. им. С.Д.Нечаева (Москва) – 31, 217, 304
- Богородско-Глуховская мануфактура – 362
- Большой театр (Москва) – 340
- Боннский университет – 321, 344
- Британская школа (Афины) – 387
- Британский музей (Лондон) – 59, 199, 224, 236–239, 242, 243, 254–257, 265, 266, 322, 324, 329, 385–388
- Варшавский университет (императорский) – 36, 239, 306, 344
- Ватиканская библиотека – 380
- Ведомство Учреждений императрицы Марии (Россия) – 306, 387
- Всемирная выставка (Париж, 1900) – 210, 375
- Высшая техническая школа (Берлин) – 360
- Высшее Коммерческое училище (императорское, Москва) – 344
- Высшие женские курсы (Москва) – 32, 39, 184, 306
- Галерея Принца Неаполитанского – 114, 339
- Германский национальный музей (Нюрнберг) – 42, 164, 165, 313, 318, 355
- Глиптотека «Нового Карлсберга» (Копенгаген) – 353
- Городской художественный музей Валлрафа – Рихарда (Кёльн) – 54, 318
- Государственная Дума (Петербург) – 396, 397
- Государственное казначейство (Петербург) – 214
- Государственный контроль (Петербург) – 214, 215, 374
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В.Щусева (Москва) – 360, 401
- Государственный совет (Петербург) – 122, 125, 225, 293, 342, 375, 376, 380, 395, 402
- Дворянское собрание Московской губернии – 198, 369
- Египетский музей (Берлин) – см. Новый музей (Берлин)
- Египетский музей (Каир) – 425
- Женевский университет – 110, 338
- Институт Франции (Париж) – 57, 76, 87, 92, 232, 320, 325, 333

- «Историко-художественная выставка русских портретов» (Петербург, 1905) – 208, 373
- Исторический музей (Базель) – 144, 145, 349
- Исторический музей – см. Российский Исторический музей
- Кабинет изящных искусств и древностей – см. Московский университет, Музей изящных искусств и древностей
- Казенная палата (Москва) – 284, 401
- Кенсингтонский музей (Лондон) – см. Музей Виктории и Альберта
- «Климатолечебный пансион» (Ялта) – 271
- Кокоревское подворье (Москва) – 415, 418, 420, 421, 425
- Коллеж Мазарини (Париж) – 320
- Комитет попечительства о русской иконописи (Петербург) – 21, 22, 297,
- Комитет по сооружению в Москве памятника Александру III – 212, 376
- Комитет по устройству Музея изящных искусств – см. Московский университет
- Контрольная палата (Москва) – 223, 374
- Королевская библиотека (Штутгарт) – 162, 353
- Королевский музей монументального искусства («Музей 50-летия») (Брюссель) – 335, 350
- Лазаревский институт (Москва) – 124, 344
- Лейпцигский университет, музей при нем – 45
- Лейпцигский художественный музей – 359
- Лицей имени цесаревича Николая (Москва) – 212, 376
- Лувр (Париж) – 53, 57–61, 65, 72–79, 85, 86, 88–90, 107, 134, 173, 179, 187, 199, 222, 228, 233–235, 238, 307, 320–322, 324, 328–330, 332, 333, 364, 379, 384, 385
- Малый театр (Москва) – 349
- Мексиканский музей – 233
- Метрополитен-музей (Нью-Йорк) – 63
- Министерство Императорского Двора (Россия) – 387
- Министерство иностранных дел (Франция) – 88, 89
- Министерство народного просвещения (Россия) – 30, 88, 123, 150, 153, 184, 186, 213, 215, 225, 300, 305, 361, 400
- Министерство народного просвещения (Италия) – 30, 68, 73, 252
- Министерство народного просвещения (Франция) – 64, 75, 76, 78, 83, 85, 86, 91, 95, 98–100, 102, 103, 131, 233, 235, 279
- Министерство финансов (Россия) – 122, 155, 213–215, 401
- «Мир искусства», художественное объединение (Петербург) – 373
- Московская городская Дума – 110
- Московская практическая академия коммерческих наук – 285, 401
- Московские педагогические курсы – 401
- Московский археологический институт – 344
- Московский архив Министерства юстиции – 344
- Московский Земельный банк – 292
- Московский Публичный и Румянцевский музеи – см. Румянцевский музей
- Московский университет (императорский) – 124, 184, 203, 285, 298, 303, 306, 340, 343–345, 361, 364, 365, 367 381, 383, 396, 401, 404, 412, 425
- Комитет по устройству Музея изящных искусств – 10, 11, 14, 19, 22, 23, 31, 36, 37, 41, 59, 60, 68, 85, 94, 95, 102, 108, 109, 120–122, 133, 135, 138, 156, 163, 165, 178–182, 184–188, 192, 193, 195, 201, 202, 205–208, 210, 212, 214, 216, 221–223, 228, 229, 234, 235, 243, 255, 259, 262, 270, 271, 291, 292, 294, 295, 297, 298, 304, 305, 309–311, 317, 322, 323, 326, 327, 338, 339, 343–345, 361–363, 365, 370–376, 382, 389, 395, 402, 404, 405, 420, 424, 425

- Музей (Кабинет) изящных искусств и древностей – 15, 46, 50, 199, 211, 305, 314, 316, 366, 408, 412
 Правление Университета – 156, 187, 201, 205, 370, 425
 Совет Университета – 217, 425
 Московское археологическое общество (с 1881 г. – императорское) – 212, 375, 376
 Московское нумизматическое общество – 340
 Московское художественное общество – 316, 376
 Музей Ватикана – 197, 319, 370
 Музей Акрополя (Афины) – 358
 Музей античного искусства университета (Страсбург) – 133, 139
 Музей Бостонского университета – 63, 169, 174, 253
 Музей Виктории и Альберта (Лондон) – 79, 106, 142, 151, 161, 163, 241–243, 261, 387
 Музей восковых фигур Гревен (Париж) – 93, 334
 Музей древностей Римской провинции (вилла Джулия, Рим) – 339
 Музей естественной истории (Женева) – 338
 Музей изящных искусств (Питтсбург) – 234, 384
 Музей изобразительных искусств (Будапешт) – 392, 393
 Музей изящных искусств (Филадельфия) – 63
 Музей изящных искусств (Штутгарт) – 162, 352
 Музей имени императора Фридриха (Берлин) – 47, 49, 51, 53, 174–176, 180, 189, 198, 225, 227, 254, 315, 360
 Музей истории искусств (Художественно-исторический музей, Вена) – 264, 265, 392
 Музей Клюни (Париж) – 57, 320, 326
 Музей при Академии художеств (Дублин) – 79, 163
 Музей Российской Академии художеств (Москва) – 321
 Музей Центрального училища технического рисования барона А.Штигица (Петербург) – 279, 398
 Мюнхенский университет – 344
 Национальная библиотека (Париж) – 328
 Национальная галерея (Берлин) – 51, 52, 225
 Национальный археологический музей (Неаполь) – 73, 114, 121, 319, 329
 Национальный музей (Афины) – 329
 Национальный музей Барджелло (Флоренция) – 48, 316, 319
 Неаполитанский университет – 114
 Немецкое Восточное общество – 323
 Николаевская инженерная академия (Петербург) – 425
 Николаевское сиротское женское профессиональное училище (Москва) – 344
 Никольская мануфактура «М.Ф.Морозова с сыновьями» – 389
 Новороссийский университет (императорский, Одесса) – 300, 301
 Новый музей (Берлин) – 225, 251, 256, 257, 317, 389
 Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (Петербург) – 425
 Общество Красного Креста, дамский комитет – 293, 298
 Одесское художественное училище – 300
 Окружной суд (Москва) – 38
 Особый комитет помощи воинам (Москва) – 298
 Пергамский музей (Берлин) – 51, 52, 225, 360, 373
 Петербургский университет – 300, 313, Политехнический музей (Москва) – 226
 Православное Палестинское общество (Россия) – 209, 212, 375
 Промышленное училище им. Александра II (Москва) – 110, 338, 363, 364

- Ремесленное училище им. И.С.Мальцова (Владимир) – 218, 280, 365, 377, 399
- Российский (ныне – Государственный) Исторический музей (Москва) – 292, 293, 312, 374
- Румянцевский музей (Москва) – 14, 18, 19, 21, 22, 31, 39, 94, 115, 152, 181, 185, 187, 192, 194, 195, 200, 201, 207, 208, 222, 225, 226, 282–284, 291–293, 304, 305, 310, 311, 313, 314, 337, 340, 364, 365, 367, 368, 373, 379, 381, 397, 398, 401, 424, 425
- Русский музей (Музей Александра III, Петербург) – 49, 316
- Русское историческое общество (Петербург) – 373
- Северное страховое общество (Москва) – 201, 303, 322
- Синод (Петербург) – 367, 381
- Синья, фабрика (близ Флоренции) – 210
- «Славянский базар», гостиница (Москва) – 12, 25, 30, 45, 47, 181, 185, 198, 222, 232, 299, 370, 371
- Скульптурное собрание Дрезденских королевских музеев – см. Альбертинум
- Старый музей (Берлин) – 47, 50, 174, 178, 225, 227, 228, 254, 261, 265, 315, 361, 382
- Страсбургский университет – 139, 347, 348
- Строительная комиссия Музея – см. раздел «Проектирование, строительство и оборудование Музея»
- Съезд попечителей учебных округов Российской империи – 153, 351
- Третья мужская гимназия (Петербург) – 306
- Трокадеро (Париж) – 53, 57, 58, 62–67, 71, 72, 75–80, 82–86, 88, 91, 92, 94, 96, 97, 105, 106, 118, 127, 134, 138, 145, 156, 161, 187, 233, 236, 279, 311, 323, 324
- Уффици (Флоренция) – 319
- Учебный художественный музей им. И.В.Цветаева, отдел ГМИИ (Москва) – 317, 318, 321–323, 328–330, 332, 347, 348, 353, 364, 380, 385, 389, 390, 395, 399
- Училище живописи, ваяния и зодчества (Москва) – 212, 309, 376
- Учредительное собрание (Россия) – 197, 278, 368, 369, 375, 397
- Фонд Пио при Академии надписей (Париж) – 325
- Французская академия (Рим) – 68
- Французская школа (Афины) – 72, 89, 328
- Фрейбургский университет (Фрейбург в Брейсгау) – 153, 340, 388
- Харьковский университет – 222, 380
- «Херсонесский археологический музей» (Севастополь) – 268, 394
- Художественное собрание (Базель) – 118, 341
- Художественно-промышленный музей (Берлин) – 261, 360, 391
- Художественный музей (Дижон) – 105, 336
- Школа изящных искусств (Париж) – 13, 53, 57, 60, 66–69, 71, 72, 75–79, 85, 86, 88, 91, 92, 95–97, 101–103, 105, 122, 134, 151, 187, 231–234, 236, 251, 279, 323, 325, 326, 367
- Школа Лувра – 90, 325, 333
- Школа св. Анны (Петербург) – см. Анненшule (Петербург)
- Эрмитаж (ныне – Государственный Эрмитаж, Петербург) – 49, 76, 268, 394
- Южно-Кенсингтонский музей искусств и ремесел (Лондон) – см. Музей Виктории и Альберта
- Юрьевский университет – 367

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

- Аарон (*библ.*) – 383
Абдул Хамид II – 317
Август, император – 307, 380
Авраам, мастер – 312
Агасий – 321
Агий – 329
Адальберт св. (св. Войцех) – 312
Аделунг Ф.П. – 312
Адриан, император – 380
Айналов Д.В. – 42, 313
Аксерио А.П. – 26, 28, 211, 219, 220, 299, 345
Александр, епископ – 312
Александр I Павлович – 315
Александр II Николаевич – 33, 291, 342, 372
Александр III Александрович – 75, 329, 367, 387
Александр Иванович – см. Герцен А.И.
Александр Михайлович, вел. кн. – 376, 397
Александра Георгиевна Греческая, вел. кн. – 376
Александров А.А. – 179, 361
Александров В.А. – 16
Алексеев Е.И. – 119, 155, 342
Алексеева В.А. – 362
Алексей Михайлович, русский царь – 140, 203, 348
Алексей Николаевич, цесаревич – 140, 348
Алкамен – 307, 321
Альдобрандини, кардинал – 380
Аменхотеп III (Аменофис III) – 238, 386, 387
Амон (*миф.*) – 393
Анастасия – см. Цветаева А.И.
Анастасия Михайловна, вел. кн. – 253, 390
- Анджелис С., де (*фирма*) – 29, 106, 114, 115, 121, 122, 190, 195, 303, 339, 367, 368, 413, 422, 425
Аничков Н.М. – 27, 300
Анлар К. – 63–65, 92, 97, 105, 325
Анна (*библ.*) – 394
Анна Австрийская – 332
Анна Степановна – см. Нечаева А.С.
«Антон Эрлангер и К^о» (*товарищество*) – 394
Антропов А.П. – 373
Анхиз (*миф.*) – 307
Аполлон (*миф.*) – 322, 328
Аппий Клавдий – 302
Апулей – 122
Аргус (*миф.*) – 380
Ардуэн-Мансар Ж. – 331
Армбрустер Л. – 29, 169–171, 174, 221, 249, 259, 260, 303, 308, 357, 358, 389, 391, 422
Арронделли (*семья*) – 74, 329
Аррондель Э. – 73, 85, 90, 91, 107, 238, 329
Артасеркс II Мнемон – 59, 74, 322
Артемиды (*миф.*) – 321
Артемисия – 386
Артур король – 354
Ашшурбанал – 324
Ашшурнасирапал II (Ассурназирпал, Ассур-насирапал) – 13, 322, 324
Аталанта (*миф.*) – 321
Афина (*миф.*) – 321
Аццарони А. – 39, 115, 308, 310
- ### Б
- Базинер Л. – 340
Базинер О.Ф. – 340
Баранов А.Н. – 111
Барбьери Дж.Ф. – 222, 379
Баснин Н.В. – 208, 373

* Полу жирным шрифтом выделены те страницы, где даны биографические сведения, курсивом отмечены страницы, относящиеся к комментариям.

Бедекер К. – 232, **383**
 Безобразов А.М. – 276, 396, 397
 Бендорф О. – 392
 Бенедетто да Майано – 253, **390**
 Бернвард, епископ – 229, 270, 382, **383**,
 395
 Бернштейн – см. Синаев-Бернштейн Л.С.
 Берс А.А. – **292**
 Бертоцци Э. – 83, 89, 332
 Бёклин А. – **341**
 Битон – 329
 Блейхрёдер – 208
 Блуме Г. – **382**
 Блуме Т. – 263, **382**, 384, 391
 Блюменау (Блюменау) К. – 180, **362**
 Бобриков Н.И. – 120, **342**
 Боголепов Н.П. – 122, 123, **343**
 Боде (Бодэ) В. – 44, 47–51, 58, 65, 133, 134,
 138, 150, 162, 164, 167, 175, 176, 227,
 315, 316, 360
 Бодо А., де – 65, 108
 Бомбе В. – 175, 359
 Бонди – 122, 158
 Бонтан П. – **330**
 Боргезе К. (*коллекция*) – 321
 Боргезе П. – 321
 Борденав С.М. – 363
 Боровиковский В.Л. – 208, **373**
 Борманн Э. (Е.) – 360
 Боррманн (Борманн) Р. – 176, 360
 Боссюэ Ж.Б. – 88, **333**
 Ботта П.-Э. – 61, **324**
 Брелья Н. – 339
 «Бренцингер и К^о» (*завод*) – 126, 127, 132,
 134, 148, 158
 Бренцингер Ю. – 128, 156, 346, 352
 Бриаксис – 386
 Брокгауз Ф.А. – 57, **320**
 Бругш Э. – 421, **425**
 Брусов Я.А. – 220, **378**
 Бруччани (*мастерская*) – 59, 237–240, 243,
 255, 322, 385, 390
 Брюллов К.П. – 222, 302, 379
 Булыгин А.Г. – 210, **376**
 Бюхелер Ф. – 116, 123, **340**

В

Вадурси В. – 367, 368, 412, 425
 Вайсмут – 312
 Валаам (*библ.*) – 333
 Валлраф Ф.Ф. – 54, **318**
 Ванновский П.С. – 124, **344**
 Василий, служитель – 408
 Васнецов А.М. – 296
 Васнецов В.М. – 39, 268, 295, 296, **309**
 Вебер С.Ф. – 214, **376**
 Вебер Ф.Д. – 271, 274, **395**
 Веневитинов М.А. – 20, 21, **292**
 Венера (*миф.*) – 36, 307
 Верве К., де – **311**, 330, 336
 Вероккьо А. – 30, **303**
 Вильберн – 383
 Вильгельм, кронпринц – 390
 Вильгельм I Гогенцоллерн – 50, 235, 261,
 317
 Вильгельм II, император – 51, 60, 169, 174,
 175, 182, 252, 253, 255, 258, 259, 315,
 317, 323, 390
 Виолле-ле-Дюк Э.Э. – 108, 320, 324, 337
 Виттефт (Виттгёф) В.К. – 142, **348**
 Витри П. – 65, **325**
 Витте С.Ю. – 44, 120, 276–278, **313**, 314,
 396, 397
 Вихман Магдебургский, епископ – 42, **312**
 Владимир Александрович, вел. кн. – 18,
 24, 25, 75, 208, 253, **291**
 Волков Е.Н. – 416, **425**
 Воронин А.А. – 183, 184
 Воронцов-Дашков И.И. – 21, **293**
 Воронцовы-Дашковы (*семья*) – 210

Г

Габсбурги – 264, 392
 Гагарин В.Н. – 48, **316**
 Гапон Г.А. – 196, **368**
 Гарнье – 104
 Гарпии (*миф.*) – 385
 Гверчино – см. Барбьери Дж.Ф.
 Гельбиг В. – 316, 329
 Гензе К.О.Ф. – 126, **340**, 346
 Гензе М. – 340
 Генрих II – 322, 330

- Генрих II Святой – 347, **355**, 357
 Генрих IV – 322
 Георгиевский В.Т. – 367
 Георгиевский Г.П. – 293, 416, **425**
 Геппенер М.К. – 211, **376**
 Герарди М. (*мастерская*) – 367
 Гербер А. (*мастерская*) – 40, 45, 53–55, 119, 134, 310, 367
 Гергард и Гей (*транспортная фирма*) – 31
 Геркулес (*миф.*) – 57
 Гермес Психопомп (*миф.*) – 386
 Герцен А.А. – 106, **337**
 Герцен А.И. – 106, **337**
 Герцены (*семья*) – 106
 Гея (*миф.*) – 358
 Гёрц К.К. – 318, 380, 385
 Гёте И.-В. – 325
 Гиберти Л. – 178, 354
 Гийебо Ж.-П. – 338
 Гирш Г.И. – 271, **395**
 Гладков В.А. (*мастерская*) – 102, 106, 211, 335, 337, 345, 420
 Глазов В.Г. – 12, 124, 125, 214, 215, 184–186, **311**, 313, 351, 361
 Гликон – 343
 Годехард св. – 383
 Голенцев В.С. (*коллекция*) – 318
 Голицын В.М., кн. – 110, 338
 Голицын М.М., кн. – 18, **291**
 Головин А.Я. – 296, 301, 302
 Гольбейн Г. Младший – **341**
 Гомер – 380
 Гонз Л. – 65
 Гораций – 202
 Готье Ю.В. – 22, **297**, 315, 367, 406
 Грановский Т.Н. – 371
 Гранье – 113
 Граф (Графф) Т. – 162, **353**
 Гревен А. – 93, **334**
 Григорий Эдуардович – см. Зенгер Г.Э.
 Гримм Д.И. – 338
 Гриммельсгаузен Г.Я. – 369
 Гросс К. – 358
 Грот К.К. – 239, **387**
 Грот К.Я. – 239, **387**
 Грот Я.К. – 239, **387**
 Губин М.П. – 379
 Гужон Ж. – 77, **330**
 Гуссманн О. – 358
 Гюго В. – 122
- Д**
- Давид (*библ.*) – 85, 104
 Даная (*миф.*) – 358
 Даниил (*библ.*) – 104
 Данте – 122
 Дашков В.А. – 20, 21, **292**
 Дебре Ф. – **326**
 Дедал (Дедайлос) – 394
 Дейков Н. – 413
 Декарт Р. – 335
 Деларош П. – 67, **326**
 Делич Ф. – 60, **323**
 Делянов И.Д. – 362
 Деметра (*миф.*) – 302
 Демосфен – 89, **333**
 Дерюжинский А.Ф. – 177, 360
 Детлинггер – 146, 157, 158, 349, 350
 Джамгаров – 275
 Джамгаров Ал.И. – 396
 Джамгаров Аф.И. – 396
 Джамгаров Н.И. – 396
 Джамгаров С.Н. – 396
 Джуновский В.Ф. – 404, **405**
 Дидо (*книгоиздатель*) – 57, 320
 Дидо Ф. – **320**
 Дионис (*миф.*) – 295
 Диоскуры (*миф.*) – 392
 Дмитриев И.В. – 14, 31, 56, 108, 109, 115, 121, 151, 154–156, 160, 177, 181, 183, 188–194, 197–199, 201, 204, 206, 208, 209, 223, 248, 251, 253, 254, 256, 270, **304**, 305, 309, 310, 339, 340, 351, 352, 361, 389–391, 397, 398, 406–408, 411, 413–416, 418, 420, 421, 423–425
 Д'Орбе Ф. – 331
 Добротворская Е.А. – **304**
 Добротворская Л.И. – **305**, 401
 Добротворская Н.И. – **305**
 Добротворский А.И. – 305, **401**
 Добротворский И.З. – 30–32, 298, **304**

- Донателло – 36, 48, 122, 158, 175, 178, 183, 210, 253, 307
 Дондуков-Корсаков М.А. – 270(?), 395
 Дондуков-Корсаков Н.А. – 270(?), 395
 Досифей – 321
 Достоевский Ф.М. – 341
 Доу (Дау) Дж. – 208, 373
 Дурново П.Н. – 285, 402
 Дюбан Ф. – 326
 Дюрваль В.Н. – 371
 Дягилев С.П. – 208, 373
- Е**
 Елизавета Максимилиановна, принцесса Ольденбургская – 205, 372
 Егорова Т.Е. – 391
 Екатерина II – 98, 299
 Екатерина Медичи – 330
 Екатерина Николаевна – см. Самарина Е.Н.
 Елизавета Федоровна (Елисавета Феодоровна; см. также Великая Княгиня, Ее Высочество) – 12, 22, 59, 204–207, 209, 210, 212, 216, 221, 229, 253, 259, 262, 270, 271, 278, 298, 362, 373, 395, 425
 Елисеев – 286
 Епифаний св. – 383
 Ермолов А.П. – 338
 Ермолова Е.П. – 110, 338
- Ж**
 Жильерон Л.Э. – 173, 262, 358, 391
 Жирардон Ф. – 57, 307, 320
 Жирар П. – 321
 Жиркин – 398
 Жиро К.О. – 37, 308
 Жозефина, императрица – 334
 Жуковский В.А. – 291
 Жуковский П.В. – 18, 19, 47, 171, 291–296, 305, 314, 397
- З**
 Залеман Г.Р. – 18, 19, 21, 29, 39, 202, 221, 291, 292, 294, 301, 303, 308
 «Залесский и Чаплин» (торговый дом) – 215
 Зампига Дж. – 39, 115, 308
 Захария (библ.) – 104
 Захарьин Г.А. – 370
 Захарьина Е.П. – 307, 322
 Зверев Н.А. – 122, 343, 364
 Зевс (миф.) – 358, 389
 Зеeman А.Е. (издательство) – 43, 313
 Зен (Дзен), епископ – 308
 Зенгер Г.Э. – 122–124, 291, 300, 344
 Зенон св. – 308
 Зиничева Е.А. – 16
- И**
 Иванов С.В. – 214, 215, 377
 Иванова М.И. – 16
 Игнатъев Л.Н. – 344
 Игнатъев Н.П. – 120, 342
 Иезбера И.С. – 16
 Иезбера К.Ф. – 16
 Иеремия (библ.) – 85, 104
 Иктин – 323
 Иловайская Н.Д. – 371, 376
 Иловайская О.Д. – 371
 Иловайский В.Д. – 371
 Иловайский Д.Д. – 371
 Иловайский Д.И. – 203, 209, 211, 371, 374, 375
 Иловайский С.Д. – 371
 Илья, дворник – 305, 398
 Им Ж. – 145, 349
 Ине Э.Э., фон – 315
 Ио (миф.) – 380
 Иоаким (библ.) – 394
 Иоанн II – 335
 Иоанн Бесстрашный – 336
 Исая (библ.) – 104
 Истомина В.К. – 206, 372
- К**
 Каввадия (Каввадиас) П. – 173, 262, 358
 Каверау Г. – 358
 Казаков М.Ф. – 372, 379
 Казебу – 175, 360
 Казначеев К.А. – 362
 Каламид – 55, 318
 Калликрат – 323
 Каллимах – 307
 Кальвин Ж. – 111, 338
 Каммерер Э. – 392, 393

- Кампана Дж.П. (*коллекция*) – 234, 384
 Канова А. – 392
 Капнист П.А. – 182, 362, 363
 Карл Великий – 56, 319, 324
 Карнеги Э. – 234, 384
 Кастор (*миф.*) – 389
 Каульбах В., фон – 251, 389
 Кверча Якопо, дела – 134
 Кекуле фон Страдониц Р. – 58, 321
 Келлат А.С. – 367, 406, 416, 417, 425
 Кемпф (Кемф) Ф. – 126–128, 346
 Кемпфен А. – 74, 329
 Кенинг С. – 386
 Кетцель М. – 355
 Кёшлен Р. – 65
 Киршнер – 150, 350
 Клейн (Сенявина) Е.Р. – 412, 415, 425
 Клейн (урожд. Бек) Н.А. – 412, 415, 425
 Клейн Р.И. – 18, 22, 26, 28, 30, 31, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 60, 61, 94, 102, 106, 109, 115, 119–121, 135, 154, 158, 160, 177–181, 183, 187, 190–194, 197, 201, 204, 206, 207, 209–211, 214–216, 221, 226, 230, 235, 249, 250, 252, 254, 256, 257, 259, 260, 265, 270, 273, 274, 278 – 280, 291, 295, 299, 304, 306, 308, 337, 341, 344–346, 351, 360, 361, 367, 389, 391, 397, 404, 405, 407, 409, 410, 412–425
 Клеобис – 329
 Климент II – 356
 Клингер М. – 172, 358
 Коврайская А.А. – 371
 Козлов А.А. – 285, 401
 Козлов В.А. – 211
 Козлов М.И. – 309, 310
 Коковцов В.Н. – 210, 376
 Кокорев В.А. – 425
 Колен А. – 65
 Колесников И.А. – 250, 270, 286, 382, 389
 Колесникова Е.В. – 307
 Колесникова Кс.Ф. – 179, 389
 Колино (Колино) П. – 43, 180, 182, 220, 313, 381
 Колинъон М. – 320
 Коломб М. – 77, 330
 Комб Л.Э. – 149, 350
 Кондаков Н.П. – 42, 297, 313, 380
 Конрад III – 356
 Константин, император – 389
 Константин Константинович, вел. кн. (К.Р.) – 205, 210, 372
 Коровин К.А. – 296, 301
 Котарбинский В.А. – 296
 Косцюшко-Валюжинич К.К. – 394
 Краус Ф.К. – 126, 346
 Крафт А. – 133, 163, 164, 265, 355
 Крейс В. – 358
 Крейтгмайр Й. – 314, 367
 Кресилай – 307
 Кристи Г.И. – 30, 303, 304
 Кристи М.Н. – 304
 Кристофль Ш. – 235, 263, 384
 «Кристофль и К^о» (*фирма*) – 235, 261, 263, 384
 Кронос (*миф.*) – 172, 358
 Кув Л. – 329
 Кудрявцев П.Н. – 203, 371
 Кузницкий С. – 121
 «Кузницкий и К^о» (*комиссионерская фирма*) – см. «С.Кузницкий и К^о»
 Куинджи А.И. – 295
 Кунигунда – 355, 357
 Куражу Л. – 65, 325
 Куропаткин А.Н. – 119, 154, 157, 159, 160, 342, 351
 Кюнерт М.Ф. – 170, 171, 224, 260, 269, 270, 357, 391, 394
 Кюнстле К. – 126, 346
 Кюстхардт Г. – 228, 229, 235, 263, 382, 384, 391
Л
 Лабенвольф П. – 319
 Ланговой Н.П. – 214, 377
 Ластейри де Селлан Р.-Ш., де – 65, 325
 Левкипп (*миф.*) – 392
 Лево Л. – 331
 Леда (*миф.*) – 389
 Лейард (Лэярд) О.Г. – 61, 324, 385
 Лелли Дж. (*мастерская*) – 68, 158, 169, 199, 200, 367, 423

- Лемуатюрье Ф. – 330
 Ленотр А. – 331
 Леохар – 322, 341, 386
 Леру Э. (*книгоиздательская фирма*) – 57, 78, 108, 320
 Лёшке Г. – 124, 344
 Ливия – 380
 Лисипп (Лизипп) – 55, 72, 177, 267, 295, 319, 322, 329
 Лист Г. – 25, 26, 31, 35, 37, 160, 161, 211, 220, 221, 223, 226, 254, 299, 345, 362, 372, 397
 Лихтанский – 411
 Ли Хун-джан – 311
 Лобко П.А. – 209, 214, 215, 374
 Лоран – 99, 100, 334
 Лубэ Э.Ф. – 103, 335
 Лубяникова Е.И. – 372, 401
 Луиза, герцогиня – 248
 Лукьянов С.М. – 225, 382
 Львов (*обувной магазин*) – 93
 Людовик IX Святой – 325
 Людовик XIII – 331, 332
 Людовик XIV – 322
 Людовик XVI – 196, 369
 Люжон Р. – 106, 107, 337
 Люллен А. – 111, 338
 Лютер М. – 353
- М**
- Мавзол – 386
 Макаров С.О. – 348
 Маковский В.Е. – 297
 Максимилиан I – 354
 Малх (*библ.*) – 168
 Мальпери (Мальпери) Ч. – 367
 Мануйлов А.А. – 396
 Марвиль Ж., де – 336
 Маргарита де Фуа – 330
 Мариетт О. – 390
 Марина – см. Цветаева М.И.
 Мария Александровна – см. Цветаева М.А.
 Мария Ивановна – см. Старк М.И.
 Мария Федоровна, императрица – 179, 306, 361, 387
- Марк св. – 41, 308
 Марке де Вассело Ж.-Ж. – 65, 325
 Марон – 65
 Марсель А.-К. – 86, 95, 101, 102, 332, 334
 Массаренти А. – 27, 300
 Матвеев К.С. – 14, 304
 Медуза (*миф.*) – 172, 358
 Мейн А.Д. – 20, 199, 292, 367
 Мейн С.Д. – 291, 402
 Мелеагр (*миф.*) – 392
 Мемнон (*миф.*) – 238, 386, 387
 Меркатали Дж. – 367
 Месмахер М.Е. – 398
 Меценат – 380
 Микеланджело – 12, 55, 68, 78, 122, 151, 235, 305, 319, 326, 351, 365, 385
 Миллер В.Ф. – 124, 344
 Миллер Э. – 322
 Минерва (*миф.*) – 235, 384
 Митуар Б.Ш. – 373
 Михаил Николаевич, вел. кн. – 390
 Михаэлис А. – 133, 139, 347
 Мицкевич А. – 122
 Мишель А. – 65, 325
 Модестов В.И. – 219, 360, 378
 Моисей (*библ.*) – 85, 104, 383
 Моммзен Т. – 378
 Монтрей П., де – 325
 Морани – 303
 Мордвинов Н.С. – 396
 Мормоне И.И. – 29, 35, 178, 303
 Морозов Д.И. – 179, 362
 «М.Ф.Морозова с сыновьями» (*мануфактура*) – 389
 Мосолов Н.С. – 208, 373
 «Моэт», «Моэт и Шандон» (*фирма*) – 84, 332
 Мсерианц А.З. – 121, 343
 Мускрон – 319
 «Мюр и Мерилиз» (*торговый дом*) – 37, 177, 308
 Мюррей А.С. – 238, 387
 Мясоедов Г.Г. – 297
- Н**
- Нагаткин М.С. – 362
 Нанниничини Э. – 352

Наполеон I – 93, 99, 147, 321, 334, 338
 Наполеон III – 58, 321
 Недешев П.А. – 156, 352
 Некрасов Н.А. – 112
 Некрасов П.А. – 205, 303, 311, 372
 Нелидов А.И. – 60, 64, 75, 76, 83, 88, 101,
 279, 323, 334
 Нерон – 379
 Нечаев Д.С. – 306
 Нечаева А.С. – 28, 182, 195, 231, 267, 279,
 286, 302
 Нечаева С.С. – 28, 182, 185, 195, 231, 279,
 286, 302, 394
 Нибур Б.Г. – 50, 317
 Нивинский И.И. – 393
 Николай Александрович, вел. кн. – 387
 Николай II Александрович – 24, 44, 46,
 50, 259, 271, 276, 298, 304, 314, 316, 329,
 349, 367, 368, 373, 396, 425
 Николай Дмитриевич –
 см. Остен-Сакен Н.Д.
 Николай Михайлович, вел. кн. – 208, 373
 Николай Павлович – см. Боголепов Н.П.
 Николай I Павлович – 268, 372
 Николай святой – 378
 Николай, цесаревич – 212, 376
 Ниман Г. – 392
 Нобиле П., фон – 392
 Новеллис Дж., де – 339
 Новицкий – 185
 Ноэль Ж.-Ф.-М. – 89, 333
 Ньютон Ч.Т. – 238, 385–387

О

Оболенский А.Д. – 201, 381
 Одиссей (*миф.*) – 380, 392
 Одо из Меца – 319
 Океан (*миф.*) – 358
 Олло М. – 89, 333
 Олтаржевский В.К. – 303
 Омейяды – 317
 Омольт Т. – 72, 74, 76, 89, 90, 328
 Онганья Ф. – 38, 41, 308
 Орлов-Давыдов С.В. – 201, 250, 389
 Остен-Сакен Н.Д. – 252–255, 258, 259,
 390, 391

П

Павел Александрович, вел. кн. – 213, 376
 Павел, апостол – 188, 233, 365, 366, 384
 Павел Львович – см. Лобко П.А.
 Павел V Боргезе – 361
 Павел, служитель – 408
 Перетяткович М.М. – 303
 Перикл – 80, 393
 Перро Ж. – 87, 333
 Персей (*миф.*) – 172, 358
 Персефона (*миф.*) – 302
 Петерсен Е. – 392
 Петр, апостол – 168, 384
 Петр Николаевич, вел. кн. – 11
 Петр I Великий – 57, 75, 98, 373
 Петра Дж., де – 73, 114, 329, 339
 Петрово-Соловово (*дом*) – 201
 Пизано Дж. – 48, 49, 224, 252, 316, 381
 Пизано Ник. – 49, 68, 122, 151, 183, 224,
 252, 316, 326, 350, 381
 Пий IV – 322
 Пилон Ж. – 77, 330
 Пио Э. – 65, 325
 Пиранези Дж.Б. – 220, 378
 Пифей – 386
 Пич – 170
 Плева В.К. – 141, 343, 393
 По Ф. – 330
 Победоносцев К.П. – 192, 225, 367, 381
 Подгорецкая А.Г. – 199, 370
 Покровский М.Н. – 285, 401
 Поленов В.Д. – 21, 28, 40, 268, 294–297,
 301, 304
 Поленова Н.В. – 296
 Полидевк (Поллукс) (*миф.*) – 389
 Поликет – 55, 72, 237, 319, 329, 386, 392
 Полимед Аргосский – 329
 Половцов А.В. – 238, 387
 Польш В., де (Венсан де Польш св.) – 148, 350
 Поляков А.С. – 292
 Поляков М.А. – 307
 Поттге Э. – 58, 321
 Пракситель – 177, 178, 295, 307, 321, 393
 Прахов А.В. – 312
 Прейнер Э. – 329

- Прель Г. – 358
 Преображенский С.И. – 211, 217, 376
 Прометей (*миф.*) – 172, 358
 Протопопов С.А. – 59, 201, 322
 Пузаду – 63, 66, 83, 85, 91, 97, 105, 156,
 279, 325, 336
 Пухштейн О. – 126, 346
 Пуччи К. – 158, 352
 Пушкин А.С. – 25, 112, 122
 Пьерновелли А. – 68, 197, 350, 367,
 Пьерре П. – 91, 333
 Пэрк А.А. – 194, 197–199, 211, 217, 223,
 250, 305, 367, 412–414, 417, 419–423, 425
- Р**
- Равессон-Молльен Ф. – 58, 321
 Рави Ж. – 320
 Раевская – 294
 Рамполла М. – 86, 333
 Ратгенек И.П. – 204, 221, 254, 372, 379
 Редин Е.К. – 222, 380
 Рейман Ф.П. – 22, 26, 28, 297, 404
 Реймон М. – 51, 317
 Рейф К.-Ф. – 89, 333
 Рембрандт – 47, 48, 316
 Рерберг И.И. – 37, 109, 115, 152, 160, 178,
 183, 192, 195, 204, 216, 217, 260, 273,
 278–280, 286, 303, 308, 345, 377, 391,
 404, 411, 424
 «Ридинг и К^о» – 286
 Риквин – 42, 312
 Рикко Дж., де – 122, 151, 169, 343, 350
 Рименштейндер Т. – 162, 167, 264, 353, 357
 Рихарц Й.-Г. – 54, 318
 Ришелье, кардинал – 332
 Роббиа А., дела – 50, 78, 158, 198, 316,
 317, 352, 370, 423
 Роббиа Л., дела – 183, 352
 Роббиа, дела (*семья*) – 178, 242
 Рожков Н.А. – 285, 401
 Розен Р.Р. – 155, 351
 Роман Иванович – см. Клейн Р.И.
 Романов Н.И. – 121, 142, 160, 161, 167, 194,
 195, 197, 343, 346, 348, 352, 356, 367, 414
 Росселлино А. – 50, 316
 Рот В.К. – 23, 298
- Ротермундт Я. – 42, 133, 163–165, 313
 Ротшильд – 163, 228
 Ротшильды – 73, 353
 Ротье Ф. – 332
 Рузвельт Т. – 253, 390
 Румянцев П.А. – 373
 Румянцевы, графы – 208
 Руссель Ж. – 63, 325
 Рухлов С.В. – 210, 376
 Рыбников Н.Н. – 411, 425
- С**
- Сабуров П.А. – 268, 394
 Савинов А.А. – 16
 Садон Э. – 86, 91, 92, 97, 101, 105, 151, 233,
 234, 332, 351
 Саллюстий – 322
 Салманасар II – 255
 Самарин Д.Ф. – 338
 Самарин Н.Ф. – 379
 Самарина Е.Н. – 222, 234, 235, 379
 Саргон II – 322, 324
 Сатир, архитектор – 386
 Сведомский – 296
 Святополк-Мирский П.Д. – 196, 369
 Семёнов Н.П. – 239, 387
 Семёнов (Семёнов-Тян-Шанский) П.П. –
 239, 387
 Семёнова Н.П. – 239, 387
 Серапис (*миф.*) – 390
 Сергей Александрович (см. также
 Великий Князь, Его Высочество) –
 11, 12, 25, 46, 60, 64, 68, 88, 150, 151,
 179–182, 184, 186, 192, 193, 196, 201,
 204, 205, 207, 210, 212, 224, 226, 236,
 252, 259, 271, 278, 285, 286, 287, 298,
 307, 344, 350, 362, 364, 368, 371, 372,
 376, 397, 404, 405, 411, 416, 418, 425
 Сергей Радонежский преп. – 397
 Серов В.А. – 296
 Сети I – 256, 390
 Сехет (Сохмет) (*миф.*) – 237, 386
 Сидоров А.А. – 356
 Сикст V – 389
 Синаев-Бернштейн Л.С. – 18, 19, 21, 171,
 291–294

- Синицын П.В. (*коллекция*) – 316
 Сирлин Й. Старший – 162, 264, 353
 Скопас – 386
 Скрыдлов Н.И. – 142, 348
 «С.Кузницкий и К^о» (*комиссионерская фирма*) – 31, 115, 156, 286, 402
 Слютер К. – 60, 85, 91, 104, 105, 187, 311, 330, 335, 336
 Сольяно А. – 115, 339
 Sommerar Ал., дю – 320
 Соснина Е.Б. – 371
 Софья Степановна – см. Нечаева С.С.
 Софья, царевна – 375
 Старк М.И. – 143, 349
 Старк О.В. – 349
 Степанов К.П. – 46, 47, 125, 187, 202, 224, 314, 365, 397, 404
 Степанов М.П. – 180–182, 184–186, 209, 210, 212, 362, 364, 376
 Стессель А.М. – 146, 147, 152, 153, 277, 349
 Столыпин П.А. – 313
 Струве П.Б. – 369
 Суворин А.С. – 342
 Сытин И.Д. – 361, 366
- Т**
- Танатос (*миф.*) – 386
 Танеев А.С. – 185, 186, 365
 Тексье Ш. – 322
 Теодорих – 354
 Тимофей – 386
 Тихомиров А.А. – 183, 214, 215, 345, 361, 364, 404
 Толстая С.А. – 19, 20, 292, 293
 Толстой Д.А. – 43, 91, 313, 334
 Толстой Л.Н. – 19, 20, 292, 293
 Толстые, графы – 304
 Тон К.А. – 394
 Торвальдсен Б. – 307
 Трей Г. (Е.Е.) – 30, 45, 49, 68, 170–172, 174, 183, 244, 249, 260, 270, 303, 358, 382, 384, 391, 392, 394, 395
 Треи – 174, 359
 Трепов Д.Ф. – 192, 210, 366, 376, 404, 411, 416
- Трескин Н.Н. – 121, 343
 Трубецкие, князья – 304
 Трубецкой П.Н. – 32, 196, 306, 369
 Трубецкой С.Н. – 396
 Тулаев И.Н. – 411, 425
 Тураев Б.А. – 385, 393
 Тутмос IV – 390
- У**
- Уваров А.С. – 316, 375
 Уварова П.С. – 210, 216, 222, 375, 377, 381
- Ф**
- Фабрициус Э. – 245, 388
 Фармаковский Б.В. – 300–302
 Фармаковский М.В. – 27, 28, 300–302
 Феллоуз Ч. – 385
 Фемида (*миф.*) – 358
 Феодора – 39, 250, 309
 Фидий – 55, 80, 170, 178, 237
 Филипп II Смелый – 104, 335, 336
 Филипп Добрый – 330
 Филиппов А.Ф. – 179, 361
 Фишер К.А. – 115, 116, 119, 178, 181, 259, 340
 Фишер П. Младший – 162, 353, 354
 Фишер П. Старший – 43, 133, 163, 164, 183, 313, 353, 354
 Фланден Э.-Н. – 324
 Франциск I – 322
 Франциск II – 336
 Фридендер М. – 175, 176, 360
 Фридрих Август III – 379
 Фридрих Вильгельм III – 361
 Фридрих Вильгельм IV – 317
 Фридрих III – 51, 315, 360
 Фридрих III Мудрый – 353
 Фридрих Франц III Мекленбург-Шверинский – 390
 Фролов В.А. – 38, 40, 41, 308
 Фуйуа Э., де – 311
 Фуртвенглер А. – 124, 344
 Фьорили К. – 350
- Х**
- Хаммурапи (Гаммураби) – 323
 Харкурт-Смит С. – 238, 244, 387
 Хейрократ – 386

- Хексельшнейдер Э. – 316
 Херамис – 321
 Херрманн П. – 172, 358
 Хилков М.И. – 395
 Хольцах – 144, 145, 349
 Хорнау М.Г., фон – 248, 389
 Хорст – 138, 142, 348
 Хумберт и Хейланд (*мастерская*) – 173
 Хуэрга Х., де ла – 336
- Ц**
- Цеймерн Н.М. – 35, 36, 175, 306, 307
 Цецилия, кронпринцесса – 261, 390
 Цветаев А.И. – 34, 36, 233, 254, 283, 284, 306, 371
 Цветаев В.П. – 372
 Цветаев Д.В. – 344
 Цветаев П.В. – 372
 Цветаева А.И. – 47, 54, 98, 108, 116, 144, 148, 157, 161, 189, 219, 245–248, 257, 258, 262, 269, 272, 273, 275, 292, 305, 308, 315, 341, 388, 401, 407
 Цветаева (Ручковская) А.П. – 401
 Цветаева В.Д. – 371
 Цветаева В.И. – 34, 92, 219, 283, 284, 306, 334, 357, 371, 378, 401
 Цветаева М.А. – 47, 53, 57, 67, 72, 74–78, 81, 82, 93, 94, 100, 103, 114, 116, 144, 148, 157, 161, 162, 164, 166, 167, 169, 174, 190–192, 219, 224, 237, 245–247, 257, 258, 262, 263, 267, 269–273, 275, 277, 315, 318, 359, 378, 407, 408, 410, 414–416, 419, 422
 Цветаева М.И. – 47, 54, 98, 108, 116, 144, 148, 157, 161, 189, 219, 245–248, 257, 258, 262, 269, 272, 273, 275, 292, 315, 341, 371, 382, 388, 407
 Цицерон – 122
- Ч**
- Челлини Б. – 55, 319
 Черник И.Д. – 425
 Чоголов М.И. – 371
- Ш**
- Шабо Ф., де – 330
 Шамаш (*миф.*) – 323
 Шапсаль Ш.-П. – 89, 333
- Шауман Ф.В. – 342
 Шауман Э.Ф. – 342
 Шаховской – 275, 396
 Шварц – 170
 Шварц А.Н. – 316
 Шехтель Ф.О. – 52, 176, 208, 209, 317, 374
 Шёне Р. – 175, 359
 Шиллинг К.Ф. – 142, 145, 146, 156, 348
 Шинкель К. – 315
 Шипье Ш. – 333
 Шлиман Г. – 262, 358, 391
 Шназе К. – 132, 347
 Шнейдер Р., фон – 264, 392
 Штакельберг Г.К. – 157, 159, 277, 352
 Штосс (Стосс) Фейт (Вейт) – 133, 163, 164, 265
 Шувалов Г.А. – 360
 Шульц – 271
 Шульц И.Ю. – 270, 395
- Щ**
- Щербатов Н.С. – 209, 211, 374, 375
- Э**
- Эвридика (*миф.*) – 386
 Эдуардс Б.В. – 26, 299
 Эзе Л. – 90, 333
 Эджин (Т.Брюс) – 388
 Эней (*миф.*) – 307
 Эос (*миф.*) – 386, 387
 Эрвин из Штейнбаха – 135, 348
 Эрлангер А.М. – 270, 271, 394, 395
 Эрман И.П.А. – 256, 390
 Эрон де Вильфосс А.-М.-А. – 90, 91, 333
- Ю**
- Юлий II – 235, 385
 Юлий Цезарь – 307
 Юстиниан – 249, 250, 309
 Юсупов Ф.Ф. старший – 120, 343
 Юхневич М.К. – 340
- Я**
- Якобсен К. – 163, 353

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтиспие и с. 288:

Фрагменты мраморного фриза в наружной колоннаде Музея изящных искусств, созданного по мотивам фриза Парфенона. 1902 – 1905 гг.
Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.

1. И.В.Цветаев. 1905 – 1909 гг. ОР ГМИИ.
2. Часть панорамы Москвы, отснятой с крыши Музея изящных искусств. Фото К.А.Фишера. 1904 г. Вид на Румянцевский музей и Кремль. Москва, ГНИМА им. А.В.Щусева.
3. Часть панорамы Москвы, отснятой с крыши Музея изящных искусств. Фото К.А.Фишера. 1904 г. Вид на Кремль и Замоскворечье. Москва, ГНИМА им. А.В.Щусева.
4. Часть панорамы Москвы, отснятой с крыши Музея изящных искусств. Фото К.А.Фишера. 1904 г. Вид на церковь Похвалы Богородицы в Башмакове и строящийся памятник Александру III. Москва, ГНИМА им. А.В.Щусева.
5. В.А.Александров. Основной подрядчик Музея по кирпичным работам. Начало 1900-х гг. Фото К.А.Фишера. Из семейного архива.
6. И.В.Дмитриев, письмоводитель Комитета по устройству Музея в 1903 – 1910 гг. Фрагмент групповой фотографии 1907 г. ОР ГМИИ.
7. К.Ф.Иезбера, письмоводитель Комитета по устройству Музея в 1898 – 1903 гг. Фрагмент групповой фотографии 1904 – 1905 гг. Фото из семейного архива.
8. Л.Н.Бенуа. Проект церкви Св. Георгия Победоносца при Гусевских фабриках Ю.С.Нечаева-Мальцова. Главный фасад. 1892 г. Иллюстрация из журнала «Зодчий». 1892.
9. Собор Парижской Богоматери. Западный фасад.
10. Собор Парижской Богоматери. Северный портал со статуей Богоматери. Камень. Около 1250 г.
11. Парфенон. Картина В.Д.Поленова. Холст, масло. 1911. Москва, ГМИИ им. А.С.Пушкина.
12. История искусств. Панно П.Делароша. Фрагменты: левая и правая части. Холст, масло. 1837 – 1841 гг. Париж, Школа изящных искусств.
13. Стекланный дворик парижской Школы изящных искусств. Фото 2000-х гг.
14. Тот же дворик в начале XX в.
15. Микеланджело. Вечер. Фигура с гробницы Лоренцо Медичи. Мрамор. 1520 – 1534 гг. Флоренция, церковь Сан Лоренцо, капелла Медичи.
16. Капитель из дворца Артаксеркса II в Сузах. Фрагмент. Мрамор. V – IV вв. до н.э. Париж, Лувр.
17. Стела Хаммурапи. Базальт. 1792 – 1750 гг. до н.э. Париж, Лувр.
18. Артемида из Габий. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. Париж, Лувр.
19. Афродита из Арля. Мрамор. Римская копия I в. до н.э. с греческого оригинала IV в. до н.э. Париж, Лувр.
20. Филлипп Лемуатюрье. Гробница Филиппа По. Камень, раскраска. Около 1480 г. Париж, Лувр.

21. Микеланджело. Умиравший раб. Мрамор. 1513 – 1516 гг. Париж, Лувр.
22. Дворцовая церковь Карла Великого. Ахен, собор.
23. Двери южного портала Аугсбургского собора. Бронза. Не позже 1065 г.
24. Грехопадение. Рельеф левой створки Гильдесгеймских дверей. Бронза. 1015 г.
25. Двери южного портала Гильдесгеймского собора. Бронза. 1015 г. Верхняя часть правой створки.
26. Гильдесгеймская колонна. Фрагмент. Бронза. Около 1015 – 1022 гг. Гильдесгейм, собор.
27. Крестильная купель. Бронза. Около 1240 – 1250 гг. Гильдесгейм, собор.
28. Канделябры епископа Бернварда. Бронза. 993 – 1022 гг. Гильдесгейм, церковь Св. Магдалины.
29. Распятие. Дерево, раскраска. Около 1240 г. Вексельбург, монастырская церковь.
30. «Золотые врата» Фрейбергского собора. Камень. Около 1235 – 1240 гг.
31. Шартрский собор. Западный фасад.
32. Статуи предков Христа на откосе правых врат Королевского портала. Камень. 1150-е гг. Шартр, собор.
33. Предок Христа. (Ветхозаветная царица?). Фрагмент. Камень. 1150-е гг. Шартр, собор.
34. Св. Феодор. Фрагмент. Камень. 1230 – 1235 гг. Шартр, собор.
35. Св. Модеста. Фрагмент. Камень. 1220 – 1230 гг. Шартр, собор.
36. Северный портал Шартрского собора. Справа – статуя св. Модесты.
37. Благословляющий Христос. Камень. Между 1224 – 1235 гг. Амьен, собор.
38. «Золотая Богоматерь». Камень. Между 1236 – 1269 гг. Амьен, собор.
39. Реймский собор. Западный фасад.
40. Фигуры св. Иосифа, Богоматери с Младенцем и Симеона из сцены «Сретение». Камень. 1240-е гг. Реймс, собор.
41. Богоматерь из сцены «Встреча Марии и Елизаветы». Фрагмент. Камень. Около 1220 г. Реймс, собор.
42. Служанка из сцены «Сретение». Фрагмент. Камень. 1240-е гг. Реймс, собор.
43. Вид Страсбургского собора с запада. Фото 1900-х гг.
44. Успение Богоматери. Песчаник. Около 1230 г. Страсбург, собор, левый тимпан южного портала.
45. Аллегория Церкви. Песчаник. 1230-е гг. Страсбург, собор, южный портал.
46. Аллегория Синагоги. Песчаник. 1230-е гг. Страсбург, собор, южный портал.
47. Статуи Искусителя и Неразумных дев на откосе правого портала западного фасада. Песчаник. XIII в. Страсбург, собор.
48. Вид Бамбергского собора с северо-восточной стороны. Фото 1900-х гг.
49. Пророки (Иона и Осия?). Камень. Около 1230 г. Бамберг, собор.
50. «Бамбергский всадник». Камень. 1230 – 1237 гг. Бамберг, собор.
51. Генрих II. Фрагмент. Камень. Вторая четверть XIII в. Бамберг, Епархиальный музей.
52. «Сивилла». Камень. До 1237 г. Бамберг, собор.
53. Адам и Ева. Камень. Около 1230 г. Бамберг, Епархиальный музей.
54. Ева. Фрагмент. Бамберг, Епархиальный музей.
55. Собор во Фрейбурге-в-Брейсгау. Фото 1900-х гг.
56. Аллегии Свободных искусств. Камень, раскраска. Середина XIII – первая половина XIV в. Фрейбург-в-Брейсгау, собор.

57. Тайная вечеря. Рельеф леттнера. Камень, остатки раскраски. Около 1250 г. Наумбург, собор.
58. Маркграф Эккехард и его жена Ута. Камень, остатки раскраски. Около 1250 г. Наумбург, собор.
59. Берта (Гепа). Камень, остатки раскраски. Около 1250 г. Наумбург, собор.
60. Гербурга. Камень, остатки раскраски. Около 1250 г. Наумбург, собор.
61. Герман и его жена Реглинда. Камень, остатки раскраски. Около 1250 г. Наумбург, собор.
62. Наумбургский собор. Статуи правой части западного хора. Около 1250 г.
63. Клаус Слютер и Клаус де Верве. Плакальщики с гробницы Филиппа Смелого. Алебастр. 1404 – 1411 гг. Дижон, Художественный музей.
64. Клаус Слютер и Клаус де Верве. Колодец пророков. Камень. Около 1395 – 1406 гг. Дижон, бывший монастырь Шанмоль.
65. Адам Крафт. Плат св. Вероники (из серии «Остановки на крестном пути»). Песчаник. 1505 – 1508 гг. Собственность г. Нюрнберга. На хранении в нюрнбергском Германском национальном музее.
66. Фейт Штосс. Взятие Христа под стражу. Камень. 1499 г. Нюрнберг, церковь Св. Зебальда.
67. Петер Фишер Старший. Автопортрет. Фрагмент раки св. Зебальда. Бронза. 1508 – 1519 гг. Нюрнберг, церковь Св. Зебальда.
68. Мастер «Нюрнбергской Мадонны». Оплакивание. Дерево. 1512 г. Нюрнберг, церковь Св. Якоба.
69. Мастер «Нюрнбергской Мадонны». Нюрнбергская Мадонна. Дерево, раскраска. Около 1515 г. Собственность г. Нюрнберга. На хранении в нюрнбергском Германском национальном музее.
70. Царь и божество. Рельеф из дворца Ашшурнасирпала II в Нимруде. Алебастр. IX в. до н.э. Лондон, Британский музей.
71. Осада крепости и беглецы, переплывающие реку на мехах, наполненных воздухом. Рельеф из дворца Ашшурнасирпала II в Нимруде. Алебастр. IX в. до н.э. Лондон, Британский музей.
72. Орнаментальная плита из дворца Ашшурбанапала в Куянджике. Алебастр. VII в. до н.э. Лондон, Британский музей.
73. Царь, пирующий в саду. Рельеф из дворца Ашшурбанапала в Куянджике. Фрагмент. Алебастр. VII в. до н.э. Лондон, Британский музей.
74. Кариатида Эрехтейона. Мрамор. 421 – 406 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
75. Диадумен из Везона. Римская копия с оригинала Поликлета второй половины V в. до н.э. Лондон, Британский музей.
76. Плита фриза храма Аполлона в Бассах. Мрамор. 430 – 420 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
77. Плита фриза храма Аполлона в Бассах. Мрамор. 430 – 420 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
78. Статуи памятника Нереид из Ксанфа в экспозиции Британского музея. Фото 1872 г.
79. Нереида. Статуя памятника Нереид из Ксанфа. Мрамор. Конец V в. до н.э. Лондон, Британский музей.
80. Гробница Паявы в экспозиции Британского музея. Мрамор. Около 375 – 360 гг. до н.э. Фото 1872 г.

81. Памятник с гарпиями. Мрамор. Около 480 – 470 гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
82. База колонны из храма Артемиды Эфесской. Мрамор. 350-е гг. до н.э. Лондон, Британский музей.
83. Битва греков с амазонками. Плита фриза Галикарнасского мавзолея. Мрамор. Вторая половина IV в. до н.э. Лондон, Британский музей.
84. Битва греков с амазонками. Плиты фриза Галикарнасского мавзолея. Мрамор. Вторая половина IV в. до н.э. Лондон, Британский музей.
85. Музей имени императора Фридриха в Берлине (ныне Музей Боде). С открытки 1910-х гг.
86. Зал Пергамского алтаря в Пергамском музее, Берлин. Фото 1900-х гг.
87. Изображение Зевса на фризе Пергамского алтаря. Мрамор. Около 180 г. до н.э. Берлин, Пергамский музей.
88. Изображение Гекаты на фризе Пергамского алтаря. Мрамор. Около 180 г. до н.э. Берлин, Пергамский музей.
89. Изображение Артемиды на фризе Пергамского алтаря. Мрамор. Около 180 г. до н.э. Берлин, Пергамский музей.
90. Патера с изображением Афины из Гильдесгеймского клада. Серебро, позолота. I в. Берлин, Старый музей.
91. Кратер из Гильдесгеймского клада. Серебро. I в. Берлин, Старый музей.
92. Парис. Мрамор. Римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э. Рим, Музеи Ватикана.
93. Интерьер усыпальницы великого князя Сергея Александровича в Чудовом монастыре в Кремле. Фото около 1908 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
94. План расположения усыпальницы великого князя Сергея Александровича. Чертеж В.П.Загорского. 1908 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
95. Санаторий в Санкт-Блазиене, Шварцвальд. Открытка. На обороте начало письма И.В.Цветаева к дочери Валерии от 7/20 июля 1905 г. ОР ГМИИ. Публикуется впервые.
96. И.В.Цветаев с дочерью Мариной. Санкт-Блазиен, Шварцвальд. 1905 г. Москва, РГАДА.
- 97, 98. И.В.Цветаев у колонн центрального ризалита Музея изящных искусств. Установка колонн. Весна 1905 г. ОР ГМИИ.
99. Греческий дворик Музея. Земляные работы по углублению пола для установки слепка угла Парфенона. Конец 1905 г. ОР ГМИИ.
100. Христианский дворик Музея. 1905 г. ОР ГМИИ.
101. Левая плита фриза наружной колоннады Музея. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.
102. Подпись Л.Армбрустера и дата «1905» на фризе наружной колоннады. Фото А.Ф.Кудрявицкого. 2006 г.
103. Центральная лестница: начало облицовки боковых стен. Ноябрь 1905 г. ОР ГМИИ.
104. Настилка гранитных полов и установка иллюминаторов на внешней колоннаде Музея. Вторая половина 1905 г. ОР ГМИИ.
105. Боковой фасад Музея. Антипьевский (Колымажный) пер. Лето 1905 г. ОР ГМИИ.
106. Боковой фасад Музея. Малый Знаменский пер. Лето 1905 г. ОР ГМИИ.
107. Установка колонн и примерка надписей на главном фасаде. Май 1905 г. ОР ГМИИ.

SUMMARY

The present volume continues the publication of the correspondence of the founder of the Museum of Fine Arts, attached to Moscow University, professor Ivan Vladimirovich Tsvetaev (1847–1913) and the deputy of the august chairman of the museum's organizing Committee and the main donor for its construction and completing, industrialist and courtier Yuri Stepanovich Nechaev-Maltsov (1834–1913). The volume includes the letters dated 1904–1905. This period is related in Russian history to the events of Russian-Japanese war and the first Russian Revolution, and for the Museum it was the beginning of severe troubles.

The aggressiveness, spread among the working milieu under the influence of revolutionary propaganda, also touched Russian workers at the construction of the Museum. In February 1904 one of dismissed «for bad behavior» marbleworkers in revenge has spoiled marble capital of a semicolumn of a lateral facade just established into place. These capitals were produced as exact copies of capitals of Eretheion and have been decorated by a thin ornament. To replace the spoiled, it was necessary to extract the marble block of the corresponding sizes in Ural Mountains and to begin the work anew. Besides, it was required to disassemble overlying eaves.

At the end of 1904 and the beginning of 1905 the most tragic events for the Museum took place.

In the night from 19 for December, 20th, 1904 in one of ground floor halls, where boxes with molds were stored, there was a fire, which has destroyed a considerable part of collected from the beginning of 1890s. As this premise was inaccessible to strangers, as most plausible reason of misfortune assumed an arson (unfortunately, definitive conclusions of the investigation aren't known to us).

The loss, caused to art collections, has been estimated in 40 thousand roubles, the damage, put to a building, has made 16 700 roubles (see the appendix II in the present volume for more details). If in November 1904 in accounting speech Tsvetaev stated hope of museum opening in 1907, after a fire these terms were removed for uncertain time.

On February 4, 1905 in the territory of the Kremlin by the terrorist the Chairman of Committee on the Museum establishment, Grand Duke Sergei Alexandrovich, have been killed, whose active participation and interest in creation of the Museum had substantially defined the public resonance of Tsvetaev's undertaking. Henceforth all affairs of committee up to museum opening should be conducted to its assistant, Nechaev-Maltsov. The new Chairman of Committee, Grand Duke Peter Nikolaevich, will appear only in the end of December 1913 when Tsvetaev and Nechaev-Maltsov any more weren't in live.

Fragility of a political situation in Russia has responded also on the contracts made abroad. In June 1905 Tsvetaev, having arrived to Freiburg, has found, that the execution of the order made one year ago, is suspended, as at contractors, because of unsuccessful

war for Russia and the begun revolution, there was a doubt in solvency of the customer. Molds from sculptures of the Freiburg cathedral as which Tsvetaev considered very desirable in an exposition of a hall of the Middle Ages, haven't been made for the Museum.

The material maintenance of the Museum depending in basic from the donations and never been stable, in 1904 has fallen into decay. The expense on building erection has exceeded by the end of 1904 1 million 54 thousand rbl., without considering expenses on acquisition of monuments of art and books, and all means, collected before, have been settled. Time for creation of museums was adverse – strikes ruined businessmen and it was impossible to find new donators for educational establishments. For the first time there was a question on the further destiny of a Museum under construction. Nechaev-Maltsov has rescued the situation, he was not disposed to slow down construction works which should be paid now exclusively from his personal capitals. At his desire in reports of Committee the receipt of these means was specified with the formulation «from the person, wished to remain unknown».

At the Russian universities the wave of student's disorders, which have led to timely closing of universities, extended. On January 12, 1905, the Moscow University couldn't celebrate the 150-year-old anniversary. The part of teachers of educational institutions has appeared on the party striking. In the letters of Tsvetaev active propagandists of revolutionary ideas from among recent graduates of historical and philological faculty of the Moscow university are mentioned, possibly even his former listeners.

How much close even without suspecting that, the heroes of published correspondence and those who worked on destruction of an existing public order adjoined in real life, the following testifies. Nechaev-Maltsov, apparently from the correspondence, during the arrivals to Moscow lived in the respectable hotel «Slavjansky bazar» («Slavic market») on Nikolsky street, near to the Kremlin. Some days before his next arrival, 2–4th on February, 1905, in the same hotel the woman terrorist, member of the party of socialists-revolutionaries, prepared bombs for planned attempt at Grand Duke Sergei Alexandrovich.

The strikes which were passing in the country, in the autumn of 1905 have grasped as well, the workers occupied the building of the Museum.

Contrary to all adverse tendencies of that time for creation of art establishment, the Museum continued to be under construction, and exhibits arrived to Moscow. The building was visited: on May 20, 1904 by the minister of national education V.G.Glazov, on July 14, the same year by Grand Duke Sergei Alexandrovich, in the end of September, 1905 the Museum was visited by his widow, Grand Duchess Elizabeth Fedorovna.

For selection of exhibits Tsvetaev during three business trips in 1904–1905 has visited museums, cathedrals and mold workshops in 27 cities and among them: Berlin, Aachen, Paris, Amiens, Chartres, Bourges, Dijon, Rheims, Strasbourg, Stuttgart, Nuremberg, Bamberg, Naumburg, Munich, Dresden, Leipzig, Hildesheim,

Freiberg, Cologne, Freiburg, London, Basel, Lausanne, Geneva, Vienna, Ulm, Augsburg.

If since 1890s the Museum collection was replenished with molds from an antique sculpture, in 1904–1905 the basic quantity of new receipts was made by monuments of an epoch of the Italian Renaissance, the molds of which have been ordered by Tsvetaev in 1902–1903. At this particular time basically the structure of an exposition of two halls from which one has been devoted to the art of 15th, and another – of 16th centuries, mainly – to creativity Michelangelo has been generated. Works of the Italian masters of the previous period, intending for a hall of the Middle Ages, also have been presented in receipts of 1904.

Overall objective of business trips of Tsvetaev during 1904–1905 was studying on a place and selection for copying of monuments of the Romance and Gothic periods in the countries of Northern Europe.

The section of an exposition devoted to the European Middle Ages planned still in 1896 (see the conditions of architectural competition in the Appendix to v.1), now has been added by monuments of ancient Christian arts of 5th–6th centuries from Ravenna and covered the period about thousand years. It gave esthetic impressions, absolutely new to the Russian spectators. The ancient art was in general known to a cultural part of the future visitors of the Museum as it, perhaps in the most short form, was included into the curriculums of grammar schools and was studied in higher educational institutions at humanitarian faculties, art advantages of medieval art also at the beginning of the 20th century were clear in Russia not to everybody. The formation of this part of a museum collection got therefore especially important educational value.

Getting acquainted with the art of the North European countries, Tsvetaev from the Middle Ages has passed to monuments of 15th–16th centuries, which can be carried to art of Northern Renaissance. Further it has been decided to place this section, absolutely new in the program of the Museum exposition, in a hall adjoining the Christian Courtyard where earlier it was intended to arrange the Antiquarium.

The acquisition of the section of ancient Forward Asia, to which one hall in an exposition of the Moscow Museum was intended, was another problem. Products for this hall stole up in the British museum – bas-reliefs of a palace of king Ashurnasirpal II (9th century BC), in Louvre – winged bulls, Hammurabi stele.

On antique section Tsvetaev in 1904–1905 has ordered only separate monuments necessary for completeness of a collection, among them from the British museum for the period of high classics – sculptures from Apollo's temple in Phigalia, and also the products of the Greek sculptors created in the territory of Asia Minor in 5th – 4th centuries BC: lycian sculptures, the main sculptures of the mausoleum of Galikarnassus and an architectural fragment of a temple in Ephesus – the base of a column decorated with relief images.

Reception of an expensive mold from a southeast corner of Parthenon from the Parisian School of fine arts was a subject of especial care of Tsvetaev.

The mold represented the scientific reconstruction of a part of Parthenon in its real scale with restoration of the destroyed parts of a monument. It was important for Tsvetaev for two reasons: first, it gave a representation about the true proportions of this world famous construction. Secondly, the museum on the educational appointment should acquaint the spectator with the basic architectural warrants, and it was more convenient to present them on the most known, classical samples. The Ionic warrant was shown in architecture of the Museum: at designing of an external colonnade of the Museum for the sample where are taken in the increased scale the proportions of columns of east portico of Eretheion, drawing of capitals as it was specified above, in accuracy repeated an ancient monument. Corinthian warrant has been presented by a mold of a monument of Lysicrates. The corner of Parthenon was considered as the best example of the Doric warrant.

Such a large mold has demanded deepening of a floor of the Greek Courtyard to ground floor level, in this connection the hall original project has undergone basic processing. The court yard has received the three-level survey terraces connected by ladders. Such decision, having increased the general cubic capacity of a hall, has given to its shape an originality and has allowed to avoid impression of narrowness of space at installation in it of molds of large architectural fragments.

While Tsvetaev made orders, trying to imagine placing of this or that subject in the future exposition of the Museum, from Moscow came disturbing messages. I.V.Dmitriev, a clerk in the Rumjantsevsky museum, simultaneously conducting office-work of Committee on the establishing the Museum of fine arts, accurately informed Tsvetaev about all the details of museum life. On July 4, 1905, he wrote: «The people from us in Moscow is strongly taken on war. A companion who only wanted to move to me on a summer residence, at night before the departure to me was taken on active duty. My clerk [Matveev – Comp.] which copied your letters in the book, also is taken on war three days ago. Everywhere there is a crying. Crowds of reserve soldiers which are sent in different cities move all night long. In the Rumjantsevsky museum about 15 persons are taken. Their families and the wives are left in the apartments [state apartments of a museum – Publ.]. Crying is heard at night. All stations, when it becomes dark, are overflowed with going reserve militaries, and there is everywhere an horrible cry».

On July 28, 1905, Dmitriev informed on placing of boxes with the plasters arriving in the Museum from abroad: «I yet didn't begin to replace the boxes, first, because the pantry is yet not ready, and secondly, I wait for the moment when the people will be more silent. To take any passers-by I now I am afraid, for at each of them knives are behind a top and are malicious before that the slightest word which they dislike – and a knife in a stomach. Bad time, very bad. Something will tell to us the session in America concerning peace [it is a question of conclusion of peace with Japan – Publ.]. But in advance it is felt that if the peace will be made on bad soil for Russia, slaughterer will go, and if won't conclude the peace, too it will be not easier».

By the end of 1905 the Museum building has been erected, walls are revetted by marble, and in a back part are plastered; windows are glazed. The museum at last has received the main facade with its marble colonnades and two sculptural friezes. In halls the considerable volume of painting and decorating was coming still. In parallel the building was filled with exhibits, while stored in boxes. In April 1904 from a close premise in the University building the collection of antique vases and library of the Office of fine arts have been transferred and placed in the so-called apartment of the keeper which are in back, intending for residing of the personnel of a part of the Museum. Here the possibility of carrying out of the studies with students on Office materials has been provided – in university reports since 1904 it was specified that the Office has been opened Daily from 10 o'clock in the morning to 4 o'clock in the afternoon also that it is located in a new building of the Museum. Thus the Museum, even long before opening has started to carry out the functions of scientifically-educational establishment.

И.В.ЦВЕТАЕВ – Ю.С.НЕЧАЕВ-МАЛЬЦОВ

ПЕРЕПИСКА

1897 – 1912

ТОМ 3

1904 – 1905

Редактор Л.А.Пичхадзе

Дизайн и верстка Л.В.ДЕНИСЕНКО, Р.В.ЧЕРНИЕВСКИЙ

Корректор Т.А.ГОРЯЧЕВА

Подписано в печать 25.10.2010. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Kis. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Издательство КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

127422, Москва, Дмитровский проезд, д. 8/1.

